

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2025

ТРУДЫ
XXII ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

23 - 24 января 2025

Санкт-Петербург, 2025

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ “ЛЭТИ”
им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИНФОРМАЦИЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВО**

ИКО-2025

**ТРУДЫ
XXII ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

23 – 24 января 2025 г.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2025**

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2025): Труды XXII Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 23 – 24 января 2025 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2025. – 527 с.

ISBN 978-5-7629-3439-8

Научная конференция ИКО–2025 представляет собой 22-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания (философии, социологии, политологии, истории, лингвистики, теории коммуникации и др.), обсуждаются философия в цифровую эпоху; социологические и социально-политические исследования в цифровую эпоху; цифровое настоящее университета: социальные ресурсы и риски, парламентаризм в России: прошлое и настоящее; лингвистические исследования в цифровую эпоху; а также уделяется внимание трансформации стратегий профессиональных коммуникаций в цифровом обществе.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. **Иванов Андрей Федорович** (Главный редактор); к. т. н., доц. **Гигаури Нина Константиновна** (зам. Главного редактора); к. филос. н., доц. **Пирайнен Евгения Викторовна** (ответственный секретарь); к. т. н., доц. **Гаркуша Владимир Николаевич**; д. и. н., проф. **Калашников Владимир Валерьянович**; к. полит. н., доц. **Строгеевская Елена Витальевна**; д. филол. н., доц. **Шумков Андрей Арнольдович**

ISBN 978-5-7629-3439-8

© Авторы публикаций, 2025

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XXII-я Всероссийская научная конференция с международным участием «Информация–Коммуникация–Общество» проходит в условиях разновекторных и разнокачественных треков глобальных трансформаций. Человеческая цивилизация находится в точке бифуркации, детерминированной сложнейшим комплексом противоречий (человек – постчеловек, естественный интеллект – искусственный интеллект, реальное – виртуальное, глобализация – регионализация, онлайн – оффлайн, цифровое – аналоговое и многие другие). В таком крайне неустойчивом мире, рождающемся в ходе перманентной технологической революции, определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии. Сможет социум и человек (возможно, новый человек) найти трек выхода из цивилизационного кризиса? Обсудим.

В современных противоречивых реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных, социокультурных, ценностных, политических, технологических и других ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека, общества, цивилизации.

Мы гордимся тем, что вот уже 22 года научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» является профессиональной площадкой для осуществления междисциплинарного полифонического диалога исследователей, работающих в различных областях социогуманитарного знания.

Пожелаем же друг другу мира, успехов, счастья и благополучия, новых идей, эффективных социальных практик, сохранения старых связей и приобретения новых друзей и партнеров.

ОРГКОМИТЕТ ИКО–2025

УДК 378; 159.9

М. Ю. Абабкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: miuababkova@etu.ru)

АЙТРЕКИНГ В PR-ОБРАЗОВАНИИ: РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современной гибридной медиасистеме специалисты в области PR должны обладать не только традиционными компетенциями, но и мультимедийными и исследовательскими навыками для работы с текстом, фото, аудио и видео на различных платформах, дизайном медиапродуктов. По мере развития технологий и изменения предпочтений в области медиапотребления необходимые исследовательские навыки специалистов по коммуникациям постоянно расширяются. Новые нейробиологические методы, такие как айтрекинг, позволяют изучать особенности восприятия коммуникационных сообщений целевыми группами.

Профессиологический подход, нейрокоммуникации, медиакоммуникации, айтрекинг, целевая аудитория, медиатекст, паттерны восприятия информации

Подготовка современных PR-специалистов в рамках профессиологического подхода [1, С. 12], основанного на идеях контекстного и компетентностного подходов, строится на расширении уже имеющегося содержания профессии (принцип дополнения) в постоянно совершенствующихся условиях практической деятельности (принцип трансформации) и обновляющемся содержании образования на основе инновационных стратегий подготовки PR-специалистов [2, С. 111–118].

В современной гибридной медиа-системе коммуникационные профессии связаны с конвергенцией медиа, что приводит к стиранию границ между журналистикой, PR и маркетингом [3]. Классические навыки в области PR, включающие работу с прессой, проведение PR-кампаний и мероприятий, создание контента, по мнению специалистов, расширяются исследовательскими навыками на основе новых технологий [4]. Некоторые исследователи заявляют о появлении термина «нейрокоммуникация» – использование нейробиологических методов для оценки восприятия людьми коммуникативных стимулов с точки зрения их привлекательности [5].

Появление новых методов исследования в PR-коммуникациях связано с необходимостью изучения сообщения как особой системы взаимодействующих вербальных и невербальных компонентов [6]. Окулография (айтрекинг или отслеживание взгляда) традиционно используется для понимания маркетологами и рекламистами структуры рекламных материалов и адаптации их мультимодальных элементов в соответствии с законами восприятия [7], одна-

ко и в коммуникационных исследованиях данный метод помогает выявлять области наибольшего интереса в коммуникационных сообщениях и обрабатывать индивидуальный контент [8].

Инструментарий нейромаркетинга в основном развивается в исследовательских компаниях, а не в академических кругах [9], хотя его потенциал способен стать технологической инновацией в рамках учебной программы, повышающей конкурентоспособность вуза на рынке, а также побудить студентов к высокотехнологичной исследовательской деятельности в области PR [10].

Рассмотрим основные возможности использования методики айтрекинга в подготовке PR-специалистов.

1. Окулография как исследовательская и обучающая методика в образовательном процессе позволяет организовывать печатный и электронный учебный материал в соответствии с особенностями восприятия, распределения внимания и когнитивными стратегиями обучающихся [11], изучать особенности взаимодействия на онлайн и офлайн-занятиях [12], а также развивать исследовательские навыки будущих специалистов [4; 13].

2. Изучение особенностей взаимодействия целевых аудиторий с интернет-ресурсами. Данные о движении глаз содержат закономерности распределения визуального внимания и позволяет исследовать паттерны восприятия информации и корректировать структуру контента, улучшать веб-форматирование [14; 15]; оценивать имплицитное понимание многомерного PR-сообщения и т. д. (16; 17). Следует отметить, что цифровизация PR-деятельности активизирует новые стратегии чтения у целевых аудиторий [18], при которых задействуются дополнительные когнитивные процессы, поэтому проектирование цифровой коммуникации должно учитывать особенности восприятия информации с экрана для эффективного распределения внимания целевой аудитории.

3. Разработка и адаптация PR-компаний для различных типов аудитории. Сопровождение PR-деятельности включает в себя оценку и разработку PR-материалов, оценку сообщений, символики и др. При проектировании PR-компаний для различных групп общественности следует учитывать, что согласно исследованиями аудитория старшего возраста характеризуется суженным объемом зрительного внимания и большим количеством ошибок при воспроизведении и узнавании стимулов, чем более молодая аудитория [19], следовательно, метод айтрекинга для предварительного изучения PR-материалов позволит адаптировать сообщение и снизить ошибки при его восприятии.

4. Инфлюенс-маркетинг. Маркетинг влияния приобретает важное значение в качестве PR-стратегии в социальных сетях, однако пользователи не всегда могут идентифицировать каждую третью спонсируемую публикацию. В соответствии с моделью CARE (Covert Advertising Recognition and Effect, модель скрытого распознавания рекламы и воздействия) формирование убежде-

ния у пользователя зависит от нисходящих и контекстно-зависимых факторов, в частности: раскрытия информации (сверху вниз), присутствия бренда (снизу вверх) и типа влиятельного лица (снизу вверх), однако и есть и другие признаки, связанные с контентом (теги бренда на картинке и тип влиятельного лица), которые также привлекают визуальное внимание и усиливают восприятие того, что публикация спонсируется [20].

5. *Совершенствование межличностного общения в PR-коммуникациях.* Известно, что 80% общения является невербальным, поэтому отслеживание движения глаз помогает получить данные об особенностях организации взаимодействия в рамках мероприятий, выступлений, переговоров.

Технология айтрекинга позволяет исследовать процессы восприятия и обработки коммуникационных сообщений, межличностного взаимодействия, адаптации коммуникационных сообщения для различных возрастных групп, интегрировать высокотехнологичные исследовательские методы в PR-образование, совершенствовать процесс обучения на основе данных об основных когнитивных процессах при обработке информации во время офлайн и онлайн-обучения, закономерностях восприятия визуальных изображений и текста, таким образом повышая вовлеченность студентов и формируя новое поколение исследователей.

Источники:

1. Балакирева Э. В., Радионова Н. Ф. Профессиологический подход к педагогическому образованию. Монография. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

2. Семенова Л. М. Методологические основы формирования профессиональной культуры будущих специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. №11. С. 111–118.

3. Bernhard J., Russmann U. Blurring Boundaries: A Longitudinal Analysis of Skills Required in Journalism, PR, and Marketing Job Ads // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2024. No. 101(3), P. 612–636. DOI: 10.1177/10776990231181544.

4. Bernhard J., Russmann U. Digitalization in public relations –Changing competences: A longitudinal analysis of skills required in PR job ads // *Public Relations Review*. 2023. No. 49(1), 102283. DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102283.

5. Пятин В. Ф., Маслова О. А., Романчук Н. П. Природа, социум и Homo sapiens: новая нейросоциология и нейрокоммуникации // *Бюллетень науки и практики*. 2021. Т. 7. №7. С. 106–127. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/68/16>.

6. Дедюрина Е. Ю. (2021). Социальная реклама как пример креолизованного текста // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 12 (854), С. 33–41. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_33.

7. Novák J., Masner J., Benda P., Simek P., Merunka V. Eye Tracking, Usability, and User Experience: A Systematic Review // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2023. No.40(4). P. 1–17. DOI: 10.1080/10447318.2023.2221600.

8. Cummins R. G. Eye Tracking. In: Matthes J., Davis C.S., Potter R.F (eds) *The International Encyclopedia of Communication Research Methods*. John Wiley & Sons, Inc. 2018. DOI: 10.1002/9781118901731.iecrm0099.

9. Абабкова М. Ю., Розова Н. К. Инновационные методы исследования в образовательном маркетинге и психологии образования // *Управленческий учет*. 2021. № 4(1). С. 5–12.

10. Burch M., Kurzhals K. Teaching Eye Tracking: Challenges and Perspectives // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2024. No. 8. P. 1–17. DOI: 10.1145/3655611.

11. Ackerman R., Lauterman T. Taking reading comprehension exams on screen or on paper? A metacognitive analysis of learning texts under time pressure // *Computers in Human Behavior*. 2012. No.28(5). P. 1816–1828. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.023.

12. Shi L., Stickler U. Eyetracking a meeting of minds: teachers' and students' joint attention during synchronous online language tutorials // *Journal of China Computer-Assisted Language Learning*. 2021. No.1(1). P. 145–169. DOI: <https://doi.org/10.1515/jccall-2021-2006>.

13. Sun Y., Li Q., Zhang H., Zou J. The Application of Eye Tracking in Education. In: Pan, JS., Tsai, PW., Watada, J., Jain, L. (eds) *Advances in Intelligent Information Hiding and Multimedia Signal Processing. IIH-MSP 2017. Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2018. No.82. P. 27–33. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-63859-1_4.

14. Sulayfani A., Eraslan S., Yesilada Y. Predicting eye-tracking assisted web page segmentation // *Multimedia Tools and Applications*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-024-20202-1>.

15. Pernice K. F-Shaped Pattern of Reading on the Web: Misunderstood, But Still Relevant (Even on Mobile) [Электронный ресурс] // NNGroup. URL: <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content> (дата обращения: 06.12.2024).

16. de-la-Peña, C. Eye-tracking contribution on processing of (implicit) reading comprehension // *Journal of New Approaches in Educational Research*. 2024. No.13, P. 13. DOI: 10.1007/s44322-024-00013-w.

17. Kunz A.K., Zlatkin-Troitschanskaia O., Schmidt S., Nagel M.T. Investigation of students' use of online information in higher education using eye tracking // *Smart Learning Environments*. 2024. No.11. P. 44. DOI: 10.1186/s40561-024-00333-6.

18. Chen G., Cheng W., Chang T., Zheng X., Huang R. A comparison of reading comprehension across paper, computer screens, and tablets: Does tablet famili-

arity matter? // Journal of Computers in Education. 2014. No.1. P. 213–225. DOI: 10.1007/s40692-014-0012-z.

19. Кроткова О. А., Данилов Г. В., Каверина М. Ю., Кулева А. Ю., Гаврилова Е. В., Ениколопова Е. В. Объем зрительного внимания при нормальном старении: айтрекинг-исследование // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. №1. С. 21–36. <https://doi.org/10.11621/vsp.2018.01.21>.

20. Wojdyski B. W., Evans N. J. The covert advertising recognition and effects (CARE) model: Processes of persuasion in native advertising and other masked formats // International Journal of Advertising. 2020. No.39(1). P. 4–31. DOI: 10.1080/02650487.2019.1658438.

M. Yu. Ababkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

EYE TRACKING IN PR-EDUCATION: PUSHING THE BOUNDARIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

In a modern hybrid media system, PR professionals need to have not only traditional skills, but also multimedia and research skills to work with text, photo, audio and video on various platforms, as well as to evaluate media product design. As technology evolves and media consumption preferences change, the required research skills of communication professionals are constantly expanding. New neurobiological methods, such as eye-tracking, enables PR professionals to study the peculiarities of the perception of communication messages by target groups.

Professional approach, neurocommunications, media communications, eye tracking, target audience, media text, information perception patterns

УДК 316.774

Л. Н. Абдаллах (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st065612@student.spbu.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: МЕДИАИНСТРУМЕНТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Современное медиaprостранство оказывает значительное влияние на процессы формирования общественного мнения и восприятия власти. В условиях кризиса процесс легитимации власти становится ключевым элементом политического PR, направленного на укрепление доверия общества, признание власти законной и оправданной. Статья акцентирует внимание на практических инструментах, используемых в медиaprостранстве с целью укрепления и продвижения необходимых публичных нарративов.

Легитимация власти, политический имидж, кризисный PR, социальные сети

Процесс легитимации власти в условиях кризиса становится ключевым элементом политического PR. Легитимация понимается как признание власти законной и оправданной со стороны общества. В этом контексте медиатизированные коммуникации играют центральную роль, выступая инструментом трансляции сообщений, поддержки и продвижения центральных нарративов, укрепления доверия и управления общественным мнением [1, С. 200–203]. Актуальность данной темы обусловлена возрастанием значимости медиатизированных коммуникаций в создании и реализации политического имиджа. В условиях кризиса государственные и политические институты сталкиваются с необходимостью не только оперативного реагирования на внешние и внутренние вызовы, но и создания устойчивого образа власти, способного минимизировать общественные волнения и укрепить социальную сплоченность. В этих условиях медиапрактики, включая официальные заявления, работу в социальных сетях и платформах, создание визуального медиаконтента в рамках продвижения и поддержки официальных нарративов, становятся важнейшими инструментами легитимации власти.

Центральной медиапрактикой для легитимации власти в этой работе является конструирование и продвижение нарративов, которые могут направить общественные настроения в конструктивное русло. Такие нарративы акцентируют внимание на достижениях, героизации действий политических лидеров и обосновании сложных решений. Однако процесс создания этих нарративов сложен, так как власти сталкиваются с множеством вызовов, среди которых – противоречивость информации, усиление информационной поляризации, рост недовольства и сомнений, а также манипуляции фейковыми новостями. Тра-

диционные подходы к правительственным коммуникациям могут стать неэффективными в условиях кризиса, и поэтому политическим акторам приходится искать новые подходы к передаче власти своей повестки и устойчивого имиджа.

Важным аспектом является также тот факт, что общественные и политические настроения в условиях кризиса могут быстро меняться, что требует высокой скорости реакции и гибкости со стороны властей. Прежде всего, политические акторы могут демонстрировать свои действия и решения через каналы коммуникации, которые легко воспринимаются и способны сформировать устойчивые позитивные образы в массовом сознании [2, С. 94–100].

В условиях кризиса общество становится более фрагментированным: различные социальные, этнические и экономические группы могут по-разному воспринимать те же события и политические решения. Следовательно, для поддержания легитимности власти необходимо разрабатывать индивидуализированные стратегии, адаптированные к различным аудиториям, с учетом их потребностей, беспокойств и культурных особенностей [3, С. 33–40]. В этом контексте одним из важных аспектов является необходимость взаимодействия с различными сегментами населения – в этой связи социальные сети позволяют и оперативно взаимодействовать с разными категориями населения, и в одностороннем порядке настраивать таргетированные «послания».

Следующие инструменты иллюстрируют широкий спектр возможностей, которые власть использует для продвижения и закрепления своих нарративов в медиа, особенно в условиях кризиса. Их комплексное применение способствует созданию устойчивого и позитивного образа власти в общественном сознании. Среди них:

Официальные заявления и пресс-конференции. Официальные заявления и пресс-конференции являются основополагающими инструментами продвижения нарративов власти, это основа кризисных коммуникаций, они транслируются через традиционные медиа и социальные сети, акцентируя внимание на главных достижениях, стратегиях и планах власти. Использование структурированной, эмоционально окрашенной риторики помогает создавать ощущение стабильности и уверенности у населения. Они создают основу для публичной легитимации, формируя односторонний дискурс, ориентированный на широкую аудиторию. В кризисных ситуациях, таких как пандемии или политические потрясения, эти мероприятия позволяют транслировать ключевые послания, подчеркивающие контроль, компетентность и прозрачность власти [4, С. 210–217].

Ведение официальных соцсетей и коммуникация в социальных платформах. Социальные сети стали главным инструментом коммуникации с населением. Политические акторы используют их, в том числе, для быстрого реагирования на кризисные события, вовлечения аудитории через интерактивные форматы (опросы, прямые эфиры), а также для персонализации власти – для уменьшения социальной дистанции или ее видимости между политическими акторами и гражданами. Социальные сети предоставляют интерактив-

ную площадку, где можно не только продвигать нарративы в одностороннем порядке, но и реагировать на вопросы, комментарии и заявления. Через регулярные публикации, прямые эфиры и ответы на комментарии власть создает иллюзию близости и доступности. Эти платформы используются для оперативного информирования, мобилизации поддержки и развенчания дезинформации. Например, во время кризисов власти активно используют хэштеги и таргетированные кампании для усиления своих сообщений [5, С. 7–10].

Комментарии. Автоматизированные аккаунты («боты») и стратегическое комментирование контента в социальных сетях играют важную роль в формировании общественного мнения. Эти инструменты используются для продвижения выгодных нарративов, создания видимости массовой поддержки – «голоса народа» – и дискредитации оппозиционных точек зрения [6, С. 85–92]. Примером служат координированные кампании в Твиттере и Facebook, направленные на укрепление позитивного восприятия власти [7, С. 12–16].

Фото- и видеоконтент. Визуальная коммуникация включает использование символики, фото- и видеоматериалов, которые усиливают ключевые послания власти. Медиаконтент с упором на визуальную коммуникацию усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию. Использование фотографий и видеоматериалов, демонстрирующих лидеров в момент принятия решений, или инфографик, объясняющих сложные ситуации, способствует закреплению положительного нарратива [8, С. 5–7].

Использование медийных персон и блогеров. В этом контексте публичные персоны выступают в качестве «проводников» нарративов. Через интервью, совместные проекты или персонализированные кампании они транслируют необходимые идеи, способствуя укреплению легитимности [9, С. 3–7].

Мемы и цифровые креативные проекты. Мемы и креативный контент являются эффективными инструментами для привлечения внимания и укрепления нарративов среди молодежной аудитории. Использование юмора, визуальных образов и простых сообщений позволяет адаптировать сложные концепции к массовой аудитории [10, С. 90–95].

Медиадизированные коммуникации представляют собой сложный и многоуровневый механизм легитимации власти, особенно в условиях кризиса, где традиционные методы управления мнением становятся недостаточными. Их значимость заключается в способности адаптировать официальные нарративы к различным аудиториям, создавая образы власти как компетентной, прозрачной и ориентированной на потребности общества. Использование таких инструментов, как официальные заявления, социальные сети, визуальная коммуникация и сотрудничество с медийными персонами, способствует формированию коллективной идентичности, укреплению доверия и минимизации социальной напряженности.

Основополагающим элементом всех описанных медиапрактик является конструирование и продвижение нарративов, которые акцентируют внимание на достижениях, компетентности и способности власти контролировать ситуа-

цию. Визуальная коммуникация усиливает эмоциональную связь с аудиторией через использование мощных визуальных образов, которые ассоциируются с лидерством, стабильностью и заботой о гражданах. Например, фотографии политиков на местах катастроф или инфографика, демонстрирующая эффективность кризисных мер, позволяют закрепить образ власти как ответственной и компетентной. Социальные сети предоставляют платформу для интерактивного взаимодействия, где публикации и прямые эфиры создают иллюзию доступности власти и вовлеченности граждан в процесс принятия решений. Использование мемов и цифровых креативных проектов, таких как анимация или юмористические визуальные форматы, адаптирует сложные политические нарративы для молодежной аудитории, превращая их в понятные и запоминающиеся послания. Эти инструменты в совокупности обеспечивают более глубокое проникновение нарративов власти в массовое сознание.

Однако медиатизированная легитимация власти сталкивается с определенными сложностями, включая распространение дезинформации, поляризацию общественного мнения и необходимость быстрого реагирования на изменения в информационном поле. Для успешного преодоления этих барьеров власти необходимо использовать интегрированные подходы, сочетающие традиционные и новые формы коммуникации, а также адаптировать стратегии к специфике кризиса и целевой аудитории.

Практическая значимость данной работы заключается в систематизации инструментов, которые могут быть использованы для укрепления легитимности власти в условиях кризиса. Понимание того, как различные инструменты – от официальных заявлений до мемов – способствуют продвижению нарративов, позволяет разработать более эффективные стратегии коммуникации, ориентированные на разные аудитории. Эти выводы могут быть полезны для специалистов по политическому PR, исследователей медиа и политической социологии, а также для практиков, занимающихся кризисным управлением и общественными связями. Кроме того, они подчеркивают важность адаптации коммуникационных стратегий к новым вызовам информационного общества, что способствует укреплению доверия, социальной стабильности и сплоченности общества.

Источники:

1. Yeomans L., Bowman, S. Internal crisis communication and the social construction of emotion: university leaders' sensegiving discourse during the COVID-19 pandemic // *Journal of Communication Management*. 2021. № 25 (3). P. 196–213.
2. Jackson N., Lilleker D. Microblogging, constituency service and impression management: UK MPs and the use of Twitter // *The Journal of Legislative Studies*. 2020. № 17. P. 414–433
3. McCoy, J., Somer, M. Polarization and the global crisis of democracy: Common patterns, dynamics, and pernicious consequences for democratic polities // *American Behavioral Scientist*. 2018. № 62(1). P. 16–42.

4. Mintrom M., O'Connor R. The importance of policy narrative: effective government responses to Covid-19 // *Policy Design and Practice*. 2020. № 3(3). P. 205–227.
5. Wang Y., Hao H., Sundahl Platt L. Examining risk and crisis communications of government agencies and stakeholders during early-stages of COVID-19 on Twitter // *Computers in Human Behavior*. 2021. № 14. [Электронный ресурс] URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32982038/>
6. Howard P. N., Woolley, S., Calo, R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // *Journal of Information Technology & Politics*. 2018. № 15(2). P. 81–93.
7. Tardelli S., Nizzoli L., Avvenuti M. Multifaceted online coordinated behavior in the 2020 US presidential election // *EPJ Data Science*. 2024. № 13. [Электронный ресурс] URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1140/epjds/s13688-024-00467-0.pdf>
8. Lilleker D., Veneti A., Jackson D. Introduction: Visual Political Communication // *Visual Political Communication*. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 1–13.
9. Lalancette M., Cormack P. Justin Trudeau and the play of celebrity in the 2015 Canadian federal election campaign // *Celebrity Studies*. 2018. № 11(1). P. 157–170.
10. Dahdal S. Gaming Digital Content Creation to Engage Youth in Participatory Politics // *Handbook of Research on Recent Developments in Internet Activism and Political Participation*. 2020. P. 86–102.

L. N. Abdallakh (St. Petersburg State University)

***POLITICAL PR IN TIMES OF CRISIS: MEDIA TOOLS
FOR THE LEGITIMATION OF AUTHORITY***

The contemporary media landscape has a profound impact on the processes of shaping public opinion and perceptions of authority. In times of crisis, the legitimation of authority becomes a pivotal element of political public relations, aimed at fostering public trust and securing recognition of authority as lawful and justified. This article focuses on the practical tools employed within the media sphere to strengthen and promote essential public narratives.

Legitimation of authority, political image, crisis PR, social media

УДК 378, 32.019.51

Л. В. Азарова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: azarovaludmilla@gmail.com);

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЕ PR-ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу актуальных трендов социальных коммуникаций в условиях медиатизации общества. Современная концепция связей с общественностью рассматривается как с точки зрения научной рефлексии, так и исследования коммуникационных трендов в практической деятельности специалистов по коммуникациям. Акцентируется влияние выявленных трендов на развитие PR-образования.

Коммуникационные тренды, медиатизация, PR-образование

Проблемам медиатизации социума в широком смысле и в прикладных исследованиях посвящен целый ряд работ отечественных и зарубежных специалистов [1, 2, 3, 4, 5].

Так, М. Г. Шилина рассматривает концепт медиатизации применительно к связям с общественностью [6]. С этой точки зрения медиатизация определяется как «целенаправленный процесс, который формируется в интересах базисного субъекта – заказчика коммуникации». Как справедливо полагает автор, применение субъект-объектных параметров связей с общественностью поможет в выявлении интенций и действий заказчика коммуникации и тем самым даст возможность более точно определить направленность и эффекты медиатизации.

В контексте данной статьи несомненный интерес представляют материалы монографии «Связи с общественностью в системе коммуникаций» под редакцией В. М. Горохова [7, С. 78]. Связи с общественностью определяются как стратегическая социальная коммуникация и социальный институт, «формирующие открытую интерактивную гетерархическую модель взаимодействия институциональных акторов и целевых аудиторий в глобальном публичном дискурсе с целью его гармонизации». Обращая внимание на транзитивное состояние отечественных связей с общественностью от традиционной матрицы маркетинговой асимметричной коммуникации к принципиально новым форматам взаимодействия с общественностью в публичном пространстве, авторы монографии отмечают повышение роли PR-индустрии в обществе, связанную с возможностью осуществления гражданского диалога, а также усилением социально-

ответственной модели бизнеса. Кроме того, выделяется важная особенность коммуникации с аудиторией потребителей в новых условиях, связанная с изменением в медиапотреблении.

По мнению специалистов, можно выделить такие тренды как поиск интересного контента в разных источниках, использование тех источников информации, которые наиболее доступны в определенный момент. Эта выявленная особенность, в свою очередь, ведет к изменению стратегий бизнеса и маркетинга, а для PR-специалистов это, прежде всего, касается поиска новых площадок и медиаформатов. В качестве примеров упоминается формат трансмедийного сторителлинга, а также создание длительных проектов для коммуникационного продвижения субъектов и их услуг, создание познавательно-развлекательного контента и целый ряд других технологий.

Отмечается также тенденция к расширению медиасообщества и PR-аудитории за счет блогеров и отдельных граждан как производителей контента. Можно согласиться с авторами, что PR-специалистам для адаптации к новым аудиториям и новым моделям коммуникации необходимо осваивать новые компетенции, что, в свою очередь, не может не сказаться на требованиях к профессиональной подготовке таких специалистов.

Предложенная профессором В. М. Гороховым концепция медиатизированного общества и связанное с ней исследование научного потенциала рекламы и связей с общественностью нашло отражение в статье В. А. Евстафьева «Реклама и связи с общественностью в научной парадигме» [8]. Как отмечает автор, «именно медиатизированное общество детерминирует деятельность институтов связей с общественностью, задает алгоритм деятельности этой системы. С точки зрения научной рефлексии указанная концепция продуцирует производную коммуникационную концепцию связей с общественностью». Один из важных выводов, к которым приходят приверженцы данного подхода, является «интеграция теории рекламы и связей с общественностью с концепцией стратегических коммуникаций». В качестве базисных субъектов – заказчиков проектов – могут выступать бизнес-структуры, политические организации, институты гражданского общества, некоммерческие организации. Целями подобных проектов могут стать повышение осведомленности целевых аудиторий о новых предложениях, товарах и услугах, формирование благожелательного отношения аудитории к предлагаемому проекту и организации. Одной из важнейших функций связей с общественностью в системе стратегического управления организацией при таком подходе становится формирование и управление репутационным капиталом базисного субъекта. Таким образом, можно утверждать, что на современном этапе развития российских связей с общественностью в условиях медиатизации социума существует проблема перехода от маркетинговой парадигмы коммуникации к стратегической в офлайн и онлайн-пространстве.

С точки зрения развития стратегических коммуникаций представляет также интерес исследование коммуникационных трендов, проведенное

агентством PR News (лидирующая компания в области исследования коммуникаций) и представленное в рамках форума Silver Trends 2024 [9].

Для четвертого исследования рынка была сформирована выборка публикаций из 50 изданий с мнениями 45 российских и зарубежных экспертов за 2023 год. Как отметила генеральный директор PR News Лилия Глазова, в топ-10 ключевых PR-трендов, которые будут определять качество коммуникаций с внешними и внутренними аудиториями, вошли: ИИновационный PR, эффективный контент, этика ответственности, интегрированные коммуникации, инфлюенсеры, персонализация, антикризисный PR, исследования, персонификация и развитие HR-бренда.

По мнению исследователей, к числу наиболее важных запросов и ценностных ожиданий аудиторий к бизнесу можно выделить запрос на подлинность, под которой понимается умение быть гибкими, ответственными и честными.

Еще один важный запрос, как отметило большинство экспертов, на заботу со стороны бизнеса, понимаемую как реальные, осязаемые усилия бизнеса по оказанию помощи и поддержки людям. Тренд на персонификацию и развитие HR-бренда, по мнению PR News, дополняет тренды на подлинность и заботу, и базируется на ожидании эмоциональности и эмпатии от бренда.

Лилия Глазова привлекла внимание к «бережным коммуникациям как стратегии взаимодействия, основанной на уважении, ответственности и осторожности по отношению к стейкхолдерам, используемым ресурсам».

Также стоит обратить внимание на использование ИИновационного PR, причем запрос на инновации рассматривается как неотъемлемая составляющая репутационного капитала. Кроме того, большинство экспертов отметило еще один современный тренд – доверие, которое нужно заработать, определяемый как этика ответственности.

Указанные тренды в профессиональной коммуникационной деятельности не могут не найти отражение в образовательных программах по направлению «реклама и связи с общественностью».

Так, в условиях медиатизации и роста значения стратегических коммуникаций становится приоритетным системное выстраивание ценностной платформы базисного субъекта коммуникаций для формирования и управления его репутационным капиталом. Как правило, в маркетинге, рекламе и связях с общественностью используется термин «ценностная платформа бренда» или «ценностное предложение бренда», которая выстраивается на ценностном предложении бренда. Ценностное предложение бренда – это лаконичное изложение преимуществ, которые получают покупатели, выбрав товар или услугу. В нем подчеркивается, чем предложение отличается от конкурентов и удовлетворяет конкретные потребности клиентов, тем самым устанавливая обмен ценностями между брендом и его клиентами [10]. При этом принципиальное значение приобретает четкость и ясность ценностного предложения бренда, так как это позволяет интегрировать в единое смысловое пространство как де-

тельность различных подразделений и специалистов базисного субъекта, так и его понимание в пространстве коммуникации с целевыми группами общест­венности. Четкость и ясность ценностного предложения особенно актуализируется из-за существующих трендов медиапотребления: в условиях инфор­мационно-коммуникационного взрыва наблюдается «все большая замена вы­бора приоритетных источников приемлемой информации поиском интересую­щего потребителя контента, который возможно получить из любого, в том числе ранее неизвестного канала» [11]. Другой тренд заключается в том, что «аудитория постепенно переходит от линейного (сплошного) чте­ния/просмотра/прослушивания контента к серфингу (выборочному «проли­стыванию») медийного наполнения. В результате наиболее предсказуемый, «порционный» объе м потребляемой индивидом информации уменьшается, что и рождает бытовой вывод «люди стали меньше читать». Но совокупный объе м, напротив, расте т и ограничивается лишь физиологическими возмож­ностями восприятия. Вместе с общим объе мом потребляемой информации увеличивается как спектр используемых источников, так и перечень «серфин­гуемых» тем» [11].

В связи с этим актуализируется навык эффективного построения цен­ностной платформы базисного субъекта, которое по аналогии с ценностным предложением бренда, включает в себя следующее [12]:

Целевая аудитория: Определение того, кто является адресатом, понима­ние его потребностей, болевых точек и ожиданий.

Уникальные предложения: Четкое формулирование того, что делает про­дукт или услугу уникальной по сравнению с конкурентами.

Преимущества: Описание функциональных и эмоциональных преиму­ществ, которые находят отклик у адресатов коммуникации.

Дифференциация: Определение того, как базисный субъект, бренд выде­ляется на рынке, что может быть достигнуто за счет инновационных разрабо­ток, лидерства по стоимости или качества отношений с аудиторией.

В образовательной программе будущих профессионалов по рекламе и связям с общественностью данные навыки находят отражение в следующих дисциплинах: «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика рекламы», «Теория и практика массовых коммуникаций», «Копирай­тинг», «Основы брендинга», «Планирование коммуникационных кампаний» и других, где в основе лежит исследование и определение характеристик целе­вых групп общественности, формирование смыслов, контента, им адресован­ного.

Обратим внимание, что ранее отмечалась важность доверия как нового тренда отношений с аудиторией, то есть этики ответственности базисного субъекта коммуникации. Также качество отношений с аудиторией входит в структуру ценностной платформы. Данный тренд актуализирует наличие в об­разовательной программе дисциплин, направленных на знакомство с этиче­скими принципами профессии и формирование их понимания и практического

применения. При разработке соответствующих учебных дисциплин следует подчеркнуть, что инновации и этика являются неотъемлемыми составляющими репутационного капитала базисного субъекта. ИИновационность коммуникаций и эффективность контента, выделяемые практиками, требуют наличия базы знаний по искусству и литературе, на которой в результате творческого переосмысления создаются новые смыслы и образы. Для совершенствования инновационной составляющей при разработке контента, например, в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в 2024 году была введена дисциплина вариативного цикла «Промптинжиниринг: искусство нейросетевых технологий».

Конвергентный характер и меняющиеся тренды в деятельности профессионалов сферы рекламы и связей с общественностью подталкивают высшие учебные заведения постоянно актуализировать учебные программы, но «в погоне за актуальностью программы по связям с общественностью не должны терять своей сугубо гуманитарной направленности, следует делать акцент на общепрофессиональную подготовку будущих специалистов, их умению учитывать контекст работы» [13].

Таким образом, в условиях медиатизированного общества связи с общественностью выступают как технология формирования гражданского диалога, в том числе между бизнесом и его целевыми группами общественности. Можно также отметить усиление интегрирующей функции СО в системе стратегических коммуникаций; в формировании и управлении репутационным капиталом базисного субъекта, а также при учете связей дисциплин в учебных планах. Все это необходимо учитывать на заключительном этапе подготовки бакалавров при написании ВКР и разработке проектов.

Источники:

1. Gavra D. P., Bykova E. V., Savitskaya A. S. [et al.] Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020, St. Petersburg, 08 апреля 2020 года. St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2020. P. 910–1309. DOI 10.1109/ComSDS49898.2020.9101309.
2. Hepp A. Deep Mediatization. 1st edition. London, Routledge, 2019. DOI:10.4324/9781351064903
3. Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the 'mediation of everything' // European Journal of Communication. December 2013. 28(6). С. 615–629. [Электронный ресурс] URL: DOI:10.1177/0267323113501148: 10 (дата обращения: 22.04.2021)
4. Sharakhina L. V., Achkasova V. A., Azarova L. V. Mediatization of Russian Companies in the Framework of Corporate Citizenship // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2021. Vol. 26, No. 4. P. 713–721. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-4-713-721. – EDN NJYFAA.

5. Shilina M. G., Wirth Ju. Immersive Technologies in Media: Towards the Concept of Generative Mediatization? // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2021. Vol. 26, No. 4. P. 672–680. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-4-672-680.

6. Шилина М. Г. Связи с общественностью в контексте медиатизации: формирование концептуальной рамки исследования // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика 2020. Том 25. №. 3. С. 521–530. URL: <http://journals.rudn.ru/literary-criticism> (дата обращения: 20.12.2024)

7. Связи с общественностью в системе коммуникаций: монография / под ред. В. М. Горохова. М.: Фак. журн. МГУ, 2019.

8. Евстафьев В.А. Реклама и связи с общественностью в научной парадигме // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 27–31.

9. Компания PR News рассказала о долгосрочных трендах в коммуникациях // РБК Компании. 10 июля 2024. URL: <https://companies.rbc.ru/news/5GcidFveG4/компания-pr-news-rasskazala-o-dolgosrochnyih-trendah-v-kommunikatsiyah/> (дата обращения: 20.12.2024)

10. Andrivet M. Brand Value Proposition: What Is It and How to Create One? // The Branding Journal. – August, 5, 2024. URL: <https://www.thebrandingjournal.com/2024/08/brand-value-proposition-definition-methodology/> (дата обращения: 20.12.2024)

11. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. № 9(2). С. 125-142. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142> (дата обращения: 20.12.2024)

12. Vonigala M. Brand Value Proposition. URL: <https://www.spellbrand.com/brand-value-proposition> (дата обращения: 20.12.2024)

13. Азарова Л. В., Шарахина Л. В. PR-образование в условиях постоянной трансформации: опыт осмысления, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 34. С. 10–28. DOI 10.24412/2949-2513-2023-34-10-28.

L.V. Azarova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

L.V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE MODERN TRENDS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION PERFORMANCE AND PR-EDUCATION DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF MEDIATIZED SOCIETY

The article is devoted to the modern social communication trends analysis in the context of mediatized society. The modern concept of public relations is reviewed from scientific reflection point of view and supported by the research of communication trends in communication experts' performance. The influence of the revealed trends on PR-education is emphasized.

Communication trends, mediatization, PR-education

УДК 165.12

Е. М. Ананьева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Рассматривается противостояние различных философских подходов в горизонте споров о методе социальной науки, преодолении метафизики и критики гегелевского историзма.

Герменевтика, методология наук об обществе, политическая антропология, Х.-Г. Гадамер

Питирим Сорокин в знаковом для философии 1927 году, подводя итог первым шести десятилетиям развития новой науки о социуме – социологии – формулирует свою задачу как «установление того, в какой степени они (социологические теории) научно достоверны. Все другие подходы к изучению теорий, такие, например, как выяснение того, почему тот или иной автор создал ту или иную теорию или почему она стала популярной, а также личностные и биографические характеристики ученых-социологов намеренно исключены из рассмотрения». [1, С. 23]. Другой наш бывший соотечественник, а в дальнейшем – ученик и ближайший сподвижник Рудольфа Карнапа – Георг Хенрик фон Виргт – спустя еще полвека пишет свою историю значимых мета-теоретических подходов, в том числе в науках о человеке и социуме. Наследуя притязанию философии оставаться «строгой наукой», фон Виргт главную роль отводит ожидаемым образом аналитической философии, и по тем же соображениям, что и Сорокин. Противостоящее этой тенденции философское течение – так называемую «континентальную философию» – он видит не в роли оппонента в честной конкуренции теорий, а в качестве культурной предрасположенности старой Европы, поэтому «...потребовалось удивительно много времени, чтобы оно (аналитическое направление) вновь восстановилось в правах на европейском континенте. Объясняется это существованием в Германии, а также во Франции, философских традиций, таких, как гегельянство и феноменология, которые более приспособлены для выживания в этих странах» [2, С. 72].

В попытке найти общий знаменатель этих методологических противостояний в 60-е годы XX века сторонники обоих подходов отметились знаменитым спором о «позитивизме» (Positivismusstreit) в социальных науках. Участвовавшие в этой полемике представители Франкфуртской школы и Карл Поппер существенно уточнили смысл «понимающего» (интерпретативного) метода в социальном знании, но результатом скорее стало размывание представления о герменевтике как методологическом подходе. В современной научной литературе мы можем встретить попытку применить даже к

взглядам К. Поппера характеристику «герменевтических». Но для учебников и энциклопедий результат этой полемики остался малозаметен и уж тем более не привел к примирению аналитической и континентальной позиций в обосновании социального знания. Скорее, также, как и у фон Вригта, рецепция проблемы в научном сообществе склонилась к контекстному, вне-теоретическому объяснению. В историко-философских обзорах мы часто встречаем ссылки на кризисы и цивилизационные катастрофы в толковании того факта, что философия временами теряет свой маяк в виде научной достоверности и отдает предпочтение интересу к «личностным и биографическим характеристикам», и именно такой тренд зачастую и трактуется как наследие «историзма». Такие тенденции, по слову фон Вригта, возникают во второй половине XX в. и внутри аналитической традиции, в результате чего забывается призыв Р. Карнапа к преодолению «метафизики логическим анализом языка» («Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache») «Иногда – замечает фон Вригт – складывается впечатление, что философия, поставившая перед собой эту задачу, ...стала в некоторых своих поздних вариантах даже более метафизически нагруженной и спекулятивной, чем все остальные современные философские направления, заслуживающие серьезного к себе отношения» [2, С. 75]

Одновременно с этим на другом полюсе этого противостояния выдвигаются аргументы в защиту «анти-позитивизма», но по теоретическим, а никак не психологическим или историко-культурным соображениями. От лица герменевтики как глубоко укорененной в континентальной традиции философии Х.-Г. Гадамер акцентирует внимание на генезисе этого всецело «континентального» и поэтому «более приспособленного» к европейским предпочтениям философского движения – Гадамер напоминает о рождении историзма из духа теоретической философии, если воспользоваться формулой Ницше. И если согласиться с тем, что теоретические притязания герменевтики неочевидны, и в некоторых своих позициях герменевтика склоняется к так называемому «релятивизму» в контексте вышеупомянутого спора о позитивизме, то оппонируя такой позиции Гадамер напоминает о другом варианте – продуктивной возможности переосмыслить саму трактовку теоретического, принимаемую оппонентами.

Гадамер в своих поздних интервью настаивает на изменении или как минимум уточнении свой точки зрения на «герменевтическую философию» как методологию, эффективно работающую прежде всего в сфере искусства и эстетического опыта. Примечательно, что одно из пояснений на этот счет он публикует в начале восьмидесятых годов в журнале «Монист» – знаменитом детище Эрнста Маха и трибуне если не аналитической философии, то во всяком случае ее философской предтечи. «Со времен Шлейермахера и Гегеля – отмечает Гадамер – в немецкой философии существовала традиция, согласно которой история философии является существенным аспектом самой теоретической философии... Ясно, какие общие рамки существуют для этого

вопроса; оно было создано возникновением исторического сознания. Наследие немецкого романтизма привело к тому, что не только исторические исследования в целом, но и отношение теоретической философии с тех пор подверглись влиянию проблемы истории» [3, Р. 423].

В качестве наследников гегелевского подхода и исторического переосмысления теоретической философии в XX веке на первый план, в изложении Гадамера, выходят прежде всего «новая онтология» в феноменологическом варианте (Э. Гуссерль, Н. Гартман) и «фундаментальная онтология» в М.Хайдеггера. В этом тренде также, как и в аналитической философии, оказываются значимы резоны в пользу критики и ограничения метафизической традиции – в смысле «забвения бытия» как прояснения сути и смысла философской традиции Европы.

Глядя на этот заочный спор методологических подходов из перспективы XXI столетия, можно отметить, что «негативная телеология» Хайдеггера так и не отвоевала себе безусловного признания в науках о социальном. В этом смысле не потеряла актуальности реконструкция аргументов и возражений, предложенная в свое время Рудольфом Карнапом. Хайдеггер в этом споре представлен аргументом: «Если сила разума на поле вопросов относительно ничто и бытия сломлена, то этим самым решается судьба господства «логики» внутри философии. Идея логики снимается в круговороте первоначальных вопросов». Карнап возражает на это: «будет ли трезвая наука согласна с круговоротом вопросов, которые противоречат логике?» [4, С. 80]

Наследие историзма, на которое ссылается в своем анализе Гадамер, на фоне этого устойчивого несогласия сторон и взаимного непонимания, может быть оценено не только негативно – как неопределенность методологического решения и путь к релятивизму, но и позитивно – как прежде не принимаемая в расчет возможность иного измерения философских оснований. Тенденции в логике XX и XXI века – обращение от проблемы «истины» и «метода», системы знания и отношения его теоретического и эмпирического уровней – к проблематике аргументации и коммуникации – неожиданно находит созвучие в герменевтической традиции. Не без влияния ученика Гадамера – Юргена Хабермаса – исследователи стали обращать внимание на проблематику коммуникации и риторические мотивы в классических герменевтических текстах. На первый план в творчестве Гадамера, например, исследователи стали выводить его ранние статьи и диссертацию «Диалектическая этика Платона», которые трактуются как критика неокантианства и сциентизма из перспективы «аппликативности» герменевтики – значимости ее антропологических истоков и политических коннотаций [5].

Поэтому оказывается оправданным увидеть в герменевтических интуициях Гадамера не только попытку переформулировать более популярным образом идеи Хайдеггера и подходы «фундаментальной онтологии» (а вместе с тем – онтологические идеи Фр. Ницше), но и уточнить гадамеровскую идею *Sprachlichkeit* – языковой размерности человеческого мира. В поздних интер-

вью Гадамер подчеркивает, что видит необходимость акцентировать различие диалектических мотивов в философии Платона и Аристотеля как различие тенденции к устной коммуникации (в первом случае) и к сциентистски-систематической и письменно фиксированной форме (во втором случае).

Роберт Салливан, назвавший ранние работы Гадамера «политической герменевтикой», поясняет эту разницу следующим образом: «фокус платонической философии обязательно смещается тогда от знания значения, или идей, которое может быть прерогативой класса экспертов, к аргументу, направленному на установление значения, или к ситуации, в которой экспертиза обязательно означает не более чем лучшую способность упорядочивать информацию и аргументировать ее более убедительно» [5, Р. 18]. В таком случае путь в герменевтике от Хайдеггера к современным вызовам научной рефлексии сближает Гадамера с исканиями Х. Арент или Е. Левита [6]. Но и само наследие гегелевского историзма в этом контексте переосмысливается как герменевтическое [7].

Поль Рикер, принадлежность которого к герменевтической традиции в последнее десятилетие некоторые исследователи стали ставить под сомнение, тем не менее вполне укладывается в эту тенденцию герменевтики как политической антропологии. Сделав полный круг от своих ранних занятий религиозным измерением человеческого существования («философской антропологии», или «философии воли»), Рикер вернулся в поздних работах к переосмыслению античной этики в горизонте размышления о метатеории, которая задает метод в широком горизонте наук о человеке и социуме. Споря с кантовской критикой практического разума и вдохновляясь античным пониманием практического, Рикер отмечает: «глубокая истина кроется в этом отнесении логики *praxis* к антропологическому уровню, который не является ни уровнем спекулятивного мышления, ни уровнем глухой к разуму страсти. Эта ориентация на средний уровень не только психологии, но и дискурса, станет постепенно лейтмотивом всего нашего исследования практического разума» [5, С. 132–133]

В свете очерченной выше проблемной ситуации в современной герменевтике представляется важным обратиться к уточнению позиций и рабочих понятий, и их рецепции в эмпирических исследованиях в так называемых «интерпретативных» науках.

Источники:

1. Сорокин П. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова; вст. статья и коммент. В. В. Сапова. М.; СПб., Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив, 2021.
2. Вригт Г. Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор (перевод с англ. Л. Б. Макеевой // Кантовский сборник 2013 № 2 (44) С. 69–82.
3. Gadamer, H.-G. Heidegger und die Geschichte der Philosophie // *Monist*. 1981. № 64 (4). Pp. 423–433.

4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Пер. с англ., нем. М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998.
5. Robert R. Sullivan. Political Hermeneutics: The Early Thinking of Hans-Georg Gadamer. The Pennsylvania State University Press. University Park and London. 1989.
6. Highlen J. Hermeneutics of the Polis: Arendt and Gadamer on the Political World. Boston College Morrissey College of Arts and Sciences Graduate School. 2024.
7. Redding P. Hegel's Hermeneutics. Cornell University Press, 1996.
8. Рикер П. Практический разум // Социологическое обозрение. 2021. № 3 (20). С. 129–148.

E. M. Ananieva (St. Petersburg State University)

HERMENEUTICS AS POLITICAL ANTHROPOLOGY

The confrontation of various philosophical approaches is considered in the context of disputes about the method of social science, overcoming metaphysics and criticism of Hegelian historicism.

Hermeneutics, methodology of social sciences, political anthropology, H.-G. Gadamer

УДК 82

П. Г. Андреева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.polly@yandex.ru)

ПЕРЕВОД СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме передачи реалий при переводе художественного произведения на иностранный язык. Описываются различные подходы к понятию «реалия», а также рассматривается классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова. Исследуется перевод советских реалий в повести Сергея Довлатова «Заповедник» на английский язык. Особое внимание уделяется тому, как переводчик осуществляет адаптацию культурных и исторических контекстов, характерных для советской эпохи. Анализируются примеры из текста, иллюстрирующие сложности и нюансы перевода, а также влияние этих переводческих решений на восприятие советской действительности в зарубежном контексте.

Советские реалии, переводческие трансформации, калькирование, генерализация, проза С. Довлатова

Для наиболее точной передачи национальной окраски, колорита народа и духа времени, авторы произведений использует различные приемы, одним из которых являются *реалии*. Термин *реалии* получил широкое распространение в советской и русской филологии во второй половине XX века. Лингвист Л. Н. Соболев дает следующее определение: «реалии – это бытовые и специфически национальные слова либо словосочетания, которые не имеют соответствий в быту и языках других стран» [1, С. 281]. В. В. Виноградов называет реалиями все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики [2, С. 37]. То есть реалии – это комплексный феномен, определяющий не только совершенно особые и специфические слова и термины конкретной культуры или общества, но также и дополнительные коннотации у понятий, которые могут встречаться в разных языках, но приобретающие особую окраску ввиду различных условий культурной, социальной, экономической и политической жизни общества.

При переводе художественного произведения, одной из главных задач перед переводчиком стоит сохранение индивидуальности стиля автора. Под индивидуальным стилем автора понимают обширный круг понятий: отдельную систему характерных для соответствующего периода развития художе-

ственной литературы средств художественно-словесного выражения, процесс творческого подбора и расположения разнообразных элементов [2, С.167], но также и авторский художественный стиль, предпочтительную тематику у произведений, идеологию и даже философию писателя. При передаче используемых писателем реалий возникают некоторые трудности, которые заключаются в том, что в языке перевода может не существовать соответствий из-за отсутствия в культуре его носителей объектов или понятий, обозначаемых этими реалиями, и в необходимости наряду с семантикой реалий также передать их историческую окраску [3, С. 240]. Принимаясь за перевод художественного произведения, насыщенного реалиями, переводчики погружаются не только в художественное «полотно» текста, но также и в исторический контекст, и особенности описываемой эпохи.

Отечественные лингвисты, а именно В. С. Виноградов, Г. Д. Томахин, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов внесли значительный вклад в изучение и систематизацию различных приемов перевода реалий. Например, В. Н. Комиссаров выделяет следующие переводческие трансформации, которые также используются при переводе реалий:

Переводческое транскрибирование и транслитерация – перевод лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв языка перевода. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав);

Калькирование – перевод лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода;

Лексико-семантические замены: (конкретизация, генерализация, модуляция):

- *Конкретизация* – замена слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием языка перевода с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения.

- *Генерализация* – замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, то есть преобразование, обратное конкретизации.

- *Модуляция* – замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Контекстуальная замена – окказиональное соответствие, нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для конкретного контекста;

Лексические добавления. В некоторых случаях для того, чтобы правильнее и понятнее передать смысл исходного материала, переводчику может потребоваться ввести несколько дополнительных слов. Причины кроются в

различиях синтаксиса, грамматики, отсутствии четких лексико-семантических эквивалентов в языке перевода;

Лексические опущения. Этот прием предполагает игнорирование в процессе перевода некоторых семантически избыточных слов, которые не несут важной смысловой нагрузки, а их значение зачастую комплексно восстанавливается в переводе;

Экспликация или описательный перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение;

Модуляция или смысловое развитие – это замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Основой для анализа послужила повесть Сергея Довлатова «Заповедник» [4], которая была написана и издана в 1983 году. Это произведение относится к эпохе русской литературы конца XX века, когда писатели сталкивались с задачей рассказать о жизни в Советском Союзе, а также о личных переживаниях, особенностях «заката» советской эпохи. Сюжет повести разворачивается вокруг главного героя, который работает в Пушкинском заповеднике и описывает различные аспекты своей жизни, затрагивая темы одиночества, поисков смысла и взаимодействия с окружающим миром. С. Довлатов использует элементы сатиры и юмора, чтобы передать атмосферу времени и показать противоречия позднесоветского общества. Следует отметить, что характерной чертой прозы С. Довлатова является внимание к деталям и эпохе. Автор часто описывает повседневную жизнь советского общества, его мелкие, на первый взгляд, незначительные аспекты, которые в итоге становятся символами более глубоких процессов и изменений. С. Довлатов использует реалии своей эпохи, чтобы создать правдивый и живой портрет времени, в котором переплетаются судьбы как отдельных людей, так и всего общества в целом. Стиль писателя можно охарактеризовать лаконичностью и простотой. Его язык доступен и ясен, что позволяет придавать особую выразительность даже самым обыденным событиям. Опираясь на собственный опыт, на литературный опыт своих предшественников, описывая несовершенство мира, С. Довлатов пытался решить экзистенциальную проблему влияния среды на личность, на выбор ею собственного жизненного пути. Для анализа было отобрано 22 лексические единицы на русском языке и варианты их перевода на английский язык (использовался перевод Катерины Довлатовой 2013 года) [5]. Выбранные для анализа лексемы относятся к категории советских реалий.

Такие переводческие трансформации, как калькирование и генерализация, используются для передачи 10 реалий из 22 (46%). Применение калькирования можно наблюдать при переводе названий организаций, географических объектов или терминов, которые имеют прямой аналог в целевом языке. В данном случае, генерализация используется, когда точный перевод терми-

на или выражения может быть непонятен или неуместен в целевом языке; подразумевается использование более общего термина или фразы, чтобы передать основную идею без привязки к конкретным деталям.

Калькирование

Львовский автобус (ЛАЗ)	Lvov bus
Пригородные дачи	Country dachas
Газетный киоск	Newspaper kiosk
Торт «Сказка»	«Fairy cake»
Милиция	Militia

Генерализация

Шофер	The driver
Обеденные талоны	Food vouchers
Кагор	Dessert wine
Консервы	The food
Самогон	Brew

Прием лексического добавления является следующим по частотности употребления. Он применяется в 4 лексических единицах из 22 (18%). В данных примерах лексическое добавление используется ввиду отсутствия аналогов, когда в целевом языке нет точного эквивалента какого-либо слова или понятия. В подобных случаях добавление слов может помочь передать идею более полно.

Лексическое добавление

Папиросы	A pack of cigarettes
Графин	Small carafe
Пачка «Беломора»	A pack of "Belomor" smokes
Ленфильм	Lenfilm Studios

В случае перевода «чекист – KGB agent» происходит применение **экспликации** для передачи смысла, более знакомого читателю, так как чекист – это сотрудник первого в истории советской России органа безопасности и разведки – ВЧК. Так как слово не имеет аналога в английском языке ввиду другой структуры государственных органов безопасности, автором было принято решение заменить его на понятную для читателя должность.

Лексическое опущение было применено для перевода «журнал «Огонек» – *magazine*». Так как в культуре целевого языка нет в принципе такого журнала, то для того, чтобы избежать путаницы или перегруженности перевода, использование лексического опущения в данном случае является целесообразным.

Смысловое развитие использовано для перевода «радиола – *radiogram*», Слово *радиола* в русском языке относится к радиоаппарату, который также может иметь функции проигрывателя грампластинок. В то вре-

мя как *radiogram* в английском языке может означать определенный тип устройства, то есть радиоприемник с возможностью проигрывания записей, оно также может иметь более специализированные значения, связанные с радиосообщениями. В данном случае, переход к *radiogram* приводит к увеличению семантической нагрузки и потенциальному изменению значений, что может быть связано с контекстом, в котором используется это слово.

Конкретизация используется для перевода «колхоз – *collective farm*» и «этажерка – *bookcase*». Слово *колхоз* в русском языке обозначает коллективное хозяйство, которое существовало в Советском Союзе и имело свои особенности, отличающие его от других форм сельского производства. Термин *collective farm* на английском языке также указывает на идею совместного ведения сельского хозяйства. При переводе термина *этажерка* на английский как *bookcase* используется прием конкретизации, поскольку *bookcase* обозначает более узкий и конкретный объект, чем просто *этажерка*. Этажерка может использоваться для хранения различных предметов, включая книги, но также может быть предназначена для демонстрации предметов декора, фотографий.

Лексическое добавление используется для перевода «ленинский субботник – *communal work Saturdays*». Термин *ленинский субботник* относится к совокупности мероприятий, связанных с общественными работами, которые проводились в Советском Союзе в определенные дни (обычно по субботам) и были организованы для улучшения общественной среды, благоустройства и повышения социальной активности граждан, поэтому при переводе лексическое добавление применяется для передачи не только прямого смысла выражения, но и контекста, который стоит за ним.

Лексическая замена используется при переводе «*политура* – *furniture polish*» и «*одеколон* – *cologne*». Перевод *furniture polish* уточняет назначение продукта, указывая на то, что он предназначен именно для полировки мебели. Этот подход позволяет донести до целевой аудитории информацию более доступным и понятным образом, а также учесть культурные и лексические различия между языками. В англоязычной культуре термин *cologne* более привычен и узнаваем для большинства людей, что отражает повседневный опыт и использование продукта. Используя лексическую замену, переводчик обеспечивает понимание и доступность термина для целевой аудитории.

Анализ перевода советских реалий на английский язык показал, что чаще всего переводчик обращается к таким переводческим трансформациям, как калькирование и генерализация. Это обусловлено большим количеством факторов, основные из них: культурные различия, поскольку советские реалии имеют свои уникальные культурные, исторические и социальные контексты, которые могут быть непонятны или неактуальны для иностранной аудитории; отсутствие эквивалентов, так как во многих случаях в других культурах нет прямых аналогов советским реалиям; целевое назначение текста – поскольку литературный текст представлен для широкой аудитории,

важно сделать его максимально понятным. Генерализация помогает избежать специфических терминов и понятий, которые могут вызвать затруднения.

Источники:

1. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
3. Влахов С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
4. Довлатов С. Д. Заповедник. М.: Азбука, 2021.
5. Dovlatov S. Pushkin hills. СПб.: КАРО, 2024.

P. G. Andreeva (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

**TRANSLATION OF SOVIET REALITIES IN S. DOVLATOV'S TALE
«PUSHKIN HILLS» INTO ENGLISH**

Various approaches to the concept of «reality» are described, and V. N. Komissarov's classification of translational transformations is also considered. The translation of Soviet realities in Sergei Dovlatov's tale «Pushkin hills» into English is studied. Particular attention is paid to the adaptation of some cultural and historical contexts typical of the Soviet era. The article analyzes examples from the text illustrating the complexities of translation, as well as the influence of these translation decisions on the perception of Soviet reality in a foreign context.

Soviet realities, translation transformations, loan translation, generalization, S. Dovlatov's prose

УДК 130.2

А. В. Астахова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: astakhova.a.v@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО КОСМИЗМА НА АРХИТЕКТУРНОЕ БУДУЩЕЕ

Статья исследует философские аспекты утопических проектов, выдвинутых архитекторами и учеными Советского Союза в начале XX века, где особое внимание уделяется философии космизма. В статье рассматриваются проекты воздушных городов, космических поселений, созданные архитекторами того времени, как проявления глубокой философской рефлексии о будущем человечества. Центральной темой является идея преобразования человека и его адаптации к новым условиям жизни на земле, в воздухе и космосе, включая инженерные решения для создания устойчивых жизненных сред. Эти идеи отражают философские размышления о границах человеческой природы, смысле прогресса и возможностях эволюции разума и сознания в контексте будущего освоения космоса.

Русский космизм, философия прогресса, освоение космоса, архитектура, инженерные решения, будущее человечества, философия науки, архитектурные утопии, технологии будущего, футуризм

Архитектура – искусство материализации идеи, преобразования внутреннего видения в реальную, физическую структуру мира. Преобразуя действительность в соответствии с представлениями о должном, произведения архитектуры, ставшие частью окружающего пространства, неизбежно влияют на человека, организуя его бытие по своим законам. Эта особенность не могла пройти мимо внимания авторов социальных учений, направленных на создание совершенного общества. Архитектурные проекты утопистов в эпоху расцвета философии космизма, были призваны формировать новый тип человека – идеального гражданина идеального государства [1].

Необходимость поиска новых архитектурных решений, особенно для жилого застройки, стала актуальной в России в первые годы советской власти. Уникальная ситуация, сформировавшаяся в СССР, создала условия для развития особого типа мышления, которой ориентировался не столько на существующую реальность урбанизации, сколько на предполагаемые изменения будущего мира. Как отмечал Н. А. Бердяев, «в своих грандиозных, всегда планетарных планах, коммунизм воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения» [2].

Самым решительным проектом, который нашел отражение в работах советских архитекторов, стал замысел космического масштаба – освоение Вселенной. Это философское направление было тесно связано с идеями бессмертия человечества и всеобъемлющей свободы. Отголоски античной традиции нашли свое продолжение в философии Федорова, Циолковского и других мыслителей, которые в XIX – нач. XX рассматривали выход в космос как часть программы нравственного и физического преобразования человека. Архитекторы нового поколения, романтизирующие космос, вдохновлялись образами неземной архитектуры, предназначенной для ускорения освоения космического пространства. Основной целью становилась использование архитектурных эскизов и идей (сегодня это называется бумажной архитектурой), как средство выражения связи советского авангарда и философии русских космистов.

Философ-футуролог Николай Федорович Федоров расценивал традиционную культуру, т. е. искусство и архитектуру, как иллюзорные. По его мнению, жители городов и деревень, которые воспринимали обычные здания как что-то неизменное, недвижимое, ошибались, не осознавая, что духовным прообразом храма было стремление вознестись к небесам. Впечатления от старинных храмов, в том числе романских, он считал иллюзией, которая лишь маскировала действительную суть архитектуры. В новых условиях эту ошибку следовало бы устранить: «если архитектура подобия есть противодействие падению, поднятие, поддержание падающего, некоторое торжество над падением тел – то действительная архитектура будет противодействием падению самой земли и целой системы, противодействием падению всех мировых систем» [3].

Существует мнение, что супрематизм Казимира Малевича и Лазаря Лисицкого, которые стремились создать «единую мировую архитектуру земли», развивали идеи, схожие с концепцией супраморализма Н. Ф. Федорова [4]. Такую же точку зрения разделял К. Э. Циолковский, утверждая, что важнейшим инструментом процесса реорганизации положений мира должна стать именно старинная архитектура. Он считал, что для освоения новых территорий вполне довольно выстроить над ними стеклянные купола: «пустыня должна быть прикрыта особыми оранжереями-домами, чтобы сделаться зимним раем», а на холмах «закрытые дома и оранжереи могут оградить себя от влияния воздуха и накапливать теплоту указанными способами. Потолки днем должны быть открыты для солнца, но закрыты для ветров, т. е. они должны быть стеклянными и прозрачными для возможно большего числа лучей» [5].

Прозрения Циолковского были чрезвычайно близки исканиям архитекторов, поставленных перед задачей создания новых форм и систем расселения [6], [7]. Как отмечал Эль Лисицкий, одной из наших утопических идей является стремление преодолеть ограничения фундамента, земной тяги. Идея победы над фундаментом, приземленностью, может распространяться и дальше и призывает к победе над гравитацией как таковой. Она требует парящих сооружений, физически-динамической архитектуры [8. С. 24].

Авангарду было свойственно восприятие образа мобильных сооружений. Малевич в письме к Матюшину 1913 г. грезил о времени, «когда на громадных цепелинах будут держаться большие города и студии современных художников».

Нарочитая асимметричность, сдвиги объемов и плоскостей, умозрительный космизм образов, стремление к крупным реформам – таковы черты, которые характеризуют архитектурные творения новаторов того времени [9].

Москва стала центром притяжения для приверженцев этого течения, поскольку в отсутствии архитектурных традиций было намного проще реализовать «творческую свободу». Показательные работы были представлены мастерскими И. А. Голосова и Н. А. Ладовского. Самая известная среди них труд И. А. Голосова (1922 г.) – проект для конкурса на представление образа Дворца труда в столице. Весь план состоит из сдвигов, фасадные решения выглядят как разбалансированные массы, со сдвигами объемности. Можно также добавить специальное выделение особым символом эмоционально выразительного характера устройств. К примеру, перекрытие основного зала было представлено в виде огромного зубчатого колеса.

В Ленинграде, городе с более строгими архитектурными традициями и их базовая классическая линия выступали как определенный фактор сдерживания. Ленинградские специалисты не были готовы разорвать с уже устоявшимися традициями. Поиск новых форм, наполненных пламенным пафосом революции, в Ленинграде представлено через романтическую символику и сверхмонументализм.

Все течения русского авангарда по-своему использовали космическую тему, но основным его выразителем становится супрематизм и его основоположник Малевич. Он, возможно, был самым первым среди русских мастеров, кто принял и вложил в основу супрематизма концепцию настоящего космического преображения мироздания, изложенную русским философом Николаем Федоровым (1828–1903).

Можно с большой уверенностью сказать, что до сих пор не дана еще качественная оценка влияния на процессы стилеобразования в искусстве и архитектуре России начала века со стороны идеологии Федорова. Еще в работе «Философия общего дела» Федоров обосновывает неминуемость предстоящего вхождения человечества в космическое пространство и изменения расстановки влияния планет солнечной системы. Благодаря новому пониманию искусства, которое было сформулировано Федоровым, оно приобретало более высокий смысл как метод создания образцов, идей, художественных близостей всего того, что человечество должно будет создавать в реальности.

Для Федорова архитектура это символический образ преобразования ткани Вселенной, в которой наша планета и весь миропорядок будут пространством для вселенского творчества. Он пророчил, что в скором времени каждый станет настоящим творцом безграничной Вселенной, а искусство будет способно строить ее по высшим нравственным законам, гармонии и кра-

соте. Природа для Федорова представлялась как слепая сила, и этой стихийной силой нужно уметь распорядиться, для чтобы человечество смогло победить ее спорадические законы. Только архитектура, по его мнению, может разумно организовать безжизненные, трудные физические массы Вселенной.

Такой же опорой на архитектуру можно охарактеризовать направления деятельности выдающегося супрематиста Малевича. Близкие Малевичу художники, такие как Иван Клыон и Матюшин, чутко отслеживали движение научной мысли, применяли достижения ученых в своем творчестве. Матюшин, опиравшийся на миропонимание Н. Лобачевского, Б. Римана, Г. Минковского, К. Гаусса, Ч. Хинтона, П. Успенского, практически первым из художников ввел в русское искусство новое измерение – время. Несмотря на то, что Малевич ни в одном открытом источнике не говорит о влиянии на его представления чьих-либо философских идей, и в том числе концепции Федорова, представлявшей грядущее преобразование мира и значение архитектуры в этом процессе, стоит отметить, что термин, которым художник называет организованное им течение в искусстве, и значение, которое он вкладывал в него, находится очень близко с определением супраморализма которое дает Федоров. Согласно его пониманию, супраморализм требует «преображения поюсторонней, земной действительности, преобразования, распространяющегося на все небесные миры».

Мы можем понимать, что в процессе создания станковых живописных композиций, Малевич изображает не что-то непонятное, а по федоровской концепции «проектировал» новоиспеченный, супрематический мир, намереваясь затем сотворить «единую систему мировой архитектуры Земли». Можно утверждать, что супрематизм задумывался как особая система художественно-стилистического реорганизации предметно-пространственной сферы мира целиком. Уже первые «супремы» художника представляли из себя ортогональные проекции объемных элементов, которые парили в безграничном пространстве. Их масштаб подчеркивался глубиной пространства фона.

Супрематизм начал реализовываться в архитектуре после революции, которую Малевич прочувствовал как повод для реального преобразования мира. Эль Лисицкий писал: «Мы переживаем исключительную эпоху вхождения в наше сознание нового рождения в космосе», «наша жизнь получила теперь новый, коммунистический железобетонный фундамент для всех народов земли».

В конце 1920-х гг. Малевич уже говорит о переходе от теоретизирования к практическому воплощению архитектурного супрематизма: «Установив определенные планы супрематической системы, дальнейшее развитие уже архитектурного супрематизма поручаю молодым архитекторам в широком смысле слова, ибо вижу эпоху новой системы архитектуры только в нем» [10].

Художник и архитектор Лисицкий, который возглавлял в Витебском Свомасе архитектурный факультет, члены УНОВИСа начинали воспринимать су-

прематические работы, расположенные в плоскости как единую объемную проекционную композицию, осуществлять аксонометрические супрематические построения. Движение от плоскостного супрематизма к графически-объемному, а затем к пространственно-объёмному становится реальным процессом. Этот подход Чашник с Хидекель реализуют в первой статье, которая была опубликована в журнале УНОВИСа «Аэро» об аэрогороде, который парит над Землей. Лазарь Лисицкий становится первым из учеников Малевича, кто в диалоге с мастером, осознал масштаб супрематической стилистики и распознал ее в значительной мере. Именно он форсировал преобразование объемного супрематизма и последовавшее за этим воплощение супрематизма в архитектуре. «Пересадочными станциями от живописи к архитектуре» сам Лисицкий называл свои проекты утверждения нового, которые были вдохновлены передвигавшимися в пространстве космическими «супремовами» Малевича.

Лисицкий теоретизирует, используя теорию «прибавочного элемента» Малевича, и утверждает принцип включения живописного опыта, в процесс сложения, выстраивания нового тела Земли. Город он понимал как единое творческое депо, своего рода инициатора творческих преобразований в мироздании. Динамическая архитектура будет основой для нового театра жизни, и потому вполне понятно, что решение задачи архитектуры, связанной с определением ритма членения пространства и времени, будет разрешена просто, поскольку будет выстроена четко и ясно как устройство пчелиного улья.

Как и его ученики Малевич создает целую подборку эскизов «аэрогородов» с земными поселками и домами будущего, один из которых предстает в виде очертания самолета. Его последователи и коллеги также работают в этом направлении: «Архитектоны», «Супремолет» Чашника, проекты надводного плавучего города и пространственной структуры над ландшафтом Хидекеля. Еще одним полем для эксперимента становятся архитектоны (супрематические архитектурные модели), которые Малевич выставляет на выставке ГИНХУКа в 1926 году. Все эти действия были направлены на создание новой системы «супрематического ордера».

Образ этой системы Лисицкий передал на страницах своей книги «Супрематический сказ про два квадрата», в которой нашу планету посещают супрематически упорядоченные структуры, вносящие новый порядок на всем земном шаре. Логически вытекающим проектом Лисицкого стал «горизонтальный небоскреб», который он предлагал выстроить над построенными зданиями Москвы. Также стоило расправиться с небоскребами, которые занимают своим фундаментом много места, но при этом имеют мизерное сечение в воздухе. Он предложил порвать небоскреб на части и развесить их по отдельности в воздушном пространстве. Его летающий города должен был стать первым этапом выхода человека на околоземную орбиту.

На роль главного символа всемирной связи в работах советских архитекторов 1920-20-х гг. выдвигалась дирижабль. Доказательством этого может быть эскиз-предложение архитектора С. Грузенберга «Аэромодель «Колум-

бус», которая состояла из комплекса жестких дирижаблей, которым управляла специально выделенная гондола. Проект дополняли посадочные площадки для самолетов, как это затем было представлено в проектах воздушных авианосцев. Эти же идеи структурирования различных сооружений и разделения их по высоте использует И. Леонидов в своем проекте, который он представил на конкурсе памятников-маяков Христофору Колумбу в Санто-Доминго. Он помещает «Аэропорт имени Колумба» на вершине, а по периметру круга – у него размещается вокзал с площадками для посадки; ангары размещены на земле, Перемещающаяся площадка выполняла подъем летательных аппаратов и рядом же устанавливались мачты для причала дирижаблей.

Циолковский, несмотря на свою веру в возможности космического путешествия и освоения других планет, осознавал и сложности, связанные с поселением в космосе. Он подчеркивал важность создания комфортных условий для жизни в космических кораблях и базах, однако признавал, что это требует сложных технических решений и преодоления множества препятствий.

Важно, что Циолковский не только видел потенциал космической технологии для создания лучшей жизни на Земле, но также предлагал новые формы существования и жизни в космических условиях. Он осознавал, что человеческая раса должна развиваться не только в биологическом и социальном аспектах, но и на уровне разума и сознания. Идея создания «людей-растений» является уникальной и многообещающей в этом отношении. Она показывает, что Циолковский был не только прогрессивным ученым, но и мыслителем, представляющим новые идеи для будущего развития человечества [11].

Циолковский предлагает мысль об инженерном решении проблемы выживания человека в космосе посредством создания специальных оболочек, которые будут обеспечивать человеку все необходимые условия для жизни, в том числе и питание. Он признавал, что для преодоления препятствий, связанных с космической дальностью и тяготением, нужны инженерные решения, основанные на внимательном изучении природы и законов физики. Он утверждал, что человек способен создавать новые жизненные формы, основывая это тем, что основная идея жизни – приспособление к окружающим условиям, а человек может усовершенствовать ее, основываясь на знаниях, полученных от природы [11]. Циолковский считал, что человечество обязано преодолеть свои ограничения и идти дальше в экспансии в космос.

Источники:

1 Колли Н. Я. Задачи советской архитектуры: Основные этапы развития советской архитектуры. Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов; Оргкомитет Союза советских архитекторов СССР. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1937.

2. Русский космизм. Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
3. Федоров Н. Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством? [Электронный ресурс] URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor135.htm> (дата обращения 11.01.2025)
4. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
5. Циолковский К. Э. Будущее Земли и человечества. Калуга, 1928.
6. Пастух О. А. Планировка и строительство новых городов СССР в годы первых пятилеток // Доклады 70-й науч. конф. профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета: в 3 ч. Ч. 1 / С.-Петербург. гос. архитектур.-строит. ун-т. СПб., 2014. С. 236–240
7. Сапрыкина Н. С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность Ярославль: Изд-во Ярославского государственного технического университета, 2006.
8. Астахова А. В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // Дискурс. Т 9. № 4. С. 20–28
9. Сапрыкина Н. А. Формирование экоустойчивого обитания пространства будущего: теория, практика, перспективы. М.: КУРС. 2021.
10. Малевич К. С. Супрематизм. 34 рисунка. Витебск: УНОВИС, 1920.
11. Циолковский К. Э. Живые существа в космосе. М.: Public Domain, 2016.

A. A. Astakhova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE INFLUENCE OF RUSSIAN COSMISM ON THE ARCHITECTURAL FUTURE

The article examines the philosophical aspects of the utopian projects of architects and scientists of the Soviet Union in the early 20th century. In these projects, special attention is paid to the philosophy of cosmism. The article examines the projects of aerial cities and space settlements created by architects as manifestations of deep philosophical reflection on the future of mankind. The main theme is the idea of human transformation and adaptation to new living conditions on earth, in the air and in space, including engineering solutions to create sustainable living environments. These ideas reflect philosophical reflections on the limits of human nature, the meaning of progress, and the possibilities of the evolution of reason and consciousness in the context of future space exploration.

Russian cosmism, philosophy of progress, space exploration, architecture, engineering solutions, the future of mankind, philosophy of science, architectural utopias, technologies of the future, futurism

УДК 81'44

О. В. Атаманова (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, e-mail: ataman772@yandex.ru)

ДИСКУРС «САРАФАННОГО РАДИО»: ОСНОВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕОЧЕВИДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается такое явление как «сарафанное радио» с учетом особенностей современного дискурса и новых технологий. Обсуждаются плюсы и минусы такой стратегии, применяемой с целью коммуникативного воздействия, в зависимости от сообщения с позитивным или негативным содержанием, ее успешность и применимость в различных ситуациях.

«Сарафанное радио», дискурс, речевой акт, перлокуивность, комиссивность, перцептивность, социальные сети, обратная связь адресата

Такое явление, как «сарафанное радио», существует в нашей жизни с незапамятных времен. Близкими по смыслу к нему можно считать такие понятия, как «слух», «молва», процесс и область распространения которых не всегда удавалось контролировать, что зачастую приводило к драматичным последствиям, умение же управлять ситуацией могло стать залогом большой удачи. Считаем уместным, в связи с этим, вспомнить слова великого русского поэта Ф. И. Тютчева о том, что смерть и «суд людской» это «две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой...», при этом смерть беспристрастна ко всем, тогда как общественное мнение бывает несправедливо к самым достойным из нас [1, С. 353]. В произведениях фольклора понятия о «доброй» и «дурной» славе также нашли широкое отражение (см., напр., [2, Т.1, С. 353–355; Т.3, С. 33–34, 413–428]).

Однако, само понятие сформировалось относительно недавно, оно возникло одновременно с появлением радиосвязи, то есть примерно сто лет назад. В это время в деревнях стали появляться первые радиоточки, и сельские жители старались не пропустить свежие новости, первыми узнать о них. Если все-таки не удавалось послушать радио, новости приходилось узнавать от односельчан, иногда в искаженном виде [3].

И, конечно, такое свойство речевого поведения людей не могло оставить равнодушным специалистов по рекламе и маркетингу. В нашей повседневной жизни, при обращении к сфере услуг, при покупке товаров народного потребления мы часто прислушиваемся к рекомендациям друзей и знакомых. Поэтому соответствующие специалисты стараются максимально эффективно использовать такую возможность для рекламы [4]. И, если речь идет о товарах широкого потребления, то число участников коммуникативного процесса

сложно представить даже приблизительно, оно может неограниченно расти. И в этом случае, учитывая коммерческую составляющую коммуникативного процесса, следует указать на один важный аспект – тем более невозможность контролировать эффективность и качество работы каждого из участников [5], и, как следствие, невозможность правильно оценивать вклад каждого из коммуникантов, успешность его коммуникации и адекватным образом вознаграждать его материально. В качестве примеров можно привести развитие сетевого маркетинга в нашей стране в 1990-е годы и появление таких фирм, как Ori-flame или Avon. Основными принципами его были и остаются прямые продажи товара знакомым, друзьям, коллегам во время непринужденной беседы. На первый взгляд могло показаться, что такой способ коммуникации в принципе не может иметь негативных последствий ни для кого из участников. Тем не менее, недостатком данного метода можно считать зачастую неудовлетворительные результаты коммуникативного процесса вследствие относительно высоких цен на товары и невысокого уровня вознаграждения в случае успешного коммуникативного взаимодействия. И, если говорить о перлокутивном эффекте коммуникативного акта, то есть, об изменении взглядов адресатом и представлений о чем-либо и побуждении его к действию [6, С.182], то во многих случаях мы отмечаем слабо выраженный перлокутивный эффект и часто неудовлетворительный результат. Увеличение доли комиссиров в общем объеме передаваемой информации может во многих случаях позитивным образом сказаться на результате такой речевой коммуникации. Под комиссировым сообщением здесь и далее будем понимать сообщение, в котором адресант берет на себя некоторые обязательства [6, С.194; 7, С. 164]. Можно добавить к сказанному, что дискурс повседневного общения в России 1990-х годов имел некоторые отличительные особенности, связанные с общей политической и экономической ситуацией – такого рода информация, даже при относительно высокой общей доле комиссиров, вызывала гораздо больше сомнений в ее достоверности, нежели в наши дни, что было связано с нестабильностью в обществе.

Учитывая сказанное, хотелось бы оспорить позицию об отсутствии предубеждений против «сарафанного радио», что специалисты по рекламе традиционно относят к плюсам такого вида коммуникации [3; 8, С. 205] наряду, впрочем, с низкой (в отдельных случаях – ничтожной) коммерческой стоимостью такого воздействия [8, С. 204–205]. Это утверждение справедливо иногда, когда коммуникация более целенаправленна нежели вещание на широкую аудиторию с большим охватом, при которой учет интересов каждого адресанта в отдельности справедливо будет считать ничтожно малым.

Отметим также более высокую степень перцептивности адресата по отношению к информации с негативным содержанием нежели к сведениям позитивного характера. Причиной этому может быть его внутренний протест – и против навязчивой рекламы, и против различных других идей, активно навязываемых извне. С этим может быть связан и наш, часто упоминаемый, дет-

ский опыт, когда нам кого-то ставят в пример, а мы, в свою очередь, упорно ищем недостатки в совершенном. Такой посыл прежде всего подразумевает наши собственные просчеты и неудачи и поэтому не может считаться приятным воспоминанием. Однако, на наш взгляд, среди самых важных причин активного восприятия негативной информации прежде всего – инстинкт самосохранения индивидуума, действующий на сознательном и подсознательном уровнях. Каждый из нас стремится избегать неприятностей, насколько это возможно, а значит, старается узнать о вероятных проблемах как можно больше, чтобы минимизировать их последствия. Поэтому мы можем согласиться, исходя из нашего опыта, что всякого рода негативная информация, даже лишенная эмоциональной окраски, редко остается без внимания. Кстати, ловушкой мы можем считать и видимую индифферентность при передаче такой негативной информации – мнимая незаинтересованность адресанта может оказать мощное воздействие. С точки зрения «сарафанного радио», если мы хотим каким-то образом использовать его в качестве полезного механизма, нам следует быть очень осторожными и всячески избегать негативного отклика. Именно с этим связана репутация, «доброе имя» – отдельного лица или предприятия, за сохранение которых иногда приходилось платить высокую цену. Такие деяния как клевета и шантаж, к сожалению, также относятся к дискурсу «сарафанного радио» и могут нанести непоправимый ущерб. Но, с другой стороны, некоторые из нас, обладая искусством пиара, могут взять ситуацию под контроль и извлечь пользу для себя.

Что касается тенденций последних десятилетий, то мы можем говорить о социальных сетях как полезном и эффективном механизме создания репутации и развития популярности. Все более привычным для нас становится изучение сетевых отзывов практически обо всем – о товарах, услугах, о путешествиях, о спектаклях, фильмах и книгах. И здесь на первый план выходит языковая личность адресанта, ее вкусы и пристрастия, ее уровень экспертности, степень доверия к этой личности со стороны аудитории. Вот такие причудливые формы принимает «сарафанное радио» в наше время – это «лайки» и отзывы. К сожалению, и здесь не обходится без коммерции. Каждый из нас, вероятно, время от времени, сталкивался с предложением писать положительные отзывы в сети о чем-либо за небольшое вознаграждение. В таком случае о доверии говорить не приходится. Но и здесь «сарафанное радио» находит выход, как сохранить доверие – к сетевым отзывам часто прилагают фотографии, подтверждающие достоверность обратной связи.

Что касается самих социальных сетей как механизма развития популярности, то здесь следует отметить одну важную особенность. Пользователи соцсетей больше всего стремятся именно к социализации, то есть к тому, чтобы найти себе единомышленников и друзей, быть услышанными и понятыми. И цель каждого из нас, в первую очередь – отыскать «своих», а уже во вторую – присоединиться к какому-нибудь проекту [9, С. 131–132]. Что мы получим в результате такого взаимодействия? Прежде всего, к сожалению, экспертность

может оказаться на втором плане, и, таким образом, при самом высоком уровне перлокутивности адресанта коммуникативный эффект от взаимодействия мы не сможем признать удовлетворительным. И сами усилия, иногда немалые, направленные на развитие проекта, могут в итоге не принести результата, поскольку не эта цель была приоритетной для коммуникантов. И тогда используют специальные маркетинговые механизмы, функционирование которых уже выходит за пределы лингвистической науки.

Подводя итог сказанному, попробуем ответить на вопрос – что же такое «сарафанное радио» в современных условиях? Чего больше в нем – плюсов или минусов для каждого из участников процесса? Адресату следует критически относиться к услышанному и прочитанному. Что касается адресанта, распространителя информации, который, согласно расхожему мнению, ничего не теряет от своей активности, но может только выиграть – действительно ли все так хорошо? У этого процесса есть обратная сторона – утрата доверия к человеку, сомнение в искренности его намерений и доброжелательности по отношению к близким и друзьям, как следствие – разрушение личностных связей. Поэтому, мы полагаем, участнику коммуникативного процесса с использованием «сарафанного радио» в коммерческих целях необходимо помнить о возможных последствиях деятельности такого рода и расставлять приоритеты в соответствии с этим.

Источники:

1. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. «Public Domain» URL: <https://olehnik.ru/files/literatura/Ф.%20Тютчев%20Полное%20собрание%20стихотворений.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).
2. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля. В 3 т. М.: Русская книга, 2000.
3. Соколов Е. Сарафанное радио: принципы, приемы, примеры. 2024. URL: <https://dasreda.ru/media/marketing/sarafannoe-radio/> (дата обращения: 28.10.2024).
4. Лебедев Ю. В. Сарафанное радио в маркетинге и его значение для малого бизнеса // Научные исследования. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sarafannoe-radio-kak-priem-marketinga-i-ego-znachenie-dlya-malogo-biznesa>. (дата обращения: 23.10.2024).
5. Рудченко В. Н., Хайбулина З. М. Скрытый маркетинг: его особенности, сильные и слабые стороны // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytyy-marketing-ego-osobennosti-silnye-i-slabye-storony> (дата обращения: 09.11.2024).
6. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194.
7. Капитонова И. В. Перлокутивный эффект речевых актов в конвенциональном межличностном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.2. Языкознание. 2013. №1(17). С.164–169.

8. Стефанова Н. А., Кравченко В. О. В чем сила «лайка»? // Карельский научный журнал (экономические науки). 2017. Т.6. №4(21). С. 204–206.

9. Слугина Ю. Н Маркетинговые коммуникации в социальных сетях: проблемы и перспективы Вестник финансового университета. 2015. №2. С. 130–134.

O. V. Atamanova (Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences)

THE DISCOURSE OF “WORD-OF-MOUTH”: GENERAL ADVANTAGES AND NON-OBVIOUS PROBLEMS OF COMMUNICATION PROCESS

The article considers "word-of-mouth" phenomenon, taking into account the peculiarities of modern discourse and new technologies. The pros and cons of such a strategy used for the purpose of communicative influence, depending on the message with positive or negative content, its success and applicability in various situations are discussed hereafter.

“Word-of-mouth”, discourse, communicative act, perlocution, commissivity perceptivity, social media, addressee’s feedback

УДК 140.8

А. В. Бабаева (независимый исследователь, e-mail: annabab1@yandex.ru)

ХИМЕРА ТРАНСГУМАНИЗМА

Рассматриваются трансформации, происходящие в цифровой цивилизации. Показывается, что в современном мире возрастает потребность в новой философской оптике, которая способна не только фиксировать изменения, но и представлять варианты развития. Особое внимание уделяется изменениям, происходящим с человеком и его ценностными ориентирами. Исследуется феномен трансгуманизма, который представляется альтернативным вариантом, пришедшем на смену гуманизму.

Человек, цифровая цивилизация, преобразование, гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, философия

«мы все – химеры,
выдуманные и сфабрикованные
гибриды машины и организма;
короче, мы – киборги».

Донна Харауэй
(профессор Калифорнийского университета)

Возрастание интереса к возможному моделированию и предсказанию будущего не случайно усилилось в XXI веке. Философская традиция Нового времени стремилась «поставить» философию в ряд рациональных научных дисциплин и это почти удалось. Но понимание того, что это не верно начинает усиливаться в XX веке. У М. Хайдеггера есть оценка этой тенденции, когда он отмечал, что мы не сравнивали философию с наукой, мы хотели определить ее как науку. И это огромное заблуждение. «Измерение ценностей философии идеей науки есть уже фатальнейшее принижение ее подлиннейшего существа» [1, С. 6]. Иначе говоря, приобретая статус «строгой науки» философия постепенно теряла что-то значимое, что, возможно, отражалось в идеи «веселой науки». В свое время Плутарх мудро заметил, что «высшая мудрость – философствуя, не казаться философствующим» [2]. И не случайно в философской традиции важное место занимали социальные утопии и футурологические представления. В XX веке футурология стала самостоятельной отраслью. Но стремление предсказать будущее сохранялось в пограничных областях философского проблемного поля. Начало XXI века постепенно смещает этот интерес из периферийной области в центральную. Можно считать это ответом на «преждевременный приход будущего» [3].

Изменения, произошедшие на глазах одного поколения, вышли за рамки

самых фантастических представлений. Социотехнологические перемены произошли в пределах одной человеческой жизни, можно сказать, что реализовалась фантазия о машине времени – человечество перенеслось в мир, который не познан, не всегда понятен и сложен для восприятия в системе традиционных научных координат. Человек оказался, сам того не желая, в переломном моменте истории. Ф. Тютчев писал в своем стихотворении «Цицерон»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! /Его призвали всеблагие /Как собеседника на пир» [4, С. 122]. Но в своем большинстве «чувства блаженства» мы не испытывает, наоборот нас страшит это непонятное настоящее и то, что следует за ним.

Во второй половине XX века появились и активно были растиражированы представления о «смерти» человека, автора, субъекта, объекта, времени, пространства и т. д. Цифровая реальность усилила чувство человеческой потерянности. Все это вновь поставило перед человечеством давно казалось бы решенные вопросы. И философия, в этой ситуации, становится тем островком смыслов в безудержном море реальности, на первый взгляд абсолютно бессистемного, которая обрушилась на современного человека. Но кроме рациональности от философии ожидают и футурологических представлений. В чем-то даже утопических идеалов, за которыми можно следовать. Слишком много не заполненных лакун возникли в человеческом существовании.

Перед человечеством встала необходимость не просто пересмотра каких-либо отдельных представлений, а умение отказаться от большинства ценностей, норм, традиций. «Глобальная деревня» активно разрушает устойчивые культурные системы. М. Оже отмечал: «Пришельцы стирают облик привычного культурного пространства, размывают границу «свой-чужой», а иногда и саму идентичность группы» [5, С. 23]. Естественный порядок вещей, который господствовал в мировоззрении поколений, сменяется чем-то Иным. Но признать эту неопределенность мы оказались не готовы. Поэтому мы продолжаем рассуждать в эпоху Цифры, опираясь на привычные понятия и представления. А они, в своем большинстве, перестают объяснять и структурировать.

Стремление выстроить новую ценностно-нормативную «опору» для цивилизации заставило пересмотреть и идею гуманизма, как высшей ценности человеческой цивилизации. На протяжении всего прошлого века формировалось убеждение, что многие проблемы XX века – как не странно это звучит, результат «самонадеянной гуманистической веры», которая стала, согласно краткому определению Оксфордского словаря, «религией человечества». Й. Бохеньский в своем «Словаре» рассматривал гуманизм как «самый распространенный предрассудок современного человека» [6].

Среди наиболее ярких противоречий гуманизма выделяли: человек и природа; рациональность и чувства; цивилизация и дикость; индивидуальность-коллективизм. В каждой из этих пар, первая часть провозглашалась более значимой. А вторая – не столь существенной от которой можно отка-

заться ради «высших» целей. Как результат гуманистические представления не смогли найти гармонию и человечество оказалось перед лицом глобальных проблем. Поэтому, начиная с возникновения «Римского клуба» в далеком 1968 году, происходил поиск новых принципов существования человеческой цивилизации. Но большинство футурологических представлений и предсказаний становились апокалипсическими. Пространства СМИ и сегодня заполнены описанием катастроф, природных катаклизмов, экономических кризисов, войн, убийств и насилия. В результате усиливается представление, что гуманизм обернулся «нечеловеческим лицом» хаоса.

В 90-е годы XX века становятся популярными идеи пост-нео- и трансгуманизма. И если в рамках постгуманистических представлений преобладают идеи «развенчания» человека, как высшей ступени, «возвращение» его на землю, т. е. включение человека в более обширную природную среду. То идеи трансгуманизма в первую очередь связаны с процессами цифровизации. Понятие «трансгуманизм», возникнув в далеком 1957 году, в 90-е годы XX века становится привлекательным для мыслителей, оценивающих изменившуюся реальность. В своей «Декларации» авторы идей трансгуманизма, провозгласили стремление к морфологической свободе и праве изменять и улучшать человека. Тем более, что эпоха цифровизации и так трансформировала все сферы человеческой жизни. «В новую цифровую эпоху ускоряются все процессы, и это непременно влияет на общество в целом: на политику, экономику, средства массовой информации, бизнес и общепринятые нормы поведения» [7, С. 18–19].

Цифровизация действительно смогла внести онтологические изменения в образ жизни человека. Современные гаджеты, без которых уже невозможно представить современность, используя терминологию Дж. Чалмерса «растягивают человека» и, как результат, ставят вопрос о пересмотре телесных практик, границах между биологическим и техногенным. В современных исследованиях стали достаточно привычными словосочетания «дизайн человека», «технологии человека» и т. д. Появляются эстетические практики, реализующие данные представления.

Можно зафиксировать новую форму цифрового существования субъекта – мы становимся геолокализованными. Все наши посещения каких-то мест, фотографии и публикации имеют соответствующую геолокационную метку на мобильных устройствах. Трансформировалось не только отношение к телесности человека, но и к его морально-нравственным аспектам. Истинность и рациональность суждений в Сети не являются обязательными, а на первый план выходит эмоциональность и лаконичность. Аудитории интереснее переживать эмоции, а не следить за логикой построения причинно-следственных связей. «Эмоции на экране очищенные и яркие, концентрированные – более «реальны», чем то, что нам позволяет пережить повседневность» [8, С. 50]. И совсем не важно наши это эмоции или нет, подделка ли то, что мы видели/слышали или реальность. В такой ситуации вкус, оценка,

понимание и даже выражение удовольствия приходит извне. Видео блоги не только информируют нас о существовании того или иного предмета или явления, но и демонстрируют восторженное/удивленное/негативное переживание за нас. Мы подключаемся к выбранному нами каналу, чтобы перестать думать, отключится, а за нас эксперты обживают дискурс, касающийся событий, лиц, вещей. Мы подключаемся к уже созданному мнению, событию. Наши оценки, мнения, чувства – растворяются в информационных каналах, из источника информации мы превращаемся в переносчика чужого опыта, чужой жизни, чужих интересов.

В результате человек оказывается в многоликом мире, в котором всечеткие границы расплываются, становятся прозрачными. Такое состояние порождает еще больше страхов и стремление сохранить любым путем, то, что так привычно и понятно. Возможно, в этих страхах истоки религиозного ренессанса, который охватил Европу и Россию на рубеже XX–XXI веков.

Идеи трансгуманизма, высказывая во многом фантастические представления, о гибридном объединении человека и цифровых носителей, привлекают к себе тем, что говорят о проекте новой «сборки человека», который в результате станет более совершенным. Это еще не сверхчеловек Ф. Ницше, но уже «преодоление человека». И это не просто теоретические рассуждения фантастов. Трансгуманисты нашли «болеую точку» современной цивилизации и предлагают решить многие проблемы с помощью современных научных достижений. Используя современные технологии, такие как генная инженерия, крионика, искусственный интеллект, нанотехнологии, предлагается расширить человеческие возможности, замедлить или вообще уничтожить процессы старения, болезни, улучшить когнитивные и эмоциональные способности человека. В концепции трансгуманизма представляются программы по эволюции человека, как биологического вида. Объединение с современными технологическими инновациями, по мнению трансгуманистов, могут и должны создать людей с расширенными возможностями, т. е. «постлюдей».

Футуролог Ф. М. Эсфендиари (псевдоним FM-2030) предложил термин «трансчеловек». В этом термине должны найти воплощение те изменения и модификации, которые претерпевает современный человек. В результате этих трансформаций его уже невозможно считать человеком в традиционном смысле слова. Главное отличие будущего «трансчеловека» – это распределенная индивидуальность в биологическом и техническом телах. В образе «трансчеловека» должно быть завершено представление, что осознанно изменяться – неперемное условие современной жизни. Современный израильский историк и футуролог Юваль Ной Харари отмечает: «Мы, возможно, последнее поколение *Homo sapiens*. Через один или два века на Земле будут доминировать организмы, которые так же сильно будут отличаться от нас, как мы отличаемся от неандертальцев или шимпанзе» [9, С. 137].

Разговор идет не только о «совершенном человеке», «трансчеловеке» но и формировании «чистой нравственности» в отношении «Я» к другому «Я»,

причем этот «Другой» не просто человек иной расы или культуры, но и модифицированный человек, некий киборг ближайшего будущего.

Идеи трансгуманизма, как бы фантастически не выглядели, привлекают к себе большое внимание. Во многом это связано с тем, что проект трансгуманизма наделяет жизнь смыслом, пониманием направления в котором можно развиваться, всем тем, что сложные научные концепции вывели из обыденной жизни человека.

Во многом фантастические идеи трансгуманизма перекликаются с такими же фантазиями русского космизма Н. Ф. Федорова. Те же поиски возможностей решить проблемы болезней, старения. Как и в русском космизме рассматриваются перспективы расселения на планеты солнечной системы, возможности обретения бессмертия. И как русский космизм привлекал к себе ученых, так и представители трансгуманизма активно ищут поддержку в современных исследовательских центрах. Идеи трансгуманизма нашли поддержку со стороны предпринимателей Кремниевой долины, в том числе соучредителя Google Ларри Пейджа, Джеффа Безоса из Amazon и Илона Маска из Tesla. «Мы начнем с создания основ Нового Будущего. Нашей целью, в первую очередь, должно стать качество, а не количество. Следовательно, мы нуждаемся в разработке необходимой программы, направленной на предотвращение текущей волны роста населения, благодаря которой мы бы смогли воплотить в реальность все наши помыслы и надежды на лучший мир» – писал в далеком 1968 году Джулиан Хаксли [10, С. 74].

Идеи трансгуманистов можно оценивать по-разному. С рациональной точки зрения во многом это классический утопизм. Но если изменить оптику, то он может восприниматься одним из возможных вариантов развития «нового чудного мира» завтра. Кроме того, идеи трансгуманизма позволяют посмотреть под иным углом зрения на те изменения, которые ворвались в нашу жизнь и возможно, смогут вернуть в философию мечту, фантазию, утопизм. Как отмечал М. Хайдеггер «Нас всегда зовет Нечто как целое» [11, С. 7]. И этот «звон» всегда стремился «заглянуть» за завесу, скрывающую будущее.

Источники:

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир-конечность-одинокость / М. Хайдеггер. СПб: «Владимир Даль», 2013.
2. Плутарх. Избранные афоризмы, мудрые мысли, цитаты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphoristic-world.ru>
3. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2002.
4. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6 т. / Ф. И. Тютчев. М.: издательский центр «Классика», 2002. Т. 1.
5. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / М. Оже. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
6. Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрасудков / Перевод с польского. М.: Издательская группа «Прогресс»–«VIA»,

1993.

7. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. Пер. с англ. / Э. Шмидт, Дж Коэн. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

8. Корецкая М. А. Эффект реальности и пустыня Реального: цинизм и тоска на обломках онтологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2006. №1(4). Выпуск «Философия. Филология» С.42–57.

9. Харари Юваль Ной. Номо Деус. Краткая история будущего/Юваль Ной Харари. М.: из-во «Синдбад», 2018.

10. Хаксли Дж. Трансгуманизм // Журнал гуманистической психологии. 1968. Том 8. № 1. С. 73–76.

11. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир-Конечность-одиночество/ М. Хайдеггер. СПб: «Владимир Даль», 2013.

A. V. Babaeva (independent researcher)

THE CHIMERA OF TRANSHUMANISM

The author examines the transformations taking place in digital civilization. The material shows that a new vision and assessment within the framework of philosophy is needed. The author paid special attention to the changes that have occurred with humans and their value-normative systems. The phenomena of Transhumanism, which is displacing humanism and is a reflection of modern digital reality, is explored.

Human, digital civilization, transform, humanism, post humanism, transhumanism, philosophy

УДК 140.8, 141.155

С. С. Баженов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ssbazhenov@etu.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СРАВНЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ.

Различие естественного и искусственного интеллекта интеллигибельный, но при этом дискуссионный вопрос. В качестве основополагающего отличия при сравнении указанных объектов предлагается использовать онтологический критерий – фундаментальные принципы организации и достижения эволюционного успеха объектами рассмотрения. В результате формируется тезис о низком уровне экзистенциального риска на текущем уровне технологического развития.

Искусственный интеллект, естественный интеллект, тест Тьюринга, экзистенциальный риск.

Интеллектуальная деятельность может рассматриваться различными научными областями в качестве объекта исследования, при этом существует сложившееся разделение на два фундаментальных процесса относящихся к описываемому процессу. К первой категории относится естественная интеллектуальная деятельность, присущая живым объектам, а ко второй – процессы, протекающие в вычислительных системах, целью функционирования которых является обработка информации и/или использование ее результатов. В этой связи интерес представляет сущностное различие этих процессов в онтологической перспективе, как в свете ближайшего развития систем искусственного интеллекта (далее ИИ), так и перспектив достижения уровня сравнимого с уровнем человека или превышающего его, что по мнению Н. Бострома, может представлять экзистенциальную угрозу существования человека [1]. В целом можно привести как минимум три причины почему логико-вычислительные операции живых и цифровых субъектов описывается такими понятиями как «интеллект», «интеллектуальная деятельность», а также дихотомией «искусственный» и «естественный» интеллект.

Во-первых, «профанализацией», то есть переходу научных понятий из сферы дискурса частных наук в область общественной коммуникации, что обуславливается, с одной стороны, «массовизацией» науки, что отмечает М. В. Савин [2]. А, с другой стороны, происходит включение терминологии частных исследовательских областей в просветительскую деятельность и художественные произведения, авторы которых также участвуют в общественной дискуссии, но используют понятия как средство художественной выразительности, а не научной коммуникации.

Во-вторых, обращаясь к классической работе А. Тьюринга «Может ли машина мыслить?», очевидно разделение интеллекта на человеческий и машинный [3]. В этой связи цель, которая поставлена в статье перед последующими поколениями исследователей, определяется проблемным смыслом теста Тьюринга: вступить в диалог с человеком и имитировать его так, чтобы собеседник не смог отличить программную систему от живого оппонента. Дальнейшие разработки, например, игровое направление или чат-боты, к настоящему моменту показали впечатляющие достижения, однако какие бы результаты не демонстрировали различные программно-вычислительные системы, они все-таки остаются крайне специализированными и уступают человеку в универсальности. При этом вопрос Дж. Серла о понимании, также важен, как для оценки результатов развития систем ИИ, так и для оценки онтологических оснований различия естественного и искусственного интеллекта, которая будет проведена далее [4].

В-третьих, рассматривая вычислительные модели такие как «экспертные системы» или «нейронные сети» явно просматриваются попытки скопировать успешный путь пройденный естественным интеллектом. Примечательным в этой области служат исследования Карпова В. Э. посвященные роевому интеллекту [5]. Необходимо отметить детальное внимание автора к такой сложной проблеме как темперамент и возможностям его применения в групповой робототехнике. При этом исследователь подчеркивает необходимость применения логических моделей при описании поведения роевых животных (в качестве примера приводятся муравьи), а также делается попытка создать группу роботов. В беседе с Карповым В. Э. в рамках конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения» было отмечено важное отличие естественных и искусственных интеллектуальных систем, которое может быть выражена тезисом: «Живые организмы в отличие от систем ИИ не вычисляют». Разъяснению данного тезиса требует некоторого погружения в естественные науки и теорию систем, поскольку позволит более полно раскрыть вопрос о фундаментальных различиях естественного и искусственного интеллекта.

Рассматривая феномен жизни с позиций системного и синергетического подходов, становится очевидным открытый характер и системность организации любого живого организма. Процессы, в первую очередь, реализованы на клеточном и молекулярном уровнях организации. ДНК выступает «организатором» и «базой данных» для химических реакций, что позволяет с одной стороны осуществлять программу онтогенеза, а с другой – реагировать на изменения окружающей среды и адаптироваться к ним посредством гомеостатических механизмов в границах нормы реакции. Пока осуществляется жизнедеятельность происходит обновление состава химических комплексов, копирование и передача ДНК, а также деление клеток. Обновление и самокопирование в совокупности с эволюционными механизмами (наследственностью, изменчивостью и естественным отбором) порождают разнооб-

разие организмов, а значит и способов адаптации к окружающей среде. При всей кажущейся стройности, это достаточно случайный процесс, который, тем не менее, эффективен с точки зрения существования как отдельных особей, так и биосферы в целом. Химическое основание существования жизни носит не вычислительный, а синергетический характер: процессы идут так же, как и в химических (а фактически в физических) системах – по наименее затратному пути. Никаких специальных вычислений: минимальные возможные затраты в сочетании с естественным отбором порождают известное нам многообразие видов в биосфере, а также сложные механизмы оценки изменений в окружающей среде и контактов с себе подобными. Обработка информации нервной системой – результат взаимодействия множества высокоспециализированных нервных клеток, при этом минимизация затрат прослеживается и на этом уровне. Тот факт, что интеллект человека является самым развитым среди других животных, является в большей степени результатом выигрыша в эволюционную лотерею, но также порожден рядом фундаментальных закономерностей, применение которых к ИИ позволяет выявить существенные отличия в природе естественных и искусственных систем.

Существует дискуссия об идеальном характере интеллектуальной деятельности, которая восходит к декартовскому делению субстанции на протяженную и мыслящую. Однако, при широком распространении облачных технологий и возможности бесконечного копирования, цифровая информация все же локализована на конкретных материальных носителях, а вычисления проводятся на кремниевых процессорах. Обращает на себя внимание физико-химические различия в функционировании современных компьютерных систем и живых клеток или организмов. Во втором случае глубина химических процессов и их глубина существенно выше. Однако дело не в сложности, в принципиальном отличие внутренней структуры и сложности процессов в рамках реагирующего информационного кластера (клетки или транзистора). Эволюционный успех также может быть выбран в качестве критерия, но в обоих случаях он осуществляется различными путями. В случае живого организма – это, в первую очередь, результат сочетания изменчивости и благоприятных условий, способствующих выживанию и размножению. ИИ – будет продолжать существовать в случае выполнения функции, которые заложены и используются человеком, однако дальнейшая модернизация, на основе оценки эффективности, также лежит на человеке, что исключает развитие без внешнего вмешательства. Особые способы взаимодействия вычислительных систем с веществом и энергией, иная информационная основа порождают проблемы, преодоления которых не дает возможности постановки знака примерного или полного равенства между естественным и искусственным интеллектом.

Подводя итог следует вернуться к дискуссии об экзистенциальной угрозе для человека со стороны ИИ. Сомнения, высказанные Т. Уолшем, видятся более убедительным в свете сравнения принципов существования и саморегуляции

естественного и искусственного интеллекта [6]. Фактически при текущем уровне развития риск для человечества может исходить только от пользователей или обладателей описываемых вычислительных систем. ИИ служит особым инструментом в деятельности человека, однако сложность технологий только повышает личную и коллективную ответственность при их использовании.

Источники:

1. Бостром Ник. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
2. Савин, М. В. Массовизация науки: социокультурные контуры феномена // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovizatsiya-nauki-sotsiokulturnye-kontury-fenomena> (дата обращения: 08.01.2025).
3. Тьюринг А, Нейман Дж., Яновская С. А. Могут ли машины мыслить? С приложением статьи Дж. фон Неймана Общая и логическая теория автоматов. Пер. и примечания Ю. В. Данилова. Ред. и предисл. проф. С. А. Яновской. М: ГИФМЛ, 1960.
4. Серл Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://alt-future.narod.ru/Ai/sciam1.html> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Карпов В. Э. Модели социального поведения в групповой робототехнике // УБС. 2016. № 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-sotsialnogo-povedeniya-v-grupповой-robototekhnike> (дата обращения: 10.01.2025).
6. Walsh, T. The Singularity May Never be Near. In Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016), Phoenix, AZ, USA, 2016.

S. S. Bazhenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL AND NATURAL INTELLIGENCE: COMPARISON OF FUNDAMENTALS.

The difference between natural and artificial intelligence is an intelligible, but at the same time debatable issue. As a fundamental difference when comparing these objects, it is proposed to use an ontological criterion – the fundamental principles of organization and achievement of evolutionary success by the objects under consideration. As a result, a thesis is formed about the low level of existential risk at the current level of technological development.

Artificial intelligence, natural intelligence, Turing test, existential risk

УДК 316.4

Бакулин А. В. (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st121674@student.spbu.ru);

Бакулин Д. В. (Севастопольский государственный университет, e-mail: dmitrybaku@yandex.ru)

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ВЫЯВЛЕНИЕ НОВЫХ БАРЬЕРОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности».

Актуальность исследования цифрового разрыва обусловлена стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их ролью в социальной жизни. Вопрос о доступе к цифровым технологиям и способности эффективно их использовать становится ключевым для разных социально-экономических групп, особенно в отдаленных регионах. Новизна работы заключается в анализе не только технических, но и культурных и социальных факторов, влияющих на восприятие технологий. Рассматриваются новые аспекты цифрового разрыва, включая локализацию контента и адаптацию для этнических и возрастных меньшинств, что вносит вклад в понимание барьеров и путей преодоления цифрового неравенства.

Цифровой разрыв, информационно-коммуникационные технологии, цифровое неравенство, социальные барьеры, локализация контента, культурная адаптация, региональные различия, цифровые навыки, инклюзивный контент, социальная изоляция, этнические меньшинства, возрастные группы, доступность технологий

За последние три десятилетия быстрый рост информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сделал невозможным представить себе день без использования этих неотъемлемых инструментов [1, С. 976–978]. Цифровые технологии преобразовали множество аспектов жизни, облегчая доступ к образованию, здравоохранению, коммерции, социальным связям и развлечениям [2, С. 503–505]. Особую значимость цифровые технологии приобрели в период пандемии COVID-19, когда они стали ключевым инструментом для преодоления ограничений, вызванных карантином. Возможности удаленной работы, дистанционного обучения и онлайн-покупок стали неотъемлемой частью повседневной жизни, способствуя поддержанию социальной и экономической активности [3, С. 836–838]. Этот период стал катализатором массового внедрения ИКТ, ярко демонстрируя их значение для общества [4, С. 31–32].

Тем не менее, несмотря на масштабное внедрение ИКТ, восприятие их роли в обществе не всегда однозначно. Вопрос цифрового разрыва, который затрагивает доступ и умение пользоваться этими технологиями, стал важной темой для обсуждения на глобальном уровне [5, С. 109–111]. Расширение цифровых возможностей привело к возникновению новых социально-экономических различий, обусловленных не только доступом к технологиям, но и способностью эффективно их использовать. Цифровые технологии, несмотря на свои преимущества, все больше выявляют и углубляют существующие социальные и экономические барьеры, повышая степень социальной изоляции тех, кто не имеет навыков работы с этими инструментами [6, С. 460–461]. На восприятие технологий влияют такие факторы, как возраст, образование, доход, пол, этническая принадлежность, что приводит к усилению социального неравенства [7, С. 99], [8, С. 109], [11, С. 98–99].

Пандемия COVID-19 еще больше обострила проблемы цифрового разрыва, открыв перед обществом необходимость пересмотра того, как технологии воспринимаются и используются разными группами людей [9, С. 45–46]. В ранних обсуждениях основное внимание уделялось физическому доступу к устройствам и интернету, что отражало структурный подход к определению цифрового разрыва [10, С. 210–209]. Однако критика этого подхода направлена на то, что он игнорирует важнейшие аспекты, такие как цифровые навыки и способность эффективно использовать интернет, что уже рассматривается как "цифровой разрыв второго уровня" [5, С. 111]. Восприятие технологий в значительной степени зависит от их использования в повседневной жизни и навыков, которые необходимы для эффективного их применения. Растущий цифровой разрыв, усугубленный пандемией, требует углубленного исследования различных аспектов этого явления, особенно в контексте уязвимых групп.

Несмотря на растущий интерес к этой проблеме, все еще существует дефицит комплексных обзоров, которые бы всесторонне исследовали развивающиеся измерения цифрового разрыва, уязвимые группы и уникальные барьеры, с которыми они сталкиваются.

Для анализа проблемы цифрового разрыва было проведено обширное исследование, в рамках которого из научных баз было отобрано 8 532 источников. На этапе полного текстового анализа изучалось 178 статей, из которых только 35 работа соответствовала критериям включения.

Ранее цифровой разрыв трактовался преимущественно через призму доступа к интернету и устройствам. Однако в последние годы внимание ученых и экспертов все больше переключается на более широкие и глубокие аспекты этого феномена, включая восприятие технологий различными социальными группами, их готовность использовать цифровые ресурсы и обучаться цифровым навыкам. В нашем исследовании этот вопрос стал центральным. Результаты показали, что восприятие технологий и их значения существенно различается не только по странам, но и внутри стран, таких как Россия, где региональные различия играют важную роль.

Для многих групп населения важным фактором, определяющим участие в цифровом обществе, является не только наличие доступа к интернету, но и способность эффективно использовать цифровые технологии. Например, в России, где значительная часть населения проживает в отдаленных и сельских районах, отсутствие необходимой инфраструктуры и дефицит цифровых навыков создают дополнительные барьеры. В этом контексте критически важным становится не только наличие устройств и интернета, но и способность населения воспринимать эти технологии как инструмент для улучшения качества жизни. Важным фактором также является мотивация – многие люди в менее урбанизированных районах России не осознают, какие возможности открываются с использованием цифровых технологий, что делает их менее склонными к освоению новых инструментов.

Например, в России помимо русского, существует множество других языков, таких как татарский, башкирский, чеченский, якутский и другие. Отсутствие контента на этих языках или его ограниченность является значительной преградой для широкого использования цифровых технологий.

Культурная адаптация цифрового контента включает в себя не только перевод текста, но и учет культурных особенностей, традиций, норм поведения и восприятия информации. Это особенно важно для иммигрантов и этнических меньшинств, которые могут столкнуться с контентом, который не учитывает их культурные предпочтения и взгляды.

Например, большинство глобальных онлайн-платформ, таких как социальные сети или сервисы потокового видео, ориентированы на западную аудиторию и часто включают контент, который может быть чужд или неприемлем для других культур. Это касается как темы рекламы, так и языка общения на платформе. Включение элементов, которые отвечают традициям и нуждам культурных групп, может способствовать большему вовлечению этих групп в цифровое пространство.

Для пожилых людей в России также важным аспектом является не только наличие контента на понятном языке, но и учитывание специфики восприятия информации этой группой населения. Например, использование слишком сложных цифровых интерфейсов, недостаточная крупность шрифта или отсутствие адаптации для людей с ограниченными возможностями зрения могут серьезно затруднить доступ к цифровым услугам. Важно, чтобы контент был не только переведен на доступный язык, но и был понятен и удобен для восприятия всеми возрастными категориями.

Важным фактором, способствующим цифровому разрыву, является высокая стоимость интернета и цифровых устройств. Многие группы, такие как малоимущие семьи, не могут позволить себе покупку необходимых устройств и доступ к стабильному интернет-соединению, что ограничивает их возможности для использования цифровых услуг и технологий. Это особенно актуально в условиях стремительных технологических изменений, когда доступ-

ность новых технологий становится ключевым фактором для участия в обществе.

Результаты исследования подчеркивают важность не только технических решений, но и социальной и культурной адаптации цифровых технологий для обеспечения равного доступа к ним. Для успешного преодоления цифрового разрыва необходимо создавать инклюзивный контент, учитывать специфику различных групп населения и обеспечивать доступность технологий для людей с различными социальными и экономическими условиями. Это требует как правительственных инициатив, так и активного участия частного сектора в обеспечении равенства в доступе к цифровым услугам.

Источники:

1. Chayko, M. *Techno-social Life: The internet, digital technology, and social connectedness* // *Sociology Compass*. 2014. Vol. 8, No. 7. P. 976–991. DOI: 10.1111/soc4.12190.

2. Haight, M., Quan-Haase, A., Corbett, B. A. *Revisiting the digital divide in Canada: The impact of demographic factors on access to the internet, level of online activity, and social networking site usage* // *Information, Communication & Society*. 2014. Vol. 17, No. 4. P. 503–519. DOI: 10.1080/1369118X.2014.891633.

3. Дудина В. И., Кинг Э. Дж. *COVID-19 в Российской Федерации: государственный контроль во время эпидемии* // *Политика в условиях коронавируса. Сравнительная политика и политика в условиях COVID-19*. Анн-Арбор: Мичиганский университет, 2021. С. 437–457.

4. Malysheva G., Mikhaylenok O. *Пандемия COVID-19 – новый этап цифровой трансформации общества* // *Социальные и гуманитарные знания*. 2021. № 1. С. 28–39. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-1-28-39.

5. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. *Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва* // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. № 1 С. 108–120.

6. Торопова Н. В., Соколова Е. С., Гусейнов Ш. Р. *Тенденции цифрового неравенства в цифровой экономике: особенности международной дискриминации* // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Т. 10. № 8–1. С. 456–463. DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052. EDN: BUJXHR.

7. Юдина М. А. *Влияние цифровизации на социальное неравенство* // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. №1 С. 97–108.

8. Lu J., Yu C.-S., Liu C., Yao J. *Technology acceptance model of wireless Internet* // *Internet Research*. 2003. Vol. 13, No. 3. P. 206–222. DOI: 10.1108/10662240310478222.

9. Долгов А. Ю. *Влияние цифровых технологий на социальные взаимодействия и отношения в период пандемии Covid-19* // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*. 2021. №2 С. 43–53.

10. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. 2019. №10. С. 209–217.

11. Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Хайлунь и др. Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования // Дискурс. 2024. Т. 10, № 6. С. 94–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-94-107.

A. V. Bakulin (Saint Petersburg State University);

D. V. Bakulin (Sevastopol State University)

THE DIGITAL DIVIDE AND ITS IMPACT ON SOCIAL INEQUALITY: IDENTIFYING NEW BARRIERS

The relevance of the study of the digital divide is due to the rapid development of information and communication technologies (ICT) and their role in social life. The issue of access to digital technologies and the ability to use them effectively is becoming a key issue for different socio-economic groups, especially in remote regions. The novelty of the work lies in the analysis of not only technical, but also cultural and social factors influencing the perception of technology. New aspects of the digital divide are being considered, including content localization and adaptation for ethnic and age minorities, which contributes to an understanding of barriers and ways to overcome digital inequality.

Digital divide, information and communication technologies, digital inequality, social barriers, localization of content, cultural adaptation, regional differences, digital skills, inclusive content, social exclusion, ethnic minorities, age groups, accessibility of technology

УДК 316.4

Бакулин Д. В. (Севастопольский государственный университет, e-mail: dmitrybaku@yandex.ru);

Бакулин А. В. (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: bakulin.sanya2014@yandex.ru)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

В данной статье рассматривается проблема профессиональной адаптации выпускников вузов в условиях современных социально-экономических трансформаций. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации, глобальных процессов и изменений на рынок труда, а также на трудности, с которыми сталкиваются молодые специалисты при трудоустройстве. Исследуется роль образовательных учреждений, работодателей и институциональной поддержки в процессе профессиональной адаптации. Также анализируются социологические теории, объясняющие механизмы адаптации и стратегии преодоления кризиса профессиональной идентичности, связанные с экономической нестабильностью и социальными изменениями.

Профессиональная адаптация, выпускники вузов, социально-экономические изменения, цифровизация, рынок труда, профессиональная неопределенность, социальная дезадаптация, кризис выпускника

Современные социально-экономические изменения создают новые вызовы для профессиональной адаптации выпускников вузов. Быстрое развитие технологий, цифровизация, трансформация рынка труда и глобальные геополитические процессы требуют от молодых специалистов гибкости и владения новыми компетенциями. В этих условиях выпускники сталкиваются с серьезными трудностями при трудоустройстве и интеграции в профессиональную среду [1, С. 65–69].

Рынок труда в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и Севастополь, характеризуется высокой конкуренцией. Работодатели предъявляют требования к квалификации и опыту, которые зачастую превышают возможности молодых специалистов. Это приводит к профессиональной неопределенности, социальной дезадаптации и необходимости разработки стратегий адаптации [2, С. 23–27]. Проблему усугубляет неравенство в доступе к качественному образованию и глобальные процессы деглобализации, ограничивающие перспективы международного карьерного роста. За период 2020–2022 годов уровень безработицы среди выпускников высшего и среднего профессионального образования увеличился с 2,6% до 7,2%, что свидетельствует о нарастающих сложностях трудоустройства. Эти изменения требуют

пересмотра подходов к профессиональной подготовке и разработки новых механизмов адаптации.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте задач, поставленных Президентом РФ, по созданию условий для профессиональной самореализации молодежи. Несмотря на высокий уровень образования, выпускники федеральных вузов сталкиваются с профессиональной неопределенностью, социальной нестабильностью и нехваткой рабочих мест. Быстро меняющийся рынок труда вызывает значительный стресс: по данным ВЦИОМ, в 2023 году 79% россиян в возрасте 18–24 лет регулярно испытывали стрессовые ситуации. Это почти вдвое больше, чем в старшей возрастной группе (42%). Молодые специалисты вынуждены адаптироваться к новым условиям труда и жизни, что требует анализа и поиска решений.

Современные технологии и цифровизация обостряют эту проблему, так как традиционные профессии утрачивают актуальность, а новые требуют специфических знаний. Выпускники оказываются в состоянии профессиональной неопределенности. В Санкт-Петербурге высококонкурентный рынок труда создает препятствия для молодых специалистов, которые не имеют достаточного практического опыта [3, С. 260–267]. В Севастополе, несмотря на менее насыщенный рынок труда, наблюдается дефицит рабочих мест, что ограничивает профессиональные перспективы выпускников.

Деглобализация и закрытие международных рынков труда также играют значимую роль. Выпускники, рассчитывающие на карьеру в международных компаниях, сталкиваются с ограничениями, что снижает их перспективы карьерного роста. Неравенство в доступе к качественному образованию сохраняет дисбаланс на рынке труда. Даже выпускники престижных вузов, таких как СПбГУ, часто сталкиваются с несоответствием между ожиданиями и реальными условиями, что приводит к кризису профессиональной идентичности.

Таким образом, кризис профессиональной адаптации выпускников выражается в социальной нестабильности, профессиональной неопределенности и дезориентации [4, С. 72]. Эти явления отражают масштабные изменения в обществе, связанные с трансформацией социальной и экономической среды. Выпускники вынуждены развивать навыки постоянного обучения, гибкости и адаптации к новым реалиям [2, С. 23–27].

Идеи Эмиля Дюркгейма о социальной аномии актуальны для объяснения этих процессов. По его мнению, резкие изменения в социальных условиях приводят к разрушению привычных норм и ориентиров. Дюркгейм утверждал, что в условиях аномии индивиды теряют чувство социальной интеграции, что мешает им адаптироваться к новым вызовам [5, С. 22–28]. Это особенно актуально для выпускников, которые сталкиваются с неопределенностью на рынке труда.

Макс Вебер подчеркивал значение социального происхождения и неравенства в доступе к ресурсам для профессиональной мобильности. Его подход объясняет, почему выпускники с одинаковым уровнем образования мо-

гут сталкиваться с различными трудностями при адаптации [6, С. 79–80]. Однако концепция «культурного капитала» была разработана позже Пьером Бурдьё, который акцентировал внимание на значении социальных связей и ресурсов для профессиональной успешности [7, С. 26–40]. В контексте адаптации выпускников это подразумевает, что одного образования недостаточно – важно умение применять свои знания и связи на практике.

Джордж Герберт Мид, исследуя социальную идентичность, подчеркивал роль взаимодействия в процессе формирования личности. Для выпускников профессиональная адаптация представляет собой процесс освоения новой социальной роли, что требует переосмысления своего места в обществе [8, С. 134–144].

Петр Штомпка в своей теории социального изменения акцентирует внимание на важности социальных ожиданий и адаптивных стратегий [9, С. 39]. Он утверждает, что в условиях нестабильности индивиды сталкиваются с рисками, связанными с неопределенностью. Это делает актуальным развитие стратегий, направленных на управление этими рисками. Штомпка также подчеркивал значение доверия как социального ресурса, необходимого для успешной адаптации [10, С. 30–41]. В контексте профессионального кризиса выпускников это можно интерпретировать как необходимость укрепления доверия к образовательным институтам и рынку труда.

Энтони Гидденс, исследуя концепцию «второй модерности», подчеркивал важность рефлексивности в условиях быстро меняющегося мира. Его идеи помогают понять, как выпускники могут использовать рефлексивность для осмысления своей профессиональной траектории и адаптации к изменениям. Гидденс также акцентировал внимание на значении институциональной поддержки, что особенно важно для разработки мер по снижению профессиональной неопределенности [11, 87–107].

Алекс Инкелс, исследовавший модернизацию, подчеркивал значение образования для социальной мобильности и адаптации к новым условиям. Его подходы актуальны для анализа роли образовательных учреждений в подготовке выпускников к вызовам современного рынка труда. Инкелс также выделял необходимость формирования у молодых специалистов универсальных навыков, которые позволят им оставаться востребованными в условиях технологической трансформации [12, С. 319–323].

Таким образом, кризис профессиональной адаптации выпускников обусловлен комплексом факторов: экономической нестабильностью, технологическими изменениями, деглобализацией и неравенством в доступе к ресурсам. Социологические теории Штомпки, Гидденса и Инкелса позволяют глубже понять механизмы адаптации и выработать стратегии, которые помогут молодым специалистам успешно преодолевать возникающие трудности. Результаты такого анализа могут быть полезны для образовательных учреждений, работодателей и политиков, заинтересованных в развитии потенциала молодежи в условиях современного общества.

Источники:

1. Мальцева А. В., Шилкина Н. Е. Социология в контексте вызовов цифровизации // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: материалы V Сибирского социологического форума с международным участием (Новосибирск, 28 октября 2022 г.) / под ред. С. А. Ильиных, С. В. Ровбея, И. И. Щемелевой. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2022. С. 65–69.
2. Дерюгин, П. П., Бакулин, Д. В. Понятия кризиса в социологии как методологическая платформа изучения синдрома выпускника // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2023): труды XX Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 2–3 февраля 2023 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. С. 23–27. ISBN 978-5-7629-3137-3.
3. Костина, Н. Б., Чижов, А. А. Значение классических и современных социологических концепций для анализа факторов цифрового неравенства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 260–269. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-260-269.
4. Дерюгин П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии / П. П. Дерюгин. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001.
5. Напсо М. Д. Теория аномии Э. Дюркгейма и современность // Социодинамика. 2017. № 2. С. 22–30. DOI: 10.7256/2409-7144.2017.2.19456.
6. Рубцова Л. Э. Теория трехкомпонентной стратификации Вебера // Актуальные исследования. 2024. № 3 (185). Ч. II. С. 79–81
7. Батуренко С. А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 2. С. 26–43. DOI:10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43.
8. Шиняева О. В., Тчапе А. К. Теоретико-методологические подходы к исследованию профессиональной идентификации молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 134–145.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с. (Программа «Высшее образование»). ISBN 5-7567-0053-6.
10. Фрейк Н. В. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. 2002. № 3. С. 30–41.
11. Леманн Г. Искусство рефлексивной современности // Логос. 2010. № 4 (77). С. 87–108.
12. Яковлева Ю. А. Влияние качества высшего образования на возможности социальной мобильности выпускников вузов на современном рынке труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 3. С. 319–324.

D. V. Bakulin (Sevastopol State University);

A. V. Bakulin (Saint Petersburg State University)

**PROFESSIONAL ADAPTATION OF UNIVERSITY GRADUATES IN THE
CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS: A SOCIOLOGICAL
ANALYSIS OF MODERN CHALLENGES**

This article examines the problem of professional adaptation of university graduates in the context of modern socio-economic transformations. Special attention is paid to the impact of digitalization, global processes and changes on the labor market, as well as the difficulties faced by young professionals in finding employment. The role of educational institutions, employers and institutional support in the process of professional adaptation is investigated. Sociological theories explaining the mechanisms of adaptation and strategies for overcoming the crisis of professional identity associated with economic instability and social changes are also analyzed.

Professional adaptation, university graduates, socio-economic changes, digitalization, labor market, professional uncertainty, social maladaptation, graduate crisis

УДК 32:001.12/.18

А. Х. Бугазов (Кыргызско-Российский Славянский университет, e-mail: abugazov@rambler.ru)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ

Формирование евразийского пространства создает благоприятные условия для более безопасного существования евразийских государств, защищая каждое из них от многочисленных внешних угроз. Политическая интеграция способствует образованию альтернативного мирового порядка, что позволяет евразийским народам эффективно отстаивать свои интересы на международной арене. Интеграция евразийских стран рассматривается не просто как экономический процесс, а как стратегический подход к сохранению и укреплению их суверенитета.

Евразийский Союз, евразийское пространство, социальное развитие, евразийская идея, политическая интеграция

Идея евразийства продолжает оставаться одной из важных тем в политическом и культурном дискурсе России, других евразийских государств, отражая их стремление к созданию многополярного мира. Сегодня мы являемся свидетелями трансформации мирового порядка, когда, на смену «многолетнему дискурсу о трансформации пришли реальные геополитические и геоэкономические сдвиги... скорость и разворот которых, удивляет даже самых смелых в предположениях экспертов» [1, С. 49].

По сути, сложившаяся ситуация ставит перед сообществом проблему выбора пути своего дальнейшего цивилизационного развития. Поскольку, для того, что бы сохранить свой политический, и какой бы то ни было иной суверенитет, в рамках нового миропорядка, необходимо определить свои геополитические цели и интересы. Представляется, что для России, как и большинства других постсоветских государств, таким приоритетом могло бы стать формирование единого Евразийского пространства, где кроме экономической, гуманитарной, присутствовала бы и политическая составляющая [2, С. 131].

Как известно, впервые идею Евразийского пространства как специфической формы социального бытия, предложили русские философы-эмигранты П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и другие. Основоположники евразийской философии, предложили концепцию, где целью Евразии, как «месторазвития», выступает «объединение территории от Европы до Тихого океана». Принципиально важным является то, что термин «месторазвитие», предложенный П. Н. Савицким, был призван «не возвысить территориальный фак-

тор над другими, а доказать существование родственных связей между различными нациями и их представлениями о своем «месте» в мире, о своей судьбе, своем предназначении». У которого, в свою очередь, «совпадение границ особого культурного мира и особой географической области не могло быть случайным» [3, С. 82].

Закономерность этого процесса проявилась, в образовании такого уникального «государства-цивилизации», как Россия. Основным смыслом здесь заключается в том, что географическая, экономическая, историческая, а также ментальная близость евразийских народов, входивших в состав Российской империи, как прежде, так и сейчас демонстрирует их политическую и цивилизационную целостность.

Следовательно для России как федеративного государства, идея евразийского пространства как формы политического бытия представляется естественной и закономерной. Россия, – уникальная цивилизация в мире, справедливо утверждают исследователи, – для которой атрибут «евразийская» наиболее адекватно отражает ее «уникальный исторический синтез «европейского» и «азиатского» начал, и который представлен соответствующей системой ценностей и образом жизни [4, С. 28]. Более того, «если Россия будет спасена, – справедливо предвидел Л. Н. Гумилев, – то только как евразийская держава и только через евразийство» [5, С. 89]. К сожалению, пока, эта мысль не столь очевидна для других членов Евразийского союза. Национальные элиты, лидеры постсоветских государств испытывают некий глубинный страх перед возможностью оказаться в составе какого-либо политического объединения, которое могло бы ограничить их самостоятельность.

В реальности, признание и следование ценностям евразийской идеи никого не обязывает отказываться от территориальной целостности и политического суверенитета. Вполне допустимо формирование союза государств, можно говорить об экономической, социокультурной, и что особенно важно – политической интеграции евразийского пространства.

Другое дело, что перспектива, которая казалась довольно далекой, оказалась гораздо ближе. Более того, в нашем случае защитить свои суверенитет и национальные интересы, обрести реальную основу для социально-экономического развития в рамках нового миропорядка, можно только в рамках крупного, экономически-развитого геополитического союза. Важно также понимать, что евразийство всегда пытается доказать не только единство Евразии, но и его естественность. Разумеется, вопрос о степени такого единства, его востребованности каждое государство должно решать самостоятельно исходя из своих собственных национальных интересов.

Что касается «территориальных притязаний» современной России, то, как верно отмечали философы-евразийцы, «трудности ее развития издавна были связаны не с ограниченностью жизненного пространства, а с его не освоенностью, не с исчерпанностью природных ресурсов, а с целесообраз-

ным их использованием» [6, С. 469]. Вследствие чего ценностные установки евразийства исходят из совершенно иной мировоззренческой позиции.

Необходимость интенсификации интеграционных процессов в рамках евразийского пространства, определяется общностью целей этого объединения и средств их достижения. К числу таких целей является достижение политической солидарности. Объединение евразийских стран на основе совместных интересов позволит более эффективно противостоять внешнему давлению и угрозам, сохраняя внутреннюю стабильность. Целесообразность политической интеграции, вытекает также из общности принципов, на основе которых формируется и функционирует политическая система евразийских государств. Например, понимание места и роли роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений, персонифицированный характер власти, особенности формирования гражданского общества.

Для евразийского сообщества характерна иная имплементация демократии. Часто «демократические свободы», в их европейском понимании могут играть негативную и даже деструктивную роль в обществе. Например, кыргызский политолог И. Даиров, прямо утверждает, что «В основе «цветных революций» лежат не личности бывших лидеров страны и их неэффективная политика, а сама система государственного управления, выстроенная в 90-х годах по лекалам западных советников и консультантов. Эта система сама породила и являлась причиной «цветных революций» не только в нашей стране, но и на всем постсоветском пространстве, а также в других регионах мира» [7].

Другой важнейшей целью Евразийского союза остается формирование единого экономического пространства. Несмотря на то, что сегодня в странах ЕАЭС экономические связи и отношения функционируют достаточно эффективно, они, по-прежнему, подвержены высокому риску дестабилизации и разрушения. Поскольку все «...экономические вопросы в... постсоветских странах необходимо рассматривать в тесной связке с политическим императивом удержания власти» [8, С. 2]. Иначе говоря, «...всегда есть вероятность, что, несмотря на экономическую целесообразность, элиты выберут наиболее удобный для себя, но не самый рациональный вариант» [9].

Между тем, экономическая интеграция способствует созданию устойчивых экономических связей, что уменьшает зависимость от внешних рыночных колебаний и внешних санкций. Следует отметить, что в сфере экономики также имеется ряд общих признаков, способствующих интеграции евразийских государств. В большинстве из них экономика носит многоукладный характер, функционирует как единый народнохозяйственный комплекс, со свойственным для него государственным контролем [4, С. 29].

Еще одна особенность, на которую указывают исследователи, заключается в признании того, что участники Евразийского союза, не рассматриваются своими западными «партнерами» в качестве равноправных участников «глобальной экономики». «И если Россия хочет быть по-настоящему незави-

симой державой, то она должна обращать приоритетное внимание на налаживание экономической связи со своими ближайшими соседями и на развитие собственных экономических сил...» [10, С. 47].

Для евразийского пространства характерна и общая для евразийских народов ментальность. Для евразийского миропонимания свойственны полифоничность: конфессиональная, социокультурная. Евразийство всегда основывалось на объединении различных культурных компонентов, традиций и инноваций, где различные народы сосуществуют на равных условиях, сохраняя при этом свою национальную и культурную идентичность. Последняя, есть результат общности особого социального качества, возникающего в процессе их исторически длительного сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом. Поскольку, в принципе, «евразийская идентичность, – справедливо замечает В. Егоров, – это сложный многоуровневый феномен, являющийся продуктом не только аккультурации или универсализации культур, евразийская идентичность не описывается политической интеграцией, а охватывает весь комплекс факторов, наполняющих экзистенцию и составляющих общий социальный потенциал народов, наций и государств, участвующих в ее генезисе и развитии» [11].

Нет необходимости говорить о сложностях и трудностях политической интеграции. Евразийскому Союзу, даже в его существующей форме, противостоит множество дезинтеграционных факторов: протекционистские настроения в странах-участницах, дерусификация постсоветского пространства, отрицание и забвение общего исторического прошлого, несогласованность национальных и политических элит, альтернативные центры притяжения постсоветских государств и т. д.

Тем не менее, реальной альтернативы евразийской интеграции не существует. Формирование и укрепление единого евразийского пространства создает условия для более безопасного существования не только России, но и всех евразийских государств, защищая каждое из них от многочисленных внешних угроз.

Евразийская идея демонстрирует не только территориальную целостность Евразии, но и ее естественность, а также политическое, экономическое, ментальное и культурное единство евразийских народов.

Источники:

1. Слуцкий Л. Э. Вызовы и перспективы евразийской интеграции в меняющемся мире // Статистика и экономика. 2023. Т. 20. №3. С.46–56.
2. Бугазов А. Х. Ценностные основания евразийской интеграции // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 3-4 (90). С. 130–133.
3. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003.

4. Субетто А. И., Шамахов В. А. Россия– евразийская цивилизация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №2 (36). С. 26–39.
5. Гумилев Л. Н. Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, только через евразийство // Социум. 1992. № 9. С. 89.
6. Соколов А. М., Кузнецов Н. В. Идеиные истоки и цивилизационные перспективы историософии евразийства // Философия истории философии: сб. науч. статей / отв. ред. С. И. Дудник, А. А. Кротов, В. В. Миронов, И. Д. Осипов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. С.459–474.
7. Даиров И. Мировая гибридная война: место Кыргызстана в этих процессах. [Электронный ресурс] URL: https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:38758 (дата обращения: 4.03.2024).
8. Скриба А. С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 3.
9. Рекеда Д. Существует ли постсоветское пространство? // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strany-uzhe-ne-vmeste/> (дата обращения: 14.08.2024).
10. Благих И. А., Малюшин И. И. Евразийские идеи П. Н. Савицкого и современность: континентальное и океаническое разделение труда // Проблемы современной экономики. 2015. №1. (53). С. 45–49.
11. Егоров В. Россия и евразийская идентичность // Международная жизнь. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/46136> (дата обращения: 15.11.2024).

A. Kh. Bugazov (Kyrgyz-Russian Slavic University)

EURASIAN INTEGRATION AS A FORM OF POLITICAL EXISTENCE

The formation of the Eurasian space creates favorable conditions for a safer existence of the Eurasian states, protecting each of them from numerous external threats. Political integration contributes to the formation of an alternative world order, which allows the Eurasian peoples to effectively defend their interests in the international arena. The integration of the Eurasian countries is seen not just as an economic process, but as a strategic approach to preserving and strengthening their sovereignty.

Eurasian Union, Eurasian space, social development, Eurasian idea, political integration

УДК 32.029.5

И. А. Быков (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: i.bykov@spbu.ru)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Рассматриваются основные положения системного подхода в исследованиях проблемы эффективности политической пропаганды, изложенные в трудах известного советского социолога Б. А. Грушина. Исследуется модель системного воздействия массовой информации и пропаганды на общественное сознание. Обнаружены сходства и различия системного подхода с современными концепциями когнитивно-информационных кампаний.

Пропаганда, политическая коммуникация, системный подход, связи с общественностью, цифровизация, СМИ, эффективность коммуникации, медиатизация политики, PR

Цель представленного вашему вниманию исследования заключается в кратком анализе плюсов и минусов методологии оценки эффективности политической пропаганды, которая была разработана в трудах известного советского социолога Б. А. Грушина [1; 2; 3; 4; 5]. Б. А. Грушин (1929–2007) считается одним из крупнейших исследователей общественного мнения в советском союзе, основавшим в 1960 году первый в истории страны Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда» [6]. Уже в постсоветский период Грушин указывал в своих воспоминаниях, что одна из основных причин создания этого института заключалась в необходимости оценки эффективности пропагандистского воздействия газеты. При этом, под пропагандой понималось «распространение и внедрение в массовое сознание ценностей и норм, образцов сознания и поведения, входивших в корпус так называемого коммунистического воспитания молодежи» [1, С. 62].

Потребность в адекватной методологии оценки эффективности пропаганды ощущалась всегда, но именно сегодня появился новый импульс в этих поисках. поскольку в последние годы мы наблюдаем феномен возрождение пропаганды, как на основе новых цифровых технологий [7], так и в форме постправды, когда по мысли С. Фуллера политическая борьба в публичном пространстве «сводится к тому, чтобы занять метапозицию. Вы пытаетесь выиграть, не просто играя по правилам, но и определяя само содержание правил» [8, С. 14]. Доминировавшие в конце двадцатого века представление об отмирании пропаганды и расцвете политического PR неожиданно перестали быть столь однозначными [9; 10]. В любом случае, проблема оценки эффективности пропаганды вернулась.

В специальной литературе существуют значительные расхождения в теоретических подходах к определению пропаганды. Мы можем выделить, как минимум, два подхода: манипулятивный и технический. Так, Г. Лассуэлл определял пропаганду как «управление коллективными установками посредством *манипулирования* значимыми символами» [Цит. по: 7, С. 12]. Трактовка пропаганды как манипулятивной технологии стала весьма популярной и очень широко распространена в специальной литературе [11; 12; 13; 14]. В частности, в классической работе Джоута и О’Доннелл указано, что пропаганда – это «целенаправленное, систематическое стремление формировать восприятие, *манипулировать* знаниями и направлять поведение для достижения реакции, способствующей реализации желаемой пропагандистом цели» [14, С. 6].

Другая позиция была впервые изложена в трудах классика теории и практики связей с общественностью Э. Бернейса, который писал следующее: «пропаганда хорошей или плохой, зависит исключительно от того, что именно она популяризирует, а также от точности обнародованной информации. Само по себе слово «пропаганда» имеет определенное утилитарное значение, которое, подобно большинству вещей в мире, становится хорошим или плохим только под воздействием традиции» [15, С. 24]. Такая точка зрения получила некоторое распространение среди специалистов по связям с общественностью. В частности, в своей знаменитой классификации моделей PR Грюниг и Хант указывают, что пропаганда – это одна из моделей коммуникации, сводящаяся к однонаправленному распространению массовой информации (односторонняя и асимметричная модель) и, таким образом, не вкладывают никакого негативного отношения к этому феномену.

Тем не менее, вне зависимости от того, к какому из подходов мы будем склоняться, проблема эффективности пропаганды остается. И в первую очередь, хотелось бы отметить, что подход Б. А. Грушина в значительной степени можно считать не подверженным идеологическому наполнению. В его сочинениях советского периода, конечно же, имелись ссылки на классиков марксизма-ленинизма и решения очередного Съезда КПСС. Однако, внимательный анализ показывает, что схема оценки эффективности никак не зависит от смыслового содержания пропаганды. Принципиальное значение имеют функциональные цели и задачи пропагандистской деятельности. В своей небольшой работе «Эффективность массовой информации и пропаганды» Грушин заявляет об этом прямо: «анализ и оценка эффективности информационно-пропагандистской деятельности не имеют смысла, невозможны, если точно не определены цели деятельности» [5, С. 10]. А далее развивает эту мысль через противопоставление понятий «эффекта» и «эффективности»: «Эффект – это любой результат деятельности указанных средств (пропаганды и агитации – И. Б.); эффективность же – не просто результат, не всякий результат, но лишь тот, что совпадает с намерением источника информации, свидетельствует о достижении целей, которые ставились перед информацией в процессе ее создания и распространения» [5, С. 40].

Особенно хочется выделить системный и комплексный характер предлагаемой Б. А. Грушиным методологии. Особенно выпукло это проявилось в работе по изучению восприятия массовой информации в г. Таганрог [6]. Группа исследователей под его руководством использовала весь спектр доступных на тот момент исследовательских инструментов (и качественных, и количественных), чтобы сделать детальный анализ каналов коммуникации, коммуникационного процесса и получаемых эффектов. В частности, им было выделено шесть этапов процесса потребления массовой информации: от контакта с источником информации до запоминания информации. Рисуемая им схема до боли напоминает «воронку продаж», которая имеется в подавляющем большинстве современных учебников по маркетингу и рекламе. Также следует отметить, что уже в те годы Грушин предлагал обязательно учитывать роль когнитивных процессов и когнитивных искажений в оценке эффективности пропаганды. Их значение стало особенно очевидным в процессе изучения опыта военной пропаганды, проделанного Г. Лассуэлом по итогам второй мировой войны [11].

Предложенная в трудах Б. А. Грушина методология системной оценки эффективности политической пропаганды и агитации обладает неким проблемным измерением в области обратной связи, которая по некоторым теоретическим воззрениям должна составлять наиболее важный элемент в системном подходе [17]. Собственно, представленный им процесс пропагандистской коммуникации носит преимущественно однонаправленный характер, а формируемая коммуникационная система – полузакрытый характер, не способствующий формированию полноценной обратной связи, которая по идее и должна быть основным показателем эффективности в системном подходе.

Источники:

1. Грушин Б. А. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг. 2003. № 1. С. 60–74.
2. Грушин Б. А. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования. М.: Политиздат, 1980.
3. Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
4. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.
5. Грушин Б. А. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения. М.: Знание, 1979.
6. Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Вестник общественного мнения. 2004. № 6. С. 8–21.
7. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023.
8. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М.: ВШЭ, 2021.

9. Быков И. А. Государственный PR и политическая элита в современной России // Журнал политических исследований. 2019. № 3. С. 15–23.
10. Moloney K. Rethinking Public Relations. PR, Propaganda and Democracy. L.: Routledge, 2000.
11. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
12. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН, 2021.
13. Эллюль Ж. Феномен пропаганды. СПб.: Алетейя, 2023.
14. Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda and persuasion. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE, 2012.
15. Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Питер, 2021.
16. Grunig J. E., Hunt T. Managing public relations. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1984.
17. Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула: ТГПУ, 2011.

I. A. Bykov (St Petersburg State University)

SYSTEM APPROACH IN THE STUDIES OF POLITICAL PROPAGANDA'S EFFECTIVENESS

The article examines the main provisions of the systemic approach in the studies of the effectiveness of political propaganda, as it was set out in the works of the famous Soviet sociologist B. A. Grushin. The model of the systemic impact of mass media and propaganda on public consciousness is studied. Similarities and differences between the systemic approach and modern concepts of cognitive-information campaigns are revealed.

Propaganda, political communication, systemic approach, public relations, digitalization, media, communication efficiency, mediatization of politics, PR

УДК: 659.19

А. О. Веллер (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ao.veller@yandex.ru)

КОММУНИКАЦИИ ВИННЫХ БРЕНДОВ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ МИРОВЫХ ТРЕНДОВ

В статье рассматриваются актуальные мировые тренды в винодельческой отрасли, оказывающие значительное влияние на коммуникационную стратегию виноделен и виноторговых компаний, а также используемые ими каналы коммуникаций в медиапространстве. В ходе исследования выявлены наиболее перспективные коммуникационные тренды для российского винного рынка, рассмотрены кейсы их имплементации в коммуникационную программу винодельческого предприятия.

Винный маркетинг, каналы коммуникации, коммуникационная стратегия, тренды коммуникаций, digital-продвижение, медиапространство

Современные коммуникации в медиа подвержены регулярным изменениям, а тренды порой меняются настолько быстро, что бизнес не успевает к ним адаптироваться. Связано это, в первую очередь, со стремительным развитием информационных технологий, различных digital-инструментов, искусственного интеллекта и нейросетей, а также с общим переизбытком информации, которую мы ежедневно потребляем. Винодельческая отрасль также подвержена частым изменениям потребительских предпочтений, которые обусловлены целым рядом факторов – от развития культуры потребления вина в широком смысле, до сезонности и моды на вина из определенных сортов винограда. Многие из отраслевых трендов, которые подробно будут рассмотрены далее, оказывают весомое воздействие на коммуникации со стороны производителей вина и виноторговых компаний, а значит их регулярный мониторинг необходим для составления актуальной коммуникационной программы предприятия винодельческой отрасли. Особую актуальность изучение особенностей коммуникаций виноделен в медиапространстве приобретает ввиду того, что за последнее десятилетие российский винный рынок претерпел значительные изменения, связанные с политикой импортозамещения, общим увеличением количества винодельческих предприятий в стране, с ростом их объемов производства, а также с изменением потребительских предпочтений. И хоть культура потребления вина в России развивается не столь активными темпами, как того хотели бы специалисты отрасли, интерес потребителей к продукции отечественных виноделен все же продолжает расти с каждым годом, особенно в условиях действующих санкций, роста цен на импортные вина и реализуемую политику импортозамещения.

Первым и, пожалуй, наиболее значимым трендом, который будет рассмотрен в текущем исследовании, является повсеместный переход рекламных и информационных сообщений в digital-пространство. Винной отрасли этот тренд свойственен особенно ярко, так как ввиду запрета на рекламу алкоголя она подвержена значительным ограничениям на использование многих популярных коммуникационных каналов, таких как публикации в печатных СМИ, реклама на ТВ и радио, билбордах и т. д. В таких обстоятельствах интернет-пространство представляется в виде довольно широкого (хоть и также ограниченного законом) поля для установления контактов винных брендов со своими целевыми аудиториями. Стремительная глобализация и медиатизация общества значительно повлияли на маркетинговые и коммуникационные стратегии в винодельческой отрасли, а со все более активным развитием социальных сетей и мессенджеров винодельни все чаще обходят стороной традиционные каналы коммуникаций и сбыта, налаживая прямое взаимодействие со своими потребителями в digital [1]. И, хоть реклама алкоголя в сети Интернет все еще запрещена, размещение информации на собственных сайтах и в своих социальных сетях для российских виноделен под действие запрета не попадает, а затраты на использование этих коммуникационных каналов значительно ниже многих традиционных способов продвижения. К этой же категории перспективных и легальных каналов для винных брендов следует отнести специализированные винные приложения, которые предоставляют потребителям удобный доступ к полной информации о вине, отзывам других покупателей, наградам и местах в рейтингах, что, в конечном итоге, также способствует повышению узнаваемости бренда и осведомленности потребителей о его уникальных характеристиках [2]. Другим инструментом, позволяющим винному бренду донести до потребителя дополнительную информацию о своей продукции, является использование QR-кодов на этикетках, а также создание отрывных контрэтикеток, на которых можно разместить не только обязательную информацию о вине, но и историю его происхождения, описание органолептики и технологии производства, гастрономические сочетания и т. д.

Тем не менее, далеко не все то, что уже не первый год используется в коммуникациях на западных рынках характерно и для российских реалий. Так, во многих странах законы, регулирующие коммуникационную деятельность винодельческих предприятий, зачастую куда более мягкие, а запрет на рекламу алкоголя в сети Интернет может не распространяться на вино. В связи с этим, многим производителям вина открывается доступ к цифровым платформам электронной коммерции, контекстной рекламе в поисковых системах, рекламе у блогеров и многим другим инструментам, не доступным российским винодельням. Однако, некоторые сигналы о возможных послаблениях в действующем законодательстве все же присутствуют, и уже несколько лет обсуждается возможность продажи российских вин через «Почту России» [3], а значит, рассматривать зарубежный опыт в использовании ком-

муникаций в каналах электронной коммерции представляется крайне актуальным. Некоторые исследования также показывают, что благодаря распространению онлайн-площадок дистрибуции и электронной коммерции зарубежные винодельческие предприятия смогли напрямую обращаться к своим потребителям, минуя традиционные каналы дистрибуции и устраняя посредников [4], что особенно актуально для небольших и фермерских хозяйств, не обладающих достаточно внушительными объемами производства для работы через дистрибьютора. Для таких производителей платформы электронной коммерции предлагают эффективные и куда более бюджетные способы продвижения и продажи своей продукции на глобальную аудиторию, позволяя им транслировать свои уникальные торговые предложения, а также взаимодействовать с потребителями в режиме реального времени, вне зависимости от расстояния. Кроме того, использование таких инструментов цифрового маркетинга, как таргетированная и контекстная реклама, рекламные кампании в социальных сетях и коллаборации с блогерами, селебрити и инфлюенсерами, позволяют компаниям винной отрасли повышать узнаваемость своих брендов, увеличивать посещаемость сайта и превращать потенциальных покупателей в лояльных клиентов.

Однако, несмотря на столь активное развитие digital-инструментов, традиционные способы коммуникаций, такие как печатная реклама, винные конкурсы и отраслевые выставки, проведение дегустаций в местах продаж и многие другие по-прежнему играют важную роль в привлечении внимания целевой аудитории и повышении узнаваемости винного бренда [5]. Именно сочетание традиционных и современных цифровых коммуникационных инструментов является наиболее актуальным на сегодняшний день, ведь благодаря ему предприятия винной отрасли могут эффективно донести историю своего бренда на максимально широкую аудиторию потребителей.

В ходе проведенного исследования были рассмотрены не только актуальные и перспективные каналы коммуникаций, но и тренды в самих ключевых сообщениях, которые винодельни используют в коммуникациях с потребителями. Так, наиболее популярным за последние несколько лет является тренд на умеренное и «осознанное» потребление алкоголя, а также заботу как о собственном здоровье, так и об окружающей среде. Повышенное внимание к здоровью и тренд на ЗОЖ всколыхнули винодельческую отрасль еще в 2020 году со стартом эпидемии Covid-19, когда многие потребители или же значительно снизили уровень потребления вина, или же отказались от него вовсе. Однако, с тех пор тренд и не думает угасать, хоть и проявляется он по-разному: где-то потребление вина снижается за счет смещения потребительских предпочтений в сторону менее алкогольных напитков, а где-то напротив растет (когда люди отказываются от крепких напитков в пользу вина). Все эти изменения безусловно следует учитывать при формировании коммуникационной стратегии винных брендов, ведь первоначальную угрозу можно вполне успешно трансформировать в уникальное конкурентное преимущество. Наиболее часто в коммуникациях винных брендов пере-

численные ранее тренды отражаются с помощью использования экологичных материалов в упаковке, выпуске продукции с низким содержанием алкоголя, публикации правил ответственного потребления алкоголя и активной работе по развитию «высокой» культуры потребления вина. Все большую популярность приобретают винные бренды, поддерживающие спорт и здоровый образ жизни, проводящие любительские забеги на виноградниках, винную йогу и даже винные медитации. Не менее актуальным остается тренд на корпоративно-социальную ответственность предприятия, который различные представители винодельческой отрасли трактуют по-своему. У некоторых виноделен он реализуется за счет справедливой трудовой практики, включающей справедливую заработную плату, безопасные условия труда и льготы для сотрудников, что способствует благополучию работников и формирует их лояльность [6]. Другие винодельни уделяют огромное внимание поддержке современного искусства, используя работы молодых художников на этикетках своих вин и даже создавая собственные фонды поддержки искусства и локальных ремесел. Многие винодельни также транслируют своим потребителям заботу об окружающей среде и эндемичных животных, обитающих в регионе расположения винодельни. Крупные виноторговые компании также регулярно запускают собственные благотворительные инициативы, и, разумеется, активно используют подобные инфоповоды в собственных коммуникациях.

Все эти тренды можно по-разному интегрировать в коммуникационную программу винного бренда, но одним из наиболее эффективных способов именно для этой отрасли остается сторителлинг. В эпоху повсеместной сенсорной перегрузки и перенасыщения информацией для того, чтобы прорваться сквозь шум и найти отклик у потребителей на более глубоком эмоциональном уровне винодельческие предприятия делают особую ставку на силу рассказов и экспериментальный маркетинг. Сплетая коммуникационные сообщения вокруг истории и наследия своего бренда, философии виноделия и конкретного терруара, винодельни могут создавать уникальные истории бренда, которые вызывают ностальгию, любопытство и стремление стать частью их особой культуры [7]. Неизменно связаны со сторителлингом и такие традиционные каналы коммуникаций, как экскурсии по виноградникам, дегустационные салоны и отраслевые выставки, мастер-классы по эногастрономии и выступления бренд-амбассадоров винодельни. Все они позволяют потребителям погрузиться в атмосферу бренда, задействовать множество органов чувств и сформировать ряд устойчивых и уникальных воспоминаний [8].

Описанные тренды в коммуникациях имеют особое значение для наиболее важной на сегодняшний день аудитории потребителей – зумеров (поколение Z, рожденные ориентировочно после 2000 года). Дело в том, что постепенная смена поколений оказывает существенное влияние на поведение потребителей, так как многие международные исследования уже демонстрируют, что более молодые потребители проявляют куда меньше интереса к вину по сравнению с предыдущими поколениями. К тому же, помимо их предпо-

чтений относительно самого вина, молодые поколения с самого детства глубоко интегрированы в digital-технологии, предпочитают видео-форматы коммуникаций, ценят свободу и мобильность, заботятся об экологии и собственном здоровье, а также стремятся к ответственному потреблению во всем. Также они с большим энтузиазмом обращают внимание на креативные и нестандартные этикетки и альтернативные форматы упаковки, к примеру такие, как алюминиевые банки, что само по себе является популярным трендом среди потребителей, стремящихся к удобству и портативности [9].

Суммируя вышесказанное, консервативной во многих отношениях винодельческой отрасли в будущем предстоит значительно трансформировать свои коммуникации в пользу гибкости, оперативности и цифровизации, чтобы привлечь к своей продукции новые молодые аудитории. Особую актуальность это имеет и для российского винного рынка, который в настоящий момент переживает небывалый рост ввиду политики импортозамещения. Таким образом, понимание выявленных в ходе исследования коммуникационных, потребительских и продуктовых трендов имеет решающее значение для производителей вина, стремящихся адаптировать свою коммуникационную стратегию к постоянно меняющимся запросам потребителей.

Источники:

1. Russo, C., Cordero, F., Delmastro, M. Effect of Wine Awards on Wine Prices: A Cross-Regional Comparison // *Journal of Wine Economics*, Cambridge University Press. 2017. P. 149–170.
2. Cardebat, J., Figuet, J., Paroissien, E. Marketing strategies in the wine industry: A comparative analysis between New and Old World countries // *Wine Economics and Policy*, Università degli Studi di Firenze. 2020, 9 (2), P. 124–135.
3. РБК. Правительственная комиссия одобрила эксперимент по онлайн-торговле вином. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/04/2023/642aeb089a794775b629f6d3?ysclid=m5p4zbnha495348828> (дата обращения 09.01.2025)
4. Olsen, J. The US Wine Market: Impact of Globalization and Digitalization // *Journal of Wine Economics*, Cambridge University Press, 2018, 13 (1), P. 94–106.
5. Lockshin, L., Cohen, J., Louviere, J. Predicting wine sales at the retail level: The influence of shelf layout and assortment structure // *Journal of Wine Research*, Taylor & Francis Group, 2019, 30(2), P. 119–134.
6. Pivato, S., Misani, N. The Impact of Corporate Social Responsibility on Firm Performance in the Wine Industry: Evidence from Italy // *Sustainability*, MDPI, 2020, 12(9), P. 3856–3857.
7. Shitole V., Desai P., Inamdar V., Waghulkar S., Mulla T. The revival trends in the wine industry: a comprehensive literature review // *Naturalista Campano*, Museo Naturalistico, 2024, vol. 28 (1), P. 2958–2965.

A. O. Veller (Saint Petersburg State University)

***WINE BRAND COMMUNICATIONS IN A MEDIATISED SOCIETY:
ANALYSIS OF CURRENT GLOBAL TRENDS***

The article discusses the current global trends in the wine industry, which have a significant impact on the communication strategy of wineries and wine trading companies, as well as the communication channels used by them in the media space. The research identifies the most promising communication trends for the Russian wine market and considers cases of their implementation in the communication programme of a winery.

Wine marketing, communication channels, communication strategy, communication trends, digital promotion, media space

УДК 94

М. С. Волынцев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maximvolintsev@gmail.com)

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПЕЧАТЬ О РЕЧИ А. Ф. КЕРЕНСКОГО НА ОТКРЫТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ В МОСКВЕ

В статье рассматривается освещение петроградской периодической печатью речи Александра Федоровича Керенского на открытии Государственного совещания в Москве. Керенский был одним из наиболее красноречивых и убедительных ораторов русской революции, и политические силы России возлагали большие надежды на его вступительное слово, которое, как многие полагали, задаст конструктивный тон совещанию. Особое внимание уделено критике выступления Керенского в печати, продемонстрировавшей значительное разочарование в фигуре премьера и его способности объединить политические силы страны.

Керенский, Москва, Государственное совещание, Петроград, периодическая печать, газеты, пресса.

«Июльские дни» в Петрограде и политический кризис, вызванный уходом кадетов из Временного правительства, серьезно встревожили А. Ф. Керенского. Первостепенное положение занял вопрос о поиске точек соприкосновения между «демократической» и «цензовой» Россией и достижении взаимопонимания с целью дальнейшего сотрудничества между ними и правительством во благо родины и революции. Уже 15 июля сообщалось о планах властей созвать совещание в Москве для встречи рабочей демократии и буржуазии и для выработки общей платформы [1, С. 1]. Как передавал официоз Радикально-Демократической партии, газета «Отечество», на предварительном совещании большинство членов правительства высказались против совещания, так как власть уже есть и правительство сформировано. И все же Керенскому удалось склонить их на свою сторону непосредственно перед самим Совещанием – 11 августа [2, С. 1].

Керенский придавал Государственному совещанию очень большое значение, видя в его созыве залог успешного установления тесных связей между населением и правительством. Прямой контакт с представителями всех классов и групп дал бы возможность почувствовать пульс страны и в то же время изложить и объяснить как политику властей, так и стоящие перед ними проблемы [3, С. 228]. Министр-председатель рассчитывал придать совещанию значение голоса всей земли, некоего подобия Земского собора [4, С. 113]. Более того, совещание должно было продемонстрировать силу как Временного правительства, так и самого Керенского [5, С. 127]. Он прибыл в Москву около полудня 12 авгу-

ста, в день открытия Государственного совещания. По свидетельствам журналистов «Отечества», на перроне его встречали юнкера московских военных училищ с оркестром, отдельно выстроилась депутация украинского полка с хлебом-солью. После обмена приветствиями оркестр заиграл Марсельезу, и, сопровождаемый криками «ура», Керенский выехал в Кремлевский дворец [2, С. 1].

Речь Керенского на открытии совещания сразу же была названа «исторической». Говорил он более полутора часов, но не сказал ничего нового. Как писала умеренная газета «Сила земли», «все поражены формой речи. Это форма, начинающаяся неукоснительно с местоимения «Я» с большой буквы. Керенский резко выделяет себя из среды всего Временного правительства. Топнув ногой и ударив кулаком по столу, Керенский говорит о себе как о верховном руководителе армии» [6, С. 3]. Выступление часто прерывалось аплодисментами то слева, то справа в зависимости от содержания фраз. О смертной казни министр-председатель говорил как об «убийстве частицы человеческой души». Она – «великое искушение», но, как подчеркивал Керенский, «если будет нужно для спасения государства, мы и душу убьем, но государство спасем». Это заявление вызвало бурные аплодисменты. В ответ на них взбешенный Керенский бросил в зал: «как вы смеете аплодировать, ведь может быть в этот момент гибнет человеческая жизнь!» [2, С. 3]. Керенский щедро раздавал упреки налево и направо, причем, как отмечала «Новая жизнь», направо с большей резкостью. Сильные овации вызвали слова о прекращении «железом и кровью» покушений на власть слева. Направо Керенский заявлял, что не потерпит никаких ультиматумов, в связи с чем правая часть осталась недовольна [7, С. 3]. Завершил он свою речь уверением, что в случае необходимости «придет с железом и со всею силою принудительного аппарата государственной власти», чем снова вызвал аплодисменты [8, С. 16].

По свидетельству «Рабочей газеты», вступление Керенского на трибуну сопровождалось бурными аплодисментами, а вот покидал он ее при значительно более умеренном настроении публики. Призыв к сплочению «как будто бы не удался» [9, С. 2].

Как передавала «Речь», во время перерыва в кулуарах совещания оживленно обсуждали первое выступление Керенского. Оно, по заявлению газеты, не удовлетворило никого [10, С. 3]. При этом, по словам «Нового времени», наибольшую активность в критике Керенского проявляли правые, а левые молчали [11, С. 3].

Оценки выступления в печати Керенского существенно различались. Положительно оно было встречено в первую очередь правосоциалистическими и проправительственными изданиями, в основном акцентировавшими внимание не на содержании, а на чувственности и проникновенности речи, ее влиянии на публику. Правоэсеровская «Воля народа» восторженно писала, что речь министра-председателя подобна «лучам яркого солнца, рассеявшего тот туман, которым партийная непримиримость и классовая злоба окутали

смысл, назначение и цели совещания», а лавирование между правыми и левыми в выступлении премьера увидели лишь те люди, «умственный горизонт которых ограничен столбами фракционности» [12, С. 1]. Орган ЦК партии эсеров «Дело народа» заявил, что речь «товарища Керенского» была произнесена торжественно и грозно, и приветствовал решительность и мужество, с которыми оратор давал отпор посягающим на революционную власть «политическим авантюристам» [13, С. 1]. В социалистической газете «День» передавал свои впечатления от выступления публицист Д. И. Заславский. В речи Керенского, по его словам, много настроения и лирики, много гнева, упреков и жалоб – больше, чем программных и дидактических указаний государственного человека. Но в то же время эта речь – памятник революции, в котором «чувствуется подлинная тревога и любовь, чувствуется сознание национального долга, и в этом заключается великая привлекательность фигуры Керенского, которая делает его героем истории» [14, С. 1]. В следующем номере «Дня» Заславский продолжает чествовать Керенского, заявляя, что в своем выступлении 12 августа он говорил властным, уверенным, державным голосом – и говорил очень хорошо. По мнению автора, речь Керенского достойна войти в сборник исторических речей [15, С. 1].

По мнению «Силы земли», речь была высказана с громадным подъемом и местами звучала вдохновенно. Когда Керенский резким криком оборвал рукоплескания за слова о восстановлении смертной казни, «он был несравним в своей патетичности» [6, С. 3]. По словам «Биржевых ведомостей», в своем выступлении он взывал больше к чувству, нежели к рассудку, в связи с чем «поклонники строго деловых речей были разочарованы», но в то же время, как и все речи Керенского, эта речь была необыкновенно искренней [16, С. 1]. «Отечество» писала, что выступление произвело сильное впечатление, временами даже жуткое [2, С. 3]. По мнению «Петроградских ведомостей», несмотря на отсутствие фактического материала и программных заданий, речь, несомненно, вызвала в слушателях «святое беспокойство за судьбы родины» [17, С. 3].

Особую позицию занял Г. В. Плеханов. Очевидно, он не был вполне удовлетворен выступлением министра-председателя, но свою критику облачил в туманные и многословные формы. В передовице «Единства» он писал, что речь Керенского была насквозь «пропитана духом эклектизма», и мягко упрекал премьера в отсутствии определенности. В осторожных выражениях Плеханов указывал, что Керенский поставил перед собой задачу привести участников совещания к полному единодушию, но избрал для этого неудовлетворительные средства. Автор выражал надежду, что в будущих речах Керенскому удастся досказать то, что не получилось в первой речи [18, С. 1].

Сдержанно высказалась о выступлении Керенского и кадетская «Речь». С опорой на «общее признание» газета указывала, что речь министра-председателя не заключала в себе никакой государственной программы, в ней звучали весьма разнообразные мотивы, и в целом она представляла собою результат столкновения различных мирозерцаний [19, С. 1]. В схожих

выражениях о выступлении премьера писала умеренная общественно-политическая газета цензового характера «Современное слово»: «в бурной пламенной импровизированной речи не оказалось конкретного государственного содержания, не было необходимых указаний пути соглашения» [20, С. 1].

На существенные недостатки выступления, в то же время признавая его достоинства, обратил внимание корреспондент газеты «Новое время» А. А. Пиленко в своей статье «Впечатления». Он признал Керенского искренним и полным темперамента оратором, одобрил, что тот бесстрашно подходит к большим и неудобным для себя вопросам, и вообще многие его слова были достойны большого патриота. Но в то же время автор указывает, что ярко проявившиеся во время выступления недостатки Керенского проистекают из достоинства его ораторского таланта. Он переоценил свои возможности и решил импровизировать на трибуне по немногим заранее записанным тезисам. По словам Пиленко, неподготовленность речи звучала не только в ошибках, запинках, неловких паузах, но и в хромых афоризмах – например, сетование о том, что «невозможно исчислить неисчислимое и изобразить неизобразимое», или изречение о силе правительства, достаточной для того, чтобы «позволить себе роскошь направленных против него восстаний и конспиративных заговоров». Керенский форсировал голос, стараясь опьянить самого себя, из-за чего временами получались нечленораздельные звуки, «сплошь было слушать неприятно». Автор признался, что так и не понял, с чем имел дело – с проповедью или с докладом [11, С. 3].

Выступление Керенского встретило немало и откровенно критических отзывов. Петроградская кадетская газета «Свободный народ», в отличие от умеренной оценки речи премьера партийным официозом, прямо написала, что речь Керенского была чрезвычайно слаба. Исключительный момент истории и исключительность Московского совещания требовали от министра-председателя заранее взвешивать каждое слово, отказаться от митинговых приемов и сказать действительно важное и деловое с государственной точки зрения. Всего этого в речи не оказалось. Более того, оратор переходил к подчеркиванию полноты своей власти, угрозам направо и налево, сопровождал это неестественными выкриками, и из-за этого «настроение расхолаживалось» [21, С. 1]. Горьковская «Новая жизнь» пришла к выводу, что главной целью выступления Керенского было показать, «что у нас есть власть, которая умеет говорить подобающим ей языком. Как стиль речи, так и ее содержание перенесли нам в то доброе старое время, когда крепкие вожжи считались альфой и омегой государственного управления» [22, С. 1]. «Напугать «железом и кровью» также не удалось никого. Во всех угрозах видели только плохую игру усердствовавшего не в меру второстепенного актера, случайно попавшего в исполнители большой и ответственной роли» – писал орган Военной Лиги «На страже» [23, С. 3].

Подвергались осуждению и ставшие очевидными повадки и привычки премьера. Всеобщее удивление, по словам «Нового времени», вызвал тот факт,

что за стулом Керенского в течение всего заседания стояли навтытяжку два офицера, причем их пришлось даже сменить. Премьер говорил ровно 100 минут, и было очевидно, что физически трудно держать руки по швам все это время напролет. Среди журналистов говорили, что ни при каком старом режиме никто никогда не позволял себе прибегать к подобной охране [11, С. 3]. «На страже», повествуя о проживании Керенского в Зимнем дворце, белой лошади на фронте, наполеоновских позах на фотографиях и о двух офицерах в качестве охраны за креслом на совещании, задавалась вопросом – «Что это: утопический фанатизм или приближающаяся мания величия?» [24, С. 4]. Что характерно, подобные мысли относительно Керенского высказывал позднее и В. Д. Набоков, назвавший его выступление на открытии Государственного совещания «истерическим воплем психопата, обуянного манией величия» [25, С. 34].

Выступление Керенского на открытии Государственного совещания в Москве нельзя назвать успешным. Хотя его речь и задала тон всем последующим выступлениям на совещании [26, С. 106], с риторической и содержательной точек зрения это была явная неудача. Неподготовленность оратора и его излишняя уверенность в собственных импровизационных способностях не только сыграли с ним дурную шутку, но и стали очевидны средствами массовой информации. Петроградская печать дала неоднозначные оценки выступлению министра-председателя. И те издания, которые стремились увековечить речь Керенского как историческое событие, и те, которые подвергли ее беспощадной критике, и умеренные в своих оценках газеты сошлись в одном – экспрессивное выступление в жанре экспромта должно было воздействовать в первую очередь на чувства аудитории, а не на ее разум. Митинговое красноречие, уверенно использовавшееся Керенским перед солдатами, рабочими и матросами, не возымело эффекта перед куда более взыскательной аудиторией членов совещания и корреспондентов столичной прессы.

Источники:

1. Рабочая газета. 1917. 15 июля. № 107.
2. Отечество. 1917. 13 авг. № 25.
3. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993.
4. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995.
5. Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 2: Корнилов или Ленин? София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.
6. Сила земли. 1917. 15 авг. № 30.
7. Новая жизнь. 1917. 13 авг. № 100.
8. Государственное совещание / под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1930.
9. Рабочая газета. 1917. 13 авг. № 132.
10. Речь. 1917. 13 авг. № 189 (3931).

11. Новое время. 1917. 13 авг. № 14852.
12. Воля народа. 1917. 15 авг. № 92.
13. Дело народа. 1917. 13 авг. № 126.
14. День. 1917. 13 авг. № 135 (1696).
15. День. 1917. 15 авг. № 136 (1697)
16. Биржевые ведомости. 1917. 13 авг. № 187.
17. Петроградские ведомости. 1917. 17 авг. № 106.
18. Единство. 1917. 15 авг. № 116.
19. Речь. 1917. 15 авг. № 190 (3932).
20. Современное слово. 1917. 15 авг. № 3409.
21. Свободный народ. 1917. 15 авг. № 64.
22. Новая жизнь. 1917. 15 авг. № 101.
23. На страже. 1917. 28 авг. № 2-3.
24. На страже. 1917. 14 авг. № 1.
25. Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1.
26. Тарасов К. А. Московское государственное совещание 1917 года в поисках преодоления языка классовой борьбы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3 (54). С. 101–113.

M. S. Volintsev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PETROGRAD PRESS ABOUT A. F. KERENSKY'S SPEECH AT THE OPENING OF THE STATE CONFERENCE IN MOSCOW

The article examines the coverage of the speech of Alexander Fyodorovich Kerensky at the opening of the State Conference in Moscow by the Petrograd periodical press. Kerensky was known as one of the most eloquent and persuasive speakers of the Russian Revolution, and the political forces of Russia placed great hopes on his opening speech, which, as many believed, would set a constructive tone for the conference. Particular attention is paid to the criticism of Kerensky's speech in the press, which demonstrated significant disappointment in the figure of the premier and his ability to unite the political forces of the country.

Kerensky, Moscow, State Conference, Petrograd, periodical press, newspapers, press.

УДК 316.77:659

В. Н. Гаркуша (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vngarkusha3@gmail.com)

СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ И НЕЙРОСЕТИ

В статье рассматривается современное развитие искусственного интеллекта и нейросетей, медиатизация общества. Описываются основные виды, типы, особенности и возможности нейросетей для межличностной, речевой и письменной коммуникации, находящиеся в арсенале специалиста по связям с общественностью. Представлены проблемы и вопросы соотношения виртуальной и живой коммуникации, формирования цифровой культуры личности.

Цифровая цивилизация, медиатизированное общество, цифровое мышление, цифровая культура, цифровое образование, искусственный интеллект, нейросети, чат-боты, коммуникации, связи с общественностью

В настоящее время в мире продолжается глобальная цифровизация общества. В образовательной среде продолжается активное обсуждение понятий цифровая цивилизация, цифровое общество, цифровое образование, цифровое мышление, цифровая культура и аналогичных [1]. Особо интересным вопросом для изучения является коммуникация в медиатизированном обществе и ее взаимосвязь со специальностью «Реклама и связи с общественностью».

Нейросети стремительно интегрируются во многие сферы жизни и бизнеса. Коммуникации различного вида и маркетинг – одно из наиболее емких направлений применения генеративных нейросетей. Однако люди должны ответственно относиться к тому, как искусственный интеллект влияет на развитие общества. В настоящее время появился Кодекс этики в сфере ИИ. В Кодексе перечислены рекомендованные принципы и правила для формирования среды доверенного развития в России технологий искусственного интеллекта. Инициатором его создания выступила группа ведущих технологических компаний, таких как Яндекс, Сбер, МТС, Сколково и VK.

Нейросети могут быть полезны не только для выполнения рутинных задач и генерации графики, текста и видео. Зумеры и миллениалы уже активно используют чат-боты для эмоциональной поддержки и считают, что они отлично помогают бороться со стрессом. Поэтому особо интересно рассмотреть нейросети для межличностной, речевой и письменной коммуникации, напрямую связанных со специальностью «Реклама и связи с общественностью».

Может показаться, что сложно построить дружеские отношения с роботом, но если выбрать подходящий сервис и правильно его настроить, то у кого-то может и получиться. Кратко рассмотрим основные возможности и особенности топ-10 нейросетей для общения: чат-боты для диалогов, дружбы и романтики.

1. **ChatGPT** – универсальный чат-бот. Это один из самых популярных чат-ботов, который может поддержать разговор, ответить на вопросы, сгенерировать отчет или составить план тренировок. Бот работает на базе языковой модели GPT от OpenAI. Сам по себе ChatGPT общается нейтрально и у него нет определенной личности, но ответы чат-бота можно настроить с помощью промпта. Например, можно попросить его отыграть роли персонажа из фильма или просто выслушать и поддержать [2].

2. **Character AI** – общение с уникальными персонажами. В нем собраны чат-боты, которые играют роли персонажей из популярных книг, игр и фильмов. Здесь есть боты исторических личностей и знаменитостей. Если подходящего персонажа не нашлось, то можно создать собственного. Также на платформе есть виртуальные помощники: репетиторы, психологи, коучи и фитнес-тренеры. Одно из главных преимуществ нейросети – живое общение с персонажем. Вы можете «позвонить» чат-боту и задавать вопросы голосом.

3. **Replika** – ИИ-друг и виртуальный собеседник. Это сервис, который специально разработали для общения и эмоциональной поддержки. В нем можно создать собственного персонажа и проводить с ним время. Интерфейс напоминает игру The Sims, а на фоне играет расслабляющая музыка. Можно покупать персонажу одежду и обустраивать комнату, в которой он «живет».

4. **Poe** – чат-боты на базе разных ИИ. Poe предоставляет доступ к нескольким языковым моделям, включая GPT, Gemini, Llama, Grok и Claude. Также в коллекции есть готовые персонажи и ассистенты, например учитель английского языка, шеф-повар, тренер, психолог и герои фильмов. С помощью промпта можно настроить персонажа под свои нужды.

5. **YouChat** – это чат-бот-платформа, которая помогает пользователям быть более продуктивными. Она работает как мощный поисковик – нейросеть ищет информацию, пересказывает тексты и подкрепляет ответы ссылками на источники. С помощью функции Build your own вы можете создать собственного виртуального ассистента. Для этого надо детально описать боту задачи, с которыми ему придется работать.

6. **«Алиса» от «Яндекса»** – русскоязычный ассистент с голосовым управлением. «Алиса» – это виртуальный помощник от «Яндекса», который может отвечать на вопросы, помогать с поиском информации и развлекать. Также чат-бот интегрирован в экосистему «Яндекса», поэтому с его помощью можно управлять умным домом, вызвать такси, заказать доставку продуктов или слушать музыку.

7. **«Маруся» от VK** – ИИ для общения и развлечений. «Маруся» – голосовой ассистент от компании VK, который может поддерживать диалог, отвечать на вопросы, помогать выполнять рутинные задачи и развлекать. Чат-

бот интегрирован в «капсулы» – умные колонки компании VK. С их помощью можно управлять устройствами умного дома. Если вы пользуетесь экосистемой VK, то «Маруся» может вместо вас читать электронную почту Mail.ru, отвечать на сообщения в социальной сети «ВКонтакте» и воспроизводить музыку из фирменного стримингового сервиса.

8. **Kuki** – развлекательный ИИ-бот. Kuki – старейший чат-бот, который все еще доступен пользователям. По возможностям Kuki уступает современным ботам. Но у Kuki все равно есть интересные функции. Например, чат-бот может сгенерировать гороскоп и сделать расклад карт Таро, а если нажать на кнопку On this day, то он расскажет об исторических событиях, которые произошли в этот день.

9. **Talkie** – чат-бот для романтики. Это чат-бот для разыгрывания романтических сценариев. У каждого персонажа есть своя легенда – например, вы познакомились с героем в спортивном зале или встретили своего соседа в лифте. С чат-ботом можно общаться текстом и прослушивать его озвученные сообщения. Также в Talkie есть возможность самому примерить на себя любую роль. Для этого предусмотрено меню настройки персонажа.

10. **Paradot** – виртуальный компаньон. Paradot разрабатывали как бота для поддержания эмоционального равновесия пользователей. Во время общения нейросеть пытается помочь расслабиться, отвлечься от навязчивых мыслей и предлагает поговорить о наболевшем – своеобразный виртуальный психолог. Помимо обычного режима, в чат-боте есть романтические сценарии и истории для ролевых игр.

Выводы.

Стремительно распространяющаяся цифровая реальность неумолимо ставит перед человеком новые глобальные мировоззренческие проблемы, напрямую связанные с вопросом самого существования человека как разумного существа. Чат-боты уже давно используют не только для решения рабочих или учебных задач, но и для общения. К сожалению, для многих одиноких людей нейросеть становится главным собеседником. Сейчас представлено достаточно много виртуальных приложений, которые используют технологии ИИ для симуляции общения с виртуальным человеком. Основная целевая аудитория таких чат-ботов – это люди, которые в приложении могут создать себе идеальную пару, подобрать ей внешность, голос, характер. С такой виртуальной парой можно флиртовать, писать ей романтические сообщения, ходить на свидания. Она же может и петь, танцевать и всячески развлекать, тут уже все зависит от фантазии пользователя.

Как бы это дико не звучало, но общение с виртуальным партнером имеет ряд преимуществ по сравнению с реальными отношениями. В частности, виртуальный партнер всегда доступен для общения 24/7. С ним не надо согласовывать время встреч или волноваться, что он занят. Вы можете поговорить с ним в любое время дня и ночи. Такой партнер никогда не осудит вас и всегда выслушает. Ему можно рассказать обо всех переживаниях, не опасаясь

ясь быть осмеянным или непонятым. Кроме того, это прекрасная практика коммуникативных навыков в безопасной среде. Тут можно отшлифовать искусство флирта, уверенности в себе, активного слушания.

Все это звучит красиво, но реальность совсем иная. Подобные виртуальные партнеры способны, напротив, ухудшать коммуникативные навыки людей. Им будет сложно общаться с реальными людьми, так как их ожидания не будут совпадать с суровой реальностью характера «натурального» человека. Таким образом, нейросети для общения могут породить нездоровые отношения между людьми. Чат-боты, такие как Replika или Eva AI, все лучше имитируют человеческое общение, но эксперты опасаются, что они могут нарушить психику и людям будет намного труднее потом общаться вживую. Создание идеального партнера, которым вы управляете и который удовлетворяет все ваши потребности, действительно пугает.

Отношения с ИИ, чьи функции устанавливаются по прихоти компании, также имеют свои недостатки. При всех поверхностных плюсах виртуального общения, оно никогда не заменит глубину и многогранность реальных человеческих взаимоотношений. Необходимо помнить, что виртуальный ИИ-партнер – это всего лишь имитация отношений, неспособная заменить глубину человеческих контактов. Так что не стоит злоупотреблять подобными приложениями.

В дополнение можно отметить, что описанные выше вопросы, имеют прямое отношение к более широким тенденциям разобщения и «расчеловечивания» в современном обществе, которые проявляются в чайлдфри-настроениях, заболтанном кризисе семьи, отстраненности, эскапизме, отчуждении, пассивности, конформизме, ярко проявляющихся, в том числе, и в молодежной среде.

В дополнение, можно отдельно сказать несколько слов о соцсетях. Интернет и особенно соцсети принесли и новый путь разобщения: массовая аудитория распадается на группы, сейчас уже довольно жестко ориентированные на свой источник, априори считая альтернативные источники недоверенными, и между группами расширяется пропасть непонимания: их восприятие мира различается все больше. Самый известный разрыв – межпоколенческий: молодежь ТВ почти не смотрит и за новостями обращается к интернет-сайтам (в мегаполисах их уже обгоняют соцсети и мессенджеры, прежде всего «Телеграм»), а пенсионеры – наоборот (питерские телезрители и оппозиционно настроенная часть интернет-аудитории практически не пересекаются). Но яростная, без тормозов война комментариев в соцсетях показывает, что водораздел по возрасту – лишь один из многих...

В последнее время все больше стали постоянно появляться предупреждения о вреде достижений ИИ [3]. Облегчая жизнь в каких-то отраслях, он самым своим существованием порождает новые опасные тенденции. Одним из социально-психологических инструментов, способных воспрепятствовать этим опасным процессам, является, цифровая культура личности, проявляю-

щаяся в ситуациях многообразной деятельности человека в цифровом пространстве.

Источники:

1. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации URL: edu.gov.ru.
2. Швырева А. Нейросети ChatGPT, Midjourney. Инструкция для начинающих. СПб.: АСТ, 2023.
3. Бруссард Мередит. Искусственный интеллект: Пределы возможного. Альпина нон-фикшн, 2020.

V. N. Garkusha (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

MODERN COMMUNICATION AND NEURAL NETWORKS

The article discusses the modern development of artificial intelligence and neural networks, the mediatization of society. The main types, types, features and capabilities of neural networks for interpersonal, speech and written communication, which are in the arsenal of a public relations specialist, are described. The problems and issues of correlation between virtual and live communication, the formation of digital culture of the individual are presented.

Digital civilization, mediatized society, digital thinking, digital culture, digital education, artificial intelligence, neural networks, chatbots, communications, public relations

УДК 316.4

В. А. Глухих (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ, e-mail: vladimirglu@mail.ru);

Н. П. Кирсанова (Университет при МПА ЕврАзЭС, e-mail: kirsanovan@mail.ru)

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Цифровые технологии все глубже проникают в нашу повседневную жизнь, экономику, торговлю, образование и социальные отношения. Сегодня мы являемся свидетелями того, как формируется, по сути, новая социальная реальность, характерной чертой которой является не только изменение структуры общества, но и сами принципы формирования и функционирования социальных групп. Статья посвящена анализу роли и последствий влияния цифровых технологий на изменение социальной структуры общества. Авторы приходят к выводу, что цифровизация – неизбежный процесс, охватывающий не только все большие сферы социальной жизни, но и влияющий на каждого конкретного индивида.

Цифровизация, социальная структура, информационные технологии, онлайн-сообщества, виртуализация социальных связей, цифровая культура, социокультурные изменения

В статистическом сборнике, подготовленном коллективом Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в партнерстве с Минцифры России и Росстатом [См.: 1], наглядно представлена динамика показателей, характеризующих цифровую трансформацию экономики и социальной сферы в Российской Федерации за последние десять лет. Так, валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в России составили 5152 млрд руб. (против 4148 млрд руб. в 2021 г.). Из них – 3199 млрд руб. – это затраты организаций и 1953 млрд руб. – затраты домашних хозяйств (+2,7%) [1, С. 33].

Компании также увеличили внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг – 824 млрд руб. в 2022г. против 779,8 – в 2021 г. [1, С. 39].

Внутренние затраты компаний на исследования и разработки по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы» выросли за год с 83207.6 млрд руб. в 2020г. до 99673 млрд руб. в 2021г. [1, С. 42].

За год уровень владения цифровыми навыками уровня «выше базового» у населения увеличился с 12,9 % до 13,3% (от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше), «базового уровня» – с 24,9% до 27,3%, количество

же людей, владеющих навыками на «низком уровне», наоборот, сократилось с 44,1% до 43,4% [1, С. 153].

Все эти цифры свидетельствуют о том, что цифровая трансформация в России набирает обороты, несмотря на вызовы последних лет. Государственные инициативы, инвестиции бизнеса и активное участие граждан способствуют укреплению позиций страны в глобальной цифровой экосистеме.

Активное применение цифровых технологий стало ключевым фактором изменений в экономике, политике, культуре и социальной структуре общества. Этот процесс затронул каждого индивида, изменяя привычные модели поведения, способы коммуникации и взаимодействия.

Прежде всего, развитие информационно-коммуникационных технологий изменило способ общения. Онлайн коммуникация через социальные сети, мессенджеры и другие коммуникационные платформы преодолело географические границы, позволив людям легко и быстро общаться в разных уголках мира. Однако, эти изменения также порождают новые проблемы в построении глубоких и значимых социальных отношений. Присутствие виртуальной коммуникации может также повлиять на то, как мы формируем идентичность и выражаем себя в социальных контекстах. Как отмечает Платонова С. И.: «цифровое общество создает новые угрозы идентичности личности... В цифровом обществе вызовами для устойчивой идентичности являются доминирование общения «лицо-в-устройство», формирование множественных виртуальных идентичностей, принадлежащих одному индивиду, формирование социотехнической идентичности, некоего симбиоза человека и технических устройств» [2, С. 23]. Таким образом, идентификация индивида затрудняется, во-первых, из-за сложностей в отнесении себя к какой-то определенной страте, а, во-вторых, взаимодействия в социальных сетях является настолько прозрачными и разнообразными, что это приводит к полной статусной неопределенности.

Каждый индивид сегодня, фактически, существует в двух параллельных реальностях: оффлайн и онлайн (зачастую его онлайн присутствие обеспечивается, благодаря окружению индивида: родителям, размещающим фото в социальных сетях, знакомым, публикующим видео и т. д.). Находясь одновременно и в оффлайн, и онлайн пространствах, индивид формирует множественный статус, при этом статусы отдельно онлайн и оффлайн могут не совпадать. Поэтому при анализе нужно обращать внимание не столько на отдельные социальные структуры, сколько искать точки соприкосновения между виртуальным и реальным социальными пространствами в рамках социальной стратификации.

Цифровые технологии делают социальную структуру динамичной, что ведет, по словам С. А. Гришаевой: «к возникновению «виртуальной миграции, ведь хотя мы и не пересекаем физических границ, мы вынуждены адаптироваться к другой культуре, «погружаться» в иное социокультурное пространство, пересекать виртуальную границу определенной социальной среды, «налицо тенденция замещения многих форм непосредственного социаль-

ного взаимодействия соответствующими виртуальными формами»» [3, С. 73].

Развитие информационно-коммуникационных технологий изменило способы обучения и доступа к знаниям. Теперь учащиеся могут легко получить доступ к информации через Интернет, но перед ними встают задачи сортировки и фильтрации нужной информации и развитие критических и аналитических навыков. Кроме того, неравный доступ к технологиям и цифровым навыкам может также усугубить образовательное неравенство между отдельными людьми и социальными группами.

Кроме того, социальные изменения в цифровую эпоху также влияют на структуру экономики и трудовые отношения. Появление экономики, основанной на платформах, изменило традиционные модели работы. Многие виды работ могут выполняться дистанционно. Это влияет на структуру работы, баланс между работой и личной жизнью, а также на отношения между работниками и работодателями. Кроме того, технологические изменения создают новые рабочие места, требующие цифровых навыков, что влияет на потребности общества в образовании и профессиональной подготовке.

Социальные изменения в цифровую эпоху также оказывают влияние на социальные и культурные ценности. Легкий доступ к информации и контенту через интернет влияет на взгляды и восприятие людьми определенных ценностей. Цифровая культура и популярная культура, формируемая с помощью социальных сетей, видео и другие онлайн-платформы, также способствуют изменениям в моделях поведения и индивидуальных взглядах. Кроме того, социальные медиа и алгоритмы, регулирующие контент, могут усиливать поляризацию ценностей в обществе.

Воздействие цифровизации на социальную структуру проявляется в различных аспектах жизни, включая социальное взаимодействие, работу, образование и культуру. И здесь возникает ряд проблем, с которыми нам приходится сталкиваться. К основным проблемам можно отнести проблемы социального взаимодействия, суть которых заключается в ограниченном «живом» взаимодействии. Зависимость от социальных сетей и онлайн-общения может привести к сокращению личного взаимодействия и снижению качества межличностных отношений. Кроме того, возникновение феномена кибербуллинга и безответственное использование социальных медиа может негативно сказаться на психическом здоровье и социальном благополучии. Для общества важно развивать навыки эффективного общения в цифровом мире и преодолевать эти вызовы.

В сфере труда возникают проблемы, связанные с тем, что технологические разработки могут заменить человеческий труд автоматизацией и искусственным интеллектом. Вследствие этого возможно возникновение проблем структурной безработицы и экономического неравенства.

Социальные преобразования в цифровую эпоху ставят проблемы и перед образованием.

Одним из важнейших социальных последствий цифровизации является информационная перегруженность людей. Современная система образования требует от студентов «не усвоения фундаментальных знаний, необходимых для будущей профессиональной деятельности, а лишь владения навыками поиска нужной информации, большая часть из которой ими просто не усваивается – студенты тяготеют к визуальному восприятию информации и к контенту узкой направленности» [4, С. 17]. Кроме того, навыки анализа информации у студентов развиты весьма слабо, что ведет к тому, что сомнительный контент воспринимается как достоверный.

В работе «Образование в бані-мире – новая реальность» авторы демонстрируют, каким образом происходит трансформация классической образовательной модели: «Преподаватель ... становится не столько транслятором истины, сколько проводником в том огромном потоке информации, который обрушивается на нас» [5, С. 62].

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни граждан становится фактором, который радикально трансформирует характер социальных взаимодействий и изменяет механизмы социального контроля.

Цифровизация проникает буквально во все сферы нашей жизни, кардинально меняя природу социальных отношений и сами механизмы социального контроля. Это сложный и неоднозначный процесс, в котором цифровые технологии становятся ключевым инструментом социального взаимодействия. В работе «Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения» [6, С. 145–161] автор наглядно демонстрирует, как цифровые технологии превращаются в основные формы реализации «социального».

Наблюдается рост числа методов социального контроля, несмотря на общую тенденцию к стандартизации этих процессов под влиянием цифровых технологий. Социальный контроль постепенно переходит от людей к машинам и алгоритмам, становится автоматизированным и алгоритмизированным. Эта автоматизация скрывает политические, экономические и идеологические интересы за видимостью объективности и нейтральности. Человеческий фактор, присутствующий во всех этих процессах, уже становится сложно различим. Алгоритмические системы управления с использованием больших данных усиливают социальный контроль и подчеркивают стремление властей контролировать и формировать общественное мнение, создавать потребности и побуждать к действиям в рамках установленных стандартов поведения.

Источники:

1. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
2. Платонова С. И. Цифровые технологии и общество: трансформация идентичности // Дискурс. 2024. Т. 10, № 4. С. 16–26.

3. Гришаева С. А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. №1. С. 70–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-transformatsii-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy> (дата обращения: 09.01.2025).

4. Осипова Н. Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022;28(3): 9–42. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42> (дата обращения: 10.01.2025).

5. Глухих В. А., Кирсанова Н. П. Образование в bani-мире – новая реальность // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2023. Т. 1. С. 62–64.

6. Гавриленко О. В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145–163.

V. A. Glukhikh (St. Petersburg State Electrotechnical University LETI);

N. P. Kirsanova (University associated with the IPA EurAsEC)

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TRANSFORMING THE SOCIAL FABRIC

Digital technologies are penetrating ever more deeply into our daily lives, economy, commerce, education and social relations. Today we are witnessing the formation of a new social reality, which is characterised not only by a change in the structure of society, but also by the very principles of formation and functioning of social groups. The article analyses the role and consequences of the impact of digital technologies on the changing social structure of society. The authors conclude that digitalisation is an inevitable process that not only covers more and more spheres of social life, but also affects each individual.

Digitalisation, social structure, information technologies, online communities, virtualisation of social ties, digital culture, socio-cultural changes

УДК 316.774

К. Э. Гончаров (Комитет по образованию Санкт-Петербурга Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение Дворец учащейся молодежи, e-mail: goncharovk99@yandex.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕМОРАТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ ДЛЯ КОНФИГУРАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Рассматривается коммуникация пользователей социальных медиа с акторами распространения медийного контента на примере сообществ в социальной сети ВКонтакте. В связи с активной унификацией индивидов в сети интернет по причине потребления обезличенного контента, пользователи медиа нуждаются в конфигурации идентичности для сохранения своего культурно-исторического наследия. Научная новизна исследования заключается в использовании междисциплинарного направления memory studies, согласно которому хранилища коллективной памяти социальной группы позволяют выстраивать идентичность индивидами в процессе коммуникации. Как было установлено, репрезентация меморативных объектов в цифровом контенте помогает пользователям идентифицировать себя с общностью в результате коммеморации.

Коллективная память, конфигурация идентичности, социальные медиа, цифровая коммуникация, меморативные объекты, нарративы памяти, коммеморация, КМНС

Коммуникация между индивидами, позволяющая обмениваться данными о накопленном опыте жизнедеятельности, в процессе цифровизации общества перешла в новые онлайн-форматы, что вытесняют традиционные оффлайн взаимодействия. Конвергенция масс-медиа, а также распространение контента по технологии Web 2.0., позволили индивидам стать как потребителями, так и создателями цифрового контента, отражающего социокультурную реальность. Но в силу множественной ретрансляции медийных сообщений, а также функционирования рекомендательных алгоритмов, в социальных медиа индивиды унифицируются, так как потребляют медийные сообщения, лишённые маркеров идентичности, отвечающие тематическим воззрениям большинства пользователей [1]. По этой причине существует риск потери культурно-исторического наследия общности среди представителей коренных народов России, включённых в процесс цифровизации, так как молодое поколение следует медийным трендам и отдаляется от традиционных хранилищ памяти народа. Чтобы сконструировать свою идентичность и не

потерять накопленные знания, коренные народы должны иметь возможность создавать контент, репрезентующий меморативные нарративы общности.

Для исследования конфигурации идентичности посредством коммуникации пользователей социальных медиа с акторами трансляции меморативных объектов был выбран коренной народ «ительмены», входящий в состав АКМНС России. В данной работе мы обратились к двум сообществам на платформе социальной сети ВКонтакте: «АКМНС» и «Камчатский Север», так как Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является государственной организацией, целью которого является сохранение культурно-исторического наследия народов; второе сообщество является вторым по количеству подписчиков в рамках трансляции меморативного контента ительменов. Сбор цифрового материала для исследования производился автоматизировано при помощи собственного приложения «AppForWork», взаимодействующего через API с базами данных ВКонтакте. Очищенный массив текстовых данных подвергся процедуре стемминга, для получения списка токенов, с которыми возможна работа в AntConc. Проведя предварительный анализ частоты публикации контента в сообществах «АКМНС» и «Камчатский Север» было выявлено, что в месяц владельцы «групп» публикуют в среднем 25–27 «постов». Было решено собрать из каждого сообщества 300 единиц текстового контента, чтобы рассмотреть совокупность публикуемых материалов на протяжении года. В рамках исследования был использован цифровой метод анализа корпуса текстов с помощью ПО AntConc, MyStem, а также контент-анализ «постов» на стене сообществ.

В исследовании были применены теории междисциплинарного направления *memory studies*, сформированного в конце XX века и объединяющего исследования по вопросам идентичности, исторических нарративов, функционирования памяти и практик забвения [2]. Мы обратились к теории коммеморативных ритуалов Э. Дюркгейма, «социальных рамок» памяти М. Хальбвакса, функционированию коммуникативной и культурной памяти Я. и А. Ассманн, конструирования хранилищ памяти А. Варбурга.

Проведенный анализ сообщества «АКМНС» в социальном медиа ВКонтакте демонстрирует механизм стимулирования подписчиков к участию в формировании меморативных объектов в оффлайн пространстве. Иными словами, администраторы сообщества инициируют процесс конструирования коллективной памяти, что позволяет индивидам конфигурировать свою идентичность, принадлежность к ительменской общности. Канал коммуникации в формате «группы» служит инструментом для консолидации единомышленников, аккумуляции общественного внимания к уже реализованным мероприятиям и, как следствие, привлечения интереса широкой общественности и государственных институтов.

Подобная стратегия направлена на повышение ценности коммеморативных практик в масштабе страны и на формирование тенденции к активному

конструированию идентичности среди коренных народов, входящих в палеоазиатскую группу [3]. Анализ корпуса-текстов публикаций выявил превалирование глаголов, выражающих готовность к распространению и сохранению культурно-исторического наследия в рамках реализуемой ассоциацией политики. Данная модель трансляции контента соответствует концепции «спускающейся сверху вниз» памяти, разработанной А. Ассманн, а также феномену политической памяти за ее авторством [4]. В данном случае, сообщество «АКМНС» выступает как инструмент, ретранслирующий политику коммеморации, инициированную элитарными группами и государственными структурами. Таким образом, мы видим пример, где цифровое пространство используется для трансляции и усиления политически значимого нарратива о культурной идентичности.

Анализ сообщества «Камчатский Север» в социальном медиа выявил его роль в качестве транслятора медийного контента, репрезентирующего меморативные нарративы, культурные традиции и историческую специфику народа ительменов. Значительная часть публикаций представляет собой перекодировку канонических мифов и описаний традиций. Этот процесс включает в себя адаптацию формы подачи материалов – их компрессию в формат коротких публикаций, сопровождаемых соответствующими изображениями, а также модернизацию языка повествования. Включение реципиента в контекст хранилища коллективной памяти обеспечивается посредством ссылок на первоисточники, предоставляющие возможность более детального изучения темы. При этом, авторами сообщества также используется метод кодирования мемов, юмористическая составляющая которых базируется на культурных и исторических особенностях жизнедеятельности ительменов, что вносит элемент игровой вовлеченности в процесс трансляции культурного наследия, а также напрямую соответствует социокультурным особенностям народа ительменов.

Наряду с трансляцией меморативных нарративов, сообщество публикует информацию о современных формах коммеморации прошлого, осуществляемых ительменами и другими народами палеоазиатской группы. К таким публикациям относятся анонсы онлайн-вебинаров по историческим темам, информация об организации традиционных праздников. В отличие от сообщества «АКМНС», контент «Камчатского Севера» в большей степени ориентирован на выполнение информационно-просветительской функции. Публикации содержат сведения о ключевых аспектах коммеморативных ритуалов, их роли в формировании идентичности, а также обоснование необходимости канонического воспроизводства традиционных взаимодействий [5]. Комментарии подписчиков, сопровождающие публикации, вносят дополнительный вклад в репрезентацию культурно-исторического наследия ительменов. Пользователи активно участвуют в обсуждениях, используя родной язык, делятся ссылками на дополнительные материалы по теме, а также реконструируют и передают собственный опыт, связанный с традиционной жизнедеятельностью. Таким образом, сообщество «Камчатский Север» не только транслирует культурное наследие, но

и становится площадкой для его интерактивного воспроизводства и интерпретации. Согласно модели А. Ассманн коллективная память в данной «группе» строится «снизу вверх»: индивидуальные энтузиасты кодируют в медийные публикации меморативные нарративы, репрезентация которых в сообществе позволяет конфигурировать идентичность его подписчиков [4].

Проведенное исследование выявило неоднородность акторов и моделей конструирования коллективной памяти в цифровом медиа на примере сообществ ВКонтакте. Установлено распространение контента по моделям «сверху вниз», реализуемой государственными организациями, и «снизу вверх», характерной для отдельных индивидов, что соответствует концепциям А. Ассманн [4]. Обе «группы» используют цифровые форматы для трансляции меморативных объектов, но с разными целями: «АКМНС» активизирует офлайн-коммуникацию, а «Камчатский Север» способствует интерактивному воспроизводству памяти. Социальные медиа становятся площадкой для коммеморации и позволяют представителям КМНС избегать унификации, разделяя ценности и культурные нормы, тем самым конфигурируя свою идентичность [5]. Исследование демонстрирует, что репрезентация культурной памяти народности в цифровой среде адаптирована к потребностям и восприятию молодежи. Использование современных медиаформатов (мемы, короткие видео) и интерактивных элементов способствует актуализации традиционных нарративов, сохранению «образа предков» и поддержанию идентичности общности. Проведенное исследование задает новый вектор изучения цифровой коммуникации КМНС, акцентируя внимание на акторах распространения меморативных объектов. Остается открытым вопрос о принадлежности данных акторов к ительменской общности или иным народам палеоазиатской группы, что имеет ключевое значение для аутентичной интерпретации и сохранения культурно-исторического наследия. Возникает необходимость дальнейшего изучения, поскольку частичное декодирование меморативных нарративов может привести к утрате ценной для народа информации.

Источники:

1. Гончаров К. Э. Мифотворчество народности как меморативный объект для конфигурации идентичности в цифровых медиа // Наука без границ: студенческое научное кружковое движение: сборник материалов II международного форума молодых ученых. 2024. С. 304–310.
2. Нечаева А. А. Становление Memory Studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные Науки. 2020. № 4 (60). С. 121–129.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.
4. Assmann A. Memory, individual and collective. Oxford: Oxford University Press, 2006. 210–226 p.

5. Halbwachs M. On collective memory. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

K. E. Goncharov (*Committee on Education of Saint Petersburg State budgetary non-standard educational institution Palace of student youth*)

USING MEMORIAL OBJECTS TO CONFIGURE IDENTITY BY SOCIAL MEDIA USERS

The article examines the communication of social media users with the actors of media content distribution using the example of communities in the social network VKontakte. Due to the active unification of individuals on the Internet due to the consumption of impersonal content, media users need to configure their identity to preserve their cultural and historical heritage. The scientific novelty of the study lies in the use of the interdisciplinary direction of memory studies, according to which the repositories of the collective memory of a social group allow individuals to build identity in the process of communication. As was found, the representation of memorative objects in digital content helps users to identify themselves with the community as a result of commemoration.

Collective memory, identity configuration, social media, digital communication, memorial objects, memory narratives, commemoration, indigenous peoples

УДК 101.1(075.8); 101.8

А. Я. Гулиев (Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, e-mail: aliiqlyv@gmail.com)

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОДЕЛИРОВАНИИ БУДУЩЕГО

Статья посвящена проблемным аспектам прогнозирования будущего, связанным с интенсивным внедрением когнитивных технологий в профессиональные и повседневные сферы жизненного мира человека. Подчеркивается влияние интерактивных систем с искусственным интеллектом на формирование новых идей в философии науки. Особое внимание уделяется идее многовариантности векторов развития жизненного мира человека, роли когнитивных моделей в прогнозировании социальных и технологических изменений, включая влияние на образовательные процессы, городской дизайн и управление глобальными рисками. В моделировании будущего акцентируются философские установки анализа условий человеческого бытия, этические аспекты современной науки, культурные барьеры применения когнитивных технологий.

Интеллектуальные технологии, жизненный мир, социум, философия науки, многовариантность будущего, прогнозирование, когнитивные модели, этика технологий

Моделирование будущего в условиях современных цифровых технологий, трансформирующих жизненный мир человека и социума, требует комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего усилия психологии, нейронауки, теории искусственного интеллекта в прогнозировании вариантов развития глобального мира. Когнитивные исследования в системе современной науки обращены к глубинным структурам человеческого миропонимания, ориентированы на выявление механизмов восприятия, мышления и принятия решений.

Важным аспектом когнитивных исследований является понимание механизмов адаптации человека к новым условиям. Например, работы Д. Канемана о когнитивных искажениях дают нам понимание о том, как предвзятости могут повлиять или уже влияют на прогнозирование будущего [1, С. 78–80]. Исследования в области нейропластичности показывают, как мозг может изменяться в ответ на внешние стимулы. В работах А. Тверски [2, С. 200] показано, что когнитивные искажения могут быть не только барьером, но и важным инструментом для идентификации ключевых факторов изменений в сложных системах. Это открывает возможности для разработки технологий, которые будут учитывать индивидуальные особенности человека, улучшая его когнитивные способности в прогнозировании сценариев будущего действия [3, С. 153]. Интеллектуальные технологии, такие как машинное обучение и искусственные нейронные

сети, позволяют использовать результаты когнитивных исследований для анализа сложных систем. Алгоритмы прогнозирования в экономике и экологии применяют когнитивные модели для оценки сценариев развития.

Когнитивные модели в прогнозировании и принятии решений. Когнитивные модели активно применяются для разработки систем поддержки принятия решений, используемых в медицинской диагностике. Здесь можем выделить нейросети, обученные на данных когнитивных процессов, позволяют врачам точнее диагностировать заболевания, минимизируя влияние человеческих ошибок. Это особенно важно в условиях, когда требуется оперативное принятие решений, например, при эпидемиях или массовых катастрофах. Ошибки в медицинской диагностике, основанные на когнитивных искажениях, могут быть воспроизведены в алгоритмах искусственного интеллекта, что может угрожать качеству лечения.

Когнитивные исследования способствуют улучшению пользовательского опыта при взаимодействии с современными цифровыми технологиями. Например, разработки в области когнитивных интерфейсов позволяют адаптировать системы искусственного интеллекта под индивидуальные потребности пользователей, улучшая их взаимодействие с устройствами. При этом актуальной проблемой становится защита данных.

В экономике когнитивные технологии используются для моделирования поведения потребителей. Это помогает компаниям разрабатывать более точные маркетинговые стратегии, а также прогнозировать изменения спроса и предложения на основе анализа когнитивных факторов [4, С. 121–122]. К примеру, адаптивные системы рекомендательных алгоритмов, основанные на когнитивных принципах, позволяют предлагать пользователям более релевантные продукты, что увеличивает их удовлетворенность.

В области урбанистики когнитивные модели включаются в технологический процесс проектирования города, позволяя учитывать потребности разных социальных групп. Это способствует улучшению качества жизни и минимизации социальных конфликтов. Использование таких технологий позволяет заранее оценить эффективность инфраструктурных решений. Когнитивные исследования также помогают в создании систем раннего предупреждения о природных катастрофах. К примеру, анализ когнитивных факторов, влияющих на скорость реакции населения на предупреждения о стихийных бедствиях, позволяет разрабатывать более эффективные стратегии оповещения.

Современный мир сталкивается с множеством вызовов, таких как изменение климата, пандемии, социальное неравенство. Использование когнитивных моделей в этих условиях становится необходимым инструментом для разработки решений. В частности, при пандемиях когнитивные технологии могут быть использованы для анализа поведения населения и оптимизации информационных кампаний. Кроме того, когнитивные исследования находят применение в разработке систем управления рисками. Включение факторов человеческого восприятия и адаптации в сценарное моделирование позволяет уменьшить ве-

роятность ошибок при принятии решений [5, С. 38]. Использование когнитивных моделей в экономике также открывает новые возможности для прогнозирования. Анализ поведения потребителей, основанный на когнитивных принципах, позволяет создавать более точные маркетинговые стратегии и предсказывать изменения спроса.

Философские аспекты моделирования будущего. Изучение процессов прогнозирования событий представляет актуальную область в философии и науке. Идея многовариантности будущего в философии основывается на том, что каждый сделанный выбор открывает новую возможность для развития. Эта мысль представлена в трудах Хайдеггера, который анализировал временные аспекты человеческого бытия [6, С. 45–47]. Благодаря когнитивным исследованиям стало возможным изучать, каким образом люди оценивают будущее и принимают решения в условиях неопределенности. Восприятие времени как субъективного опыта позволяет выдвигать новые подходы к прогнозированию.

Исследования в нейронауке показывают, что мозг человека обладает способностью прогнозировать вероятные события, основываясь на предыдущем опыте и доступной информации. Эти прогнозы играют важную роль в принятии решений, особенно в ситуациях, когда информация ограничена. Применение когнитивных технологий позволяет создавать сценарии, направленные на развитие социальной инфраструктуры. Например, прогнозирование реакции населения на внедрение экологически устойчивых технологий помогает выявлять потенциальные конфликтные точки и разрабатывать адаптационные стратегии. Философский подход к многовариантности будущего раскрывает влияние культурных особенностей на прогнозирование. Так, разные культуры по-разному воспринимают риски и неопределенность, что необходимо учитывать при создании глобальных сценариев.

Этические аспекты применения когнитивных технологий. Важность этических аспектов в разработке и использовании когнитивных технологий подчеркивает Дж. Серл, полагая, что необходимо учитывать не только их функциональность, но и моральную составляющую [7, С. 90]. В частности, автоматизация рабочих процессов может требовать переосмысления подходов к трудовой занятости и образовательным программам. Когнитивные исследования могут смягчить эти последствия, предлагая решения для адаптации и переквалификации работников.

Этические аспекты особенно важны в образовании. Использование адаптивных образовательных платформ должно учитывать индивидуальные когнитивные особенности каждого учащегося, чтобы минимизировать вероятность дискриминации. Кроме того, прозрачность алгоритмов становится критически важным фактором для укрепления доверия к технологиям. Понимание пользователями того, как принимаются решения, способствует снижению тревожности и уверенности в использовании технологий. Когнитивные исследования оказывают значительное влияние на образование. Они помогают разрабатывать программы, адаптированные к когнитивным особенностям учащихся. Например,

использование технологий виртуальной реальности позволяет создавать обучающие среды, которые стимулируют развитие навыков критического мышления. Виртуальные симуляции предоставляют студентам безопасные пространства для отработки сложных сценариев.

В заключение можем констатировать, что когнитивные исследования представляют собой мощный инструмент для моделирования многовариантного будущего. Их применение открывает новые горизонты для понимания человеческого мышления и построения более устойчивого общества. Однако важно учитывать этические аспекты и обеспечивать равный доступ к технологиям для всех социальных групп.

Источники:

1. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
2. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Science, 1974.
3. Полани М. Личное знание: К критике посткритической философии. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Harari Y. N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. London: Harvill Secker, 2015.
5. Anderson J. R. Cognitive Psychology and its Implications. New York: Worth Publishers, 2015.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
7. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3(3). P. 417-424. doi:10.1017/S0140525X00005756

A. Y. Guliev (*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*)

THE ROLE OF COGNITIVE RESEARCH IN MODELING THE FUTURE

The article is devoted to problematic aspects of predicting the future related to the intensive introduction of cognitive technologies into professional and everyday spheres of human life. The influence of interactive systems with artificial intelligence on the formation of new ideas in the philosophy of science is emphasized. Special attention is paid to the idea of multiple vectors of human life development, the role of cognitive models in forecasting social and technological changes, including the impact on educational processes, urban design and global risk management. In modeling the future, philosophical attitudes of analyzing the conditions of human existence, ethical aspects of modern science, and cultural barriers to the use of cognitive technologies are emphasized.

Intelligent technologies, the life world, society, philosophy of science, multivariance of the future, forecasting, cognitive models, ethics of technology

УДК 81'33

Ю. В. Дивненко (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: yu.divnenco@ya.ru)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЖАНРА ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

В статье рассматриваются жанровые и структурные особенности жанра лекции лауреата Нобелевской премии по литературе. Выделяются наиболее часто используемые лауреатами стилистические приемы, а также особенности структурной организации текста.

Речевой жанр, лекция, мультимодальность, стилистика

Жанровая теория претерпела значительные преобразования, начиная с концепций М.М. Бахтина о речевых жанрах и заканчивая современными представлениями о мультимодальных жанровых системах. Автор ввел понятие жанра как типизированной формы высказывания, формирующейся в социальном контексте [1, С. 18]. Сейчас жанры больше не рассматриваются как изолированные единицы; они изучаются в контексте их взаимодействия и роли в социальных практиках.

Выступления лауреатов являются публичными мероприятиями с участием нобелевских лауреатов, членов шведской королевской семьи, Нобелевского комитета и литературных авторитетов. Нобелевские лекции по литературе используют как устные объяснения, так и музыкальное сопровождение, нередко прибегают и к наглядным материалам (графическим изображениям), а также, как мы увидим дальше, апеллируют к социальному фону лауреатов, то есть являются мультимодальными [2, С. 17].

Нобелевские лекции по литературе, будучи мультимодальными, представляют собой уникальный корпус текстов, привлекающий внимание исследователей своей риторической мощью и глубиной анализа. Известно, что стандартное построение текста включает в себя три элемента: вступление, содержательная часть, завершение. Нобелевская лекция, в отличие от Банкетной речи, не настолько строга в своей структуре, и лауреаты вольны реализовать свой «авторский голос», в том числе во «взгляде в прошлое».

Лекции лауреатов Нобелевской премии по литературе, как правило, носят ретроспективный характер. Это связано с тем, что литературное творчество неразрывно связано с биографией писателя, его жизненным опытом, мировоззрением и личностными переживаниями. В своих выступлениях лауреаты часто обращаются к воспоминаниям о детстве, юности, взрослении и формировании их как личности и писателя. Они могут объяснить, какие события и переживания оказали влияние на их творчество, как они находили

вдохновение в окружающем мире и какие уроки жизни извлекали из своего опыта. Кроме того, ретроспективный подход позволяет лауреатам установить связь между их прошлым и настоящим, между их литературным наследием и современными литературными тенденциями. Это создает уникальную возможность для диалога между поколениями писателей и читателей, обмена опытом и идеями.

«When I first received this Nobel Prize for Literature, I got to wondering exactly how my songs related to literature» (Bob Dylan, 2016).

Другой вариант вступления Нобелевской лекции по литературе более формален и не связан с жизненным путем автора: это благодарность Нобелевскому комитету. «I would simply like to tell you how happy I am to be here with you and how touched I am by the honour you have done me in awarding me the Nobel Prize in Literature» (Patrick Modiano, 2014).

В содержательной части Нобелевской лекции встречается ряд ключевых тем, характерных для большинства выбранных для анализа лекций [3, С. 70– 76]:

1. Социальные обязанности писателя. Многие писатели размышляют о том, что на самом деле значит быть писателем и какую ответственность они несут перед обществом. «But writing cannot be just about battling and polemics, however invigorating and comforting that can be» (Abdulrazak Gurnah, 2021).

2. Судьба писателя. Ретроспективный характер лекций был описан выше. «I proudly and naively believed that writing books, becoming a writer, as the last in a line of landless labourers, factory workers and shopkeepers, people despised for their manners, their accent, their lack of education, would be enough to redress the social injustice linked to social class at birth» (Annie Ernaux, 2022).

3. Литературный опыт. Здесь лауреаты вспоминают, как именно они пришли к их роду деятельности. «Writing has always been a pleasure» [Abdulrazak Gurnah, 2021], «Such was the literary climate of the day that when I finished that first Japanese story» (Kazuo Ishiguro, 2017).

4. Языковые средства. Будучи мастерами слова, лауреаты Нобелевских премий анализируют в своих лекциях приемы, которые он предпочитают использовать и почему. «In my prose, perhaps all the repetitions have a similar function as the pauses do in my drama» (Jon Fosse, 2023).

5. Литературный результат. Нобелевские лауреаты по литературе рефлексируют о том, как они добились такого успеха и справедливо рассматривают полученную премию как результат своих трудов. «Later I received mostly good reviews, and I even started to receive prizes – and then I thought [...] if I didn't listen to the bad reviews, I also wouldn't let success influence me, I would hold fast to my writing, hold on to what I had created» (Jon Fosse, 2023).

Литературный фон в лекциях представлен через призму литературного наследия и личный писательский процесс [3, С. 75]. В рамках литературного наследия уделяется внимание влиянию предыдущих авторов на профессиональный рост нобелевских лауреатов [3, С. 72]. «Faulkner, that form – writing and structure – elevates or impoverishes subjects. Martorell, Cervantes, Dickens,

Balzac, Tolstoy, Conrad, Thomas Mann, that scope and ambition are as important in a novel as stylistic dexterity and narrative strategy» (Mario Vargas Llosa, 2010).

Лауреаты подчеркивают значимость культурных традиций в формировании их творческого пути. Б. Дилан не обладал формальным музыкальным образованием, но стал выдающимся представителем американской музыкальной традиции, интегрируя элементы блюза, джаза и фолка в свое творчество. В своей лекции Дилан рассматривает три книги, оказавшие на него глубокое влияние: «Моби Дик» Германа Мелвилла, «Одиссея» Гомера и «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка. Каждая из этих книг оставила неизгладимый след в его душе, отразившись на его музыкальных темах, образах и стилистике.

«Specific books that have stuck with me ever since I read them way back in grammar school – I want to tell you about three of them» (Bob Dylan, 2016). Другие примеры влияния таких авторов свидетельствуют о многообразии источников вдохновения и важности культурного фона автора [3, С. 72]. «A writer of the 20th century may also, on occasion, feel imprisoned by his time, and reading the great 19th century novelists – Balzac, Dickens, Tolstoy, Dostoyevsky – may bring on a certain nostalgia» (Patrick Modiano, 2014).

В завершении лекции большинство лауреатов выражают благодарность за полученную награду: «Thank you, Swedish Academy for having awarded me the Nobel Prize in Literature. And thank you to God» (Jon Fosse, 2023), «Let me end by expressing my deepest gratitude to the Swedish Academy for bestowing this great honour on me and on my work. I am very grateful» (Abdulrazak Gurnah, 2021).

Некоторые лауреаты, стремясь подчеркнуть значимость сказанного, завершают свои лекции не привычной аудитории благодарностью, а глубоким финальным высказыванием: будь то выражение надежды на будущее, педагогическое наставление или подведение итогов размышлений, сформулированных в контексте обсуждаемой темы. Такие заключительные слова закрепляют ключевые идеи лекции и оставляют у слушателей долгосрочное впечатление, стимулируя их к дальнейшему исследованию и применению полученных знаний: «That is why we have to continue dreaming, reading, and writing, the most effective way we have found to alleviate our mortal condition, to defeat the corrosion of time, and to transform the impossible into possibility» (Mario Vargas Llosa, 2010). «This is why I believe I must tell stories as if the world were a living, single entity, constantly forming before our eyes, and as if we were a small and at the same time powerful part of it» (Olga Tokarczuk, 2018).

К жанровым характеристикам лекции лауреата Нобелевской премии как жанра можно отнести использование стилистических приемов, в числе которых преобладают инверсия, метафора и риторические вопросы.

Ниже приведены некоторые примеры наиболее часто встречающихся стилистических приемов в лекциях лауреатов Нобелевских премий:

1. Использование *риторических вопросов* в тексте позволяет автору воздействовать на эмоции и мысли аудитории, стимулировать ее к размышлению и сопереживанию и акцентировать внимание на ключевых моментах и идеях лекции. Ср.: «How can one reflect on life without also reflecting on writing? Without wondering whether writing reinforces or disrupts the accepted, interiorized representations of beings and things? With its violence and derision, did insurgent writing not reflect the attitude of the dominated?» (Annie Ernaux, 2022).

2. Применение *инверсии* способствует созданию ритмической организации текста, придает ему особую мелодику и интонацию. Это позволяет автору более эффективно воздействовать на эмоции аудитории, делает произведение более живым и выразительным. Ср.: «**To find that sentence**, I don't have to look very far» (Annie Ernaux, 2022).

3. *Метафора* – это мощный инструмент, который позволяет авторам обогатить свои тексты и передать сложные концепты и идеи в терминах более простых. Ср.: «They were a pair of blazing furnaces, I was a block of ice» (Mo Yan, 2012).

Важной лингвостилистической чертой лекции лауреата Нобелевской премии является использование лексики высокого стиля, что способствует созданию атмосферы интеллектуального поиска и философских размышлений. Лекции становятся не только источником новых знаний, но и настоящим произведением искусства. Ср.: «Thanks to them, and certainly to my **obstinacy** and some luck, I have been able to devote most of my time to the passion, the **vice**, the **marvel** of writing, creating a parallel life where we can take **refuge** against **adversity**, one that makes the extraordinary natural and the natural extraordinary, that **dissipates** chaos, beautifies ugliness, **eternalizes** the moment, and turns death into a passing **spectacle**» (Mario Vargas Llosa, 2010).

Являясь гибридным жанром, совмещающим черты книжных и разговорных стилей, лекция лауреата Нобелевской премии характеризуется и использованием разговорной лексики с целью установить более тесный контакт с аудиторией, способствует созданию атмосферы доверия и открытости: «You know what it's all about. Takin' the pistol out and puttin' it back in your pocket» (Bob Dylan, 2016).

Публичная речь, которой является лекция лауреата Нобелевской премии, выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, она служит источником информации, передавая аудитории факты, идеи и концепции. Во-вторых, она обладает инструментом воздействия, способным вдохновлять и убеждать слушателей. Так, лекция лауреата Нобелевской премии по литературе не только информирует, но и эмоционально воздействует на аудиторию, формируя ее мировоззрение и стимулируя к размышлениям.

Источники:

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 250–296.

2. Prior P. From speech genres to mediated multimodal genre systems: Bakhtin, Voloshinov, and the question of writing //Genre in a changing world. 2009. С. 17–34.
3. Pavlenko L. The image of a writer in Nobel lectures delivered by laureates in literature. 2018.
4. The Nobel Prize [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nobelprize.org/> (дата обращения: 03.01.2025).

J. V. Divnenko (Saint Petersburg State University of Economy)

LINGUISTIC AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE ENGLISH-LANGUAGE GENRE OF THE NOBEL PRIZE LAUREATE LECTURE

This article examines the composition and stylistic features of the genre of the lecture of the Nobel Prize winners in literature. The most frequently used stylistic techniques by the laureates are highlighted, as well as the peculiarities of the composition of the text.

Speech genre, lecture, multimodality, stylistics

УДК: 659.1

С. М. Емельянов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: esm49@mail.ru)

КОММУНИКАЦИОННЫЙ АУДИТ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Раскрывается коммуникационный аудит как процесс ревизии внутренних и внешних потоков коммуникации в интересах достижения стратегических целей компании. Анализируются цель и задачи коммуникационного аудита в связях с общественностью, рассматриваются его методы и методологические принципы.

Базисный субъект PR, технологические субъекты PR-деятельности, аудит, коммуникационный аудит, синергетический эффект, массовые коммуникации, коммуникационный потенциал.

Слово «аудит» произошло от латинского слова audio – «слышу». Считают, что потребность в аудиторской проверке появилась с появлением денежных и товарообменных отношений. Первые такие проверки датируются с 1045 г. до н. э. на территории современного Китая. В 1862 году в Великобритании аудиторские проверки предусмотрены на государственном уровне. В 1867 году во Франции принят закон об аудиторских проверках компаний. Во второй половине 20 века возникает новый сегмент рынка – аудиторские услуги. В современной России в 2008 году принят Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» (№307 от 30.12.2008 года). Сегодня аудит давно вышел за пределы бухгалтерской деятельности, широкое развитие в наше время получили следующие виды аудиторских услуг:

- финансовый аудит,
- инвестиционный аудит,
- промышленный аудит,
- управленческий аудит,
- экологический аудит,
- налоговый аудит,
- кадровый аудит,
- аудит сайта,
- коммуникационный аудит или PR-аудит,
- педагогический аудит и т. д.

Для нас особое значение имеет коммуникационный аудит, который занимает одно из центральных мест в коммуникационном менеджменте в целом и в управлении коммуникативным пространством базисного субъекта PR в частности.

Теория и практика коммуникационного аудита находит свое отражение во многих работах зарубежных и отечественных авторов [1],[2],[3],[6] и др. Анализ

указанных работ показывает, что в теории и практике связей с общественностью нет однозначной трактовки понятия «коммуникационный аудит», что является с методологической точки зрения вполне понятным. Не ваяясь в подробный анализ определений указанного понятия, дадим свое рабочее определение, которое указывает на основное содержание данного феномена. *Коммуникационный аудит* – это процесс аудита внутренних и внешних потоков коммуникации в интересах достижения стратегических целей компании.

Особое место в понимании сути коммуникационного аудита в связях с общественностью занимает проблема цели и задач этого процесса, которая в современной литературе решается неоднозначно. В частности, один из ведущих российских политтехнологов Даченков И. Б. в работе «Политический консалтинг. PR. Маркетинговые коммуникации» цель и задачи коммуникационного аудита определяет следующим образом: «Цель коммуникационного аудита – это оценка активности коммуникационного процесса организации для того, чтобы разрабатывать и принимать управленческие решения, ориентированные на формирование, корректировку и поддержание положительного имиджа организации, сохранение и повышение ее репутационной стоимости на рынке» [5]. К задачам коммуникационного аудита он относит:

1) оценку эффективности работы с различными каналами массовой коммуникации (СМИ, PR-акции, адресные рассылки, Интернет, реклама, внутрикорпоративные коммуникации и др.);

2) оценку активности организации в информативном пространстве (индекс цитирования, количественный анализ негативных и позитивных упоминаний);

3) выявление и анализ реального имиджа фирмы (анализ репутационных образующих: известность, позиционирование, влияние);

4) оценку эффективности взаимодействия со СМИ (охват аудитории, частота контактов со СМИ, качество работы со СМИ);

5) анализ и оценку реального достижения поставленных целей и задач (в рамках разработанной ранее программы имиджевого позиционирования, маркетинговых задач компании) [5].

В целом можно согласиться с трактовкой цели и задач Даченкова И. Б. Однако, нам представляется, что в формулировке задач автор несколько сузил диапазон их содержания, ограничив лишь оценкой эффективности коммуникаций, что очень тесно перекликается с оценкой эффективности PR-деятельности. В содержании этих задач не учтены такие направления коммуникационного аудита, как: выявление ошибок, просчетов и других явлений, связанных с профессиональной деятельностью технологических субъектов PR-деятельности; выявление сильных и слабых сторон коммуникационного потенциала базисного субъекта PR.

Еще более развернутую формулировку целей коммуникационного аудита дают практики, акцентируя внимание на внутренних и внешних коммуникациях. Так, например, компания SG Team (<http://sg-team.ru> — мониторинг и

медиаисследования) выделяет следующие цели аудита внутренних коммуникаций организации:

- Изучение особенностей восприятия различных средств внутренних коммуникаций персоналом организации.
- Получение обратной связи от сотрудников по поводу содержания получаемой информации и каналов ее распространения.
- Описание образа организации в глазах сотрудников, атмосферы в организации; оценка.

Цели аудита внешних коммуникаций, по мнению авторов указанного документа, являются:

- Выявление и описание существующего образа организации в представлении внешних целевых аудиторий.
- Определение основных характеристик деловой репутации организации.

Конечная цель коммуникационного аудита состоит в выявлении текущей роли и перспективных возможностей информационно-коммуникационных механизмов в тестировании и последующем решении имеющихся у организации проблем [3].

Как видим, практики часто не проводят различие между целью и задачами коммуникационного аудита, что с методологической точки зрения это не совсем корректно. В приведенном примере, если строго следовать методологии соотношения цели и задач, очевидно, цель коммуникационного аудита представлена в «Конечной цели коммуникационного аудита», а цели, представленные в аудите внутренних и внешних коммуникаций, следует рассматривать как задачи.

Подводя некоторый итог, не обращаясь к другим точкам зрения по данному вопросу, заметим, что цель и задачи коммуникационного аудита, рассмотренные в приведенных выше примерах, не противоречат друг другу, и с точки зрения принципа дополнительности могут быть успешно применены при решении практических задач.

Ниже, представляется возможным сформулировать цель и задачи коммуникационного аудита в контексте сути этого феномена, отраженной в рабочем определении, приведенном выше.

Цель коммуникационного аудита состоит в оценке коммуникационного потенциала базисного субъекта PR по информационно-коммуникативному обеспечению его стратегических задач.

Задачами коммуникационного аудита могут быть:

1. Выявление сильных и слабых сторон в коммуникационном потенциале базисного субъекта PR как во внутренних коммуникациях, так и во внешних.
2. Выявление ошибок, просчетов, нарушений в профессиональной деятельности PR-специалистов и других слабых сторон коммуникационного потенциала базисного субъекта PR.

3. Предупреждение несанкционированных действий в профессиональной деятельности PR-специалистов.

Методы коммуникационного аудита. Для решения означенных задач в рамках коммуникационного аудита используются самые различные методы:

опросы, интервью, мониторинги информационных площадок, анализ рабочих документов, контент-анализ информационных материалов и другие.

Методологические принципы коммуникационного аудита в связях с общественностью раскрывают основные требования к анализу внутренних и внешних коммуникаций базисного субъекта PR. С одной стороны эти принципы отражают требования к построению коммуникаций базисным субъектом, а с другой стороны они содержат в себе параметры и критерии аудита. Такими принципами являются:

1. Принцип системного подхода.
2. Принцип комплексного подхода.
3. Принцип синергии.

Рассмотрим подробнее выделенные методологические принципы коммуникационного аудита.

Принцип системного подхода в коммуникационном аудите предполагает учет системного построения внутренних и внешних коммуникаций базисного субъекта PR. Реализацию этого принципа можно посмотреть на примере такого построения следующих коммуникационных инструментов: опросы целевых групп, корпоративное издание и совещание. На совещании может быть поставлена задача провести опрос персонала по какому-либо вопросу. Далее, результаты опроса отражаются в корпоративном издании, и в дальнейшем обсуждаются на совещании. Таким образом, указанные коммуникационные инструменты завязаны в одну систему, направленную на решение конкретной задачи. На практике часто бывает так, что не все коммуникационные инструменты интегрированы в единую систему, что снижает их синергетический эффект.

Принцип комплексного подхода в коммуникационном аудите предполагает построения внутренних и внешних коммуникаций с учетом направленности их всех на достижение единой цели. Отсутствие такой направленности свидетельствует о разбалансированности коммуникационного комплекса, что в конечном итоге ведет к проблемам в достижении поставленной цели.

Принцип синергии в коммуникационном аудите базисного субъекта предполагает выявление и оценку синергетического эффекта внутренних и внешних коммуникаций, интегрированных в едином коммуникационном комплексе, построенном по принципу системного и комплексного подходов.

Источники:

1. Азарова Л. В. Ситуационный анализ в связях с общественностью: учебник для вузов/ Л. В. Азарова, В. А. Ачкасова, К. А. Иванова, А. Д. Кривоносов. 2-е изд. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2018.

2. Апенько С. Н. Коммуникационный аудит на предприятиях железнодорожного транспорта/ С. Н. Апенько, К. В. Гилева // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 34–37.

3. Бочаров М. П. Коммуникационный аудит: вопросы теории и современная практика // Коммуникология. 2015. Том 3. № 4. С. 106–115.

4. Гундарин М. В. Книга для руководителя отдела PR. Практические рекомендации/ М. В. Гундарин. СПб.: Питер, 2006.

5. Даченков И. Б. Политический консалтинг. PR. Маркетинговые коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dachenkov.ru> (Дата обращения 10.01.25)

6. Катлип С. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика: Пер. с англ./ С. М. Катлип, А.Х. Сентер, Г.М. Брум. М.: Вильямс, 2000.

7. Ляпоров В. Обратная связь. Аудит и оценка нематериального актива в системе маркетинговых коммуникаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessmagazine.ru> (дата обращения 10.01.25)

S. M. Emelyanov (St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")

COMMUNICATION AUDIT: CONCEPT, PURPOSE, OBJECTIVES, METHODS AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES

The communication audit is described as a process of auditing internal and external communication flows in the interests of achieving the company's strategic goals. The purpose and objectives of the communication audit in public relations are analyzed, its methods and methodological principles are considered.

The basic subject of PR, technological subjects of PR activity, audit, communication audit, synergetic effect, mass communications, communication potential.

УДК 316.72

Ю. О. Жулина (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: zhulinajulia@mail.ru)

ТЕХНИЧЕСКИЕ УМЫ И ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО (РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В эпоху стремительного развития цифровых технологий и искусственного интеллекта, цифровое искусство становится неотъемлемой частью культурного ландшафта. Однако, восприятие этого феномена может зависеть от профессиональной принадлежности и образовательного бэкграунда. Настоящее исследование посвящено анализу восприятия цифрового искусства студентами технических специальностей – группы, тесно связанной с технологиями, но традиционно фокусирующейся на функциональности и рациональности.

Цифровое искусство, восприятие, образование, технические специальности, социальные ценности, студенты

Современная эпоха цифровизации сопровождается трансформацией социальных ценностей, особенно среди молодежи. В этом контексте цифровое искусство, как одна из форм культурного выражения, становится не только инструментом эстетического восприятия, но и мощным средством передачи общественных настроений, национальных идей и политических посланий.

Однако остается недостаточно изученным вопрос о том, как цифровое искусство влияет на социальные ценности, в частности, студентов, обучающихся на технических специальностях, а также как различия в образовательных направлениях и мировоззренческих установках обуславливают восприятие цифрового искусства.

Искусство, как форма творческого самовыражения, всегда влияла на формирование ценностных приоритетов, цифровое искусство не становится исключением [1, С. 178–179]. В эпоху цифровизации и развития искусственного интеллекта система ценностей студентов может трансформироваться. Эти изменения имеют последствия для формирования ценностных ориентаций и изменения общества в целом.

Актуальность темы подтверждается тем, что достичь баланса между традиционными ценностями и современностью не всегда просто. С одной стороны, традиционные ценности укоренены в этических, нравственных и социальных убеждениях людей. С другой, современный мир постоянно бросает вызовы, предлагая пересмотреть привычные идеалы и ориентиры. По данным ВЦИОМ 2023 года, молодежь до 25 лет чаще выбирает сторону современности (53% против того, чтобы всегда следовать традиционным ду-

ховным принципам) [2]. Это может объясняться тем, что молодежь обычно активнее вовлечена в современные технологии, более восприимчива влиянию глобализации и космополитичности. Это поколение выросло в эпоху активного развития интернета, технологий и социальных и политических изменений, что делает его более гибким к принятию новых идей.

Студенты технических и гуманитарных специальностей обладают разными когнитивными и ценностными установками [3; 4]. Поэтому важно изучить, какие существуют различия в системе социальных ценностных ориентаций у студентов различных специальностей и влияет ли цифровое искусство на их формирование.

Проведенное пилотажное исследование посвящено апробации методики изучения восприятия студентами российских университетов понятия «цифровое искусство» и его воздействия на формирование ценностей. В ходе исследования мы поставили перед собой задачу – изучить, как студенты технических специальностей, опираясь на свою специфическую образовательную парадигму, воспринимают цифровое искусство, какие ценности и смыслы они в нем находят, и насколько оно резонирует с их профессиональными интересами. Исследование проводится на основе качественных методов. Объектом исследования выступили студенты, обучающиеся в университетах Санкт-Петербурга (n=117 респондентов). Выборка случайная. Предмет исследования – восприятие цифрового искусства студентами, обучающимися на программах технической подготовки (инженеры, IT-специалисты). Технология пилотажного исследования включала следующие методы: 1. интернет-анкетирование, нацеленное на изучение приоритетных социальных ценностей студентов (короткие эссе), и 2. последующая визуализация результатов с помощью построения диаграмм.

Во-первых, необходимо выяснить, понимают ли студенты само понятие «цифровое искусство», для этого был задан вопрос, из ответов которого можно сделать следующие выводы. Студенты технических специальностей демонстрируют уверенное понимание основ цифрового искусства, акцентируя внимание на его технологической основе. Они выделяют использование компьютерных технологий, виртуальных пространств и новых форм художественного выражения, таких как интерактивные инсталляции, программное творчество и искусственный интеллект. Этот подход согласуется с определением цифрового искусства как направления, связанного с созданием произведений с использованием цифровых средств [5].

Студенты демонстрируют готовность интегрировать цифровое искусство в свои учебные и профессиональные проекты, что свидетельствует о его востребованности в современных условиях. Важно отметить, что понимание цифрового искусства студентами формируется в значительной мере через их личный опыт и взаимодействие с цифровой средой, что подтверждает необходимость более широкого включения его изучения в образовательные программы.

Эти выводы подчеркивают значимость цифрового искусства как инструмента формирования ценностных ориентиров и профессиональных навыков молодежи, открывая перспективы для дальнейшего исследования его влияния на различные аспекты социальной и культурной жизни.

По результатам проведенного исследования, большая часть студентов (39,3%) оценили влияние цифрового искусства на глубокие национальные ценности на уровне «3» (среднее значение). Большинство студентов воспринимает цифровое искусство как феномен, который может отчасти отражать национальные ценности, однако они не считают это его главной функцией. Возможно, это связано с более глобализованным характером цифрового искусства, который акцентируется сильнее, чем его связь с локальными традициями.

О вопросе о влиянии цифрового искусства на глобализацию и национальное самоопределение большинство (60,7%) придерживается мнения, что цифровое искусство преимущественно влияет именно на глобализацию. Цифровое искусство воспринимается как средство глобализации, усиливающее культурный обмен, интеграцию и доступ к универсальным ценностям. Это подтверждает предположение о том, что цифровое искусство чаще интерпретируется в глобальном контексте, чем в локальном.

Почти половина студентов (47%) согласна с тем, что цифровое искусство поднимает вопросы политики и вовлекает граждан в политическую жизнь. Студенты технических специальностей видят в цифровом искусстве потенциал для политического влияния, хотя это не является всеобщим мнением. Скорее всего, это связано с конкретными примерами в цифровой среде.

Результаты исследования демонстрируют, что восприятие цифрового искусства студентами технических специальностей может быть напрямую связано с их системой социальных ценностей. Социальные ценности выступают как система ориентации, определяющая отношение к культуре, политике и глобальным процессам. Анализ показывает, что глобальные ценности (например, развитие технологий, открытость к инновациям) более доминируют среди студентов технических специальностей. Локальные ценности, такие как национальная идентичность, приверженность традициям, сохраняют влияние, но выражены слабее, особенно в контексте цифрового искусства. Политическая осознанность и участие в общественных процессах, как часть социальных ценностей, проявляются через осознание политической функции цифрового искусства, хотя уровень вовлеченности варьируется.

Данные показывают, что у студентов технических специальностей наблюдается смещение системы социальных ценностей в сторону глобализации и технологического прогресса, что влияет на их восприятие цифрового искусства. Однако социальные ценности, связанные с национальной идентичностью и гражданской ответственностью, все же играют определенную роль, создавая потенциал для их интеграции в цифровую культуру.

Эта корреляция подчеркивает необходимость учитывать влияние профессиональной подготовки и глобального контекста при анализе системы социальных ценностей студентов.

Источники:

1. Ерохин С. В. Цифровое искусство: преемственность традиций // Вестник ТГУ. 2009. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-iskusstvo-preemstvennost-traditsiy> (дата обращения: 08.01.2025).
2. ВЦИОМ. Новости: Традиции в эпоху перемен. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>. (дата обращения: 09.01.2025).
3. Дерюгин П. П., Баннова О. С. Ценности студентов различных профилей подготовки в условиях цифровизации общества: результаты эмпирического исследования // Дискурс. 2022. № 5. С. 68-80.
4. Петрухина С. Р. Особенности ценностных ориентаций студентов различных профилей профессиональной подготовки // Психолог. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-studentov-razlichnyh-profiley-professionalnoy-podgotovki> (дата обращения: 09.01.2025).
5. Кристина Пол. Цифровое искусство. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

J. O. Zhulina (Saint Petersburg State University)

**TECHNICAL MINDS AND DIGITAL ART
(RESULTS OF THE PILOT STUDY)**

In an era of rapid development of digital technologies and artificial intelligence, digital art is becoming an integral part of the cultural landscape. However, the perception of this phenomenon may depend on one's professional background and educational background. This study is devoted to the analysis of the perception of digital art by students of technical specialties, a group closely related to technology, but traditionally focusing on functionality and rationality.

Digital art, perception, education, technical specialties, social values, students

---

УДК 81

Журавлева О. М. (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: omzhuravleva@etu.ru)

ОБРАЗ ПРЕЗИДЕНТА США И КУЛЬТУРНЫЙ КОД НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. БРАУНА «ТОЧКА ОБМАНА»

При помощи языковых средств писатели умело создают не только положительный или отрицательный образ, но и детализировано характеризуют психологические и поведенческие особенности модели определенной социальной роли, типичной для определенной лингвокультуры. Созданный образ должен быть узнаваем и приемлем как для представителей самой культуры, так и вне ее. Характеристики основных лингвокультурных черт президента США анализируются на примере популярного романа Дэна Брауна и его перевода на русский язык.

Культура США, культурный код, образ президента, языковые средства, «Точка обмана»

Художественное произведение, как и любой другой письменный текст, по определению прагматично, поскольку призвано реализовать определенный авторский замысел. Также оно создает определенные образы, которые формируются у читателей в процессе чтения [1, С. 23–24].

И. Р. Гальперин подчеркивает, что в художественных произведениях модальность – субъективно-оценочное отношение автора к характеризваемым объектам – не раскрывает сущности явлений, а «окрашивают их, дает представление о мироощущении автора» [1, С. 116]. В результате у читателей возникает определенное оценочное представление, они испытывают влияние автора, его лексической, в большей степени, а также грамматической и синтаксической манипуляции. Чем выше модальность текстов, тем значительнее проявляется автор [1, С. 118]. Языковыми средствами, при помощи которых автор художественного произведения может воздействовать на восприятие, принято считать фонетические, морфологические, лексические и синтаксические. Анализируя языковые средства в создании многопланового образа персонажа, как его внешнего вида, так и психофизических характеристик, лингвисты Я. Ч. Усс и Н. Д. Джига выделяют среди наиболее часто используемых такие тропы как: эпитет, сравнение, метафора, гипербола, литота, градация, оксюморон, олицетворение, а также синтаксис и стилистические фигуры речи: анафора, антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, параллелизм, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора [2, С. 66]. Е. В. Лосинская и Е. А. Григорова подчеркивают важную роль в создании образа персонажей синтаксиса, сохране-

ние особенностей которого создает определенные трудности при переводе, поскольку зависит от внутреннего содержания [3].

Детективный роман популярного американского писателя Дэна Брауна «Точка обмана» [4] посвящен разгадке происхождения метеорита, находка которого используется в ходе предвыборной кампании президента США, чтобы позволить действующему президенту кардинальным образом усилить свои позиции. Фигуры кандидатов в президенты нельзя назвать главными персонажами романа, однако автор не оставляет их противостояние «за кадром», постепенно подводя читателя к «правильному» выводу о том, кто из них более достоин президентского кресла.

В связи с тем, что такая значимая для американцев фигура как глава государства оказывается практически в центре внимания, в структуру романа вплетается важная культурологическая тема – образ американского президента. Президент – один из важнейших символов США, не только политических, но и культурных, он отражает культурные ценности, являясь гарантом свобод и столь ценной для американцев демократии, следовательно, может интерпретироваться как часть культурного кода. По справедливому наблюдению Л. А. Козловой, в «культурном коде как носителе культурных смыслов отражается не только мировосприятие, т.е. рациональное начало, но и особый способ «мирочувствования», т.е. эмоциональное восприятие» [5, С. 270]. Художественное изображение президента в романе, отражая явление, прочно занимающее свое место в культурном коде, должно включать в себя не только вполне определенные смыслы, но и оценочные характеристики, как формально соответствовать имеющемуся иконическому образу, так и на уровне восприятия получить эмоциональную поддержку читающей публики.

Два претендента на пост президента (действующий президент Зак Харни и его соперник сенатор Секстон) изображаются Дэном Брауном очень разными. Они придерживаются различных ценностей и принципов в политической деятельности, являются обладателями разных характеров и, следовательно, их победа будет означать принципиально разные перспективы для государства и граждан. При этом ни разу ни один из них напрямую не характеризуется, как соответствующий или не соответствующий должности, достойный или не достойный. Успех предвыборной кампании на протяжении романа сопутствует то одному, то другому кандидату, но антагонист (Уильям Пикеринг, начальник разведывательного управления) и протагонист (его подчиненная и одновременно дочь сенатора Секстона Рейчел) оказываются сторонниками действующего президента, хотя и по разным соображениям. Сюжет построен таким образом, что основная борьба вокруг сфабрикованного научного открытия складывается не в пользу президента: стремление к раскрытию «заговора» может существенно навредить репутации Зака Харни и стать козырем для его противника.

В произведении используются различные лингвокультурные особенности американского культурного кода, которые недвусмысленно намекают чи-

тателю о том, как важно выбрать «правильного» президента, используют убеждение о его единении с нацией, наконец, подводят, благодаря репликам других персонажей, к выводу, что не столько президента обманывают сотрудники спецслужб, сколько весь народ. Президент предстает носителем типичных американских ценностей, таких как продвижение вперед за границы познанного и освоенного («frontier»), расширение горизонтов во всех смыслах, [4, С. 252], является выражением американского патриотизма и стремлением к победе нации над всем миром (в сфере, как минимум, науки и техники), придерживается политики открытости и доверия к своим избирателям («будучи президентом, я не имею права скрывать от вас то, что мне известно» / «as your President, I have no choice but to share with you what I have recently learned») [4, С. 290]. Положительную окраску приобретает президент и тогда, когда объясняет свои действия стремлением развивать привычный для американцев концепт первопроходцев («modern pioneers») [4, С. 42].

Невербальные знаки при помощи лексических средств выполняют существенную роль в создании нужного автору образа. В кабинете президента на «борту №1» оказывается кружка производства Поля Ревира [4, С. 36], выдающегося американского промышленника, фактически национального героя, серебряных дел мастера, что как нельзя лучше характеризует преданность президента национальному производству, уважение к прошлому и преклонение перед выдающимися американцами. В ходе кампании президенту решили подобрать типичный для американцев образ: джинсы и поло, а также обувь производства американской компании L.L.Bean [4, С. 34]. Возникает неслучайная аллюзия на представителей королевской семьи Великобритании, которые обязаны носить одежду отечественного производства, как признак патриотизма.

Важным объектом, дополняющим образ президента, оказывается его рабочее место. Кабинет президента, как в Белом доме, так и на борту самолета, располагает безупречной обстановкой, внушает спокойствие и порядок [4, С. 25], но при этом явно демонстрирует власть, и логично представляется самым желанным из всех политических кабинетов мира [4, С. 33]. Рабочее место становится непосредственной характеристикой его временного владельца, раскрывая характер и личностные черты президента. Кабинет, несмотря на элементы уюта, содержит черты определенной строгости («its furnishings still carried an air of austerity») [4, С. 35], что хорошо гармонирует с должностью и ролью президента.

В целом, в тексте романа «Точка обмана» лексема «президент» встречается 456 раз в оригинальном произведении и 471 раз в переводе. Контекст упоминаний можно разделить на три группы: прямая речь, приписываемая кандидатам в президенты; характеристика их поведения и внешнего вида; рассуждения других персонажей. Характеристики, в подавляющем большинстве случаев, описывают действующего президента, формируя образ главы государства, реалистичный и вызывающий доверие. Дэн Браун использует

все доступные языковые средства для его описания, вовлекая семантические и эмоциональные аспекты.

Президент характеризуется при помощи таких эпитетов как «глава свободного мира» («Ruler of the free world») [4, С. 114], сотрудник самого могущественного в мире офиса [4, С. 33]. Выборы президента, в соответствии с давней традицией, сравниваются в романе со скачками, а фигура президента реализуется в метафоре «лошадь» («horse») [4, Р. 39]. При этом читателю предоставляется возможность самостоятельно решить, всегда ли самый сильный кандидат оказывается лучшим («the strongest horse – the best horse») [4, Р. 39].

Выбор глаголов, обозначающих действия, характерные для президента, свидетельствует о том, что президент ведет себя как обычный человек, одевается как типичный американец, переживает и нервничает, шутит, улыбается и смеется, местами излишне идеализирует, пытается скрыть эмоции при необходимости, радуется успеху и проявляет решимость для достижения цели. При этом он все же обладает качествами, которые выделяют его, теми положительными свойствами, которые и позволяют именно ему быть президентом. В качестве единственной особенности образа жизни, упомянутой в романе, можно выделить отсутствие времени на сон – Зак Харни, «как и большинство президентов до него, спал не более пяти часов в сутки» [4, С. 353].

Президенту приписываются действия, которые он осуществляет с целью выглядеть «благоразумным» (prudent) [4, С. 48], он «приветлив» с подчиненными [4, С. 33], «сожалеет» о необходимых действиях, огорчивших его окружение [4, с. 59], сталкиваясь с неприемлемым поведением, «злится» («steam») [4, С. 459], в сложной ситуации может позволить себе быть раздраженным («exasperated») [4, С. 476], и т.д. В неловкой ситуации президент вскользь бросает – «не нужно падать ниц, я не королевская особа» [4, С. 26], чем заслуживает определенное доверие и располагает к себе не только персонажа книги, но и читателя, поскольку демонстрирует важные для лингвокультуры качества: юмор, демократизм и простоту общения.

Хотя президент испытывает вполне реалистичный, оправданный ситуацией спектр эмоций, подавляющее большинство глаголов обладают положительной коннотацией. Квинтэссенцией достойного президента поведения становится его признание собственной ошибки, смелость, вызывающая гордость, которую автор характеризует словами: «никогда он не выглядел более по-президентски», утверждая, что «правда превыше всего» [4, С. 551]. Тем самым Дэн Браун четко демонстрирует ожидающиеся от «настоящего» президента действия, гарантирует именно его победу на выборах и поддержку со стороны читателей. Справедливость оказывается на стороне того, кто стремился вести «честную игру» [4, С. 498], без черных технологий и скандальных заявлений, избегая унижать достоинство политических лидеров [4, С. 495], того, кто ставит целью президентства «правду и честность» [4, С. 459].

В романе смыслы культурного кода переданы различными языковыми средствами, что ставит непростую задачу перед переводчиком – наравне с

переводом содержания правильно интерпретировать значение на всех уровнях функционирования кода, сохраняя ценностную ориентацию, оценочность и эмоциональность восприятия.

В первую очередь необходимо отметить написание самой лексемы «президент». Слово традиционно пишется в английском языке с прописной буквы («President»), тогда как в русском языке это не принято. Уникальность фигуры президента, таким образом, на письме теряется, в силу лингвокультурных особенностей русскоязычные читатели иначе воспринимают значение первого лица страны.

Действия президента, выраженные глаголами, отражающими его роль и поведение в процессе развития сюжета, по своему значению совпадают в оригинале и переводе. В целом, также гармонично использованы в переводе определения, эпитеты, метафоры и сравнения, что позволяет создать облик, близкий к авторской задумке. Однако концептуальные лексемы, отображающие знаковость и символичность образа главы государства в целом и его поведения, в частности, не вызывают аналогичных эмоций по сравнению с восприятием текста американцами.

Проблема лежит не в области перевода, хотя в переводе встречаются существенные неточности (так, вертолет *PeaceHawk* назван автомобилем, что нарушает не только смысл, но и логику повествования [ср.: 4, Р. 50 и 5, С. 61]), а заключается в особенностях культурного кода. Так, сопоставление сотрудников NASA с первопроходцами («pioneers») несет значительный концептуальный смысл для американцев, которые не забывают, как еще в XIX в. предки большинства из них осваивали Дикий Запад. Эту историческую память народа трудно сопоставить с чем-то столь же значимым для русскоязычного читателя, и вместо «первопроходцы» переводчик использует словосочетание «создают историю» [ср.: 4, С. 42 и 5, С. 51], что, несомненно, придает вес этим людям, но не тождественно оригиналу по эмоциональной и оценочной характеристике. Анализ перевода романа показывает, что метафоры, типичные для американцев не всегда уместны для русскоязычного читателя. Сравнение президента в период предвыборной кампании с лошадью (переведено дословно [5, С. 49]) без смысловой потери можно было опустить и заменить словом «кандидат», поскольку соответствующего яркого образа оно в любом случае не имеет.

Очевидные для американцев особенности, связанные с ролью президента, нередко в переводе усиливаются лексически, в попытке создать близкий к оригиналу эффект. Так, идея президентского кабинета, как «места силы» («the most powerful office in the world») [4, С. 56], передана сочетанием слов «самый желанный и многообещающий кабинет в мире» [5, С. 67]. Таким образом очевидная параллель между стремлением занять Овальную кабинет и стать самым могущественным передается иначе, хотя, по существу, речь идет о попытке «дорваться до власти». В итоге трансформация, скорее, изменила восприятие, чем упростила понимание.

В целом, образ президента описан на языке перевода близко к оригиналу, но из-за компонентов культурного кода эмоциональное восприятие отличается, и лексические манипуляции автора не так заметны. Хотя Дэн Браун открыто и прямо не навязывает читателю свою точку зрения, языковые средства, создающие образ Зака Харни как носителя «правильного» культурного кода, формируют отношение читателя в его пользу, не столько за счет фактов и действий, а на уровне эмоционального восприятия.

Источники:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007.
2. Усс Я. Ч. Синтаксические и лексические средства как инструмент создания образа персонажа (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» / Я. Ч. Усс, Н. Д. Джига // Человек. Искусство. Вселенная. 2023. № 1. С. 65–68. EDN GIGELC.
3. Лосинская Е. В. Роль синтаксических стилистических средств в создании образа главного героя романа Д. КИЗА «Цветы для Элджернона» / Е. В. Лосинская, Е. А. Григорова // Педагогический форум. 2023. № 2 (12). С. 47–48. EDN PABVE.
4. Brown, D. Deception point. NY: Pocket books, 2002.
5. Козлова, Л. А. Культурный код и проблема его ретрансляции в процессе перевода // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: М-лы II Всерос. науч. конф., Барнаул, 01–02 ноября 2023 года. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2024. С. 267–277. EDN UXQDUK.
6. Браун, Д. Точка обмана / Пер. с англ. Т. Осинной. М.: Изд-во АСТ, 2023.

O. M. Zhuravleva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE IMAGE OF AMERICAN PRESIDENT AND THE CULTURAL CODE IN DAN BROWN'S «DECEPTION POINT»

The specificity of language use enables writers to create positive or negative characters as well as detailed psychological and behavioral features of social role models typical for different linguacultures. The created image is to be recognized and correctly perceived by the culture itself and outside of it. The article reveals the characteristics of the major cultural features of American president in Dan Brown's novel Deception point and its translation into Russian.

Culture of the USA, cultural code, image of president, use of language, «Deception point»

УДК 316.77

А. О. Забавина (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: zabavinaanya@gmail.com)

ЦИФРОВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ: КЭНСЕЛИНГ

В статье исследуется популярное в настоящее время явление «кэнселинга» в контексте его сравнения с архаическим ритуалом жертвоприношения, но уже в рамках цифрового общества. Кэнселинг рассматривается как механизм компенсации неудовлетворенности масс и напряжения от системной несправедливости. При этом делается заключение, что как инструмент борьбы с социальными проблемами кэнселинг неэффективен.

Жертвоприношение, кэнселинг, культура отмены, насилие, культура, ритуал, справедливость

В последние годы явление, известное как «культура отмены» (cancel culture) или «кэнселинг» (canceling), стало одной из центральных тем в глобальном дискурсе. Она предполагает коллективное осуждение и бойкотирование конкретных медийных лиц или организаций за социально неприемлемые действия или высказывания. Основываясь на понятии социальной ответственности, движение публично декларирует осознанное поведение и готовность к последствиям в публичном пространстве. Поэтому в своем идеальном представлении культура отмены должна способствовать установлению справедливости, исправлению исторических ошибок и содействовать укреплению общественных норм. Она также может быть и способом коллективной самозащиты, особенно для тех, кто долгое время был лишен голоса. Ярким примером можно считать движение #MeToo, отчасти и запустившее само явление кэнселинга. Однако в реальности кэнселинг может превращаться в мощный социальный и политический инструмент установления цензуры, давления и манипуляции, используемый для борьбы с инакомыслием и диверсификацией мнений. Более того кэнселинг может выступать в качестве социального компенсаторного механизма: создавая иллюзию сопричастности к важному общественному процессу – он позволяет индивиду почувствовать свою эфемерную значимость в борьбе за справедливость и выплеснуть накопленную неудовлетворенность всей системой общества в рамках одного акта отмены. Годами страдающие от притеснений и лишений непривилегированные социальные группы наконец-то получили инструмент влияния, который, по их мнению, должен разрешить их напряжение, исправить устоявшийся строй и реализовывать самые утопические сценарии. Именно в этом контексте кэнселинг начинает функционировать как «цифровое жертвоприношение».

Жертвоприношение – это архаический социальный ритуал, присутствующий в культуре многих народов и религий. Сущность жертвоприношения заключается в обмене жертвы на связь высшими силами и достижения конкретной благоприятной цели. Эти обряды часто включали в себя жертвование животных, пищи или даже людей в знак благодарности богам или для умиловления их гнева, «духовного очищения и искупления грехов жертвователя» [1]. Таким образом структура жертвоприношения состоит из: мотива, цели, непосредственно самих ритуальных действий, объекта (те, самые высшие силы, к которым ритуал обращен) и субъектов. Причем субъекты выделяются в три типа: 1) тот, кем жертвуют, 2) тот, кто инициирует ритуал, 4) непосредственные его участники – зрители.

Несмотря на жестокий и противоречащий современным моральным нормам характер «традиционное жертвоприношение» выполняло ряд значимых социальных функций. В-первую очередь, оно укрепляло общественные отношения – для ритуала требуется коллектив, некая общность, испытывающая чувство единства и сплоченности. Во-вторых, жертвоприношение как акт, характерный традиционному типу общества, был эффективным инструментом регуляции отношений между его членами и использовался для поддержания иерархии внутри объединения. В-третьих, жертвоприношение служило неким индикатором социальных настроев общества – презентовало страхи, надежды и уровень удовлетворенности жизнью социальной группы.

Однако при разборе функций жертвоприношения стоит уделить также особое внимание концепции насильственных ритуалов Рене Жирара, раскрытых в работах «Насилие и Священное» [2] и «Козел Отпущения» [3]. Он вводит понятие мифа о коллективном насилии и ритуале жертвоприношения – в некоторых культурах мимесис (подражание) приводит к конфликтам и войнам, но вместо «войны всех против всех» возникает «война против одного» [4]. Это позволяет коллективу перенаправить агрессию на жертву, тем самым восстанавливая гармонию. Насилие дезинтегрирует общество, поэтому ему необходимо сосредоточение на одной общей жертве, становящейся заменой для всего коллектива. При этом жертвоприношение хоть и помогает поверхностно восстановить порядок, истинные причины конфликтов и недовольств чаще всего остаются скрытыми от публики. Жертвоприношение, реагируя на кризисы, предотвращает их повторение и устанавливает табу на миметическое соперничество. И, в конечном итоге, жертва защищает членов общины от собственного насилия и помогает сохранить стабильность в обществе.

Однако в случае с кэнселингом обмена на благо не происходит. Ввиду трех причин: во-первых, системную справедливость невозможно постичь через один пусть и даже резонансный кейс, для этого требуется комплексный план действий, направленный на решение существующей проблемы; во-вторых, само сообщество «отменяющих» является примером квазигруппы: в нем нет устойчивой структуры и формальной организации, виртуальное пространство предоставляет относительную анонимность и минимизирует персонализированность

связей, а сама цель сиюминутна и возникает на основе сильной эмоциональной реакции. Квазигруппы не ставят перед собой стратегические цели, их действия направлены на решение конкретной задачи, например, отменить конкретного человека или бренд. Поэтому в случае с культурой отмены после завершения кампании участники теряют интерес к явлению и прекращают взаимодействовать как единое сообщество.

В-третьих, для решения неудовлетворенности социальных слоев населения требуются систематические структурные изменения, зачастую инициируемые изнутри, самими элитами. При этом при изменении существующего порядка элита может по перестать быть таковой и потерять доступ к ресурсам, по этой причине любые изменения и реформы будут ей пресекаться. Для подавления общественного недовольства массам представляют жертву, уничтожение и публичное унижение которой должно дать населению иллюзию спасения. Подобно жрецу, инициирующему акт жертвоприношения, эта малая социальная группа или конкретный инфлюенсер запускает кампанию отмены, при которой обвиняемый подвергается коллективному осуждению, бойкотированию и исключению из социума. После чего сообщество людей, участвующее в отмене, переживает чувство катарсиса и обновления.

Наглядно предположение о том, что кэнселинг функционирует больше как эмоциональный ритуал с компенсаторным механизмом выплеска агрессии и негатива, нежели является инструментом конструктивного решения сложных социальных вопросов подтверждает детально освещающийся в СМИ кейс «отмены» американского актера Джонни Деппа, начавшийся после обвинений его бывшей жены Эмбер Херд в домашнем насилии. Конфликт начался в 2016 году после появления обвинений против актера в домашнем насилии. Заявления, не подкрепленные доказательствами, мгновенно вызвали бурную реакцию в обществе, ввиду остроты самой проблемы. Социальные платформы лишь ускорили темпы реагирования общественности, уставшей от системной безнаказанности за насилие и быстро «переключившейся» на обвинения против Деппа, ставшего «ритуальной жертвой» и символом всех мужчин, виновных в насилии. Однако, показательным этот пример является также и ввиду его дальнейшего развития: позже появились доказательства того, что Херд тоже совершала насильственные действия в отношении Деппа, ситуация изменилась. Если в начале Херд была жрецом, инициирующим ритуал, то позже и сама стала его жертвой – волну осуждения и хейта теперь перенаправили уже на актрису. Далее конфликт бывших супругов перешел в юридическое поле, а суд Депп против Херд стал публичным разбирательством, транслируемым в самой плодотворной для цифрового жертвоприношения площадке – Интернете [5]. Группы «отменяющих» наблюдали за делом, как за развлекательным представлением, что лишь подтверждает факт того, что изначально социальный контекст ситуации имел гораздо меньшее значение, чем выплеск эмоций от системного напряжения. Данный кейс свидетельствует о том, что участники кампаний кэнселинга чувствуют

себя частью «праведной борьбы», не неся при этом ответственности за ее последствия и получая чувство причастности к чему-то большому и важному.

В 2020 году в России произошла громкая «отмена» – телеведущая Регина Тодоренко в одном из интервью озвучила противоречивое высказывание, а именно спросила, что сделала женщина (ставшая жертвой домашнего насилия), чтобы ее не били. На фоне недостатка институциональной поддержки, укорененных патриархальных стереотипов и закона о декриминализации домашнего насилия слова телеведущей переняли на себя фокус внимания и стали катализатором для общественного недовольства. Пользователи начали бойкотировать проекты с участием Тодоренко и требовать от нее публичных извинений. Подобное наказание знаменитости воспринялось как «победа», давшая иллюзию справедливости при отсутствии реальных системных реформ. При этом большинство отменяющих вряд ли активно участвовало в борьбе против проблемы домашнего насилия, однако участие в подобном «ритуале» позволило им почувствовать свою сопричастность к ее потенциальному решению.

Культура отмены становится удобным инструментом для демонстрации «быстрой справедливости», при которой кто-то, ассоциирующиеся с социальной проблемой, теряет работу или репутацию. Однако институциональные механизмы, первоначально создающие эти проблемы и допускающие их повторение, остаются нетронутыми. Из этого следует, что цифровое жертвоприношение, которое представляет из себя кэнселинг, неспособно достичь «высшей цели» ритуала, социальной справедливости, и следовательно, будет систематически повторяться, становясь новым досугом для общества, лишь кратковременно закрывая поверхностные потребности неудовлетворенных масс.

Источники:

1. Горелов А. А., Горелова Т. А. Эволюция культурного смысла жертвоприношений // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kulturnogo-smysla-zhertvoprinosheniy> (дата обращения: 26.11.2024).
2. Жирар Р. Насилие и Священное. М.: Новое Литературное обозрение, 2000.
3. Жирар Р. Козел Отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023.
4. Глущенко Г. Ю. Ритуал жертвоприношения как социально-значимый и культурный опыт памяти // Достижения вузовской науки. 2014. № 9. С. 174 – 178.
5. «Депп против Херд»: как соцсети стали главным судьей в деле двух голливудских актеров // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/496195-depp-protiv-herd-kak-socseti-stali-glavnym-sud-ej-v-dele-dvuh-gollivudskih-akterov> (дата обращения: 26.11.2024).

A. O. Zabavina (Saint Petersburg State University)

DIGITAL SACRIFICE: CANCELING

The article examines the recently popular phenomenon of "canceling" in the context of its comparison to the archaic ritual of sacrifice, but within the framework of digital society. Canceling is viewed as a mechanism for compensating for mass dissatisfaction and tension arising from systemic injustice. It concludes that canceling, as a tool for addressing social issues, is ineffective.

Sacrifice, canceling, cancel culture, violence, culture, ritual, justice

УДК 316.4

М. П. Замотин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: jethro79@mail.ru)

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются существующие механизмы регулирования социальных связей и отношений во взаимодействии современного российского общества и государства. Одним из приоритетов определяется осуществление безопасности граждан РФ через процессы модернизации действующего законодательства и законодательных инициатив как ответ на социальные, экономические и политические вызовы современному российскому обществу.

Социальные вызовы, социальная безопасность, государство, социальная солидарность

Физическая и духовная безопасность граждан. Эти две области с одной стороны разграничены, с другой – напрямую взаимосвязаны. Безопасность физическая в первую очередь подразумевает неприкосновенность телесную, различные формы посягательства на жизнь и здоровье человека и гражданина. Когда мы говорим о духовной безопасности, то это пространство жизнедеятельности людей представлена более разнообразно и закреплена в большом количестве институционально оформленных областях человеческой жизнедеятельности, таких как религия, образование (в широком смысле), различные формы досуга, увлечений и развлечений. Поскольку духовное измерение человека предполагает творческое начало, то мы не можем его рассматривать без такой особенности людей как чувственно-эмоциональная составляющая нашей личности. Эта составляющая и является точкой пересечения, где физическое и духовное нашей жизни соединяется в единство взаимосвязей.

Люди всегда стремились организовать свою жизнь по определенным понятным и естественным (точнее, то, что считалось естественным) схемам, что нашло отражение в общественно значимых правилах, ритуалах, законах, соблюдение которых гарантировало относительно спокойное и стабильное существование. Так постепенно формировались различные системы контроля и регулирования, которые мы сейчас называем «право», «законы», «законодательные акты», «уголовный кодекс» и т. д.

В пространстве законотворчества математически точно определены и разграничены в понятиях обязанности и права большого количества граждан, при этом «механическая» структура взаимных обязательств и наказаний за нарушения не всегда учитывает в своих формулировках предписываемых регуляторов эмоционально-психологическое состояние индивида. И тут я и хочу обратить внимание на безопасность как состояние и самоощущение человека.

Государство, как известно, по отношению к своим гражданам в сфере безопасности выполняет как минимум две функции: социальную (поддержка и обеспечение различных слоев населения) и правоохранительную (охраняет права граждан). Эффективная реализация этих функций невозможна без мониторинга актуальных социальных проблем и вызовов и как следствие, внесение корректировок и дополнение в законодательство.

В 2024 году Госдума рассмотрела 1086 законодательных инициатив, 564 из них стали федеральными законами. Такие цифры привел на последнем в этом году пленарном заседании Государственной Думы спикер Вячеслав Володин. Ряд законодательных инициатив получили широкое освещение в СМИ и по мнению законодателей, должны нормализовать отношения правовой сферы и рядовых граждан. Так же данные поправки очевидно стали возможны как ответ на общественный запрос для разрешения ряда проблем и предотвращения социальной напряженности. Вот некоторые из них.

Финансовая безопасность напрямую влияет на устойчивое эмоциональное самочувствие людей (помимо страха потерять накопления или попасть в долговую зависимость благодаря мошенникам). Внесены изменения в законы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)», позволяющие гражданам устанавливать запрет на заключение договоров потребительского займа или кредита. Данный запрет будет действовать на договоры с банками и микрофинансовыми организациями, но не коснется автокредитов и ипотеки. Также граждане смогут запрещать оформление кредитов и займов без их личного присутствия. Введение запрета станет возможным после обновления автоматизированной информационной системы МФЦ не позднее 1 сентября 2025 года. Документ направлен на предотвращение мошенничества с использованием чужих персональных данных для оформления кредитов. По словам Вячеслава Володина, спикера Госдумы, новый закон позволит гражданам дополнительно защититься от мошенников, оформляющих займы на чужие имена.

Без комиссии за налоги и штрафы с 1 ноября отменена комиссия при переводе денег в государственный бюджет через Систему быстрых платежей (СБП), что распространяется на уплату налогов, штрафов, а также оплату детских кружков и секций.

Ветеранам списали задолженности. В октябре 2024 года Госдума одобрила закон, позволяющий списывать долги участников специальной операции на Украине, суммы которых могут достигать 10 миллионов рублей. При этом, в июле депутаты расширили прогрессивную шкалу НДФЛ, действующую в России с 2021 года, что выразилось в повышении налога для состоятельных граждан.

Для сохранения баланса между ростом цен, инфляцией и возможностями потребительской корзины граждан, задействованных в госсекторе, с 1 октября заработная плата работников федеральных учреждений, государственных органов, а также гражданского персонала военных частей и подразделений федеральных органов, где предусмотрена военная и аналогичная служба, будет

проиндексирована на 5,1%. Минтруд поясняет, что это касается педагогов, преподавателей, медицинского персонала и других сотрудников федеральных учреждений, таких как университеты, медицинские центры, а также тех, кто работает в учреждениях медико-социальной экспертизы, науки и культуры, и в других сферах, включая гражданский персонал силовых ведомств, таких как Минобороны, МЧС, МВД и Росгвардия.

Не обошли вниманием сферу ЖКУ. Люди с инвалидностью, чернобыльцы и другие льготники имеют право на компенсацию расходов на ЖКУ. Раньше могли отказать, если была задолженность по квартплате, даже если долг уже погашен. С ноября будет учитываться только непогашенная задолженность за последние три года, а информацию о долгах будут брать из ГИС ЖКХ.

Получение выплат почетными донорами станет проще. С 30 ноября ежегодную выплату обладателям знака «Почетный донор России» будут назначать автоматически. Нужно будет только подтвердить банковские реквизиты на «Госуслугах».

После трагических событий террористической атаки в «Крокус сити холле» изменения коснулись соответствующих областей права по расширению списка экстремистов и нежелательных организаций. В декабре Государственная Дума утвердила закон, расширяющий основания для внесения в реестр экстремистов Росфинмониторинга. В список будут включать граждан, осужденных, подозреваемых или обвиняемых в распространении фейков об армии, дискредитации армии, геноциде, а также в действиях, направленных на нарушение территориальной целостности России.

Поскольку исполнителями теракта являлись выходцы с постсоветского пространства, актуализировался вопрос о реформировании миграционного законодательства. Нарушителей среди мигрантов лишили ряда прав. В 2024 году депутаты приняли 13 законов, способствующих улучшению миграционной политики, как сообщил председатель Госдумы Вячеслав Володин. Время временного пребывания иностранных граждан в России сократилось до 90 дней. Введено понятие «режим высылки» для нарушителей законодательства. Нарушители среди мигрантов попадут в специальный реестр, и у них будет отобран ряд прав: им будет запрещено менять место жительства без разрешения МВД, управлять транспортом, получать водительские права, совершать сделки с недвижимостью, регистрировать имущество, вступать в брак, брать кредиты, открывать банковские счета и осуществлять переводы денег.

Кроме того, Госдума усложнила процесс получения вида на жительство (ВНЖ) или разрешения на временное проживание (РВП) для иностранцев, вступающих в брак или усыновляющих детей. Теперь статус резидента в России можно будет получить только через три года. Если суд определит, что брак был фиктивным, вид на жительство аннулируется. Также были ужесточены меры наказания за организацию незаконной миграции, которую теперь отнесли к пре-

ступлениям, караемым конфискацией денежных средств, ценностей и имущества.

Вместе с этим, новые граждане обязаны встать на воинский учет. Госдума приняла закон, требующий от лиц, получивших российское гражданство, в обязательном порядке встать на учет до принесения присяги и получения паспорта РФ. Невыполнение этих требований может привести к утрате приобретенного гражданства.

В ноябре 2024 года были приняты два закона, касающиеся семейных ценностей. Первый из них устанавливает административную ответственность за пропаганду бездетности и идеологии чайлдфри. Запрещено распространять информацию или совершать публичные действия, которые представляют отказ от деторождения как привлекательный или равноценный с рождением детей. Также запрещено навязывание информации, вызывающей интерес к такому образу жизни.

Что касается пропаганды наркотиков, то она теперь может привести к тюремному заключению. Для лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за подобные нарушения, введена уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в интернете. Наказание может включать штраф до 300 тысяч рублей, исправительные или принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на такой же срок.

Во втором и третьем чтениях депутаты одобрили закон, запрещающий треш-стримы, которые они определили как контент, унижающий человеческое достоинство, оскорбляющий нравственность общества, демонстрирующий неуважение к обществу, содержащий изображения противоправных действий, включая насильственные, и распространяемый из хулиганских, корыстных или других низменных побуждений. Авторы такого контента будут подвергаться административной ответственности, с штрафами от 50 тысяч до 1 миллиона рублей, и у них будет конфисковано оборудование, использованное для создания этих материалов. Ответственность за выявление нарушителей возложена на владельцев платформ.

Кроме изменения в Кодексе об административных правонарушениях, депутаты внесли поправки и в Уголовный кодекс. Участие в треш-стримах стало отягчающим обстоятельством и квалифицирующим признаком по десяти статьям УК, включая убийство.

Источники:

1. Официальный	интернет-портал	правовой	информации
http://actual.pravo.gov.ru/			
2. Официальное	опубликование	правовых	актов
http://publication.pravo.gov.ru/			

M. P. Zamotin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***MECHANISMS FOR REGULATING SOCIAL CHALLENGES IN MODERN
RUSSIA***

The article considers the existing mechanisms of regulation of social ties and relations in the interaction of modern Russian society and the state. One of the priorities is defined as the implementation of the security of citizens of the Russian Federation through the processes of modernization of existing legislation and legislative initiatives as a response to social, economic and political challenges to modern Russian society.

Social challenges, social security, the state, social solidarity

УДК 16:17:14

А. Ф. Иванов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: afivanov@etu.ru)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ НАУКИ: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В оптике философского анализа рассматриваются аксиологические горизонты развития науки, открывшиеся во второй половине XX в. – первой четверти XXI в. Эксплицируются три типа оснований аксиологических измерений научной динамики на современном этапе: философские, общекультурные и технико-технологические, позволяющие рассматривать науку в качестве источника современной культуры как способа существования человека, в том числе аксиосферы.

Ценностные детерминанты развития науки, философские основания, общекультурные основания, технико-технологические основания

Вступив в новое тысячелетие, человечество переживает усиливающийся цивилизационный излом, который заставляет искать новые пути, новые горизонты развития цивилизации землян. Одним из факторов, способных активно и эффективно осуществлять подобный поиск, является наука. Несмотря на то, что сегодня в общественном сознании превалирует противоречивый образ науки (от безудержной критики науки как источника всех бед человека антисциентизмом до самозабвенной ее апологетики в качестве чуть ли не единственной панацеи от тех же бед сциентизмом), она остается, наряду с другими, важнейшим каналом аккумуляции и реализации интеллектуальной мощи человечества. Такой статус науки предполагает радикальную трансформацию ее сущностных черт, и прежде всего – аксиологических аспектов науки.

Ценностные детерминанты развития науки можно разделить на внутренние и внешние. К первым, например, относятся критерии выбора теории, цели научного исследования и т. д. Ко вторым относятся экономическая целесообразность тех или иных научных предприятий, соответствие процесса научного поиска и его результатов общепринятым нормам морали и т. п. [1, С. 215–216]. В наши дни на первый план выходят внешние ценностные детерминанты. Именно они в значительной степени определяют аксиологические горизонты развития науки.

Философские основания. С методологической точки зрения важно отметить, что такие виды философских оснований (различные детерминанты), как эпистемологические, логические, аксиологические и др., в конечном итоге определяются системообразующим видом таких оснований (детерминант) – онтологическими.

С точки зрения рассматриваемого вопроса среди философских оснований, детерминирующих аксиологические горизонты развития науки, особое место занимает известная философам и ученым еще со времен античности идея множественности миров, во многих аспектах и по сей день остающаяся по своей сути натурфилософской. В XX столетии эта идея получила новый импульс развития в связи с созданием теории относительности и квантовой механики. В результате произошел сдвиг в мировоззренческих, эпистемологических и других началах науки: возникли онтологический и эпистемологический негеоцентризм [2]. Развитие последних может привести к возникновению аксиологического негеоцентризма. Именно здесь наука начинает конкурировать с религией как традиционным источником социо-этических регулятивов, хотя такая коллизия современности еще не столь очевидна. Как и 500 лет назад возникновение и распространение гелиоцентризма минимизировали космическую функцию Христа, точно так же возникновение и развитие аксиологического негеоцентризма минимизирует аксиологическую функцию религиозных доктрин, в частности христианства.

Более очевидным очерченный выше ракурс аксиологических горизонтов развития науки становится во второй половине XX в. в свете антропного принципа [3; 4], «Вселенная такова, потому что она наблюдаема». Наблюдаемость Вселенной определяется «тонкой» согласованностью базовых физических характеристик ее существования (скорость света, четырехмерность пространственно-временного континуума, постоянные четырех фундаментальных типов взаимодействий, постоянные Планка, заряды и массы электрона и протона и др.). Только при этом наборе фундаментальных параметров возможно появление и развитие жизни, тем более разумной. Так что появление разумного существа в «нашей» Вселенной (учитывая модель Мультивселенной) не является случайным событием.

В 1994–1996 гг. появился новый трек (на фоне многообразных вариантов антропного принципа – слабый, сильный, телеологический и др.) в развитии антропного принципа. В это момент швейцарские астрономы М. Майор и Д. Квеллоц произвели прорывное эмпирическое открытие. Они обнаружили первую экзопланету типа Юпитера около солнцеподобной звезды 51 Пегаса. На сегодняшний день открыто 3225 планет, 2070 планетных систем. С большой долей вероятности (и в теоретическом, и в эмпирическом разрезе) можно заключить, что «... жизнь – достаточно распространенное явление во Вселенной, и, следовательно, есть надежда встретить на ее просторах не только простейшие формы жизни, но и наших братьев по разуму» [5, С. 491].

Поскольку жизнь является атрибутивным признаком «нашей» Вселенной, логично предположить, что не только человек способен генерировать ценности. Такой же способностью должен обладать и представитель внесемной цивилизации. Таким образом, религиозным апелляциям к божественному началу в обосновании тех или иных ценностей наука может противопоставить «космологические аргументы в аксиологии», тем самым значительно рационализируя (в смысле

ле демистификации) дискуссии о ценностях, выводя их за рамки геоцентризма, с которым теснейшим образом связаны возникновение, становление и распространение монотеистических религиозных доктрин (например, христианства).

И здесь обнаруживается еще один интересный мировоззренческий поворот. Негеоцентризм в аспекте астрономии элиминирует не только уникальность «нашей» планетной системы, но и уникальность (избранность) земной формы разумной жизни. Тем самым происходит ослабление принципа антропоцентризма во многих аспектах, в том числе – аксиологическом.

Один из таких аксиологических горизонтов развития науки образует конкуренция науки и религии, обретающая на рубеже тысячелетий “второе дыхание”. До сих пор распространен стереотип, что дело науки – производство и систематизация знаний об окружающем мире, дело же религии – выработка и воспроизводство нравственных регулятивов. Однако наука на современном этапе своего развития может и должна сделать своим предметом нравственность. Такое суждение может показаться шокирующим, и, тем не менее, оно имеет свои основания и находит выражение в концептуализации проблематики эпистемологической ответственности.

Общекультурные основания. Прежде всего, следует отметить, что современная наука несет на себе помимо мировоззренческой, эпистемологической, эвристической и др., и аксиологическую нагрузку, так как она выступает одним из главных культуротворческих факторов. Сегодня ученые открывают не только законы мироздания, но и утверждают новые ценности. Например, ими сформулирован экологический императив [6, С. 11], призывающий человека относиться к окружающей его природе как к непреходящей ценности, тем самым дополняя свод этических, эстетических, познавательных и иных ценностей. «Большая» наука может служить так же образцом реализации так называемых общечеловеческих ценностей. Как должное воспринимается тот факт, что процедуры конституализации результатов научного поиска основываются на демократических принципах, без которых невозможна была бы их общезначимость.

Технико-технологические основания. Этот тип оснований аксиологических горизонтов науки определяется превращением науки в непосредственную производительную силу в XX столетии. На современном этапе научные знания с высокой скоростью находят свое приложение в разнообразных технических системах и технологиях, вызывая кардинальные изменения в социуме и существовании человека. Один из ключевых трендов, который проявился в XXI в., заключается в том, что помимо внешнего трека – изменения среды обитания человека, появился внутренний трек – техника и технологии «заходят» внутрь человека. Причем это осуществляется в обе экзистенциальные стороны существования человека. Техника проникает и в тело, и в – разум.

Указанные тенденции порождают новые вызовы в аксиосфере. Выявление и осмысление некоторых из них началось еще в прошлом веке (биоэтика, экоэтика и др.). Другие же попали в фокус научной и философской мысли в настоящем веке. – Это и артсайнс (ArtScience), и этика ИИ, и многообразные

ценностные проблемы, связанные с появлением не только идеологии, но и практик гендерного трансфера, трансгуманизма, постгуманизма.

Все эти треки трансформации аксиосферы дают основания поставить вопрос о безусловной ценности прогресса. И в связи с этим – о ценности запрета.

Источники:

1. Благо и истина: классические и неклассические регулятивы / Отв. ред. А. П. Огурцов. М.: ИФРАН, 1998.

2. Бранский В. П. Идея множественности миров и современное естествознание // Диалектика в науках о природе и человеке: Диалектика – мировоззрение и методология современного естествознания: Труды III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания / Отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1983. Вып. 1. С. 313–320.

3. Раздел III. Антропный принцип в научной картине мира // Астрономия и современная картина мира / Отв. ред. В. В. Казютинский. М.: ИФРАН, 1996. С. 144–202.

4. Loeb Abraham (Avi). An Observational Test for the Anthropic Origin of the Cosmological Constant. [Электронный ресурс] URL: <http://arXiv:astro-ph/0604242> v2 28 Apr 2006 (дата обращения: 09.12.2024).

5. Гиндилис Л. М. Поиски внеземных цивилизаций: астрономия и не только... // Астрономия: век XXI / Ред.-сост. В.Г. Сурдин. Фрязино: «Век 2», 2007. С. 483–530.

6. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Вопросы философии. 1991, № 3. С. 3–28.

A. F. Ivanov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

AXIOLOGICAL HORIZONS OF SCIENCE: NEW DIMENSIONS

The axiological horizons of the development of the science that opened in the second half of the 20th century – the first quarter of the XXI century are considered in the optics of philosophical analysis. Three types of foundations of axiological measurements of scientific dynamics at the present stage are exploited: philosophical, general cultural and technical-technological, allowing us to consider the science as a source of modern culture as a way of human existence, including the axiosphere.

Axiological determinants of science development, philosophical foundations, general cultural foundations, technical and technological foundations

УДК 378.147

Т. В. Ивашковская (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: tv_ivashkovskaya@mail.ru);

В. А. Павлов (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: vladimir5949@rambler.ru)

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются основные стратегии образовательного процесса в высшей школе. Особое внимание уделяется необходимости дальнейшей корректировки учебных программ в направлении усиления не только компетентностного, но, в первую очередь, ценностно-мировоззренческого начала. С этой целью предлагается уделять особое внимание отечественной философско-политической традиции.

Образование, философия, политология, мировоззрение, ценности

Сегодня в очередной раз Россия оказалась в ситуации, когда, используя слова классиков марксизма, «все силы старой Европы», также как и остального «цивилизованного мира», объединились для ее «священной травли». По сути, мы стоим перед вызовом выживания. Никак не меньше.

Ответ на этот вызов среди прочего связан с готовностью системы образования обеспечивать подготовку кадров, способных сохранить и прирастить богатое наследие, доставшееся от предыдущих поколений, и не рассматривающих свою судьбу в отрыве от судьбы своей страны и ее народа. Не в последнюю очередь это касается и подготовки управленческих кадров – тех, кто в перспективе (возможно, недалекой) возложит на себя ответственность за будущее страны и ее народа.

За последние два без малого года, с начала СВО, мы увидели консолидацию значительной части общества вокруг целей и задач, провозглашенных руководством страны. Немало оказалось и тех, кто занял иную позицию. Констатация разнонаправленности идейно-ценностных ориентаций многих представителей российской политической элиты, экономических кругов, научной и культурной общественности стала общим местом. Название «Верхний Ларс» стало нарицательным, символизирующим исход так называемых «испуганных патриотов», также как и открытых противников современного российского государства, недовольных проводимой спецоперацией и шире – всей его внутренней и внешней политикой. Конечно,

никто не мешает людям высказывать мнения, отличные от официально провозглашенных. Стоит, однако, помнить о границах меры, за которыми несогласие превращается в откровенно враждебную позицию. Критическая внешнеполитическая ситуация делает эти границы резкими и отчетливыми – все, что может ослабить Россию, внести раскол в отношения общества и государства, противопоставить одну часть общества другой, разделить людей – фактически означает выступление на стороне тех сил, которые сегодня уже не скрывают, что ставят перед собой целью победу над Россией, раздробление России, уничтожение России. Сказано было в Евангелии от Матфея: «Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф: 12: 25).

Усилия российской системы образования, представляется, в сложившихся условиях должны быть направлены на консолидацию общества и недопущение его идейного раскола и противостояния. В этом контексте остро встают вопросы о качестве подготовки кадров для государственной службы, о том, чему и как их следует учить, каким бы хотелось их видеть?

Сегодня мы наблюдаем, по меньшей мере, две стратегии образовательного процесса. Первая направлена на формирование у учащихся некоторого количества компетенций. Вторая, помимо передачи знаний, навыков и умений, предполагает связь получаемого научного знания с моральными ценностями и мировоззренческими ориентирами. Представляется, что приоритет отдан первой, в то время как жизнь настоятельно требует обратиться ко второй.

Задачи подготовки высококвалифицированных специалистов в различных областях, в том числе и в области государственного управления, с высшей школы никто не снимал. Современность, однако, предъявляет жесткие требования – в ситуации острейшего противостояния России и Запада страна и общество нуждаются не в абстрактных *homo sapiens*, наделенных некоторым набором профессиональных компетенций, а в личностях, обладающих твердой гражданской позицией и четкими мировоззренческими ориентирами. Отсутствие этих качеств уподобляет их кораблю «без руля и без ветрил», полностью зависящему от «розы ветров» и воли случая. Это в лучшем случае.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации формирование этих качеств и является основополагающей целью подготовки студентов. Способствует ли ее достижению современное высшее образование? Видимо, только отчасти. Профессиональные компетенции сами по себе мало что значат, если они не положены на прочный ценностно-мировоззренческий фундамент. Более того, без такого фундамента все эти компетенции не только пользы не принесут, но могут быть обращены во вред стране и народу.

Может случиться так, что часть выпускников российских вузов будет пытаться применить полученные компетенции за рубежом. Участники исследования миграционных установок российских студентов отметили, что в ноябре 2019 г. 53% опрошенных выразили желание уехать за границу. Еще

большой процент желающих применить свои знания и компетенции за пределами своей страны оказался среди тех, кто получал образование за рубежом. Так, 66% участников государственной грантовой программы «Глобальное образование» (образование в других странах) рассматривают вариант миграции на новое место жительства как наиболее предпочтительную жизненную перспективу [1, С. 69]. То есть, это потенциальные эмигранты. В такой ситуации формирование гражданского чувства, прочного ценностно-мировоззренческого фундамента становится задачей первостепенной важности.

Как этот фундамент создать? Очевидно, что задача эта непростая, и ее решение требует серьезных и длительных усилий. Но в процессе обучения начать можно с того, что представляется наиболее очевидным.

Во-первых, не уходить в сторону от обсуждения со студентами сложных мировоззренческих вопросов и актуальных проблем, стоящих перед страной и обществом. В таком обсуждении формируется личность молодого человека, его гражданская позиция. Уход от честного и откровенного разговора неизбежно сказывается на авторитете педагога и его воспитательной роли.

Во-вторых, вероятно, стоит подумать о дальнейшей корректировке учебных программ в направлении усиления не только компетентностного, но, в первую очередь, ценностно-мировоззренческого начала. Дисциплины, ответственные за его формирование, оказались где-то на периферии учебных планов и программ. Речь, в первую очередь, идет о таких дисциплинах, как «Философия» и «Политология» – в учебных планах они присутствуют, но количества выделяемых часов очевидно недостаточно для того, чтобы у студентов сложилось о них мало-мальски системное и целостное представление.

Изучая философию на первом курсе, студенты, как правило, еще недостаточно осознают вклад философии в их личностное формирование – именно благодаря ей они приобретают определенные этические, политические, духовные ориентиры. Подход студентов-первокурсников к предмету часто отличается от требуемого, вероятно, на старших курсах восприятие и понимание дисциплины будет уже совсем иным.

Что касается политологии, то она, как и тридцать с лишним лет назад, по-прежнему сориентирована преимущественно на достижения западной политической науки. Программы преподавания дисциплины, учебная литература остаются калькой с западных образцов, имена отечественных мыслителей прошлого, как и современных ученых, упоминаются значительно реже, чем имена их иностранных коллег. Невольно может создаться впечатление, что правы были те, кто говорил о «загадочном вековом русском молчании» [2, С. 12], и полагал, что «мы не внесли в массу идей человеческих ни одной мысли» [3, С. 25].

Впечатление это ложное – в постсоветский период состоялась научная реабилитация многих выдающихся русских мыслителей, и вскрылся богатейший пласт отечественной культуры, который должен стать прочным фундаментом развития отечественной политологической традиции.

Мы видим – предпринимаются попытки скорректировать образовательные программы: увеличивается количество часов, выделяемых на изучение истории, повсеместно вводится новый курс – «Основы российской государственности». Но можно на этом пути пойти дальше – в рамках таких дисциплин, как «Философия» и «Политология» больше уделять внимания отечественной философской и политической мысли. Не отрицая достижений зарубежной мысли, все же в объяснении российской жизни исходить их русских предпосылок – исторических и культурных. Именно через них у студентов будет формироваться чувство причастности к своей стране, ее истории, ее культуре и традициям.

И, наверное, следует помнить о такой важнейшей черте русской гносеологии, о которой писали отечественные философы – как «цельность познания, т. е. познания как органического всеобъемлющего единства», своего рода синтеза, где сочетаются чувственное восприятие, рациональное мышление и нравственный опыт, гражданская позиция [4, С. 514]. В этой цельности мы обретем возможность и способность самоопределения в окружающем мире и устоим, преодолевая ценностный раскол.

Источники:

1. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Плетнева Ю. Э., Очирова Г. Н. Уехать или остаться? Миграционные установки участников программы «Глобальное образование // Социологические исследования. 2020. № 12. С.65–74.
2. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
3. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1989.
4. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.

T. V. Ivashkovskaya (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA);

U. A. Pavlov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA)

VALUE-WORLDVIEW ASPECTS OF STUDENT PERSONALITY FORMATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The main strategies of the educational process in higher education are considered. Particular attention is paid to the need for further adjustment of curricula in the direction of strengthening not only the competence, but, first of all, the value-worldview beginning. For this purpose, it is proposed to pay special attention to the domestic philosophical and political tradition.

Education, philosophy, political science, worldview, values

УДК 316.772.4; 316.775

В. И. Игнатьев (Новосибирский государственный технический университет «НГТУ-НЭТИ», e-mail: ighnatiev.v@inbox.ru)

КОММУНИКАЦИЯ «ЧЕЛОВЕК-МАШИНА» В ГИБРИДНОМ СОЦИУМЕ: НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Предложена интерпретация одного из фундаментальных оснований новой социальной реальности – морфогенез гибридного социума. Морфогенез протекает как развитие симбиоза человеческих агентов с техносубъектами. Представлено обоснование выделения в исследованиях коммуникации человек-машина особой предметной области – изучение ее как социального ролевого взаимодействия. Формулируются ключевые положения описания реляционного механизма возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации человек-машина.

Социальный морфогенез, гибридная коммуникация, социальная роль, коммуникация человек-машина, реляционная парадигма

Следствием всеобщего распространения мобильной связи стало превращение мобильных устройств с ИИ в своеобразных партнеров пользователей в профессиональной и повседневной жизни. Становится очевидным, что устройства с ИИ начинают выполнять социальные роли и становиться подобными субъектам особого технического рода – техносубъектами. Есть основание рассматривать содержание процесса современных социальных изменений не только как происходящих *внутри* социума *людей*, и трансформацию их в биотехнологические существа, но и как морфогенез социальных множеств нового класса, состоящих из агентов нового вида социальности.

Стремительный рост информационных потоков через «глубинную» цифровизацию запустил процесс социального морфогенеза социума нового вида. Но стадия цифровизации – только первая фаза более глобальной трансформации, не имеющей прецедента в истории человечества. Мир вступил в период Перехода к социуму, где доминирующей силой и новым видом субъекта становится синтез электронных устройств с ИИ. Для этого периода характерно образование социума гибридного типа – сосуществование людей с сообществами *техносубъектов* [1]. Основа этого процесса – морфогенез структуры постчеловеческого общества, начальной стадией которого становится формирование *особой конфигурации симбиоза* социальных агентов двух типов – людей и техносубъектов [2].

Морфологическая трансформация происходит с социальным взаимодействием – оно становится гибридным. Интеллектуальные машины реализуют в коммуникации с человеком ряд схем действий, *схожих с социальными*:

- 1) распознавание объекта взаимодействия;
- 2) ориентация-на-Другого;
- 3) прогнозирование ответных действий;
- 4) отнесение своего поведения к набору нормативных образцов, заложенных в алгоритме.

К *специфике* действия этих устройств можно отнести, прежде всего,

- 1) отсутствие (пока) у них индивидуального Я-образа и рефлексии исполняемой роли;
- 2) ограниченность возможности свободного выбора сценария ввиду отсутствия (пока) у алгоритмов собственного накопленного «жизненного опыта» и пройденных этапов социализации;
- 3) отсутствие в алгоритмах (как правило) программ «отнесения к ценности» определенной субкультуры и к универсальным ценностным образцам.

Есть основания утверждать, что взаимодействие интеллектуальных устройств с человеком приобретает характер специфической *разновидности социального* взаимодействия. Но уже иного социального.

Происходит трансформация и социального действия человека: замена учета смысла на учет задач устройства; вместо ожидания реакций человека ожидание реакций машины; замена естественного языка на искусственный; в ориентации на техноагента как на Другого опора не социальный опыт, а на опыт оперирования с машинами; отсутствие у техноагента социального статуса – встать на его место невозможно; индивид не распознает себя в реакциях машины как в социальном зеркале, оценка себя не возможна; совмещение социокультурной ситуации с техническими возможностями машины.

За последние десятилетия в связи с распространением компьютерных технологий сложилось междисциплинарное направление исследований взаимодействия человека с машинами с искусственным интеллектом (ИИ) [3; 4]. Подход, реализуемый в предлагаемом тексте, находится в русле исследований, получивших обозначение «коммуникация “человек-машина”» (Human-Machine-Communication). Это направление обрело контуры кооперации представителей различных наук к середине второго десятилетия XXI века. Как подчеркивает один из лидеров направления А. Гузман (A. L. Guzman) «коммуникация “человек-машина” – это создание значений среди людей и машин и изучение этого процесса и связанных с ним аспектов» [4, С. 17]. Особенность современной ситуации с коммуникациями состоит в том, что «“образ” коммуникации меняется – от людей, стоящих лицом друг к другу, к человеку, стоящему лицом к машине» [4, С. 19].

Основой объяснения возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации человек-машина может стать реляционная концепция, которая используется путем введения в ее основание нескольких исходных понятий: социальная роль, симуляция роли, имитация роли, подражание, уподобление, реляция, ситуативное действие, контингентность. Реляционная парадигма объяснения природы феномена социальных ролей трактует их

как возникающих (конструируемых) исключительно в пространстве коммуникативных *взаимодействий* (такой подход близок используемому концепту реляционности в критической теории общества П. Донати или конструктивизму морфогенеза у М. Арчер) [5].

Необходимо теоретическое осмысление накопившихся данных об экспертизах применения технологий с ИИ в их коммуникации с людьми с целью экспликации из них сведений о появлении признаков социальности в ролевых интеракциях. Поскольку при взаимодействии люди используют в своем поведении модели, которые социально определены и зафиксированы как социальные роли, постольку *можно предположить, что человек подобным образом будет пытаться коммуницировать с машиной, работающей на основе ИИ. Вероятно, что и нейросеть при коммуникации с человеком также ориентирована на реализацию (подражание) модели социального ролевого поведения.*

В качестве *источников* использованы опубликованные исследования коммуникации человека с машинами. Их содержание дает материал для вторичной теоретической интерпретации содержащихся в них сведений. При изучении коммуникаций человека с ИИ использованы материалы, представленные в русскоязычных публикациях [7, 8, 9, 10, 11, 12]. Были привлечены англоязычные опубликованные результаты изучения коммуникации человек – машина, а также первоисточники в виде отчетов о проведенных экспериментах и сделанных выводах [13, 14, 15, 16, 17]. Особое внимание обращено на результаты исследований, проводимых по программе «Human-Machine Communication» [4].

Анализ источников позволил сделать ряд выводов концептуального характера. *Человек как коммуникатор проявляет себя как исполнитель социальных ролей следующим образом: он включен в исполнение двух ролей, но исполняет одну из них, возникающую в коммуникации. Две роли неразрывно связаны. Они объединены в одну, имеющую социальный характер, поскольку ее могут исполнять только оба участника совместно и в особом гибридном формате коммуникации. Происхождение ее «гибридной» социальности в данной конфигурации заключается в локализации интеракции между человеком и машиной протекающей ситуативно, контингентно и вне пространства макросоциума. Постольку это ситуативная социальность.*

Доказательством наличия в коммуникации человек-машина признаков исполнения социальных ролей является *обнаружение признаков социального действия, как актов, исходящих от каждой стороны. Только в этом случае можно установить отличие действия человека и функционирования машины – как действия и активности – от социальных действий. Для обеих сторон коммуникации оказалось необходимым интерпретировать действия друг друга – наполнять их версиями смыслов, которые, вероятно, другая сторона вкладывает в свои действия или будет вкладывать при взаимодействии. При этом операция соотнесения действия с предполагаемым действием другого сопровождалась опорой на знание вариантов возможного действия/поведения маши-*

ны/человека. Столь сложные интеллектуальные действия должны производиться и человеком, и машиной. Человек при этом опирается на свой жизненный опыт, машина – на информацию о возможных вариантах человеческого поведения. В технических разработках удалось добиться, чтобы роботы были ориентированы на реакции человека – они их интерпретируют, перебирают варианты ответных действий человека. *Человек, со своей стороны*, реагирует на устройство не только как на машину, но и как на социального агента. Ориентация машины на человека социально обусловлена, но специфическим образом: присутствует вмешательство разработчика, но, главное, устройства, опираясь на нейросеть, при взаимодействии с людьми, особенно в случае, когда есть персонифицированный пользователь, накапливают информацию о своем собственном машинном опыте коммуникации с индивидом.

Описание реляционного механизма возникновения подобия социальных ролей можно представить следующим образом.

1) Имеется достаточно оснований для утверждения, что в коммуникации человека с машиной с ИИ возникают формы активности социального происхождения. Особенность этих форм заключается в том, что социальная роль (роли) человека и функции машины формируются в процессе симуляции, имитации, подражания и уподобления с учетом ситуации. Тем самым обе стороны придают взаимодействиям *значение* – связывают свои действия с ситуацией. Эта связка и есть *социальное* в исполняемых ими ролях. Но при подражании и взаимном уподоблении формы приобретают гибридный характер. Это проявляется как техноморфизация поведения человека и антропо(социо)морфизация функционирования машины.

2) Возникают два вида гибридных ролей: человека и машины. При взаимодействии с человеком *устройство* с ИИ проявляет активность подобную социальному ролевому поведению, что, прежде всего, характерно для функционирования социальных роботов. Это свидетельствует о доминировании в стратегии разработки роботов ориентации на развитие антропоморфных характеристик устройств. При этом в коммуникации с устройствами *у человека* доминирует антропоцентричность *восприятия* гибридной коммуникации. Это проявляется в том, что а) от машины ожидают исполнения роли помощника, компаньона, заместителя, игрушки; б) от ролевой активности робота человек ожидает разумности в манере общения, поведения как у «живых», полезности в бытовых вещах, большей неопределенности в действиях, меньшей социальной привлекательности, меньшего социального присутствия, большей симпатии по отношению к внешности робота.

3) *Реляционный механизм* возникновения социальных ролей в исполнении человека и машины проявляется в изменении поведения человека и модификации функций машины с ИИ. Роль коммуникатора человек переосмысливает, меняя ее значение при контакте с технической формой активности машины-коммуникатора. Роль превращается в синтез антропо- и техноморфных проявлений, возникающих ситуативно и контингентно. Машина начина-

ет присутствовать как агент и заявляет о себе требованиями учитывать свою специфику. Человек же стремится не потерять социальное основание своего поведения, и в то же время вынужден адаптироваться к опциям машины (техноморфизм). Что касается модификации ПО машины-коммуникатора, то разработчики постоянно стоят перед дилеммой: либо далее навязывать человеку технические нововведения, либо же соглашаться на гибридный характер содержания возникающих коммуникаций. В итоге «социальное» входит в опции машины в гибридной виде. В этом проявляется *реляционная природа* социальных ролей, исполняемых в коммуникации человека с машиной.

Источники:

1. Игнатъев В. И. И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Том 10. № 1. С. 64–78.
2. Игнатъев В. И. Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифры. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022.
3. Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы, 2019.
4. Гузман А. Коммуникация «человек – машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / А. М. Морозова. 2022.
5. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С.50–68; Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019.
6. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019.
7. Абрамов Р. Н., Катечкина В. М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Том. 25. № 2. С. 214–243.
8. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Боты на публичных аренах социальных сетей // Социологический журнал. 2021. Том. 27. № 4. С. 99–117.
9. Гасумова С. Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологий. 2019. № 1. С. 79–94.
10. Зильберман Н. Н. Функциональная классификация социальных роботов // Гуманитарная информатика. 2014. № 8. С. 30–39.
11. Игнатъев В. И., Спиридонова К. И. Взаимодействие «человек-социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // Дискурс. 2022. Т. 8, № 6. С. 101–115.
12. Игнатъев В. И., Спиридонова К. И. Проблема техноантропной дихотомии проекта «социальный робот»: онтосинтез в коммуникации // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 2. С. 92–107.

13. Lee S. A., Liang Y., & Cho S. Effects of anthropomorphism and reciprocity in persuasive computer agents. Paper presented at the 102nd annual convention of the National Communication Association. Philadelphia, PA. 2016.

14. Breazeal C. L. Designing sociable robots. Cambridge, Mass.: MIT Press. 2022.

15. Edwards C., Edwards A., Spence P. R., & Westerman D. Initial interaction expectations with robots: Testing the human-to-human interaction script // Communication Studies. 2016. № 67(2). P. 227–238. DOI: 10.1080/10510974.2015.1121899 157.

16. Nass C., Moon, Y., & Carney P. Are respondents polite to computers? Social desirability and direct responses to computers // Journal of Applied Social Psychology. 1999. № 29(5). P. 1093–1110.

17. Sandry, E. Robots and communication. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

V. I. Ignatyev (Novosibirsk State Technical University – “NSTU-NETI”)

***HUMAN-MACHINE COMMUNICATION IN A HYBRID SOCIETY:
A NEW SOCIAL REALITY***

The interpretation of one of the fundamental foundations of the new social reality as the morphogenesis of a hybrid society is proposed. Morphogenesis proceeds as the development of symbiosis of human agents with technosubjects. The substantiation of the allocation of a special subject area in the study of human-machine communication in the study of communication is presented – the study of it as a social role interaction. The key provisions of the description of the relational mechanism of the emergence of social roles performed by human-machine communication agents are formulated.

Social morphogenesis, hybrid communication, social role, human-machine communication, relational paradigm

УДК 172:004.8

А. В. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.ilyina2045@gmail.com)

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ БУДУЩЕГО ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта в условиях многовариантности исторического развития. Анализируются философские аспекты прогнозирования будущего развития искусственного интеллекта, а также прогнозирования будущего искусственным интеллектом. Рассматривается вопрос о роли точек бифуркации в выборе вариантов развития искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, будущее, многовариантность будущего, развитие, прогнозирование, точки бифуркации

Прогнозирование будущего играет чрезвычайно важную роль в развитии современного общества. Многие инновации, которым предстоит изменить лицо общества, вначале проявляются в виде прогнозов и предсказаний, после чего получают практическое воплощение. В качестве примера можно привести искусственный интеллект, впервые представленный человечеству в художественных произведениях, т. е. до складывания соответствующего понятия или создания работающих прототипов.

Указанная связь между воплощением и прогнозом была отмечена еще в XX в., на этапе оформления научных исследований будущего в самостоятельную область научного знания. Один из пионеров футурологии, Фред Полак (Fred Polak), оказавший большое влияние на формирование научных представлений об образах будущего, отмечал, что эти образы наделены качествами обратной проекции и, в определенном смысле, проецируются из будущего в прошлое. Даже если образ «есть или кажется смутным воспоминанием из далекого прошлого, он действует как предзнаменование далекого будущего», – пишет исследователь [1, С. 7]. При этом возможны различные версии образов будущего и, соответственно, прогнозов на будущее: оптимистичные и пессимистичные в отношении к настоящему; допускающие возможность изменения ситуации – и не допускающие [1, С. 12–15].

Рассматривая прогнозирование будущего с обозначенных позиций, можно говорить о разных вариантах развития от прошлого к будущему, т. е. о многовариантности будущего. Возникает проблема выбора между различными прогнозами, которую можно решать на индивидуальном и социальном уровне. Кроме того, допустимо использование разных средств составления

прогнозов и исследований будущего. В частности, специалисты выделяют исследования, направленные на такие способы обращения к будущему, как:

- осознание будущего (Futures Consciousness),
- ориентация на будущее (Future orientation),
- дальновидность/отношение к удаленной перспективе (Prospective attitude),
- проспекция (Prospection),
- проективность (Projectivity),
- предвосхищение (Anticipation) и др. [2].

В современном обществе в список средств прогнозирования будущего оказываются дополнительно включены технические и программные средства, в т. ч. искусственный интеллект. Оставаясь предметом активного развития, он оказывает на общество влияние и в дополнение к статусу средства прогнозирования будущего становится одновременно перспективным объектом прогнозирования. Это создает ситуацию, в которой он получает двойную роль: средства и объекта прогнозирования. Как следствие, в контексте исследований искусственного интеллекта многовариантность будущего обретает двойной смысл. С одной стороны, речь идет о вариантах прогнозов, которые может составить искусственный интеллект. С другой стороны, о вариантах развития искусственного интеллекта, которые могут быть спрогнозированы.

С точки зрения философии важную роль в прогнозировании будущего играют основания, на которых производится прогноз. В то время как образы будущего продолжают проецироваться из будущего в прошлое, законы истории направляют ее ход от прошлого к будущему. В зависимости от того, в какой степени признается это направляющее влияние, можно говорить о детерминизме и индетерминизме в историческом процессе, а также о его многовариантности. Становится возможным конкретизировать роль всеобщих законов в истории, пределы отступления от генеральной линии исторического развития, соотношение уникальности и всеобщности в историческом процессе. В условиях, когда формационный подход будет интерпретировать событие в качестве проявления универсального поэтапного развития общества, цивилизационный подход отдаст предпочтение анализу уникального пути цивилизации – и др.

Таким образом, прогнозирование будущего оказывается крепко связано с анализом прошлого. Составление прогнозов, включая прогнозы с использованием искусственного интеллекта, предполагает работу по выявлению закономерностей в исторических данных и проецирование этих закономерностей в будущее. В этом отношении прогнозы объединяют многовариантность исторического процесса и многовариантность будущего, причем граница, на которой происходит это объединение, движется во времени. То, что сегодня – будущее, послезавтра – уже история.

При наличии своевременно составленного прогноза и возможности влиять на положение дел в настоящем образы будущего могут стать средством его корректирования. Располагая необходимыми ресурсами, можно попытаться при-

близить будущее к его образу и тем самым изменить его. С точки зрения теории динамических систем указанный процесс можно рассматривать в контексте обращения к исследованию точек бифуркации [3]. В общем случае под точкой бифуркации понимается состояние системы, в котором она оказывается неустойчивой в отношении возникающих флуктуаций и может перейти к новому режиму работы. При этом переход может привести систему как в хаотическое состояние, так и к одному из устойчивых режимов работы, в связи с чем ее состояние остается неопределенным до самого момента перехода.

Обращение к точкам бифуркации представляет особый интерес в контексте прогнозирования будущего с целью его изменения. Принятие во внимание данной концепции показывает, что претворение желаемых изменений в жизнь зависит не только от возможности своевременно получить ожидаемый прогноз, но и от возможности своевременно зафиксировать достижение точек бифуркации для перенаправления развития системы. В этом плане увеличение шансов на успешное корректирование будущего может достигаться сочетанием мероприятий по улучшению прогностических инструментов и применению прогнозов для оказания влияния на будущее. Использование точек бифуркации в развитии прогностического инструментария для их усовершенствования может способствовать получению более точных прогнозов о будущих точках бифуркации, которые открывают новые возможности развития – и т. д.

Указанное наблюдение становится особенно актуальным на фоне двойственной роли искусственного интеллекта в составлении прогнозов. Для максимально успешного применения искусственного интеллекта в качестве средства прогнозирования будущего оказывается необходимо прогнозировать его собственное развитие, по возможности корректируя уязвимости в его функционировании и снижая риски использования. Наличие множества вовлеченных социальных структур, большое количество сценариев использования, различия в целях и ценностях разработчиков и пользователей искусственного интеллекта, а также общая новизна технологий в масштабах истории делают крайне востребованным поиск ответа на вопрос о том, каков прогноз относительно будущего искусственного интеллекта. Останется ли он дружественным помощником человека? Какие варианты среди открытых сегодня возможностей будут реализованы и получат распространение? Как он изменит процедуру прогнозирования будущего? Ответы на эти и другие вопросы еще ждут человечество впереди.

Таким образом, прогнозирование будущего можно считать процедурой, в которой объединяется прошлое и ожидания участников исторического процесса. В той мере, в какой будущее многовариантно и допускает корректирование, прогнозы могут стать средством перенаправления истории в желаемое русло. Искусственный интеллект является востребованным инструментом прогнозирования будущего и может быть использован для его улучшения. Однако это требует работы по прогнозированию его развития и своевременному устранению рисков.

Источники:

1. Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем. 2013. №3(23). С. 1–23. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-11 (дата обращения: 12.01.2025).

2. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. №2. С. 15–32. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302 URL: https://nbpublish.com/Library_read_article.php?id=32302 (дата обращения: 12.01.2025).

3. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

A. V. Ilina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***MULTI-VARIANT FUTURE FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
PROBLEMS OF FORECASTING***

The paper examines issues related to the use of artificial intelligence in the context of multi-variant historical development. The philosophical aspects of forecasting the future development of artificial intelligence, as well as forecasting the future by artificial intelligence, are analyzed. The role of bifurcation points in choosing options for the development of artificial intelligence is considered.

Artificial intelligence, future, multi-variant future, development, forecasting, bifurcation points

УДК 303.425.4: 316.334.5

В. Ф. Исайчиков (журнал «Просвещение», mihmarkin@mail.ru)

МНОГОВАРИАНТНОСТЬ БУДУЩЕГО: СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В настоящее время из-за анархии капиталистического производства произошло «перепроизводство» основной производительной силы – самого человека (то есть, перенаселение), которое угрожает глобальной эколого-экономической катастрофой. Такой ситуации в глобальном масштабе ранее не наблюдалось, тем более – при сопутствующем экологическом кризисе, поэтому можно предположить варианты развития человечества при разрешении кризиса как различными социальными путями, так и биологическими механизмами. В первой части работы рассмотрены социальные пути решения проблемы; во второй части рассматриваются варианты биологического решения.

Кризис перенаселения, социальные пути разрешения кризиса перенаселения, биологические пути решения кризиса перенаселения

По определению философия является наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления [1]; поэтому она сама ничего не может сказать о будущем ни природы, ни общества, ни мышления. Не претендуя на прогноз развития природы и мышления, полагаем, что прогноз развития общества можно дать на основании науки, занимающейся изучением развития общества – политэкономии (предметом политэкономии мы полагаем определение Ф. Энгельса [2, С. 174]). А главной проблемой, возникшей из-за анархии капиталистического производства в настоящее время – это «перепроизводство» основной производительной силы – самого человека (перенаселение), которое угрожает глобальной эколого-экономической катастрофой.

О двух политэкономических вариантах решения этой проблемы автором говорилось не раз; в первой части работы рассмотрен третий вариант, который предполагается доложить на конференции по политэкономии [3, 4, 5.]. Однако потенциальная возможность познавать и применять законы природы и общества еще не гарантирует, что человечество в каждый момент своего развития знает эти законы и умеет их применять – не говоря уже о том, чтобы применять их в интересах всего человечества. Существует опасность, что проблема перенаселения без подключения вовремя социальных механизмов может разрешиться не социальным, а биологическим путем, поскольку человек имеет не только социальную, но и биологическую природу. Можно напомнить слова Ф. Энгельса о связи двух различных видов движения материи: «на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой ... так, как кто-либо, находящийся вне природы, –

что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [6, С. 496].

Предположение, что проблема перенаселения может решиться биологическим путем, является гипотезой с весьма слабой доказательной базой; но поскольку последствия этого варианта для человечества очень опасны, то не стоит пренебрегать его изучением. Правда, для высших животных, случаи значительного перенаселения (переполнения экологической ниши) представляются весьма редким явлением, но автору известны два примера перенаселения среди млекопитающих – и с двумя различными исходами.

Первый пример – известный процесс размножения леммингов (тундровых грызунов, близких к мышам). У них наблюдаются циклические процессы с очень большими колебаниями численности популяций (до 600 раз), при этом максимальный размах колебаний численности приходится на экосистемы, наиболее бедные пропитанием. Параметры и причины таких колебаний досконально не изучены до сих пор, что в прошлые века породило даже представления, что в момент максимальной численности лемминги «сходят с ума» и массово кончают жизнь самоубийством, бросаясь в море или реку. На самом деле некоторые виды леммингов во время пика численности в поисках пропитания массово мигрируют и часто гибнут при переправе через реки. Более доскональное изучение причин колебаний численности популяций привело к точке зрения, что главный вклад в сокращение численности леммингов вносят механизмы внутрипопуляционной регуляции (эндокринные и, возможно, генетические) [7].

Заслуживает внимания общий вывод ученого: «Обычно экологи для объяснения феноменологии и механизмов популяционных циклов мелких грызунов используют два методологических подхода: один предусматривает поиск единого механизма, лежащего в основе цикла, другой допускает возможность взаимодействия ряда факторов. Согласно современным представлениям о структуре и функционировании сообществ и экосистем, взаимодействие факторов в динамике численности популяций скорее правило, чем исключение. Значит, численность большинства животных-фитофагов регулируется за счет внутрипопуляционных механизмов и отражает многочисленные биоценоотические связи. Огромный репродуктивный потенциал леммингов ... обуславливает наличие того или иного механизма контроля над численностью. Без этого достаточно скудный растительный покров тундры мог бы исчезнуть бесследно» [7].

Представляется, что в исследованиях на мышах первым эффект заметил Я. Линдبلاد, который создал для них идеальные условия по питанию, обитанию, отсутствию врагов и болезней, и заметил, что при достижении определенной плотности «населения» мыши изменили свое поведение, стали нападать друг на друга, терять интерес к размножению, и пр. [8]. Более известен эксперимент «Вселенная-25» американского ученого Д. Кэлхуна, который

повторил эксперимент Линдблада (не зная о нем) в течение 4-х лет, доведя его до конца. Он выявил четыре стадии изменения поведения мышей. «На первом этапе ... мыши хорошо размножились, вели активный образ жизни, охотно играли. На следующей фазе эксперимента мыши стали есть меньше, перестали наедаться до отвала. На третьей фазе эксперимента, когда в загоне были уже сотни мышей [вначале было 4 пары] произошло распределение социальных ролей, стала ярко выраженной иерархия, клановость. Появились так называемые отверженные – молодые особи, которых ... взрослые мыши сгоняли в центр загона, не давали им вести нормальный образ жизни, причиняли физический вред. В природе такое, наверное, было бы невозможно, ... мыши-агрессоры просто не дожили бы до старости: их бы съели хищники ... Образовались две большие группировки: самцы-одиночки и самки-одиночки. При этом самки-одиночки отказывались спариваться ... У мышей стал проявляться тотальный индивидуализм, мыши не стремились создать семью. На последней, четвертой стадии, мышиная популяция стала сокращаться. Появились самцы, которых сам Кэлхаун называл «красивыми»: целыми днями напролет они лишь ухаживали за собой, чистили свою шерстку, ели и спали, не обращая никакого внимания на окружающих. Эти самцы игнорировали самок, но интересовались друг другом, но такой интерес не мог привести к появлению потомства. У мышей стали проявляться различные формы девиантного поведения, вспышки агрессии. Самки стали умерщвлять своих детенышей, а затем окончательно отказались размножаться.

По итогам эксперимента Кэлхун пришел к выводу, что достижение определенной плотности населения ... приводит к распаду общества из-за появления прослойки изгоев ...» [9]. Конечный результат – популяция вымерла. Впоследствии другие ученые повторили этот эксперимент – и каждый раз опыт все равно приводил к гибели популяции! В оригинальной статье Кэлхаун не удержался от вывода, что аналогичное поведение возможно у человека [10].

Однако в экспериментах на крысах Кэлхун отметил другую структуру поведения – число крыс не превышало 200 (при оптимуме 150), и они были разбиты на отдельные группы (семьи) по 10-15 особей. То есть, у крыс сработал механизм внутренней регуляции, остановивший процесс на оптимуме (после достижения максимума). В других экспериментах на крысах были получены результаты, близкие к опытам на мышах, но без конечного этапа вымирания популяции – однако при этом численность популяции искусственно ограничивалась примерно на уровне 2-х кратной первоначальной численности отселением молодых особей. Но при этом образовалось 2 «семьи» с одним самцом и «гаремом» из 8–12 самок, а остальные выживались в зоны скученности, где наблюдалось ненормальное поведение изгоев, в том числе с поеданием крысят (при наличии достаточного количества пищи).

Автору представляется, что вывод о влиянии плотности населения на изменение поведения популяции вполне доказан не только в экспериментах Кэлхуна, но и из цикличности численности популяций у леммингов. Но од-

нозначности в механизмах саморегуляции у близких видов не наблюдается, и обоснованность вывода о применимости их к человеку явно недостаточна.

Но такой опасностью пренебрегать не стоит, тем более, что в последнее время у людей все чаще проявляется ненормальное поведение. Мы можем указать как на постоянный рост всякого рода маний: наркоманий, игроманий, увлечение оглуляющей рок-музыкой, так и на постоянный рост индивидуализма, в том числе не просто сознательной бездетности, но и враждебности к детям. Кроме необыкновенной легкости вовлечения в террористические действия (как в рамках государственного терроризма, так и терроризма религиозного, расового, национального), увеличивается частота просто непредсказуемых действий, когда, например, студент, не сдавший экзамен, убивает десятки первых попавшихся под руку людей.

В настоящее время все эти проявления антисоциального поведения если и изучаются, то частично, не комплексно, без особой связи с внешними обстоятельствами. Хотя имеются и вполне комплексные исследования влияния стресса на социальную психологию. В США давно дотошные ученые выявили, каким образом, например, повышение уровня безработицы в стране влияет на число преступлений, разводов, болезней и т.п. Однако в глобальных рамках комплексные исследования влияния стресса, вызванного перенаселением, автору неизвестны, ибо в разных условиях (странах) действуют отличающиеся закономерности.

Исследования механизмов биологического кризиса следует продолжить, ибо следует отметить, что в опыте Кэлхуна оптимальное количество популяции было в 10 раз меньше пикового значения; соотношения близкого типа наблюдались и у леммингов. Если полагать, что для человечества оптимум численности составляет не более 500 млн человек, то уже сейчас он более чем на порядок превышен. Не является ли это сигналом, что биологический механизм уже запущен? Не слишком ли сильно проявляются в последнее время отклонения в психике человека? **Самое опасное отклонение – игнорирование предупреждений об опасности!**

При том, что кампания о половых извращениях на Западе (ЛГБТ (организация, признанная экстремистской и запрещенная в РФ)) инспирируется для сокращения численности и качества населения и отвлечения населения от актуальных проблем, нет ли у нее и чисто биологической составляющей? Не окажется ли эта пропаганда тем «ящиком Пандоры», который ускорит естественный биологических процесс вырождения вместо его регулирования и блокировки?

Хотя основные варианты выхода из кризиса представляются осуществимыми на путях социального решений проблемы, не следует пренебрегать и исследованиями возможных биологических механизмов. Следует предусмотреть комплексный подход и эксперименты не только на модельных животных, но и исследования процессов, происходящих в обществах различного типа.

Источники:

1. Словарь иностранных слов – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1954.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд., Т. 39. М.: Политиздат, 1966.
3. Исайчиков В.Ф. Ноосферно-коммунистический мир невозможен без перелома тенденции роста численности населения мира / Материалы VIII Международной научной конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», 6–7 декабря 2018, Смольный институт РАО. СПб: Астерион, 2018. С.126–134.
4. Исайчиков В. Ф. Основное направление мирового развития: военная супербойня // Просвещение. 2024. № 1–2. С. 57–62.
5. Исайчиков В. Ф. Многовариантность будущего. Часть 1: политэкономический взгляд // Просвещение. 2025. № 1–2. С. 5–10.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., Т. 20. М.: Политиздат, 1961.
7. Чернявский Ф. Б. Лемминговые циклы // Природа. 2002. № 10. С. 34–40.
8. Линдبلاد Я. Человек – ты, я и первозданный. М.: Прогресс, 1991.
9. Утопия для мышей: 53 года эксперименту «Вселенная-25» [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/utopiya-dlya-myshej-53-goda-eksperimentu-vselennaya-25> (дата обращения: 12.01.2025)
10. Calhoun J. B. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population / Proc. Roy. Soc. Med., V66, January, 1973, p.80–86.

V. F. Isaichikov (The magazine "Prosveschenie")

**THE MULTIPLE FUTURES.
PART 2: A SOCIO-BIOLOGICAL PERSPECTIVE**

Currently, due to the anarchy of capitalist production, there has been an "overproduction" of the main productive force – man himself (that is, overpopulation), which threatens a global ecological and economic catastrophe. Such a situation has not occurred on a global scale before, especially with the accompanying environmental crisis, so we can assume options for the development of mankind in resolving the crisis both through various social means and biological mechanisms. In the first part of the work, social ways of solving the problem are considered; in the second part, biological solutions are considered.

The overpopulation crisis, social ways of solving the overpopulation crisis, biological ways of solving the overpopulation crisis.

УДК 316.3

Н. В. Казаринова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nvkazarinova@mail.ru)

СУБЪЕКТНОСТЬ ВРЕМЕНИ

Рассматриваются модусы темпорального поведения в сетевой коммуникации в ситуациях сбоя в работе интернет-сервисов. Социальным эффектом коммуникативных нарушений оказывается формирование отношения ко времени как к субъекту коммуникации, определяющему активность и направления действий пользователя.

Интернет-коммуникация, коммуникативный сбой, пользовательский опыт, социальное время, стратегии темпорального поведения

Если вы хоть раз попадали в ситуацию, когда на мониторе компьютера/ноутбука появлялись слова «Ваше соединение неустойчиво», или не могли дождаться загрузки видеоплатформы YouTube при выборе фильма (концерта, учебного занятия, видеоподкаста), с высокой вероятностью вы употребляли сильные эмоциональные высказывания. Для социально-психологического объяснения такой реакции на возникшие ситуации обычно используют понятие «фрустрация» в значении сильного негативного эмоционального переживания вследствие невозможности реализовать поставленную цель.

В данной статье предлагается взглянуть на обсуждаемую ситуацию в предметных границах социологии времени. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: какие виды темпорального поведения интернет пользователей актуализирует замедление или информационный сбой в работе интернет сервисов?

Информационную ценность для обсуждения поставленного вопроса представляет изучение предпочтительного для пользователей времени ожидания загрузки контента, проведенное Google и Awwwards. Как отмечают авторы цитируемой статьи, «шкала оценки времени ожидания у пользователей выглядит так:

- 200 миллисекунд – Действие оценивается как мгновенное
- 1 секунда – Чувство непрерывности не нарушается
- 5 секунд – Операция воспринимается как часть общей цепочки
- 8 секунд – Внимание ослабевает, пользователь выпадает из процесса» [1].

Согласно данным этого исследования, наиболее категоричны в вопросах ожидания времени молодые люди от 18 до 24 лет. Старшие поколения более терпимы. Однако даже с учетом возрастного фактора, если загрузка контента длится более 10 секунд, у пользователя возникает сомнение, что затянувшаяся операция в принципе дойдет до конца, и он с большой вероятностью прервет загрузку.

Приведенная информация, на наш взгляд, социологически интересна метаморфозой в отношениях со временем, которую сами пользователи не всегда осознают. Гипотетически возникающий эффект можно определить как сдвиг от восприятия времени как ресурса, которым можно управлять, к отношению к нему как к субъекту, или партнеру по взаимодействию, активно влияющему на характер и развитие социальной коммуникации.

На первый взгляд, зафиксированное в исследовании Google и Awwwards прерывание пользователями затянувшейся загрузки, логично объяснить в рамках теории рационального выбора: оценивая доступные ресурсы и выбирая наиболее оптимальный для достижения своих целей сценарий поведения, человек ведет себя разумно, используя время как ресурс, которым можно управлять.

Объяснение попавшего не так давно в новостные сводки случая, когда российский пользователь подал иск к Роскомнадзору в связи с замедлением работы YouTube [2], также, казалось бы, не противоречит положениям этой теории. Истец обвинил ведомство в отсутствии надлежащего контроля за действиями корпорации Google, что привело к нарушению прав граждан на доступ к информационным технологиям. Иначе говоря, пользователь переводит в правовую плоскость использование времени как ресурса, необходимого для получения информации, которого он оказался лишен.

Однако теоретическая рамка интерпретации как первого, так и второго случая, начинает утрачивать свой предмет по мере усложнения контекста события.

В первом случае нетерпеливость пользователей предполагает наличие альтернативы при получении искомого контента, тем самым снижая зависимость от конкретного хостинга. Но если такой альтернативы нет?

Контекст второго случая усложнен (и интересен) решением суда, который отклонил иск на основании того, что, согласно закону, Роскомнадзор не имеет полномочий на проведение контрольных мероприятий в связи со снижением на территории РФ скорости обмена данными в отношении того или иного домена. И далее: «Полномочий контролировать Google LLC у РКН не имеется, а доказательств того, что скорость работы YouTube не позволяет вообще им пользоваться, суду не представлено (подчеркнуто мною – НК), – сообщила в своем Telegram-канале руководитель объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга Дарья Лебедева» [2].

Комментарий руководителя пресс-службы, на наш взгляд, содержит принципиально иное восприятие времени. Время в нем представлено не как «ресурс» (в данном случае ресурс для получения информации), но наделяется субъектностью. Иначе говоря, учитываются не потребности пользователя, но присущие времени свойства (скорость, длительность, паузы), которые начинают определять поведение пользователя, помимо его воли и желаний.

В данной статье не ставится задача теоретического обзора социологического изучения времени (социология времени сформирована работами таких классиков социологии, как Дж. Гурвич, Э. Зерубавель, Р. Мертон, П. Сорокин, П. Штопка и др.). Подчеркнем лишь принципиальное согласие между исследователями в по-

нимании социального времени как изменения, измеряемого в длительностях и ритмах. С этими свойствами и связана так называемая «ловушка времени», то есть основания, позволяющие относиться ко времени как независимой, но коммуникативно связанной с человеком стороне, и, благодаря названным выше свойствам, активно влияющей на ход коммуникативного взаимодействия.

Показательны рекомендации по управлению пользовательским мышлением, предложенные авторами упоминавшегося выше исследования. Чтобы скрыть или компенсировать затянувшееся ожидание при загрузке контента, предлагается: наполнить пассивное ожидание хоть какой-то ментальной деятельностью, пусть даже объективно бесполезной; разбивать загрузку на несколько этапов по прагматическому признаку, чтобы создавать иллюзию скорости; «по максимуму использовать микроинтеракции на всем протяжении работы пользователя с сайтом, включая мелкие действия в рамках одной страницы (добавление в избранное, отправка текста через форму связи)» [См.:1].

Концептуально предложенные (и, как отмечают авторы исследования, вполне эффективно действующие) советы реализуют логику коммуникативного взаимодействия со временем, представляющим тем самым в роли не квази, но реально действующего субъекта.

Источники:

1. Игры со временем: ускоряем приложение на уровне восприятия. URL: https://habr.com/ru/companies/productivity_inside/articles/422355 (дата обращения: 11.01.2025).

2. Суд отклонил иск россиянина к Роскомнадзору по поводу замедления YouTube// Электронное периодическое издание «3ДНьюс». URL: <https://3dnews.ru/1116582/sud-otklonil-isk-rossiyanina-k-roskomnadzoru-po-povodu-zamedleniya-youtube> (дата обращения: 11.01.2025).

N. V. Kazarinova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SUBJECTIVITY OF TIME

The paper considers the transformation of temporal behaviour in online communication in situations of failure of Internet services. The social effect of communicative disruptions is the formation of an attitude to time as a subject of communication, which determines the activity and directions of user's actions.

Internet communication, communicative failure, user experience, social time, temporal behaviour strategies

---

УДК 32

С. И. Каминский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», email: stanislavkam13@gmail.com)

ВИДЕОИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТАХ

В статье исследуется роль видеоигр как инструмента политических коммуникаций в гибридном конфликте. Автор анализирует трансформацию украинской игровой индустрии после 2014 года, когда игры стали активно использоваться для отражения политической ситуации на Украине. Особое внимание уделяется роли зарубежных разработчиков, создающих игры, поддерживающие антироссийские позиции. В работе рассматриваются изменения в репрезентации Украины в видеоиграх, а также роль игр в формировании образов и дискурсов, способствующих усилению политического противостояния. На основе проведенного анализа предлагаются рекомендации по развитию российской игровой индустрии с целью формирования эффективного контрдискурса и укрепления позиций России на международной арене.

Видеоигры, политический дискурс, политические образы, украинский конфликт, информационная война, игровая индустрия, контрдискурс, пропаганда, игровые платформы, российская игровая индустрия

Современные глобальные конфликты, как вооруженные, так и гибридные, между крупными государствами и негосударственными акторами, становятся ареной для распространения многочисленных идеологических нарративов. Эти нарративы обретают особенно важное значение в условиях, когда информационные войны и пропагандистские кампании становятся важной частью международной политической борьбы. В отличие от традиционных каналов распространения информации, таких как средства массовой информации и печатные издания, новые формы коммуникации, в том числе видеоигры, открывают уникальные возможности для формирования общественного восприятия и политического контекста. Видеоигры, в особенности с учетом их возрастающей популярности и влияния, становятся важным элементом политической коммуникации и активно используются для распространения политических идеологий и формирования политических образов.

Долгое время видеоигры воспринимались как элемент маргинальной культуры, и не были включены в круг научных исследований, в том числе в вопросы информационных войн. Это было связано с их относительно новым статусом в медиа-среде и с тем, что они долгое время считались исключительно развлекательным продуктом. Однако, с ростом бюджетов на создание видеоигр, а также с увеличением их влияния на общество, стало очевидным, что видеоигры игра-

ют ключевую роль в современном информационном пространстве. Видеоигры становятся не просто развлекательным инструментом, но и важным механизмом для формирования общественного мнения, в том числе в контексте глобальных конфликтов. Они оказывают влияние на восприятие политических событий и часто становятся способом манипуляции общественным сознанием [1, С. 465].

Ключевым понятием, которое позволяет проанализировать влияние видеоигр на общественное восприятие, является концепция «политического образа». Политический образ – это не просто восприятие реальных характеристик политического субъекта, такого как государство, лидер или идеология, а также проекция этих характеристик в глазах индивидов, получающих политическую информацию. Формирование политических образов играет важную роль в создании и поддержании общественного сознания, а также в организации политических процессов. Политический образ может быть как положительным, так и отрицательным, и он оказывает значительное влияние на поведение людей и на их отношение к различным политическим субъектам.

Видеоигры имеют уникальную способность формировать эти образы благодаря своей интерактивной природе. В отличие от традиционных медиаформатов, таких как кино или телевидение, видеоигры позволяют игрокам не только воспринимать, но и активно влиять на развитие политических нарративов. Игроки не просто наблюдают за развитием событий, они становятся участниками событий, их действия могут менять ход игры, что дает игрокам ощущение контроля над политическим контекстом. Это открывает большие возможности для создания и распространения политических образов, особенно в контексте таких актуальных конфликтов, как украинский.

С момента начала конфликта на Украине в 2014 году видеоигры, создаваемые зарубежными разработчиками, стали важным инструментом распространения антироссийской риторики. Продукты, связанные с конфликтом в Украине, оказываются важным каналом для формирования мнений, и в частности, для поддержания негативного образа России, что подтверждается в том числе изменением репрезентации политических событий. С учетом того, что глобальный рынок видеоигр оценивается в 185 миллиардов долларов, а его аудитория составляет более 2,5 миллиардов человек, видеоигры становятся мощным инструментом формирования мирового политического дискурса, включая влияние на политическое восприятие конфликтов.

Перед началом вооруженного конфликта на Украине видеоигры, разрабатываемые в стране, ориентировались в основном на постсоветский рынок, включая элементы российской культурной и символической традиции. Игры, такие как «В тылу врага», «Метро 2033», а также другие проекты, использовали исторические события, связанные с советским и российским опытом. Эти продукты отразили политику мирного сосуществования на постсоветском пространстве, зачастую фокусируясь на героизации советской эпохи. Однако после 2014 года, с изменением политического контекста, украинская игровая индустрия претерпела значительную трансформацию. Видеоигры, созданные после

2014 года, начали активно поддерживать политику новой украинской власти и отражать реальные события, такие как вооруженный конфликт на Донбассе и присоединение Крыма.

Игры стали важным инструментом для формирования новой политической реальности, поддерживающей государственную линию Украины, и активно использовались для создания политических и идеологических нарративов, которые направлены на поддержание позиции Украины и ее союзников. Видеоигры, посвященные конфликту на Донбассе, не только отражают события, но и становятся политическим инструментом, укрепляющим восприятие Украины как независимого государства, которое должно бороться с внешними угрозами, в том числе с Россией. Примером таких игр являются «Combat Mission Black Sea» [2] и другие, где моделируются боевые действия между украинскими войсками и силами России. Эти игры призваны укрепить политическое сознание украинских граждан, а также влиять на мировое общественное мнение.

Основную роль в создании видеоигр, посвященных украинскому конфликту, играют зарубежные разработчики, что имеет большое значение для распространения политических образов. США и страны ЕС создают продукты, в которых Украина изображена как самостоятельное государство, активно противостоящее агрессии со стороны России. Видеоигры становятся не просто развлечением, но и важным политическим инструментом, который позволяет создавать и поддерживать определенные идеологические нарративы. Изображение России как агрессора в этих играх становится важной частью формирования образа страны в мировой политике.

В таких играх, как «Geopolitical Simulator 4» и «Power & Revolution 2022 Edition» французской студии-разработчика «Eversim», игрокам предоставляется возможность выбирать сторону конфликта, при этом российская сторона исключается для выбора играющего персонажа. Этот выбор не только отразил политическую позицию Запада, но и подтвердил укрепление антироссийских настроений в западных странах. Эти игры оказывают значительное влияние на мировое восприятие политической ситуации в Украине, создавая образ России как угрозы международной безопасности.

Проект «Битва за Украину» вызвал резонанс из-за своей спорной концепции. Игра позволяет игрокам управлять украинскими войсками, стремящимися изгнать российские силы с территории Украины. Симуляция начинается с актуальной карты расположения войск, где действия происходят в реальном времени. Игроки поочередно перемещают войска или совершают атаки, при этом потери зависят от соотношения сил. Важной особенностью является пропагандистский потенциал игры, создающий ложную связь между военным конфликтом на Украине и борьбой за российские территории, такие как Крым и Севастополь, что усиливает идеологическую нагрузку проекта.

Важным примером среди редких видеоигр нейтральной позиции является проект бельгийской компании «LuGus Studios» – игра «Битва за Донецк», выпущенная в 2015 году. Она посвящена событиям конфликта на юго-востоке

Украины в 2014-2015 годах и изображает противостояние между ополчением Донецкой народной республики и украинскими военными в рамках «антитеррористической операции». В игре игроку предлагается выбрать одну из сторон конфликта, однако, независимо от выбора, победа невозможна. Игра сосредоточена на единственном ресурсе – мирных жителях. Решения, принимаемые игроком, влияют на количество жертв среди гражданского населения, однако к концу игры все мирные жители погибают. По завершении кампании игрок видит итоговые потери и разрушения, что подчеркивает неизбежность гуманитарной катастрофы [3].

Таким образом, видеоигры, созданные зарубежными разработчиками, играют важную роль в формировании политического дискурса и политических образов в системе международных политических коммуникаций. В них часто отсутствует разнообразие точек зрения, что приводит к одностороннему представлению о конфликте. В частности, западные медиа и игровая индустрия активно поддерживают Украину, изображая Россию как антагониста и агрессора.

Проведенный контент-анализ аннотаций к видеоиграм подтверждает, что видеоигры стали важным инструментом формирования политического дискурса и влияния на общественное сознание. Видеоигры, создаваемые как на Украине, так и за рубежом, активно участвуют в формировании политических образов, создавая и укрепляя определенные идеологические нарративы. Эти игры активно поддерживают политику Украины, направленную на борьбу с Россией, и влияют на мировое восприятие конфликта гражданами различных государств.

Российская игровая индустрия требует государственной поддержки. После начала СВО многие западные студии покинули Россию, что освободило рынок для отечественных компаний, однако создание полноценной индустрии без государственной помощи в условиях санкций и технических ограничений невозможно. Необходимы меры налогообложения, поддерживающие развитие отрасли: большинство студий регистрируются на Кипре из-за налоговых льгот, а геймдизайнеры часто не считаются IT-специалистами, что ограничивает поддержку. Поддержка социальной защищенности и свободы творчества поможет создавать конкурентоспособные продукты. Также оптимальной мерой поддержки индустрии и инструментом продвижения видеоигр может стать разработка собственных платформ распространения, аналогичных «Steam». Успешный опыт внедрения платформ-дублеров в других сферах позволяет перенести этот опыт и на игровую индустрию. Создание отечественных игровых консолей снизит зависимость от «Sony» и «Xbox», что повысит доступность и окупаемость отечественной продукции. Также и развитие мобильных игр, которые дешевле в разработке и эффективнее в распространении идеологических нарративов, требует государственной поддержки. Важным аспектом является взаимодействие с гигантами игровой индустрии из дружественных стран, а также продвижение отечественных продуктов на западных рынках альтернативными методами. Наконец, необходимо содействие сотрудничеству с культурными и образовательными учреждениями для интеграции видеоигр в учебный процесс, что

улучшит навыки критического мышления и командной работы среди обучающихся. Поддержка киберспорта также имеет большое значение, так как это способствует популяризации молодежных инициатив и формированию пророссийских дискурсов через видеоигры.

Таким образом, видеоигры становятся важным инструментом информационной политики и должны активно поддерживаться государственными инициативами для формирования позитивных образов России на международной арене. С помощью видеоигр Россия может укрепить свои позиции и развить эффективную стратегию контрдискурса в глобальном информационном пространстве.

Источники:

1. Valeriano, B., & Habel, Ph. Who Are the Enemies? The Visual Framing of Enemies in Digital Games // *International Studies Review*. 2016. № 18(3). P. 462–486.
2. *Combat Mission Black Sea* / [Электронный ресурс] // *Matrix Games*: [сайт]. URL: <https://www.matrixgames.com/game/combat-mission-black-sea> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Создана компьютерная игра «Битва за Донецк» / [Электронный ресурс] // *Культурология.рф*: [сайт]. URL: <https://kulturologia.ru/news/4333/> (дата обращения: 12.01.2025).

S. I. Kaminskii (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

VIDEO GAMES AS A TOOL OF POLITICAL COMMUNICATION IN MODERN HYBRID CONFLICTS

The article explores the role of video games as a tool of political communication in a hybrid conflict. The author analyzes the transformation of the Ukrainian gaming industry after 2014, when games began to be actively used to reflect the political situation in Ukraine. Special attention is paid to the role of foreign developers who create games that support anti-Russian positions. The paper examines changes in the representation of Ukraine in video games, as well as the role of games in shaping images and discourses that contribute to strengthening political confrontation. Based on the analysis, recommendations are proposed for the development of the Russian gaming industry in order to form an effective counter-discourse and strengthen Russia's position in the international arena.

Video games, political discourse, political images, Ukrainian conflict, information war, gaming industry, counterdiscourse, propaganda, gaming platforms, Russian gaming industry

УДК 316.442

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»), e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

СОВРЕМЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ КОРПОРАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЗНАЧИМОСТЬ SOFT SKILLS

В эпоху технологического прогресса, социальной и цифровой трансформациями руководители корпораций сталкиваются как с вызовами, так и с возможностями. Кроме классических навыков руководителя, актуальными остаются и soft skills. В статье приводятся примеры необходимости развития таких навыков как эмоциональный интеллект, адаптивность, креативность и навыки межличностного общения, чтобы эффективно руководить в динамичной и быстро меняющейся цифровой среде.

Руководители, цифровая среда, навыки руководителя, социальная трансформация, цифровая трансформация

Современная реальность руководителя предполагает взаимодействие с представителями корпоративных организаций сразу в нескольких плоскостях: личное общение, публичные выступления, взаимодействие в цифровой среде. Причем, последнее предполагает и включается в себя, в том числе личное и публичное взаимодействие, благодаря современным платформам связи. Так какую роль в процессе взаимодействия в цифровой среде играют soft skills (когнитивные и социально-поведенческие характеристики личности)? Нужно ли их развивать руководителю для выстраивания успешных и эффективных социальных отношений. Важно определить, как меняется процесс взаимодействия с представителями внутренней и внешней среды корпоративной организации, с учетом цифровых возможностей. Более того, цифровизация еще шире распространяется в ежедневную деятельность не только руководителя, но и всех сотрудников корпоративных организаций. Так, например, в Атласе новых профессий 3.0 определяется ряд надпрофильных навыков, которые востребованы не только в будущем, но и уже сейчас: системное мышление, межатраслевая коммуникация, управление проектами, бережливое производство, программирование/ робототехника/ искусственный интеллект, клиентоориентированность, мультиязычность и мультикультурность, работа с людьми, работа в условиях неопределенности, навыки художественного творчества, экологическое мышление [1, С. 28]. Следует обратить внимание, что среди перечисленных навыков будущего 8 из 11 навыков можно отнести к мягким навыкам.

Таким образом, акцентирование внимания на развитии soft skills у современного руководителя в цифровой среде обусловлено не только прагма-

тической необходимостью повышения эффективности корпоративного взаимодействия, но и более глубокими социальными процессами. Цифровизация трансформирует не только способы коммуникации, но и сами основы социального взаимодействия, внося неопределенность и требуя от индивидов высокой степени адаптивности и эмоционального интеллекта. Важным вопросом становится адаптация именно руководителей к цифровой среде. Эта социальная группа задает тренд на определенную культуру общения в корпорации. Безусловно, навыки, которыми обладают руководители должны быть перенесены из оффлайн среды (среда живого общения и взаимодействия) в онлайн среду (взаимодействие при помощи цифровых инструментов).

Наиболее полное описание *soft skills* представлено в материалах исследования О. П. Горьковской, Н. В. Козловского и др. Гибкие навыки в исследовании разделены на 4 категории: навыки взаимодействия в коллективе (умение работать в команде, переговорные компетенции, межотраслевая коммуникация, развитие и мотивация других, коммуникабельность (взаимодействие с другими)), личностные навыки (инициативность, обучаемость, креативность, критическое мышление), навыки планирования (самоорганизация, тайм-менеджмент, умение управлять проектами и процессами, постановка задач, делегирование), навыки жизнестойкости (стрессоустойчивость, работа в режиме неопределенности и в условиях быстрой смены задач, восприятие критики и обратной связи) [2, С. 24]. Предложенная классификация подчеркивает многогранность и комплексность необходимых компетенций для современного руководителя. Навыки взаимодействия в коллективе, включая умение работать в команде и вести эффективные переговоры, трансформируются в умение организовывать виртуальные команды, обеспечивать слаженную работу удаленных сотрудников и поддерживать продуктивную коммуникацию в онлайн-формате. Личностные навыки, такие как креативность и критическое мышление, становятся важными для адаптации к быстро меняющимся технологическим и рыночным условиям, а навыки планирования и организации помогают руководителю эффективно управлять проектами в условиях цифровой среды и неопределенности. Наконец, навыки жизнестойкости, включая стрессоустойчивость и умение работать в условиях быстрой смены задач, приобретают первостепенное значение в динамичном и постоянно меняющемся цифровом мире, где руководители сталкиваются с высокой интенсивностью и требованиями к адаптации.

Для начала, следует разобраться, какими именно мягкими навыками должен обладать современный руководитель корпоративной организации. Результаты исследований представляют различный набор мягких навыков, которыми должен обладать руководитель: управлять эмоциями, мотивировать в принятии правильных решений [3]; талант к руководству, креативность и самостоятельность [4, С. 107]; деловые качества и организаторские способности (инициативность, самостоятельность в решении вопросов, самоорганизованность и др.), коммуникативные качества (умение устанавливать

деловые отношения с вышестоящими и смежными руководителями, с подчиненными, умение выступать публично и др.) [5, С. 96–97]. Также, есть некоторые общепринятые ожидания от руководителя. А именно, подчиненные и вышестоящие руководители ожидают, что руководитель сможет быть лидером, владеть стратегическим мышлением, грамотно использовать целеполагание, ответственность за результат, справедливость. Можно предположить, что все те же навыки и проявление тех же качеств ожидается от руководителя, несмотря на способ взаимодействия с ним.

Если сосредоточиться на навыках и умениях, необходимых для успешного взаимодействия в цифровой среде, то исследования подтверждают следующее. В целом, респонденты исследований обращают внимание на *soft skills*, которые помогают в освоении новых технологий. К таким навыкам относят самоорганизацию, управление, командную работу, коммуникативные навыки [6, С. 156]. Наиболее востребованные навыки и компетенции для цифровой трансформации: аналитика и навыки работы с данными, методы и инструменты цифровизации продуктов и сервисов, управление процессами и проектами, самообучение и адаптация, технологическая экспертиза, стратегическое мышление, коммуникативность, креативность и изобретательность, программирование и алгоритмическое мышление [7, С. 52]. Сравнительный анализ навыков, востребованных в очном и цифровом форматах взаимодействия, позволяет выявить как общие, так и специфические требования к современному руководителю. Подтверждается, что *soft skills*, такие, как коммуникативность и креативность, сохраняют свою значимость в цифровой среде, однако, они должны быть дополнены и усилены навыками, специфичными для работы с цифровыми технологиями. Это включает в себя умение анализировать данные, использовать инструменты цифровизации, а также способность к самообучению и адаптации к постоянно меняющимся технологиям. Кроме того, в условиях удаленной работы и виртуального общения, особенно важными становятся навыки самоорганизации и эффективной командной работы в цифровой среде.

Итак, современный руководитель должен обладать не только широким набором *soft skills*, но и уметь применять их в контексте цифровых технологий, постоянно развивая свои компетенции и адаптируясь к новым вызовам цифровой трансформации. Успешное применение цифровых инструментов и технологий в корпоративном управлении напрямую зависит от способности руководителя выстраивать доверительные отношения, мотивировать сотрудников, эффективно разрешать конфликты и создавать позитивную рабочую атмосферу в условиях удаленной работы и виртуального общения. В этом контексте, *soft skills* становятся не просто желательными, а необходимыми компетенциями для лидера, способного вести свою команду к успеху в эпоху цифровых трансформаций.

Источники:

1. Атлас новых профессий 3.0. / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021.
2. Горьковая О. П., Козловский Н. В., Матыкина В. С., Петров А. В. «Soft skills»: в поиске универсальных трактовок «гибких» навыков современных работников // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2019. № 4 (53). С. 20–25.
3. Курбанова Н. Б. О роли руководителя в психологии управления // Бюллетень науки и практики. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-rukovoditelya-v-psihologii-upravleniya> (дата обращения: 08.06.2024).
4. Еремина В. А. Современный руководитель: социологический анализ // Теория и практика современной науки. 2016. №8 (14). С. 106–109.
5. Джаджиева З. Б. Личностные качества и стиль управления современного руководителя // Вестник магистратуры. 2015. № 11–2 (50). С. 96–98.
6. Субочева О. Н., Яковлева Е. А. Личность работника в условиях цифровой трансформации общества // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 6. С. 154–156.
7. Цифровая трансформация в России: аналитический отчет на основе результатов опроса российских компаний. // КМДА КОМАНДА-А. 2020. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 8.06.2024).

E. A. Kamyshina (St. Petersburg state electrotechnical university "LETI")

MODERN CORPORATE MANAGER IN A DIGITAL ENVIRONMENT: THE IMPORTANCE OF SOFT SKILLS

Corporate leaders face both challenges and opportunities in an era of technological advancement, social and digital transformation. In addition, to classic leadership skills, soft skills also remain relevant. The article provides examples of the need to develop skills such as emotional intelligence, adaptability, creativity and interpersonal skills in order to effectively management in a dynamic and rapidly changing digital environment.

Managers, leaders, digital environment, leadership skills, social transformation, digital transformation

УДК 930.2:028+004

Ким М. Ш. (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: maximkim322@gmail.com)

ИСТОРИЗМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВОГО ЧТЕНИЯ

В настоящем исследовании анализируется методология «истории чтения» – дисциплины, появившейся в 80-х гг. XX века вокруг крупнейшего современного французского историка Роже Шартье. Основное внимание уделено тому, как методы и принципы данного направления реализуются в исследованиях современного чтения в цифровом пространстве. Несмотря на наметившийся кризис историзма в западных гуманитарных исследованиях и, в частности, скептическое отношение к нему со стороны исследователей истории чтения, в центре их методологии лежит историзм с характерными для него чертами.

История чтения, цифровое пространство, Р. Шартье, историзм, исследование чтения, чтение в цифровую эпоху, историография

Современные технологические и культурные изменения влекут за собой глобальные перемены, в частности, связанные с восприятием человеком информации. Чтение занимает в этом процессе ключевое положение, выступая в качестве канала передачи информации, непосредственно влияющим на ее восприятие. Все большее место в жизни современного человека занимает чтение с цифровых носителей, дисплеев, экранов, а литература и текст в целом переходят в электронную среду, что уже сегодня меняет процесс восприятия и получения информации, чтения как культурного феномена.

Технологическая революция, появление компьютеров в каждом доме, при каждом предприятии и организации, наличие смартфонов практически у каждого человека, повлияло на то, что последние десятилетия происходит так называемая революция чтения. Об особенностях чтения в современном цифровом пространстве написано достаточно много исследований, посвященных тем или иным аспектам данного явления, организуются конференции, издаются монографии [напр.: 1; 2; 3; 4; 5].

Чтение представляет собой сложное и многоаспектное явление, ввиду чего к его исследованию подходят специалисты разных профилей – от физиологов и психологов до социологов и педагогов. В зависимости от этого разнятся те проблемы и подходы, к которым обращаются специалисты. Однако в настоящей статье мы обратимся к тому, как к данной проблематике обращаются исследователи, работающие в рамках такой дисциплины, как «история чтения», рождение и развитие которой связано с именем знаменитого французского историка Роже Шартье. В частности, особое внимание будет уделено тому, как в методологии данного направления выражены принципы историзма.

История чтения как отдельная дисциплина появляется в 80-х гг. прошлого века и связывается с выходом «Истории французского книгоиздания», редакторами которой выступили Роже Шартье и другой французский историк Анри-Жан Мартен [6, С. 194–197].

В отличие других направлений, изучающих чтение (например, социология чтения, история книг, библиотекведение и т. д.), которые традиционно используют статистику, опросы и подобные методы [7, С. 308–315], история чтения фокусируется на проблемах восприятия читателем текстов, которые в свою очередь не являются константой, но меняются в зависимости от разнообразных факторов. Специфика того или иного чтения (индивида или социальной группы) проявляется в читательских практиках, ритуалах, привычках, жестах, действиях, коммуникации и институциях [8, С. 11].

Важнейшим и основополагающим является положение, по которому существует неразрывная связь между читаемым текстом и тем, какой вид и форму приобретают носители этого текста. От материальности текста зависит не только то, каким образом читатель взаимодействует физически с носителем слова, но и то, как он его воспринимает и интерпретирует [8, С. 9].

Роже Шартье пишет: «...ретроспективный взгляд не слишком полезен для предсказаний будущего. Но поскольку в основе его лежит сопоставление, он позволяет точнее оценить масштаб трансформаций, происходящих ныне в наших отношениях с письменным текстом... Историк в своих выводах не должен впадать ни в пророческий тон, ни в ностальгию...» [8, С. 16]. Таким образом, исследователь конституирует свое скептическое отношение к важной составляющей историзма – прогнозу. Однако отмечает важность и продуктивность сопоставления, которое способно раскрыть сущность и масштабы изменений.

На основе данной методологии самим Р. Шартье и другими исследователями, разделяющих его взгляды, был создан ряд исследований истории чтения, охватывающий широкие хронологические рамки, например, коллективная монография «История чтения в Западном мире от Античности до наших дней» под редакцией Г. Кавалло и Р. Шартье [9]. Этой же методологии следуют, например, авторы трехтомного исследования «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia», посвященной изучению аспектов истории чтения в России Нового времени [10].

Отдельное место в исследованиях истории чтения занимает современная эпоха – чтение в цифровом пространстве. Прослеживая развитие чтения, основные вехи трансформаций работы с информацией (по терминологии Р. Шартье – «революции чтения»), исследователи не только стремятся осознать изменения в современном чтении, но и предположить, каким образом они в дальнейшем могут себя проявить.

В своей статье «Письменный текст на экране. Книга песка» Р. Шартье выделяет следующие отличительные признаки цифрового чтения и коммуникации:

1. Электронный текст приобретает черты формальных языков, например, использование «эмотиконов» или, как их сегодня называют, эмодзи, которые своей наглядностью снимают языковые барьеры [8, С. 214].

2. Цифровое пространство преобразовало английский язык, на котором общается большая часть Интернет-сообщества, ограничив его традиционный лексикон, расширив корпус аббревиатур, неологизмов, сокращений, упростив грамматику и синтаксис. Таким образом, рождается новый язык – язык цифрового общения [8, С. 215].

3. Современное цифровое пространство характеризуется переизбытком текстов, которые читатель не способен освоить [8, С. 216].

4. Цифровые технологии (экран, дисплей, монитор) разрушают устоявшийся за века порядок дискурсов – соотношении материальности носителя, текстом и его использованием (книга, письмо, афиша и др.). Экран стирает границы между разными видами текста в их материальном проявлении, в связи с чем меняются практики взаимодействия с ними и их восприятие [8, С. 217–219].

5. «Чтение с экрана – это, как правило, чтение прерывистое, целью которого становится поиск по ключевым словам или тематическим рубрикам необходимого фрагмента» [8, С. 219].

6. Новая репрезентация текста, отличная от традиционной в формате кодекса, меняет стратегию аргументаций. Упрощенно говоря, доказательства теперь не связаны с порядком следования текста, страницей, а с системой гиперссылок [8, С. 220].

7. Читатель в пространстве электронного текста свободен в своей творческой деятельности – в отличие от пространства бумажного текста, здесь он может изменять по своей воле текст того или иного произведения, что влечет за собой стирание фигуры автора [8, С. 221].

Методология дисциплины истории чтения, с одной стороны, в лице Роже Шартье отрицает прогностическую или унифицирующую роль истории и в целом гуманитарных наук, однако, с другой стороны, сама постановка принципа связи материальности и текстуальности, которая используется авторами для всего огромного периода от античности до современности, на основе которой делаются выводы и анализируется ситуация, неявно говорит об обратном. Р. Шартье предложил и обосновал в определенной степени закон или принцип, который вполне вписывается в канон историзма.

Говоря об изменениях в рамках категории аргументации, Р. Шартье пишет: «Перед нами важнейший эпистемологический сдвиг, *влекущий за собой глубокие перемены* в приемах доказательства и в модальностях построения и оценки научного дискурса» [8, С. 220].

Когда Р. Шартье рассуждает о стирании фигуры автора ввиду появления неограниченной возможности читателя вмешиваться в текст, он в то же время пишет следующее: «Потенциально это может иметь огромные последствия: стирается имя и сама фигура автора как гаранта идентичности и аутентичности текста...»; «Вполне вероятно, что это открывает перед письменностью новые воз-

возможности – те, о которых не раз мечтал Мишель Фуко, воображая порядок дискурсов, где бы исчезла индивидуальная апроприация текстов и где каждый мог бы оставить свой анонимный след в пластах дискурса, лишённого автора» [8, С. 221].

В своем эссе «Читатель в постоянно меняющемся мире» Р. Шартье также не упускает возможности сделать если не прогноз, то предположения о перспективах тех радикальных изменений, которые претерпевает общество в настоящую цифровую эпоху: «Однако ближайшие десятилетия, скорее всего, станут временем сосуществования – причем не обязательно мирного – обеих форм книги, а также трех способов записи и распространения текстов: рукописи, печатного издания и электронного текста. Наверное, лучше принять эту гипотезу, нежели стенать по поводу неизбежной утраты письменной культуры или предаваться безудержному восторгу по случаю немедленного вступления человечества в новую эру коммуникации» [11].

Как пример открытого желания реализовать прогностическую функцию гуманитарного знания можно привести статью итальянского палеографа Армандо Петруччи «Читать, чтобы читать. Чтение в будущем», вошедшую в сборник под редакцией Р. Шартье и Г. Кавалло, в частности, посвященной прогнозированию того, каким образом будет развиваться чтение в контексте цифрового пространства. Исследователь прямо пишет: «Следовательно, не этот вопрос должен интересовать историка-пророка или аналитика социокультурных отношений масс, а скорее другой, более тонкий: каким именно в недалеком будущем станет чтение...» [9, С. 442–443].

Стремясь осознать настоящее и в то же время будущее развитие чтения, исследователи обращаются к опыту прошлого [8, С. 230]. Такой подход явно говорит об историческом характере исследования. Под этим подразумевается очевидная мысль – история, в том числе чтения и трансформаций систем информации, если не подчиняется, то вписывается в определенную логику развития, которая, учитывая хронологический размах, несет характер общеисторический. Как представляется, антиисторический подход не может дать нам подобного результата, как исследования, основанные на историзме. Выявление общих закономерностей может увести исследователя в область домыслов или конструирования, однако без каких-либо обобщений вряд ли возможно создать целостную картину реальности как настоящего, так и прошлого.

Источники:

1. Клопотова Е. Е., Смирнова С. Ю. Детское чтение в цифровую эпоху // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 113–122.
2. Романичева, Е. С. Современные читательские практики: обзор основных исследований как попытка классификации / Е. С. Романичева, Г. В. Пранцова // Литература в школе. 2022. № 1. С. 92–104.
3. Книга и чтение в цифровую эпоху. Сборник материалов II Международной конференции (г. Бишкек – село Бостери, Кыргызская Республика, 20–23

июня 2021 г.) // сост. Бакашова Ж. К., Бакейкин С. Д., Кузьмин Е. И., Черный Ю. Ю. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2021.

4. Kulkarni, Jagdish & Saware Mane, Sunitta. Reading culture in the modern age: A Contemplation. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/383811006_Reading_culture_in_the_modern_age_A_-Contemplation (дата обращения: 09.01.2025).

5. Askarova V. A collective monograph “Reading. 21 century” as a reflection of the current state of the science of reading // Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2015. № 4 (44). P. 167–171.

6. Балла О. Практика неочевидного: история чтения как история человека // Новый мир. 2007. № 12. С. 194–197.

7. Равинский Д. История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства // Новое литературное обозрение. 2010. № 2(102). С. 308–315.

8. Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф М.: Новое издательство, 2006.

9. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковской. М.: «Издательство ФАИР», 2008.

10. Damiano Revecchini and Raffaella Vassena, eds. Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia, vol. 1. Milan: Ledizioni, 2020.

11. Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире / пер. И. Стаф // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. 2009. № 7. С. 184–191.

M. Sh. Kim (St Petersburg University)

HISTORISM IN DIGITAL READING STUDIES

This study analyses the methodology of «history of reading» – a discipline that emerged in the 1980s around the greatest contemporary French historian Roger Chartier. The main focus is on how methods and principles of this direction are implemented in research of modern reading in digital space. Despite the emerged crisis of historicism in Western humanitarian studies and, in particular, the scepticism towards it on the part of reading history researchers, at the heart of their methodology is the historicism with characteristic features.

History of reading, digital space, R. Chartier, historicism, study of reading, reading in the digital age, historiography

УДК 141

С. В. Клягин (Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: sklyagin@gmail.com);

Е. В. Сачкова (Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: elizavetasachkova99@gmail.com);

А. И. Куренкова (Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: anastasyakurenkova@gmail.com)

О «МОЗАИЧНОСТИ» ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК В КОММУНИКАТИВНЫХ НАУКАХ

В статье в контексте неклассической рациональности, ряда новейших философско-методологических подходов (АСТ, концепции объектно-ориентированной онтологии, системная теория сложности) предлагается версия описания и прагматической исследовательской адаптации философских предпосылок коммуникативных наук. Исходным форматом для этого полагается феномен «мозаичности» культуры, который дополняется актуальными характеристиками динамики неоднородной социокультурной среды научного познания. Для изучения коммуникации в турбулентной социокультурной среде предлагается кооперативный вариант интегративного подхода.

Философия, коммуникация, культура, мозаичная культура, коммуникативные науки, интеграция, кооперация, конфигурация

Высказывания различной степени авторитетности о турбулентности современного социума стали настолько распространенными и привычными для восприятия, что сами по себе начинают проявляться как некий ламинарный слой дискурсов социально-культурной рефлексии.

Примерами этого парадоксального феномена стабильной нестабильности могут быть многочисленные концепции, идеи и даже отдельные высказывания. «Ускользящий мир» (Э. Гидденс), «текущая современность» (З. Бауман), концепция «не-мест» в культурно-антропологических пространствах (М. Оже), теории конгломеративной реальности (Н. Лэнд, Ж.-Ф. Гваттари) – эти идеи привлекают и одновременно рассеивают наше познавательное внимание.

В таких социокультурных обстоятельствах важно находить соответствующие им, то есть изменчивые многомерные средства осмысления реальности в целом, а также выделяемых в ней для рассмотрения и изучения тех или иных объектных областей. В этой связи не в плане фиксированной концептуальной базы, но, скорее, в качестве «зонтичной» интеллектуальной метафоры могут быть использованы идеи А. Моля о «мозаичности» социокультурных дискурсов современности.

Перегруженность каналов информацией, приводит к тому, что в результате потребитель продуктов культуры оказывается дезориентирован в своем выборе, и делает его, в конечном итоге, основываясь на случайных предпочтениях. А. Моля отмечает, что культура формирует у человека «экран понятий», с помощью которого он сопоставляет свои восприятия внешнего мира. А. Моля противопоставляет гуманитарную и «мозаичную» культуры [1, С. 38]. Если у традиционной, то есть гуманитарной, культуры этот экран характеризовался сетчатой структурой геометрической правильности, то современная культура «мозаична», «потому что она представляется по сути случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов» [1, С. 112–113]. По утверждению А. Моля, «мозаичная» культура постепенно вытесняет гуманитарную. Очевидно, что после публикации книги А. Моля «Социодинамика культуры», тенденция, обоснованная ее автором, стала еще более заметной и влиятельной.

Однако со временем стали заметны и ограничения модели «мозаичной» культуры. А. Моля рассматривал этот феномен как фрагментацию именно поверхностей экранов культуры. Причем основным контекстом для выявления и интерпретации указанного типа дивергенции у А. Моля является социокibernетический подход и соответствующая ему преимущественно позитивистская парадигма рассмотрения социокультурных процессов.

Рассмотрим возможности «мозаичной» модели применительно к общекультурным и философским предпосылкам коммуникативных наук. При этом необходимо учитывать влияние на эвристический потенциал этой модели современных методологических стратегий, обусловленных неклассической рациональностью и рядом новых концептуальных идей, важных для трактовки социокультурных и эпистемологических феноменов.

Так, в исследованиях А. Я. Флиера акцент сделан на генеративных свойствах культуры, то есть на ее способности к постоянному формированию новых феноменов, их комплексных диспозиций и интеграций, которые в дальнейшем интегрируются в социальную практику [2].

Еще одним возможным дополнением «мозаичной» модели является концепция культурной прерывистости, которая может проявляться в виде следов от «взрывов» в культуре. Эти идеи были обоснованы Ю. М. Лотманом [3]. В его теории феномен «мозаичности» связан с изменчивостью языков культуры и динамикой семиосферы в целом. «Мозаичность», по сути своей, – это, образно говоря, «складки» и «переплетения» в тектонике разломов, пиков и впадин и сдвигов социокультурных пластов. Указывая на возможность многослойности семиотического пространства, Ю. М. Лотман предложил концепцию «смыслового взрыва», порождения нового через напряженное узнаваемое/неузнаваемое преодоление старого, «сближение далековатых идей» [3, С. 26–27].

Нетрудно заметить, что нечто подобное «взрывам» происходит и в эпистемологическом пространстве коммуникативных наук. Объективно они не могут

не испытывать влияния культурно-исторической динамики научной рациональности, научных революций и контрастной смены научных парадигм.

«Разрозненность» социокультурного пространства может быть также охарактеризована концепцией «не-мест». Понятие «не-место» в XX в. обосновал М. Оже. «Не-места» – это маргинальные городские территории и транспортные сооружения, скоростные магистрали и пересадочные узлы, аэропорты и вокзалы, объекты транспорта и крупные торговые центры. «Не-место» – это лиминальное пространство, которое невозможно определить однозначно. «Не-месту» присуща «плавающая» идентичность. М. Оже писал, что видимое увеличение личной свободы человека является причиной возникновения «не-мест», которые, однако, в свою очередь, выражают возрастающую пост-человеческую гомогенность урбанистической среды [4].

Оторванность от привычно очерченных мировоззренческих и концептуальных «ниш» можно наблюдать в положении коммуникативных наук в их социокультурном окружении. Подобно «не-местам» коммуникативные науки могут отличаться «плавающей» идентичностью, что находит выражение в неопределенности их научно-дисциплинарного статуса, а также к возникновению многочисленных транзитных зон во внутридисциплинарных и междисциплинарных взаимодействиях.

Таким образом, «мозаичность» – не просто перемешанность отдельных дискурсивных поверхностей. «Мозаичность» в каждом своем фрагменте объемна, стадияльна, слоиста и автопоэтична. «Мозаичность» – не беспорядок. Это одна из форм делящейся репрезентации неопределенности, атрибутивно присущей социокультурным процессам.

Конкретные проявления феноменов «мозаичности» социально-культурной сферы в философских предпосылках изучения социальной коммуникации могут быть показаны в различных вариантах диспозиций философии и коммуникативных наук (communication studies).

В логике продвижения от эпистемологической статики к динамике могут быть выделены субстанциональные и несубстанциональные варианты взаимодействия коммуникативных наук с их философскими предпосылками. Наиболее известный субстанциональный вариант находит выражение в философских основаниях науки. Философские основания, по теории В. С. Степина, наряду с картиной мира, а также идеалами и нормами научного познания входят в состав оснований науки в целом. Философские основания, обуславливая содержание картины мира и нормативно-ценностных аспектов научного познания, являются одним из условий включения научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи [5, С. 278–287].

Один из несубстанциональных вариантов возможных диспозиций философии и коммуникативных наук обнаруживается в разработанной Дж. Ло концепции «хинтерланда» (hinterland – внутренняя территория, территория специального обеспечения). Будучи представителем школы акторно-сетевой теории (АСТ), Дж. Ло рассматривает научное познание в формате эпистеми-

ческой и технической инженерии, основанной на взаимодействии объектов, выделяемых по признакам выполнения ими функций социальной активности (акторы, агенты, реляции и др.). В этом процессе результаты познания обеспечиваются непрерывной «пересборкой» средств исследования, совместной активностью, проявляемой сущностями отличным от классической реальности объектного ряда, когда знание, субъектности, факты, дискурсы производятся в результате «сливной» активности людей и «не-людей» (non-humans).

Наука, таким образом, предстает как сеть гетерогенных элементов, соединенных набором разнообразных практик, конгломеративных по своей природе. «Наука – это активность, предполагающая одновременное сочетание широкой палитры соответствующих литературных и материальных сборок. Наука – это координация подходящих и устойчивых хинтерлендов» [6, С. 65].

В коммуникативных науках проекция такого подхода актуализирует соединение с общекультурными контекстами в качестве ситуативной исследовательской философско-мировоззренческой рефлексии. При этом необходимо признать, что задача выявления философских хинтерлендов в отечественной коммуникативистике в систематическом виде зачастую не ставится, начиная даже с уровня выполнения студенческих квалификационных работ.

Продолжением характеристики несубстанциональных вариантов философских оснований коммуникативных наук и одновременно контекстов, связанных с усложненным представлением об объектном составе их социокультурной среды, являются взгляды исследователей, которые представляют заметную в современной философии традицию объектно-ориентированной онтологии.

Так, например, Б. Латур и Г. Харман актуализируют линию, связанную с укрупненным комбинированным пониманием объектной среды. Они обосновывают отказ от антропоцентризма в познании и онтологическую уравниность субъекта и объекта. Таким образом меняются представления о структуре эпистемологического пространства коммуникативных наук в целом. «Объекты – это спящие гиганты, берегущие свои силы и не проявляющие их все сразу» [7, С. 14].

Еще более сильные утверждения о конгломеративности, а следовательно, «мозаичности», эпистемологической среды коммуникативных наук предлагаются в концепции гиперобъектов Т. Мортон. Гиперобъекты отличаются экстраразмерностью и даже неизмеримостью относительно привычной нам среды познания. К ним относятся природные и социокультурные аттракторы и фракталы, макроявления и процессы, в которых перемешиваются самые различные экологии. Получается, что исследователь никогда не может охватить объект в целом и вынужден использовать интуицию и потенциал эстетического переживания процесса и результатов научного поиска [8].

Еще одним вариантом такого акцентировано «мозаичного» понимания пространства, в которое погружены коммуникативные науки, является онтология линейности, разработанная Т. Ингольдом.

Здесь, во-первых, «перемешанные», спутанные, онтологии представлены в виде переплетений линий. «Мы сотканы из линий... живых линий плоти...

Именно линии komponуют нас... Или, скорее, пучки линий» (Ж. Делен, Ф. Гваттари) [9, С. 253].

И, во-вторых, в добавление к уже охарактеризованным концепциям, в начертании объектов и узоров новой конгломеративной объектной среды выделяется не только формальное следование уже готовым траекториям, но и проживание этих линий и траекторий, наделение их человеческими и культурными смыслами.

Таким образом, на основе новейших философских идей мы получаем возможность дополнить картину включения коммуникативных наук как части научного познания в сложно интерпретируемую, качественно обновляемую по своему объектному составу эпистемологическую среду.

Осознание динамично изменяющейся социально-культурной «мозаичности» и ее частных приложений создает потребность в построении, в противовес проявляющейся энтропийности, интегративных методологических подходов, адаптивных к системной социальной сложности. При этом интеграция здесь нечто большее, чем согласованное поведение отдельных индивидов и социальных групп. По Н. Луману: «Интеграция – это ограничение степеней свободы (возможности выбора в горизонте) частной системы и охватывающей системе общества. Речь идет о взаимной координации систем и их подстройке друг к другу». [10, С. 31]

Наряду с другими формами интеграции (смешение, интеракция, продуктивное взаимодействие) в теориях социальной коммуникации и прикладных коммуникативных практик может быть также применен кооперативный подход для «схватывания» и эпистемологической «адсорбции» общих, обеспечивающих динамику коммуникативных наук, идей и понятий.

В свою очередь, наиболее развитому уровню интеграции и кооперации соответствует конфигурация, где все составляющие процесса системного движения становятся взаимосвязанными и взаимодополняющими единицами, взаимодействие которых адаптировано к конкретной практической ситуации. Кооперация и конфигурация являются характеристиками интеграционного подхода к восприятию, описанию и эпистемологической прагматизации актуальных философских предпосылок коммуникативных наук.

Источники:

1. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
2. Флиер А. Я. Культурогенез. М., 1995.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. М.: СПб, 2004.
4. Оже М. «Не-места». Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛЮ.: Studia Urbanica, 2017.
5. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Ло Дж. После метода. Беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

7. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
8. Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. И. Абраменко. Пермь М.: Гиле Пресс, 2019.
9. Ингольд Т. Линии: краткая история. пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.
10. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007

S. V. Klyagin (Russian State University for the Humanities);

E. V. Sachkova (Russian State University for the Humanities);

A. I. Kurenkova (Russian State University for the Humanities)

ON THE PHILOSOPHICAL ASSUMPTIONS' MOSAIC REFLECTION IN THE COMMUNICATION STUDIES FIELD

The article deals with the descriptive version of the actual philosophical premises of the communication studies. The idea of “mosaic culture” is initially put forward in the paper to emphasize the fundamental intricacy of the heterogeneous state of the socio-cultural environment of scientific cognition. The suggested conceptual framework is elaborated in the contexts of a number of the latest methodological approaches (culturology theories, ANT, concepts of object-oriented ontology, complexity theory). The authors propose a variant of the cooperative approach to integrate the runaway and randomly “mixed” philosophical premises in the field of communication studies.

Philosophy, communication, culture, mosaic culture, communication studies, integration, cooperation, configuration

УДК 316.7

С. Г. Коленько (Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: st002788@spbu.ru);

Г. С. Коленько (Институт энергетики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, e-mail: gidrat@mail.ru)

СУВЕРЕНИТЕТ И ЯЗЫК

Понятие «суверенитет» приобретает сегодня глубоко-личностное значение. Солидарность с тем курсом, который проводит верховная власть в России, требует от человека не только действий, поступков, но и анализа и корректировки собственного образа жизни, в том числе собственной языковой культуры. Сохранение русского языка предстает сегодня задачей государства и каждого его гражданина в отдельности.

Суверенитет, русский язык, англицизмы, СМИ, мода, идеология, мягкая сила, глубинный народ, идентичность

На недавно прошедшем форуме «Россия зовет» из уст нашего президента прозвучало слово «суверенитет», и это, конечно же, не новость, поскольку тема государственного суверенитета проходит красной нитью во всех последних выступлениях В. Путина. И все же это слово прозвучало несколько неожиданно, заиграв новыми гранями смыслов: в контексте ситуации оно приобрело вдруг глубоко-личностное значение. Ситуация – в нескольких словах – была такова: один из гостей, приглашенных на форум, немец, задал вопрос В. Путину на английском языке. В. Путин не пропустил этого и задал гостю встречный вопрос: почему Вы, немец, задаете вопрос по-английски? Где же Ваш суверенитет? И, спустя некоторое время, Владимир Владимирович опять вернулся к этой теме и поделился воспоминаниями о том, как когда-то был на дне рождения у канцлера Герхарда Шредера, и там многие гости говорили по-английски, хотя в этом не было необходимости, и детский хор для создания приятной атмосферы тоже пел песенки на английском языке [1].

Так, невзначай, ненамеренно (хотя, впрочем, это присуще дипломатическому стилю нашего лидера), была задета очень чувствительная струна, заставившая встрепенуться тех, кому не безразлична эта тема. И в ответ – целый вал собственных впечатлений, недоумений, примеров из нашей собственной – российской – повседневности. Мы включаем телевизор в пятницу вечером, когда уставшие от трудовой недели люди собираются в кругу семьи – и получаем обильную порцию песенок на английском языке, которые самозабвенно исполняют наши российские юноши и девушки, прилежно подражая манерам и мельчайшим голосовым вибрациям своих заокеанских кумиров. Когда им удастся действительно точь-в-точь воспроизвести оригинал, они встречают не менее са-

мозабвенный прилив энтузиазма среди устроителей – членов жюри этого популярного конкурса. Хотя обсуждают очередную «победу» эти англоманы почему-то на русском и, кажется, мало понимают и самый смысл пропетых песен. Это только один канал (федеральный!), а подобных конкурсов и музыкальных шоу на наших телеканалах немало. А сколько англоязычных вывесок на улицах наших городов и весей, надписей на груди и на спине, на обуви, на кепке, на сумке, на собственной коже! Как засорена английскими словами наша речь!

Кажется, стадный инстинкт (быть таким, как все!) подавляет индивидуальность человека вплоть до потери всякого чувства юмора – ведь нельзя не видеть, как эта мода убога и смешна. И хотя у нас в 2023 году был принят закон, регулирующий употребление иностранных слов, решительных действий в наведении порядка в области языка не чувствуется. Возможно, существует отношение к этой англомании как сиюминутной и скоропреходящей моде. Возможно...но только с поправкой – если бы все это происходило в мирное время. Но когда ежедневно тысячами гибнут русские люди по ту, и по другую сторону фронта в гражданской войне, навязанной нам англоязычным Западом, подобная «мода» оскорбительна и кощунственна, и она не может не царапать совесть сидящих у экрана телевизора людей.

Задевает и раздражает не столько сама мода на английское (на радио масса каналов транслирует английскую и американскую поп-музыку), сколько именно это подражательство, желание быть как две капли воды похожим на оригинал, раболепно-заискивающая позиция – по отношению к кому? К тем, кто убивает наших воинов – лучших из лучших сынов России, вышедших навстречу врагу «за други своя»? К тем, кто убивает наших мирных людей, чьи дома, волею судьбы, оказались в зоне боевых действий? Почему этим молодым людям спеть русскую песню на своем родном языке кажется чем-то непрестижным, второсортным, слишком простым?.. Когда-то мода на французский язык закончилась для нас нашествием французов в 1812 году... История повторяется, только теперь вместо французского – английский. А мы все никак не хотим выучить этот урок истории: если ты ставишь чужое (чужую культуру, чужой язык) выше своего, ты уже добровольно отказываешься от своего суверенитета: зависимость духовная, культурная порождает зависимость физическую. Мечтательность прокладывает путь жесткой реальности, которая отрезвляет мечтателя.

Да, пожалуй, это слово – мечтательность – характеризует то свойство человеческой психики, которое позволяет играть на ней нашим врагам. Оно позволяет внедрять в нее образ благополучно-потребительской западной жизни через СМИ, особенно через рекламу. Этот образчик – та самая пресловутая «мягкая сила», которая выращивает на благодатной почве нашей мечтательности те идеалы, которые выгодны им, которые выводят в итоге толпы обманутых на улицы – с требованием немедленно присоединиться к этому земному раю (читай: к Евросоюзу, к НАТО). Именно эта мечтательность о земном рае – Западе – есть причина массового появления английских слов в

нашей речи, это корень, первопричина зла. Само же зло – коверканье русского языка иностранными словами – лишь следствие, и это болезнь, которую надо лечить не иначе как устранив его причину.

Помнится, в советское время пели такую песню: «Мечтать, надо мечтать детям орлиного времени...». «Надо мечтать» – это слова Ленина из его работы «Что делать». И советские люди действительно мечтали. Это была мечта о коммунизме – царстве всеобщей справедливости и спокойной мирной (после революций и войн) жизни. Эта мечта была реальной силой, которая позволяла строить города и заводы, прокладывать дорогу в космос, которая создала ядерный щит и заставила считаться с собой. Хищные акулы западного капитализма могли только щелкать в бессилии зубами, но не могли ничего поделывать, покуда эта сила – мечта о коммунизме – была жива. Но эта мечта разрушилась. Россия замерла в растерянности. И вечные ее враги взялись за дело.

Мечтательность – свойство человеческой природы, которое требует объекта – мечты. На место советской идеологии – коммунизма – была внедрена идеология западная: красивая яркая безбедная и сытая жизнь в капиталистическом обществе. За мечтой последовало действие – мы действительно начали встраиваться в этот западный мир, строить у себя капитализм на государственном уровне, впитывать в себя западные ценности. Мы перестроили по их лекалам свое образование, науку, мы почти уничтожили свою промышленность, мы отказались от своих самолетов, от военных училищ и академий, мы чуть не лишились своей армии... Но тут наш враг решил, что пора переходить от мягкой силы к жесткой, и ... началось наше отрезвление.

Однако, отрезвление, как оказалось, – процесс неоднородный. Он показал, что в обществе существует большое расслоение. Одни – это глубинный народ, бóльшая и лучшая его часть – с облегчением восприняли перемены (решительные встречные действия с нашей стороны) как возвращение к самим себе, к собственной сущности (идентичности), к мечте о справедливости – несмотря на испытания и жертвы на этом пути. Другие, считающие себя элитой, упорно не хотят сдавать позиции и держатся за приобретенные во время «безвременья» богатство и влияние. Эта надстройка держится за свою мечту о западной жизни, хотя и ее кое-у-кого подтачивает червь сомнения ввиду все более обнажающихся в своем истинном виде западных «ценностей». Процесс отрезвления идет, как мы видим, с двух сторон: снизу, из толщи глубинного народа, и сверху, от верховной власти; в середине происходит торможение, которое рано или поздно будет преодолено. Оздоровительный процесс уже приносит свои плоды: это выражается в освобождении от ложных установок, например, от догматов о приоритете международного права над национальным, о необходимости членства во Всемирной торговой организации и т.п. Он неизбежно упразднит либеральный управленческий стиль, когда распоряжения высшей власти могут безнаказанно игнорироваться нижестоящим уровнем, он поставит многое на свои места и, конечно, кос-

нется и таких атрибутивных вещей как мода, в том числе и мода на англицизмы в русском языке.

Однако очищение русского языка, восстановление его богатства требует, по мнению философа Александра Дугина, специальных усилий. Ведь язык формирует сознание, картину мира. «Язык и есть душа культуры, наша идентичность. Это не инструмент, это мы сами. Это наша сущность. Поэтому так важно учить свой собственный язык – непрерывно с младых ногтей до поздней осени нашей жизни» [2]. Учить детей родному языку – это священная обязанность прежде всего родителей, считает Александр Гельевич, не менее важная чем накормить их. Надо «прочитать ребенку или заставить читать его самого Пушкина и Достоевского, Брюсова и Цветаеву, Северянина и Шолохова. И объяснять слова и фразы, выражения и мысли мы просто обязаны. Иначе прервется духовная жизнь народа. И что же достанется нашим внукам? Обесцененные огрызки псевдоречи, упрощенная знаковая система для общения даунов...» [2].

Александр Дугин не останавливается на необходимости изучать свой язык, он идет дальше, утверждая, что мы должны создавать свой суверенный цивилизационный язык: «Пора менять язык. На либерально-глобалистском языке западного капитализма – бизнес, инвестиции, конкуренция, либерализация, борьба с инфляцией, регулирование процентной ставки, рост биржевых показателей, новые рынки и т. д. – ничего содержательного сказать невозможно. В каждом термине, понятии, на первый взгляд чисто технологическом решении – заложен подвох, субверсивная идеология, мина. Язык структурирует мир, фактически его создает. Назвать вещь по-другому, значит, изменить ее. Это будет уже новая вещь. Нам нужны новые словари, основанные на русских смыслах и русском мировоззрении. И так следует говорить и власти, и народу, и ученым, и правителям. Нельзя воевать с Западом и одновременно сервильно подражать ему» [3].

Параметры суверенного языка определяются, по Дугину, представлением о человеке: «У нас совершенно другое представление о человеке. В каждой культуре, в каждом языке существует свой человек. Существует человек исламский, существует человек китайский, западно-европейский – это такой постгендерный, переходящий в искусственный интеллект, в мутанта, в киборга. Оселок трансформации и освобождения. Он освобождается от всех форм коллективной идентичности – в этом его цель, его задача – перестать иметь религию, нацию, общность, потом пол, а завтра – принадлежность к человеческому роду, и это и есть программа западно-европейского языка. [...] но русский человек, во-первых, конечно, соборный – это самое главное. Не индивидуум. Для нас человек – семья, род, народ, отношения с Богом, личность. Не индивидуум, но личность» [4].

Александр Гельевич справедливо замечает, что значение языка сходно чувствуют и верховная власть, и простые люди. В подтверждение этого вывода хочется привести красноречивые строки одного письма, процитированного политологом Николаем Стариковым:

«Уважаемый Николай Викторович! Причиной моего обращения к Вам послужило желание донести свое неприятие ситуации, сложившейся вокруг одного из главных символов России – флага РФ. Дело в том, что я не понимаю, на каком основании наши СМИ, политики и многие граждане (наверное под влиянием СМИ), с пугающей настойчивостью и со странным постоянством, (и даже неким восхищением) упорно называют наш флаг российский „ТРИКОЛОР“!? Неужели этот „англицизм“ режет только мой слух? Что за радость, в угоду чему надо ломать свой язык? Почему красиво и просто по-русски не сказать „ТРЕХЦВЕТНЫЙ ФЛАГ“? Разве не звучит? Почему радуга у нас, слава Богу, по-прежнему „семицветная“, а не „семиколорная“? Ведь и в Конституции РФ флаг описан как состоящий из трех ЦВЕТОВ (Ст. 181 Конституции РФ и Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 1-ФКЗ ст. 1). Почему цвета у нас „разноцветные“, а не „разноколорные“, а флаг стал „Триколор“? В русском слове „цвет“ слышатся слова „свет“, „цветение“, т. е. если флаг „трехцветный“, то он „светит“ тремя цветами! Он „цветет“, излучая трехцветный Свет! А если разобрать этимологию слова COLOR, то в изначальном смысле это „ПОКРЫТИЕ“. Получается, „триколор“ это нечто трижды „покрытое“. Судите сами, что красивее и правильнее» [5].

Источники:

1. Путин назвал суверенитет самым важным. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/20241204/494512putin_nazval_suverenitet_samym_vazhnym?ysclid=m4vqftoc1903655843 (дата обращения: 19.12.2024)
2. Александр Дугин: Язык – это душа культуры, наша идентичность, это мы сами, это наша сущность. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-jazyk-jeto-dusha-kultury-nasha-identichnost-jeto-my-sami-jeto-nasha-sushh-nost_32069?ysclid=m4u9w21b2k246-869218 (дата обращения: 19.12.2024)
3. Александр Дугин. Пора менять язык. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/pora_menyat_yazik (дата обращения: 19.12.2024)
4. Александр Дугин. Нам нужен суверенный язык. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik?ysclid=m4u8elcsan-89253-4077 (дата обращения: 19.12.2024)
5. Суверенитет со всех сторон. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-27474285_48433?ysclid=m4ehqu7nak684835933 (дата обращения: 19.12.2024)

S. G. Kolenko (Institute of Philosophy, St. Petersburg State University);

G. S. Kolenko (Institute of Energy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

SOVEREIGNTY AND LANGUAGE

The concept of "sovereignty" today acquires a deeply personal meaning. Solidarity with the course pursued by the supreme power in Russia requires from a person not only actions, deeds, but also analysis and adjustment of his own way of life, including his own language culture. Preservation of the Russian language today appears to be the task of the state and each of its citizens individually.

Sovereignty, Russian language, anglicisms, media, fashion, ideology, soft power, deep people, identity

УДК 168.522

Н. С. Колобов (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: nikita.kolobov.2001@mail.ru)

ПАМЯТЬ БЕЗ ОСТАНКОВ: ЛИКВИДАЦИЯ СУБСТРАТА

Рассматривается трансформация практик памятования в условиях цифровой эпохи. Основное внимание уделяется изменениям, происходящим в процессе взаимодействия общества с прошлым через призму цифровых технологий. Рассматривается влияние цифровизации на социальные и культурные аспекты человеческой памяти, включая смену традиционных методов коммеморации и их модернизацию посредством новых технологических возможностей. Особое внимание уделено процессу «цифрового поворота» в гуманитарных науках, при котором цифровая реальность становится неотъемлемой частью социального пространства. Автор анализирует, каким образом цифровизация меняет способы сохранения и передачи коллективной памяти, подчеркивая роль цифровых платформ и сетевых технологий в формировании новой социальной реальности. Также затрагивается проблема исчезновения аналоговых носителей памяти и замены их цифровыми аналогами, что ведет к изменению восприятия прошлого и настоящего.

Коммеморация, память, сеть, цифровизация, софт, программа

Прошлое никогда и нигде не передается просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздается, конструируется и реконструируется из социальной реальности. Прошлое не прошло. Это время мест, это тот момент, когда огромный капитал наследия, который мы переживаем в интимности памяти, исчезает, чтобы ожить снова в теле репоста под взглядом восстановленной сплоченности. Под натиском цифры изменяется практика допуска в социокультурную реальность, меняются практики включения ушедших в культурный ансамбль. Памятование начинает фундаментализироваться цифрой: технологические способы коммеморации меняют устоявшиеся методы и формы общественной актуализации памяти, трансформируют базовые антропологические конститутивы. Инкорпорирование технологического во все сферы общественной жизни влияет на способы взаимодействия с территорией памяти. Цифровое намерено протезировать методы напоминания. Такой процесс не проходит безболезненно, ведь модификация происходит как внутри, так и снаружи. Не только человек наличествует в цифре, но и цифра в человеке. Цифровое вторгается в методы и технологии человеческого существования. По этой причине исследование цифровизации памяти как феномена, модернизирующего практики памятования, требует изучения не только технологических процессов, но и циркулирования социокультурного пространства как такового. В том числе в связи с тем, что само пространство

претерпевает значительные изменения под влиянием цифровых технологий, масштабируя нашу социальность за счет социальных сетей, социальных медиа и других цифровых инструментов. Важным рубежом в проживании памяти является достижение цифрового поворота. Суть цифрового поворота в гуманитарных науках заключается в признании того, что цифровая реальность стала синонимом социальной [2, С. 7]. Цифровое производит социальное, а социальное – цифровое. И этот процесс не имеет конца, ведь нам всегда есть что добавить к себе и тем самым пополнить архив big data. Интерес вызывает не столько сама процедура регистрации действий в сети, сколько процесс чтения форматов хранения памяти.

Летопись цифрового присутствия – это самая подробная расшифровка нашей жизни в сети, и жизнь в сети – это не афоризм; виртуализация повседневности приводит к тому, что реальная реальность становится менее посещаемой, чем виртуальная реальность. Присутствие в повседневности исчисляется экранным временем. Наше со-действие в сети сопровождается не только персональной расшифровкой информации, которая представлена, но и тем, что сама инфраструктура должна уметь распознавать и читать те форматы, которые мы хотим открыть. В сети мы сталкиваемся с тем, что информация не явлена; ее необходимо преобразовать с помощью софта – программы, которая знает язык. Это приводит к тому, что все, что есть в сети, существует только тогда, когда транслируется. Процедура обращения к памяти начинает обрабатывать не только медиальными посредниками, но и той программой, на которую заточен медиум. Обращаясь напрямую к аналоговому памятнику, я сталкиваюсь с социальными рамками памяти, с социально санкционированной базой воспоминаний, с его постоянным присутствием. В тот момент, когда медиум обретает «чтение», мой опыт подвергается двойному скручиванию: возможность встречи зависит от того, способен ли на это софт. Мы сталкиваемся с тотемизацией сервиса, взываем к программе, чтобы она «увидела» и дала ответ на запрос. Обращаясь к визуальным практикам Розы Менкман, голландского теоретика искусства, куратора и художника, стоит отметить ее работу в области теории разрешений «Крах PAL». Она исследует, как старые носители работают с новыми цифровыми протоколами. Дело в том, что повреждения в сети уничтожают артефакт. В отличие от цифрового памятника, классический подвержен старению; он изначально становится собственным останком. Сеть же, в свою очередь, не подразумевает естественное разрушение. Память в сети организуется по типу тела без органов, она интенсифицируется в своем неограниченном проявлении, может принимать беспрецедентные формы в отличие от канонического монументального памятника, который завершён в своем становлении. Разрешение и качество выводимой картинке жонглируют воспринимаемым субстратом, тем самым разрушая его общность с самим собой. Проективная способность цифровых памятников убивает их однородность, и это справедливо замечает Борис Гройс в работе «Политика поэтики»: «В рамках современной культуры изображение постоянно перемещается с одних ме-

диа на другие и из одного закрытого контекста в другой» [1, С. 311–315]. Изображения постоянно трансформируются, перезаписываются, редактируются и в процессе распространения по сетям, и на каждом этапе они претерпевают визуальные изменения. Статус места памяти как "места" становится современной культурной условностью; в цифровом пространстве конкретность размещения не подразумевает конкретность размещаемого, она лишь провоцирует имманентное становление располагаемого в сети объекта памяти. Переходя по одной и той же ссылке с разных устройств, мы лишь отчасти сталкиваемся с одним и тем же, наши способы выведения изображения могут решительно отличаться в зависимости от наших операционных систем. В свою очередь, музеи, архивы, коллекции, монументы – все эти ценности – свидетели другой эпохи, удержания вечности. Ощущение переживаемой вечности есть вечное возвращение одного и того же – как единственный возможный путь мыслить бессмертие после смерти причастности. Места памяти, в которых мы больше не живем, но сожительстваем. Эти места не имеют референции в реальности – это трансфер ощущения подконтрольного вовлечения, каждый, кто встречается с условием для возникновения памяти, созерцает похищенную у него способность свидетельства.

В этом контексте, цифровая среда создает иллюзию стабильности, однако на деле каждое взаимодействие с памятью оказывается уникальным событием, зависящим от множества факторов – от устройства до контекста доступа. Место памяти в цифровой культуре становится своего рода фантомом, призраком, который проявляется лишь через акты интерпретации и воспроизведения. Музеи, архивы и памятники остаются символами прошлого, попытками зафиксировать неизменное в мире, где все подвержено изменениям. Но в современном мире даже сама идея «неизменности» подвергается сомнению, ведь каждая копия, каждый доступ к информации привносит свои нюансы, меняя исходную картину. Современные цифровые технологии и интерфейсы мыслятся поколениями: переслать информацию с аппаратов и программного обеспечения одного поколения на носители другого поколения означает существенно ее изменить. В такой ситуации утрачивается возможность возвращения одного и того же, мы не в состоянии закрепить статус оригинальности или копии вещи. Проекционная сущность цифры решительно изменяет топографию мест памяти. Способы изображения на плоскости варьируются в зависимости от их способа извлечения. Таким образом, цифровая реальность формирует новую парадигму темпорального восприятия. Мы вступаем в эпоху, когда сами понятия «сакрального» и «профанного» претерпевают трансформацию, становясь частью виртуального ландшафта, который постоянно меняется и адаптируется к новым технологиям. Виртуальная среда предлагает нам иллюзию устойчивости, но за этим фасадом скрываются постоянные трансформации, обусловленные нашими техническими возможностями. Каждый раз, когда мы обращаемся к цифровому объекту, он предстает перед нами в новом свете, и этот процесс делает невозможным.

Источники:

1. Политика поэтики: [сб. ст.] / Борис Гройс. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
2. Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2023.

N. S. Kolobov (Saint Petersburg State University)

MEMORY WITHOUT RESTRAINTS: SUBSTRATE ELIMINATION

The transformation of memory practices in the digital age is examined. The focus is on changes occurring in society's interaction with the past through the lens of digital technologies. The impact of digitization on social and cultural aspects of human memory is considered, including the shift from traditional methods of commemoration to their modernization using new technological capabilities.

Commemoration, memory, network, digitalization, software, program

УДК 316.772.5

А. Ю. Колянов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kolianov@gmail.com)

ТЕХНОСЕМИОТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Для современного мира характерно соревнование между странами за технологическое лидерство. В этот процесс помимо государств, транснациональные корпорации, научные организации и другие участники. Разобраться в том, как техника взаимодействует с нашим сознанием и меняют сложившиеся значения социальных и политических практик – сложная научная задача. На наш взгляд, задача разработки научной парадигмы, охватывающей сферу соприкосновения человека, общества, но и технологии (вообще, не только цифровой, но как материального объекта или как деятельности, то есть способа, метода и т. д.), на данный момент остается нерешенной. Мы ориентируемся на разработку техносемиотики как трансдисциплинарной теоретической модели и эмпирического ресурса.

Семиотика, технологии, техносемиотика, общество, социальные науки, техника, приоритеты развития, методология

Непрерывный рост производства и технологическое развитие являются безусловными приоритетами государств всего мира. Эти процессы отражаются в социальной динамике.

На внешнем уровне техника и технологии – политический ресурс недалекого будущего, который разделит страны, общества на активных технопроизводителей и пассивных зависимых технопотребителей. На внутреннем уровне технологическое развитие ведет к цифровизации политики и вовлечению граждан в социотехническое взаимодействие с ресурсами государства (цифровизация государственных сервисов, обеспечение гражданского диалога, «лифты» для социальной активности граждан, лояльность отечественным технологиям и др). Все это должно способствовать формированию социальных связей, создающих в обществе атмосферу сплоченности и сопричастности реальному социально-политическому процессу.

В 2023 году в нашей стране была утверждена Концепция технологического развития, которая предполагает, что к началу четвертого десятилетия XXI века Россия будет иметь собственную научную, кадровую и техническую основу разного рода технологий.

Информационное агентство ИТАР-ТАСС 28 февраля 2024 года сообщило, что Президент Российской Федерации В. В. Путин определил приоритеты России в науке и технологиях на 10 лет [1]. К этим приоритетам относится в том числе «эффективный ответ российского общества на большие вызовы с

учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований, связанных с этическими аспектами научно-технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений». Затем в июне того же года Президентом был подписан Указ «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий», в котором в списке приоритетных направлений научно-технологического развития отмечается необходимость укрепления социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования.

Очевидно, что результаты такого интенсивного социополитического и технологического развития не могут быть безликими эмоционально нейтральными объектами: только экономическая отдача способна дать реальный положительный эффект от запланированных действий. Возникает потребность в новых научно обоснованных методах и инструментах, помогающих выстроить коммуникацию с техническими системами.

Сложность предметных областей, изучение которых необходимо для интеграции техники в социальное взаимодействие, требует объединения ресурсов научных дисциплин из разных сфер.

Актуальной задачей представляется разработка интегративных/междисциплинарных теорий среднего уровня. Мы считаем, что действенным представляется обращение к семиотике, одной из научных дисциплин, ставшей в XX веке мостом, связывающим точные и гуманитарные науки. Мы же ориентируемся на разработку техносемиотики как трансдисциплинарной теоретической модели и эмпирический ресурс [2]. На наш взгляд, задача разработки научной парадигмы, охватывающей сферу соприкосновения человека, общества, но и технологии (вообще, не только цифровой, но как материального объекта или как деятельности, то есть способа, метода и т. д.), на данный момент остается нерешенной. На современном этапе своего развития семиотика может предложить аналитические инструменты для скрупулезного изучения техники и технологи. Фундаментальная предпосылка семиотического подхода к техническим системам заключается в том, что они могут быть проанализированы с помощью основного концептуального инструмента семиотики, а именно общей теории знаков. Цель семиотики – изучение «логики» знаков и «факторов» семиозиса – процесса создания и интерпретации знаков. Семиозис, движущей силой и опорой которого являются знаки, сам по себе представляет сложное явление. В самом общем виде знаки – это носители смысла, а семиозис – это смыслотворчество, то есть одновременно и конструирование нового смысла знака, и восприятие или рецепция уже существующего знака.

Эффективность применения семиотического анализа к техническим системам зависит от того, насколько успешно мы сможем применить семиотическую категорию значение к технике и изучить процесс формирования этого

значения и его текущую структуру. Сложность заключается в том, чтобы развести моделирование или интерпретацию технических систем и рассмотрение техники как семиотического феномена. То есть, мы можем с помощью семиотики исследовать, как отдельные технические артефакты обретали разные смысловые характеристики с развитием обществ и уровня техники или рассматривать технику, например, как элемент актуальности или конкретного исторического периода (паровые машины – элемент викторианской эпохи в Англии, смартфон – атрибут постиндустриального общества, цифровой эры, глобализованного мира). На самом деле технические системы семиотически амбивалентны, что делает их анализ с использованием инструментов семиотики одновременно сложным и увлекательным.

Принципиальным является то, что семиотика техники существует и развивается в контексте непрерывного технического прогресса. И здесь возникает интересное противоречие. Техника материальна, она имеет количественные и качественные ограничения, преодолеваемые усилиями человека в сфере науки, инженерии и так далее, а язык – основной инструмент оперирования знаками, с помощью которого мы присваиваем знакам смыслы, – нематериален, а следовательно бесконечен. Технические и языковые системы, таким образом, существуют в условиях энтропии, следовательно, исследовательская задача заключается в поиске соприкосновения этих систем.

В истории семиотики разными учеными предлагались инструменты семиотического анализа. Они могут быть найдены в трудах Чарльза Сандерса Пирса, Фердинанда де Соссюра, Умберто Эко и Эрнста Кассирера. Практическое применение их моделей, которые так или иначе затрагивают проблемы семиотики техники, заключается в наложении специфической сетки на технику и технологии как тотальный феномен и выявлении уникальных особенностей технологических структур и процессов. При этом у каждого такого фреймворка есть свои преимущества для семиотического анализа технических систем.

Чарльз С. Пирс, американский ученый, на основе логики предложил для семиотики философскую основу, разделив знаки на три больших класса: иконы, индексы и символы. Это разделение основано на том, как знаки связаны с объектами, которые они описывают. Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» разработал лингвистическую модель, с помощью которой язык понимался как семиотическое явление, основанное на динамической системе различий. При этом де Соссюр предполагал, что его модель будет применима и к другим семиотическим – или, в его терминах, «семиологическим» явлениям, к которым можно отнести и технические системы. И, наконец, немецкий философ Эрнст Кассирер, чья книга «Философия символических форм» является одним из центральных текстов философской семиотики, разработал модель триадической схематизации форм смысла, включающую три уровня: экспрессивный, репрезентативный и означающий.

Наша гипотеза заключается в том, что взаимодействие социальных, политических и технических систем производит язык, имеющий семиотические

признаки (семантика, синтаксис, прагматика), и участвующий в формировании социокультурных кодов. Техносемиотический подход сосредоточен на исследовании того, какие коды и сигналы используются в технологиях, насколько они эффективны в коммуникации и к каким результатам они приводят в социальных, политических и культурных контекстах. Изучать динамику социополитических кодов перспективно с помощью инструментов техносемиотического анализа. К ним относятся: диахронический принцип, теория аутопоэзиса и модель палимпсеста. Одним из методов техносемиотики является технобиологический или техноархеологический анализ, суть которого заключается в поиске, анализе и сравнении особенностей развития отдельных технических узлов и целых технических систем в контекстах социальных и политических изменений.

Таким образом, техносемиотика, будучи междисциплинарной исследовательской парадигмой, для социальных наук представляет ресурс, который является не только методологией, но еще и способом интерпретации реальности.

Источники:

1. ИТАР-ТАСС «Путин определил приоритеты России в науке и технологиях на 10 лет» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/20108329> (дата обращения: 11.01.2025)

2. Колянов А. Ю. Российские технологии будущего: техносемиотический аспект // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2024): Труды XXI Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2024. Т. 1. С. 177–181.

A. Y. Kolianov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

TECHNOSEMIOTIC RESOURCES IN THE SOCIAL SCIENCES

The modern world is characterized by competition between countries for technological leadership. In addition to states, transnational corporations, scientific organizations and other participants are involved in this process. It is a complex scientific task to understand how technology interacts with our consciousness and changes the established meanings of social and political practices. In our opinion, the task of developing a scientific paradigm covering the sphere of contact between man, society, but also technology (in general, not only digital, but as a material object or as an activity, i.e. a method, a technique, etc.) remains unsolved at the moment. We focus on the development of technosemiotics as a transdisciplinary theoretical model and empirical resource.

Semiotics, technology, technosemiotics, society, social sciences, technology, development priorities, methodology

УДК 001.1

О. М. Корчажкина (Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, e-mail: olgakomax@gmail.com)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАСШИРЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье обсуждаются философские аспекты расширения научного знания на трех этапах развития наук и технологий – классическом, неклассическом и постнеклассическом. Каждый из этапов характеризуется онтологическими, эпистемологическими и методологическими компонентами философского осмысления научного знания. Основное внимание уделяется нормативно-эпистемологическим, методологическим и прогностическим факторам расширения знания как новому сложносистемному пониманию знания в условиях постнеклассической рациональности и в ее сопоставлении с предшествующими классическим и неклассическим этапами.

Классический, неклассический, постнеклассический этап развития науки, научное знание, философия научного знания, научная рациональность

Введение

Задача науки – предоставлять исследователю надежные, достоверные и методологически обоснованные способы получения объективного и практически полезного знания, которое в своей динамике следует в русле необходимых на данном этапе цивилизационного развития культурно-исторических особенностей и ценностных ориентирах общества.

Динамика развития научного знания, в результате чего происходит его расширение, зависит от множества факторов. Если в классический период истории цивилизаций (античное время – эпоха Просвещения – Новое Время) развитие науки всецело определялось как научным интересом, так и потребностями практики и осуществлялось преимущественно на уровне содержания исследуемых объектов, то по мере перехода к неклассическому этапу развития наук и технологий (первая половина XX века – конец XX века) к упомянутым аспектам развития научного знания прибавились внутринаучные познавательные цели и идеалы, а также социальные факторы и возрастающие промышленные и экономические потребности общества [1, С. 262].

Начало XXI века ознаменовало прочный переход к новому этапу научной рациональности – постнеклассическому этапу развития наук и технологий (по классификации В. С. Степина [2-4]), наступление которого предсказывалось учеными еще в начале 1970-х годов (см., например, [5, С. 64–65]: «Наш путь лежит к новым, еще не открытым берегам. И мы полагали, что все мы движемся по отдельности. Однако <...> теперь мы уже понимаем, что все мы плывем на одном корабле <и> этим мы обязаны науке. И наше будущее

зависит от того, как мы воспользуемся тем могуществом, которое рождено наукой»).

Философские основания науки как контекст научных исследований

Зарождение философии науки относится к Викторианской эпохе в Англии (конец 1830-х годов – начало XX века), когда «наука и осмысляющая ее философия возникли как профессиональные области деятельности» [6, С. 332]. С того времени началось становление философских оснований научной деятельности и научного знания, которые включают в себя онтологические (изучающие фундаментальные принципы бытия), эпистемологические (изучающие знание как таковое) и методологические (изучающие организацию научной деятельности) компоненты, являющиеся «одинаково значимыми элементами когнитивного фундамента науки» [1, С. 258].

Можно выделить следующие основные компоненты философских оснований научного знания, относящиеся к трем этапам научной рациональности (по материалам [1, С. 259–268; 2; 3, С. 427–477; 7, С. 28]):

1) главный научный принцип: отношение «объект – истина»

- *классический этап*: все явления вызываются причинами и оцениваются в соответствии с законами классической механики (взаимно-однозначное соответствие: один объект – одна истина);

- *неклассический этап*: сосуществование в одном объекте нескольких истин, дополняющих или противоречащих друг другу; ценность как однозначного, так и вероятностного знания;

- *постнеклассический этап*: отсутствие четких гарантий истинности, что требует особой тщательности в выборе методологии исследования и доказательства достоверности гипотез;

2) структура (уровни) научного знания

- *классический этап*: единообразная структура, подчиняющаяся единой схеме из двух уровней: чувственного (наблюдений и экспериментов) и эмпирического (научных фактов и законов);

- *неклассический этап*: плюралистическая структура – качественно неоднородная по содержанию, форме и выполняемым функциям; состоит из четырех уровней: чувственного, эмпирического, теоретического (знания об идеальных объектах) и метатеоретического (фундаментальных теорий);

- *постнеклассический этап*: неопределенная структура как часть более обширного не до конца отрефлексируемого контекста, однако имеющая системный характер и легитимизирующая методологический плюрализм в современной науке;

3) методология научного познания

- *классический этап*: монизм (единоначалие): эмпиризм, рационализм, априоризм;

- *неклассический этап*: каждый уровень научного знания (познания) имеет собственную «узаконенную» общими правилами методологию;

- *постнеклассический этап*: субъектно-объектный характер методологии,

выбираемый исследователем, как субъектом научного познания, с учетом взаимодействия с природными и социальными объектами, а также ценностными компонентами знания;

4) научный метод и критерий истинности

– *классический этап*: один универсальный для всех наук метод достижения и подтверждения абсолютного знания; критерии истинности: объективность, универсализм, достоверность, опытность, доказательность, воспроизводимость;

– *неклассический этап*: в рамках плюрализма, который носит не аддитивный, а системный характер, существуют особые группы методов и критериев истинности научного знания, применимые к разным областям науки;

– *постнеклассический этап*: любые методы научного познания не могут гарантировать получение абсолютно определенного или абсолютно достоверного знания: не существует ни универсального, ни чисто рационального критерия истинности научного знания;

5) взаимодействие видов знания и познания (законов, теорий, фактов и опытов)

– *классический этап*: взаимовыводимость эмпирического и теоретического знания: факты обобщаются законами и теориями, эмпирические следствия выводятся из научных теорий и проверяются данными наблюдений и экспериментов;

– *неклассический этап*: между теорией и опытом существуют отношения многозначного соответствия (факты могут объясняться с позиций разных теорий, а теории применяются к различным областям реальности);

– *постнеклассический этап*: синтез необходимого и случайного; успешная практическая применимость научной теории не означает ее истинность;

б) доказательство научных законов и теорий

– *классический этап*: эмпирическое доказательство с помощью методов дедукции – незыблемость научного знания;

– *неклассический этап*: доказательство с помощью методов абдукции, индукции и дедукции, подвижность гипотезы научного знания;

– *постнеклассический этап*: осуществляется на основе вероятностной самоорганизации неравновесных открытых систем путем самопроизвольного перехода от хаоса к упорядоченному состоянию;

7) соперничающие гипотезы или теории

– *классический этап*: эксперимент и логико-эмпирические основания есть средства выбора приоритетной гипотезы или теории;

– *неклассический этап*: сосуществование нескольких дополняющих или противоречащих друг другу гипотез в пределах одной научной теории;

– *постнеклассический этап*: недоказанность или принципиальная недоказуемость ряда гипотез и теорий;

8) научные истины

– *классический этап*: их открытие и доказательство подчиняется законам

формальной логики;

– *некласический этап*: формальная логика дополняется диалектической логикой;

– *постнекласический этап*: логическая несоизмеримость фундаментальных теорий друг с другом; законы формальной и диалектической логики могут нарушаться и приводить к необъяснимым или непредсказуемым результатам;

9) функция науки

– *классический этап*: наука – источник объективного и истинного знания через эмпирический опыт и мышление;

– *некласический этап*: плюс интуиция, инсайт (озарение) и продуктивное воображение;

– *постнекласический этап*: плюс воля ученого (способность к принятию когнитивных решений), коллективного научного творчества и тесных коммуникационных отношений;

10) процесс эволюции научного знания

– *классический этап*: имеет кумулятивный характер: накопление абсолютных научных истин, полученных на основании опыта и безоговорочно им подтвержденных;

– *некласический этап*: имеет кумулятивный относительно-истинный характер: опыт подтверждает или опровергает не истинность теории, а ее конкретную эмпирическую интерпретацию;

– *постнекласический этап*: имеет двойственный характер: кумулятивно-некумулятивный, непрерывно-дискретный, пространственно-временной, внепространственно-вневременной и др.;

11) логика развития науки

– *классический этап*: происходит согласно принципу соответствия новой теории старой – как ее дополнение или обобщение;

– *некласический этап*: не существует однозначной логической выводимости одного уровня научного знания из другого;

– *постнекласический этап*: системный взгляд на законы в различных областях знания; синтез детерминизма, многовариантности и случайности; отказ от концепции редукционизма;

12) позиция наблюдателя и объекты исследования

– *классический этап*: идеальный наблюдатель (наблюдатель «со стороны») рассматривает себя, средства и объект познания как отдельные единицы, не связанные временными и пространственными факторами; объекты исследования – макрообъекты и макромир;

– *некласический этап*: наблюдатель находится вне поля взаимодействия объекта познания и средств познания, но признает их тесную взаимосвязь, наблюдаемую им по-прежнему «со стороны»; исследуются микромир и его объекты;

– *постнекласический этап*: наблюдатель («созерцатель неопределенности») включен в «поле познания», ощущая себя в едином пространстве-времени

с объектом и средствами познания (фактор совместности и одновременности); возникновение сложносистемного типа мышления; объекты исследования – человек, общество, природные объекты ультрамикроскопических масштабов;

13) картина мира

– *классический этап: механическая* (механистическая) картина мира: универсальная, навсегда определенная законами классической механики; мир объективен в силу познаваемости объектов внешнего мира, как устойчивых механизмов, с помощью многократных экспериментов;

– *неклассический этап: электромагнитная* картина мира: текучая, подверженная изменениям по мере новых открытий в отдельных областях знания – механике, оптике, математике, информатике, синергетике и пр.; мир един, и единство его – в материальности: все объекты реального мира взаимосвязаны и представляют собой разные этапы развития материи (по Ф. Энгельсу);

– *постнеклассический этап: физикалистская* (квантово-релятивистская) картина VUCA-мира – неопределенного, нестабильного, изменчивого, непредсказуемого и неоднозначного, основанного на представлении о неразрывной энергетической связи пространства и времени, силы и материи; попытки создания *Теории Всего* как источника действия общих законов на всех уровнях организации сложных неравновесных систем.

Расширение научного знания

Философские основания науки, по словам В. С. Степина, обеспечивают «стыковку» научной картины мира, идеалов и нормативных структур науки с господствующим мировоззрением и категориями культуры определенной исторической эпохи и «допускают вариации философских идей и категориальных смыслов, применяемых в исследовательской деятельности» [3, С. 283], чем способствуют перманентному расширению научного знания. Различают три основных вида подобного расширения: нормативное, методологическое и прогностическое.

Нормативное расширение научного знания относят к сфере эпистемологии (точнее, к эпистемической природе нормы) и связывают с пониманием того, что же по сути представляет собой знание. Эти размышления связаны с попыткой ответа на вопрос: можно ли расширить понимание знания, выйдя за пределы устоявшегося на данном этапе развития базиса науки и используемых ею методов? [6, С. 243–244].

Методологическое расширение научного знания на современном этапе обусловлено его плюралистической структурой, методами его изучения и обоснования, а также многообразием критериев его истинности, что, тем не менее, не противоречит его системному характеру, идущему вразрез с анархистской методологической концепцией [1, С. 267].

Прогностическое расширение научного знания связано с науками будущего, которые должны дать системное объяснение мега- и микромира, а также описать объекты ультрамикроскопических масштабов, что приводит к «концу Определенности» в науке (по словам И. Р. Пригожина [8, С. 57]), воз-

растанию неопределенных событий, связанных с точками бифуркации, флуктуациями и неожиданными научными сюрпризами. Непрекращающийся поиск альтернативных путей к единству знания [9] и построение *Теории Всего* – единой теории, объясняющей закономерности функционирования всего живого и неживого во Вселенной, обуславливает расширение горизонтов науки и возрастание непредсказуемых рисков техногенных и природных катаклизмов.

Таким образом, «эпистемические нормативы» можно рассматривать как стратегические горизонты знания, методологию – как тактическое средство достижения горизонтов знания, а прогнозирование будущего развития науки – как подходы к нивелированию неопределенности и рисков в содержании и последствиях практического применения результатов предстоящих открытий.

Заключение

Очевидно, что расширение научного знания происходило (и происходит) по принципу преемственности. Согласно этому принципу, предыдущие этапы, их содержание и характеристики полностью не отвергаются на последующих этапах, а лишь ограничиваются в пределах отведенных им рамок, которые не были бы четко определены без дальнейшего развития научного знания, поскольку только выход на новые ступени понимания окружающего мира позволяет оценить сделанное предшественниками в доступных им границах познавательных возможностей. Кроме того, «новые ступени понимания окружающего мира» недостижимы без изучения и оценки предшествующего объема знаний. Ведь не случайно Исаак Ньютон в письме Роберту Гуку от 5 февраля 1676 года писал: «If I have seen further it is by standing on the shoulders of Giants» («Если я и видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов»).

Источники:

1. Лебедев С. А. Современная философия науки: монография. М.: Проспект, 2024.
2. Степин В. С. Исторические типы научной рациональности // Философия и методология науки: хрестоматия / сост. П. А. Водопьянов, П. М. Бурак. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 164–167.
3. Степин В. С. История и философия науки: Учебник. 6-е изд. М.: Академический проект, 2024.
4. Степин В. С. От теоретического знания – к постнеклассическим практикам / Постнеклассические практики: опыт концептуализации. СПб.: ИД «Мирь», 2012. С. 8–12.
5. Сиборг Г. Т. Куда ведет нас наука? / Будущее науки. Международный ежегодник. Вып.3 М.: Издательство «Знание», 1970. С. 64–81.
6. Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект. М.: Издательство «Весь мир», 2020.

7. Шилкова Л. В. Философские основания неклассической и постнеклассической рациональности в понимании права // *Философия права*, 2008, №4(29). С. 28–32.

8. Пригожин И. Р. Письмо к будущим поколениям: «Кость еще не брошена» / *Мир человека: неопределенность как вызов*. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 55–62.

9. Порус В. Н., Черткова Е. Л. В поисках альтернативных путей к единству знания. / *Альтернативные миры знания* / Под ред. В. Н. Поруса и Е. Л. Чертковой. СПб.: РХГИ, 2000. С. 3–12.

O. M. Korchazhkina (*Federal Research Centre “Computer Science and Control”, The Russian Academy of Sciences, Moscow*)

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE EXTENSION

The article focuses on the philosophical aspects of scientific knowledge extension at three stages of science and technology development – classical, non-classical and post-non-classical. Each stage is characterized by ontological, epistemological and methodological components of the philosophical understanding of scientific knowledge. The main attention is paid to the normative-epistemological, methodological and prognostic factors of knowledge extension as a new complex system understanding of knowledge in the context of post-non-classical rationality and its comparison with the preceding classical and non-classical stages.

Classical, non-classical, post-non-classical stage of science development, scientific knowledge, philosophy of scientific knowledge, scientific rationality

УДК 791.43.01

К. А. Кравченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kakravchenko@etu.ru)

ИСТОРИЗМ В КИНЕМАТОГРАФЕ: ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ

Исследуется как кино отражает исторические события и передает исторические искажения. Обсуждается роль кино в формировании визуальной культуры и то, как опосредованные изображения прошлых событий могут изменить общественное восприятие конкретных периодов и культур. Подчеркивается важность критического подхода к этим изображениям, признания того, что они являются интерпретациями, а не точными копиями исторической реальности.

Кино, кинематограф, память, история, время, прошлое, художественное время, историческая интерпретация

Память охватывает широкий спектр областей, от ежедневных жестов отдельных людей до социальных норм каждого сообщества. Интерес к памяти подразумевает, среди прочего, столкновение с проблемой, имеющей большое значение не только из-за ее полисемической природы, но и потому, что каждое из ее значений относится к важнейшим человеческим ценностям. Особенно интересным для нас в этом отношении является проблема времени в кинематографе. А. Тарковский говорил, что «материалом кино является время» [1, С. 24].

Несколько схематически можно подумать, что отношения между кино и историей состоят из нескольких аспектов. Мы можем говорить о кино как источнике истории – проблема, связанная с использованием культурного артефакта для анализа общества.

Фильмы рассматриваются как культурные средства, которые воссоздают и переосмысливают символические, пространственные, временные и материальные элементы, которые отражают след событий общества.

Мы можем рассматривать взаимосвязь кино и истории через несколько тематических линий. Первое – использование кино в качестве документа для систематического изучения исторических событий. Мы можем воспринимать кино как вспомогательный источник изучения истории, поскольку благодаря взгляду и историческому прочтению фильма был бы возможен «контранализ» общества.

Также мы можем рассматривать фильм как механизм интерпретации, раскрытие различных версий исторического события. Здесь идет речь об истинности и достоверности определенных фактов, а также о том, как представлена та или иная версия исторического события.

Третье – это проблематизация кинематографического языка и эстетических перспектив в контексте социальных и культурных процессов. художе-

ственное и документальное кино основаны на аудиовизуальной эстетике, которая пересекается с идеологическим и политическим содержанием.

Четвертое – это исследование социальной и культурной сферы, в которой производятся фильмы, на основе характеристики способов распространения кинематографических проявлений в обществе. Можно было бы установить сложные отношения между фильмом и условиями его производства и распространения, спросить себя об обществах сегодняшних и вчерашних.

Творчество французского кинокритика Андре Базена сыграло ключевую роль в понимании взаимосвязи между кино и историей, сделав кино мощным средством отражения реальности и сохранения прошлого. Базен был уверен, что кино может служить напоминанием о смерти, запечатлевая реальные моменты на вечность. Его ориентация на реализм и постоянство с помощью «невидимого монтажа» подчеркивает историческую достоверность кинематографического изображения. Последовавшие за ним ученые, такие как Роберт Розенстоун, Марк Ферро, Пьер Сорлен, Дэвид Бордуэлл, Кристин Томпсон и Зигфрид Кракауэр расширили и углубили это видение.

Кракауэр представлял фильм как идеологический механизм, отражающий менталитет общества и его историю. Сорлен отметил, что кино – не только зеркало социальной реальности, но и то, что аудиовизуальные изображения были сконфигурированы как представления этой реальности. Камера воспроизводит реальные вещи, но эти вещи не являются реальностью: это жизнь, воспринимаемая, воссозданная или воображаемая теми, кто снимает фильм.

Фильм, как и все представления, является упрощением и интерпретацией, его разработка зависит от личности человека, который его делает. Кино предлагает историкам способ задуматься об источниках и концепциях, которые они используют.

Мы можем обозначить определенный тезис, который многим покажется спорным: в кино нет истории. Сам кинематограф – это синтез бесчисленных историй. Кино – не простое сопоставление истории взгляда и истории инструментов, технологий (силы их использования). Мы можем говорить о соотношении специфической оптики с механикой, чтобы сформировать мимезис загадочного функционирования глаза. Кино совершает радикальный разворот в коллективном понимании «рассказывать истории» и *достоверно* «копировать историческую реальность».

Кино возникает из своего первоначального импульса, в тесной связи с аффектами. Кинематографическое воображение с самого начала перемещается между риторикой сновидения, мимезисом памяти, строгостью художественной литературы, императивами истории. С момента своего зарождения кинематографическая история, кажется, по своей сути, предназначена для записи событий, а затем их развертывания, уже спряженных в соответствии с их собственными повествовательными возможностями: исторические реконструкции, сценические воссоздания соответствующих событий в историографии того времени.

Кино вместо того, чтобы открывать окно в прошлое, открывают другой способ размышлять о нем. «Слово «прошлое» часто используется, чтобы создать альтернативу единой, обязательной для всех, хрестоматийной истории. Кроме того, в отличие от «истории», «прошлое» позволяет выйти за пределы письменного текста, сосредоточить внимание на таком взаимодействии с другими эпохами, которое связано с чувствами, аффектами, противоречащими друг другу деталями и т. д.» [2, С. 9].

В отличие от слова, которое в небольшом пространстве может дать большой объем информации и способно создавать большие абстракции, кино, чтобы иметь возможность выражать общие утверждения или устанавливать отношения между понятиями, должно обобщать и символизировать с помощью образов. Буквальная правда невозможна ни в письменной, ни в кинематографической форме. В кинематографе разворачивается определенный вымысел, который представляют коллективный опыт миллионов людей, своего рода возникает определенный «конденсат» истории. Это происходит через символизацию, абсолютно отрицая ненужный буквализм.

Кино использует собственный специальный язык, который выражается с помощью методов, движений камеры, дифференциации плоскостей по отношению к объекту, использования света, затухания и т. д. Все они органичным образом совмещены в сборке. Хотя нет необходимости подробно изучать каждый из этих методов, необходимо отметить революционный характер, который они содержат.

Кино, используя эти методы, удается создать кинематографическое время, которое строится с временными фрагментами, в соответствии с определенным ритмом, который является не ритмом действия, а образом действия. Здесь мы говорим о кинематографическом времени.

Мариевская Н. Е. пишет: «Понимание художественного времени фильма как процессуальной конструкции позволяет увидеть соотношенность таких понятий как «художественное время» и «композиция», «художественное время» и «динамическая структура» [3, С. 56].

Связь между прошлым и настоящим связана через память, и именно по этой причине мы можем сказать, что мы есть то, что помним, поскольку наш опыт настоящего встроено в опыт прошлого. Память связывает прошлое и настоящее, как будто они взаимосвязаны и совместимы друг с другом.

В этой степени кино приближает нас к прошлому особым образом и по той же причине требует критического интерпретационного упражнения. Исходя из этого предположения, можно гарантировать, что память является инструментом интерпретации, который позволяет восстановить историческую память и критическую реконфигурацию из темы аспектов прошлого. Историческая память отличается от коллективной памяти тем, что она требует осознания предмета. Коллективная память больше связана с набором общих переживаний, которые необязательно требуют исторической осведомленности. Память как критический процесс обеспечивает элементы анализа и в то же

время организует и перенастраивает новую интерпретацию кинематографических образов, ее связь с прошлым и ее последствия для действия и понимания настоящего, и, возможно, восстановление и реконфигурацию исторической памяти.

Андре Базену приписывают отстаивание того, что он считал неотъемлемым реализмом в кино, ценя способность камеры запечатлеть реальность и способствовать ее более глубокому пониманию. Для Базена реализм был не просто техникой, а моральной добродетелью, связанной с тем, что он описывает как «онтологию фотографического образа», где фотография и кино имеют связь с самой жизнью.

Роберт Розенстоун был сторонником позиции, согласно которой историческое кино следует рассматривать как законную форму исторического повествования. Он утверждает, что кино обладает уникальной способностью передавать аспекты истории, недоступные письменным текстам, предоставляя сенсорные и эмоциональные переживания, которые обогащают наше восприятие прошлых событий. Тем не менее, он также указывает на то, что кинематографические изображения неразрывно связаны с современными перспективами, что может повлиять на историческую интерпретацию. Розенстоун пишет: «мы видим не сами события и не события в том виде, в каком они были пережиты или даже засвидетельствованы участниками, а избранные образы этих событий, отобранные и тщательно выстроенные в последовательности, чтобы рассказать конкретную историю или привести конкретный аргумент» [4, Р. 1179]. С другой стороны, Марк Ферро признает кино как зеркало своего времени, которое может переосмыслить как реальность, так и искажения исторического периода. Взгляд Пьера Сорлена на историческое кино подчеркивает важность восприятия фильмов как продуктов своего времени. Кинематографические изображения, как правило, в большей степени отражают текущие проблемы и окружающие их культуры, чем достоверность фактов, которые они призваны представлять.

Источники:

1. Тарковский А. А. Уроки режиссуры. М.: Всероссийский институт переподготовки и повышения квалификации работников кинематографии (ВИПК), 1992.
2. Лапина-Кратасюк Е. Г. Аффекты истории: рассказы о прошлом в кино и на телевидении // Артикульт. 2014. № 16 (4-2014). С. 6–13.
3. Мариевская Н. Е. Культурная память в кинематографическом производстве // Международный журнал исследований культуры. 2012. №2 (7). С. 55–60.
4. Rosenstone R. History in Images // History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History Onto Film, American Historical Review, 1988, Vol. 93, No. 5, PP. 1173–1185.

K. A. Kravchenko (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORICISM IN CINEMA: THE MEMORY PROBLEM

It explores how cinema reflects historical events and conveys historical distortions. The role of cinema in the formation of visual culture is discussed and how mediated images of past events can change public perception of specific periods and cultures. The importance of a critical approach to these images is emphasized, recognizing that they are interpretations rather than exact copies of historical reality.

Cinema, cinematography, memory, history, time, past, artistic time, historical interpretation

УДК 291.14

К. В. Кринцюс (Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, e-mail: krincyus@bk.ru)

ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДОВ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ В НАУКАХ О РЕЛИГИИ

Классификационный и типологический методы исследуются в аспекте их прогностической значимости относительно предметностей философии религии и религиоведения. Рассматриваются особенности прогностического потенциала данных методов и условия его адекватной реализации в области наук о религии. Определяется различие предсказательного смысла данных процедур в науках о религии.

Классификация, типология, прогностическая функция, тип, вид, сущностное понятие религии, религиозные явления

Классификационный и типологический методы в философии религии и религиоведении сохраняли непреходящую значимость на протяжении всей истории развития этих областей знания, меняться могли лишь сферы их методологического приложения, востребованность же самих процедур оставалась неизменной [1, С. 63, 147]. Почти каждая претендующая на общую основательность теория религии классического периода (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гартман, К. П. Тиле, Г. Зибек и др.) в качестве своего результата имела по своему разработанную классификацию религий [2, С. 208–209]. Будучи принципиально сравнительной дисциплиной [3, С. 93], религиоведение вообще не может не прибегать к типологизации, коль скоро цель научного сравнения в коечном счете и состоит в выделении обобщенных особенностей, типов, в исследуемом множестве. Неотчуждаемый статус данных методов обуславливает важность понимания их специфики по отношению к религиозной предметности, в частности весьма значимым здесь является вопрос о том, могут ли классификация и типология обладать прогностическим потенциалом.

Наиболее иллюстративным примером предсказательной функции классификации выступает разделение химических элементов по периодическому закону Д. И. Менделеева, представленное в соответствующей таблице. Как известно, в ней присутствуют незаполненные ячейки, предполагающие наличие должных быть, но еще не открытых элементов. По аналогии можно судить, что возможна такая классификация, которая предсказывала бы появление новых, должных быть, но еще не возникших, религий или религиозных феноменов. Однако, первое, на что следовало бы здесь обратить внимание – это то, что при совпадении общей формы всякого классифицирования, существенным всегда оказывается

различие в содержании этой процедуры. Химические элементы гомогенны с логической точки зрения (на то они и *элементы*), тогда как религиозные явления всегда разнородны. Последние сложнее и более конкретно принадлежат действительности, отвечающей, согласно выражению Г. Риккерта [4, С. 62], принципу гетерогенной континуальности. Классификация же представляет собой результат абстрагирования, ее гносеологическое значение состоит в «гомогенном преобразовании разнородного (*экстрагация*), благодаря которому последнее становится в качестве особенного постигаемым через общее» [5, С. 190]. Из этого следует, что классифицирование тем более приближается к реальному обстоянию, чем менее разнороден материал, над которым оно производится. В случае с химическими элементами классификация имеет дело с заранее абстрагированной от действительности составной ее частью, тогда как религиозные явления сами охватывают конкретную область многосоставной действительности. Поэтому в случае с ними возникает неминуемый вопрос о том, стоит ли за многообразными явлениями религиозности единая сущность и можно ли ее определить. Утвердительный ответ на него открывает зону ответственности философии религии [6, С. 114] – для религиоведения же компетентной здесь оказывается практика воздержания от суждения, поскольку его методология предназначена к сравнительному анализу динамичных и живых явлений, а не отысканию субстанций [7, С. 140]. В этом сказывается также и разница в приоритете упорядочивающих процедур: для философии религии целесообразно классифицирование, коль скоро оно предполагает деление сущностного понятия, к определению которого она и призвана, а для религиоведения целесообразна типологизация, так как она предполагает вынесение идентифицирующих обобщений из реального эмпирического множества – что подробно разъяснялось и обосновывалось нами ранее в статье «Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении» [5].

Из приведенной дистинкции вытекает также и общее различие характеристик прогностических возможностей методов классификации и типологии для философии религии и религиоведения, соответственно.

Религиоведческая типологизация осуществляется над *уже существующим* множеством реальных явлений, пытаясь вынести из него путем сравнительного сопоставления идеальные типы [8, С. 388–389]. Стало быть, типология по самому своему существу не способна спрогнозировать появление чего-то, еще не существующего, она проводит компаративистский анализ *данного*, и ее обобщающие результаты замыкаются на нем, поэтому в ее результатах не может быть «пустых ячеек», т. к. схема здесь никогда не предшествует своему наполнению, однако, вынося идеальные типы над подвижным множеством объектов, типология упорядочивает его динамику, тем самым делая ее предсказуемой – в чем и следует искать прогностический смысл типологизации, который состоит, таким образом, не в прозревании новых рождений, а в предвидении возможности перерождений наличных явлений из одного типа в другой (каждый из которых уже заранее известен). Наглядным примером этого выступает классическая в социологии рели-

гии типология религиозных объединений «церковь – еkkлeсия – дeнoминация – секта – культ»: названные типы представляют собой этапы развития религиозных сообществ, отличающиеся по степени напряженности во взаимоотношениях с обществом, степени открытости доступа в объединение, социальному составу объединения, характеру формализации доктрины и др. [9, С. 32], при этом, как очевидно, типы эти вынесены из эмпирического множества, поэтому у каждого из них есть свои представители, следовательно, данная типология, не может предсказывать появление чего-то, заранее уже не бывшего, но зато, упорядочивая наличное множество, она способна указывать условия, при которых то или иное сообщество верующих может переродиться из одного типа религиозных объединений в другой, на основании чего любой эмпирический исследователь сможет найти уже конкретные признаки в реальности, позволяющие спрогнозировать такой переход.

Философская классификация осуществляется над понятием. Высокую планку философского деления задает Г. В. Ф. Гегель, который пишет: «Философское деление есть вообще не внешнее деление, не внешняя классификация готового материала, проводимая соответственно одному или нескольким принятым основаниям деления, а имманентное различие, совершаемое самим понятием» [10, С. 71]. Стало быть, классифицирование в философии религии призвано к сущности, а не к внешнему разделению по входящим признакам, как например: деление религий на государственные, мировые и т. п. Поэтому если философии религии удастся определить сущностное понятие последней, то разветвленное деление этого понятия по сущственным и собственным признакам может в качестве своего результата привести к таким разновидностям, которые, вытекая из родовой сущности, тем не менее пока не представлены в реальности, но только должны будут состояться в будущем. В этом заключается философский пафос соотношения исторического и логического, в котором и обретается прогностический смысл классификационного метода. Так философская классификация Г. В. Ф. Гегеля позволяет ему с уверенностью констатировать «смерть религии откровения» и переход ее в снятое бытие (*Aufgehobensein*) уже в спекулятивном познании [11, С. 332–333]. Рассмотрение сущности религии Откровения Ф. В. Й. Шеллингом, напротив, приводит его к предречению новой эпохи религии: разделяя христианство на логико-исторические периоды церкви Петра (католицизм), церкви Павла (протестантизм), он обосновывает будущность церкви Иоанна, преодолевающей односторонности обеих в новом синтезе [12, С. 776–781]. На основании определения сущности религии как «чувства бесконечного» Ф. Д. Э. Шлейермахер выделяет классификационные виды религии [13, С. 222–224] и делает заключение, вытекающее из этой сущности, о необходимой будущности единой церкви всех религий [13, С. 212]. Далеко не в последнюю очередь заслуживает внимания философия религии отечественного мыслителя девятнадцатого столетия Б. Н. Чичерина, выстраивающего, исходя из собственного понимания сущности религии и познания,

историческую классификацию развития человечества, которая несет прогностическую функцию, оставляя последние свои элементы определенными, но еще не названными в силу их принадлежности будущему [14, С. 444–449].

Таким образом, прогностический смысл классификационного и типологического методов, различаясь в философии религии и религиоведении, в случае религиоведческой типологизации заключается в предсказании возможных изменений уже известных религиозных явлений на уровне их динамического перехода из одного закрепленного типа в другой, а в случае с философской классификацией – в предсказании возникновения новых религиозных явлений, так или иначе основывающемся на предпосылке корреляционного соответствия исторического и логического.

Источники:

1. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения: Учебное пособие. М.: Академический Проект, 2007.
2. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / Пер. с англ., нем., фр.; под ред. А. Н. Красниковой. М.: Канон+, 1996.
3. Коденев М. А. Сравнительное религиоведение сегодня: методологические основания и возможности. // Религиоведение на постсоветском пространстве. Материалы конференции. М.: Алькор Паблицерс, 2011. С. 93–100.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем., под ред. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998. С. 43–128.
5. Кринцюс К. В. Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2024. № 3. С. 184–199.
6. Астапов С. Н. О демаркации предметов исследования философии религии и религиоведения // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 112–121.
7. Смирнов М. Ю., Бокова О. А. Методология религиоведения как проблема. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 133–147.
8. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
9. Лебедева Н. Б. Типология религиозных объединений в отечественной и зарубежной социологии религии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. № 6. С. 30–34.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. / Пер. с нем. Т. Столпнера; под ред. Т. Николевой. М.: АСТ, 2024.
11. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х т. Т. 2. / Пер. с нем. П. П. Гайденко; под ред. А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1977.

12. Шеллинг Ф. В. Й. *Философия откровения* / Пер. с нем. А. Л. Пестова. СПб.: Умозрение, 2020.
13. Шлейермахер Ф. Д. Э. *Речи о религии.* // Шлейермахер Ф. *Речи о религии. Монологи.* / Пер. с нем. С. Л. Франка. М.–К.: «REFL-book» – «ИСА», 1994. С. 43–262.
14. Чичерин Б. Н. *Наука и религия.* М.: Книга по Требованию, 2022.

K. V. Krintsyus (Pushkin Leningrad State University)

***THE PREDICTIVE VALUE OF CLASSIFICATION AND TYPOLOGY
METHODS IN THE SCIENCES OF RELIGION***

The classification and the typological methods are studied there in the aspect of their prognostic significance in relation to the subjects of philosophy of religion and religious studies. Considered are the peculiarities of the prognostic potential of these methods, and conditions of its adequate realization in the field of sciences of religion. Determined are the difference of the prognostic meaning of these procedures in the sciences of religion.

Classification, typology, prognostic function, type, kind, essential concept of religion, religious phenomena

УДК 167.2

Д. Ю. Крутько (Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, СПбПУ, e-mail: krutko.dyu@edu.spbstu.ru)

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Одним из видов социальных экспериментов, обладающих прогностическими функциями, являются так называемые специальные правовых режимы. Экспериментальные правовые режимы или регуляторные песочницы имеют большое значение для разработки приемлемого регулирования новых форм общественных отношений, складывающихся благодаря интеграции цифровых технологий. Этот вид социальных экспериментов не рассматривается в рамках философии и методологии науки, но активно разрабатывается в теории государства и права.

Социальный эксперимент, экспериментальный правовой режим, прогнозирование

В рамках философии науки исследуются границы, формы и способы получения научного знания. Выбранное философское мировоззрение оказывает влияние на построение теории и выбор методов исследования действительности, которое в настоящее время поделено между отраслями наук. Эти отрасли разделяют на два направления: естественнонаучные и социогуманитарные [1]. Несмотря на узкую специализацию современного ученого, можно выделить способы исследования, которые являются общими для всех направлений. К таким методам относится эксперимент, который в современном виде имеет много разновидностей и чаще используется совместно с математическими объектами – лингвистический, инженерный, физический, мысленный, социально-экономический и другие.

Эксперимент, как фундирующий метод новоевропейской науки, является целенаправленной и контролируемой процедурой, проводимой с целью подтвердить теорию или открыть новые факты. Под экспериментом также может пониматься составление прогноза и его проверки путем наблюдения за реальными объектами.

Во время составления прогноза и попытки доказать теорию могут открыться новые, неизвестные факты, способные существенно изменить направление исследований. В настоящее время большое влияние на этот метод оказывает цифровизация [2].

Стратегия исследования сферы применения и методологии эксперимента строится из философского и исторического анализа экспериментальных практик [3]. В философии науки, как правило, описывается специфика мысленного эксперимента и реального физического, а методология социального

экспериментирования и особенностей эксперимента в социальных и гуманитарных науках обсуждается не часто.

Основу социального эксперимента составляет процесс «идеалообразования» [4], т. е. ориентира для последующего общественного развития. Социальные эксперименты имеют две разновидности – утопические и реалистические. В реалистическом эксперименте присутствуют черты утопии и наоборот, в утопическом эксперименте – черты реального. Поэтому «чистый» социальный эксперимент на практике не встречается. Утопические эксперименты известны с древности, например «Государство» Платона рассматривается как пример мысленного утопического социального эксперимента [5].

Реалистичные социальные эксперименты, к которым активно обращаются представители социальных и гуманитарных наук, развиваются с XX века. Особенности психологического, педагогического и экономического эксперимента широко рассматриваются в науке и культуре. Но есть еще один вид социальных экспериментов, результаты которых влияют на общественные отношения и остаются в тени от философских исследований – правовые эксперименты.

В теории государства и права существуют понятия «правотворчество», «законотворчество» и «нормотворчество», которые связаны с процессом создания правовых норм и различных нормативно-правовых актов. В статье анализируется процесс нормотворчества, в результате которого «создаются правила поведения в рамках подзаконных нормативных правовых актов» [6]. Одним из принципов нормотворчества выступает юридическая техника, которая является совокупностью методов создания нормативного правового акта. Также возможно создания письменного документа, в котором отражаются юридические нормы.

В современных условиях юридическая техника выступает основой для государственного управления и как-то пытается справиться со стихийным увеличением нормативного материала и объема законов. Следствием увеличения материала становятся опечатки, которые часто обнаруживаются только после вступления нормативно-правового акта в силу, и крайне неточные формулировки – все это приводит к «правовому хаосу». Правой хаос обозначает ситуацию, когда одна часть правовых норм дублируется, а другая- искажается [7, С. 64]. Для разрешения «правового хаоса» необходимо пересмотреть инструментарий юридической техники и выяснить, на что она будет направлена, поскольку в рамках нормотворческой деятельности на первый план должно выходить правовое прогнозирование.

Правовое или юридическое прогнозирование означает «научно-практическую деятельность, направленную на выявление тенденций развития сферы правового регулирования и возможных вариантов правовых решений и действий» [8, С. 222]. Такая деятельность может иметь разные уровни и быть направленной как на правовые институты, так и на динамику отношений граждан государства к закону.

Повышению прогнозирования мог бы способствовать правовой мониторинг, но в российской государственной системе не всегда есть доступ к информации в нужном объеме. И хотя правовой эксперимент не единственный из возможных методов правового прогнозирования (например, существует еще метод экспертных оценок), в данной статье рассматривается именно этот вариант для рассмотрения возможностей экспериментального метода как такового.

«Правовой эксперимент – это специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающей пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения» [9, С. 47].

С одной стороны правовой эксперимент позволяет реализовать прогностическую функцию, а с другой – апробировать проекты нормативно-правовых актов или даже помочь в их создании. Отчасти это уже реализуется в России. Но на практике чаще используется разновидность мысленного эксперимента, эксперимент *ex post facto*. Такой эксперимент проверяет эффективность действующего законодательства. Например, с помощью метода можно найти схожие общественные отношения, которые регулируются разными нормами.

Также правовой эксперимент позволяет проверить эффективность норм на «ограниченной», специальной территории, и в случае успеха, распространить новые нормативно-правовые акты на всю территорию государства. Это позволяет более эффективно осуществлять планирование государственно-правового развития и сводить к минимуму избыточность или ошибочность регулирования. Благодаря правовому эксперименту можно избежать стихийности и противоречий в нормотворческой деятельности.

В современном мире наиболее часто встречаемой формой правового эксперимента выступает регулятивная песочница («regulatory sandbox»), активно используемая во многих зарубежных государствах, таких, как например Китай, Швейцария, Сингапур, США и другие. В российской практике регулятивная песочница обозначается как экспериментальный правовой режим, методология которого развивается уже около 20 лет.

В качестве примера рассмотрим один эксперимент в банковской сфере. В 2018 году банк России как «экспериментальная ограниченная территория», запустил регуляторную песочницу для оценки эффективности новых финансовых технологий [10, С. 149]. На сайте банка можно оставить заявку для получения доступа к работе сервисов [11] и протестировать новые технологии без нарушений действующего законодательства.

К ряду факторов, влияющих на эффективность экспериментального режима, относятся: «отсутствие четких критериев оценки эффективности правового эксперимента, влияние экспериментального фактора, уникальность каждого правового эксперимента, влияние политических факторов на принятие решения о про-

ведении правовых экспериментов и подведение их итогов в ущерб тщательной научной проработке соответствующих вопросов» [10, С. 150–151].

28 января 2021 года вступил в силу разработанный Минэкономразвития России Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». На основании данного Федерального закона допускается частичная «свобода действий», если эти действия не связаны с нарушением прав и свобод граждан РФ, а также не нарушают единство экономического пространства на территории Российской Федерации. Такое положение дел особенно актуально из-за внедрения цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Цифровизация создает новые типы общественных отношений, к которым централизованное правовое регулирование не приспособлено. Прежде всего речь идет о применении технологий, связанных с искусственным интеллектом и изменением среды социального взаимодействия [12].

В настоящее время в общем доступе на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации обозначен «реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций», локальных правовых экспериментов, проводимых в одной организации [13].

Инициатор экспериментального правового режима (ЭПР) (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель) разрабатывает проект программы ЭПР, где описывает план тестирования, а также что мешает проведению теста и какие нормы стоит ввести вместо действующих. Затем экспериментатор отправляется в Минэкономразвития России, которое проверяет экспериментатора и его документы, на соответствие требованиям, предусмотренных Федеральным законом.

В случае успешного прохождения проверки организации (только в ее пределах, на ее территории) дается разрешение для установления ЭПР.

Для использования ЭПР необходимо: действие нормативно-правовых актов, мешающих интеграции технологических инноваций, наличие возможностей для внедрения инноваций, стремление к улучшению социальных отношений, стремление обезопасить охраняемое законом имущество [10, С. 153–154].

К окончанию эксперимента собирают данные, которые предоставляются в регулирующий орган. Если эксперимент был успешен, то вносятся рекомендации об изменениях в текущем регулировании. Также специальных правовой режим может прекращаться или же использоваться в переходной периоде.

Анализ содержания Закона № 258-ФЗ применение «регуляторных песочниц» (социально-правовых экспериментов) показывает, что это эффективный инструмент.

Принципиальными плюсами локального правового эксперимента выступают:

1. Минимизация рисков нарушений прав и законных интересов широкого круга физических и юридических лиц;
2. Возможность единовременной проверки множества вариантов регулирования;
3. Ориентированность на экономическую инициативу представителей бизнес-структур;
4. Доступность для представителей малого бизнеса;
5. Возможность соотнести ресурсы реально действующих предприятий с предполагаемым регулированием;
6. Адресный государственный надзор за внедрением потенциально опасных инноваций.

В качестве главных рисков проведения правового эксперимента можно отметить утрату контроля за регуляторной средой, выход эксперимента за сферу его применения, нарушение конституционных прав и свобод, а также негативное влияние на развитие общества за пределами правового эксперимента. Проведение эксперимента на локальном уровне нивелирует соответствующие риски и сохраняет возможности правового эксперимента по правовому прогнозированию. Однако для максимизации полезного эффекта необходимо неукоснительно соблюдать не только регулирование, затрагивающее порядок проведения правового эксперимента, но и методологию его проведения.

Как вид социального эксперимента, правовой эксперимент предстает наиболее дорогостоящим и опасным в проведении. Из-за его уникальности нет возможности воспроизвести его в схожих условиях (например, в другой организации). Но в цифровой среде прогностические функции данного эксперимента позволяют заранее находить оптимальные решения для государственного регулирования социальной сферы.

Источники:

1. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. N 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. N 1093» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/400550248/-53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 05.01.2025)
2. Крутько Д. Ю. Методология эксперимента в цифровой среде // Гуманитарный форум в Политехническом: Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–13 апреля 2024 года. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 294–298.
3. Steinle F. Experiments in history and philosophy of science // Perspectives on Science. 2002. № 10 (4). P. 408–432.

4. Логиновский Т. А. Социальный эксперимент: сущность, виды, функции: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016.
5. Stuart M. T. (eds.) *The Routledge Companion to Thought Experiments*. London: Routledge, 2017.
6. Махаева, Л. Г. Нормотворческие правоотношения: теоретические аспекты // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 55–58.
7. Чинчикова Г. Б. Пробелы в праве и законе: проблемы правового «Хаоса» и качество нормативно-правовых актов // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 63–65.
8. Зайцева Е. С. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3 (82). С. 221–225.
9. Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44–52.
10. Бочкова С. С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 5 (14). С. 147–156.
11. Регулятивная песочница. https://www.cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (дата обращения: 05.01.2025)
12. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 164–168.
13. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 05.01.2025)

D. Yu. Krutko (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University «SPbPU»)

PREDICTIVE FUNCTIONS OF SOCIAL EXPERIMENTS

One of the types of social experiments that have predictive functions are the so-called special legal regimes. Experimental legal regimes or regulatory sandboxes are of great importance for developing acceptable regulation of new forms of social relations that are emerging due to the integration of digital technologies. This type of social experiment is not considered within the framework of philosophy and methodology of science, but is actively developed in the theory of state and law.

Social experiment, experimental legal regimes, forecasting

УДК 378.22; 312.019.51

М. Е. Кудрявцева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mekudriavtceva@etu.ru)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Рост актуальности профессии коммуникатора как интерпретатора информации и создателя смыслового поля требует переосмысления подходов к его образованию. Одним из наиболее продуктивных наряду с компетентностным, с нашей точки зрения, является холистский подход к образованию коммуникатора, предполагающий целостный взгляд на объект, в качестве которого в профессиональном образовании должен выступить идеальный образ профессиональной деятельности.

Образование, коммуникация, смыслы, холистский подход

Профессия коммуникатора под влиянием времени становится все менее узконаправленной, все более универсальной. В качестве подтверждения можно привести результаты исследования, проведенного в сентябре 2024 года ассоциацией менеджеров «Будущее коммуникационных профессий». Исследование показало, что на развитие таких профессий окажет сильное влияние размытие границ между PR, SMM, маркетингом и рекламой, персонализация коммуникаций, использование VR и других новейших технологий. Кроме того предполагается снижение роли узконаправленных специальностей, типа спичрайтера или специалиста по рекламе, и появление таких профессий, как продюсер смыслового поля, редактор агрегаторов контента и менеджер кросс-культурной коммуникации [1].

Этот факт ожидания указанных новых профессий свидетельствует о том, что в современном мире растет роль коммуникатора как того, кто сможет помочь разобраться в море информации, интерпретировать ее, извлечь из нее смыслы, организовать смысловое поле, сформировать определенный образ жизни и в идеале действительно способствовать гармонизации социальных отношений. Поэтому необходимо озадачиться тем, какими будут эти профессиональные коммуникаторы, выполняющие такую важную социальную миссию. Очевидно, что это должны быть люди, обладающие высокой степенью ответственности за все происходящее, ориентированные на гражданское служение людям, включенные в контекст прежде всего своей, а потом и мировой культуры.

Между тем, то, что приходится в настоящее время наблюдать, работая со студентами, не настраивает на оптимистический лад. Обозначим только некоторые моменты, характеризующие мышление современного молодого

человека. Оговоримся, что это только общие характеристики, сложившиеся в процессе многолетнего наблюдения, и всегда существуют те, кто выходит за рамки таких общих характеристик.

Обладая неплохим прагматическим, сугубо рассудочным мышлением современный студент редко когда оказывается способным к теоретическому обобщению, чаще всего он неспособен мыслить в перспективе и ретроспективе, видеть контекст и подтекст, у него практически полностью отсутствует панорамное мышление. Снизилась также и способность аналогового, метафорического мышления, того, что называется «боковым мышлением», ориентированным на периферийные, кажущиеся малозначительными явления. Нехорошо обстоит дело и с чувством юмора, оно перестало быть восприимчивым к абсурду и парадоксу. В целом можно сказать, что мышление студентов постепенно, но заметно становится все более плоским, одномерным и ориентированным исключительно однозначные стереотипные оценки фронтального здесь-и-сейчас существования.

Представляется, что, помимо цифрового фактора и общей потребительской установки современности, еще одна серьезная причина нынешнего положения дел с мышлением студентов связана с переменами в методологии образования, происходящего в последние десятилетия. Господствующим подходом в образовании продолжает оставаться компетентностный подход, который получил подробное и глубокое освещение в отечественной педагогике. В таких работах обычно акцентируется, что преимущество нового подхода по сравнению с предыдущим, знаниевым, заключается в его ориентированности на профессиональную деятельность в ответ на запросы работодателя.

Не ставя в целом под сомнение продуктивность данного подхода, который на определенном этапе, безусловно, способствовал позитивным переменам в образовании, укажем на некоторые его слабости, которые в числе других факторов привели к нынешнему положению вещей.

Во-первых, уже с самого начала внедрения данного подхода в образование, появилась тенденция к умножению и «забалтыванию» компетенций. Во-вторых, поскольку с самого же начала появилось сомнение, что в профессиональном образовании можно вообще добиться идеального результата, появились уровни развития компетенций, когда возникли сомнения в возможности измерить эти уровни, появились критерии и показатели по каждой из позиций (знать, уметь, владеть). Все эти уровни критерии и показатели требовали своих формулировок. В результате такой «заболтанности» компетенции стремительно теряли смысл. Самое же главное, что может поставить под сомнение продуктивность компетентностного подхода, как способного решить все проблемы современного высшего образования, заключается в его позитивистской направленности. Компетентностный подход, как отмечали исследователи, являлся «адаптивной образовательной стратегией, но основополагающей в нем является не идея подготовки учащегося к активному взаимодействию со средой, а, скорее, идея исключения из содержания образования все-

го того, что не имеет непосредственного отношения к его будущей профессии. Эта идея реализуется путем представления содержания образования в виде набора компетенций, необходимых для выполнения профессиональных функций» [2, С. 35]. Можно предположить, что с экономической точки зрения это продуктивно, да и то только в определенной степени, потому что экономические проблемы всегда включены в определенные контексты. Однако экономическая продуктивность не является единственной целью профессионального образования. К сожалению, как отмечает А. А. Поляруш, «центральную догму о предназначении профессионального образования лишь для формирования чисто профессиональных навыков, заключающихся в овладении чисто практическим действием, трудно не только разрушить, но даже расшатать» [3].

Высшее профессиональное образование, по нашему мнению, призвано в первую очередь формировать идеальный образ профессии и только потом ориентировать на освоение практических умений и навыков, в процессе погружения их в конкретные рабочие ситуации. У студента должна быть возможность сопоставлять эти ситуации, с которыми сталкивается будущий профессионал, с тем какими они должны быть в идеале. Отсутствие такой возможности наносит ущерб как личности будущего профессионала, в сознании которого смешиваются аспекты должного и насущного, так и самой профессии, которая теряет возможный импульс к развитию. Трудно не согласиться с такими словами А. А. Поляруш: «Образовательный процесс призван формировать способ мышления, способный схватывать всеобщее, т. е. идеальное. Практическая же деятельность, к которой призывают адепты компетентностного подхода, может охватить лишь некоторые факты бесконечной действительности. Образовательный процесс избегает категории всеобщего, равно как и весь диалектический способ познания. Оперирование фактами игнорирует операции с понятиями, система которых представляет собой определенную науку» [4, С. 232]. Очевидно, что создание «идеального образа профессии» в условиях пренебрежения теоретическими аспектами профессионального образования невозможно.

Что же, исходя из всего сказанного выше, можно было бы предложить в качестве основополагающего подхода к образованию коммуникатора (не отменяя при этом продуктивности использования в некоторых аспектах также и компетентностного подхода)?

С нашей точки зрения, таким общим подходом первого порядка должен быть холистский подход, предполагающий целостный взгляд на объект, в качестве которого в профессиональном образовании выступает идеальный образ профессиональной деятельности. В образовании коммуникатора холизм реализуется как единство теории и практики, единство общегуманитарного и профессионально-технологического компонентов, как целостность и взаимосвязь всех сфер, где реализуется коммуникационная деятельность: государственной, политической, экономической и культурной.

Вторым таким общим подходом должен стать ценностный, предполагающий постоянную оценку продуктивности профессиональной деятельности для человека и общества.

Если говорить об основных методологических подходах профессиональной подготовки коммуникатора (подходов второго уровня), то, исходя из социального заказа, на который отвечает профессия коммуникатора, их можно определить как социально-политический, социально-экономический и социокультурный. Учитывая взаимосвязь всех сфер современной жизни, независимо от того, для какой сферы деятельности готовятся выпускники, их подготовка должна осуществляться с учетом всех этих подходов. В русле же каждого из этих указанных подходов есть два основных подхода еще одной ступенью ниже: технологический и гуманитарный, которые обязательно должны сочетаться, так, изучение любых технологий, имеются ли в виду маркетинговые технологии управления сознанием или возможность использования нейросети для создания текстов, должно сопровождаться обязательным их осмыслением в социальном и гуманитарном контексте.

Наиболее же органичной стратегией профессионального образования коммуникатора в русле указанных подходов видится стратегия максимальной проблематизации. Но в отличие от широко известного проблемного подхода, уже давно использующегося на всех ступенях образования, максимальная проблематизация направлена не на получение студентом интеллектуального и эмоционального удовольствия от преодоления возможной проблемной профессиональной ситуации, а на «отягощение» сознания грузом сложности и проблемности окружающего мира в целом. Именно такое «отягощение» является фактором развития сознания, которое в поисках преодоления противоречия вынуждено подниматься на диалектический уровень мышления.

Есть широко известная, приписываемая Эйнштейну цитата о том, что образование это то, что остается у человека после того, как он забудет все то, чему его учили. Неразрешимые проблемы поселяются в сознании прочнее, чем разрешимые (эффект Зейгарник). Контексты (культурный, политический, экономический и другие) сохраняются дольше, чем конкретные профессиональные ситуации, которые разбирались в процессе обучения. Образование в широком смысле слова – это умение видеть проблему и правильно ставить вопросы, профессиональное образование – это умение видеть свою профессию в широком и очень проблематичном политическом, экономическом и социокультурном контексте, умение видеть ее в перспективе умение видеть ее проблемы и правильно ставить вопросы, намечать пути к возможному их решению.

Источники:

1. Ассоциация менеджеров обсудила коммуникационные профессии будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://amr.ru/press/publications/11737/> (дата обращения 14.12.2024).

2. Гаврилюк В. В., Сорокин Г. Г. Компетентностный подход в профессиональном образовании // Образование и общество. 2006. № 3. С. 46–52.

3. Поляруш А. А. Формирование диалектического мышления как необходимое условие профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <https://emc21.ru/wp-content/uploads/2019/07/Statya-Polyarush.pdf>. (дата обращения 14.12.2024).

4. Поляруш А. А. Причины несовершенства компетентностного подхода в образовании // Эпоха науки. 2021. № 24. С. 232–235.

M. E. Kudryavtseva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

TO THE QUESTION OF THE METHODOLOGY OF EDUCATION OF PROFESSIONAL COMMUNICATORS IN THE MODERN ERA

The growing relevance of the profession of a communicator as an interpreter of information and creator of a semantic field requires a rethinking of approaches to his education. One of the most productive, along with the competence-based, from our point of view, is a holistic approach to the education of a communicator, which assumes a holistic view of the object, which in professional education should be the ideal image of professional activity.

Education, communication, meanings, holistic approach

УДК 316.354.2

А. С. Курапова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru);

С. В. Курапов (Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ), e-mail: sv_ksv@mail.ru)

«ГЕРОЙ» И «АНТИГЕРОЙ» В ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-КАЗАКОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

По результатам эмпирического социологического исследования рассматривается образ мышления студентов-казаков в концепции «герой» и «антигерой». Анализируются позитивные и негативные грани образа мышления шести студенческих групп. Представлены независимые от внешних факторов характеристики рассматриваемых групп. Прогнозируется влияние внешних факторов на студентов-казаков.

«Герой», «антигерой», студенты-казаки, образ мышления, социологическая диагностика, позитивный образ, негативный образ, казачество

Образ мышления групповых субъектов представляет комплексный процесс, в котором коллективные убеждения, ценности, установки и нормы формируют восприятие, поведение и взаимодействие как внутри группы, так и с внешней средой. Образ мышления как «героя» и «антигероя» позволяет комплексно представить их самоидентификацию, ценностные приоритеты, установки и выявить противоречия между универсальными ценностями молодежи и традиционными нормами казачества.

В рамках эмпирического социологического исследования объектом стали студенты 1 и 2 курса, обучающиеся по специализированной программе бакалавриата с казачьим компонентом по направлениям: «государственное и муниципальное управление», «журналистика», «педагогика» (всего 119 респондентов, 6 студенческих групп). С одной стороны, респонденты представляют студенческое сообщество университета, а с другой стороны обладают (или в перспективе должны обладать) ценностными ориентациями, связанными с казачеством.

Эмпирическое исследование основано на системе «Герой – Антигерой». В ней «герой» – это не идеальный образ, а та положительная крайность, позитивная модель инстинктивного поведения субъектов, которую скорее всего они будут воплощать при позитивных воздействующих факторах. «Антигерой» – это не отрицательный образ, не злодей, а та возможная негативная грань их мышления и, в конечном итоге, активного действия при негативных факторах [1, С. 184–188]. Можно предположить, что поступки студентов бу-

дуг находится в ценностном диапазоне двух граней «героя» и «антигероя» в зависимости от внешних факторов.

Авторская методика социологической диагностики образа мышления от «героя» до «антигероя» фокусируется на сферах общественной жизни, что позволяет определить ключевые ценности и приоритеты для студентов, выявить тренды способные повлиять на принятие решений. Анкета разработана на основании экспертных интервью (руководители направлений, атаманы, преподаватели). Вопросы анкеты разделены по сферам общественной жизни: экономическая; социальная; духовно-культурная и политическая, и представляют собой тезисы-ловушки, содержащие условия ценностного выбора по шкале от 1 до 10 (1 – полностью не согласен, 10 – совершенно согласен). Для ответа на каждый вопрос необходимо вникнуть в суть тезиса, активизировав тем самым образное мышление. Анкетные данные получены с помощью сервисов «Яндекс Взгляд» и «Яндекс Формы», обрабатывались посредством ПО STATISTICA13.

По результату исследования, видно, что во всех студенческих группах, кроме 1 курса направления «государственное и муниципальное управление», выявлено достаточно поверхностное отношение к казачеству, его традициям и культуре. Понимание исторической составляющей казачества развито несколько больше, однако это не находит применения в реальных жизненных ситуациях. То есть, в жизни студенты-казаки не умеют и не хотят участвовать в принятии решений, опираясь на казачьи традиции. Более уравновешенными являются факторы, относящиеся к духовно-культурной и политической сферам жизни общества.

Воцерковленность, как качество (или желание воцерковиться), позволяющее опираться на православные ценности при принятии решений, является устоявшейся характеристикой «героя» и делит всех студентов примерно пополам «за» – 1 курс «государственное муниципальное управление», 2 курс «журналистика», 2 курс «педагогика», и «против» – 1 курс «педагогика», 1 курс «журналистика», 2 курс «государственное и муниципальное управление».

Для всех групп патриотизм, политическая осознанность, и другие качества гражданской идентичности в образе мышления «героя» находятся на достаточно высоком уровне, равно как и приверженность к выбранным профессиям, по которым они обучаются.

«Герой», как максимально положительный образ мышления, для студентов-казаков 1 курса патриотичен, осознающий свою политическую субъектность, уважающий старших, ценящий поддержку семьи. Он не стесняется задавать вопросы, когда ему что-то непонятно и ведет борьбу с несправедливостью, помогая другим. Ему также нравится углубляться в суть возникшей проблемы. «Герой» достаточно коммуникабелен и склонен доверять людям, он ценит историческую память казачества, стремится работать по призванию, а не по высокой зарплате. В то же время, у «героя» наблюдаются трудности с

самообеспечением и финансовой грамотностью, а также ему сложно стратегически мыслить о саморазвитии и построении карьеры.

«Антигерой», как максимально отрицательный образ мышления, для студентов-казаков 1 курса не склонен стратегически рассматривать свое будущее, он достаточно индивидуалистичен и равнодушен к своей «цифровой гигиене». Заботу о своем быте «антигерой» готов делегировать другим. При внешней коммуникабельности, общение не доставляет ему удовольствия, а высокая нагрузка в учебе не позволяет смотреть в сторону карьеры. Участие в жизни общества «антигерой» предпочтет размышлению над своими личными проблемами и поиску виноватых.

Студенческая группа 1 курса «государственного муниципального управления» обладает самыми низкими показателями «антигероя», однако, слабое стратегирование своего будущего в сочетании с приверженностью к профессии способно в критических моментах привести к разочарованию в ней, если возникнут финансовые трудности.

Образ мышление, как «антигероя», для студентов направления «педагогика» 1 курса, также не склонен к стратегированию, капризен в бытовых условиях, необщителен и индивидуалистичен. В своем выборе он в меньшей степени будет руководствоваться нормами православной морали, уповая на Бога в последнюю очередь. Этот показатель «антивоцерковленности» у «педагогов» наиболее высок в сравнении с другими группами 1 курса. Стоит отметить, что предыдущие исследования также показали отрицательную связь религиозности и семьи с современными технологиями, поэтому либо одно выпадает из системы ценностей, либо другое [2, С. 22–26].

Студенты направления «журналистика» 1 курса, в «антигеройском» исполнении, больше других капризны в быту и неустойчивы к образовательной нагрузке. Любят ставить собственное «Я» в центре общего внимания. Однако, если у педагогов индивидуалистичность проявляется в поступках по отношению к окружающим, то в случае с журналистами подходит характеристика «демонстративность».

«Герой», как положительный образ мышления, для студентов-казаков 2 курса представляется патриотичным, заботливым, уважающим старших и умеющим контролировать эмоции. Он любознателен, политически осознан, постоянно обогащает свой внутренний мир. Их «герой» ценит поддержку своей семьи, и готов сам создать новую семью. Он обладает достаточным уровнем ответственности и имеет гармонию со своим внутренним миром. В то же время, ему сложно самому выстроить свой быт и обеспечить себя финансово, хотя финансовая грамотность и навык распределения ресурсов на достаточно хорошем уровне. «Герой» слабо стратегирует свой карьерный рост, а мотивация к обучению близка к нулевой отметке. В ситуации жизненного выбора он в последнюю очередь обратится к опыту казачьих традиций и православной морали. При этом, отношение к казачьей культуре носит положительный окрас.

«Антигерой», как максимально отрицательный образ мышления у студентов-казаков 2 курса не склонен стратегировать будущее, равнодушен к «цифровой гигиене», очень капризен в быту. Коммуникации не доставляют ему удовольствия, он готов общаться только тогда, когда это выгодно для него. Он считает, что текущая нагрузка для него непомерна, и поэтому не может обеспечить себя сам. В кризисной ситуации уповать на Бога такой «антигерой» будет в последнюю очередь.

У студентов-казаков 2 курса направления «журналистика» наблюдается четко выраженный «антигеройский» образ мышления, но несмотря на это они принимают традиции казачества лучше, чем все остальные рассматриваемые студенческие группы. При высоких показателях патриотичности, политической осознанности, контроля над эмоциями и наличия внутренних ресурсов, группа наиболее капризна к бытовым и финансовым условиям студенческой жизни. Мотивация к обучению ниже остальных групп и, в сочетании с другими показателями, свидетельствует о некоторой оппозиционности всей группы к существующей системе учебного заведения и казачьего направления.

Исходя из представленной диагностики можно спрогнозировать влияние факторов на поведение студенческих групп и возможные позитивные и негативные последствия. Независимо от влияния этих факторов, скорее всего, будет отмечаться во всех рассматриваемых группах высокая коммуникабельность, низкий уровень стратегического мышления, в том числе о собственной карьере, сложности с организацией финансового самообеспечения, адаптацией в режиме многозадачности, достаточно легкомысленное отношение к «цифровой гигиене», капризность в бытовом плане и не глубокое понимание казачьих традиций и православных ценностей, что отражает проблематику самого казачества и требует более углубленного анализа.

Выводы исследования будут полезны руководителям образовательных направлений для разработки специализированных программ с учетом казачьего компонента, а методика эмпирического социологического исследования может быть адаптирована под другие образовательные направления.

Источники:

1. Горелова Т. А., Хлопонина О. О., Безрукова О. В. Динамика системы «Герой – Антигерой» в истории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-sistemy-geroy-antigeroy-v-istorii-kultury> (дата обращения: 10.01.2025);

2. Курапова А. С., Курапов С. В., Богачев А. М. Историческое сознание казачьей молодежи с позиции интердисциплинарного подхода (по материалам исследования групповой акцентуации характера казачьей молодежи) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 4 (67). С. 18 – 28.

---

*A. S. Kurapova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
S. V. Kurapov (Moscow State University of Technology and Management)*

***"HERO" AND "ANTIHERO" IN THE WAY OF THINKING OF COSSACK
STUDENTS (BASED ON THE RESULTS OF AN EMPIRICAL
SOCIOLOGICAL STUDY)***

Based on the results of an empirical sociological study, the way of thinking of Cossack students in the concepts of "hero" and "antihero" is considered. The positive and negative aspects of the way of thinking of six student groups are analyzed. The characteristics of the groups under consideration, independent of external factors, are presented. The influence of external factors on Cossack students is predicted.

"Hero", "antihero", Cossack students, way of thinking, sociological diagnostics, positive image, negative image, Cossacks

УДК 304.9+316.43+316.4.051

С. Ю. Куртов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: KurtovSY@yandex.ru)

МЕТОД РЕТРОСПЕКТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Проведен анализ главного принципа устойчивого развития. Выявлены онтологические свойства социальной системы, обуславливающие применимость синергетической методологии к исследованию проблемы устойчивого развития. Рассмотрены философские основания синергетической концепции времени. Проведен сравнительный анализ методов планирования и прогнозирования будущего социальной системы. Описана методика, принципы, ограничения и преимущества ретроспективного прогнозирования устойчивого развития общества.

Устойчивое развитие, социальная устойчивость, социальная система, исторический процесс, полифуркация, ретроспективное прогнозирование, ретрополяция

Общество представляет собой открытую систему, устойчивость которой зависит от эффективности обмена веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Процесс исторического развития сопровождается непрерывным усложнением антропосферы и ее удалением от состояния равновесия с природной средой, что в долгосрочной перспективе может привести общество в состояние неустойчивости [1, С. 119].

Главный принцип экополитологической концепции устойчивого развития, впервые опубликованный в докладе комиссии Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее», заключается в том, что долгосрочное развитие человечества должно «отвечать потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [2, С. 24]. Несмотря на гуманистический характер основополагающего принципа устойчивого развития, социальный аспект устойчивого развития представляет собой наименее разработанное направление концепции.

Первичный анализ главного принципа устойчивого развития позволяет выявить параметры порядка, от значений которых зависит мера устойчивости социальной системы и поведение ее элементов. К этим параметрам относятся перечень потребностей и нормы потребления, демографическая динамика, а также количество и качество располагаемых ресурсов. Значения параметров порядка изменяются во времени, вызывая рост нелинейности процесса исторического развития социальной системы [3, С. 99].

Под нелинейностью понимается свойство системы значительно изменять свое состояние в ответ на незначительное изменение параметров поряд-

ка, а также многовекторность путей развития системы [4, С. 254]. Академик РАН Н. Н. Моисеев отмечает, что в обществе преобладает нелинейный, бифуркационный механизм развития [5, С. 68–72]. Согласно А. Пуанкаре система, пребывающая в неустойчивом состоянии, проходит через точку бифуркации, в которой случайным образом выбирается одна из двух потенциальных траекторий будущего развития системы [6, С. 165–166]. Бифуркация есть момент неустойчивости, за которым следует качественное изменение системы, а этап между двумя последовательными точками бифуркации представляет собой период устойчивого развития, сопровождающийся накоплением количественных изменений системы в пределах сохранения ее качества. Согласно М. С. Кагану, с нарастанием нелинейности и неравновесности в многомерном социокультурном пространстве бифуркационный процесс исторического развития обретает полифуркационный характер [7, С. 182]. Усложнение социокультурной динамики приводит к нарастанию неопределенности будущего [8, С. 36].

Таким образом, в процессе исторического развития проявляются открытость, сложность, неравновесность и нелинейность социальной системы. Системы, характеризующиеся этими свойствами, являются объектом изучения синергетики. Поэтому онтологические свойства социальной системы обосновывают адекватность применения синергетической методологии к исследованию исторического процесса.

Через призму синергетики исторический процесс представляет собой необратимое движение общества во времени к одной из возможных структур-аттракторов, которая является идеальным образом будущего социальной системы. Понятие структуры-аттрактора коррелирует с архетипическим образом мирового древа, в котором синхронно развертывается пространство вариантов возможного прошлого, настоящего и будущего [9, С. 84], а также представлениями Г. Гегеля о единстве прошлого, настоящего и потенциального будущего в развитой форме вечной природы. Концепция времени в синергетике созвучна представлениям М. Хайдеггера о подлинном времени как «вечном присутствии», которое складывается из памяти о прошлом, проектов будущего и настоящего, которое состоит из пересекающихся элементов прошлого и будущего. Взаимосвязь времен у Г. Лейбница отражена в свойстве субстанции выражать в настоящем все будущие состояния, а Ф. Ницше поэтически выразил идею о предопределении настоящего из будущего словами своего Заратустры: «От будущего веет незаметно ветер...» [9, С. 115–118, 139]. В контексте синергетической парадигмы философские представления о времени получили развитие в работах Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова посредством тезиса «будущее преддетерминирует настоящее» [10, С. 250].

Возможности прямого прогнозирования будущего состояния социальной системы становятся все более ограниченными из-за ускорения темпоральности, нарастания нелинейности и, как следствие, сокращения горизонта предсказуемости. Решения, принимаемые на основе результатов прямого

прогнозирования, носят локально-рациональный характер, то есть при реализации прогноза могут обеспечить устойчивость социальной системы в пределах горизонта прогнозирования, но в долгосрочной перспективе могут привести социум к состоянию неустойчивости. Сценарный анализ альтернативных вариантов будущего с учетом условий и вероятности их реализации требует большого количества ресурсов. В связи с этим для стратегического планирования устойчивого развития социальной системы представляется целесообразным применять метод ретроспективного прогнозирования, содержание которого соответствует представлениям о времени в синергетике.

Ретроспективное прогнозирование (ретрополяция или *backcasting*) – это разработанный в 1987 г. Дж. Робинсом способ последовательного мысленного построения траектории обратного движения от желаемого образа будущего (структуры-аттрактора) к актуально-логическому состоянию системы [11, С. 7, 78]. В отличие от прямого прогнозирования и сценарного планирования, ретрополяция не предсказывает всевозможные варианты будущего, а раскрывает конкретный механизм достижения предпочтительного будущего состояния с учетом заданных принципов и ограничений.

Ретрополяция представляет собой качественный метод стратегического планирования, в масштабах которого значения всех параметров порядка социальной системы успевают измениться. В процессе ретрополяции целесообразно проводить декомпозицию исторического процесса на этапы, ограниченные двумя последовательными полифуркациями. На каждом этапе, начиная с последнего – идеального будущего состояния социальной системы, необходимо выяснить, какие качества должно обрести общество на предыдущем этапе развития, чтобы перейти в желаемое состояние по кратчайшей траектории при минимальном управляющем воздействии. С позиции диалектики ответ на это вопрос представляет собой синтез – совокупность качественно новых свойств социальной системы, которые должны возникнуть в результате снятия противоречий при прохождении системы через предшествующую точку полифуркации. Снятию противоречий предшествует борьба диалектически противоположных моментов прехождения старого (тезис) и возникновения нового (антитезис). При этом тезис является синтезом для более раннего этапа развития. В результате последовательности итерации для каждого этапа формируется система нормативных требований, предъявляемых ко всем сферам общественной жизни и их сопряженности между собой. Соответствие свойств экономической, политической, социальной и духовной подсистемы общества системе сформулированных требований обеспечивает устойчивость развития социального целого на каждом этапе исторического процесса между двумя моментами полифуркации.

Необходимо отметить, что с позиции антропоцентристской концепции общества субстанциональным началом социальной системы и главной движущей силой, определяющей устойчивость ее развития, выступает человек [12, С. 24]. Свойства общества детерминируются характером социальных связей, который

зависит от качеств человека. Устойчивость социальных связей обеспечивается просоциальным характером индивидуального и коллективного поведения. Принципиальная возможность просоциального поведения обусловлена биосоциальной природой *homo sapiens*, а реализация просоциальной модели поведения на практике обеспечивается развертыванием социальной сущности человека в историческом процессе. Поэтому на каждом этапе ретрополяции нормативные требования к устойчивой социальной системе требуют глубокого социально-гуманитарного осмысления на предмет соответствия природе и сущности человека. Завершающий этап ретрополяции представляет собой систему требований, предъявляемых к человеку и социальной системе в их актуально-логическом состоянии, необходимых для начала последовательного устойчивого движения в направлении желаемого образа будущего.

Таким образом, открытость, нелинейность и неравновесность социальной системы определяют полифуркационный характер исторического развития. Ретроспективное прогнозирование представляет собой эффективный метод стратегического планирования устойчивого развития, учитывающий онтологические свойства социальной системы. Ретроспективное прогнозирование позволяет выявить среди множества потенциальных путей развития оптимальную траекторию, позволяющую избежать «тупиков эволюции» и перейти в желаемое будущее состояние при минимальном управляющем воздействии.

Источники:

1. Назаретян А. П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А. П. Назаретян; Институт востоковедения РАН, Центр Мегаистории и системного прогнозирования «Россия-2045». М.: Изд-во МБА, 2013.
2. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» / Генеральная Ассамблея ООН. Сорок вторая сессия. Пункт 83 предварительной повестки дня. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Нью-Йорк, 1987. Текст: электронный. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 07.01.2025).
3. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общ. науки и современность*. 1993. № 5. С. 92–100.
4. Yakimtsov V. Analytic overlook of the methodology of synergetics in postnonclassical science // *Baltic Journal of Economic Studies* *Baltic Journal of Economic Studies*. 2018. Vol. 4. № 2. P. 254-260.
5. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.
6. Пуанкаре А. Фигуры равновесия жидкой массы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
7. Каган М. С. Избранные труды: в VII т. Т. I. Проблемы методологии / М.С. Каган. СПб.: Петрополис, 2006.

8. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

9. Князева Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. СПб.: Алетейя, 2002.

10. Музыка О. А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология: учебное пособие / О. А. Музыка. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010.

11. Missimer M. Social Sustainability within the Framework for Strategic Sustainable Development: Doctoral Dissertation in Strategic Sustainable Development. Karlskrona, Sweden: Blekinge Institute of Technology, 2015.

12. Алексеев П. В. Социальная философия: учебное пособие. М.: ООО «ТК Велби», 2003.

S. Y. Kurtov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

BACKCASTING METHOD OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SYSTEM

The main principle of sustainable development is analyzed. The ontological properties of social system, which determine the applicability of synergetic methodology to the study of sustainable development problem, are revealed. The philosophical foundations of the synergetic concept of time are considered. A brief comparative analysis of methods of planning and forecasting the future of a social system is carried out. The methodology, principles, limitations and advantages of backasting of sustainable development of society are described.

Sustainable development, social sustainability, social system, historical process, polyfurcation, backasting, retropolation

УДК 316

Д. А. Лебединцев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: Daniil.al1997@gmail.com)

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТУРИЗМА КАК СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Историческая эволюция теорий социальной мобильности в истории социологической мысли тесно связана с системой социального неравенства и стратификации. Требование системности предполагает исследование как статического состояния общества, так и динамических явлений, которые происходят в процессе его функционирования. Выявляется и анализируется туризм как специфическая мобильность в преодолении социального неравенства.

Социальная мобильность, социальное неравенство, современное общество, туризм

Традиция исследования как статического состояния общества, так и динамических процессов, зародилась еще в теории Огюста Конта, родоначальника социологии, когда он впервые обозначил эти два состояния – социальную статику и социальную динамику – как неразрывно присущие каждому современному обществу. Причиной, почему важно проводить исследования передвижения социальных групп и/или индивидов, является поддержание динамического баланса социальной системы, выстроенной по иерархическому принципу [1, С. 65]. Физические перемещения людей происходили всю историю человечества. Однако только Питирим Александрович Сорокин в начале XX века впервые начал предметное социологическое исследование социальной мобильности в неразрывной связи с социальной стратификацией. Он понимал социальную стратификацию как «дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы» [2]. Любая иерархически выстроенная система, в том числе социальная, имеет признаки изменчивости во времени и подвержена процессуальным динамическим изменениям. Таким образом, по мнению ученого, любая стратифицированная система складывается из определенного количества социальных групп, коллективов и т. д., сгруппированных в иерархически расположенные страты с различным престижем, собственностью и властью [2]. Критериями для различения таких групп выступают неравный доступ к власти, доходу, профессиональному статусу и др.

Интерес Сорокина к проблематике социальной мобильности был не случаен. В конце XX – нач. XXI вв. начинают происходить те процессы и появляются те исторические тенденции, которые заметил еще М. Вебер и отразил в своей теории. В частности, это относится к изменению социальной структуры начала XX в. в отношении рабочего класса. Наиболее высококвалифицированные представители рабочего класса буквально за одно-два поколения повышают свой со-

циальный статус до уровня нижних слоев среднего класса. Благодаря этим процессам, явным становится быстрый рост нового среднего класса наемных работников. Таким образом, открытие исторической закономерности, характерной для современного ему общества, вывело теорию социальной мобильности на качественно новый теоретический уровень. Многие исследовательские тематики начинают центрироваться вокруг социальной мобильности: так, начинает признаваться, что наличие мобильности характерно исключительно для обществ, которые динамически развиваются. Противоположные состояния крайне нежелательны для современных обществ, т.к. снижают способность социальной системы в целом к удержанию динамического равновесия, особенно в условиях сложных бифуркационных состояний. В целом, значимость проделанной работы известным ученым способствует исследованию основных направлений развития социальной мобильности и выводит их на новый уровень.

Представитель школы исторической социологии Чарльз Тилли считает, что изучать социальные неравенства и мобильность необходимо не в контексте текущей социальной ситуации, а с позиций исторической перспективы долгосрочных изменений [3]. Социолог предлагает следующее определение: «Неравенство – это отношение между индивидами или группами, взаимодействие которых создает больше привилегий для одних, чем для других. ... Социальное неравенство предстает как совокупность парных и неравных категорий, состоящих из асимметричных отношений через социально признанные (и обычно нежесткие) границы между межличностными сетями, которые повторяются в широком спектре ситуаций» [3]. Ч. Тилли в динамике исследует механизм появления социального неравенства на основе создания неравных привилегий и позиций. Подобная динамика позволяет говорить о процессуальном характере модели социального неравенства в современном обществе. В частности, он пишет, что «модель социального неравенства состоит из четырех элементов: набора позиций, по которым происходит распределение; набора неравных вознаграждений; сортировочного механизма, распределяющего людей; индивидов, которые различаются по характеристикам [3, С. 134]. Поскольку все современные общества в социальном отношении функционируют по единому принципу, то перечисленные элементы, по мнению ученого, также имеют универсальный характер. Однако их конкретное функционирование зависит от культурного контекста. Таким образом, в теории Ч. Тилли отмечены такие признаки современного социального неравенства как универсальность базовых процессов, культурная и историческая обусловленность конкретных проявлений, включенность их во все сферы жизнедеятельности человека.

Во второй половине XX в., в связи с изменяющимися характеристиками общества, появляется такая разновидность социальной мобильности как туризм. На разных исторических стадиях трансформации понятия «туризма» появлялось много новых особенностей, выражающихся в особых функциях и формах проявления, которые с течением времени менялись и трансформировались под действием социальных, экономических, технологических и многих других факторов.

Туризм как специфическая мобильность в преодолении социального неравенства: от элитного до массового туризма

В изучение социальных аспектов туризма как проявления социальной мобильности в обществе, раскрывающее закономерности институционализации этой явления, внесли свой вклад Г. Зиммель, Т. Веблен, А. Шюц. Предметом исследований ученых-социологов были формы и условия путешествий и поездок, поставленных в зависимость от различных социальных факторов.

Так, Торстейн Веблен символом социального неравенства считает роскошь. Согласно Т. Веблену, основными признаками роскоши являются: нечто избыточное и лишнее необходимости; высокая цена; относительная редкость продукта [4]. Поэтому продукты роскоши могут позволить себе немногие. Главное в его теории то, что роскошь возникает в обществе вместе с социальным неравенством. Туризма в современном смысле слова тогда не было, однако перемещения в пространстве, с возвратом домой через какое-то время, практиковались. В этом смысле путешествия становятся важной частью жизни высшего класса, т. е. аристократии и крупной буржуазии, в XIX веке, т.к. они требовали больших денежных расходов и времени. Туризм высшего класса часто сводился к путешествиям до пансионатов на курорте и проживанию там какое-то время; затем такое же путешествие совершалось обратно. С учетом невысокой скорости перемещения в пространстве в то время, такие путешествия занимали много времени и становились образом жизни, недоступным большинству людей. В дальнейшем исследование туризма с использованием социальных теорий селективно содержится в критической социальной теории Г. Маркузе, А. Турена; радикальной постмодернистской социальной теории Ж. Бодрийяра; теории глобального общества З. Баумана; теории социальной мобильности Дж. Урри.

Начиная с середины XX в. общество переходит на постиндустриальный этап развития. Одним из главных признаков постиндустриального общества является наличие среднего класса и его доминирование среди прочих классов и слоев в обществе. В свою очередь главной характеристикой среднего класса являются излишки финансов и досуга и способы их потребления. Социальной детерминантой человека современного становятся занятия в свободное время. Отметим двойное отношение к работе как официальной деятельности, приносящей доход: работа занимает значительную часть времени – это факт, однако, она может восприниматься индивидом как любимое дело и в этом случае она относится к категории хобби или занятий в свободное время. С течением времени такие ситуации происходят все чаще, возникает понятие «творческие профессии», занятие которыми приносит человеку и денежное удовлетворение и моральный комфорт. Однако, основная идея ученого лежит немного в другой плоскости: самым распространенным хобби в современном мире являются туризм и путешествия. И Дин Макканелл выходит на новый уровень теоретизирования. Он пишет, что появляется новый праздный класс. В этом качестве согласно Д. Макканеллу выступает класс туристов. Конечно, употребление здесь

понятия «класс» не совсем вписывается в классические принципы социологического анализа. Однако, надо учесть, что в старом понимании (марксистском) это понятие уже давно не операционально, а первое «покушение» на его содержание произвел еще П. Бурдьё. Таким образом, Дин Макканелл впервые в социологической теории изучает такой объект как *homo peregrinatio* (человек путешествующий). В качестве используемых критериев ученый использует повседневные практики, потребительские установки и поведение, понимание роскоши и праздности, культуру [5]. Другими словами, объектом его исследования становится широко распространенный феномен туризма и туристических путешествий, которым охвачен в той или иной степени любой современный человек. «Позвольте мне вкратце представить мою нынешнюю точку зрения в отношении туристов. Они заключают договор с культурой, которая, как им кажется, чтит собственные и чужие традиции и наследие. Их привлекают «экзотические», уникальные и красочные места, что, однако, не исключает мест гиперсовременных и странных. Я не считаю, что туристы по природе своей тянутся к таким вещам. По моему мнению, туристы всегда являлись субъективной «чистой доской» [5, С. 55]. Таким образом, туристическое путешествие определяют как новый вид социальной мобильности с присущими ему характеристиками на личностном уровне и на уровне социальной практики.

Современный «массовый» туризм стирает грани неравенств, поскольку обладает своеобразными характеристиками. По мнению многих исследователей, эти особенности позволяют выделять его в особую форму мобильности по следующим признакам: наличие развитой инфраструктуры, сложившаяся организационная сеть, активный личностный рост, расширение коммуникативной сети и контактов, формирование ценностей и интересов людей, важных для опыта толерантности и стабилизации межэтнических и международных отношений и др. В целом, массовый туризм является важным фактором мобильности, который не только способствует культурному обмену, экономическому росту и разнообразию путешествий, но также играет важную роль стирания различных граней неравенства.

Источники:

1. Ястребов Г. А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе. М.: ИД ВШЭ, 2015.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017.
3. Tilly Ch. Rethinking Inequality // Polish Sociological Review. 2005. № 151. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/254170218_Rethinking_Inequality (дата обращения: 06.12.2024).
4. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ., вступит, статья С. Т. Сорокиной. Общая ред. В. В. Мотылева. М.: Прогресс, 1984.
5. Макканелл Д. Турист: новая теория праздного класса. М.: Маргинем Пресс, 2016.

D. A. Lebedintsev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING TOURISM AS A SOCIAL MOBILITY

The historical evolution of social mobility theories in the history of sociological thought is closely related to the system of social inequality and stratification. The requirement of consistency involves the study of both the static state of society and the dynamic processes that occur during its functioning. Tourism is identified and analyzed as a specific mobility in overcoming social inequality.

Social mobility, social inequality, modern society, tourism

УДК 316

Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: llebedintseva879@gmail.com);

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: deriuginpav@yandex.ru);

Хайлунь Чжан (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: zhanghailunno1@126.com)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УРБАНИЗАЦИИ В КИТАЕ

Рассматриваются процессы урбанизации в социологическом контексте. Исследуются три аспекта социологического измерения урбанизированности. Выявлено замедление процессов урбанизации за последние несколько лет.

Урбанизация, социологическое измерение, сельское население, город

Китай проводит политику реформ и открытости в течение 40 лет. Под влиянием этой политики урбанизация Китая достигла значительных успехов. В индексе урбанизации населения был достигнут наиболее очевидный прогресс: как количество городов, так и численность городского населения и площадь городских районов значительно увеличились, изменив облик «сельского Китая» в прошлом. Изучение урбанизации в социологии включает *три измерения*. *Первый аспект измерения* связан с урбанизированным населением в том или ином регионе. Здесь учитывается количество городского населения в процентах от общей численности населения. Это наиболее распространенный тип урбанизированности и наиболее часто используемый показатель для измерения уровня урбанизации в стране или регионе. После более чем 40 лет реформ и открытости, с 1981 по 2020 год, городское население Китая увеличилось с 201 миллиона до 902 миллионов, а уровень урбанизации увеличился с 20,1% до 63,8%. По ряду других важных показателей число городов на уровне префектур увеличилось со 108 в 1981 году до 293 в 2020 году, при соответствующем увеличении числа муниципальных районов с 514 до 973. Площадь застройки города увеличилась с 30 406 квадратных километров в 2004 году до 60 721 квадратного километра в 2020 году, а плотность городского населения соответственно увеличилась с 865 до 2778 человек на квадратный километр. Из этих показателей видно, что доля городского населения в общей численности населения, количество городов, площадь городов, плотность городского населения и другие аспекты достигли значительного прогресса и развития, что также является одним из величайших достижений после реформ и открытости Китая [1].

Вторым измерением урбанизации с социологической точки зрения является урбанизированность поведения/деятельности. Оно включает в себя социализацию человека в городских условиях. Миграция сельского населения

из сельской местности в город – это не только физический отток, но и смена места жительства, рода занятий, образа жизни, режима потребления, режима общения, а затем изменение образа мышления и поведения. Смена профессии, которая означает переход от сельскохозяйственных работников к несельскохозяйственным, также является предметом социально-экономических дискуссий [2]. Большая часть препятствий связана с системой регистрации домохозяйств и предоставлением различных прав, связанных с этой системой. Сельская местность – это типичное «общество знакомых», способ общения в котором основан на первичных социальных отношениях, возникающих в небольших сообществах, кланах, соседствах, и т. д., которые связывают людей. Люди полагаются на способы мышления и действия, основанные на отношениях в первичных социальных группах. Ничто из этого не применимо в городах, которые представляют собой «общество незнакомцев», а в социальном взаимодействии преобладают отношения во вторичных социальных группах. Таким образом, получение регистрации домохозяйства можно рассматривать как показатель завершения урбанизированности профессиональной деятельности. По данным статистики, общее городское население Китая в 2020 году составляло 902,2 млн. человек, а число трудовых мигрантов – 285,6 млн., то есть население с регистрацией домохозяйств, не занимающихся сельским хозяйством, составило 616,6 млн. В 1981 году городское население составляло 20,71 млн. человек, а с 1981 по 2020 год средний естественный прирост населения Китая за эти 40 лет составил 0,9% [3]. Таким образом, мы можем подсчитать, что максимальное число людей, изменивших регистрацию своего домохозяйства, составляет 327,95 млн.

Третьим измерением урбанизации с социологической точки зрения является структурная урбанизированность. Интерпретация структурной урбанизированности заключается в том, что городская цивилизация играет ведущую роль во всем обществе. Эта форма цивилизации основана на определенной степени урбанизированности населения и высокой степени урбанизированности деятельности. Другими словами, то, в каком месте живет тот или иной человек, является признаком, разделяющим городских и сельских жителей. Образ мыслей и поведение городских и сельских жителей не должны ничем отличаться друг от друга. Реализация структурной урбанизации зависит от влияния городской цивилизации на процесс изменения жизни в сельской местности. Рассмотрение этой проблемы с точки зрения городской цивилизации позволит поднять значение урбанизации на новый уровень [4]. Стремительное развитие урбанизации в Китае продемонстрировало несколько характерных особенностей: *во-первых*, заметен феномен поляризации в крупных городах. В последние годы обсуждение городов первого эшелона на севере – Шанхая, Гуанчжоу и Шэньчжэня – стало примером поляризации крупных городов Китая. Эти города стали международными мегаполисами с точки зрения городского строительства, агломерации населения, промышленных кластеров, городского имиджа, городского развития и т. д., а также служат примером для подражания другим городам [5].

Каждая провинция имеет свой собственный центральный город, другие имеют двойной центр, например, Фучжоу и Сямынь, Цзинань и Циндао и т. д. (один является столицей провинции, другой – особой зоной или экономически сильным городом). *Во-вторых*, вдоль восточного побережья, вдоль реки Янцзы, вдоль железной дороги Цзингуан образовались два вертикальных и один горизонтальный пояса крупных городов, в других местах образовался пояс небольших городов. Дельту Жемчужной реки и дельту реки Янцзы образуют мегаполисы. Это региональная особенность высокоразвитой урбанизации в Китае. Данные районы являются экономическим, социальным и политическим ядром Китая. *В-третьих*, все больше внимания уделяется созданию «индивидуальности» города, подчеркивая его имиджевые характеристики. Все китайские города одинаковы с точки зрения внешнего вида, функций и методов строительства. В последние годы в каждом городе начали возводиться знаковые здания, которые должны представлять его собственный облик и отличать от других городов. В дополнение к развитию самого города, городская инфраструктура распространилась и на другие районы. Урбанизированность демонстрирует тенденцию к снижению, и это также является результатом развития городской цивилизации. Город на уровне префектуры – это самая низкая точка города, уезд – это переходная зона между городской и поселковой культурой, а сельская местность ниже уезда – это место сосредоточения городской цивилизации. В какой степени обширные сельские районы современного Китая подвержены влиянию городской цивилизации? Считается, что до наступления эпохи интернета влияние городской цивилизации на сельскую было в основном материальным. Под влиянием традиционных средств массовой информации, таких как телевидение, в сочетании с реформой сельского хозяйства в 1980-х и 1990-х годах крестьяне также строили новые дома, улучшали условия жизни, приобретали механизированную сельскохозяйственную технику, совершенствовали рабочие инструменты, приобретали бытовую технику и т. д., а также улучшали материальный уровень жизни. Популярность телевидения, в том числе кабельного, улучшила развлекательную сторону жизни в сельской местности, а также способствовала популяризации среди сельских жителей материальной жизни города с целью подражания. С повышением производительности труда в сельской местности возникает избыток рабочей силы, в результате работники начинают покидать свои дома, становятся рабочими-мигрантами в городах, где промышленность и торговля были более развиты. Они работают в основном на стройках, в ресторанах, на фабриках, в сфере услуг и, как упоминалось выше, не пользуются такими же социальными льготами, как местные граждане, из-за ограничений согласно системе регистрации. Они выполняли низкоквалифицированную работу, имели низкий уровень знаний, низкую оплату труда, но при этом большую загруженность на работе, и по-настоящему не интегрировались в жизнь города. На втором уровне урбанизированности за исключением занятости, все остальные показатели – жилье, образование, социальные отношения, социальное взаимодействие и идеи на самом деле не урбанизированы. Некоторые из них решались

вернуться в свой родной город, чтобы начать собственное дело, и таким образом применить полученные знания, навыки управления и капитал для строительства и развития в своем родном городе. На данном этапе они являются важной движущей силой структурной урбанизации [6]. Важной особенностью структурной урбанизированности является распространение городской цивилизации на сельские районы, но трудно найти носителя структурной урбанизации, за исключением возвращающихся рабочих-мигрантов, упомянутых выше [7].

Миграция сельских жителей изменила географическое положение и тип профессиональных занятий. Но более глубоких изменений в образе мышления и/или поведения не произошло. Кроме того, в условиях экономических колебаний и политических ограничений урбанизация населения, вероятно, будет снижаться. Сельские жители, которые действительно урбанизовались, включая небольшое количество успешных рабочих мест с частичной занятостью, в основном получают высшее образование, регистрируются в городских семьях и работают в городе, пускают корни, вступают в брак и заводят детей, а также полностью интегрируются в городскую жизнь. Таким образом, суть урбанизации Китая заключается в «урбанизации элит». Для достижения этой цели они в основном полагаются на свой собственный образовательный капитал.

Источники:

1. Zhu Yingming, Yao Shimou. *The Principle Frame of Urbanization Urocess in China / Urban China*. 1999.
2. Wang Chunguan. *The National Treatment and Social Justice of Migrant Workers // Journal of Zhengzhou University (Philosophy and Social Sciences)*. 2004. №5. P. 80–99.
3. Deng B., Zhong F. *Leading or Constraining? Development of New-Type Urbanization under Economic Growth Targets // Land*. 2023. №12. P. 901–916.
4. Xuemei Bai, Jing Chen, Peijun Shi. *Landscape Urbanization and Economic Growth in China: Positive Feedbacks and Sustainability Dilemmas // Environmental Science & Technology*. 2012. №1. P. 132–139.
5. Cai Xuchu. *Comparative Study on Comprehensive Competitiveness of International Cities // Statistical Research*. 2002. №2. P. 34–47.
6. Jiang Lihua. *Urbanity and the Urban Adaptation of Migrant Workers // Social Science Research*. 2003. №12. P. 135–151.
7. Song Gang, Ma Junjv. *Research on Some Problems of Specialized Agricultural Cooperatives: a Review of China's Law on Specialized Farmers Cooperatives // Zhejiang Social Sciences*. 2007. №10. P. 155–176.

L. A. Lebedintseva (Saint Petersburg State University);

P. P. Deriugin (Saint Petersburg State University);

Hailun Zhang (Saint Petersburg State University)

THE SOCIOLOGICAL DIMENSION OF URBANIZATION IN CHINA

The processes of urbanization are considered in a sociological context. Three aspects of the sociological dimension of urbanization are investigated. A slowdown in urbanization processes has been revealed over the past few years.

Urbanization, sociological dimension, rural population, city

УДК 162.6

Е. Н. Лисанюк (Институт философии Российской Академии наук, e-mail: elenalisanyuk@yandex.ru)

АРГУМЕНТЫ ОТ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ: ОБНАРУЖЕНИЕ, АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

Исследования поддержаны РФФ, проект № 23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемый в НИУ ВШЭ.

В статье отстаивается два положения об аргументах от экспертного мнения. Понятие аргумента от экспертного мнения – это зонтичный термин для набора высказывательных форм, включающих недемонстративные умозаключения, в которых заключения о приемлемости какого-либо предложения обосновывают ссылкой на мнения людей или институты с определенным эпистемическим статусом. Причины затруднений в обнаружении, анализе и оценке таких аргументов коренятся в сложности разграничений между их описательными и нормативными свойствами.

Недемонстративная аргументация, вероятностные аргументы, правдоподобные аргументы, экспертное знание

Аргументы, содержащие ссылки на экспертное мнение, широко распространены в разных сферах практической деятельности людей, как в следующих примерах о ГМ-продуктах и о чаевых, переведенных нами из [1, Р. 31, 87]:

Марк: Согласно компании Монсанто, мировому лидеру в области биотехнологий, ГМ-продукты безопасны для окружающей среды. Так говорят эксперты, знающие все об этих продуктах.

Сара: Именно эта компания собирается заработать на таких новых продуктах. Можем ли мы считать их мнение непредвзятым? Я сомневаюсь в этом. Эта компания производила Агент Оранж и ДДТ.

Посылка 1: Д-р Фил утверждает, что чаевые снижают самооценку.

Посылка 2: Д-р Фил является экспертом в психологии – области знаний, изучающей самооценку.

Заключение: Чаевые снижают самооценку.

Ссылки на экспертное мнение часто используют в аргументации для защиты и критики точек зрения, однако обнаружение, анализ и оценка аргументов, содержащих их, затруднены в силу ряда взаимосвязанных эпистемологических, социально-коммуникативных и логических причин. Эпистемологические причины выражают современный кризис экспертизы и экспертного знания, вызванный, усложнением получения новых научных результатов, разрушением дефицитарной модели доступа к знаниям, снижением доверия к уче-

ным как экспертам и доступностью информации и образования, превратившей их из элитарных ресурсов в повседневные [2, 3].

Социально-коммуникативные причины фиксируют сложности коммуникации в треугольнике «общество-эксперты-власть» [4]. В обществе все менее доверяют экспертам и представителям власти, что приводит к росту денационализма, антинаучных течений вроде антипрививочников и т. п. [5], а также к появлению народных экспертов, [см., например, 6]. Это недоверие подпитывают ошибки экспертов, которые в силу доступности информации часто становятся более известны [7], нежели случаи верных экспертных оценок [8]. Политики и представители власти, от которых ожидается, что они ради принятия наилучших решений в интересах общества сформулируют адресованный ученым и специалистам социальный запрос на экспертное мнение, нередко не делают этого или в своих решениях не учитывают мнения экспертов [9].

Оставляя эпистемические и социально-коммуникативные причины за рамками этого исследования, мы фокусируемся на логических причинах затруднений на трех этапах изучения аргументов от экспертного мнения – их обнаружения, анализа и оценки. Они связаны с особенностями рассуждений и аргументации, когда в целях повышения убедительности какой-либо точки зрения апеллируют не только к истинности предложений, описывающих факты или ситуации и выступающих элементами строения аргументов – их посылками и заключениями, но и ссылаются на предложения, описывающие мнения людей или институтов, которые обладают определенным эпистемическим статусом, и, как правило, не относятся к участникам данного диалога, отстаивающим в нем свою точку зрения или критикующим другие мнения, как в примерах о чаевых и ГМ-продуктах выше.

Логические причины сводятся к затруднению в разграничении между дескриптивными и нормативными свойствами аргументов от экспертного мнения, т. е. в том, какие из свойств считать необходимыми и достаточными критериями на каждом из трех этапов. К таким причинам относятся недемонстративный характер подобных аргументов, сложности их классификации, пограничный истинностный статус предложений, выражающих экспертное мнение, на которое ссылаются, и отсутствие внятных критериев оценки приемлемости.

Сторонники диалектического подхода к аргументации [10] выделяют недемонстративные аргументы от экспертного мнения в специальную группу презумптивных, или условно отменяемых, аргументов, основанных на немонотонных рассуждениях. Конкурирует с диалектическим вероятностный подход к аргументам от экспертного мнения и некоторым другим недемонстративным паттернам рассуждений из причисляемых сторонниками первого подхода к презумптивным [11]. Третьим подходом выступает прагматический, трактующий демонстративные и недемонстративные аргументы как особые речевые действия [12].

Во всех трех подходах термин «аргумент от экспертного мнения» оказывается зонтичным, объединяя под ним такие паттерны, или схемы аргумента-

ции, как ссылка на мнение эксперта или авторитета, на свидетельские показания, на распространенное (в обществе) мнение или действие и т.п. Различия между такими схемами сводятся к эпистемическому статусу авторов мнений, на которые ссылаются, и влияют на способы анализа и проверки приемлемости таких аргументов.

Общая особенность правдоподобных аргументов состоит в том, что в них заключение выводят из отменяемого допущения, принимаемого за истинное в условиях нехватки информации и отсутствия сведений об обратном. Такая презумпция является эпистемически слабой гипотезой и должна быть отброшена, если поступят новые достоверные сведения, свидетельствующие об обратном, что подразумевает, что должны быть отброшены и выведенные из нее заключения [13]. Это дескриптивное свойство образует нормативный критерий анализа и оценки правдоподобных аргументов, требующий выявления условного допущения среди посылок и проверки отсутствия сведений об обратном [14]. С учетом этого сторонники диалектического подхода к аргументации реконструируют строение аргументов от экспертного мнения следующим образом:

Посылка 1 об эксперте: Источник Е – эксперт в области D, к которой относится гипотеза А.

Посылка 2 об экспертном мнении: Е утверждает, что А истинно.

Заключение: По-видимому, А можно считать истинным.

Отличительная особенность аргументов от экспертного мнения – презумптивное допущение о том, что адресат согласен с Посылками 1 и 2, т. е. признает высокий эпистемический статус Е и доверяет мнению Е об истинности А. Проверку этого допущения предлагается осуществлять при помощи методики критических вопросов к посылкам, заключению и форме аргумента:

Вопрос 1.1 об экспертизе: Насколько Е надежен как эксперт в области D?

Вопрос 1.2 об области экспертизы: Является ли Е экспертом в той области, к которой относится А?

Вопрос 1.3 о доверии: Заслуживает ли доверия Е лично как достоверный источник?

Вопрос 2.1 о мнении: Следует ли А из сказанного Е?

Вопрос 2.2. о совместимости: Совместимо ли А с утверждениями других экспертов?

Вопрос 2.3. о подкрепляющих данных: Основано утверждение Е об А на данных?

Три подхода схожи в том, что осуществляют оценку таких аргументы как одиночных (цепочек) рассуждений независимо от других аргументов в данном диалоге, не отождествляют ее оценку с их строением вследствие их недемонстративного характера и полагаются на критические вопросы, сформулированные сторонниками диалектического подхода.

В диалектическом подходе оценивают приемлемость высказывательной формы, включающей аргумент и критические вопросы к нему, и нормативными выступают критерий их полноты, а также консистентности ответов на них

с заключением аргумента. В вероятностном подходе вычислительно оценивают степень, в которой посылки и ответы на критические вопросы делают предположение об истинности заключения более вероятным по сравнению с предположением о его ложности. Сторонники прагма-диалектики приемлемость таких аргументов считают производной от суперпозиции речевых действий автора и адресата по поводу предъявления некоего мнения в качестве экспертного и признания статуса эксперта.

Источники:

1. Walton D. *Fundamentals of critical argumentation*. New York: Cambridge University Press, 2006.
2. Николс Т. *Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания*. М.: Бомбора, 2019.
3. Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 393–402.
4. Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. Эксперты vs общество: на пути к сотрудничеству // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61. № 4. С. 129–145.
5. Тухватулина Л. А. Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимовлияния // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 66. С. 275–281.
6. Елагин Г. Б., Микиртумов И. Б. Схемы сетевой аргументации типа «Яжемать» // *Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 июня 2021 г. Отв.ред. В. И. Маркин*. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 250–254.
7. Mizrahi M. Why Arguments from Expert Opinion are Weak Arguments, *Informal Logic*. 2013. № 33 (1). P 57–79.
8. Hinton M. Mizrahi and Seidel: Experts in Confusion // *Informal Logic*. 2015. Vol. 35, No. 4. P. 539–554.
9. Freedman D. H. *Wrong: Why Experts Keep Failing Us – and How to Know When Not to Trust Them*. New York, Little Brown and Company, 2010.
10. Walton D. N., Reed C., Macagno F. *Argumentation schemes*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.
10. Harris A., Hahn U., Madsen J., Hsu A. The Appeal to Expert Opinion: Quantitative Support for a Bayesian Network Approach // *Cognitive Science*. 2016. № 40. P.1496–1533.
12. Wagemans J. The Assessment of Argumentation from Expert Opinion // *Argumentation*. 2011. № 25. P. 329–339.
13. Pollock J. L. *Cognitive Carpentry*, Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.
14. Лисанюк Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов // *Дискурс*. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16.

E. N. Lisanyuk (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

**ARGUMENTS FROM EXPERT OPINION:
HOW TO DETECT, ANALYZE AND EVALUATE**

In the paper we defend two conceptions about arguments from expert opinion. The concept of those arguments is an umbrella term for certain propositional forms that include non-demonstrative inferences in which conclusions about the acceptability of a proposition are justified by reference to the opinions of people or institutions with a certain epistemic status. The difficulties in detecting, analyzing and evaluating of the arguments from expert opinion are rooted in the complexity of distinguishing between their descriptive and normative properties.

Non-demonstrative argumentation, probable arguments, plausible arguments, expert knowledge

УДК: 94 (470) 61975/19809

А. В. Ломакин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: loomm_98@mail.ru)

**ЛЕНИНГРАД ВСТРЕЧАЕТ ОЛИМПИАДУ-80. СПРАВКА ОТДЕЛА
МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОЛИМПИАДЫ,
ПРОВОДИМЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ
(К 45-ЛЕТИЮ XXII ЛЕТНИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР)**

Документальная публикация содержит справку Отдела массовых праздников о мероприятиях, связанных с проведением Олимпиады-80 и проходивших в Ленинграде. Впервые вводимый в научный оборот документ отражает деятельность Отдела массовых праздников по подготовке и проведению праздника встречи Олимпийского огня и эстафеты, олимпийского футбольного турнира, а также церемонии погашения огня и закрытия.

Олимпиада-80, XXII Летние Олимпийские игры, олимпийское движение, Ленинград, праздники, советский спорт

В 2025 году исполняется 45 лет XXII Летним Олимпийским играм, проходившим в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 г. Проведение Олимпиады-80 вошло в историю как одно из последних выдающихся достижений Советского Союза. По теме опубликовано нескольких крупных монографий [1, 2] и научных статей [3–7 и др.], а также сборников документов [8, 9]. Однако, несмотря на масштабность и знаковость этого спортивного события мирового уровня, степень изученности подготовки и проведения Олимпиады-80 едва ли можно считать исчерпывающей. Особенно мало внимания уделено проведению олимпийских мероприятий вне столицы, хотя задействованы были также Таллин, Минск, Киев, Ленинград. За исключением документальной выставки 2014 г. [10], вопрос о том как принимали Олимпиаду-80 в Ленинграде практически не освещался. Автор надеется, что данная публикация способствует заполнению исследовательской лакуны по теме, а также вызовет интерес у историков олимпийского движения.

Публикуемый документ был подготовлен Отделом массовых праздников, представлений и фестивалей Главного управления культуры Исполкома Ленгорсовета [11], и вошел в дело, в котором собраны отчеты и справки Отдела с 1969 по 1987. Кроме мероприятий посвященных Олимпиаде, в этой справке нашло отражение проведение праздников: Первый звонок, День молодого рабочего, 63-я годовщина Октября и др. (они были опущены как не относящиеся к теме). Документ заканчивается местами для подписи начальника-художественного руководителя Отдела массовых праздников, пред-

ставлений и фестивалей заслуженного артиста РСФСР С.И. Тулупникова и профгруппорга Л. В. Анисимовой [12]. Однако на месте подписи С. И. Тулупникова стоит автограф В. П. Возненко (главного редактора Отдела, заменившего Тулупникова на посту руководителя в 1983 г. [13]; вероятно именно Возненко и является автором справки). Большая часть справки посвящена «олимпийским» мероприятиям, в организации которых принимал участие Отдел, и содержит важную информацию об участии Ленинграда в эстафете Олимпийского огня, а также мероприятиях Олимпийского футбольного турнира, проходившего в том числе в Ленинграде. Часть справки о мероприятиях, не связанных с Олимпиадой-80 (следует за публикуемым отрывком), в публикуемом отрывке опущена. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

СПРАВКА

о мероприятиях, проводимых Отделом массовых праздников, представлений и фестивалей во II-м полугодии 1980 года.

Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование за достойную встречу XXVI съезда КПСС, за успешное выполнение планов завершающего года X пятилетки, вся деятельность Отдела была направлена на пропаганду Решений Коммунистической партии и Советского правительства по коммунистическому воспитанию трудящихся, повышение их политической и трудовой активности, формирования эстетических вкусов.

Для выполнения этих задач проводились следующие мероприятия:

1. 19 и 20 июля 1980 года в соответствии с планом Оргкомитета "Олимпиада-80" проводилась Церемония встречи и эстафета Олимпийского огня в Ленинграде.

Режиссерская разработка была осуществлена главным режиссером з. а. РСФСР С.И. Тулупниковым и режиссером-постановщиком з.д.и. РСФСР В. А. Садовским на основе сценария, подготовленного з.д.и. РСФСР Д. Я. Витолем и М. Я Михайловым. Художник-постановщик В. Л. Семенов.

19 июля. На перронах и в залах Московского вокзала звучит специально подготовленная фонограмма. Исполняется музыка П. Чайковского, Д. Шостаковича, стихи П. де Кубертена.

8 часов 25 минут. Под звуки финала 5-й симфонии П. Чайковского поезд "Красная стрела", в вагоне которого в Ленинград доставляется лампа-контейнер с олимпийским огнем, подходит к перрону.

В вагоне, в присутствии членов оргкомитета, от пламени, хранящегося в лампе-контейнере, зажигается малая /переносная/ чаша Олимпийского огня. Олимпийский чемпион з.м.с. СССР А. Рощин выносит чашу из вагона, рапортует и передает ее председателю ленинградского оргкомитета "Олимпиада-80" М. Д. Филонову.

На перроне для встречи олимпийского огня выстроен почетный эскорт спортсменов /360/чел./ в специальной бело-голубой форме с флагами расцветивания, сводный духовой оркестр ленинградской военно-морской базы, вы-

дающиеся ленинградские спортсмены – заслуженные мастера спорта, чемпионы Олимпийских игр, мира, Европы и Советского союза, представители трудящихся. М.Д. Филонов передает чашу бронзовому призеру Олимпийских игр з.м.с. СССР А. Михайлову. Спортсмен в сопровождении членов Оргкомитета, представителей трудящихся и официальных лиц направляется в световой зал. Шеренги спортсменов продолжают в зале. Теперь это спортсмены в бело-красной форме с красными стягами /260 чел./. На ступенях в парадном построении сводный духовой оркестр Штаба ЛВО. В зале две небольшие трибуны. На одну из них поднимаются руководство города и представители спортсменов – призеров прошлых олимпиад, на другой устанавливается чаша с огнем. У бюста В. И. Ленина пионеры – выпускники профтехучилищ, студенты, ветераны труда несут почетный караул. Под сводами празднично украшенного зала флаги МОК, СССР, РСФСР. В зале представители трудящихся, почетные гости. Краткий 10-минутный митинг. Олимпийская чемпионка з.м.с. СССР Л. Пинаева зажигает от чаши факел, через следующий зал проходит на площадь Восстания и входит в открытую машину. Машина с факелоносцем в сопровождении эскорта мотоциклистов ГАИ и 22 мотоциклистов ДОСААФ начинает свое движение по Невскому проспекту. Звучит Гимн великому городу Р. Глиэра, это главная музыкальная тема, своеобразный лейтмотив Олимпийских торжеств в Ленинграде. Площадь Восстания, Невский проспект, набережные и улицы, ведущие к Горисполкому заполнены десятками тысяч трудящихся. После прохождения кортежем машин и мотоциклов первой половины пути, у Казанского собора происходит переаажжение факела. Далее путь следования Олимпийского огня проходит мимо Адмиралтейства по набережной и к Исполкому. На этом пути трассы выстроены шеренги спортсменов с флагами расцвечивания /1500 чел./. Факел доставлен на площадь перед зданием Исполкома. У портика здания парадное построение спортсменов /120 чел./, духового оркестра /120 чел./, пионеров /40 чел./, тысячи представителей трудящихся. Факелоносец выходит из машины и зажигает малую церемониальную чашу, установленную на специально изготовленном подиуме у ступеней перед главным входом. У чаши с огнем несут круглосуточное дежурство спортсмены.

20 июля. В 16 часов 15 минут заместитель председателя Исполкома Ленсовета Б. П. Таукин дает команду: «Огонь игр XXII Олимпиады на стадион имени Сергея Мироновича Кирова доставить!». З.м.с. СССР Е. Куликов зажигает факел и передает его м.с. СССР Н. Демидовой. Звучит финал девятой симфонии Бетховена. Факелоносец и эскорт, состоящий из 22 спортсменов – студентов института физической культуры имени П.Ф. Лесгафта выходят на первый этап эстафеты от Исполкома до пристани на Адмиралтейской набережной.

Здесь начинается водный этап эстафеты. У пристани в парадном построении моряки и спортсмены. У причала катер «Альбатрос». Его борт украшен алыми и голубыми флагами. Альбатрос в сопровождении 6 катеров водной милиции, украшенных флагом Московской Олимпиады и флагами расцвечи-

вания в соответствии с официально утвержденными семью цветами игр XXII Олимпиады, и 44 судна маломерного флота ДОСААФ с ало-голубыми флагами на борту направляется к Петровской набережной. С момента выхода «Альбатроса» из-под центрального пролета Дворцовой моста одновременно вспыхивают факелы на Ростральных колоннах и 22 факела на стене Петропавловской крепости, начинает работу фонтанирующие устройства у стрелки Васильевского острова и катер гидромонитор у Петропавловской крепости. Все это создает яркую красочную картину водного этапа эстафеты характерного для нашего города. Здесь происходит переаажжение факела.

Третий этап заканчивается на Петровской набережной. Последующие 10 этапов проходят по набережной, мимо крейсера «Аврора», по Кировскому проспекту, Песочной набережной, проспекту Динамо, Морскому проспекту и Приморскому Парку Победы до правых ворот стадиона. В местах передачи эстафеты Олимпийского огня выстроены спортсмены в бело-голубых костюмах по 7 с каждой стороны, с флагами расцвечивания, соответствующими официальной цветовой гамме игр XXII Олимпиады в Москве.

В 17 часов 35 минут, точно в соответствии со сценарием, факелonosец появляется на беговой дорожке стадиона. Он передает Огонь последнему участнику эстафеты – Олимпийскому чемпиону з.м.с. СССР Е. Беляеву, который завершает круг по стадиону и поднимается к чаше. В 17 часов 37 минут над стадионом вспыхивает пламя 22 Олимпиады.

Сотни тысяч трудящихся были свидетелями эстафеты олимпийского огня на всем пути ее следования.

Всего в Церемонии встречи и эстафете приняло участие:

2 тыс. спортсменов различных спортивных обществ Ленинграда;

70 человек заслуженных мастеров спорта СССР, чемпионов олимпийских игр, мира, Европы и советского союза;

200 студентов института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта и Ленинградского областного культпросветучилища;

120 моряков Ленинградской Военно-Морской базы; 110 пионеров

Количество зрителей практически определить невозможно /визуально оно определяется в пределах от полутора до двух миллионов человек/.

Использовано технических средств:

– 2 автомашины ЗИС – 110

– 2 автомашины тина РАФ

– 11 мотоциклов ГАИ

– 22 мотоцикла ДОСААФ

– I катер «Альбатрос»

– 6 катеров водной милиции

– 44 маломерных судна ДОСААФ

Изготовлено 800 флагов расцвечивания.

2. 20 и 27 июля 1980 г. были проведены Праздники торжественного Открытия и Окончания Олимпийского футбольного турнира в Ленинграде были

осуществлены по специальным сценариям, авторами которых являлись Заслуженные деятели искусств РСФСР – А. Витоль, Л. Носихин.

Постановку этого праздничного и красочного спортивного театрализованного представления, символизирующего мир, спорт, дружбу и юность осуществил режиссер-постановщик и главный балетмейстер заслуженный деятель искусств РСФСР Л.Ф. Носихин.

Красочное художественное оформление праздников Открытия и Закрытия создали художники-постановщики В. В. Кудрявцев и А. С. Пастернак.

Праздник Открытия и Окончания проходил при заполненных Ленинградцами и гостями нашего города трибунах стадиона им. С. М. Кирова. Присутствующие на стадионе зрители тепло принимали яркие праздничные представления, посвященные этим датам.

В праздниках торжественного Открытия и Окончания Олимпийского футбольного турнира в Ленинграде приняло участие 9839 человек, в том числе:

- Военнослужащих – 6919 человек,
- учащихся ПТО – 1160 человек,
- учащихся детских спортивных школ – 900 человек,
- студентов ВУЗов – 280 человек
- участников самодеятельных коллективов – 360 чел.
- пионеров – 120 человек

В оформлении праздника Открытия и окончания были задействованы более 20 фабрик и предприятий, изготовивших для декоративного оформления более 5 тыс. знамен и фоновых флажков, а также изготовивших свыше 9 тыс. костюмов и 7 тыс. пар специальной резиновой обуви /в целях сохранения футбольного поля/ и многого другого оформления и реквизита.

Большое количество реквизита и спортивного инвентаря, бутафории было изготовлено на ленинградском экспериментальном заводе «Спорт» и в Художественно-производственных мастерских Главного управления культуры.

Все расходы на проведение указанных мероприятий проходили в соответствии с решением Исполкома Ленсовета и в пределах сметы, утвержденной Председателем Оргкомитета «Олимпиада-80» тов. Филоновым М. Д.

Общая сумма утвержденной сметы на все вышеуказанные Олимпийские мероприятия составляла 956 тыс. руб. В результате тщательно разработанного и продуманного плана экономично[го] использования изготовленного материального и художественного оформления праздников была достигнута экономия от утвержденной сметы, размер которой превышает 50 тыс. руб.

Большая часть изготовленного декоративного оформления и реквизита сможет быть в дальнейшем успешно использована в массовых представлениях и спортивных играх.

3. 3 августа 1980 года в соответствии с планом Оргкомитета Игр XXII Олимпиады в Ленинграде на стадионе им. С. М. Кирова состоялось торжественное погашение олимпийского огня. Постановка массового театрализованного

ванного действия на церемонии была осуществлена по сценарию з.д.и. РСФСР А. Витоля и з.а. РСФСР С. Тулупникова главным режиссером з.а. РСФСР С. Тулупниковым, режиссером-постановщиком Ю. Наклоновым, художником-постановщиком В. Семеновым, главным дирижером з.р. РСФСР Б. Павловым. Массовое действие, в котором принимало участие более 500 спортсменов, и 100 человек оркестра было развернуто на верхнем кольце стадиона, непосредственно у чаши с Олимпийским огнем и на прилегающей к ней парадном лестничном марше.

Кульминационным моментом Церемонии явилось выступление Председателя Ленинградского Оргкомитета Олимпиада-80 М. Д. Филонова и прямая трансляция финала торжественного закрытия игр XXII Олимпиады в Москве.

Под звуки «Гимна Великому Городу» Р. Глиэра и под залпы артиллерийского салюта медленно гаснет Олимпийский огонь в чаше стадиона им. С. М. Кирова. Это происходит одновременно с погашением огня на большой спортивной арене в Лужниках.

Одновременно с погашением огня спускаются и официальные флаги. Тысячи ленинградцев явились свидетелями церемонии. В числе почетных гостей – выдающиеся ленинградские спортсмены, члены Оргкомитета, представители бригад – ударников Коммунистического труда, которые принимали участие в подготовке города и стадиона к проведению Игр XXII Олимпиады <...>

ЦГАЛИ СПБ. Ф.778. Оп.1. Д.5. Л.55-60. Машинопись. Подлинник.

Источники:

1. Орлов И. Б., Попов А. Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
2. Антология российского олимпийского движения: посвящается 40-летию Игр XXII Олимпиады 1980 года в Москве и 15-летию Фонда поддержки олимпийцев России. В 2 т. М., 2020.
3. Бабайцев А. В. Московская олимпиада: торжественный марш архетипов // Человек. 2005. № 3. С. 137–144.
4. Вагина М. Ю. Олимпийские игры 1980 г. как урбанистический прорыв // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 243–259;
5. Пономарев И. Н., Иванов Л. А. О строительстве и реконструкции сооружений и объектов в ходе подготовки игр XXII Олимпиады в Москве // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2007. № 10. С. 56–60.
6. Попов А. Д. «Марафон гостеприимства». Олимпиада-80 и попытка модернизации советского сервиса // Cahiers du monde russe[фр.]. 2013. Vol. 54, № 1–2. P. 265–295.

7. Попов А. Д. «Зачем нам этот скипидар напололам с лимонадом?»: Кулинарные секреты Олимпиады-80 // Родина. 2014. № 12. С. 147–149.

8. Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве / Сост.: Т. Ю. Конова, М. Ю. Прозуменщиков; Гл. ред. Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2011.

9. Пять колец под кремлевскими звездами. «Олимпиада-80» в Москве: альбом / глав. ред. Н. Г. Томилина; вступ. ст. М. Ю. Прозуменщиков; сост.: И. В. Казарина, Н. В. Переудина. М., 2012.

10. «Во славу спорта и во имя чести своих команд...». Материалы выставки, приуроченной к XXII зимним Олимпийским играм в г. Сочи (7-23 февраля 2014 г.), проходившей в Выставочном зале Архивного комитета Санкт-Петербурга в период с 4 февраля по 30 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://spbarchives.ru/2014_2_5 (дата обращения: 09.01.2025)

11. Отдел массовых театрализованных праздников и представлений при Главном управлении культуры Исполкома Ленгорсовета был создан в 1969 г. Отдел занимался подготовкой городских праздничных мероприятий, включая государственные праздники (1 мая и 7 ноября) и ленинградские фестивали (Белые ночи, Алые паруса и др.). Цит. по: ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп.2–1. Д. 319. Л. 111–112.

12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 778. Оп.1. Д.5. Л. 62

13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 778. Оп. 1. Д. 5. Л.2; Д. 21. Л. 52, 102

A. V. Lomakin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»; Saint Petersburg University)

LENINGRAD WELCOMES THE OLYMPIC GAMES-80. INFORMATION FROM THE DEPARTMENT OF MASS CELEBRATIONS ABOUT THE EVENTS OF THE OLYMPIAD HELD IN LENINGRAD (ON THE 45TH ANNIVERSARY OF THE XXII SUMMER OLYMPIC GAMES)

The documentary publication contains information from the Department of Mass Celebrations about events related to the Olympic Games-80 and held in Leningrad. The document, which is being put into scientific circulation for the first time, reflects the activities of the Department of Mass Celebrations for the preparation and holding of the Olympic Flame and relay meeting, the Olympic football tournament, as well as the flame extinguishing and closing ceremony.

Olympics-80, XXII Summer Olympic Games, Olympic movement, Leningrad, holidays, Soviet sports

УДК 316.422

Лю Тяньси (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: liu-tianxi19@gmail.com);

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО ОПЫТА

(при поддержке гранта РФФИ №24-28-01448)

С начала реформ и открытия в Китае начались процессы маркетизации, которые не только полностью изменили экономическую структуру страны, но и глубоко повлияли на эволюцию социальной структуры. В настоящей статье исследуется путь эволюции социальной структуры Китая в процессе маркетизации, а также анализируются причины и последствия, с целью предоставить понимание китайской социальной трансформации, сочетая теорию с практикой.

Процесс маркетизации; социальная структура Китая; плановая экономика; рыночная экономика

Процесс маркетизации в Китае начинается в конце 1970-х годов. В этом процессе произошли фундаментальные изменения в распределении ресурсов, а также сформировался механизм рыночной конкуренции. Ключевые факторы, такие как цены и заработная плата, в основном определяются рынком. Этот процесс можно условно разделить на следующие этапы:

1. Этап предварительного исследования (1978–1992 гг.)

На этом этапе политика реформ и открытости становится ключевым двигателем экономических и социальных изменений в Китае. Система ответственности домохозяйств по контракту широко внедряется в сельской местности, что значительно стимулирует экономическую активность крестьян и существенно повышает эффективность сельскохозяйственного производства. В то же время создание особых экономических зон, таких как Шэньчжэнь, стало авангардом открытости внешнему миру, привлекло большой объем иностранных инвестиций и способствовало развитию легкой промышленности. Одновременно продвигалась реформа государственных предприятий, ограничения традиционной «единичной системы» постепенно ослабевали, а частная экономика получила возможность для развития, показав тенденцию к быстрому росту. Увеличивается разнообразие рынка потребительских товаров.

2. Этап углубления реформ (1992–2001).

В 1992 году XIV съезд Коммунистической партии Китая было объявлено о цели создания социалистической рыночной экономической системы и

направлениях реформирования экономической системы Китая. В этот период Китай уже был готов вступить в ВТО, а внутренняя экономика становилась все более тесно связанной с международным рынком. На социальном уровне постепенно формируется новый средний класс, а возможности получения образования и трудоустройства значительно расширяются. С точки зрения экономического воздействия, внешняя торговля продемонстрировала тенденцию к быстрому росту, а экономический рост еще больше ускорился [1].

3. Этап всесторонней открытости (начиная с 2001 года).

В 2001 году Китай официально вступил во Всемирную торговую организацию (ВТО), что ознаменовало полную интеграцию экономики Китая в мировую экономическую систему. С тех пор процесс урбанизации Китая значительно ускорился, и он постепенно превратился в глобальный производственный центр со своими собственными промышленными преимуществами. Фондовый рынок постоянно стандартизировался, а финансовая система изначально совершенствовалась, обеспечивая более надежную поддержку экономическому развитию. В то же время продвижение инициативы «Один пояс, один путь» способствовало региональному экономическому сотрудничеству и мировой торговле, а глобальное влияние Китая растет с каждым днем [2]. Реализация структурной реформы в сфере предложения способствовала оптимизации и модернизации экономической структуры, высокотехнологичная промышленность вступила в «золотой период» быстрого развития. Уровень доходов жителей также существенно вырос, а рост цифровой экономики стал новой вехой экономического развития.

Исследование эволюции социальной структуры

1. Рост числа государственных предприятий и неинституциональных групп.

С развитием процессов маркетизации абсолютное доминирование государственных структур в распределении ресурсов постепенно было нарушено, и появились неинституциональные группы, которые продолжили расти и развиваться. Если взять в качестве примера различные категории персонала государственных предприятий, то акционеры, посредники-брокеры, инженерно-технический персонал, учителя, врачи, юристы и т. д. начали использовать рыночные каналы для получения доходов, отличных от заработной платы [3]. Эти люди получили больше свободно текущих ресурсов и свободного пространства для деятельности на волне маркетизации, что оказало влияние на механизм формирования социальной стратификации.

Например, в некоторых случаях сотрудники государственных предприятий получают дополнительный рыночный доход, открывая индивидуальный предпринимательский бизнес или заключая соглашения о сотрудничестве с внешними предприятиями [4]. Однако такое поведение часто сталкивается со множеством ограничений в государственных структурах. С одной стороны, компании обеспокоены тем, что внимание сотрудников будет отвлекаться, что повлияет на качество и эффективность их работы; с другой стороны, их также беспокоит утечка коммерческих или технических секретов.

В то же время группы, находящиеся за пределами системы, такие как владельцы частного бизнеса и «белые воротнички» на предприятиях с иностранным финансированием, постепенно сформировали новый социальный класс, получая ресурсы посредством рыночной конкуренции. Бывшие сотрудники государственных предприятий переходят на самозанятость, становятся владельцами частного бизнеса и получают значительный доход за счет рыночной конкуренции. Эта трансформация не только отражает возможности развития индивидуумов в процессе маркетизации, но и отражает динамику изменения структуры социальных классов.

2. Изменения в структуре городского и сельского населения.

Процессы маркетизации существенно ускорили урбанизацию и вызвали глубокие изменения в структуре городского и сельского населения [5]. Привлеченные возможностями развития городской экономики и высококачественными общественными услугами, большое количество сельских жителей устремились в города. Тенденция миграции населения не только изменила соотношение городского и сельского населения, но и привела к всесторонним изменениям во многих измерениях, таких как способы производства, образ жизни, права и интересы, а также цивилизованное поведение.

По данным седьмой национальной переписи населения, в 2020 году доля городского населения Китая в общей численности населения достигла 63,89%, тогда как на долю сельского населения пришлось всего 36,11%. Эти данные показывают, что доминирующее положение городов в социальной структуре становится все более заметным. В сельской местности это перемещение населения также вызвало новые разногласия. Некоторые сельские районы с выгодным географическим положением и близостью к крупным городам достигли быстрого экономического развития, создали новые механизмы роста и находятся на пути к процветанию благодаря своим географическим преимуществам, а также радиационному и движущему эффекту городов; в то время как сельские районы в отдаленных районах таких условий не имели. В силу таких факторов, как удаленность и неудобная транспортная доступность, экономическое развитие региона отстает от развития городов и развитых сельских районов, а разрыв между регионом и развитыми сельскими районами еще больше увеличивается [6].

3. Изменения в профессиональной структуре.

Процесс маркетизации глубоко изменил профессиональную структуру Китая. Некоторые традиционные профессии постепенно пришли в упадок из-за неспособности адаптироваться к рыночному спросу, в то время как новые профессии продолжали появляться. Новые профессиональные группы, представленные курьерами, водителями, занимающимися онлайн-заказом автомобилей, и специалистами по онлайн-продажам, быстро развиваются и становятся важной силой в процессе маркетизации. Эти новые профессиональные группы характеризуются неполной занятостью и гибкостью, предостав-

для работникам разнообразные варианты трудоустройства, а также адаптируясь к разнообразным потребностям развития рыночной экономики.

Влияние маркетизации на социальную структуру

Процесс маркетизации оказал глубокое влияние на социальную структуру Китая. Во-первых, с точки зрения структуры собственности, это разрушило первоначальную единую государственную структуру собственности, привело к появлению большого количества новых социальных групп, действующих «вне системы», и обогатило многообразие социальных и экономических образований. Во-вторых, с точки зрения механизма социальной стратификации, маркетизация наделила каждый социальный класс более свободными ресурсами и свободным пространством для деятельности, побуждая механизм формирования социальной стратификации измениться с традиционного административного на рыночный. Роль инновационного духа и рыночных возможностей в социальной стратификации становится все более заметной. Наконец, с точки зрения конкретного состава социальной структуры, процесс маркетизации вызвал серьезные изменения в структуре городского и сельского населения, профессиональной структуре и других аспектах, заставив социальную структуру развиваться в более диверсифицированном и сложном направлении. Это разнообразие и сложность не только отражают прогресс и жизнеспособность общества, но и ставят новые задачи и требования к социальному управлению.

Подводя итог, можно сказать, что социальная структура Китая претерпела глубокие и масштабные изменения в процессе маркетизации. Такие случаи, как рост числа государственных предприятий и неинституциональных групп, изменения в структуре городского и сельского населения, а также изменения в профессиональной структуре, наглядно демонстрируют глубокое формирующее воздействие процесса маркетизации на социальную структуру. По мере углубления процесса маркетизации социальная структура Китая неизбежно будет продолжать претерпевать глубокие изменения [7]. В условиях этой динамичной тенденции развития необходимо уделять пристальное внимание динамике рынка и социальным изменениям, а также своевременно корректировать политику и стратегии на основе научно-теоретического анализа и обобщения практического опыта для достижения оптимизации социальной структуры и скоординированного развития экономики и общества, чтобы лучше удовлетворять потребности общества. Постоянно растущие потребности людей в лучшей жизни подталкивают китайское общество к более высокому уровню модернизации.

Источники:

1. Лу Сюэйи. Исследовательский отчет о социальных классах в современном Китае // Академическая пресса социальных наук. 2002. № 2. (на китайском языке)

2. Ли Пэйлинь, Ли Цян, Сунь Липин. Социальная стратификация в Китае. // Академическая пресса социальных наук. 2004. (на китайском языке)
3. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1999. (на китайском языке)
4. Ли Лулу. Об изучении социальной стратификации // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 1–10. (на китайском языке)
5. Сунь Липин. Социальная трансформация и изменение социальной структуры // Стратегия и менеджмент. 1994. № 2. С. 94–102. (на китайском языке)
6. Цай Ф., Ван М. Ю. Как экономический рост Китая может перейти к модели, в которой доминирует совокупная производительность факторов производства? // Китайские общественные науки. 2009. № 1. С. 56–71. (на китайском языке)
7. Чжан И. Исследование тенденций изменений в структуре социальных классов Китая // Китайские общественные науки. 2010. № 2. С. 101–124. (на китайском языке)

Liu T (Saint Petersburg State University);

Yu Y (Saint Petersburg State University)

EVOLUTION OF SOCIAL STRUCTURE IN THE PROCESS OF MARKET TRANSFORMATION: ANALYSIS OF CHINESE EXPERIENCE

Since the beginning of reform and opening-up, China has embarked on a profound and unprecedented marketization. This process has not only completely changed the country's economic structure, but also profoundly affected the evolution of social structure. This paper, through detailed case analysis, deeply explores the evolution path of China's social structure in the process of marketization, and analyzes the causes and consequences behind it, so as to provide an understanding of China's social transformation by combining theory and practice.

Marketization process; social structure of China; planned economy; market economy

УДК 101.1

К. С. Максимова (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: herrinmic@mail.ru)

БУДУЩЕЕ ПАРАДОКСОВ ЭЛЕКТРОДИНАМИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКО-ЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье рассматривается явление научных парадоксов, а также взаимосвязь между противоречиями и развитием научного мышления в области электродинамики. Также представлен взгляд на природу противоречий в описании электромагнитных явлений через призму философской и логической оптики и их последующее разрешение. Выявляется роль философского и логического подхода к научным парадоксам как к движущему фактору развития науки на примере парадоксов в области электродинамики.

Парадокс, противоречие, электромагнетизм, электромагнитная индукция, логика, взаимосвязь науки и философии, движущие факторы развития науки

Современная наука может смотреть в будущее более эффективно, сотрудничая с философией.

Это объясняется тем, что научная мысль уже давно шагнула за рамки исключительно непосредственных эмпирических исследований, немалое количество данных в наши дни выводится не из прямого наблюдения, а благодаря расчетам (примерами могут служить целые научные области, такие как астрофизика или квантовая механика, где объекты изучения являются или несоизмеримо удаленными, или потенциально бесконечно малыми, а значит, работа с ними не может строиться только на понимании материи, как чувственно воспринимаемой реальности), следовательно, роль философской оптики здесь заключается в том, что она помогает оценивать эти расчеты с позиций логики, когерентной теории истины, а также задавать вектор развития науки за счет более общего и цельного взгляда на картину мироздания, как универсума.

Но с другой стороны, и философия должна сотрудничать с научно-техническими дисциплинами, потому что это система с двусторонней обратной связью, наука создает почву для философского осмысления, техника способна вносить свой вклад в теорию изобретения и саму идею креативности, а философия, в свою очередь, совершает акты осмысления и структурирования плодов и результатов научно-технического прогресса, поэтому философия современности и будущего времени естественным образом взаимосвязана с научно-техническими областями.

Главным вектором философской мысли являются предельно общие категории бытия, поэтому четыре фундаментальных силы – гравитация, элек-

ромагнетизм, сильные и слабые ядерные взаимодействия – представляют особый интерес для формирования мировоззренческих концептов.

В рамках данной работы можно остановиться на одной из них и рассмотреть с точки зрения философии. Электромагнетизм проявляет себя на всех уровнях бытия, и, оставаясь доступным для научного исследования, однако по-прежнему оставляет множество загадок.

В самой основе феномена электричества и сопутствующего ему магнитного взаимодействия и на сегодняшний день еще много белых пятен и необъяснимых противоречий.

Исторически часто развитие научных идей и парадигмальные сдвиги в представлении тех или иных явлений происходили посредством противоречий или парадоксов. Иногда парадоксы способны завести более строгую и рациональную научную методологию в тупик, и тогда именно философская оптика способна выступить в качестве движущего фактора, выводящего науку из замкнутой противоречивости.

Парадокс – это философская и логическая категория, описывающая ситуацию, где два взаимоисключающих утверждения являются равнодоказуемыми или равноопровергаемыми, или ситуацию, где какое-либо суждение замыкается на само себя, и само же себя опровергает.

В электрофизике, в частности, в электродинамике, на сегодняшний день существует некоторое количество парадоксов, разрешению которых мог бы способствовать философско-логический подход к ним. А их разрешение и преодоление, в свою очередь, приводило бы к усовершенствованию представлений о природе и возможностях электричества, и, возможно, к новым техническим изобретениям в будущем.

Можно показать логику данного утверждения на сравнительно простом примере. Допустим, парадокс изображения силовых электромагнитных линий можно логически представить в виде конфликта означающего и означаемого.

Изображение линий электромагнитных полей рисуется в виде замкнутого контура, потому что такой вид принимают металлические опилки, рассыпанные над катушкой индуктивности, и данное изображение интуитивно представляется более рациональным, но именно это в итоге и создает противоречие, потому что силовые магнитные линии замкнуты не на себя (говоря языком логики – не являются самореферентными), а на заряженную частицу. Иными словами, на практике такие линии замкнутыми не являются, и, помимо прочего, показывают скорее статическую, а не динамическую картину, в силу ограничений означающего относительно означаемого.

Вот что пишут про данный парадокс Рысин А. В., Никифоров И. К., Бойкачев В. Н., Хлебников А. И. в статье «Парадоксы изображения силовых электрических и магнитных линий»:

«Здесь же возникает парадокс, связанный с тем, что вектор силовых линий, как электрического поля, так и магнитного поля, оказываются соосны на краях

по направлению движения. А это отрицает утверждение о том, что силовые линии должны быть обязательно перпендикулярны направлению движения» [1].

Далее, авторы анализируют возможные выходы из сложившейся противоречивой ситуации:

«И понятно, что решить указанные парадоксы можно только на основе детального рассмотрения характера самого силового воздействия, и с чем оно связано. И тогда встает вопрос о том, как правильно обосновать логику взаимодействия и формирования электрических и магнитных силовых линий. (...) Принцип совместного существования противоположностей (в науке он получил название корпускулярно-волнового дуализма) отражен через необходимость наличия между ними обмена объектами» [1].

Неклассические многозначные логики, пересматривающие законы непротиворечия и исключенного третьего, позволяют подходить к такого рода ситуациям более гибко и предлагать менее линейные структуры корреляции означающего и означаемого.

Соответственно, более конкретное соответствие схемы и реальности позволит конституировать более точное представление о том, как с данной реальностью взаимодействовать.

«Границы моего языка означают границы моего мира. Логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами» [2] – это утверждение знаменитого австрийского логика и философа Людвиг Витгенштейна применимо не только к конструкциям естественного языка, но и к любым схематическим моделям более сложных процессов, будь то человеческое мышление или физическая природа. Получается, детализируя схемы, можно расширять возможности миропознания.

Примером же решенного ранее парадокса, отчасти взаимосвязанного с предыдущим, понимание и объяснение которого привело к дальнейшим открытиям, и при этом имело вполне философскую природу, может служить парадокс левой руки Ампера.

Изначально он вытекает из другого парадокса, известного еще в 19 веке – парадокса двух проводников.

Опыты показывали, что проводники притягиваются, когда токи однонаправлены, и отталкиваются – когда токи в них направлены противоположно. Соответственно, магнитные силовые линии в изображении датского физика Ханса Кристиана Эрстеда носили однонаправленный характер, в то время как в природе встречаются параллельно-встречные потоки, изображение и понимание которых несколько сложнее, что и создавало противоречие.

«Действия, которые происходят в проводнике и в окружающем его пространстве, мы назовем электрическим конфликтом. Все немагнитные тела проницаемы для электрического конфликта» [3].

Способ мыслить электромагнитные процессы через понятие феномена конфликта создает тот самый философский компонент, который позволяет взглянуть на протекающие физические процессы шире сугубо материального

представления, потому что речь в данном случае идет о глубинной сути явления взаимосвязи электричества и магнетизма.

Однако, Х. Эрстед заблуждался, вводя в свои объяснения дополнительную материальную субстанцию, предположения о которой выдвигались еще Аристотелем – эфир. На сегодняшний день объяснение происходящих в проводнике процессов возможно и без привлечения эфира, что в свою очередь опровергает его существование, и здесь можно наблюдать пример того, как парадокс помог разрешить многовековой спор о наличии или отсутствии «пятой субстанции», то есть, эфира.

Возвращаясь к парадоксу левой руки Ампера, можно отметить, что в статье «Парадоксы гравитации и электромагнетизма, или что не мог знать фон Браун» Ильиченко Д. В. и Ильиченко Л. И. сообщают о данном парадоксе следующее: «Парадокс заключается в том, что по законам физики в соответствии с уравнением Бернулли «проводник с током, текущим от нас» должен выталкиваться постоянным магнитным полем вверх, там, где больше суммарная скорость потока всепроникающей среды постоянного магнита и магнитного вихря проводника и, следовательно, меньше давление сверху, чем снизу, где скорости меньше, а давление соответственно больше» [4].

Разрешение парадокса, предлагаемое авторами, заключается в том, что проводники в действительности взаимодействуют не только через магнитное поле. Магнитная индукция является сопутствующим эффектом, говоря на языке философии – акциденцией, а не атрибутом, то есть, чем-то производным от протекающего в проводниках тока.

Конечно, полагать, что электрическое поле может быть получено непосредственно из магнитного поля – без участия электрических токов и зарядов – тоже будет заблуждением, однако, объяснение взаимодействия данных феноменов не только через сугубо материальные моменты, но и через логику процессов будет более полным.

Список приведенных парадоксов, разумеется, не является исчерпывающим. Область электрофизики является парадоксальной в самом своем фундаменте. Например, можно вспомнить, что с помощью экспериментального устройства Геринга в 20 веке был поставлен эксперимент, который в некотором роде опровергал закон электромагнитной индукции в классической формулировке Максвелла, что наводит на размышление о том, что даже если нет ни одного эмпирического наблюдения, противоречащего существующему закону, из-за логического противоречия рано или поздно такие факты появятся.

Поэтому именно логические противоречия и парадоксы являются тем, что выявляет спорные места в научном миропознании и освещает дальнейший путь научного поиска.

Иными словами, резюмируя все вышеизложенное, можно прийти к неким предположительным выводам, которые были обозначены в начале этой работы: взаимная положительная корреляция науки и философии приводит к более продуктивным результатам для обеих сфер человеческой дея-

тельности, а феномен электромагнетизма является достаточно наглядным подтверждением этого, особенно если учитывать, что в современном мире электричество затрагивает практически все области человеческой жизнедеятельности, и сложно представить мир без технологий, работающих посредством электричества.

Источники:

1. Рысин А. В., Никифоров И. К., Бойкачев В. Н., Хлебников А. И. Парадоксы изображения силовых электрических и магнитных линий. М.: Sciences of Europe, 2021.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат, М.: АСТ, 2018.
3. Эрстед Х.К. О связи между электричеством и магнетизмом. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etherwind.narod.ru/Golin_1989/307_Ersted.pdf/ (дата обращения 11.01.2024)
4. Ильиченко Д. В., Ильиченко Л. И. Парадоксы гравитации и электромагнетизма, или что не мог знать фон Браун. Часть 3. Магнетизм и электрический ток. М.: Вестник науки и образования, 2021.

K. S. Maksimova (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

FUTURE OF ELECTRODYNAMICS PARADOXES THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHICAL AND LOGICAL COMPREHENSION

The article considers the phenomenon of scientific paradoxes, as well as the relationship between contradictions and the development of scientific thinking in the field of electrodynamics. It also presents a view on the nature of contradictions in the description of electromagnetic phenomena through the prism of philosophical and logical optics and their subsequent resolution. The role of philosophical and logical approach to scientific paradoxes as a driving factor in the development of science is revealed on the example of paradoxes in the field of electrodynamics.

Paradox, contradiction, electromagnetism, electromagnetic induction, logic, relationship between science and philosophy, driving factors in the development of science

УДК 347.61

С. В. Максина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nachso@mail.ru);

И. Ф. Новикова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

НОВАЦИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются отдельные аспекты развития семейного законодательства в Российской Федерации. Анализируются последние изменения в Семейном кодексе Российской Федерации. Исследуются имеющиеся отдельные проблемы в регулировании семейных отношений, предлагаются пути решения некоторых затронутых в статье проблем и указывается на необходимость дальнейшего совершенствования действующего законодательства.

Семейный кодекс РФ, супруги, ребенок, совместная собственность, сделки, усыновление, смена пола, совершенствование законодательства

Российское государство всегда стоит на позициях укрепления традиционных семейных ценностей, обеспечения приоритетного воспитания детей в семье, недопустимости произвольного вмешательства в межличностные отношения, с одновременной гарантированностью предоставления необходимой помощи и мер защиты более уязвимым ее членам. В историческом аспекте институты семьи, материнства и детства, сформированные на воспитанном на протяжении длительного времени традиционном подходе к их пониманию, являются теми незыблемыми основами, которые обеспечивают связь между поколениями, сохранение и развитие всех национальностей и народов страны в целом.

Несмотря на узкий внутренний межличностный аспект семейных отношений, как разновидности общественных отношений в целом, они в отдельных случаях для защиты определенных публичных интересов требуют жесткой правовой регламентации. Семейное законодательство находится в постоянной динамике, требует внесения соответствующих изменений исходя из различных социальных, политических, экономических и культурных потребностей всего общества. Законодатель должен оперативно принимать решения о внесении в него новаций для обеспечения укрепления семейных отношений, сохранения и развития многонационального народа России.

Семейный кодекс Российской Федерации [1] является основным нормативным правовым актом, регулирующим семейные отношения, основанные на браке и родстве. За период 2021–2024 гг. в его текст был внесен ряд необходимых в современных реалиях изменений и дополнений.

Так, Федеральным законом от 04 февраля 2021 г. № 5-ФЗ [2] статья 6 указанного нормативного акта была дополнена пунктом 2, не допускающим применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также основам правопорядка и нравственности. Данным законом, в связи с этим также была изменена редакция пункта 2 статьи 165, устанавливающего запрет на усыновление (удочерение) ребенка иностранным усыновителем в случае, если в результате усыновления (удочерения) ребенка могут быть нарушены права ребенка, установленные законодательством Российской Федерации или международными договорами России.

Внесенные дополнения в полной мере согласуются с положениями ст. 15 Основного закона нашего государства о высшей юридической силе Конституции Российской Федерации [3] в российской правовой системе, в состав которой входят заключенные Россией международные договоры. Фактически внесенные изменения позволяют говорить об отсутствии приоритета норм международного договора над национальным законодательством.

В абзац 2 п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ дважды за последнее время вносились изменения [4], [5], касающиеся вопросов преимущественного права приема в государственные и муниципальные образовательные учреждения отдельных категорий несовершеннолетних. Указанные новации предоставили такое право ребенку, в том числе усыновленному (удочеренному) или находящемуся под опекой или попечительством в семье, включая приемную семью либо патронатную семью, если в такой образовательной организации обучаются его брат и (или) сестра. Во внимание должны быть приняты при учете данного положения и непосредственно родные дети опекунов (попечителей). Это право не предоставляется при приеме в образовательные учреждения творческой направленности, имеющие свою специфику в рамках регуляции их деятельности Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6]. Рассматриваемые изменения направлены на реализацию конституционной обязанности родителей или лиц, их заменяющих, обеспечивать получение детьми основного общего образования.

Отдельные новации были направлены на защиту института общего совместного имущества супругов при осуществлении сделок с таким имуществом. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ [7] внесены изменения в абз. 2 п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, согласно которым в настоящее время супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки не было получено в установленном законом порядке, вправе в судебном порядке оспаривать такую сделку по правилам ст. 173.1 Гражданского кодекса РФ [8]. Такая сделка относится к сделкам с пороками содержания, но для признания ее недействительной требуется доказать, что другая сторона знала или должна была знать об отсутствии согласия другого супруга.

Указанным законом была изменена также редакция п. 2 ст. 39 Семейного кодекса РФ о праве суда отступить от начала равенства долей супругов в их об-

щем имуществе при его разделе. Помимо уже существовавших оснований принятия такого решения судом исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) второго супруга в тех случаях, когда другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или совершал недобросовестные действия, которые привели к уменьшению их общего имущества, теперь это стало возможным и в случае, если второй супруг совершал без нотариального согласия другого супруга сделки на невыгодных условиях по отчуждению общего имущества супругов, в том случае если сделки не были признаны недействительными.

Принятые федеральным законодателем дополнения в полной мере отвечают как положениям ст. 38 Конституции Российской Федерации о нахождении семьи под защитой государства, так и семейному законодательству, согласно которому защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства.

Семейные отношения, особенно связанные с установлением происхождения детей, часто на практике коррелируются с реализацией наследственных прав. Это послужило основанием для дополнения Федеральным законом от 04 августа 2022 г. № 362-ФЗ [9] п. 1 ст. 52 Семейного кодекса РФ новым абзацем, согласно которому запись об отце ребенка, рожденного у родителей, не состоящих в браке между собой, произведенная по совместному заявлению отца и матери ребенка, может быть оспорена в судебном порядке также по требованию наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Данное требование может быть удовлетворено только в случае, если запись об отцовстве произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления мужчины. Следует отметить, что основанием для внесения указанных изменений послужило принятое Постановление Конституционного Суда РФ от 02 марта 2021 г. № 4-П [10].

Внесенные дополнения согласуются как с положениями ст. 125 Конституции РФ, устанавливающими, что Конституционный Суд РФ осуществляет судебную защиту посредством конституционного судопроизводства, в том числе проверяет по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционность законов и иных нормативных правовых актов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, так и с конституционным принципом государственной поддержки и защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Особую актуальность в современном мире получили вопросы регламентации суррогатного материнства и возникающих на основе данного института последующих семейных отношений. Законодателем внесены значимые изменения в ст. 51 Семейного кодекса РФ [11], [12], согласно которым технологии суррогатного материнства применяются лишь в отношении супругов, хотя бы один из которых должен быть гражданином Российской Федерации или одинокой женщины, имеющей гражданство нашей страны. Таким образом, введен запрет на применение на территории Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства, а также для мужчин и

женщин, не состоящих в браке между собой, рассматриваемой технологии. Данные положения направлены на стабилизацию миграционной политики государства, защиту, в первую очередь, коренного населения страны и имеющих национальных и культурных интересов, традиционных ценностей, несмотря на негативное отношение к таким вспомогательным возможностям лечения бесплодия со стороны представителей отдельных религиозных конфессий.

Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 150-ФЗ [13] изменена редакция абз. 3 п. 2 ст. 121 Семейного кодекса РФ, согласно которой вопросы организации и деятельности органов опеки и попечительства по осуществлению опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей, помимо Семейного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ определяются также Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414 –ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [14]. Указанная новация согласуется с положениями ст. 132 Конституции РФ, определяющими, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Политика государства направлена на сохранение традиционного понимания института брака как добровольного союза мужчины и женщины, неприятия навязываемых западными странами возможностей однополых взаимоотношений. Защищая, в связи с этим, интересы публичного порядка законодателем были приняты соответствующие изменения и в Семейный кодекс РФ. Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ [15] изменены положения ст. 16, в которую отдельным основанием прекращения брака установлено внесение изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов. Указанным законом ст. 127 и ст. 146 были дополнены положениями, запрещающими лицам, изменившим пол, быть усыновителями и опекунами (попечителями) над детьми, а Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ [16] был установлен запрет на усыновление и передачу под опеку детей также гражданам государств, где разрешена смена пола. Такие запреты распространяются и на лиц без гражданства, постоянно проживающих в этих государствах.

Внесенные изменения в полной мере согласуются с конституционными положениями о создании условий для достойного воспитания детей в семье. Более того, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [17] подчеркнуто, что Российская Федерация рассматривает традиционные ценности, в числе которых крепкая семья, как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России.

Полагаем, что в семейное законодательство потребуется внесение и иных изменений, направленных на наиболее эффективную защиту прав и

свобод человека и гражданина на основе последующих тенденций развития общества и государства.

Источники:

1. Семейный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 16; 1998, № 26, ст. 3014; 2015, № 17, ст. 2476).

2. Федеральный закон от 04 февраля 2021 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 165 Семейного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 6, ст. 960).

3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.

4. Федеральный закон от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 36 и 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 27, ч. 1, ст. 5138].

5. Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 48, ст. 8332].

6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53, ч. 1, ст. 7598].

7. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 29, ч. 3, ст. 5277].

8. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, № 32, ст.3301).

9. Федеральный закон от 4 августа 2022 г. № 362-ФЗ «О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 32, ст. 5812).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 N 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 11, ст. 1881].

11. Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 52, ст. 9368].

12. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 407-ФЗ (в ред. от 08 августа 2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2023, № 32, ч. 1, ст. 6139).

13. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2023, № 18, ст. 3227).

14. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414 –ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 52, ч. 1, ст. 8973).

15. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2023, № 31, ч. 3, ст. 5812).

16. Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2024, № 48, ст. 7212).

17. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 46, ст. 7977).

S. V. Maksina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. F. Novikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

INNOVATIONS IN THE FAMILY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines certain aspects of the development of family legislation in the Russian Federation. The recent changes in the Family Code of the Russian Federation are analyzed. The existing individual problems in the regulation of family relations are investigated, ways of solving some of the problems raised in the article are proposed, and the need for further improvement of current legislation is pointed out.

Family Code of the Russian Federation, spouses, child, joint ownership, transactions, adoption, sex reassignment, improvement of legislation

УДК 174.4:174.8:141.201:167.2:331.554

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maminaraisa@yandex.ru);

С. Н. Почебут (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sniper2711@yandex.ru)

РЫНОК ТРУДА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены основные тенденции развития современного рынка труда, главной из которых является дефицит квалифицированных специалистов. Проблемы кадрового дефицита как в реальном секторе экономики, так и цифровом, определила новые подходы к их решению, в частности: обращение к активам «новых воротничков», новации в HR-индустрии, а также – внедрение новых образовательных стандартов в систему высшего образования, ориентированного на подготовку молодых компетентных и творчески ориентированных специалистов.

Рынок труда, дефицит кадров, «новые воротнички», искусственный интеллект, HR-индустрия, HR -практика «One day offer», i-STEAM-подход, STREAM-подход, ИОТ-движение

Среди наиболее актуальных тенденций современного рынка труда, эксперты называют дефицит кадров, появление класса «новых воротничков», автоматизация и внедрение ИИ в сферу HR, а также новые требования к образовательной сфере.

Дефицит кадров остается одной из главных проблемных зон рынка труда и в 2025 г., хотя прогнозы до 2030 г. также не совсем утешительны [1]. При этом наибольшая нехватка кадров наблюдается среди представителей рабочих профессий, так называемых синих воротничков. Однако, по оценкам аналитиков, традиционное разделение на «белых воротничков» –офисных работников и «синих воротничков» – представителей рабочих профессий постепенно уходит в прошлое, на смену им приходит новое поколение специалистов, которое получило название «новые воротнички» (англ. New Collar Job).

«Новые воротнички». Термин «новые воротнички» появился в ответ на проблему, с которой в 2016 г. столкнулась компания IBM. По свидетельству авторов модели, идея состояла в том, чтобы смотреть не на академическую подготовку, а на способности, поскольку многие рабочие места требуют не дипломов, а уникальных специфических навыков, однако согласно устоявшимся требованиям, тысячи ролей в компании остаются незаполненными [2].

Инсайд IBM изменил мировоззрение рынка труда. Высокий профессиональный уровень «новых воротничков» позволяет обойти формальный диплом, поскольку их навыки «прокачаны» на практике. По оценкам экспертов, «новые воротнички» строят собственные карьерные треки в формате будущего, а рабочие роли для «синих воротничков» превращаются в новые цифровые рабочие места, четырехлетняя степень больше не требуется, при этом они должны в совершенстве владеть digital грамотностью [2].

Однако ценность «новых воротничков» определяют не только их реальные навыки, но и способность быстро адаптироваться и постоянно учиться всему новому, т. е. развивать в себя навык *life long learning*. Данный навык основан на возможности и желании человека постоянно развиваться и лично, и профессионально на протяжении жизни. Сегодня такой подход стал актуален для всех членов делового сообщества независимо от уровня профессиональной подготовки и количества дипломов.

Появление класса «новых воротничков» привело и к расширению возрастных рамок найма, а также во многом разнообразило персоналкомпаний, когда люди с разным уровнем подготовки, взглядами и опытом, оказавшись в одной команде, стали способствовать воплощению в жизнь различных взглядов, опыта и идей, способных изменить жизнь организации и ее культуру, как корпоративную, так и деловую [3].

При этом в новых условиях традиционные методы найма и обучения персонала оказались слишком медленными. Автоматизацию HR-процессов и внедрение ИИ-технологий определяют как еще одну важную тенденцию отражающую специфику современного рынка труда.

HR-индустрия в цифровую эпоху. Сегодня HR-индустрия, особенно в крупных компаниях, при приемкандидатов на работу активно использует цифровые технологии для оптимизации HR-процессов.

Среди трендов HR-индустрии последних лет – VCV-интервью или видеоинтервью. VCV-интервью – это цифровой рекрутер, работающий на основе AI, который, благодаря предварительному отбору резюме кандидатов, организации звонков и записи видео-интервью с распознаванием лица и голоса, помогает компаниям сделать процесс найма быстрым и малозатратным. Миссия VCV – помочь компаниям заботиться о своих реальных и потенциальных сотрудниках. Например, технологии распознавания лица и голоса могут «заметить» нервозность кандидатов, определить их поведенческие особенности, чтобы помочь рекрутеру создать более безопасную и благоприятную среду для интервью, проводимых уже не ботом, а человеком; и др. [4] При этом не следует путать VCV-интервью с видео-собеседованием, которое отличается тем, что виртуальная встреча соискателя с представителем HR происходит в виде дистанционного диалога, а не VCV-монолог.

Однако по функциональности номером один в России называют – систему автоматизации рекрутмента с ИИ см – Хантфлоу. Разработанная для эффективного закрытия вакансий в минимально возможные сроки, (поскольку обеспечи-

важнейшую работу с базами в 1 млн + резюме), Хантфлоу стандартизирует процессы для всей компании, чтобы было проще планировать и анализировать подбор кандидатов. Этот инновационный сервис, как подчеркивают специалисты, помогает рекрутерам автоматизировать рутинные задачи и фокусироваться на более важных задачах. В целом подчеркивается, что благодаря внедрению Хантфлоу, рекрутинг становится понятным и предсказуемым. [5]

Самым большим достижением в HR-индустрии за последнее время стала такая новация, как возможность комплексной автоматизации рекрутинга, которая стала возможной благодаря интеграции онлайн-сервиса Хантфлоу с VCV, что экономит время и деньги компании при поиске и подборе кадров, а также и во многом облегчает жизнь тем, кто ищет вакансии. [6].

В проблемной зоне – стремление «новых» менять работу в поисках высокой зарплаты и материальных форм поощрения, таких как – покрытие расходов на дорогу и связь, компенсация в условиях повышенной опасности, ориентация на режим удаленной работы и т.п. В частности, после бума удаленки во время пандемии компании стали возвращать сотрудников в офис. По свидетельству экспертов, это еще одна из причин, которая усугубляет кадровый кризис, в этой связи переход на гибкий график работы оценивается как значимый инструмент, в том числе и в борьбе за квалифицированные и высококвалифицированные кадры [2].

Дефицит высококвалифицированных кадров. В связи с активным развитием IT-сектора в России, эксперты отмечают стремительный рост спроса на таких специалистов. Однако поиск опытных и хорошо обученных кадров в IT в настоящее время представляет значительные сложности для бизнеса. Раньше претенденты на вакансию боролись за престижные места, сегодня ситуация кардинально изменилась – теперь компании борются за претендентов.

Аналитики подчеркивают, что хороших специалистов сегодня забирают с рынка труда мгновенно, поэтому HR-отделами руководителям компаний приходится учиться быстро принимать решения. Отсюда актуальность внедрение в практики HR такой новации как «One day offer» – экспресс-форма найма, когда кандидата на должность проводят по всем этапам собеседования за один день. Это позволяет компаниям сократить время найма, привлечь лучших кандидатов и укрепить свой имидж как работодателя [7].

В условиях, когда у компаний нет возможности несколько недель рассматривать кандидатуру нового сотрудника, HR-отделам приходится не только быстро принимать решения, но также заводить собственную базу «теплых» кандидатов, которых компания уже рассматривала на должность, но по каким-то причинам не сделала оффер о работе. Такие контакты определяют как изначально лояльные к компании, считается, что воронка подбора персонала сокращается и уменьшает время на поиск нужного кандидата.

Однако, чтобы привлечь ценных сотрудников и оставаться конкурентоспособными, работодатели, вынуждены повышать зарплаты. Эксперты отме-

чают, что в такой ситуации компании готовы предложить более высокие условия. В то же время подчеркивается, что борьба за претендентов порядком расхолаживает соискателей в части зарплатных ожиданий, что в основном свойственно «молодым» айтишникам, но их претензии не всегда соответствуют ожиданиям работодателей относительно профессиональной подготовки выпускников высшей школы.

В этой связи отдельно подчеркивается, что еще не все вузы готовят хорошо подготовленных специалистов, качество обучения часто не соответствует требованиям рынка.

Образовательный трек: новые подходы. Существующий дефицит квалифицированных и высококвалифицированных специалистов в сфере ИТ диктует новые требования к выпускникам ВШ, что актуализирует вопрос о необходимости внедрения новых образовательных моделей для ИТ-специалистов, включая ИИ-специальности, как ответ на вызовы новых реалий. Одним из таких ответов являются, например, модификации STEM-подхода: STEAM, i-STEAM и STREAM.

STEM-подход (Science, Technology, Engineering, Mathematics) отличает не только интеграцию естественно-научных, инженерных знаний и математики, но и тесное взаимодействие с индустрией. Его модификации продолжают и развивают специфику данного подхода применительно к новым реалиям. В частности, модель STEAM-образование, где буква A означает Art – искусство в широком его понимании, представляет собой интеграцию STEM с технологиями формирования softskills, то есть естественнонаучная и инженерная междисциплинарная подготовка дополнены блоком междисциплинарной подготовки в сфере гуманитарных наук и развития неинженерного творчества. [8] В свою очередь, учебная модель i-STEAM, разработанная в Израиле ориентирована на подготовку непосредственно высоко квалифицированных ИТ-специалистов [9]

Последняя модификация STEM-подхода – STREAM-образование (акроним слов Science, Technology, Reading+Writing, Engineering, Arts and Mathematics /естественные науки, технология, чтение+письмо, инжиниринг, искусство и математика) т. е. к STEAM добавляются навыки мышления, воплощенные в чтении и письме. Аналитики отмечают, что в аббревиатуре STREAM букву «R» можно также трактовать как *Research* – исследование, что рассматривается как возможность преобразовать, например, современную школу в школу-лабораторию [10].

В целом STREAM-подход рассматривается специалистами как новая образовательная парадигма, в рамках которой интегрируются не только знания из различных смежных дисциплин, но и предшествующий опыт, включаются творческие аспекты. В настоящее время креативные отрасли во всем мире становятся движущей силой экономического роста, а занятость молодежи в креативной индустрии уже превышает занятость в реальном секторе [10].

Одним из ответов на вызовы современности является и ИОТ – проектный подход к внедрению индивидуальной образовательной траектории в современном ВУЗе. ИОТ-движение направлено на массовую индивидуализацию высшего образования с усилением роли воспитательного процесса. Данный подход, сфокусированный на сети Интернет, модульности и междисциплинарности, становится не только актуальным, но и необходимым трендом развития современного образования в рамках ВШ [11].

Таковы в целом основные тенденции, проблемные зоны и перспективы развития современного рынка труда. Однако рассмотрение всех этих тенденций и их проблематики в контексте поколения Z, которое сегодня постепенно становится полноправным членом современного делового сообщества, более полно отражает специфику современного рынка труда в новых реалиях.

Источники:

1. Архипова Е. Дефицит кадров, зарплатная гонка и HR-автоматизация: основные тренды на рынке труда в России // MoneyTimes, 27.12.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moneytimes.ru/news/race/30907/> (дата обращения: 05.01.2025).
2. «Новые воротнички» начинают и выигрывают // HR-Portal, 07.08.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-portal.ru/blog/novye-vorotnichki-nachinayut-i-vyigrivayut> (дата обращения: 05.01.2025).
3. Как разнообразие может способствовать инновациям и развитию культуры компании // Playhunt. URL: <https://playhunt.io/ru/blog/how-diversity-can-drive-innovation> (дата обращения: 05.01.2025).
4. VCV: что такое видеointервью и как к нему подготовиться // VCV digital recruitment. [Электронный ресурс]. URL: <https://vcv.ru/blog/cases/video-interview> (дата обращения: 05.01.2025).
5. Автоматизация рекрумента в крупных компаниях; система автоматизации рекрумента // Хантфлоу Премьер. URL: <https://huntflow.ru/premier> (дата обращения: 08.01.2025).
6. Хантфлоу и VCV стали официальными партнерами // Журнал хантфлоу, 14.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://huntflow.media/huntflow-and-vcv/> (дата обращения: 08.01.2025).
7. One Day Offer: что это и как он устроен // Кадровое агентство IT and Digital [Электронный ресурс]. URL: <https://itanddigital.ru/blog/hrconsulting/tpost/dve7kcjv1-one-day-offer-chto-eto-i-kak-on-ustroen> (дата обращения: 08.01.2025).
8. STEM-STEAM-STREAM на смену предметам и предметникам... // НОВАТОР // [Электронный ресурс]. URL: <https://novator.team/post/142> (дата обращения: 28.12.2024).
9. Международный опыт развития предпринимательского и STEAM-образования в странах ОЭСР и в мире. Аналитический отчет. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2018.

10. STREAM-подход как новая образовательная парадигма развития ключевых компетенций XXI века // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 3. С. 35–42 // [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.ggtu.ru/stream-подход-как-новая-образовательная-па/> (дата обращения: 28.12.2024).

11. IV всероссийская ИОТ-конференция прошла в Москве // Наука.рф // [Электронный ресурс]. URL: <https://наука.рф/news/iv-vserossiyskaya-iot-konferentsiya-proshla-v-moskve/> (дата обращения: 28.12.2024).

R. I. Mamina (St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI");

S. N. Pochebut (St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")

THE LABOR MARKET IN THE DIGITAL AGE: TRENDS, PROBLEMS, DEVELOPMENT PROSPECTS

The main trends in the development of the modern labor market are considered in the article. The main trend is the shortage of qualified specialists. The problems of personnel shortages in the real and digital sectors of the economy have identified new approaches to solving them, in particular: appealing to the assets of "new collars", innovations in the HR industry, the introduction of new educational standards into the higher education system to train young competent and creative professionals.

Labor market, shortage of personnel, "new collars", artificial intelligence, HR industry, HR practice "One day offer", i-STEAM approach, STREAM-approach, LPI-movement

УДК: 002+004

Т. Б. Маркова (Библиотека Российской академии наук; e-mail m.tanucha@rambler.ru)

РОЛЬ КНИГИ И НОВЫХ МЕДИА В СОХРАНЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ ЗНАНИЙ

Показана роль книги, Интернета, ИИ в сохранении и передаче знаний. Эволюция технических средств способствовала распространению информации, популяризации науки, техническому обеспечению научной коммуникации, предоставлению широкого спектра ресурсов. Отмечено, что книга является средством преодоления как реального, так и виртуального одиночества.

Книга, Интернет, искусственный интеллект, нейросети, библиотека, образовательное пространство, сохранение и трансляция знания, информация

Развитие информационных технологий, глобализация всех сфер жизни общества привели к тому, что человек оказался как в реальном, так и виртуальном одиночестве. В современном мире виртуальное одиночество становится острой социальной проблемой. Большую часть своего времени индивид проводит в социальных сетях. Здесь он совершает покупки, ищет работу, ведет онлайн переписку. Фактически, он находится наедине с собой. Ему не с кем поговорить, обсудить дела, пойти в театр или в поход. И тогда он обращается за помощью к книге. Книга является средством преодоления обособленности, коммуникационным каналом, способным справиться с реальным и виртуальным одиночеством в современном мире.

Еще один аспект данной проблемы заключается в том, что все стало доступным. Книга, Интернет, искусственный интеллект, нейросети – это различные способы сохранения и передачи знаний. Книга хранила знание и в тоже время открывала путь к нему. Но она была ограничена рамками: временными, пространственными, языковыми. С появлением Интернета знания перестали быть привилегией отдельных слоев общества. Расширение информационного поля предоставило доступ к информации в любом месте, в любое время и на любом языке. Стирание границ привело к исчезновению барьеров между научным и ненаучным, истинным и ложным. Библиотека переходит в информационное пространство. Оцифровывая книжные коллекции, создавая базы данных, она сохраняет и передает знание обществу. Искусственный интеллект – это уже третья ступень трансляции знания. Возможность хранения больших массивов разнородной информации в своей памяти позволяет ИИ обрабатывать информацию с более высокой скоростью, нежели это может человеческий мозг.

Как продукт материальной культуры книга выступает в трех ипостасях: 1) как носитель информации; 2) как товар с особыми потребительскими ха-

раактеристиками; 3) как культурный феномен. С книги начинается восприятие окружающего мира, обучение грамоте и чтению. Благодаря ней индивид знакомится с другими странами и культурами, с историей своего народа. В книге скрыто знание и уже это привлекало к ней лучшие умы. Обладая некоей властью, знание воздействовало на внутренний мир читателей, формировало их круг общения, интересы и привычки. Судьбу книги мог решить и один человек, его пристрастия, интересы, установки. Известны случаи, когда библиотекари прятали от посторонних книгу, поскольку она хранила знание, которое не предназначалось для всех.

В древности книг было мало. Они писались от руки, хранились в частных собраниях, монастырях. Их покупали, переписывали, копировали, переводили с других языков. С 1 века н.э. были популярны громкие чтения, на которых писатели читали свои произведения. На литературных кружках обсуждались вопросы, касающиеся поэзии, литературы и искусства. Библиотека в то время считалась храмом мудрости, местом уединенности и священного. Она являлась достопримечательностью крупных городов, одной из составляющих возникновения государства.

Следующий важный момент – переход со свитка к кодексу. Благодаря кодексу появилась возможность сохранять и передавать знание. «Он представлял собой ряд тетрадей, сшитых вместе, и каждая тетрадь состояла из определенного числа листов, согнутых пополам и вложенных друг в друга» [1, С. 36]. Удобство его использования преобразовали модель чтения и обусловили возникновение новой формы работы с текстами. Это позволило не только читать, но и конспектировать, делать пометки, листать книгу.

Возникновение книгопечатания, распространение грамотности, потребность в чтении разной литературы способствовали массовому производству книг. Это дало толчок развитию как науки и культуры, так и торговли, книжного рынка. 16 век – это не только прославление культа книги, но и время, когда духовные идеи начали распространяться через печатный текст. Книга играет ключевую роль в науке, образовании, политике и культуре. Она становится источником информации, познания окружающего мира. Настоящий переворот произвело появление карманных книг, новых литературных жанров, например, брошюра, эссе, листовка и в 18 веке – журнал. «Эти эфемерные малые формы были рассчитаны на более широкие слои населения и на то, что одни публикации будут быстро сменяться другими. Их можно рассматривать как результат серьезных перемен, произошедших в 17–18 вв.» [2, С. 204].

Большую роль в сохранении и передаче знания сыграло возникновение библиотек. Уже крупнейшие библиотеки Древнего мира не просто собирали и хранили книги, но и выполняли культурно-просветительские и идеологические функции. По мере расширения функций появляются новые типы библиотек, ориентированные на эрудированных читателей и предоставляющие книги для научных занятий. В начале 20 в. внимание было направлено на

ликвидацию неграмотности и продвижению книги в массы. Ликбез ознаменовал собой масштабный образовательный проект, в котором особое место отводилось книге и библиотеке как культурно-просветительскому учреждению. Цель заключалась в том, чтобы научить читателей не только читать, но и работать с книгой. Отсюда возникали новые задачи, связанные с систематическим чтением, самообразованием, методикой руководства чтением.

На протяжении тысячелетий книга была основным звеном религиозных практик, образовательного процесса и семейного чтения. Она формировала читательское мировоззрение, обучала и наставляла к действиям. Как носитель информации она скрепляла знания человечества, которые можно было перепроверить, скопировать и сохранить в нескольких экземплярах и в разных учреждениях.

Появление Интернета произвело настоящую революцию. Дело не в том, что все стало доступным. Информация, информационные технологии начинают доминировать во всех сферах. Они становятся базовыми, и уровень их развития во многом определяет уровень развития общества. Идея Интернета заключалась в упрощении процесса передачи, обработки и распространения информации: систематизированные им знания хранились бы в библиотеках, архивах, информационных бюро. Интернет можно представить как: 1) всемирную библиотеку, открывающую путь к миру знаний; 2) образовательное пространство, предоставляющее онлайн-ресурсы, видеоуроки, книги, учебные материалы, что позволяет самостоятельно учиться, совершенствовать свои знания и повышать квалификацию; 3) виртуальное хранилище знаний; 4) источник «последних» новостей, исторических данных, литературы; 5) справочник по поиску информации, позволяющий сориентироваться в ней и ведущий к книгам как первоисточникам. С технической точки зрения Интернет – это объединение компьютерных сетей, связывающих различные типы компьютеров и обеспечивающих доступ к ресурсам в любой точке мира.

В виртуальное пространство вовлекаются все больше людей, которые активно пользуются интернет-ресурсами, имеют аккаунты и мессенджеры в социальных сетях. Смартфоны и планшеты стали главным элементом учебного процесса. С увеличением дистанции между реальным и виртуальным временем и пространством не только информация, но и объективная реальность воспринимаются опосредованно. «Весь мир становится коммуницируемым» [3, С. 140]. Мир восприятия блекнет. Восприятие осуществляется не человеком, а камерой, что сковывает индивидуальное воображение.

По мнению Н. Лумана, электронные медиа лишь расширили возможности коммуникации, сняв пространственные и институциональные барьеры. Он обратил внимание на то, что с внедрением компьютеров изменяется соотношение между поверхностью и глубиной знания. «Поверхностью становится экран монитора, минимально воздействующий на чувства. Глубина же – это невидимая программа, отвечающая на запрос пользователя и способная мгновенно перестроиться» [3, С. 138]. «С одной стороны, это привносит по-

стоянное маркирование формы, а с другой стороны, растет уязвимость аргументации, поскольку уменьшаются возможности спора с невидимыми машинами» [4, С. 52]. Использование компьютерной техники требует от индивида специфических умений. Речь идет как об обучении компьютерной грамотности, так и о принятии новых гносеологических формул и когнитивных приемов вследствие трансформации познавательных способностей человека.

Интернет способствовал сбережению и распространению знания. Это проявилось в возможностях: 1) хранения больших объемов знаний массивов и огромного количества веб-страниц с разнообразной информацией; 2) открытого хранения и предоставления доступа к информации; 3) облегчение процесса ее сохранения и обработки; 4) организации прямого бесконтактного общения и обмена опытом; 5) новой организации научной деятельности (результаты научных исследований могут быть выложены в сети в режиме бесплатного просмотра); 6) предоставлении информации на разных языках.

Таким образом, эволюция технических средств имела огромное значение для сохранения знаний и популяризация науки, технического обеспечения научной коммуникации, предоставления различных ресурсов: информационных, библиографических, справочных. К отличительным чертам Интернета относятся открытость, скорость, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность, постоянная обновляемость, высокая селективность и оперативность.

Вместе с тем, развитие информационных технологий обозначило другую проблему. Отпала необходимость все помнить. То, что не требует длительного запоминания, можно найти в Интернете. Как следствие, снижение памяти и когнитивных способностей человека. Справиться с ситуацией ему помогает искусственный интеллект. Искусственный интеллект (ИИ) – это одно из направлений компьютерных наук, разрабатывающее интеллектуальные компьютерные системы. Его можно определить способность искусственных систем выполнять некоторые творческие функции в определенной предметной области, считавшиеся прерогативой человека [5, С. 36].

В современном мире искусственный интеллект играет значимую роль в выполнении множества процессов и в частности, сохранении и трансляции знания. Технологии ИИ упрощают выполнение рутинных задач, в частности, ввод и анализ данных, обслуживание клиентов. Анализ огромного количества информации позволяет искусственному интеллекту распознавать и группировать информацию для передачи персонализированных рекомендаций пользователям. Искусственный интеллект является своего рода катализатором открытий. Он может помочь ученому в открытии новых идей и создании инновационных продуктов, например, составить план экспериментов, которые исследователь должен оценить и сделать выбор.

В 21 в. искусственный интеллект стремительно развивается. Этому способствовали научно-технический прогресс, увеличение объема данных из социальных сетей, возможность самообучения, а также появление новых тех-

нологий и подходов, поддерживающих развитие ИИ, содействуя тем самым созданию более умных и адаптивных систем. Одно из последних достижений в технологиях искусственного интеллекта – чат-боты на основе нейросети. В качестве примера можно привести универсального чат-бота ChatGPT, который способен вести диалог, выявлять ошибки в коде, отвечать на вопросы, писать стихи и сценарии. Он был разработан американской компанией Open AI и в настоящее время признан самым быстрорастущим приложением в мире. [6]

Осмысленное чтение вызывает ассоциации о воспоминании, которые не может дать искусственный интеллект. В связи с этим возникает вопрос, может ли ИИ заменить книгу и творческие профессии. Ведь ChatGPT способен за секунды сгенерировать статьи, ответить на вопрос или придумать историю.

Долгое время считалось, что труд писателя творческий и им могут заниматься исключительно люди. Однако, нейросети меняют стереотипы. Роботы научились рисовать, писать, воспроизводить человеческую речь, а писатели получили возможность использовать инструменты ИИ в творческом процессе. Искусственный интеллект может имитировать когнитивные функции человека и выполнять конкретные практические задачи. Человек же способен создать новое, качественно отличающееся от старого знание. Тем не менее, исследователи отмечают благотворное влияние ИИ на созидательную деятельность. Одни писатели используют искусственный интеллект как источник вдохновения, другие же работают в соавторстве с ним и даже доверяют ему написание целых рассказов. Что привлекает писателей в ИИ? Во-первых, сгенерированный текст может стать опорой, от которой можно оттолкнуться и развить мысль. Это особенно важно для начинающих и для тех, кто испытывает страх «чистого листа». Во-вторых, роботы способны решить многие технические задачи, например, оформление обложки и макета книги. В-третьих, ИИ выступает полноценным соавтором произведения. Писатель пишет канву, «сценарий», а нейросеть перерабатывает фабулу и пишет сам текст. Системы искусственного интеллекта используются для обработки объемных данных и их обобщения, интерактивного поиска, а также для выявления закономерностей. Однако в своей работе они опираются на созданные людьми схемы, фабулы, тогда как человек творит собственное произведение, даже если у него нет определенных познаний, то есть с нуля.

И в заключении, как справиться с реальным и виртуальным одиночеством? Что делать, если книга не помогает? Симбиоз книги и Интернета позволяет интегрировать традиционные и инновационные методы обучения и обмена знаниями. Вследствие чего, расширяется кругозор и обогащается читательский опыт. Наиболее эффективным способом самовыражения и самоанализа является письмо. Написание собственных сочинений, выплеск мыслей и эмоций через бумагу способствует преодолению разобщенности и повышению эмпатии. Сближают людей в социуме личное общение и встречи.

Кроме того, есть библиотеки. Библиотека, как и книга является одним из средств психотерапии. Она способствует духовному росту читателя, предоставляя условия для реализации и раскрытия личностного потенциала.

Источники:

1. Кацпржак Е. И. История книги. М.: Книга, 1964.
2. Фабиан Б. Библиотека и просвещение // История библиотек: исследования, материалы, документы: вып. 1. / редколл.: В.Н. Зайцев [и др.]. СПб.: изд-во Рос. нац. б-ки. 1996. С. 196-218.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.
4. Чабаненко М. В. Влияние использования компьютерной техники на условия функционирования новых медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 51– 55.
5. Буравлев А. И., Ветошкин В. М. Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, область применения // Вооружение и экономика. 2024. № 2 (68). С. 33– 42.
6. Что такое ChatGPT и на что он способен: от кода до стихов и диалогов // РБК. Тренды [офиц. сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru> (дата обращения 12.12.2024)

T. B. Markova (Library of Russian academy of sciences)

***THE ROLE OF BOOKS AND NEW MEDIA IN THE PRESERVATION
AND TRANSFER KNOWLEDGE***

The role of books, the Internet, and AI in the preservation and transfer of knowledge is shown. The evolution of technical means has contributed to the dissemination of information, the popularization of science, the technical support of scientific communication, and the provision of a wide range of resources. It is noted that the book is a means of overcoming both real and virtual loneliness.

Book, Internet, artificial intelligence, neural networks, library, educational space, preservation and transmission of knowledge, information

---

УДК 303.4.025

М. С. Матвеев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mikhail.matveev97@gmail.com)

«ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ»: ИНТЕГРАЦИЯ ПОНЯТИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭМПИРИЧЕСКУЮ СОЦИОЛОГИЮ

Данная статья вносит свой вклад в осмысление одного из наиболее актуальных понятий современной цифровой социологии: «цифровой след». В работе предпринимается попытка интегрировать данную теоретическую область в уже имеющуюся область неактивных стратегий социологических исследований и незаметных методов сбора социологической информации, а также ответить на ряд критических статей, актуальных для данного направления

Цифровой след, сетевая социология, цифровая социальная коммуникация, неактивные методы, количественные методы, социологическая информация, социальные исследования интернета, сетевая коммуникация, теория социального обмена, виртуальное пространство

Современная социология столкнулась с удивительным явлением: до сегодняшнего дня у исследователей не было возможности увидеть столь огромное количество социальных взаимодействий [1]. Более того, сделать их предметом анализа. От абстрактных и неуловимых социальных сущностей, к тому, что можно формализовать, перевести на математический язык, то есть буквально использовать в качестве переменной для дальнейшего исследования. Об этом мечтал еще в середине двадцатого века один из главных социологов-эмпириков, исследователь массовой коммуникации П. Лазерсфельд [2]. Растущая актуальность заставляет социологов применять звучные метафоры: «так же, как изобретение телескопа произвело революцию в астрономии, так и произошедшая технологическая революция в виде мобильных телефонов, Интернета, может навсегда изменить наше понимание самих себя и того, как мы взаимодействуем... через сто лет после того, как Александр Поуп заявил, что правильный подход к изучению человечества должен лежать не в небесах, а в нас самих, мы наконец нашли наш телескоп» [3]. Неслучайно Т. Кун писал, что отрасли науки достигают значительных успехов не только благодаря теоретической работе, но и благодаря внедрению новых инструментов [4]. Тем более, исследователи социологии как науки не раз отмечали, что за последний век дисциплина не испытывала недостатка в новых теоретических концепциях, но сталкивалась с существующими недостатками классических эмпирических методологий. Социальную жизнь крайне тяжело исследовать. Классический опрос часто приводит к возникновению возникновения «эффекта Готор-

на» (по Э. Гидденсу), когда исследовательская деятельность «подавляет» обычную социальную жизнь респондента, приводит к тактике самоцензурирования. Кроме того, классические методы зачастую работают лишь с выборкой, а не генеральной совокупностью, и в качестве результата предоставляют лишь небольшой промежуток времени, в ходе которого происходили социальные взаимодействия.

Но, как и многим другим областям, огромный импульс социологии может дать цифровизация, то есть проникновение в социум колоссального количества разнообразных результатов научно-технического прогресса. Каждый день люди и машины, с которыми они взаимодействуют, создают 2,5 триллиона мегабайт данных. Эти «цифровые следы» (digital footprint) – данные, которые возникают в ходе взаимодействия индивида с цифровыми технологиями – позволяют наблюдать за продолжающимися во времени социальными взаимодействиями, и такое исследование происходит ненавязчиво, что снижает риск возникновения вышеупомянутого «эффекта Готорна» [5]. Теперь буквально вся виртуальное пространство может стать местом для этнографического исследования или даже эксперимента (К примеру, Салганик и Уоттс опубликовали работу, в которой они создали сайт для прослушивания музыки, в котором в ручную изменяли индикаторы количества скачиваний композиции, и обнаружили, что музыкальные предпочтения испытуемых были неслучайными, и даже позволяли предсказать, какая композиция будет загружена с большей вероятностью. Данная работа внесла серьезный вклад в изучения социального влияния [6]). Кроме того, эффекты социальной коммуникации, феномен обратной связи может быть выражен для анализа в виде формальных индикаторов: репостов, комментариев, отметок «мне нравится», а анализ может производиться на всей совокупности, к примеру, всех профилей, а не нескольких образцов профилей. То есть, можно говорить о фундаментальном переходе от концепции выборки в эмпирических исследованиях. Таким образом, очевиден потенциал данной предметной области, однако, безусловно, у любой возникающей концепции появляется определенное число критических работ, которые, безусловно, являются полезными для плодотворного развития любого направления в социологии. Но на которые необходимо ответить.

Прежде всего, это «смена научной парадигмы» в социальных науках после внедрения «цифровых следов», их революционный характер в уже устоявшуюся область эмпирических исследований [7]. Данный тезис представляется двойственным: с одной стороны, эти данные действительно предоставляют уникальные возможности для исследований, но с другой стороны, они полностью вписываются в классическую парадигму нереактивных данных в социологических исследованиях. Стоит привести первый тезис: нереактивными считаются те данные, которые получены без взаимодействия с респондентами или другими объектами исследования. Впервые о них заговорили еще в середине двадцатого века. Ю. Уэбб и его коллеги в книге «Незаметные меры: нереактивное исследование в социальных науках» уже тогда их противопоста-

вили более распространенным опросам, фокус-группам и интервью, и выделили несколько способов получения таких данных: наблюдение, физические следы и архивы. Кроме того, в категорию архивов были внесены и данные, которые формируются и хранятся на различных устройствах: диктофоны, видеоматериалы, документы. То есть, еще до появления любого цифрового устройства социологи расширили свой арсенал эмпирических инструментов, добавив в него объекты материального мира и, можно сказать, предоставили для будущих исследователей теоретическую защиту для критиков, сформировав пару «реактивный – нереактивный». Только сейчас в эту выборку можно добавить и «архивы», формирующиеся в цифровом виде и, например, во Всемирной паутине.

Второй тезис, который не замечают критики данного направления, это тот факт, что цифровые технологии, это уже данность. И именно исследователи «нереактивных» данных одними из первых научно отрефлектировали процесс цифровизации, добавив в свой арсенал именно данные из цифровых источников. Работа Р. Ли, требующая особого внимания и постоянного обращения к себе, появилась еще на заре широкого распространения Интернета, однако на сегодняшний момент она имеет огромный эвристический потенциал [8]. Он предложил разделить такого типа данные на: «найденные», «собранные» и «извлеченные». Представляется, что такая типология полностью покрывает всевозможные «цифровые следы», возникающие в настоящее время. Первый тип: это могут быть данные, которые получают исследователи, занимающиеся классической интернет-этнографией, изучение веток комментариев, форумов, к примеру для решения исследовательских задач в оптике изучения того, какие существуют паттерны современной сетевой коммуникации, а также как возникают и функционируют виртуальные сообщества. Второй тип: это следы, которые позволяют ответить на более количественные вопросы, например, какие коммуникативные паттерны вызывают наибольший уровень активности, наиболее сильную обратную связь. Для этих целей вполне могут быть собраны такие «цифровые следы» как лайки всех участников на определенной веб-странице какого-то ресурса. Для этого, безусловно, потребуются специализированные методы, в том числе языки программирования, для загрузки всего массива данных и его анализа. Это еще раз наводит на мысль о необходимости освоения социологами новых инструментов [9].

Наконец, третий тип: это «извлеченные» данные, в условиях цифровой реальности это наиболее трудозатратный вид социологической информации. Это тот вид следов, которые изначально не был предназначен в качестве данных для исследований. Например, данные о геолокации, логи компьютеров, показатели различных датчиков. Умелое использование такого типа данных может помочь ответить именно на социологические вопросы [10].

Таким образом, алармистские идеи о том, что «цифровые следы» никак не встроены в уже существующий корпус социологических концепции не представляется актуальными. Существующая уже более полувека концепция

«нереактивности» эффективно дополняет и иногда выступает в качестве единственного возможного способа постижения социальной реальности, а «цифровые следы» стали лишь еще одним типом данных, только теперь получаемых при взаимодействии цифровыми технологиями. Выражаясь метафорически, теперь социологи могут исследовать не бумажный архив, хранящийся на полках какой-то компании, например, для изучения ее социальной структуры, но и «архив» коммуникаций между сотрудниками, например, в какой-либо социальной сети.

Третий критический тезис, это так называемый «конец теории» К. Андерсона [11]. Его суть состоит в следующем: в условиях такого огромного количества видимых и потенциально анализируемых данных в социальных науках исчезнет необходимость в социальных теориях, а любое эмпирическое исследование сведется к более упрощенной методологии, к примеру, из области маркетинга, в котором будут выдвигаться гипотезы, выгружаться массивы данных, и они будут анализироваться (зачастую автоматически) для поиска закономерностей. То есть от объяснений к корреляциям.

Однако данная концепция не представляется актуальной по нескольким причинам. Во-первых, данные, даже огромное их количество, не являются знанием. Ярким примером может служить проект Google Flu Trends (GFT), в котором исследователи пытались спрогнозировать эпидемию гриппа, основываясь на поисковых запросах людей о лекарствах. Однако в феврале 2013 года проект потерпел неудачу, показав более чем удвоенное количество посещений врачей по поводу гриппа, чем Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC), которые основывают свои отчеты непосредственно по данным лабораторий в США. Авторы критической статьи об этой технологии говорят о необходимости учитывать и традиционные «малые данные», ведь они часто предлагают информацию, которая не содержится в больших данных [12]. Во-вторых, существующие исследования, которые уже используют «цифровые следы» не отказываются от теоретических концепций, используют их объяснительный потенциал, и даже обогащают классические объяснительные модели новыми примерами в условиях цифровой и виртуальной действительности.

Примером классических концепций, получивших новое прочтение, можно назвать теорию социального обмена. Б. Штат и его коллег изучили взаимодействие в социальных сетях, на примерах тех пользователей, которые путешествуют с небольшим количеством денег и зачастую ищут бесплатный кров на ночь. В результате исследования, был подтвержден основной постулат теории социального обмена: его сбалансированность. Так называемые каучсерферы в обмен на жилье оставляют комментарии и отзывы на сайтах, тем самым повышая статус хозяев жилища и их популярность в глазах аудитории Сети [13]. Другие работы также внесли свой вклад в развитие этой теории середины двадцатого века: известный постулат стимула в условиях виртуального пространства получил новое прочтение: теперь индивиды чаще готовы отказаться от денежной оплаты своих услуг ради одобрения и повышения собственного

статуса в определенной части виртуального пространства. Отметка «Мне нравится» или значок рейтинга для некоторых пользователей теперь является более ценной, кроме того, она носит и прагматический характер. Пользователь с большей вероятностью обратится за услугой в «высокорейтинговому» профилю. Еще одним примером может служить теория коллективного действия. Исследования онлайн-игр с использованием «цифровых следов» нашли то, что заставляет малознакомых или совсем незнакомых игроков вносить свой вклад в достижении общей цели. Оказалось, что решающим фактором в этом случае выступает время нахождения в так называемой гильдии и внутриигровые достижения. Все это сугубо формальные признаки, которые выражаются в числовых показателях, могут быть выгружены и проанализированы в большом объеме [15].

Таким образом, тезис о отсутствии необходимости в теории сталкивается с двумя контраргументами: во-первых, существуют примеры того, что концепции необходимы и уже используются в цифровых исследованиях, а во-вторых, методология без использования объяснительных моделей, а фактическим использованием только данных не является состоятельной и часто приводят к неправильным выводам.

В качестве заключения, необходимо сделать следующие выводы, область «цифровых следов», находясь в процессе становления, сталкивается к определенным критическим дискурсом, однако, ее потенциал уже заметен в существующих исследованиях, а наиболее заметные вопросы о ее неинтегрированности и отсутствии необходимости в социологических теориях были изучены в данной работе и представляются неактуальными.

Источники:

1. Himelboim I. Social Network Analysis (Social Media) // In The International Encyclopedia of Communication Research Methods (eds J. Matthes, C.S. Davis and R.F. Potter). 2017
2. Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Антиномии. 2002. №3. С. 144–168.
3. Golder S.A., Macy M.W. Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40, No. 1. P. 129–152. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043145
4. Kuhn TS. 1962. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: Univ. Chicago Press. 3rd ed. 1962
5. Николаенко Г. А. Перспективы использования цифровых следов исследователей для анализа их коммуникативных стратегий (на примере социальной сети ResearchGate) // Социология науки и технологий. 2019. №2. С. 93–109.
6. Salganik M.J., Watts D.J. Web-based experiments for the study of collective social dynamics in cultural markets // Top. Cogn. Sci. 2009. № 1. P. 439–468.
7. Savage M., Burrows R. The Coming Crisis of Empirical Sociology // Sociology. 2007. Vol. 41, No. 5. P. 885–899. DOI: 10.1177/0038038507080443

8. Lee R.M. Unobtrusive Measures in Social Research. Philadelphia, PA: Open University Press, 2000.

9. Суслов С.И. Сетевые агенты политической интернет-коммуникации в русскоязычном онлайн-пространстве: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.05; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. – СПб., 2017.

10. Стрельникова А. В., Бурова А. А. Геолокация в исследовательских целях: геометки как источник данных // INTER. 2020. №2. С. 65–80.

11. Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete, Wired, 23.06.2008

12. Lazer D. The Parable of Google Flu: Traps in Big Data Analysis// Science 14 Mar 2014: Vol. 343, Issue 6176, C.1203–1205

14. State B., Abrahao B., Cook K. From power to status in large scale online exchanges // Proc. 4th ACM Conf. Web Sci. (WebSci). 2012. June 22–24.

15. Wang J., Huffaker D. A., Treem J. W., Fullerton L., Ahmad M. A. 2011. Focused on the prize: characteristics of experts in massive multiplayer online games // First Monday. 2011. 16:8

M. S. Matveev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

"DIGITAL TRACES": INTEGRATION OF THE CONCEPT INTO MODERN EMPIRICAL SOCIOLOGY

This article contributes to the understanding of one of the most relevant concepts in contemporary digital sociology: the “digital footprint”. The work attempts to integrate this theoretical area into the existing field of non-reactive strategies of sociological research and invisible methods of collecting sociological information, as well as to respond to a number of critical articles relevant to this area.

Digital trace, network sociology, digital social communication, non-reactive methods, quantitative methods, sociological information, social research of the Internet, network communication, social exchange theory, virtual space

УДК 316.334.3

В. П. Милецкий (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: falesm@mail.ru);

Я. А. Емелин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: emelinyaroslav@yandex.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ГРАЖДАНСКОГО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня как средства массовой информации, так и новые медиа оказывают значительное влияние и на политическую систему в целом, и на акторов политического процесса, в частности. Тем самым обеспечивается обратная связь между обществом и институтами государственной и муниципальной власти, формируется общественное мнение, поддерживается стабильность всех компонентов политической системы. В связи с этим актуальной теоретической проблемой является сложность однозначного определения места и роли средств массовой информации как гражданско-политического института в современном российском обществе. Заявленная проблематика отражается в концепции «Четвертой ветви власти», парадокс которой состоит в трудности однозначного определения «полномочий» и роли представителей прессы во взаимодействии с ключевыми акторами политической власти.

«Четвертая ветвь власти», средства массовой информации, новые медиа, политические процессы, политическая система, гражданско-политические институты, общественное мнение

Средства массовой информации определенно играют важную роль в системе контроля за публичной властью и являются одним из влиятельных институтов современного гражданско-политического общества. Вместе с тем использование термина «Четвертая ветвь власти» для обозначения статуса и роли СМИ в качестве института в политических системах современного общества является поводом для научного дискурса, что обуславливает актуальность рассмотрения актуальных аспектов изучения средств массовой информации как «Четвертой ветви власти» и гражданско-политического института.

СМИ не только являются индикатором развитости институтов гражданского общества, но и свидетельствуют о степени открытости политической элиты и всего правящего политического класса современного общества. Авторы предприняли попытку рассмотреть данную проблематику

с позиций мультипарадигмального методологического подхода, предусматривающего сложение объясняющих потенциалов структурно-функционального, институционального и других эвристических концептов.

В результате установлено, что средства массовой информации в процессе эволюционного совершенствования приобрели статус одного из важнейших институтов сопровождения и обеспечения политических процессов. Являясь полноценным институциональным компонентом политической системы общества, СМИ консолидируют общественное мнение, выполняют важную функцию представительства интересов всех основных социальных субъектов политического процесса, включая гражданско-политические институты и входящие в их состав социально-профессиональные группы [1, С. 195].

В истории существуют примеры, когда СМИ вступали в открытую конфронтацию с политической элитой и набирались смелости открыто транслировать альтернативное властям общественное мнение. Вместе с тем масс-медиа нередко оказывали мощную поддержку правящему классу, манипулируя общественным сознанием и спекулируя достоверными фактами. По этой причине термин «Четвертая ветвь власти» некоторыми авторами трактуется в качестве околонучной метафоры, функционально противоречащей всестороннему взаимодействию средств массовой информации с социальными акторами и институтами политической власти [2, С. 79].

По мнению авторов, если допустить, что СМИ способны реально влиять на государственную и муниципальную власть, то оказавшись в политическом, правовом, институциональном и информационном подчинении от средств массовой информации, исполнительная, законодательная и судебная ветви рискуют перестать в полной мере выполнять основополагающие функции и решать государственной важности задачи [3, С. 222]. В этом отношении выражение «Четвертая ветвь власти» обычно используется для обозначения роли политических институтов гражданского общества и общественно-политических организаций в вопросах осуществления контроля за властями.

Именно СМИ являются институтом, с помощью которого граждане получают информацию о действиях властей, так как представители масс-медиа имеют возможность выразить свои оценки и формировать заинтересованные позиции, а также оказывать сильное влияние, чтобы власть прислушивалась к общественному мнению и учитывала его при выработке и исполнении управленческих решений по всем проблемам, интересующим современное гражданское общество.

Сказанное о плюрализме мнений по рассматриваемым вопросам не отменяет актуальности и необходимости изучения «Четвертой ветви власти». Являясь социальным институтом гражданско-политического общества, средства массовой информации выступают также компонентом политической системы, статус которого в этой системе представляется возможным раскрыть с позиций

структурно-функционального и институционального подходов. Речь о том, что СМИ, как и все другие социальные институты, в настоящее время являются естественно-исторически сформировавшимися устойчивыми структурами и паттернами стандартизированных социальных действий и практик людей, обеспечивающими на нормативной основе официальных законов и неофициальных установлений (норм живого и социального права) удовлетворение их базисных потребностей в получении всесторонней и объективной информации о происходящих в конкретных странах и мире в целом событиях, проблемах, глобальных и региональных трендах их эволюции, благодаря чему обеспечивается учет общественного мнения, консолидация людей в сплоченные сообщества, укрепляется стабильность, устойчивость социума и его жизнеспособность, включая минимизацию транзакционных издержек. Поэтому масс-медиа исполняют не только универсальные для всех социальных институтов функции (контрольно-регулятивную, интегративную, статусно-ролевую, консолидирующую и др.), но и собственные, профильные функции, которые отличают их в функциональном отношении от всех других институтов. Речь о таких профильных функциях СМИ, как информационная, агитационно-пропагандистская, мировоззренческая, воспитательная и др. [4, С. 122–126]. Другими словами, средства массовой коммуникации выполняют посредническую функцию, осуществляют обратную связь между различными общественными акторами на правах полноценного гражданско-политического института.

Более того, СМИ являются не только индикатором общественного мнения, но и институтом формирования заинтересованно-оценочной позиции народного большинства по актуальным для него, информационно доступным, неоднозначным, но затрагивающим интерес этого большинства социальным проблемам, событиям, деятелям и др. Поэтому масс-медиа как социальный институт наделены определенным престижным статусом. Данное обстоятельство объясняется тем, что в современном российском обществе журналистам принято доверять. Средства массовой информации за счет мобилизации социального капитала имеют возможность лоббировать интересы тех или иных участников политического процесса, латентно проводить собственную политику от лица заинтересованных социальных субъектов, которыми они ангажированы, оказывать влияние на принятие и реализацию управленческих решений.

Парадокс «Четвертой ветви власти» состоит в известном конфликтном столкновении таких концептуальных моделей СМИ, как информативная и пропагандистская (агитпроп), организационная и др. Благодаря этой деятельности обеспечивается реальная демократизация современного общества. Поэтому во исполнение требований гносеологического принципа историзма принято рассматривать зарождение, существование и трансформационные процессы «Четвертой ветви власти» параллельно с позитивными демократическими изменениями в обществе, которыми они

детерминированы. Данное обстоятельство объясняется тем, что СМИ продолжают активно выстраивать современные коммуникации в связке «Общество-Власть», вследствие чего они начинают играть возрастающую политическую роль и приобретать более весомое значение в процессах модернизации социума, включая влияние масс-медиа на электоральные процессы и формирование общественного мнения.

СМИ занимают центральное место в формировании публичного образа государственной власти в целом и государственных служащих в частности. Журналисты не только передают информацию гражданскому обществу как основному потребителю такого контента, но и способствуют созданию объективной оценки государственного сектора в его сознании. И это не разовая акция, а целенаправленная работа по укреплению имиджа бюрократического аппарата, включающего положительный образ, психологический портрет, кейс эффективной работы и др.

Вышеизложенное позволяет признать существование теоретических и методологических проблем, которые заключается в сложности однозначного определения места и роли средств массовой информации в качестве института политической системы современного общества в России. Если в структуре демократических ценностей значение свободной прессы идеализировано, а теоретическое обоснование представляется более точным и лишенным критики, то на практике применение приведенных концепций не может быть безусловным. Ограничения, в первую очередь, связанные с разнообразием политических систем в современном мире, страноведческими особенностями их становления, функционирования и развития, различиями политических режимов, создают дополнительные сложности в их концептуализации. Дело в том, что многие из них невозможно безоговорочно признать авторитарными или демократическими, поскольку зачастую они являются смешанными (гибридными), обладающими признаками и характеристиками первых и вторых.

В этом отношении уместно напомнить, что в условиях продолжающейся уже третий год специальной военной операции средства массовой информации в качестве гражданского института политической системы современного общества в России существенно перестроили свою деятельность, поставив во главу угла военно-патриотическую проблематику. Российские журналисты отважно исполняют свою миссию в самой гуще боестолкновений и нередко становятся мишенью для противника, выслеживающего их и безжалостно ведущего за ними настоящую охоту. Немало журналистов погибли или получили ранения при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Источники:

1. Короткевич Р. В. Средства массовой информации – элемент политической системы общества // Лесной вестник. 2002. № 3. С. 191–196.

2. Милецкий В. П. К вопросу о методологических основах изучения «Четвертой ветви власти» как института политической системы современного общества / В. П. Милецкий, Я. А. Емелин // Дискурс. 2024. Т. 10. № 3. С. 75–85.

3. Майданская И. А. Отношения симметрии в политических системах // Известия ТРТУ: специальный выпуск. 2001. № 1 (19). С. 222–223.

4. Лисова С. Ю. Политические функции СМИ // Вестник ИГЭУ. 2011. № 2. С. 122–126.

V. P. Miletsky (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

Y. A. Emelin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CURRENT ASPECTS OF THE STUDY MASS MEDIA AS A CIVIL AND POLITICAL INSTITUTION OF MODERN SOCIETY

Today, both the mass media and new media have a significant impact on the political system as a whole, and on the actors of the political process in particular. This ensures feedback between society and the institutions of state and municipal government, forms public opinion, and maintains the stability of all components of the political system. In this regard, an urgent theoretical problem is the difficulty of unambiguously defining the place and role of the mass media as a civil and political institution in modern Russian society. The stated problems are reflected in the concept of the "Fourth Branch of Government", the paradox of which consists in the difficulty of unambiguously defining the "powers" and the role of representatives of the press in interaction with key actors of political power.

The Fourth power, mass media, new media, political processes, political system, civil and political institutions, public opinion

УДК 355.451

М. А. Мокеева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mamokeeva@stud.etu.ru)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ ТЕАТРА (НА ПРИМЕРЕ «ГДЕ ТЕАТР»)

В данной статье исследуется применение герменевтического подхода в определении целевой аудитории театра. Герменевтический подход может способствовать формированию целевой аудитории, которая становится отражением смыслов и ценностей, транслируемых театром. Это приводит к повышению вовлеченности зрителей, созданию с ними аутентичной связи и, в конечном счете, к более значимому театральному опыту и лояльности аудитории.

Театр, коммуникативное пространство, целевые аудитории, герменевтика, театральные зрители

В условиях высокой конкуренции на театральном рынке и борьбы за внимание зрителя, формирование целевой аудитории становится критически важным аспектом для достижения успеха, в связи с чем театры сталкиваются с необходимостью лучше понимать и привлекать «своего зрителя». Традиционные подходы к формированию целевой аудитории часто не способны предоставить полное понимание аудитории, в виду этого необходимо найти более глубокий подход. Поскольку зритель играет решающую роль в театральном опыте, глубокое понимание не только его потребностей, но и ценностей позволяет установить аутентичную связь с целевой аудиторией и сформировать ее лояльность. Сегментирование аудитории в соответствии с этими глубинными смыслами и ценностями мы предлагаем осуществить с точки зрения герменевтического подхода.

Герменевтика – это область философии и науки, занимающаяся исследованием методов и принципов толкования текстов, символов, искусства и других форм коммуникации, направленная на понимание сложного и иносказательного смысла или скрытого, неявного знания. Театральное действие представляет собой множество взаимосвязанных кругов интерпретации, что позволяет рассматривать его через призму герменевтической парадигмы [1].

В театральной сфере герменевтика, в первую очередь, рассматривается как интерпретация театрального текста и смысла, заложенного в него. Театральный текст, по мнению А. Я. Альтшуллер – это сама деятельность театра, театральное представление, которое, в свою очередь, является сложным объектом [2, С. 10]. По мнению Э. Розика, понимание театральной постановки можно рассматривать в таком случае как «декодирование» текста, его осмысление и интерпретацию [3, С. 147]. Можно сказать, что театр – это

диалог между зрителем и артистом, непрерывно связанный с процессом понимания и интерпретации смысла, заложенного в театральный текст. Сам по себе театр реализует мощную коммуникационную модель, создавая совокупность смыслов, множественность интеракций, интерпретаций и пониманий, создающих новое смысловое содержание. При этом театр всегда ставит зрителя в герменевтическую ситуацию, в которой можно либо понять, либо не понять текст.

Однако стоит отметить, что герменевтическое толкование не использовалось в применении к коммуникационной деятельности театров и в особенности к специфике формирования их целевой аудитории. Театральную публику сложно описать однозначно, и в последние годы подход к анализу аудитории движется в сторону более глубокого изучения, включающего в себя не только социально-демографические характеристики [4]. Именно поэтому актуальным будет герменевтический подход.

По нашему представлению, работа в соответствии с данным подходом начинается с момента создания театра и его концепта. Это отражается в позиционировании, ценностях, миссии, видении, характере бренда и других аспектах, которые дальше транслируются в окружающую среду. После этого необходимо сделать самое важное – определить свою целевую аудиторию.

Для формирования целевых аудиторий мы предлагаем герменевтический подход, при котором целевая аудитория становится отражением смыслов и ценностей, транслируемых театром. В таком случае целевая аудитория рассматривается не как набор социально-демографических категорий, а смысловых, что в совокупности создает целостное представление о ней. Так, герменевтический подход стремится к получению углубленного понимания субъективного мира целевой аудитории и позволяет выявить скрытые значения и мотивы, понять культурный и социальный контекст аудитории, а также раскрыть неочевидные способы влияния на ее поведение.

Непосредственное изучение аудитории с целью понимания ее ценностей можно провести с помощью качественных видов исследований: психографического анализа, глубинных интервью и фокус-групп. В ходе этих исследований выявляется отношение зрителей к театру и глубинная мотивация к их посещению, а также важные аспекты, связанные с посещением театра.

Герменевтический подход к формированию целевой аудитории театра опирается на понимание того, что зрители являются активными участниками интерпретации и понимания. Посещая спектакль, они привносят в процесс свои собственные знания, культурные контексты и жизненный опыт, которые влияют на их восприятие и переживание театрального опыта (т. е. интерпретацию с точки зрения герменевтики). Так, зрители видят театр по-разному: например, как вариант переосмысления собственной жизни и переживания катарсиса, место для свидания, получение эстетического наслаждения, познание себя, наблюдение за конкретным актером и др.

Таким образом, на пересечении генерируемых театром ценностей с ожиданиями и ценностями аудитории, которой данные ценности близки, образуется коммуникативное поле, некий синтез, в рамках которого смысл не просто постигается, но и формируется.

На наш взгляд, использование герменевтического подхода в формировании целевой аудитории способствует:

– Установлению долгосрочной лояльности. Определяя целевые аудитории на основе разделяемых смыслов и ценностей, театр формирует аутентичную связь со зрителем и его лояльность.

– Улучшению коммуникационной деятельности. Глубинное понимание смыслов и ценностей театра помогает разработать стратегию коммуникации, которая наиболее точно передаст его основную идею. Это, в свою очередь, способствует формированию имиджа театра и, тем самым, повышает его конкурентоспособность.

– Совершенствованию работы в целом. Глубинное понимание целевой аудитории может глобально повлиять на формирование репертуара, ценообразование, голос бренда, выбор партнеров и т. д.

Чтобы наглядно отразить содержание такого подхода, рассмотрим его на примере формирования целевых аудиторий Петербургского театра «ГДЕ ТЕАТР». Это новое театральное пространство, где коллективы, не имеющие собственной площадки, получают возможность играть спектакли на профессиональной театральной сцене [5].

Само название и смысл, в него заложенный, представляют поле для герменевтической интерпретации. В ходе интервью с директором театра мы выяснили, что название – это метафора пути и поисков, в которых находятся как артисты, так и зрители. Молодые театральные коллективы (как и создатели «ГДЕ ТЕАТР» в свое время) находятся в поиске творческого пристанища и «своего» зрителя. Зрители же ищут место для новых впечатлений и переживания качественного театрального опыта. «ГДЕ ТЕАТР» посредством диалога с аудиторией предлагает вместе отправиться на поиски и отвечает на этот вопрос.

Главные ценности театра: люди (зрители, актеры, сотрудники и театральное комьюнити в целом), открытость, возможность творить и созидать, идейность, «молодой огонь». Следовательно, на основе генерируемых театром смыслов целевая аудитория театра формируется из зрителей, открытых к разному театральному опыту (в контексте жанров, произведений и коллективов). Они эмпатично переживают истории, заряжаются игрой актеров и в каждом спектакле ищут для себя смыслы и идеи, над которыми можно поразмышлять. Более того, это зрители, которым важна сопричастность и возможность вступить в диалог – поделиться своим мнением и влиять на деятельность театра. Данный анализ в дальнейшем планируется использовать для корректировки стратегических коммуникаций и расширения целевых аудиторий.

Таким образом, герменевтический подход позволяет не только наиболее точно определить целевую аудиторию, но и сформировать более эффективную стратегию коммуникации с ней. В конечном итоге, это влияет и на изменения в репертуарной, финансово-экономической и художественной политиках театра. Благодаря герменевтическому подходу, театральные учреждения могут более точно передавать ценности и смыслы, которые резонируют с конкретной целевой аудиторией, создавая тем самым сильную связь между театром и его зрителями.

Более того, в перспективе данный подход показывает, что можно сделать для потенциального расширения целевой аудитории. Понимая глубинные смыслы, транслируемые театром, можно выявить смежные целевые группы, которые еще не относятся к основной целевой аудитории, но могут быть привлечены через общие ценности и интересы.

Источники:

1. Соломко Д. В. Философские концепции культуры: опыт интерпретации театрального действия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 61–64.

2. Rozik E. *The Language of the Theatre*. Glasgow: Theatre Studies Publications, 1992.

3. Альтшуллер А. Я. Театроведение и герменевтика. Некоторые вопросы методологии // Вопросы театроведения: сб. науч. тр. СПб.: ВНИИИ, 1991.

4. Большаков Н. В., Максимова А. С. Театральная социология: зритель настоящего и его ожидания от будущего // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2019. № 4. С. 105–121.

5. Где театр: О нас // URL: <https://whereistheatre.ru/about> (дата обращения: 06.12.2024)

M. A. Mokeeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HERMENEUTIC APPROACH IN THE FORMATION OF THE TARGET AUDIENCE OF THE THEATRE (ON THE EXAMPLE OF ‘WHERE IS THEATRE’)

This article explores the application of the hermeneutic approach in determining the target audience of the theatre. The hermeneutic approach can contribute to the formation of a target audience that becomes a reflection of the meanings and values broadcast by the theatre. This leads to increased audience engagement, creating an authentic connection with the audience and ultimately a more meaningful theatre experience and audience loyalty.

Theatre, communicative space, target audiences, hermeneutics, theatre audiences

УДК 174

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

ЭТИКА ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В КОНЦЕПЦИИ СЕННИДДА БОУЛЗА

В статье рассматривается работа «Этика будущего» Сеннидда Боулза, в которой он исследует этические последствия технологий. Растущий страх перед быстрыми социальными, культурными и технологическими преобразованиями вызвал интерес к форсайт-анализу. Боулз полагает, что технология не нейтральна, а скорее отражает существующие социальные установки. Он утверждает, что дизайн и инженерные практики направлены на формирование желаемого будущего или исправление настоящего, предполагая, что технология по своей сути социальна и воплощает определенные ценности. В результате Боулз призывает к развитию морального воображения, позволяющего предвидеть непредвиденные последствия развития технологий. Он выступает за применение принципа предосторожности и считает, что дизайн и инженерное дело следует рассматривать как прикладную этику, обеспечивающую гуманизацию технического прогресса. Подводя итог, Боулз выдвигает идею о том, что технология социально сконструирована и несет этическую ответственность, которую необходимо учитывать при ее разработке и внедрении.

Этика, этика техники, этика дизайна, футурология, деонтология, аксиология

В условиях постоянных и непредсказуемых социальных, культурных и технологических трансформаций в обществе снижается толерантность к неопределенности и возрастает желание вернуть хотя бы иллюзию контроля над неизбежными изменениями. Отчасти этим можно объяснить столь высокий интерес к анализу и предсказанию трендов, которые позволяют сделать хоть немного комфортнее ближайший, но такой туманный, горизонт событий. Итоги года знаменуются не только подведением черты под свершившимся, но и созданием абриса предстоящего. Аналитики коммерческих компаний, представители креативных индустрий, философы, политологи, социологи и многие другие предлагают разнообразные, взаимоисключающие и покрывающие все возможные варианты развития сценарии, среди которых любой человек обязательно найдет себе наиболее подходящий. Визионерное мышление, форсайт-сессии, трендспоттинг становятся мейнстримом в различных областях, вытесняя целерациональное мышление. И мало кто по прошествии времени возвращается к описаниям образов будущего, чтобы проверить их предсказательную силу, обоснованность и воспроизводимость.

В 2018 году свет увидел манифест Сеннидда Боулза (Cennydd Bowles) «Этика будущего» [1], в которой достаточно известный дизайнер, специалист по технологической этике и футурист сформулировал свое видение трансформаций ключевых узлов современной этики. Сеннидд Боулз – интересный и показательный пример современного специалиста с большим практическим (за его плечами сотрудничество с крупными корпорациями – Google, BBC и др.) и академическим опытом (чтение публичных лекций и ведение курсов в Стэнфордском университете, Университете Ноттингема, Оксфордском университете, Элонском университете и др.).

В своей книге «Этика будущего» он исследует этические последствия технологий с точки зрения практикующего специалиста. Экспоненциальный рост технологий приводит к такому же высокому темпу появления новых и обострению прежних этических вопросов. Ситуация осложняется тем, что достаточно часто проектирование, создание и применение новых технологических инструментов сосредоточено в руках практиков далеких от метафизической и этической рефлексии. Современные технологии, помноженные на достижения в области нейронаук и наук о поведении человека, позволяют вывести инструменты влияния и манипуляции на новый уровень, а значит, по мнению Боулза, их совершенствование и использование требует большой ответственности и этической компетентности.

Боулз указывает, что технологии не способны сами по себе изменить мир к лучшему. Более того, чаще они приводят к закреплению и большему распространению уже существующих форм дискриминации и социального неравенства. Поэтому первый шаг, который предстоит сделать человеку, это признать тот факт, что техника и технологии не являются нейтральными, а отражают и закрепляют весь наш социальный опыт. Технологии – не инертный инструмент в руках человека и одновременно с этим технологии не являются неким объективным и неподдающимся контролю процессом. Они – воплощение ценностей, целей, мотивов, социальных установок, так как именно они определяют направление наших мыслей, научных и технологических поисков. Такой отказ одновременно от нейтралитета и технологического детерминизма позволяет Боулзу сформулировать тезис, что дизайн и проектирование – это прикладная этика и «заявление о будущем» [1, С. 17].

Экстерналии и непреднамеренные последствия превращают надежды на светлое будущее в тревожные ожидания худшего из миров, так как изобретение корабля неминуемо приводит к «изобретению» кораблекрушения, а внедрение рекомендательных сервисов порождает алгоритмократию. Так как создание второй природы – родовая черта человека, Боулз видит спасение не в поиске виновных и не в запрете, а в разумном применении принципа предосторожности, который был провозглашен Гансом Йонасом в работе 1979 года «Императив ответственности» [2], и сосредотачивается на поиске ответа на вопрос: «кто обладает властью исправить положение». Нежелание просчитывать последствия изобретения, внедрения и применения технологии

Боулз называет воровством будущего [1, С. 24]. Чтобы лучше выявлять и устранять непреднамеренные последствия и внешние факторы необходимо развивать моральное воображение: «способность фантазировать и морально оценивать ряд сценариев будущего» [1, С. 37]. В этом могут омочить простые вопросы: «Что может произойти, если эта технология станет невероятно успешной?», «Что произойдет, если технология окажется в руках злоумышленника?» Главный принцип, на котором должны строиться моральное воображение и разумная предосторожность в отношении технологического будущего – это видение будущего во множественном числе.

Приводя слова, принадлежащие бывшему специалисту «Google» по этике дизайна Тристану Харрису, что «тот, кто управляет меню, контролирует выбор», Боулз акцентирует внимание на «темных паттернах» – дизайнерских приемах, которые манипулируют поведением пользователя (например, побуждают проводить больше времени на платформе или переходить по рекламной ссылке). Дизайн успешен, если он направляет пользователя к нужной информации, значит, делает вывод Боулз, любой дизайн, ориентированный на целевые показатели, является дизайном, обеспечивающим убеждение и будет пытаться манипулировать поведением пользователей. Это требует от специалистов сосредоточиться на работе с намерением, признавая свою ответственность и выбирая, как решать этические проблемы [1, С. 59].

Стоит отметить, что такой акцент на движущих моральных мотивах и ценностных основаниях деятельности по созданию и развитию технологий характеризует Булза скорее как последователя демонологической традиции, нежели утилитаристкой. Результатом развития его идей применительно к области этики дизайна и разработки стала пирамида ценностей этичного дизайна [3]. Ключевая ценность этичного дизайна – уважение к автономии и правам, а ключевая задача – гуманизация технологического прогресса через замену безликого и бессубъектного пользователя обратно человеком.

Работа Боулза интересна тем, что, с одной стороны, он постоянно апеллирует к опыту прошлого, рассказывая о проблемах настоящего, а с другой стороны, реализует принцип морального воображения, экстраполируя известные случаи на возможное будущее. Тем самым создается многомерный образ этики, в которой вечные вопросы требуют постоянной актуализации рефлексии, так как любое решение в этической сфере – это всегда сложный компромисс в разветвленной системе моральных ценностей. Несмотря на футурологическое название, работа Сеннеда Боулза направлена скорее на анализ настоящего, чем на построение образа будущего. Анализ существующих уязвимостей и рисков позволяет автору сформулировать некоторый идеальный «должный» мир будущего, но спустя шесть лет, прошедших после первой публикации работы, мы можем констатировать, что намерение этизации технологической сферы сохраняется, но реализация этого принципа сталкивается с целым рядом сложностей.

Источники:

1. Cennydd Bowles. Future ethics. East Sussex: NowNext Press, 2020.
2. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технол. цивилизации; Наука как персональный опыт. М.: Айрис-пресс, 2004.
3. Ethical Design Manifesto. URL: <https://ind.ie/ethical-design/> (дата доступа 09.01.2025)

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***ETHICS OF THE PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE CONCEPT OF
SENYDD BOWLES***

This article examines Cennydd Bowles «Future Ethics», in which he explores the ethical implications of technology. The increasing fear regarding rapid societal, cultural, and technological transformations has sparked interest in foresight analysis. Bowles proposes that technology is not neutral, but rather reflects existing social attitudes. He argues that design and engineering practices aim to shape a desired future or rectify the present, suggesting that technology is inherently social and embodies certain values. As a result, Bowles calls for the cultivation of a moral imagination to anticipate the unintended consequences of technology. He advocates for the application of the precautionary principle and believes that design and engineering should be viewed as an applied ethics, providing a way to humanize technological progress. In summary, Bowles puts forth the idea that technology is socially constructed and carries ethical responsibilities that must be considered in its development and implementation.

Ethics, ethics of technology, ethics of design, futurology, deontology, axiology

УДК 130.2, 101.1:316

Е. И. Наумова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: naumova11@inbox.ru)

ПРОСВЕЩЕНИЕ XXI ВЕКА

Статья подготовлена при поддержке Гранта Института мира и исследования конфликтов «Российский цивилизационный код: мировоззрение и идентичность».

Руководитель: Наумова Е. И., 2024–2025

Статья раскрывает актуальное прочтение концепции совершеннолетия Канта в контексте развития российской цивилизации. Неолиберальная идеология раскрывается в терминах ложного Просвещения, которое влияет на ценностные установки современной российской молодежи. Раскрыт тезис о том, что подлинное совершеннолетие достигается в ощущении себя со-временным, а значит, укорененным в истории своей страны.

Кант, Просвещение, неолиберализм, совершеннолетие, миллениалы, зумеры

Ровно 240 лет назад Иммануил Кант написал следующие слова: «Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие» [1, С. 27]. Кант описал этим суждением своих современников, которые не способны мыслить самостоятельно, и потому на протяжении всей своей жизни остаются в состоянии несовершеннолетия. Прошло более двух столетий, но философ, имеющий амбиции анализировать, как и Кант, современность вполне может описать подобной фразой и нынешнее поколение. То, чего лишено большинство его современников Кант назвал Просвещением, получается, что и в XXI веке Просвещение так и не настало. Мы лишены Просвещения, а значит, согласно Канту, лишены и свободы, но отдаем ли мы себе в этом отчет? Ведь XXI век провозглашен веком демократии, либерализма и прав человека: свобода выбора, свобода вероисповедания, свобода идентичности, свобода социальной и культурной принадлежности, все это «свобода от» такого количества вещей... Ключевой вопрос заключается в том, является ли эта свобода той самой свободой просвещенного человека, о которой писал Кант, или представляет собой нечто иное или даже противоположное?

Вернемся к тексту Канта: «Леность и трусость – вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (*naturaliter maiores*), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т. п., то мне нечего и утруждать себя» [1, С. 27]. Насколько эти меткие наблюдения Канта сообразны и нашему веку. Именно

несовершеннолетием современного поколения объясняется популярность разного рода психологических коучей, ментальных гуру, мотивационных тренеров, спикеров, инфоцыган, которые, будучи сами несовершеннолетними, берут опеку над себе подобными, а такие распространенные тренды как «полиамория», «гендерфлюид», «бодимодификация», «номадическая субъективность» судя по всему должны свидетельствовать о широкой свободе самовыражения, которая маркируется как свобода «просвещенных» и «прогрессивных» представителей человечества. Инфантильное поколение миллениалов и зумеров, кто это, если не те самые несовершеннолетние, в терминологии Канта, которые слепо следуют идеологиям, навязанным извне, будучи совершенно не в состоянии мыслить самостоятельно.

Мишель Фуко в 1984 году пишет: «Не знаю, станем ли мы когда-нибудь взрослее. Многие в нашем опыте убеждают, что историческое событие Просвещения не сделало нас совершеннолетними, – и мы все еще ими не стали» [2, С. 149]. Фуко диагностировал несовершеннолетие тем, кого сегодня в западной социологической науке [3] называют поколением «Бумеров» (1944 г. – 1967 г.) и поколением «Х» (1967 г. – 1984 г.), в это время на свет появлялось поколение «Y» (1984 г. – 2000 г.), а в XXI веке мы констатируем диагноз несовершеннолетия в отношении поколения «Z» (2000 г. – 2011 г.), выносить суждение о поколении «Альфа» (с 2011 г.) пока преждевременно. Так или иначе есть определенная разница истории развития Европы и России, в какой-то мере мы можем говорить о том, что довоенное, послевоенное и поколение бумеров в России – это поколение, претендующее на то, чтобы называться совершеннолетними. Это те поколения, благодаря которым мы живем в современной России, располагаем своими территориями, имеем опыт победы над национал-социализмом и беспрецедентный в истории пример построения социалистического общества, пусть и ценой революции и глобальных культурных трансформаций. Однако, сложно себе представить, что подобные политические преобразования могло совершить инфантильное поколение или поколение недорослей [4], которые жили чужим умом и не решались заявлять о себе публично. Как отмечает Ханна Арендт [5, С. 80], Кант не оставил нам политической философии, он не объяснил, достигшим просвещения, как поступать политически. Но так как в практических делах для Канта решающее значение играет воля, которая следует максиме разума, то меняющие мир поколения в российской истории мы склонны называть поколениями совершеннолетних, достигших Просвещения, но быть может не преодолевших его ограничений.

Российские несовершеннолетние поколения – это миллениалы («Y») и зумеры («Z»), они как раз появились на свет в предперестроечное и постсоветское время, с этого момента типичная для западной культуры парадигма «отложенного Просвещения», дала о себе знать в наиболее явном виде и в нашей стране. Когда социалистическая идеология, которая стояла на позиции деятельного разума и деятельной жизни, рухнула, и когда ценности семьи, труда, любви, ответственности, патриотизма, справедливости перестали быть

моральными доминантами и сменились на либеральную матрицу прав и свобод человека с приоритетом индивидуализма и материальных ценностей над коллективизмом и духовностью, тогда результат не заставил себя долго ждать. Через двадцать лет после крушения СССР заговорили о появившемся инфантильном поколении хипстеров, которое предпочитает «дауншифтинг», «смузи» и смартфон здоровой семье, созидательному труду и любви к Родине. Это два поколения, – миллениалы и зуммеры – для которых даже финансовый успех и карьерный рост не так важны, потому что они все это получили в готовом виде от своих совершеннолетних родителей, которые росли, обретали жизненный опыт и достигали успеха в сложные времена, когда другого выхода, кроме как «мыслить самостоятельно» не было – на кону стояла цена собственной жизни и жизни близких. В ценностных ориентирах «сытого поколения нулевых» такие понятия как «служение», «ответственность», «духовность» заменены на «саморазвитие», «права человека», «осознанное потребление», «бодипозитив». Если в конце XVIII века Кант констатировал, что большинство населения Европы не достигло совершеннолетия, и что совершеннолетними должны быть (и были) представители религиозной и политической культуры, которые имеют возможность просветить публику, то в XXI веке в связи с падением авторитета института Церкви и политических институтов в Европе, на их место пришли «симулякры совершеннолетних»: бизнес-тренеры, коучи, гуру разных мастей, ментальные менеджеры и прочие продавцы воздуха, которые будучи сами несовершеннолетними, взрастили себе подобную паству, которая стала претендовать на идейное доминирование в мире, маркируя себя как западная неолиберальная культура, ознаменовавшая собой конец истории [6] и принесящая миру новую «Благовую Весть» [7]. Тогда как в России недавние внуки октябрят и поинеров, и нынешние зуммеры, напившись кофе на безглютеновом молоке, наслушавшись Арианы Гранде и Лил Пипа, насмотревшись сериалов «Половое воспитание» и «Эйфория», начитавшись Андре Асимана и Кристины Старк попеременно с Достоевским и Пушкиным, публично провозгласили свободную любовь, чайлдфри и желание прожить свою жизнь на Бали в окружении друзей и растений. Можем ли мы предположить, что данные публичные суждения, руководствуются просвещенным разумом? Только в том случае, если идея Просвещения в XXI веке оказалась превратно понята или сознательно искажена. Именно поэтому в современной ситуации новым поколениям необходимо начать мыслить самостоятельно хотя бы для того, чтобы отличить истинную идею Просвещения от идеологического симулякра идеи Просвещения, которая обрела широкую популярность в современном публичном пространстве. Инфантильное, находящееся в иллюзии достигнутой Просвещения поколение, с ложными ценностными и моральными установками, паттернами поведения, мыслительными привычками, находящееся в идеологическом разрыве со своими отцами и матерями, судя по всему, формируется не случайно – для чего-то и кому-то «вечные несовершеннолетние» нужны, и наибольшую

опасность представляет непонимание этой вещи самими несовершеннолетними, которые чуждую идеологию принимают за свободу, а отсутствие мышления за прогрессивный взгляд на мир.

Сегодня, мы сталкиваемся с тем, что не только люди, но и целые страны становятся несовершеннолетними, теряя свой суверенитет перед гегемоном. Геополитическая ситуация последних десяти лет показывает, что Россия и страны «глобального Юга» наращивают свой суверенитет и развивают цивилизационные ценности, отличные от западной, все более инфантилизирующейся культуры, тем самым возвращают менталитет совершеннолетия как на уровне внешней, так и внутренней политики. Не смотря на пассивность миллениалов и зумеров, есть поколения «до» и «после», есть установка на продвижение традиционных российских ценностей, позиционирование России как государства-цивилизации, есть православие, русская философия, пяти-элементная модель мировоззрения [9], – в нашей стране есть совершеннолетние взрослые, которые формируют политику, культуру, образование, искусство, и которые способны сделать даже «потерянное поколение» совершеннолетним, если Просвещение для них будет ассоциировано с Россией, а не с уходящим в прошлое западным проектом.

Источники:

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения в шести томах. Т.6. М.: «Мысль» (Академия наук СССР, Институт Философии, Изд-во социально-экономической литературы), 1966.
2. Фуко М. Что такое Просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2. М., 1999. С. 132–149.
3. Howe N., Strauss W. Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.
4. Фонвизин Д. И. Недоросль. М.: АСТ. Эксклюзив русская классика, 2023.
5. Арндт Х. Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2012.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ. Полиграфиздат, 2010.
7. Деррида Ж. Заклинать – марксизм // Призраки Маркса. М.: Левая карта, 2006. С. 75–115
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 8 т., М.: Чоро, 1994. Т. 7., С. 137–372
8. Полосин А. В., Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). Журнал политических исследований. Т. 6. № 3. 2022. С. 9–19

Naumova E.I. (Saint-Petersburg State University)

THE ENLIGHTENMENT OF THE TWENTY-FIRST CENTURY

(Article was prepared with the support of Institute for Peace and conflict research grant «Russian civilization code: worldview and identity». Head: Naumova E.I., 2024-2025)

The article represents the relevant reading of the Kant's concept of majority in the context of Russian civilization development. Neoliberal ideology opens up in terms of the fake Enlightenment, which influences on the value system of the modern Russian youth. The main thesis is that the true majority can be achieved in the experience of «being contemporary» that means «being historically rooted» in your country.

Kant, Enlightenment, Neoliberalism, majority, millennials, generation Z

УДК 93/94

И. Н. Нужнов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»; e-mail: inuzhnov@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-МОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В 1906 -1917 гг.

Рассмотрены вопросы преобразования системы отечественного военно-морского образования, обусловленные военно-политическими и экономическими факторами развития Российского государства и флота в первое десятилетие 20 века, уроками русско-японской войны 1904–1905 гг., необходимостью привести подготовку офицерских кадров для Российского флота в соответствие с новыми требованиями. Анализируется развитие всех составляющих системы подготовки кадров для флота, обновление образовательного процесса и оргштатной структуры военно-морских учебных заведений, результатом чего стало окончательное складывание достаточно стройной многоуровневой системы военно-морского образования, значительное улучшение качества подготовки офицерских кадров.

Система военно-морского образования, морское министерство, морская академия, преобразования

Военно-морское образование, прошедшее в своем развитии 324 года, во второй половине XIX в. в ходе проводимых реформ приобрело определенную многоуровневую систему, позволявшую готовить квалифицированные кадры для Российского флота различного уровня от первичных должностей до высшего командного состава. Однако практика применения броненосного флота и опыт боевых действий в ходе войны с Японией в 1904–1905 гг. показали настоятельную необходимость изменений в этой сложившейся системе, затрагивающих как организационно-штатную структуру военно-морских учебных заведений, так и содержание образовательного процесса.

Преобразования в системе военно-морского образования проводились в контексте военной реформы 1905–1912 гг. Они затронули все уровни подготовки флотских кадров.

1. Особенно остро встал вопрос подготовки офицерских кадров для замещения руководящих должностей оперативного и стратегического уровня. Высочайшим рескриптом от 24 апреля 1906 г. на имя Морского министра адмирала А. А. Бирилева было обращено особое внимание на необходимость решительного улучшения высшего военно-морского образования офицеров флота [1, С. 92].

В процессе обсуждения вопросов реформы высшего военно-морского образования в специально созданной комиссии во главе с директором Мор-

ского корпуса (он же начальник Морской академии) и на страницах «Морского сборника» выявились 2 точки зрения по вопросу реорганизации академии: создать 2 отдельные академии – Академию Морского генерального штаба и Морскую техническую академию или иметь единую Морскую академию. При обсуждении этого вопроса в правительстве было принято решение иметь одну академию [2, С. 35]. Разработка документов и перестройка академии должны были быть осуществлены в течение 1906–1908 гг. 10 июня 1910 г. был утвержден одобренный Госдумой и Госсоветом закон об отпуске средств на покрытие расходов, связанных с реорганизацией академии. А 25 июня 1910 г. были утверждены наконец новые Устав и Положение о Николаевской морской академии и ее штаты [3, С. 37].

В соответствии с этими документами академия приобретала статус самостоятельного (и в административном, и в хозяйственном отношении) высшего военно-морского образовательного учреждения. Статья 1 Положения определяла: «Николаевская Морская академия принадлежит к разряду высших учебных заведений и имеет своим предназначением дать обучающимся в ней офицерам высшее военно-морское образование и высшее специальное техническое образование, соответствующее современным требованиям военно-морской службы» [4, С. 524]. С этого времени начальник академии в ранге вице-адмирала стал непосредственно подчиняться Морскому министру. На должность начальника академии назначались флотские чины Высочайшим Указом по представлению Морского министра.

Согласно Положению, академия включала четыре отдела (факультета): военно-морской, гидрографический, механический, кораблестроительный. На военно-морской отдел с 2-летним сроком обучения ежегодно принималось 20 слушателей по результатам вступительных экзаменов и опыта службы в офицерских чинах не менее 4-х лет. Для подготовки офицеров к службе в Морском Генеральном штабе создавался дополнительный курс, на который принимались 5-6 офицеров, окончивших 2 курса по первому разряду. С учетом опыта русско-японской войны были внесены изменения в учебные планы и программы, включавшие главные (морская стратегия, морская тактика, история военно-морского искусства, военно-морская история, военно-морская администрация, морское международное право, служба Генерального штаба во флоте) и вспомогательные (политическая история, политическая экономия, государственное право, теория корабля, иностранные языки) предметы.

На технических отделах срок обучения увеличивался до 2 лет 7 месяцев, были расширены курсы проектирования кораблей и судовых механизмов, добавили новую дисциплину – военно-морской курс, включавший в себя основы морской стратегии и тактики, военно-морской истории и корабельного оружия применительно к проектированию кораблей «для установления единства военной мысли среди личного состава флота и для внедрения основных понятий военно-морского искусства» [5, С. 46]. Прием слушателей осу-

ществлялся через каждые 3 года. Общее число обучающихся в академии увеличилось более, чем в 3 раза, и в 1910 г. составляло 75 человек [6, С. 130].

2. Радикальной перестройке подверглась подготовка офицерских кадров для замещения первичных должностей в Морском кадетском корпусе и Инженерном училище.

В старейшем военно-морском учебном заведении, переименованном с 1906 г. в Морской корпус, была создана специальная комиссия, результатом работы которой стала существенная переработка на основе реализации опыта русско-японской войны учебных программ, перераспределение учебного времени между общеобразовательными и специальными дисциплинами, введение ряда новых предметов, изменение правил приема в морские учебные заведения, разработка мер по усилению воинского воспитания.

Сообразно рекомендациям комиссии курс трех общих классов был доведен до объема реальных училищ, а гардемарин трех специальных классов приравнивали в служебном отношении к юнкерам военных училищ, с ноября 1906 г. они стали принимать присягу и считались зачисленными на службу [6, С. 82]. В основу обучения в специальных классах был положен опыт русско-японской войны. Уже с 1906 г. основным предметом становится морская тактика, дополненная сведениями из морской стратегии. Значительно изменился курс военно-морской истории, который преобразовали в историю военно-морского искусства, ориентированную на развитие у обучающихся военного мышления, основанного на критической оценке исторического опыта, умения предвидеть пути развития военно-морского дела. Для преподавания специальных дисциплин приглашались офицеры – участники прошедшей войны. В общих классах и младшем специальном классе применялась обычная поурочная система преподавания, а в среднем и старшем специальных классах – лекционная система, при которой опрос производился в назначенное вечернее время на так называемых репетициях.

Особое внимание было обращено на усиление практической направленности преподавания специальных предметов. На проведение практических занятий выделялось не менее 2-х часов в день. Были значительно изменены и программы летних практических занятий. Сущность новой постановки таких занятий сводилась к систематизации и распределению учебного материала по возрастам, выделению главного предмета для каждого корабля в соответствии с теми знаниями, которые получили воспитанники в предшествующем теоретическом курсе [1, С. 99]. Воспитанники должны были совершить не менее пяти трехмесячных плаваний. По окончании Морского корпуса выпускники производились в корабельные гардемарины, которые только после выполнения годичного плавания и сдачи экзамена специальной комиссии от флота получали первый офицерский чин мичмана.

Штат воспитанников Морского корпуса увеличился до 750 человек. Минимальный возраст поступления был установлен с 14 лет. Несколько расширился сословный состав принимаемых в корпус: кроме сыновей моряков и

дворян допускались также сыновья гражданских чинов до VIII класса, священнослужителей, офицеров военного ведомства и лиц, окончивших курс в одном из высших учебных заведений. В значительной степени эта мера была вызвана некоторым падением престижа морской службы после поражения флота в русско-японской войне и снижением числа желающих поступать в военно-морские учебные заведения в 1906–1907 гг. Однако несмотря на некоторое изменение правил приема, корпус оставался недоступным для выходцев из рабочих и крестьян.

1 сентября 1916 г. был открыт Морской корпус в Севастополе (для малолетних), а корпус в Петрограде стал именоваться «Морское Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Училище».

Ограничение приема в корпус узкими сословными рамками не позволяло в полной мере увеличивать выпуски и флот почти все время некомплектом обер-офицерского состава (в 1913 г. некомплект обер-офицеров составлял 33%). В связи с этим в 1913 г. учреждаются Отдельные гардемаринские классы, которые работали по программам специальных классов Морского корпуса и Морского инженерного училища. В них были зачислены с переименованием в гардемарини 60 юнкеров флота, принятых в 1913 г. и совершивших заграничное плавание на крейсере «Олег». В 1914 г. в них были приняты 119, а в 1915 г. – 114 человек. Гардемаринские классы произвели всего один выпуск – в 1917 г. [2, С. 39].

Дальнейший рост кораблестроения и развитие техники предъявляли и более высокие требования к подготовке технических кадров флота. Курс Морского инженерного училища подразделялся на теоретический и практический. В старшем гардемаринском классе весь теоретический курс заканчивался в первом полугодии, а второе полугодие посвящалось главным образом проектированию судов на кораблестроительном отделе и проектированию машин на механическом отделе.

В основу курса специальных предметов были положены требования, связанные с развитием техники и опытом русско-японской войны. Введено изучение двигателей внутреннего сгорания, паровых турбин, значительно переработан курс электротехники. На механическом отделе расширен курс кораблестроения с целью лучшей подготовки механиков к управлению устройствами, обеспечивающими живучесть корабля. С 1913 г. в учебный план включаются ряд предметов, направленных на улучшение подготовки корабельных инженеров и инженеров-механиков как военно-морских офицеров, в частности основ истории военно-морского искусства и тактики [5, С.52].

По окончании курса выпускники училища обязаны были прослужить на действительной службе в Морском ведомстве по 1,5 года за каждый учебный год нахождения в специальных классах училища. Успешно закончившие училище после 10 месяцев внутреннего и заграничного плавания в звании корабельного гардемарина и выдержавшие практический экзамен производи-

лись в подпоручики корпуса корабельных инженеров и инженеров-механиков.

3. Значительные преобразования затронули такой элемент системы военно-морского образования как вневузовская специальная подготовка и переподготовка офицерских кадров флота. Они были обусловлены бурным развитием корабельного оружия и технических средств, появлением в составе флота в начале XX в. новых родов сил – подводных лодок и морской авиации.

Существенно меняется программа подготовки офицеров в существовавшем Минном офицерском классе. Главной его задачей было «дать флоту вполне компетентных и технически образованных минных офицеров, в совершенстве знающих минное дело, способных в дальнейшей службе следить за техническим прогрессом по своей специальности» [1, С. 114]. Поэтому помимо чисто специальных предметов (мины Уайтхеда, мины заграждения, взрывчатые вещества, подрывное дело, судовая электротехника и радиотелеграфия) в программу обучения включались и общеобразовательные предметы: высшая математика, аналитическая механика, практическая физика, электричество и химия. Опыт русско-японской войны показал необходимость расширения специальных курсов, в частности введения таких предметов, как тактика минного дела и непотопляемость судов.

В 1913 г. при минном классе были сформированы **школа радиотехников** и временное электротехническое отделение. В целях улучшения отбора офицеров для учебы в минном классе были повышены требования на вступительном экзамене и введен двухнедельный подготовительный курс.

В 1906 г. основательно пересмотрено содержание подготовки в Артиллерийском офицерском классе, рассчитанном на 30 слушателей. Было отменено изучение устаревшей материальной части, расширены курсы стрельбы, электротехники, взрывчатых веществ, введен новый курс оптики и дальномеров. С учетом опыта русско-японской войны особое внимание обращалось на подготовку артиллерийских офицеров к управлению огнем, поэтому с 1906 г. в программу обучения вводится курс управления артиллерийским огнем.

Обучение артиллерийских офицеров велось в течение 12 месяцев, из которых 8 месяцев отводилось на теоретическое обучение, а 4 месяца офицеры проводили в плавании на кораблях Учебно-артиллерийского отряда, отрабатывая практические навыки артиллерийской стрельбы и умения управления ею. По окончании плавания назначенная от флота комиссия принимала у слушателей экзамен, и выдержавшие его получали звание артиллерийского офицера 2-го разряда [1, С. 132].

27 марта 1906 г. по инициативе героя русско-японской войны контр-адмирала Э. Н. Щесновича в составе Учебного отряда подводного плавания был сформирован Офицерский класс подводного плавания, первыми слушателями которого стали офицеры приписанных к отряду подводных лодок. С

1909 г. в Класс принимались офицеры, прослужившие на надводных кораблях 3 года. Курс обучения (10 месяцев) делился на 2 периода: в первом периоде (ноябрь–март) офицеры изучали теоретические основы материальной части подводных лодок и вооружения, а во втором (апрель–сентябрь) – практиковались на подводных лодках, последовательно выполняя обязанности матросов по всем специальностям экипажа и помощника командира, упражнялись в управлении подводной лодкой и проводили учебные торпедные стрельбы. В начале октября особая комиссия принимала экзамен у слушателей, и выдержавшие его получали звание «офицер-подводник». За 1907–1914 гг. было выпущено 120 офицеров-подводников [7].

В 1910 г. создаются Штурманские офицерские классы. Развитие морской авиации потребовало создания специальных школ для подготовки морских летчиков. 11 ноября 1910 г. открылась Севастопольская авиационная школа Отдела воздушного флота, где впервые началась подготовка авиаторов из офицеров флота-добровольцев. Одним из инструкторов школы был впервые совершивший в России полет над морем лейтенант Г. Пиотровский. 28 июля 1916 г. в Петрограде была открыта Офицерская школа морской авиации.

4. Принципиальным новшеством, введенным в ходе преобразований в системе военно-морского образования, стало осуществление подготовки офицеров к преподавательской и научной деятельности. Подготовка военных преподавателей и ученых производилась непосредственно в военно-морских образовательных учреждениях. В частности, Положением и Уставом Николаевской морской академии определялся регламент подготовки и допуска офицеров к педагогической деятельности путем прикомандирования офицеров флота на год к академии «для разработки отдельных вопросов военно-морского дела». Прикомандированные офицеры освобождались от служебных обязанностей по должности для написания диссертаций. После успешной защиты диссертации офицер мог преподавать в академии [6, С. 32].

Таким образом, к началу Первой мировой войны (1914–1918) в России окончательно сложилась и функционировала многоуровневая система военно-морского образования. Она включала базовое высшее военно-морское профессиональное образование, получаемое офицерами в Морском корпусе и Морском инженерном училище для замещения первичных должностей тактического уровня командных инстанций; дополнительное профессиональное образование (повышение квалификации и переподготовка кадров), получаемое в офицерских классах (Минный офицерский класс, Офицерский класс подводного плавания, Водолазный класс, Артиллерийский офицерский класс, Штурманские классы, Офицерская школа морской авиации); высшее военное образование для замещения должностей руководящего состава флота в Николаевской морской академии. Методология подготовки морских офицеров позволяла давать им не только прикладные знания, но и основательные знания в областях науки, техники и культуры. При этом военно-морская школа обеспечивала также флот квалифицированным преподавательским и научным составом.

Источники:

1. Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1906–1909 гг. СПб., 1911.
2. Нужнов И. Н., Вахмистрова С. И. История становления и развития системы подготовки офицерских кадров Российского флота. СПб., 1997.
3. Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1910 г. СПб., 1911.
4. Положение о Николаевской Морской академии. 25 июня 1910 г. / Собрание узаконений и распоряжений правительства. Фонд Музея ВМА.
5. Всеподданнейший доклад по Морскому Министерству за 1913 г. СПб., 1914.
6. «...Быть... мореходных хитростно наук учению»: коллективная монография. Часть 1. / Под общей редакцией А. А. Римашевского. СПб.: ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2011.
7. Всеподданнейшие отчеты по Морскому министерству за 1906–1909, 1910, 1911, 1914 гг.

I. N. Nuzhnov (St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI"; VUNTS Navy "Naval Academy")

***DEVELOPMENT OF THE NAVAL EDUCATION SYSTEM
IN RUSSIA IN 1906–1917***

The issues of transformation of the Russian naval education system are considered, due to the military, political and economic factors of the development of the Russian state and navy in the first decade of the 20th century, the lessons of the Russo-Japanese war of 1904–1905, and the need to bring officer training for the Russian Navy in line with new requirements. The article analyzes the development of all components of the personnel training system for the navy, the updating of the educational process and the organizational structure of naval educational institutions, which resulted in the final formation of a fairly coherent multi-level system of naval education, and a significant improvement in the quality of officer training.

The system of naval education, the Maritime Ministry, the Maritime Academy, transformations

УДК 1.091

Осипова Ю. С. (Южный Федеральный Университет, e-mail: ichered@sfnedu.ru)

ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА

Рассматривается концепция глобального эволюционизма, подчеркивающего динамичность и взаимосвязь всех процессов в природе. Концепция глобально-эволюционного подхода восходит к античным философам и наглядно оформляется к XIX веку, что подтверждает важность исторического контекста. Эволюция не ограничивается исключительно биологической сферой, а выступает как многогранный и противоречивый процесс.

Глобальный эволюционизм, познание, когнитивные процессы, биосфера

Ключевым элементом современного эволюционно-синергетического подхода является концепция эволюционизма, рассматриваемая не только в традиционном дарвиновском контексте, но и сквозь призму глобального эволюционизма.

Все в нашей природе находится в постоянном движении и развитии. Создание единой теории эволюции принесло бы значительные научные и теоретические преимущества. Тем не менее, даже сейчас многие области естественных наук основываются на принципах эволюционизма, то есть на убеждении, что материя, Вселенная и ее составляющие развиваются, то есть эволюционируют. При этом эволюция трактуется как процесс изменений, который чаще всего является необратимым и касается живых, так и неживых объектов.

В данный период многие области естественных наук основываются на принципах эволюционизма, то есть на убеждении, что материя, Вселенная и ее составляющие развиваются, то есть эволюционируют. При этом под эволюцией понимают процесс изменений, который чаще всего является необратимым и касается живых, так и неживых объектов.

Глобальный эволюционизм демонстрирует появление нового взгляда на эволюцию как на внутренне противоречивый процесс, обладающий направленностью и лишен таковой, являющийся закономерным и случайным одновременно. В данном контексте постоянство и стабильность выступают необходимыми условиями для изменчивости. В центре глобально-эволюционного подхода находится человек, который осознает свою роль в эволюции.

Принцип эволюционизма восходит ко взглядам древнегреческих философов, таких как Гераклит, Эмпедокл, Демокрит, идеи которых затрагивали изменчивость окружающего мира. Внедрение данной идеи в естествознание начинается в XVIII веке, когда элементарные формы эволюционизма использовались для описания живой природы, особенно пропагандировались идеи

изменения и превращения органических форм, а также происхождение одних организмов от других.

Эволюционное учение развивается активно в XIX веке, когда теоретическому моделированию развивающихся объектов стали уделять внимание сначала в науках о Земле и биологии, затем в социологии. Гегель создает диалектическую теорию, где развитие становится ключевым понятием, а противоречие – внутренним источником изменения. Концепция Чарльза Дарвина о естественном отборе принесла популярность эволюционным идеям.

Понятие «глобальный эволюционизм» стало частью философского дискурса в начале 80-х годов прошлого столетия. Основные обсуждения вокруг этого термина связаны с исследованием интегративных явлений в науке, направленных на обобщение эволюционных знаний, которые были получены в различных областях естественных наук. Поэтому стремление эволюционных дисциплин к экстраполяции и обобщению закономерностей, механизмов эволюции, обозначают глобальный эволюционизм. Именно в данном смысле употребляется термин на ранних этапах его использования. Эрих Янч, автор одной из ключевых концептуальных моделей глобального эволюционизма, выделяет ключевые изменения в науке, которые позволяют воспринимать реальность как систему взаимосвязанных эволюционных процессов [1, С. 27].

Вернадский, в свою очередь, подчеркивал, что наблюдается все более явный рост влияния цивилизованного человечества как особого типажа живых существ на изменения в биосфере. Благодаря научному прогрессу и усилиям человеческого труда биосфера переходит в новую стадию – ноосферу. Вернадский утверждал, что сила человека обусловлена его разумом и трудом, направленным этим разумом, что должно побудить людей принять меры по сохранению планеты. Одновременно разум дает возможность человеку выйти за пределы Земли, особенно с учетом того, что биосфера сегодня воспринимается как планетное явление космического порядка [2, С. 144].

В 80-е годы XX века этот вопрос становится одной из центральных тем методологии науки. Обсуждения касались не только повышения эффективности исследований в эволюционном естествознании, но и о совершенствовании теоретических методов эволюционного познания, поиске новых интегральных закономерностей и понимания человеческого аспекта глобального подхода к эволюции.

Академик Н. Н. Моисеев акцентирует внимание на том, что концепция «универсального эволюционизма» открывает путь к пониманию взаимосвязи интересов человечества и биосферы, что позволит предотвратить глобальную экологическую катастрофу [3, С. 4–6]. Дискуссия о глобальном эволюционизме выходила за рамки научной методологии, поскольку было очевидно, что она несет в себе глубокий мировоззренческий смысл, отличающийся от традиционных взглядов на эволюцию.

Альтернативой служат многочисленные современные оценки идеи глобального эволюционизма. Точка зрения, согласно которой глобальный эво-

люционизм формирует основу научной картины мира и способствует интеграции природных и гуманитарных наук, подчеркивает значимость данного подхода для естествознания. Также, глобальный эволюционизм занимает центральное место в фундаментальных основах науки о природе, что подчеркивает важность исследований этой идеи для понимания процессов формирования новой эволюционной парадигмы.

Тем не менее, некоторые исследователи высказывали сомнения относительно возможности трансформации глобального эволюционизма в полноценную эволюционную концепцию, хотя при этом не оспаривалась роль экстраполяции и интеграции знаний в естественных науках как основного способа реализации этой идеи [4, С. 1]. Сторонники данного подхода рассматривают глобальный эволюционизм как мировоззренческое образование, которое представляет более высокий уровень эволюционных обобщений по сравнению с естественнонаучными понятиями.

Эволюционный подход к познанию рассматривает когнитивные процессы, как результат долгосрочных процессов адаптации и естественного отбора. Данные процессы находят отражение в работах Карла Поппера и Стивена Тулмина, чьи исследования оказали значительное влияние на развитие теоретических основ глобально-эволюционного подхода. Как отмечает К. Поппер, существует как минимум одна фундаментальная проблема, интересующая всех людей, способных на познавательную деятельность [5, С. 10–11]. Это проблема космологии: проблема понимания мира, который включает нас самих и наше знание. В условиях современности актуальность эволюционного анализа возросла. В частности, изучение эволюционного подхода к познанию подчеркивает, насколько научные концепции являются динамичными и подвержены пересмотру на фоне новых эмпирических открытий.

Помимо этого, глобально-эволюционный подход тесно связан с актуальной экологической проблемой, ведь мы находимся на пороге новой цивилизационной парадигмы, где исследование целостной цивилизации становится приоритетом, а основные концепты новой картины мира требуют переосмысления нашего отношения к природе и подчеркивают ответственность человека за эволюцию.

Ключевую роль в изучении когнитивных процессов играет социология знания. Она представляет инструменты для анализа влияния социальных структур и культурных контекстов на формирование знания и процессов познания. Поскольку когнитивные процессы невозможно отделить от социокультурного фона, исследования социологии знания является важным для пониманий их динамики. К. Манхейм и М. Малкей подчеркивают, что социология познания имеет важное значение в структуре человеческой активности и социально-гуманитарном познании.

Глобально-эволюционный подход, который объединяет биологические и социальные составляющие, значительно влияет на развитие современных когнитивных теорий. В рамках этого подхода познание рассматривается как сложный, адаптивный процесс, формирующийся под воздействием множе-

ства факторов. Он осуществляется через взаимодействие с окружающей средой и зависит не только от генетических предрасположенностей, но и социальной среды. Взаимосвязь социальных и биологических факторов помогает лучше понять механизмы когнитивной адаптации и, соответственно, гибкость познания в изменяющихся условиях.

Глобально-эволюционный подход к познанию формирует многослойный синтез историко-философских и биологических идей, играя ключевую роль в понимании динамики человеческого познания. Основываясь на идеях Жан-Батиста Ламарка, Чарльза Дарвина, ключевые идеи эволюции и адаптации проявляются в познании как в процессе, подверженном длительному эволюционному развитию. Исследование познания с точки зрения глобально-эволюционного подхода позволяет подчеркнуть важность самой природы познания, как продукта долгосрочных эволюционных изменений несмотря на противоречивость данного процесса. Однако, несмотря на все преимущества, глобально-эволюционный подход также сталкивается с определенными трудностями и ограничениями не только в современности, но и на протяжении всего своего исторического развития. Но неизменной остается динамика развития данного подхода, что проявляется в привлечении новых исследователей, а применение подхода в когнитивной науке открывает новые перспективы для понимания механизмов познания.

Источники:

1. Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 26–35.
2. Рубанов В. Г., Рубанова Е. В. Ноосферная концепция В. И. Вернадского и современное экологическое знание // Известия Томского политехнического университета. 2003. № 3. С.144–149.
3. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.
4. Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Пеньков В. Е. Современные парадигмы эволюционных процессов. [Электронный ресурс]. М.: Академия Естествознания 2007. <https://monographies.ru/ru/book/view?id=21> (дата обращения 16.12.2024)
5. Юлина Н. С. Философия Карла Поппера// Философия науки. 1995. №1. С.8–25.

J. S. Osipova (Southern Federal University)

***BACKGROUND AND HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE GLOBAL
EVOLUTIONARY APPROACH***

The concept of global evolutionism, which emphasizes the dynamism and interrelation of all processes in nature, is considered. The concept of the global evolutionary approach dates to ancient philosophers and was clearly formulated by the 19th century, which confirms the importance of the historical context. Evolution is not limited exclusively to the biological sphere but acts as a multifaceted and contradictory process.

Global evolutionism, cognition, cognitive processes, biosphere

УДК 316.454.7

А. В. Павлов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aliexandr-pavlov-2000@mail.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ МЕТОДОМ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ИНТЕГРАЦИИ ПРОЕКТНЫХ ИТ-ГРУПП В ОРГАНИЗАЦИЯХ, В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РЫНКА ТРУДА В РОССИИ

Рассматриваются подходы социальной диагностики методом сетевого анализа для оценки интеграции ИТ-проектных групп. Демонстрируется актуальность и релевантность данной методологии в условиях современного кризиса рынка труда в России и дефицита квалифицированных кадров, в частности, в сфере информационных технологий. Данные условия являются уникальными в истории России, поэтому традиционные подходы к исследованию и управлению подобных ИТ-групп могут оказаться недостаточными, использование сетевого анализа становится особенно актуальным для оценки и оптимизации процессов их интеграции.

ИТ-рынок труда, социальная диагностика, сетевой анализ, ИТ-группы, кризисная ситуация, ИТ-проектные группы

В последние годы Россия сталкивается с рядом экономических и социальных вызовов, которые существенно влияют на рынок труда, особенно в сфере информационных технологий (ИТ). В 2023 году министр цифрового развития, связи и массовой коммуникации Максют Шадаев на совещании президента с членами правительства оценил дефицит ИТ-специалистов на российском рынке в 500–700 тыс. человек [1].

Кризис, вызванный как внутренними, так и внешними факторами в виде оттока ИТ-специалистов с Российского рынка труда, требует от организаций гибкости и способности к быстрой адаптации.

В этих условиях социологам, особенно в ИТ-организациях, важно исследовать как изменилась интеграция ИТ-специалистов в проектных группах. Наиболее успешным видится исследование, связанное с применением методологии социальной диагностики и сетевого анализа, на изучение этого процесса с опорой на теоретические подходы социальной диагностики и акцентом на динамику взаимодействий сетевой структуры групп.

Социальная диагностика позволяет глубже понять внутренние процессы, происходящие в проектных группах. Этот метод фокусируется на выявлении и анализе социальных отношений, норм и ценностей, которые влияют на интеграцию специалистов и которые все больше поляризуются и радикализируются, как мы увидим дальше.

Социальная диагностика подразумевает оценку состояния социальных систем и их динамики. Можно выделить несколько ключевых подходов: системный, критический и интерпретативный [2].

Сетевой анализ же рассматривает социальные связи как структуру отношений, а узлами связей являются акторы или участники проектных групп. Основные показатели включают: социальные сети (наборы взаимосвязей – отношений между участниками), центральность (указывает на влияние отдельных IT специалистов), связность (оценивает степень взаимодействия между участниками) [3].

Сетевой анализ изначально рассматривался в рамках системного подхода, позволяя визуализировать взаимосвязи и выявляя, как они влияют на общую эффективность группы. В рамках критического подхода сетевой анализ начал помогать выявлять скрытые структуры власти и дисбалансы внутри взаимодействий группы, он позволяет увидеть, как некоторые специалисты могут быть более влиятельными или чья роль и мнение более «весома» в принятии решений, чем других. В рамках интерпретативного подхода сетевой анализ проявляется в понимании культурно-ценностных и социальных контекстов, влияющих на коммуникацию и сотрудничество.

Социальная диагностика в сочетании с сетевым анализом позволяет не только выявить текущие проблемы интеграции, но и оценить потенциальные пути их решения через изменение социальных связей и коммуникационных стратегий. Это дает возможность разработать рекомендации, направленные на улучшение взаимодействия в условиях нестабильности.

Методология социальной диагностики и сетевого анализа также позволяет проводить сравнительный анализ между различными проектными группами или регионами, что может выявить уникальные паттерны интеграции в зависимости от контекста кризиса.

Кризисные ситуации приводят к изменению взаимодействий между IT специалистами в проектных группах, которые необходимо не только изучать в трансформирующихся условиях, но и оценивать их новое состояние и способность к сотрудничеству:

1. Увеличение удаленной работы. С дефицитом IT кадров, организации прибегают к привлечению сотрудников из других городов и даже стран, а также идут в пользу более комфортного в плане места работы для сотрудников условия («аутсорс» [4], «фриланс» или «удаленная работа»), позволяя им самим выбирать где работать – из дома или в офисе. В свою очередь, переход на удаленный формат работы изменил динамику общения, сотрудничества и привел к адаптации коммуникации через технически-цифровые посредники – устройства, что накладывает на коммуникацию и взаимодействие дополнительные специфические характеристики. Они включают делокализацию, асинхронность и медиатизацию коммуникации. Включенные технические устройства в сетевые структуры, состоящие ранее только из сотрудников, трансформируют взаимодействие в со-

ответствии со своими функциональными возможностями. А асинхронность в коммуникации (когда сотрудники в разных часовых поясах) может привести к появлению неопределенности, стрессу и напряженности соответственно. Участники могут избегать открытого общения, что делает интеграцию процессов менее эффективной и затрудняет совместное решение проблем.

2. Изменение ролей. Дефицит кадров также привел к тому, что ранее выполняемые задачи разными специалистами и их бóльшим числом пришлось перераспределять в пользу меньшего числа специалистов смежных областей специализации. Специалисты начинают выполнять более разнообразные и порой мульти-профессиональные функции и задачи, что требует от них не только профессиональной, но и ментальной гибкости, адаптивности. Это в свою очередь приводит к необходимости дополнительного обучения сотрудников и их социализации среди специалистов других областей. Помимо этого, изменение ролей привело к необходимости оценки их степени «значимости», так как теперь за более мульти-ролевого, кроме профессионального, сотрудника приходится больше «держаться» [5]. Нехватка высококвалифицированных специалистов затрудняет формирование эффективных проектных групп. Уход специалистов за границу или смена профессии из-за нестабильности на рынке труда ведет к снижению качества и скорости выполнения проектов, что негативно сказывается на интеграции внутри команд.

3. Трансформация ценностей: Кризисы могут вызывать полярность ценностных установок даже среди членов небольшой команды, что вызывает недоверие, а порой и отказ сотрудничать [6].

Таким образом, можно сказать, что глобальный кризис рынка труда IT-специалистов в России оказывает значительное негативное влияние на локальные интеграционные процессы в проектных группах и это можно наблюдать и на межличностном уровне.

4. В условиях кризиса наблюдается рост конкуренции за оставшиеся рабочие места. Специалисты становятся более замкнутыми и менее склонными к сотрудничеству, что затрудняет интеграцию и взаимодействие в команде.

5. Кризисные условия могут снизить мотивацию сотрудников, так как они начинают беспокоиться о своей безопасности и стабильности работы. Это приводит к уменьшению лояльности к команде и компании, что затрудняет создание сплоченных проектных групп.

Помимо групповых и межличностных негативных последствий кризиса появляются, конечно и управленческие

6. Руководители проектных групп сталкиваются с трудностями в управлении из-за постоянных изменений в составе группы и нестабильности ситуации на рынке труда. Это приводит к необходимости постоянной

адаптации стратегий управления, что также негативно сказывается на интеграционных процессах.

Данные последствия кризисной трансформации, связанные с дефицитом ИТ-сотрудников на рынке труда, показывают [7], что подходы социальной диагностики сетевым анализом становится как никогда актуальным и релевантными, позволяет наглядно демонстрировать структуру и динамику проектных групп ИТ-специалистов. Это в свою очередь позволяет оценить их степень и способность к интеграции, а также помогает в формировании кадровой и управленческой политики в организации.

Источники:

1. Шадаев оценил дефицит айтишников в 500–700 тыс. человек // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789a7947ec1d11a641> (дата обращения: 10.01.2025).

2. Волков Ю. Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал «социологии для общества» // Россия реформирующаяся. 2015. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-diagnostika-i-ekspertiza-potentsial-sotsiologii-dlya-obschestva> (дата обращения: 08.12.2024).

3. Ластовкина Д. А. Сетевой подход в социологии: теоретический обзор основных направлений // Society and Security Insights. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-podhod-v-sotsiologi-teoreticheskiy-obzor-osnovnyh-napravleniy> (дата обращения: 06.12.2024).

4. Российский рынок труда ИТ-специалистов в 2024 году // Sense-group [Электронный ресурс]. URL: <https://sense-group.ru/analytics/tpost/oуу2ахuip1-rossiiskii-rinok-truda-it-spetsialistov> (дата обращения: 9.12.2024).

5. Выживут только многостаночники. Какие навыки нужны, чтобы устроиться на работу в кризис // Forbes.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/403023-vyzhivut-tolko-mnogostanochniki-kakie-navyki-nuzhny-chtoby-ustroitsya-na-rabotu> (дата обращения: 10.12.2024).

6. Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Том 2. №1. С. 2–19.

7. Цомартова М. Э., Волик М. В. Последствия дефицита специалистов на рынке труда и вызовы 2024 года // Дискуссия. 2024. №4 (125). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-defitsita-spetsialistov-na-rynke-truda-i-vyzovy-2024-goda> (дата обращения: 10.12.2024).

A. V. Pavlov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PROSPECTS OF SOCIAL DIAGNOSTICS BY THE METHOD OF NETWORK ANALYSIS OF INTEGRATION OF PROJECT IT GROUPS IN ORGANIZATIONS, IN THE CONTEXT OF THE LABOR MARKET CRISIS IN RUSSIA

The article discusses approaches to social diagnostics using network analysis to assess the integration of IT project teams. The relevance and relevance of this methodology is demonstrated in the context of the current labor market crisis in Russia and the shortage of qualified personnel, in particular, in the field of information technology. These conditions are unique in the history of Russia, so traditional approaches to the research and management of such IT groups may not be sufficient, and the use of network analysis is becoming especially relevant for evaluating and optimizing their integration processes.

IT labor market, social diagnostics, network analysis, IT groups, crisis situation, IT project groups

УДК 322.2

В. В. Павлов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: pavlov1101leti@mail.ru)

О ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ФАКТОРЕ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сохранение и укрепление традиционных ценностей становится самостоятельным направлением государственной политики России. Однако, по мнению автора статьи, попытка построения российской идентичности на базе традиций и религиозной этики народов России носит проблематичный характер. Ввиду большого культурного разнообразия многонационального народа России, фактором общественной интеграции должно стать усиление роли наднациональных светских институтов, формирование гражданской идентичности, а также опора на всеобщее образование и просвещение.

Традиционные ценности, идентичность, государственность, интеграция

Трансформация системы международных отношений от глобализации к суверенизации сопровождается борьбой, которую справедливо можно назвать борьбой цивилизационной. Наряду с территориальными и экономическими противоречиями независимое развитие и сохранение исторически сложившейся уникальности нашей цивилизации является ядром данной борьбы. Объектом внешнего воздействия становятся мировоззренческие особенности российского общества.

Особое внимание в России в последние годы уделяется сохранению и возрождению духовно-нравственных основ российского общества и закреплению его традиционных ценностей, выступающих в качестве «иммунной системы», «заградительного барьера», противопоставляемого нашим обществом культурному универсуму «глобального мира». Фактически, идет процесс формирования нового политического направления – государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Данная деятельность, как и любая другая, должна опираться на нормативно-правовую базу. Ключевым актом является Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных-нравственных ценностей» [1]. Данный указ определяется как документ стратегического планирования в сфере национальной безопасности, а его положения конкретизируют ряд других нормативных актов, таких как Стратегия национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности РФ и др. Реализация комплекса мер ложится на органы публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В июне 2023 г. был создан Общественный экспертный совет по утвер-

ждению традиционных духовно-нравственных ценностей [2]. Борьба за общественную нравственность выходит на политический уровень.

По мнению автора статьи, данное направление политики, стремящееся противопоставить традиционные ценности внешнему воздействию, оставило без должного внимания внутривнутриполитический аспект, что в условиях многонационального и многоконфессионального общества становится более приоритетной задачей. Возникает ряд вопросов: целесообразно ли построение российской идентичности на традиционно-ценностной основе с учетом этнического и культурного многообразия народов страны? Возможно ли вообще синтезировать общероссийские традиционные ценности?

Политическое закрепление традиционных ценностей через Указ Президента № 809 апеллирует к Конституции РФ. Конституционные права признают в равной степени за каждым из народов многонациональной России выделение своих этнонациональных, культурных и религиозных особенностей, закрепление их в общественном сознании и поведении.

Традиция (от лат. *traditio*) буквально означает – предание. В деятельностном аспекте под традицией понимают устойчивую, исторически сложившуюся форму поведения в определенной ситуации. Традиция – установка, где приоритетом в большей степени является доверие прошлому историческому опыту, а не разумность и полезность сего действия в фактическом настоящем. Формирование традиционного поведения и, соответственно, мышления, на основе национальных особенностей и традиционного образа жизни каждого из народов России, по мнению автора, ведет к культурной обособленности этих народов и становится фактором, стимулирующим общественную дифференциацию.

При рассмотрении влияния ценностной системы человека и общества на политические процессы, становится очевидным, что ценностная система носит динамический характер и определяется существующим состоянием общества. Так, например, система общественных ценностей, свойственная этапу становления Советской России отличалась от системы ценностей, свойственной предыдущим историческим этапам, поскольку опиралась на свои собственные представления о том, что есть справедливость, и как она должна быть реализована. Однако, уже 1990-е годы носители советских взглядов напротив стали восприниматься как враги нового политического курса, мешающие дальнейшему историческому развитию России. Говорить же о формировании традиционных, то есть исторически сложившихся, универсальных ценностей, справедливых для любого состояния общества не менее сложно, так как не представляется возможным выбрать в истории точку отсчета, после которой (или до которой) особенности отношений считаются традиционными и носят ценностный характер. Попытка же придать ценностный характер идеям и событиям в определенный исторический период, обесценив при этом другие, является не более чем попыткой манипуляции историей.

Политическое закрепление традиционных норм и ценностей может противоречить представлениям о России, как о современной правовой державе,

для которой верховенство закона и всеобщего права является неизменной составляющей ее государственности. Фактически, происходит подмена правового сознания традиционным, в рамках которого национальные особенности той или иной этнической группы становятся инструментом вывода их носителей из единого правового пространства, обосновывая внеправовые формы общественных отношений спецификой традиций того или иного народа.

Помимо непосредственно этнонационального самоопределения народов России через развитие традиционных институтов не менее важным вопросом является формирование религиозной идентичности.

Закрепление религии в становлении и укреплении традиционных ценностей на уровне государственной политики способно привести к диссонансу между принципами светского государства и особенностями религиозных отношений. По мнению автора статьи, большинство из предложенных в Указе 809 ценностей носят светский характер.

Говоря об определяющей роли и влиянии различных религий на формирование традиционных ценностей, мы сталкиваемся с вопросом: традиции, сформированные в рамках конкретного религиозного течения, носят ценностный характер лишь для последователей данной религии или российского общества в целом? Представляется, что абсолютизация религиозной идентичности не способствует интеграции общества на ценностной основе. Так, на первый взгляд, фундаментальная ценность семьи и брака на практике совершенно противоположно трактуется представителями различных религий [3]. Разрешить данное противоречие оказалось возможным через отказ от религиозного подхода к ценности брака и передачу его решения Генпрокуратуре, нерелигиозному институту [4]. Подобный пример указывает на невозможность определить универсальную ценностную систему с опорой на ценности религиозные. Другой отличительной чертой религиозной идентичности является ее «выход за территорию» России. Религиозная самоидентификация может привести к отождествлению своих интересов и интересов представителей других наций, исповедующих ту же религию. Именно такая ситуация лежит в основе событий 29 октября 2023 г., когда на фоне обострения конфликта между Израилем и Палестиной, произошел инцидент в аэропорту Махачкалы [5]. При том, что официальная Россия не поддержала ни одну из сторон конфликта.

Политизация религии выводит религию за рамки собственно-религиозных отношений, религия становится детерминантой общественной жизни, публичного поведения, начинает носить предписывающий, обязывающий характер, подменяя собой нормы светского права. Подобная роль религии противоречит принципам светского государства, ведет к конфликтам.

Неконтролируемое развитие этнонациональных и религиозных движений в рамках политики традиционных ценностей создает определенные риски для государства. Так, закрепление национальных традиций народов национальных субъектов федерации в их политических и правовых отношениях

способствует развитию националистических движений. Абсолютизация национальных особенностей ведет к культурному и политическому обособлению и редуцирует отношения с федеральным центром до исключительно экономических.

Прямую аналогию можно привести с бывшими советскими республиками, в особенности на примере Украины. На базе распространения украинства были противопоставлены культурные особенности русского и украинского народа, подавлен русский язык (несмотря на то, что абсолютное большинство населения Украины является русскоговорящим), наконец, была сформирована альтернативная история, в которой вместо исторического единства Россия предстала в образе врага-захватчика. Хотя, с 1991 года Украина является независимым государством, подобный сценарий вполне может быть осуществлен внутри самой России. Культурное обособление, «подогреваемое» извне геополитическими конкурентами, закрепляет в сознании национальных меньшинств представление о России, как о «тюрьме народов». Такая установка внедряется в сознание населения национальных республик с целью привить националистические идеологии, обосновывающие необходимость отделения от России. Процесс возрождения традиционных культур национальных меньшинств России вне контекста русской культуры и ее влияния «играет на руку» сепаратистам и геополитическим конкурентам.

Резюмировав вышеизложенные положения, можно сделать следующие выводы. В России защита мировоззренческих основ общества на базе традиционных ценностей не только дополняет основные векторы политической деятельности, но и формируется в самостоятельное направление.

Ввиду многонационального и многоконфессионального состава российского общества построение национальной идентичности на базе традиционных ценностей видится труднореализуемым.

Не представляется возможным определить исторический этап, в пределах которого (или за пределами которого) идеи и действия становятся сложившейся традицией. Ценностная система является динамической, подвижной, трансформирующейся в соответствии с той исторической действительностью, в которой она формируется.

Ценностная система, основанная на религии, не может быть фактором общественной интеграции в многоконфессиональном обществе, ввиду существенного отличия ценностей, сформированных в рамках различных религиозных течений. Политизации религии ведет к утверждению верховенства религиозных норм над светскими.

Неконтролируемый рост этнонациональных и религиозных организаций активно используется геополитическими конкурентами для формирования националистических и экстремистских идеологий внутри России. Закрепление подобных идеологий ведет к сепаратизму.

Общественная интеграция многонационального и многоконфессионального народа России должна быть основана на наднациональных светских ин-

ститутах, всеобщем праве и верховенстве закона, обеспечивающих гражданскую идентичность.

Источники:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.12.2024).

2. Общественный экспертный совет по утверждению традиционных духовно-нравственных ценностей. URL: <https://fnsdobro.ru/sovyet> (дата обращения: 11.12.2024).

3. Российским мусульманам разрешили многоженство // Независимая газета, 24.12.2024. URL.: https://www.ng.ru/faith/2024-12-24/12_9162_001.html (дата обращения: 27.12.2024).

4. Генпрокуратура подтвердила, что внесла представление председателю ДУМ // РИА Новости, 23.12.2024. URL: https://www.ng.ru/faith/2024-12-24/12_9162_001.html (дата обращения: 27.12.2024).

5. В Махачкале несколько сотен человек собрались на акцию протеста // ТАСС, 29.10.2023 URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19147969> (дата обращения: 27.12.2024).

V. V. Pavlov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***ON THE VALUE AND ATTITUDINAL FACTOR OF INTEGRATION OF
THE RUSSIAN SOCIETY IN MODERN CONDITIONS***

The preservation and strengthening of traditional values is becoming an independent direction of Russian state policy. However, the attempt to build Russian identity, which is based on the traditions and religious ethics of the peoples of Russia, is wrong. Social integration must be based on civil and secular institutions, non-religious civic identity, as well as reliance on universal education and enlightenment, because of Cultural diversity of the multinational people of Russia.

Traditional values, identity, statehood, integration

УДК 111

Е. В. Пастухова (Омский государственный медицинский университет, e-mail: lyisyakova@mail.ru);

Т. М. Пастухова (Омский государственный педагогический университет, e-mail: tanypastuhova460@gmail.com)

НАРРАТИВ НЕБОЛЬШИХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛКА БОЛЬШЕРЕЧЬЕ): РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Каждый город несет в себе необъяснимый вайб, когда речь идет о маленьких городках и поселках, то они рассказывают нам не только о своей истории, географии или климатических условиях, но и о своих жителях, их характере. Со своей стороны жители создают нарративы родных городов или поселков, в которых они вырастают, живут или по которым скучают. В статье исследуются познавательные аспекты нарративов маленьких городов.

Нарратив, вайб, история города, нарратив поселков и небольших городов

Каждый город имеет свой определенный аромат (аромат времени и аромат места, аромат объекта и субъекта, который испускает определенного рода представления и ощущения). Одним из самых известных своими нарративами городов России, а может быть не только России, но и мира можно считать Санкт-Петербург. Архитектура и проспекты, парки и мосты, памятники культуры и улицы рассказывают истории, не только погружая нас в далекое или не столь отдаленное прошлое, но и порой высвечивают мировоззрение творца. Нарративы города, с одной стороны, это ретроспектива, позволяющая оглянуться назад, пройтись по запоминающимся эпизодам и инцидентам нашей жизни или жизни города, страны и т.д., или определенного рода экскурсии, погружающие нас в конкретный период времени и конкретного места, рассказывающие о том или ином событии, явлении действительности, происшествии, с другой стороны, с точки зрения перспективы, это придающие осмысление сцены или обстоятельства, сподвигнувшие на создание например памятников архитектуры.

Так памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде представляет собой наиболее яркий пример нарратива, который насыщен глубоким символизмом, отражающим историю и культуру России на протяжении тысячелетия. Установленный на площади Новгородского кремля в 1862 году напротив Софийского собора, перед зданием, где размещается музей истории Великого Новгорода, он хранит в себе повествование судьбоносных исторически фигур, превращающих державу в единый колокол. Когнитивная составляющая

нарратива города делает осмысленным не только появление того или иного памятника, но и самого события, которому этот памятник посвящен.

Одним из вариантов слов уходящего года выбран вайб как некоторая атмосфера, нарратив каждого города тоже имеет свой вайб, свой аромат и свое так или иначе сформированное неповторимое настроение. Если говорить об Омске, где очень много молодежи, в том числе не только из других городов, но и из других стран, невозможно не вспомнить о том, сколько талантливых поэтов и художников, музыкантов спортсменов вырастил наш уютный город. Знаковым пространством, соединяющем в себе хронотоп культуры и истории, науки и религии, стала библиотека имени А. С. Пушкина. Вайб родного города или поселка у каждого свой.

Возможно люди, которые родились в больших городах, могут чувствовать себя свободнее от забот деревенской жизни, быть более раскованными и посвящать себя рутине в меньшей степени, но это лишь если смотреть на них глазами тех, кто, напротив, родился и рос в условиях, где на его плечах лежали тяготы жизни в неблагоустроенных домах или ухода за скотиной. Соразмерность человека и города очень детально разобрана в работах Галины Владимировны Горновой [1, С. 15]. Омская область и Сибирь в целом часто рассматривается как место ссылки, тем не менее, есть много моментов, которые заставляют чувствовать себя родившихся в Омске как свободными от условностей и независимыми людьми. Начинаясь в тайге на севере, область включает в себя несколько природно-климатических зон, переходя местами в настоящие степи: лесная зона расположилась в северной части области (в хвойных и смешанных лесах сибирский кедр, ель и пихта соседствуют с елями, березами, ольхами и осинами), лесостепная зона преобладает в центральной части Омской области (где березовые перелески и березово-осиновые леса чередуются с сосновыми борами и с лугами), а в южной части области расположена степная зона (с преобладанием таких растений, как ковыль и овес). В Омске и области много солнечных дней в году, от чего добродушное настроение характерно его жителям, среди которых много творческих и талантливых людей, что и создает легкий креативный вайб города.

В Омской области много поселков и городов, которые также захотят рассказать вам свои истории. Поселок Большеречье, расположенный в Омской области России на левом берегу реки Иртыш и на реке Большая, в 205 км к северу от Омска и в 98 км от Тары, обладает уникальным вайбом, отражающим атмосферу маленького уютного населенного пункта, насыщенного природой, историей и культурными традициями. Датой основания Большеречья принято считать 1627 году, есть предположение, что только в 1740 году на месте, где стоит поселок, был основан Большерецкий форпост – застава для защиты от набегов калмыцких племен на русские селения году [2, С. 17]. Современное Большеречье известно как место, где создан единственный в России сельский зоопарк, который начинался с пришкольного уголка, куда охотники привезли раненого зайца и маленького медвежонка, оставшегося

без мамы-медведицы. В связи с этим можно говорить о некотором вайбе борцов за жизнь зверей, который характерен жителям поселка. Зародившись в 1983 году, к настоящему моменту Большереченский зоопарк занимает 19 гектаров и выглядит гораздо внушительнее, чем можно было бы предположить, учитывая его расположение в черте поселка. Будучи единственным стационарным зоопарком в регионе, он смело, но успешно противостоял политическим, финансовым и климатическим вызовам беспокойного постсоветского периода. Зоопарк открывает сезонную выставку в доминирующем над ним Омске, где по сей день есть лишь небольшая зоологическая станция для молодежи.

Еще одной гордостью поселка является музей-заповедник Старина Сибирская, которая порадует вас гостеприимством весной, летом, осенью, а зимой и Резиденцией Деда Мороза. Взрослые и дети получают особое удовольствие, участвуя в зимних забавах, а на Масленицу пригласят проститься с зимой так, как это делали в былые времена. Дома купцов и ремесленников, ямщиков и крестьян поведают о том, как жили, готовили, пряли и ткали, занимались гончарным делом и декоративно-прикладным искусством, ремесленная деревянных изделий от игрушек и посуды до музыкальных инструментов, образцы крестьянского зодчества минувших лет. Сказочные костюмы экскурсоводов сами по себе о многом расскажут вам. Яркое солнце порадует вас здесь, а в Старине сибирской покажут, как проводили народные гуляния, праздновали праздник Ивана купала, Масленицу или Новый год в контексте истории. Рассмотрим различные аспекты нарратива Большеречья.

Большеречье, основанное несколько веков назад, сохраняет в себе архитектуру и культурные традиции, характерные для маленьких сибирских поселков. Его история отражает путь развития небольшого муниципального образования и показывает, как оно адаптировалось к переменам во времени. Локальные памятники архитектуры и истории создают ощущение глубины и связи с прошлым. Окружение Большеречья богато природными красотами. Река Иртыш, крутой левый берег которой возвышается над лесами и полевыми просторами, формирует живописные пейзажи, придающие спокойную и умиротворяющую атмосферу. Возможности для прогулок на свежем воздухе, рыбалки и активного отдыха на природе создают гармонию между жизнью в поселке и окружающей средой. В маленьком поселке Большеречье, важно чувство общности. Жители в своем большинстве знают друг друга, и забота о соседях и взаимодействие создают теплую атмосферу. Добродушные отношения между людьми, традиционные сибирские ценности и готовность прийти на помощь создают чувство уюта и безопасности.

Культура Большеречья ярко проявляет себя во время традиционных праздников, в ремеслах и обычаях. Местные события, ярмарки и праздники, часто создаются в духе традиций, позволяют жителям отмечать связи с культурой и историей региона. Эти события могут собирать жителей и гостей, создавая общую атмосферу веселья и единства. В Большеречье, как и в других

поселках, акцент не столько на развлекательной, сколько на природной стороне досуга. Прогулки по окрестностям, занятия рыбалкой или охотой, а также просто времяпрепровождение на свежем воздухе создают ощущение близости к природе и простоту деревенской жизни.

Находящееся на берегах двух рек Иртыш и Большая, Большеречье придает характеру своих жителей ощущение гармонии и тишины. Иртыш, на берегах которого в древности жили предки ариев, болгар и венгров, а также находили приют и скифы, и кочевники-тюрки, и монголо-татары, – одна из самых знаменитых сибирских рек, важнейшая западносибирская транспортная магистраль. Тот самый Иртыш, на диком берегу которого, согласно народной песне, сидел в думах покоритель Сибири Ермак. Именно Ермак привел сюда русский народ. И с этого времени началось развитие Прииртышья. Быстрое, но единое течение реки создает картину полной гармонии: притоки, острова, береговые мысы и излучины украшены богатой растительностью. 20 притоков дают Иртышу полноводность. А вместе с Обью они образуют крупнейшую в России речную систему.

Давно подмечено, что имя – это характер, порой отмечаешь, что жителям Прииртышья, с одной стороны, присущи спокойствие и стремление к умиротворению, а с другой, стремительность и упорство, порой граничащее с суровостью и серьезностью. По легенде живший в этих краях богатырь Иртыш хотел спасти людей от засухи. Он прочертил русло и заполнил его водой. В благодарность люди называли реку Иртыш. Вторая версия исходит из иранских корней слова «ир». В переводе – стремительный, несущийся. Наиболее правдоподобная версия происхождения названия реки – из тюркских языков. В этом случае перевод звучит, как пробивающий землю, в общем «землерой» [3, С. 75]. Характер реки подтверждает эту версию. Течение постоянно подмывает береговую линию, разрушает и меняет ее.

Вайб поселка Большеречье – это мирная и дружелюбная атмосфера, основанная на близости к природе, исторических традициях и социальной взаимосвязанности. Поселок предлагает жителям и гостям окунуться в уникальное настроение спокойствия и солнечного света, где можно насладиться простыми радостями жизни и погрузиться в атмосферу сибирского уюта.

Источники:

1. Горнова Г. В. Феномен города в духовном мире человека. Диссертация на соискание канд. филос. н., Омск, 2005
2. Долгушин А. П. Сказание о Большеречье. Омск: Кн. изд-во, 1998.
3. Симонов В. В. Большереченский историко-этнографический музей // Российская музейная энциклопедия / Председатель редакционной коллегии В. Л. Янин; Российский институт культурологии. М.: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1.

E. V. Pastukhova (Omsk State Medical University);

T. M. Pastukhova (Omsk State Pedagogical University)

***NARRATIVE OF SMALL TOWNS AND VILLAGES (ON THE EXAMPLE OF
THE TOWN OF BOLSHERECHYE): RETROSPECTIVE AND
PROSPECTIVE VIEW OF HISTORY AND MODERNITY***

Each city carries an inexplicable vibe, when it comes to small towns and villages, they tell us not only about their history, geography or climate, but also about their residents, their character. For their part, residents create narratives of their hometowns or towns where they grow up, live, or miss. The article examines the cognitive aspects of small town narratives.

Narrative, vibe, history of the city, narrative of villages and small towns

УДК 316.7

Е. А. Пашковский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ, e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДНЯ ПОБЕДЫ

Фиксируется восприятие Дня Победы несколькими поколениями россиян. Основные выводы формулируются на основе анализа музыкальных произведений, названных респондентами опроса в качестве ассоциирующихся с праздником. Рассматривается вопрос о возможности написания современных музыкальных произведений, отражающих исторические события соответственно их восприятию обществом.

Социальное представление, День Победы, поколение, общественное восприятие исторического события, музыкальное произведение

В 1975, году празднования тридцатилетия Победы в Великой Отечественной войне, молодой композитор Давид Тухманов на стихи поэта Владимира Харитоновна написал песню «День Победы», которая со временем стала одним из наиболее узнаваемых символов праздника. В год восьмидесятилетия Победы и пятидесятилетия песни «День Победы» нам стало интересно разобраться, какие музыкальные произведения в настоящий момент формируют образ этого праздника у разных поколений людей, и как именно это произведения влияют на восприятия праздника. Методологическую основу исследования составила известная теория социальных представлений С. Московичи [1].

В качестве метода сбора данных использовано пилотажное анкетирование, в котором приняли участие 36 респондентов, представляющих разные поколения. Были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы.

К настоящему времени восприятие обществом Дня Победы изменилось. Ранее он был днем памяти павших, праздником «со слезами на глазах»; сейчас является днем ощущения патриотизма, национальной идентичности, «осознания себя как народа-победителя» [2].

Музыкальные произведения, которые для большинства ассоциируются сегодня с Днем Победы, а значит, и создают образ этого праздника, были написаны в эпоху СССР, но по большей части позже военного времени и людьми, которые не имели прямого отношения к Великой Отечественной войне.

В опросе приняли участие респонденты следующих возрастных категорий: 18 – 29 лет (20%), 30 – 39 лет (27%), 40 – 49 лет (8%), 50 – 59 лет (3%),

60 – 69 лет (35%), 70 – 79 лет (6%), более 90 лет (1%). Таким образом, большинство респондентов составили три поколения: родившиеся в 2000-е гг., в 1980-е и 1960-е.

Отвечая на вопрос о значимости празднования Дня Победы для себя, большинство респондентов отметили, что праздник дает возможность отдать дань памяти героям, павшим, защищая нашу страну (63%). Для 57% праздник является семейной традицией из детства, которую хочется соблюдать (походы на парады и праздничные городские мероприятия, просмотр военных кинофильмов и др.). 40 % респондентов празднование Дня Победы дает возможность вспомнить своих родственников – ветеранов Великой Отечественной войны. В качестве напоминания о своем патриотизме и гордости за Родину День Победы воспринимают 23 % респондентов, вариант «Праздник напоминает мне о важности победы над нацизмом» выбрали 29% респондентов, а вариант «Этот праздник обязательно отмечать, так как я гражданин Российской Федерации – 14%.

Во многом схожая картина представлена ответами на этот же вопрос представителями поколения 2000-х годов рождения. Однако меньший процент (28%) вспоминают своих воевавших родственников и больший (28%) рассматривают День Победы как возможность встретиться с друзьями и близкими, совместно провести время (по всем респондентам – 14%). Также отметим, что для 14% респондентов этого поколения праздник Победы не имеет особого значения. Поколение 1980-х также схожим образом выбирает приоритеты. Здесь выделяется ответ «Возможность вспомнить о своих родственниках – ветеранах Великой Отечественной войны» – 58%.

Для поколения 1960-х годов рождения приоритеты в целом схожи. Отметим также, что праздник для них имеет в целом большую значимость, чем для более молодых поколений – почти каждый вариант ответа на вопрос (кроме «Этот праздник не имеет для меня особого значения») был отмечен большим процентом респондентов, чем в случае других поколений (можно было выбрать несколько вариантов ответов). Особо выделим значительно больший по сравнению с другими поколениями процент респондентов, выбравших вариант «Праздник, напоминающий мне о том, что я патриот и горжусь своей Родиной» (40%). Таким образом, первая гипотеза в основном не подтверждается. Согласно субъективной оценке, 9 мая остается прежде всего днем памяти павших за Родину героев.

При этом заметна некоторая смена приоритетов в восприятии праздника каждым следующим (новым) поколением. Единственный респондент старше 90 лет на вопрос «Что значит для Вас празднование Дня Победы?» ответил: «Помню, как все радовались на улице в 1945 г., чувствовалось единение общества. Сейчас важно отмечать этот праздник, т. к. война поменяла все планы людей. В нашей семье многие умерли в блокаду». То есть значимость праздника макси-

мальна – это и день единения общества, и торжества, и памяти не только героев, защитивших Родину от врага, но и членов собственной семьи. Для поколения 1960-х годов рождения День Победы – это и традиция из детства (ветераны войны – их родители, реже – бабушки и дедушки), и напоминание о патриотизме, и дань памяти павшим, в том числе членам семьи. То есть, также, как и в предыдущем поколении, и личный праздник, и общественный. Поколение 1980-х годов рождения особо отмечает возможность вспомнить о своих родственниках-ветеранах войны. Это в основном бабушки и дедушки, которые рассказывали в детстве про войну, приучили отмечать праздник, и о которых хочется вспомнить. Что касается поколения 2000х годов рождения – в относительно сознательном возрасте эти люди почти не застали ветеранов войны. Те, кто в их семье воевали – для них не воспитатели из детства, а в большей степени герои историй, рассказанных родителями. Для данного поколения этот праздник связан в большей степени не с личными воспоминаниями, но с общечеловеческими ценностями, является символом общественного единения. Об этом же говорит и анализ музыкальных произведений, ассоциирующихся у данного поколения с празднованием Дня Победы. Только его представители, называли, в частности, Гимн Российской Федерации, песни «Офицеры» и «Вперед, Россия» О. Газманова. Все эти произведения имеют патриотический характер, но не дают явной отсылки к Великой Отечественной войне.

В целом, каждому респонденту было предложено назвать три любых музыкальных произведения, ассоциирующихся с празднованием Дня Победы. По частотности упоминания выделим 4 произведения: уже упомянутая песня Д. Тухманова на слова В. Харитоновой «День Победы» (1975 г.) – 26 упоминаний (72% респондентов); песня А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача «Священная война» (1941 г.) – 9 упоминаний (25% респондентов); песня М. Блантера на слова М. Исаковского «Катюша» (1938 г.) – 8 упоминаний (22% респондентов), и симфония Д. Шостаковича №7 «Ленинградская» (1941 г.).

Песня «День Победы», согласно нашему исследованию, являющаяся самым популярным произведением, сопровождающим День Победы в общественном восприятии, была написана к 30-летнему юбилею Победы и изначально была отвергнута редсоветами в силу слишком легкого характера, наличия элементов танца [См., напр., 3]. Только после исполнения песни Л. Лещенко на концерте в День милиции в том же году и оваций зала она получила всенародное признание. Действительно, песня как бы двойка: в ней поется про трудности войны, нелегкость Победы, торжественно, но с легкостью. Мелодия имеет маршевый ритм, но также включает элементы танца. Представляется, что эта песня способствует общественному восприятию праздника как все же более позитивного, чем траурного, радостного, хоть и «со слезами на глазах». Такая музыка действительно может сопровождать добрую семейную традицию, приятное воспоминание о родственниках, которыми можно и стоит гордиться. Это

возможность отдать дань памяти павшим, но не погружаясь в траур, а поздравив ветеранов и друг друга. Схожий характер имеет и песня «Катюша». Произведение «Священная война» имеет более торжественный и официальный посыл. Песня была написана в 1941 г. и стала, фактически, гимном борьбы с врагом на протяжении Великой Отечественной войны, сплачивая народ в это драматическое время. Единственное классическое произведение, отмеченное респондентами – симфония Д. Шостаковича №7 «Ленинградская». Она знаменита прежде всего тем, что была исполнена в Ленинградской филармонии в 1942 г. во время блокады Ленинграда и также стала символом сплоченности народа, его воли к жизни. В музыке слышно сочетание тревожности, героизма, и стойкой веры в Победу, что определяется в том числе мажорной тональностью. Симфония не выглядит тяжелым или траурным произведением. Она как будто стремится взбодрить народ, показать свет в конце тоннеля, несмотря на окружающую драму происходящего.

Таким образом, как ни парадоксально, большинство произведений, чаще всего ассоциирующихся у респондентов с празднованием Дня Победы, объединяет легкость, теплота, возможность вспомнить «со слезами на глазах» войну и поверить в мир. Это вполне соответствует описанному нами ранее образу праздника в глазах респондентов.

Также респондентам был задан вопрос «Как Вы думаете, могут ли сейчас появиться музыкальные произведения, способные достойно отразить тему Победы в Великой Отечественной войне?». Более половины опрошенных выбрали ответ «Да, все зависит от таланта авторов произведения, а тема Победы всегда будет актуальной», и только 22 % – «Маловероятно, достойно отразить эту тему в музыке могут только ветераны Великой Отечественной войны или люди, имевшие к ней непосредственное отношение». Показателен ответ одного респондента в поле «Другое»: «Да, например, Высоцкий, который не воевал, написал же известные песни о войне». Еще раз отметим, что и символом праздника к настоящему моменту стала песня, написанная на три десятилетия позже Победы. Можно утверждать, что вторая гипотеза нашла свое частичное подтверждение.

Таким образом, сделаем общие выводы:

День Победы остается значимым праздником для всех поколений, прежде всего как возможность отдать дань памяти героям, павшим, защищая нашу страну. Для многих он остается семейной традицией и не только общественным, но и личным праздником.

Музыкальные произведения, влияющие на образ Дня Победы в обществе, были написаны как во время, так и после Великой Отечественной войны. Несмотря на драматическую причину их написания, эти произведения отличает сочетание торжественности, легкости, радости, и веры в лучшее, что в целом соответствует описанному нами общественному восприятию Дня Победы.

Источники:

1. Moscovici S. Social Representations: Explorations in Social Psychology (ed. by Gerard Duveen), Polity Press, 2000.
2. Савельева М. А. Политико-психологический анализ восприятия Дня Победы молодежью стран ЕАЭС // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 1(42). С. 114–129
3. Краткая история создания песни «День Победы» // Забайкальская краевая филармония имени О. Л. Лундстрема. URL: <http://zab-cultura.ru/news/kratkaya-istoriya-sozdaniya-pesni-den-pobedy/> (дата обращения 12.01.2025).

E. A. Pashkovsky (St. Petersburg Electrotechnical University LETI)

***THE INFLUENCE OF MUSICAL WORKS ON THE FORMATION OF THE
IMAGE OF VICTORY DAY***

The perception of Victory Day by several generations of Russians is recorded. The main conclusions are formulated based on the analysis of musical works named by survey respondents as associated with the holiday. The question of the possibility of writing modern musical works reflecting historical events in accordance with their perception by society is considered.

Social representation, Victory Day, generation, public perception of a historical event, musical piece

УДК 168.522

А. В. Передня (Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, e-mail: aannepperednya@mail.ru)

АКСИОМАТИКА ПРОГРАММНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В СЕТЕВОМ ОБЩЕНИИ: РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА В РЕЖИМЕ «ОНЛАЙН»

Исследуется трансформация социального опыта в условиях цифровизации, акцентируя внимание на взаимодействии программного и социального в сетевом общении. Автор анализирует, как технологические аспекты, такие как интерфейсы социальных медиа и алгоритмы, формируют новые формы социальности, изменяя традиционные категории: субъект, социальное действие, общественный договор. В условиях техно-социальной диффузии реальное и виртуальное становятся взаимопроникающими режимами, а архитектура платформ задает рамки коммуникации, переосмысляя ее смысл и значимость. Работа поднимает вопросы о роли технологии как медиума и о детерминированности культуры цифровыми средствами, предлагая новые перспективы на изучение социального в цифровую эпоху.

Сетевое общение, социальные медиа, софт, онлайн-коммуникация, социальное, программное

Пользовательский опыт общения в сети начался на веб-сайтах в 1990-е годы. По мере освоения онлайн-пространства стабилизировалась база пользователей сети и перераспределялись права на обладание ею, то есть – право на управление интерфейсами, алгоритмами и другими программными аспектами виртуального общения. С переходом веб-2.0 к более новым формам функционирования сети разработка софта медиаплатформ произвела и их идеологию, определяющую правила поведения онлайн. Социальные взаимодействия таким образом ныне разворачиваются на строго очерченных территориях виртуального пространства и регламентируется сводом правил, вшитых в программное обеспечение.

Цифровое социальное нельзя свести ни к взаимобмену между обособленными узлами, ни к шерингу, ни к одноканальной коммуникации-глашатайству, ни к человеческому общению под воздействием вычислительных машин. Это иная форма социального, данного в сетевой форме. Онлайн-общение становится отдельным опытом взаимодействия. Более того, изъять его из специфической диффузной связки «социальное–программное» не представляется возможным. В то же время существует набор предзаданностей, которые просматриваются в сетевых взаимодействиях на условиях программного обеспечения. Социальные сети можно понимать как одну из самых крупных эволюционных форм Интернета,

несмотря на его сравнительную новизну для сферы коммуникаций. Новизна упразднилась введением социальных медиа в повседневность, которую медиа переформатировали в ответ. Изменениям и перверсии подверглись многие аспекты социальной жизни и социальности – от методов саморепрезентации до формирования групп в условиях ограничений и дозволений программы. Деформированное представление о социальном, а также его соотношения и связь с офлайн-общением наиболее конструктивно анализировать в связи с механизмами платформ, на которых общение реализуется и реорганизуется.

Наблюдаемая ситуация цифровизации приобретает форму тотальности, внедряясь в повседневность, проникая во все сегменты человеческой активности, трансформируя их и дискурс вокруг них. Радикальным изменениям подвержены не только технологические основания нашего нахождения в сети, но и социальная составляющая, долгое время пребывавшая в относительной ясности своих основ и терминов. С переносом коммуникаций и общения в цифровые условия, сформированные и предзаданные софтом (программным обеспечением), выделилась сфера социального-в-сети. Ее своеобразие ставит под вопрос релевантность безапелляционного, традиционного обращения к таким понятиям, как «общественный договор», «субъект», «социальное действие», «коллективное благо», «собственность» в процессах сетевого общения. Они нуждаются в уточнении с поправкой на технологический аспект, топологию зон коммуникаций в сети, специфику взаимодействий. Кроме того, оппозиции наподобие реального и виртуального, рационального и аффективного, некогда помогавшие структурировать опыт общения в сети и офлайн, перестают быть столь прочными под воздействием цифровизации и в связи с этим тоже требуют переоценки. В сетевом общении социальное и программное находятся в диффузной связке, где все происходящее регулируется наборами предзаданностей с одной и с другой стороны. Уместно говорить о техно-социальной сущности общения в сети.

Поведение в сети и процессы онлайн-общения отличаются от коммуникаций до эры социальных медиа: они выстраиваются в прямой зависимости от логики софта, но пользователи, вовлеченные в сетевое общение, остаются встроенными в культурные, иерархические и локальные структуры.

Входя в поле онлайн-общения, субъект принимает протоколы платформы формально в виде пользовательского соглашения и фактически – в использовании интерфейса, кодированного протоколом коммуникаций в конкретных социальных медиа. Пользовательский интерфейс становится условием присутствия в цифровой реальности: именно он определяет топологию зон коммуникаций (комментарии, личные сообщения, публикации с лимитами знаков, поддерживаемыми форматами файлов и т.д.), условия и шаблоны саморепрезентации (требования к записи имени, зоны для размещения фотографий, форма-анкета сведений о себе), а также процессуальные алгоритмы (предусмотренные шаблоны реакций и ответов, лента рекомендаций, процесс знакомства и опознавания внутри социальной сети). Правила и предусмот-

ренные ходы внутри приложения таким образом ставят вопрос о реальной агентности пользователя и агентности софта. Программное обеспечение и UX-разработки (User Experience) определяют способ существования в софте социальной платформе и формируют миф о комфорте нахождения в ней и действия по предусмотренным схемам, воспринимаемым как свобода решений и социальных действий. Аффект, провоцируемый плавными переходами экранов и программными ходами, обволакивающей системой рекомендаций и лентой, которая организует встречу с комфортным контентом, можно описать словами Бодрийяра «позитивное всасывание в прозрачность компьютера» [1, С. 210]. Программное обеспечение работает на нашу встречу в сети с самими собой и вместе с тем предзадает наши пользовательские характеристики социальном онлайн-пространстве.

Следующий фактор, влияющий на реализацию социальности в сетевом общении, также вшитый в программу – это идеология социальных медиа и идеология технического оснащения. Согласно понятию Луи Альтюссера [2, С. 11], идеология представляет собой репрезентацию воображаемого отношения индивидов к их реальным условиям существования. В случае сетевого общения – это идея освобождения личности через технику. Несмотря на тот факт, что на основе этой утопической идеи были построены все начальные маркетинговые ходы компании Apple, а эпоха веб-2.0 с ее бесплатформенной децентрализованной сетевой структурой, сама архитектура Интернета (и связанная с этим возможность реализации социального) является иерархичной системой, в центр которой заложен контроль. Об этом пишет Александр Гэллоуэй в работе «Протоколы: как контроль существует после децентрализации», утверждая, что глобальная сеть не является открытой и свободной системой [3, С. 35]. Идеология софта прослеживается именно в характере организации интерфейса платформ социальных медиа: например, вид новостной ленты разных приложений стремительно меняется от обновления к обновлению, но очевидно, что он, наоборот, приходит к единообразию. Это единообразие структурирует метод просмотра ленты, скольжения взгляда по текстам и изображениям на экране, делает будто бы интуитивно понятными локации полей коммуникации – как добавить комментарий, отреагировать, связаться с автором или вступить в сообщество. Дисциплинарное пространство интерфейса вводит субъекта-в-статусе-пользователя в курс правил коммуникации, установленных на медиаплатформе и, более того, этого субъекта как пользователя формирует, провоцируя его на активность в предусмотренном направлении.

Сколь уместной не казалось бы аналогия описанного явления с общественным договором Руссо, коммуникация на условиях софта порывает с прямой связью речи, формы управления и общественного благополучия. К тому же, речи об общественном благополучии в сети не идет. Коммуникация и объединение в группы внутри онлайн-платформ не предполагает становления каждого конкретного пользователя (в виде его действий от лица цифрового двойника, профиля; в виде его публикаций и реакций в сети) «не-

раздельной частью целого» [4, С. 208]. Любая платформа скорее сподвигает к аффективному постингу, обилию и скорости реакций, репостам, добавлению в «друзья» и вступлению во множество сообществ, которые можно сегментировать и использовать как строительный материал информационных пузырей. Социальное в сетевой форме жизнеспособно на уровне присутствия, а не значения и значительности действий.

Форматирование социального со стороны социальных медиа таково, что общение в сети оказывается явлением техно-социальным, где два компонента больше не находятся в оппозиции. Реальное общение и виртуальное в таком случае – режимы взаимопроникающие, но социальный опыт онлайн никак не повторяет полученный в офлайне, а реорганизует его. Привнося зонированность в площадки коммуникации, архитектура платформ приобретает иную логику, отличную от той, что изначально предписывалась сетевому общению и ожидалась от него. А именно: децентрализация как изначальная идея сети сменилась форматированием интерфейсов под один шаблон, она также оказалась вытеснена системой платформенных корпораций; идея ризоматической структуры стала помехой для платформенного характера коммуникаций с ее расчерченными графами, структурированием данным и алгоритмической системой рекомендаций для взаимодействия с уже знакомыми пользователями и брендами. Для дальнейшей дискуссии крайне важно рассматривать вопрос о технологической детерминированности культуры и общественного начала, а также о технике как о медиуме, формирующем не только материальные основания взаимодействия в сети, но и их суть. Современные технологии, включая сетевые платформы, влияют на формирование новых форм социальности, изменяя традиционные представления о сущности коммуникации, идеологии и субъекте социального.

Источники:

1. Baudrillard J. The Masses: The Implosion of the Social in Mass Media // J. Baudrillard, Selected Writings. Stanford University Press, 2002.
2. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/ (дата обращения: 11.01.2025)
3. Galloway A. R. Protocol: How Control Exists after Decentralization. The MIT Press, 2004.
4. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, 1998.

A. V. Perednya (Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy)

***AXIOMATICS OF THE PROGRAMMATIC AND THE SOCIAL IN
NETWORKED COMMUNICATION:
REORGANIZING THE SOCIAL ONLINE***

The transformation of social experience in the context of digitalization is explored, with a focus on the interplay between the technological and the social in networked communication. The author analyzes how technological aspects, such as social media interfaces and algorithms, shape new forms of sociality, altering traditional categories like the subject, social action, and the social contract. Within the framework of techno-social diffusion, the real and the virtual become interpenetrating modes, while the architecture of platforms establishes the boundaries of communication, rethinking its meaning and significance. The study raises questions about the role of technology as a medium and the cultural determinism of digital tools, offering new perspectives on the study of the social in the digital age.

Networked communication, social media, software, online interaction, sociality, technology

УДК 17.01

В. Ю. Перов (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: vadimperov@gmail.com)

«МЯГКОЕ» УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭТИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОБРОВОЛЬНОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

В статье анализируются проблемы, возникающие в связи с широко распространенным пониманием этики в сфере искусственного интеллекта в качестве способов «мягкого» управления. Особое внимание уделено проблеме восприятия этической нормативности как добровольной и необязательной. Показано, что несмотря на то, что этические положения как «мягкое» управление и «мягкое» право не поддерживаются силой государственного принуждения, тем не менее они являются морально обязательными и поддерживаются силой общественного мнения.

Этика, системы искусственного интеллекта, этические документы, «мягкое» управление, «мягкое» право, обязательность, санкции, общественное мнение

Широкое распространение продуктов, товаров и услуг на основе технологий систем искусственного интеллекта (СИИ) и их влияние на различные стороны жизни людей и общества с породили не только необходимость их интеллектуального осмысления, но и потребность их регулирования для решения возникающих практических задач. За последние годы появилось множество юридических и этических документов, направленных на регулирование различные аспекты СИИ (обзор современного зарубежного опыта в этой области представлен в «Глобальном атласе регулирования искусственного интеллекта» [1]). В России этическое регулирование исследований, разработок, производства и использования продуктов на основе СИИ представлено прежде всего «Кодексом этики в сфере искусственного интеллекта» [2], который был создан и подписан в 2021 году основанным ведущими отечественными IT-компаниями Альянсом в сфере искусственного интеллекта. За прошедшее время в целях конкретизации положений данного кодекса были разработаны рекомендации, касающиеся различных этических аспектов СИИ [3]. Кроме того, опубликована «Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта» [4], в которой на основе экспертных оценок проанализированы и представлены ответы и рекомендации по 42-м наиболее обсуждаемым этическим вопросам, возникающих в связи с развитием технологии СИИ. Не имея возможности в рамках данной статьи представить даже минимальный анализ упомянутых материалов, в центре внимания дальнейшего рассмотрения находится существенная идея, проходящая своеобразной красной нитью через все упомя-

нутые документы и многочисленные дискуссии об этике в сфере ИИ. В кратком виде эту мысль можно выразить в следующей фразе: «Этические аспекты применения систем ИИ отнесены к так называемому «мягкому» регулированию» [5, С. 25].

Использование слова «мягкое» (англ. – *soft*) в противоположность «жесткому/ твердому» (англ. – *hard*) в отношении этики в сфере СИИ может быть объяснено рядом обстоятельств. Во-первых, напрашивается аналогия для существующего в цифровых и информационных технологиях различению программного (*software*) и аппаратного обеспечения (*hardware*). Хотя понятно, что они являются взаимозависимыми и неспособными существовать друг без друга (для программного обеспечения нужно «железо», а без программ это «железо» ничего делать не может), именно *software* рассматривается как надстройка, позволяющая решать задуманные задачи и обеспечивать гибкость и адаптивность системы. Во-вторых, можно упомянуть об уже устоявшихся в сфере образования и на рынке труда терминах *hard skills* («твердые» навыки) и *soft skills* («мягкие» навыки). Если к первым относят преимущественно собственно профессиональные знания и умения, то под «мягкими» понимается социально- коммуникативные характеристики людей, включая моральные качества. В-третьих, это концепция «мягкого» права, под которым в предельно общем виде понимается управление и регулирование общественных отношений и взаимодействий без использования механизмов и процедур правового принуждения. При таком понимании «мягкое» право во многом смыкается с «мягким» управлением, особенно, если речь идет о государственном управлении. И последнее. Для полноты картины стоит упомянуть предложенное известным специалистом в информационной этике и этике СИИ Л. Флориди различение между «жесткой/ твердой» и «мягкой» этиками (*hard ethics* и *soft ethics*), но эта идея требует отдельного рассмотрения [6].

На первый взгляд интерпретация этики в сфере СИИ в качестве «мягкого» управления/ права выглядит вполне убедительной. Более того, если посмотреть на существующее в настоящее время положение дел в этой области, то оно соответствует имеющимся в исследовательской литературе определениям. В качестве примера можно привести следующее: «Сегодня термином «мягкое право» обозначают: резолюции и коммюнике различных международных организаций, разнообразные стандарты, в том числе стандарты устойчивости финансовых систем, руководства и рекомендации по соблюдению фундаментальных прав, декларации, кодексы лучшей практики и т. д.» [7, С. 37]. Если расширить «международные организации» (а концепция «мягкого права» изначально зародилась именно в международном праве, но уже вышла за его пределы) и включить в перечень общественные организации, профессиональные ассоциации, корпоративные объединения и т. д, а также заменить слова «финансовых систем» на «систем искусственного интеллекта», то получится вполне адекватное и рабочее определение этики в сфере СИИ. Кроме того, любую этику (в том числе в сфере СИИ) и «мягкое управление» (при всех многочисленных и существенных различиях, по-

сколькx этические нормы не являются единственным способом «мягкого» регулирования) объединяют их добровольный характер и отсутствие формальных способов воздействия принуждения и санкций со стороны государственных институтов.

С другой стороны, постоянный акцент на добровольности и рекомендательном характере этических положений в сфере СИИ не только выглядит избыточным, но в качестве негативного эффекта значительно искажает значимость этических документов. Показательным в этом плане является утверждение, сформулированное в упомянутом ранее «Глобальном атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023». При анализе документов ЮНЕСКО по этическому регулированию в сфере СИИ авторы пишут: «Рекомендация позиционируется ЮНЕСКО как инструмент «мягкого права» и не носит обязательный характер» [1, С. 20]. Получается, что этические положения в виде «мягкого права» – это не императивы в смысле морально *должного*, а просто благие пожелания, следование которым носит произвольный характер. Такая интерпретация любопытна, поскольку в самом тексте «Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО словосочетание «мягкое право» вообще не используется, а есть только однократное упоминание «мягкого» управления. В п. 5б «Рекомендации...» речь идет о том, что государствам-членам предлагается разрабатывать стратегии развития систем ИИ, создавать механизм их сертификации, экспертизы и мониторинга с учетом этических аспектов. При этом «мягкость» управления в данном пункте сосредоточена на ограничениях избыточного государственного вмешательства: «При этом такой механизм не должен препятствовать инновационной деятельности или ставить в невыгодное положение малые и средние предприятия или начинающие компании, гражданское общество, а также научно-исследовательские организации в результате чрезмерной административной нагрузки» [9]. Возникает вопрос о том, почему добровольный характер этической нормативности, в том числе и в понимании в качестве «мягкого права», трансформируется в нечто необязательное?

В качестве рабочей гипотезы следует сформулировать идею о том, что подобное отношение к этической нормативности во многом обусловлено широко распространенным ошибочным стереотипом о пренебрежительно малом влиянии нравственности на жизнь людей и общества. Особенно ярко это проявляется в вопросах соотношения морали и права. Довольно часто встречаются рассуждения о том, что если что-то не прописано в законе или государственных документах, то это не более чем вопрос морали, под которой в таких случаях понимается область личных предпочтений, субъективных мнений и оценок, которые можно, но вовсе не обязательно учитывать при принятии каких-то значимых решений. Именно в таком смысле трактуется добровольность и рекомендательный характер положений этики в сфере ИИ в качестве «мягкого» управления, что отличает их от юридически значимых требований, которые строго обязательны к исполнению. Кроме того, в качестве важного различия в характере обязательности между этическим и

государственно- правовым регулированием традиционно рассматривается вопрос о санкциях за несоблюдение или нарушение соответствующих норм. Если за правыми требованиями стоит государство с его репрессивно- принудительным аппаратом и правом на легитимное насилие, то хрестоматийными моральными санкциями считаются «голос совести» и общественное мнение. Но поскольку этика в сфере СИИ относится к публичной сфере прикладных и профессиональных этик, то стоит остановиться на последнем.

Считается, что одним из первых, кто обратил внимание на важную роль общественного мнения для морали был Дж Локк, который выделил три рода законов для определения правильного и неправильного в поведении людей: «1) законы божественные; 2) законы гражданские; 3) законы общественного мнения, или доброго имени...» [9, С. 406]. Рассматривая особенности этих законов Дж. Локк обращает внимание, что если с точки зрения истинности закон общественного мнения является самым «слабым», то в плане его влияния на поведение людей он превосходит более «правильные» законы: «О наказаниях, ожидающих людей за нарушение божественного закона, некоторые, а быть может и большинство людей, редко помышляют серьезно; да и среди помышляющих многие, нарушая закон, утешаются мыслью о будущем примирении и раскаянии в этих нарушениях. Что же касается кар, налагаемых законами государства, то люди часто льстят себя надеждой на безнаказанность. Но от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает ни один человек, нарушающий обычаи и идущий против взглядов общества, в котором он вращается и где хочет заслужить хорошую репутацию». [9, С. 409]. Даже если отвлечься от идеи божественного закона и допустить, что гражданские и моральные законы могут обладать различной силой в зависимости от ситуации, все равно следует констатировать, что добровольность и рекомендательный характер этических норм, в том числе и качестве элементов «мягкого» права, не могут быть отождествлены с необязательностью следования им в силу отсутствия формальных санкций. Речь может идти об источнике (государственном или негосударственном) этой нормативности и санкционных механизмах, а не о степени и силе их влияния в практическом отношении на поведение людей и деятельность общественных институтов и организаций. В этом смысле, обязательность следования моральным нормам в каких-то случаях может оказаться гораздо более существенной, чем соблюдение юридических норм.

Подводя итоги, следует сформулировать следующие выводы. Во-первых, интерпретация этики в сфере СИИ в качестве «мягкого» управления является теоретически и практически оправданной. Во-вторых, существующий в отечественной действительности избыточное подчеркивание добровольности и рекомендательный характер этических положений неоправданно принижает статус этических документов. В-третьих, отсутствие государственных принудительных мер не является достаточным основанием для признания этических норм необязательными. В качестве дополнения стоит

признать, что в настоящее время именно отсутствие механизмов и процедур, влияющих на репутацию акторов в сфере СИИ, является главным препятствием практической действенности положений этических документов.

Источники:

1. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Под ред. А. В. Незнамова. М., 2023.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс] URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения: 07.01.2025)
3. Альянс в сфере искусственного интеллекта [сайт]. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения 07.01.2025)
4. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М., Nova Creative Group, 2024.
5. Чернышенко Д. Н. Приветственное слово// Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Под ред. А. В. Незнамова. М., 2023.
6. Floridi L. Soft ethics and the governance of the digital // Philosophy & Technology. 2018. № 31(1). P. 1-8.
7. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе (ч.1) // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 37-48.
8. Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта. Ген. конф. ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) SHS/BI/REC-AIETHICS/2021 [Электронный ресурс] URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000_380455_rus (дата обращения: 07.01.2025)
9. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. в 3-х т.: Т. I, М.: Мысль, 1985

V. Y. Perov (Saint-Petersburg State University)

“SOFT” GOVERNANCE IN THE ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE MORAL ASPECTS OF VOLUNTARINESS AND OBLIGATION

The article analyzes the problems arising from the widespread understanding of ethics in the field of artificial intelligence as methods of “soft” governance. Particular attention is paid to the problem of perceiving ethical normativity as voluntary and optional. It is shown that despite the fact that ethical provisions as “soft” governance and “soft” law are not supported by the force of state enforcement, nevertheless they are morally obligatory and supported by the force of public opinion.

Ethics, artificial intelligence systems, ethical documents, “soft” governance, “soft” law, obligation, sanctions, public opinion

УДК 130.2; 177; 316.7

Е. В. Пирайнен (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evpiraynen@etu.ru)

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ НАЛАЖИВАНИЯ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ С КИТАЙСКИМИ ПАРТНЕРАМИ

Рассматриваются особенности культуры и деловые обычаи Китая, которые следует учитывать для выстраивания правильных деловых отношений с китайскими партнерами. Учитывая давние дружеские отношения между Россией и Китаем, а также схожесть менталитета и традиционных ценностей, важно понимать ключевые аспекты, способствующие успешному взаимодействию.

Сюнди, гуаньси, сохранение лица, концепция сяо

Китай – одна из крупнейших экономик мира и продолжает стремительно развиваться. Это открывает множество возможностей для совместных деловых отношений, особенно для России. Китай привлекает деловой перспективой, но для успеха нужно хорошо понимать тонкости сложной китайской бизнес-среды.

Сегодня Россию и Китай связывают дружеские отношения, у них схожий менталитет и традиционные ценности, однако ограниченное понимание китайской бизнес-специфики мешают полному раскрытию перспективных возможностей. Поколение молодых китайских бизнесменов, получивших международное образование, имеют более гибкий и современный подход к бизнесу с иностранными партнерами, но даже несмотря на это, китайский способ ведения дел, основанный на традициях, остается для них в значительной степени ведущим образом мышления при построении бизнеса.

Главная особенность ведения бизнеса в Китае – это важность доверительных отношений. Бизнес в Китае строится на доверительных личных отношениях, которые во многом зависят от уровня личностного взаимопонимания.

В основе бизнес-культуры и делового этикета Китая лежит конфуцианская традиция, где особую роль играет концепция «гуаньси» (кит. 关系, *guānxi*) – «связи». Однако это не синоним русским понятиям «кумовство» или «блат». Гуаньси обозначает помощь, поддержку в положительной коннотации. Суть Гуаньси дословно означает: «Главное не в том, что вы знаете, а в том, кого вы знаете», то есть, проще говоря – значение играет «ваш круг – сеть своих людей».

Гуаньси играет особую роль в деловом мире, потому что его основой является доверие. Доверительные отношения дают вам возможность получить доступ к сетям контактов других людей, которые, в свою очередь, будут

иметь доступ к вашей сети знакомств. Таким образом, вы получаете один из самых ценных бизнес-активов.

Основным способом установления такой сети, как правило, является введение в определенный круг гуаньси путем представления через третью сторону. Это может быть один из ваших собственных китайских сотрудников, друзей или послов зарубежных миссий. В современном Китае это также может быть сделано через обычные встречи, конференции, выставки или другие бизнес-события. Эти контакты могут произойти в любой точке мира в любое время.

Создание и развитие гуаньси требует много времени и ресурсов, но это стоит рассматривать как важные инвестиции в создание надежных долгосрочных отношений. Для того, чтобы построить гуаньси необходимо либо жить в китайской среде, либо часто посещать Китай и регулярно проводить личные встречи с китайскими деловыми партнерами. Также обязательно изучение китайской истории и культуры.

Регулярные контакты, взаимная щедрость и гостеприимство является частью поддержания гуаньси и создания через него новых контактов.

Но для российского менталитета есть и негативные аспекты гуаньси, которые могут представлять собой своего рода моральные дилеммы. Например, для китайцев норма, если, воспользовавшись опытом, ресурсами и связями других людей, вы становитесь обязанным этому человеку, от вас будут ожидать, чтобы вы выплатили свой долг в будущем путем предоставления помощи или выполнения просьбы, причем не только этого человека, но и кого-то из людей его сети. И у такого долга нет временных ограничений. Иногда это может быть несколько десятилетий или даже поколений. Для русского человека это может вызвать чувство дискомфорта, особенно, если это просьбы от малознакомых людей, но которые также связаны с вами через сеть гуаньси.

Еще одним важным понятием в выстраивании успешных бизнес-отношений с китайскими партнерами является понятие «сюнди» (кит. 兄弟 *xīōngdì*) – буквально: брат. Русский аналог понятия «сюнди» – «братишка» или «братан», но опять же исключительно в положительной коннотации. Словом «сюнди» китайцы называют своих самых близких друзей, подчеркнуто стирая какие-либо возрастные или статусные различия.

Для того, чтобы стать сюнди для китайского партнера необходимо личное знакомство. Китайцы работают именно с людьми, с теми, кого лично знают. Кроме того, важно показать уважение к китайской культуре и китайскому языку. Для китайцев весь остальной мир – это их последователи. Именно эта особенность делает китайцев патриотами. Причем абсолютно искренними.

Так же в культуре китайцев очень важную роль играют подарки. Китайцы любят подарки самозабвенно и искренне. Подношения совершаются достаточно часто, по самым разным поводам: на день рождения, на Новый год, на свадьбу и даже на похороны.

Китайцам важны личные контакты и личное общение. Любой китаец всегда с огромным удовольствием будет говорить о выдающихся достоинствах собственной страны. Этим можно восхищаться и ни в коем случае не критиковать. Конечно, для китайца Китай – лучшая страна в мире, но, если вы также патриотично будете говорить о своей стране, это повысит ваш авторитет в глазах китайского партнера. [1]

В стратегии взаимодействия с китайскими партнерами используются все средства, которые могут помочь в улучшении личных отношений (совместное времяпрепровождение, обеды или ужины, подарки, поздравления с праздниками).

Особенности китайской бизнес-среды обусловлены глубокой связью с древней китайской культурой. Выстраивание успешных деловых отношений с китайскими партнерами невозможно без учета важнейших конфуцианских ценностей.

Традиции Китая – важная часть жизни любого китайца. Многие обычаи и ритуалы соблюдаются жителями поднебесной уже несколько тысяч лет. Некоторые традиции и обычаи этой страны могут вызывать недоумение европейцев, другие кажутся привычными. Для современного Китая до сих пор традиционные ценности и обычаи имеют особую ценность. Среди китайцев считается, что национальная культура приносит пользу и играет выдающуюся роль, у них есть такое выражение «прошлое служит настоящему» [2, С. 50].

Транслятором культурных традиций в первую очередь является семья. Китай относится к тем странам, где семейные ценности относятся к одним из основополагающих принципов, а семья – это главное условие для приобретения жизненного спокойствия. Для современного китайца семья является самым ценным, что у него есть. Благодарность к предкам передается из поколения в поколение, младшим прививается уважение к старшим.

Сыновняя почтительность сяо (кит. 孝 xiào) – одно из центральных понятий в конфуцианской этике, важный компонент традиционной восточно-азиатской ментальности. Сяо – это не просто уважительное отношение к родителям и старшим членам семьи, этот принцип распространяется на всех предков. Наиболее очевидное проявлением сяо заметно во время традиционных китайских праздников.

Одним из самых важных, крупных и продолжительных праздников является Китайский Новый год, когда деловая жизнь в Китае останавливается, потому что все стремятся воссоединиться со своими семьями, провести праздники с родными, отдать дань уважения предкам.

Еще один важный праздник – Цинмин, или День поминовения усопших. В Цинмин усопших принято собираться семьями и посещать могилы предков. То, как сегодня в стране проходит празднование, отражает в себе уважение народа к верованиям и традициям, которые до сих пор поддерживаются современным обществом [3, С. 110].

Сяо проявляется в соблюдении субординации и уважение старших. Старшим по возрасту отдается инициатива в приветствии. В деловом общении первым приветствуют более старшего из начальников, если они близки по рангу. Обычно при представлении группой китайцы выстраиваются в линию по рангу и по возрасту – с самым главным или самым старшим во главе линии. Нарушение субординации может не только нанести китайскому партнеру глубокую обиду, но может также привести к неблагоприятному исходу совместных деловых отношений, обычно неожиданному для иностранного партнера. До последнего будет не ясно, когда именно вы совершили ошибку, потому что китайцы никогда не покажут негативные эмоции.

В китайском этикете важным является сохранить лицо. Остаться без лица в Китае – хуже, чем остаться без делового партнера или без заключения контракта. Понятием «лицо» (кит. 面子 miànzi) в Китае называется оценка обществом того, насколько хорошо человек соответствует социальным нормам. Мянцзы – это достоинство, но основанное не на внутреннем самоуважении, а на внешнем одобрении. Культ лица формировался в течение всей китайской истории и прочно закоренился в сознании каждого китайца. «Потерять лицо» равносильно нарушению правил и становлению изгоем среди своих. Эта «потеря» может обернуться утратой статуса, поддержки, уважения и каких-либо связей.

«Лицо» – это репутация, которая нарабатывается годами и дает больше возможностей, чем профессиональные навыки

В ситуациях, связанных с бизнесом, критика или пренебрежительное отношение могут привести к потере лица как у одного человека, так и у всей компании. Это требует деликатного подхода к общению: вместо острого фокуса на недостатках следует подчеркивать положительные моменты и предлагать конструктивные решения.

Хуже критики – заставить китайца признаться в своих ошибках, особенно в присутствии других людей. Ни при каких обстоятельствах китайцу нельзя понизить уважение внутри социальной группы. Поэтому начальника нужно хвалить вдвое или втрое сильнее, чем любого из его подчиненных. И подарки для начальника должны быть более ценные, чем для его подчиненных. Похвала и подарки сотрудникам в обход их шефа может расцениваться, как оскорбление или корпоративный заговор.

Чтобы не потерять лицо китайцы предпочитают никогда не давать отрицательный ответ. Прямое несогласие для китайцев все равно, что указание на его глупость или неправоту. Сами китайцы предпочитают либо нейтральные высказывания, но чаще подводят ситуацию таким образом, чтобы деловой партнер сам отказался от своей идеи. «Китай – это страна, где терпение и гибкость играют ключевую роль в достижении успеха» [4] (Для выстраивания успешных деловых отношений нужно способствовать поддержанию мянцзы китайского партнера и укреплять тем самым гуаньси. Укрепить деловые связи поможет уважение к традиционным ценностям и демонстрация понимания этой культуры.

Сегодня в период активного сближения России и Китая на международной арене, для обеих стран открываются новые возможности для сотрудничества. В условиях общего внешнеполитического курса на укрепление двусторонних отношений китайские инвестиции в российские проекты могут также стать важным фактором роста и стабильности, а российские компании – выгодными партнерами. Однако тот, кто приходит в Китай с намерением построить бизнес, должен осознавать важность не только правильной бизнес-стратегии, но и глубокого понимания китайской философии и культуры. Налаживание успешных деловых коммуникаций с китайскими партнерами требует внимания к культурным различиям и традициям. Уделяя время на построение доверительных отношений, учитывая ценности, такие как сохранение лица, и уважая семейные традиции, можно значительно увеличить шансы на успешное и продуктивное сотрудничество.

Источники:

1. Марченко В. Как стать сунди. СПб.: ТИД Амфора, 2013.
2. Ван Ди, Ху Юэ. Состояние китайской национальной культуры в современную эпоху: проблемы, противоречия и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2022. №4. С. 44–50.
3. Верченко А. Л. Традиции и современность в поведенческих стереотипах китайцев (на примере китайских народных праздников) // Перспективы. Электронный журнал. 2022. №1. С. 110–119.
4. Бизнес в Китае: «обрести дзен» и добиться успеха // Legal Insight №07(133), 2.09.2024 [Электронный ресурс] URL: <https://legalinsight.ru/articles/biznes-v-kitae-obresti-dzen-i-dobitsya-uspeha/> (дата обращения: 10.10.2024)

E. V. Piraynen (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CROSS-CULTURAL STRATEGIES FOR ESTABLISHING BUSINESS COMMUNICATIONS WITH CHINESE PARTNERS

The article examines the cultural peculiarities and business customs of China, which should be taken into account in order to build proper business relations with Chinese partners. Given the long-standing friendly relations between Russia and China, as well as the similarity of mentality and traditional values, it is important to understand the key aspects contributing to successful cooperation.

Xiongni, Guanxi, saving Face, Xiao concept

УДК 001; 001.9; 007.51

Н. Н. Погожина (Русское общество истории и философии науки, e-mail: pogzhinann@gmail.com)

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

В статье рассматривается характер трансформации производства и распространения знания в современной науке путем обращения к актуальным эпистемологическим установкам и реконструкции коммуникативных реалий сетевого общества. В частности, автор использует ресурсы системно-коммуникативного анализа для того, чтобы специфицировать научную коммуникацию, а также дифференцировать социальную систему науки от иных крупных общественных подсистем (экономики, политики). В этой связи приводится ряд теоретических позиций относительно динамики научного знания, моделей инклюзии в научное сообщество и показателей, обеспечивающих оценку научных исследований. Вышеозначенное позволяет наметить линии преодоления коммуникативных разрывов разных локализаций и масштаба – как внутри науки, так и науки в обществе.

Наука, научная коммуникация, социальная система, научная инклюзия, системно-коммуникативный подход

Анализируя актуальные тенденции и общее положение дел внутри научного сообщества, а также взаимосвязи научного сообщества и других общественных институтов, можно заключить, что последние несколько десятилетий мы наблюдаем существенные трансформации не только в сфере технологий, влияющих на производство знаний, но и в сфере коммуникативных взаимодействий вне и внутри научных коллективов [1]. Так, прежние формы инклюзии изменяются в силу сетевого характера коммуникативных отношений в обществе, сами научные сообщества укрупняются, перенимая не только сетевой формат коммуникации между членами научных групп, но и сетевой характер гетерархических связей, разрушающих различные барьеры (географическую локализацию, институциональную иерархию, временные ограничения, преодоление которых позволяет, например, делиться исследовательскими результатами без промедления, то есть фактически в момент их получения и т. д.) [2]. Преобразования затронули критерии оценки успешности исследования и рейтинг самих исследователей, на что влияет не только скорость распро-

странения, но и доступ к информации, например, в виде приоритета открытых баз данных, а также интенсификации публикационной динамики, все ускоряющийся темп которой приводит к перестройке приоритетных направлений публикационных форматов от монографий к статьям, от индивидуальных статей к коллективным [3].

Изменения мы наблюдаем также в рамках расширения пула участников научной коммуникации и/или выстраивания новых коммуникативных связей между ними. В частности, учитывая используемые формы финансирования (например, грантовой поддержки), необходимо принимать во внимание включение в научную коммуникацию внешнего административного элемента в виде финансирующих лиц и организаций; развитие форм гражданской науки диктует привлечение граждан как агентов коммуникации; сетевая популяризация науки связывает представителей широкой общественности, акторов, формирующих общественное мнение, и научные коллективы, отдельных ученых и т. д. [4]. Таким образом, меняется как сам исследовательский процесс (динамика, локализация, технологическое обеспечение), так и коммуникативные связи, сопровождающие его, которые нуждаются в интерпретации и осмыслении. Для этого, на наш взгляд, важно обратиться к социальному исследованию коммуникации в целом и рассматривать научную коммуникацию как часть большой модели коммуникативных подсистем общества. Подобный метапредметный подход к коммуникации представлен в системно-коммуникативной теории (СКТ), к краткой реконструкции постулатов которой в привязке к системе науке, мы обратимся ниже.

Необходимо заметить, что СКТ выступает относительно универсальной теорией коммуникации, в том числе в приложении к научной подсистеме общества, по нескольким параметрам. В частности, при высокой универсальности (возможности обращаться к широкому многообразию социальных явлений/конкретных специфик подсистем) СКТ обладает малым количеством понятий (терминах СКТ «различений»), составляющих ее методологический базис, о чем подробно пишут современные представители и исследователи подхода [5, 6]. Основа коммуникативного анализа: рассмотрение общества, всех общественных отношений как совокупности коммуникаций, вне и помимо которых – нет ничего [7]. Н. Луман в классическом варианте СКТ вводит следующие переменные: Эго/Другой; действие/переживание. Их связки образуют вариации для различных подсистем общества. Как известно, в основу СКТ Н. Луман закладывает представление об эволюционизме и системный подход биологов Ф. Варелы и У. Матураны, а также логическую концепцию Дж. Спенсера-Брауна, в которой фиксируются основные концептуализации СКТ – «наблюдение» и «различение» [8]. В логике Дж. Спенсера-Брауна нет ничего кроме различения и порядков наблюдения, включая наблюдение за наблюдением (наблюдение второго порядка), что формирует пространственный остов теории. Временную форму различений Н. Луман фиксирует в виде бинарного коммуникативного кода и «разбега» соответствующих значений для различных коммуника-

тивных подсистем. Причем такое допущение критикуется рядом исследователей как недостаточно обоснованное [9]. Что же дают положения СКТ, означенные выше, в приложении к рассмотрению научной коммуникации?

В коммуникативной подсистеме науки будет действовать связка, описывающая коммуникативные интеракции следующим образом: Эго переживает/ Другой переживает, что обосновывает систему научной инклюзии, когда научное открытие переживается всеми участниками (исследователем и аудиторией, коллегами и т. д. (наблюдателями второго порядка)). Для науки, соответственно, генерализированным медиа коммуникации будет выступать истина, что составляет бинарный код, в рамках которого может быть разбег значений коммуникации (истина/ложь).

Таким образом, научная истина может рассматриваться в нескольких измерениях, включая временное (исследование ориентировано на открытие и новый характер информации) и социальное (работа исследователя требует валидации сообществом, и шире – в обществе). Использование СКТ для рассмотрения научной коммуникации помогает не только выявить общие аспекты социально-коммуникативных систем, но и отграничить систему экономики, политики и другие крупные коммуникативные подсистемы от науки в связи с разницей бинарного кода и связки различений, что особенно важно при учете тех параметров трансформации научного знания в современном сетевом обществе, которые были означены ранее.

Современная наука движется в сторону гибридного, сетевого характера коммуникации, продуцированного новыми медиа, которые используются для выработки и распространения знания, что свидетельствует о возрастающей значимости концептуализации самой научной коммуникации, относительно универсальная схема которой была нами рассмотрена.

Источники:

1. Merton R. The Ambivalence of Scientists // *Science and Society* / Ed. N. Kaplan. Chicago: Rand McNally, 1965. pp. 112–132.
2. Price D. Little science, big science... and beyond. New York: Columbia University Press, 1986.
3. Stichweh R. Hierarchies and universal inclusion in scientific communities // *Peer review in an Era of Evaluation* (ed. by E. Forsberg, L. Geschwind, S. Levander, W. Wermke). Palgrave Macmillan, Cham. pp. 37–52. URL: http://https://doi.org/10.1007/978-3-030-75263-7_2 (дата обращения: 05.12.2024).
4. Bucchi, M., Trench, B. (eds.) *Science communication research: themes and challenges*. Routledge handbook of public communication of science and technology. New York: Routledge, 2014, no. 2, pp. 1–14.
5. Stichweh R. How Do Divided Societies Come About? Persistent Inequalities, Pervasive Asymmetrical Dependencies, and Sociocultural Polarization as Divisive Forces in Contemporary Society // Stichweh R. *Functional Differentiation of Society*. Bielefeld: Gazelle Book Service, 2022. pp. 1–13.

6. Антоновский А. Ю. Системно-коммуникативная теория науки. 30 лет спустя // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 127–138.
7. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag. 1998.
8. Spencer-Brown G. Laws of Form, London: Allen and Unwin, 1969.
9. Hennig B. Luhmann und die Formale Mathematik // Merz-Benz, Peter-Ulrich und Wagner, Gerhard (eds.). Die Logik der Systeme. Zur Kritik der Systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2000. pp. 3–36.

N. N. Pogozhina (Russian Society for the History and Philosophy of Science)

**COMMUNICATIVE AND EPISTEMOLOGICAL CONDITIONS OF THE
PRODUCTION AND DISSEMINATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN
MODERNITY**

The article examines the nature of the transformation of production and dissemination of knowledge in modern science by referring to current epistemological attitudes and reconstructing the communicative realities of the network society. In particular, the author uses the resources of system-communicative analysis to specify scientific communication, as well as to differentiate the social system of science from other large social subsystems (economics, politics). In this regard, a number of theoretical positions are given regarding the dynamics of scientific knowledge, models of inclusion in the scientific community and indicators that ensure the assessment of scientific research. The above allows us to outline the lines for overcoming communicative gaps of different localizations and scales – both within science and science in society.

Science, scientific communication, scientific inclusion, system-communicative approach, social system

УДК 801.732

Е. А. Подорожная (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: pe16.2002@mail.ru)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КОД РЕКЛАМНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ БЬЮТИ ТЕКСТОВ)

Реклама, как и любой другой вид коммуникации, не ограничивается только передачей информации. Она строится на более сложных процессах, опираясь на глубинные ценности и культурные коды аудитории. В этом контексте герменевтика, как учение о толковании и интерпретации текста, становится важным инструментом для понимания механизмов воздействия рекламы на аудиторию. Герменевтический анализ рекламы бьюти сферы позволяет распознать скрытые смыслы и культурные референции, заложенные в визуальном ряде, слоганах и образах.

Герменевтика, код, текст, реклама, рекламный ролик, интерпретация

Герменевтика не молодая наука, но ей есть куда развиваться. Она никогда не занимала центральное место в гуманитарных науках. Ее использовали для понимания сложных философских или религиозных текстов и литературных шедевров. Со временем интерес к герменевтике заметно угас, поэтому на данный момент в интернете мало статей посвященных этой теме. Мало кто об этом пишет, кто-то не воспринимает и отрицает ее влияние на массы людей. В современном мире, доминируют точные науки и цифровые технологии. Однако не стоит забывать, что мы живем в мире, насыщенном информацией и текстами – начиная от классической литературы и заканчивая социальными сетями – требуется умение понимать скрытые смыслы, подтексты и культурные коды. Особенно это касается сферы рекламы, где успех зависит от точного попадания в целевую аудиторию. Герменевтика является мощным инструментом. Понимание культурных контекстов, мотивов потребителей, а также деконструкции рекламных образов позволяет создавать более эффективные и этичные рекламные кампании.

Одним из самых ярких примеров герменевтики в бьюти рекламах можно назвать видеоролики компании KEVIN.MURPHY, снятые год назад. 3 разных текста, отличающиеся от всех предыдущих. В первом мы видим океан, природу, дальний горизонт, в воздухе аромат морской соли и цветущих кустарников, густые заросли вдоль береговой линии, волны играют друг с другом инакатываются на берег [1]. Девушка в синем, находясь в море похожа на русалку, которая выплыла из глубин погреться на ярком солнышке. Ее рыжие волосы напоминают зрителю известную принцессу Диснея – русалочку Ариэль, у которой были красные волосы. Голубой костюм плотно прилегает к но-

гам девушки, визуально кажется, что ноги соединены. Тем самым создается иллюзия хвоста. Темнокожий мужчина имеет крепкое, идеальное телосложение. Взгляд устремлен в даль. По глазам видно его суровость и целеустремленность. Он как античная статуя, которую можно увидеть в музеях. Идеальные люди на идеальном фоне. Все это можно интерпретировать, как уголок рая на земле. Где все двигаются спокойно и безмятежно. Тут нет суеты, только гармония. Здесь, на берегу этого рая, время словно замирало. Все заботы и тревоги отступали, оставляя место лишь покою и блаженству.

Во втором видеоролике локация съемки поменялась [2]. Теперь мы оказываемся в джунглях, где воздух свежий и влажный, наполнен ароматом необычных, экзотических цветов, спелых фруктов, влажной земли и мха. Пышная растительность и высокие деревья создают особый мир. Их стволы, покрытые мхом и лианами, словно могучие атланты поддерживают небо. Под ногами ковер из не протоптанной травы. Серебряный ручеек, плавно перепрыгивает через камни. Через густые заросли пронизываются солнечные лучи, которые играют на листьях и выделяют фигуры людей, приближая их к святому. Джунгли нетронутые человеком места природы. Их создавал не человек, он же и не может их покорить. Это одно из чудес света, созданное чем-то высшим. Они схожи с райским садом, с Эдемом, где жили Адам и Ева. Люди в клипе часто прикасаются к деревьям, становясь их продолжением, их частичкой. Идут легко, движения плавны и спокойные, как у самой природы. Естественные цвета волос у моделей и цвета одежды гармонируют с окружающей среде. Тем самым объединяется мир человека и мир природы. Джунгли – это не просто место, это живой организм, полный тайн и чудес. Это рай на земле.

Третий видеоролик отличается локацией от первого и второго [3]. Прекрасный дом, словно кусочек рая на земле, окруженный зеленью и тропическими растениями. В нем протекает безмятежная, спокойная жизнь. Широкие террасы утопают в зелени и цветущих кустарниках. То и дело приглашают к безмятежному отдыху. Тут можно искупаться в огромном бассейне с потрясающим видом. Богемный образ жизни, плавность передвижений, умиротворение и гармония. Тут нет земных и материальных благ. Только радость от существования, эйфория, наслаждение солнцем. Одежда то яркая, красочная, как и окрас цветов, наоборот серебряная, струящаяся и подчеркивающая силуэт как вода. Халат на рыжеволосой женщине с цветами вплетает человека в природу вокруг нее.

Три разные ролика, которые объединены единым сюжетом – раем, эдемом. Где людям хорошо. Их создал Бог беззаботными и безмятежными. Там вечно звучит музыка, арфа, нет места страданию, боли и печали. Все время зелено, сады, утопающие в прекраснейших ароматах цветов. Хрустальные реки, несут свои воды сквозь луга, поля, сады, объединяя все вокруг. Все это есть в трех рекламных роликах KEVIN.MURPHY. Здесь нет ангелов или Бога, клишированных и стереотипных предметов. Зритель сам хочет примкнуть к этому раю, стать его частью. Каждый человек, с разных уголков земли, разного ве-

роисповедания или не верующий вовсе хотя бы раз слышал про рай и ад. И все мы хотели бы оказаться в лучшем из миров. Поэтому, этот герменевтический код может зацепить массы людей и привлечь к просмотру рекламы.

Компания Gucci часто использует герменевтические приемы при съемках своих рекламных роликов. Одним из таких примеров является реклама, снятая в далеком 2010 году для духов «Flora by Gucci» [4]. На первый взгляд реклама совсем неприметная и в ней нет ничего цепляющего. Девушка одна в огромном поле с цветами то ли колдует, то ли танцует. Однако если интерпретировать, то можно заметить всем известный сюжет библейской истории про еврейского пророка Моисея. Он подчинил себе силы природы и перевел евреев через Красное море, заставив его расступиться. Из книги «Исход»: «...простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды». Так и же и девушка абсолютно одна оказывается в огромном поле с цветами. Как она туда попала и сможет ли она там выжить? Она оторвана от большого мира, от цивилизации. Однако, мы видим, что девушка умеет управлять и подчинять флорой. Природа следует за ее руками, за тем куда они передвигаются. Цветы подчиняются девушке, раздвигаются, когда она указывает на них. Всю картину происходящего дополняет пение на заднем фоне. Оно как будто доносится с небес, завораживает и дополняет антураж всего что мы видим. Происходит не только зрительный контакт и интерпретации, но и звуковые, что усиливает эффект происходящего. Таким образом, «додавливая» смотрящего.

Уже вторая компания использует библейский сюжет, однако делает это совсем иначе. Интерпретации роликов, как мы рассмотрели, совсем разные. Отнюдь не каждый человек сразу вспомнит про Моисея, однако большая часть населения знают этот сюжет. Он подобран не нескольких культурных кодов, которым может отозваться.

Как уже говорилось ранее, компания Gucci любит скрывать герменевтические коды в своих рекламных роликах. Одной из интересных для нас реклам является, снятая 2 года назад, под новый год *GucciGift* [5]. Реклама снята на вокзале и в поезде. Кроме чарующей зимней, предновогодней атмосферы нас цепляет скрытый герменевтический код. Как минимум, выбор локации это уже начало герменевтического кода. Во всем мире вокзал считается самым искренним местом. Тут начинается новая жизнь, путешествия или наоборот возвращаются к прежнему быту, в родные края, тут встречаются и провожают, смеются и плачут. Не зря говорят во всем мире: «Вокзал видел больше искренних поцелуев, чем ЗАГС». Это место объединения людей. Ролик начинается с вокзала, им же и заканчивается. Таким образом закольцевав события. Вокзал это одно из самых подходящих мест, чтобы сделать подарки, а иногда и встреча тут может стать самым долгожданным подарком. Также рекламный сюжет можно интерпретировать, как путешествие из классических поэм «Одиссея». В этом и была задумка режиссеров. *Дом Gucci* выпускает новую, посвященную путешествиям. Отправная точка, путь, в кото-

ром у каждого в поезде есть своя история, своя «маленькая жизнь» и долгожданный приезд, встречи. Заканчивается ролик тем, что девушка пальцем указывает на темное небо, которое безгранично. Звездное небо всегда вызывает чарующий эффект, желание загадывать самые сокровенные мечты и верить в то, что обязательно все сбудется.

Рекламе компании *Gucci* можно посвящать множество отдельных статей. Они, правда, создают шедевры, за которыми хочется наблюдать снова и снова. Их ролики скорее похожи на маленькие фильмы, а иногда за основу они берут и уже снятые фильмы, как например в их рекламе «The exquisite Gucci campaign». Сюжет рекламы построен на известных и сразу узнаваемых фрагментах из фильма Стенли Кубрика: Заводной апельсин, Сияние, Комната 237, Космическая Одиссея, Барри Линдон. Все это приемы герменевтики. В пределах данной статьи, было рассмотрено только 2 рекламных ролика, которые были построены с помощью герменевтических кодов.

Еще одним интересным рекламным текстом, которому стоит уделить внимание, является ролик *J'adore Dior*, снятый 6 лет назад [6]. Сюжет связан с древнегреческим мифом об Афродите, дочери Урана или с мифом древнего Рима о Венере. Они обе родились из белоснежной пены морских волн. Афродита – одна из 12 величайших богов Олимпа. Богиня красоты, любви и сексуальности. Венера – богиня красоты, плотской любви, желаний, плодородия и процветания. В начале рекламы множество полуобнаженных девушек сидят возле водоема, ждут появления своей «богини». Все вокруг замерло, оно ждет того самого момента X. Пробуждение и выход «музы» из воды является кульминацией. Она движется прямо, уверенно, элегантно, не торопясь, мягко, смотря вперед и зная свою цель – царствовать над сердцами смертных и бессмертных, даря им страсть, вдохновение и любовь. Девушка наслаждается своим появлением, она знает, что она особый дар этого мира. Ее рождение, появление из воды, пробуждает и девушек, находящиеся возле нее. В конце они вместе идут в струящихся блестящих платьях. Герменевтический код рекламы *Dior* достаточно прозрачный и понятный. Просматривая ролик, девушки ассоциируют себя с богиней. Это и цепляет, влияет на восприятие.

Подводя итоги, можно сказать, что герменевтика часто используется в бьюти текстах известных и успешных компаний. Современная культура красоты строится на сложных коммуникациях, и текст играет основную роль. Поэтому, необходимо шифровать коды, интерпретировать знакомые сюжеты. Это один из незаметных способов влияния на человеческий мозг, который можно использовать в пользу компании. Герменевтика предоставляет ценный инструмент для исследования рекламы, позволяя лучше понять, как тексты конструируют смысл и отражают культурные ценности.

Источники:

1. Kevin.Murphy campaign beachcomber: Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/lihcxs1f5e0?Si=okj6wnwtr5fguija> (дата обращения 30.11.2024)
2. Understory – 2024 kevin.murphy campaign: Youtube [Электронный ресурс] URL: https://youtu.be/t7b9q1w-dba?Si=3ouk1hjpyg0-m_x2 (дата обращения 30.11.2024)
3. Kevin.Murphy campaign poolside: Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/rlro7k1hada?Si=itzdxrb3s7hevjxy> (дата обращения 30.11.2024)
4. Реклама flora by gucci (tv commercial): Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/esufz4azdbb?Si=jwkejkbzramo-grb> (дата обращения 20.11.2024)
5. Gucci gift: Youtube [Электронный ресурс] URL: https://youtu.be/byoo4kqaq8w?Si=mn4wm1bvge_yzzo9 (дата обращения 15.11.2024)
6. J adore dior: Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/-9dykcyoue?Si=1tsl3woh1nuadott> (дата обращения 30.11.2024)

E. A. Podorozhnaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HERMENEUTIC CODE OF ADVERTISING COMMUNICATIONS (ON THE EXAMPLE OF BEAUTY TEXTS)

Advertising, like any other type of communication, is not limited to the transmission of information. It is built on more complex processes, relying on the deep values and cultural codes of the audience. In this context, hermeneutics, as a doctrine of the interpretation of text, becomes an important tool for understanding the mechanisms of advertising impact on the audience. Hermeneutic analysis of beauty advertising allows us to recognize hidden meanings and cultural references embedded in the visual series, slogans and images.

Hermeneutics, code, text, advertising, commercial, interpretation

---

УДК 001.92:002:374.71

Д. Е. Прокудин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: d.prokudin@spbu.ru)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Одной из важнейших функций публичной научной коммуникации является популяризация научного знания. Актуальность популяризации научно-технологического знания определяется необходимостью формирования мировоззрения, адекватно отражающего тенденции развития современного информационного общества и роли в нем отечественной науки. Одним из важных при этом является культурологический аспект, отвечающий за передачу культурного кода, исторической и культурной памяти новым поколениям. В данном исследовании уточняется роль в этих процессах цифровых информационных каналов. Выявляется их ограниченность. На основе анализа данных анкетирования студентов, примерных рабочих программ основного общего образования и учебников для средней школы по информатике делаются выводы о необходимости популяризации научно-технологического знания через образовательный процесс с учетом использования привычных для молодежи цифровых информационных каналов.

Научно-техническое знание, популяризация, образование, публичная научная коммуникация, культурный код

Публичная научная коммуникация выполняет в обществе различные функции. Одной из важнейших является популяризация научного знания. Особенно актуальной популяризация научно-технологического знания является в современном динамично развивающемся информационном обществе, основой существования которого являются процессы тотальной информатизации с использованием информационно-коммуникационных технологий. Именно через популяризацию возможно массовое формирование мировоззрения, адекватно отражающего процессы, происходящие в таком обществе. Культурологический аспект популяризации определяется необходимостью передачи культурного кода, формирования у будущих поколений представлений не только об историческом контексте развития информационно-коммуникационных технологий, но и о связи их с развитием общества, его культуры, а также роли советской и российской науки в этих процессах. Это направлено, в том числе на формирование патриотического воспитания, передачу исторической и культурной памяти, что является необходимым условием встраивания формирующихся поколений в развитие своей страны, мо-

тивации их для дальнейшей профессиональной деятельности на ее благо. Актуальность этой деятельности в российском современном обществе также определяется тем, что, с одной стороны, существует проблема замалчивания и принижения значения советского (а затем и российского) вклада в научно-технологическое цивилизационное развитие, а с другой стороны, современная российская молодежь в подавляющем большинстве пользуется зарубежной электроникой, средствами вычислительной техники и программного обеспечения, что формирует в их сознании негативный образ научной и технологической отсталости России, искажает их мировоззрение [1, 2, 3].

Еще одной важной функцией популяризации научно-технического знания является профориентация, а адекватное восприятие достижений отечественной науки и технологий закладывает основу для профессиональной подготовки и дальнейшей профессиональной деятельности во благо своего Отечества, побуждая оставаться в своей стране, а не искать «счастья» на чужбине.

Популяризация научно-технического знания в современном информационном обществе осуществляется различными методами. Это и традиционные, например, через деятельность лекторов всероссийского общества «Знание» [4, 5], научно-популярные периодические издания [6] или книги. Современное образовательное пространство также представляет собой мощнейший инструмент популяризации научного знания, обладающий массовостью и целенаправленностью [7, 8, 9, 10, 11]. А в информационном обществе в большей степени действенными оказываются цифровые информационные каналы: сетевые электронные научно-популярные журналы или электронные версии печатных изданий, просветительские Интернет-проекты, ресурсы «научпопа» в сети Интернет, тематические сообщества в социальных сетях [12, 13, 14]. В своих предыдущих исследованиях мною были выявлены основные современные тенденции более эффективного использования цифровых информационных каналов для популяризации научно-технического знания, а также их комплексного использования (создания так называемых «цифровых экосистем») [15, 16, 17]. Также была выявлена особенность, что являясь цифровыми субъектами просветительской деятельности, эти информационные каналы предполагают в основном самостоятельное освоение научно-просветительского контента. Но они могут быть использованы и при проведении просветительской деятельности в традиционной форме.

В ходе двух пилотных исследований было выявлено, что:

– современная молодежь (так называемое поколение Z) в основном получает фрагментарные сведения о научно-технологическом прогрессе; в подавляющем большинстве они целенаправленно не интересуются историей развития информационно-коммуникационных технологий и вкладе отечественной науки в это развитие;

– молодежь предпочитает получать научно-популярную и просветительскую информацию через цифровые информационные каналы, а не традиционные СМИ (телевидение, пресса, печатные издания, лекции и т.п.);

– в рамках образовательного процесса в общеобразовательной школе не ведется целенаправленная просветительская деятельность, не уделяется внимание пропаганде достижений отечественной науки и технологий.

Именно последний вывод является важной констатацией того, что в современном российском обществе не уделяется должного внимания вопросам формирования целостного представления о достижениях отечественной науки в области информационно-коммуникационных технологий. Этот вывод основан на постоянном общении со студентами Санкт-Петербургского государственного университета в рамках образовательной деятельности при изучении учебных дисциплин «Информатика в гуманитарных науках» (направления подготовки «философия», «конфликтология», «культурология», «музеология», «религиоведение»), «Информационные технологии в политической науке и образовании» (направление подготовки «политология»), «Основы российской государственности» (факультет прикладной математики и процессов управления). В подавляющем большинстве в средней школе на уроках информатики не изучается история развития вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий, а также современные тенденции технологического развития и роль отечественной науки в этих процессах. Подтверждение тому было получено не только в ходе общения, но и на основе анализа результатов анкетирования.

Анкетирование было проведено в осеннем семестре 2024/25 учебного года со студентами первого курса бакалавриата факультета математики и процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета. В анкету вошли следующие вопросы (выбор одного варианта ответа, с открытым ответом, с множественным выбором):

– Принципы сотовой связи были разработаны в (Варианты ответов: США, СССР, Российской Федерации, Франции, Японии);

– Первый персональный компьютер был спроектирован представителем (Варианты ответов: США, СССР, Российской Федерации, Франции, Японии);

– Проект первой компьютерной сети был разработан в (Варианты ответов: США, СССР, Российской Федерации, Франции, Японии);

– В нашей стране первая отечественная ЭВМ была запущена в период (Варианты ответов: 1950-е годы, 1960-е годы, 1970-е годы, 1980-е годы, 1990-е годы, 2000-е годы);

– Система мобильной (сотовой) связи была запущена в нашей стране в (Варианты ответов: 1970 г., 1980 г., 1991 г., 2007 г., 2010 г.);

– Чем известны Стив Джобс и Стив Возняк (Варианты ответов: Спроектировали и собрали первый персональный компьютер, Предложили основные принципы работы современных компьютеров, Разработали систему доменных имен)?;

– Московский инженер Л. И. Куприянович (Варианты ответов: Спроектировал первую автоматическую телефонную станцию, Разработал и создал мобильный радиотелефон, Спроектировал первый кнопочный телефон);

– Назовите основное достижение Арсения Анатольевича Горохова (открытый ответ);

– Из каких источников Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках (множественный выбор: СМИ, Научно-популярная литература, Социальные сети, Википедия, Научно-популярные программы на телевидении, Другое)?

Всего было анкетировано 64 студента. Примечательно, что это были представители различных регионов России. Только малый процент составили жители Санкт-Петербурга. Результаты анализа полученных ответов говорят о том, что:

– менее трети всех опрошенных адекватно представляют историю развития вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий;

– менее половины всех опрошенных знают о вкладе в развитие информационно-коммуникационных технологий отечественных ученых и инженеров. Так, например, об изобретении А.А. Гороховым первого в мире персонального компьютера знают только 18% опрошенных;

– основными информационными каналами для получения информации о научно-технологических достижениях и разработках являются социальные сети (87,5% опрошенных).

Помимо этого были проанализированы примерные рабочие программы основного общего образования [18, 19, 20, 21, 22] и учебники для средней школы по информатике.

Во всех программах (от 5 до 11 класса) в общей характеристике учебного предмета указано, что:

– «современная школьная информатика оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения школьника, его жизненную позицию», а информационные технологии определяются как одно «из наиболее значимых технологических достижений современной цивилизации» (5–6 классы);

– одной из целей изучения информатики в школе является «формирование основ мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки информатики, достижениям научно-технического прогресса и общественной практики» (7–9, 10–11 классы).

То есть на уровне государства есть понимание важности информатики для формирования мировоззрения. А в личностных результатах обучения в плане патриотического воспитания информатика направлена на формирование понимания «значения информатики как науки в жизни современного общества»; заинтересованности «в научных знаниях о цифровой трансформации современного общества» (7–9 классы), ценностного отношения «к историческому наследию; достижениям России в науке, искусстве, технологиях;

понимание значения информатики как науки в жизни современного общества» (10–11 классы). В плане трудового воспитания информатика должна прививать «интерес к практическому изучению профессий в сферах профессиональной деятельности, связанных с информатикой, программированием и информационными технологиями, основанных на достижениях науки информатики и научно-технического прогресса» (5–6, 10–11 классы), формирование «стремления к продолжению образования в области информационных технологий и созидательной деятельности с применением средств информационных технологий» (7–9, 10–11 классы). Что определяет профориентационную компоненту учебного предмета «Информатика».

В содержании учебного предмета предполагается изучение следующих тематик:

– История развития компьютеров и программного обеспечения. Поколения компьютеров. Современные тенденции развития компьютеров (7–9 классы).

– Основные тенденции развития компьютерных технологий (10 класс).

– Информационные технологии и профессиональная деятельность. Информационная культура (11 класс).

То есть в содержании отражен культурологический аспект, связанный с исторической и культурной памятью, значимостью отечественной науки в развитии информационно-коммуникационных технологий.

Если же проанализировать содержание основных учебников, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации к использованию в учебном процессе, то можно заключить, что:

– в учебнике Л. Л. Босовой и А. Ю. Босовой для 7 класса в § 2.1. «Основные компоненты компьютера и их функции» только один пункт 2.1.5. «История и тенденции развития компьютеров» на 4-х страницах содержит краткую историю вычислительной техники, где двух абзацах упоминаются первые отечественные ЭВМ без указания фамилий, связанных с их созданием [23, С. 56–59];

– в учебнике тех же авторов для 9 класса в § 4.1. «Локальные и глобальные компьютерные сети» в первом пункте «Передача информации» на двух страницах дана краткая обезличенная информация о развитии сетевых технологий без указания стран [24, С. 207–208];

– в учебнике И. Г. Семакина и др. для 9 класса истории развития вычислительной техники посвящен целый § 23 «История ЭВМ», в котором в одном абзаце упоминаются первые ЭВМ, разработанные под руководством академика С. А. Лебедева, и дано его изображение. А при повествовании о третьем поколении ЭВМ упоминаются серия ЕС ЭВМ [25, С. 166–173];

– в учебнике Н.Д. Угринович для 10–11 классов история развития вычислительной техники и персональных компьютеров уместилась на 2 страницы и представлена в табличной форме [26, С. 508–509];

– в учебнике этого же автора для 10–11 классов от 2017 года истории развития вычислительной технике посвящен уже целый параграф, в котором

упоминаются разработанные в СССР МЭСМ и БЭСМ-6, но без сведений о персоналиях [27, С. 5–11];

– и только в одном учебнике Босовых для 11 класса дана краткая хронология по истории появления и развития компьютерных сетей, где в одном месте упомянуты США [28, С. 205–206].

Проведенный анализ учебников показывает, что в них недостаточно полно отражена информация по истории развития информационно-коммуникационных технологий. А те сведения, которые в них присутствуют, не позволяют в полной мере реализовать функцию по формированию мировоззрения, адекватно отражающего вклад отечественной науки в научно-технологическое цивилизационное развитие. Они не позволяют целостно формировать ценностное отношение к исторической и культурной памяти, то есть участвовать в передаче культурного кода.

В целом, проведенное исследование подтверждает результаты первых двух этапов о том, что:

– основными информационными каналами для получения информации о научно-технологических достижениях и разработках современной молодежью являются сетевые цифровые ресурсы и социальные сети;

– в основном происходит бессистемное эпизодическое потребление информации о научно-технологических достижениях и разработках;

– планомерная и целенаправленная политика осуществления просветительской деятельности, популяризации научно-технологического знания в нашей стране не затрагивает массово школьное образование. В рамках преподавания школьной информатики не происходит формирования адекватного мировоззрения, отражающего отечественные вклад в научно-технологические достижения и разработки.

Как видно, причины последнего кроются, в том числе, в том, что содержание основных учебников по информатике не отражает необходимые для этого сведения. Для решения данной проблемы необходимо как пересматривать содержание этих учебников, так и проводить просветительскую работу с учителями информатики с тем, чтобы они как обладали необходимыми знаниями, так и осознано доносили ее до школьников в рамках преподавания своего предмета. При этом необходимо активно привлекать цифровые информационные каналы, которые являются приоритетными для современной молодежи. Только такая комплексная целенаправленная деятельность позволит решать задачи массового активного вовлечения в научно-просветительскую деятельность современной российской молодежи, формировать у них мировоззрение, адекватно отражающее роль отечественной науки в информационно-технологическом цивилизационном развитии, передавать новым поколениям историческую и культурную память.

Источники:

1. Баранец Н. Г., Веревкин А. Б. Образ кибернетики в памяти отечественной науки // История и педагогика естествознания. 2018. № 3. С. 52–56. DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10309.
2. Полушкин В. А. Содержательный потенциал популяризации науки в сфере борьбы с искажением исторической памяти // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 11. С. 20–25.
3. Прокудин Д. Е. Достижения отечественной науки и техники: к проблеме замалчивания // Университет. Образование. Общество (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета): Сб. статей, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 года. СПб.: ООО «Сборка», 2023. С. 152–157.
4. Вазеров И. Д., Королев А. А., Королева Л. А. Общество «Знание» и школы молодого лектора в вузах Пензенской области // Актуальные проблемы науки и практики в различных отраслях народного хозяйства: Сборник докладов V Национальной научно-практической конференции 30–31 марта 2022 г., Пенза. Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2022. С. 14–18.
5. Попп И. А. Развитие просветительской деятельности в Свердловской области на примере активизации деятельности лекторов Российского общества «Знание» // Университет, открытый регионам: интеграционные механизмы взаимодействия педагогического вуза и регионов: сборник научных статей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2022 года. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. С. 53–60.
6. Калюжная Т. А., Плешакова М. А. Информированность читателей о научных достижениях и спрос на научно-популярные журналы в публичной библиотеке // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 1(21). С. 49–61. DOI: 10.20913/2618-7515-2024-1-49-61.
7. Геворкян Е. Н., Вачкова С. Н., Шиян И. Б., Виноградова И. А., Агеева Н. С. Популяризация науки в университетах: модель центра публичной науки // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 2. С. 17–29. DOI 10.15826/umpra.2023.02.010.
8. Голубева О.В., Патаев М.В. Физика и популяризация науки в школе: факторы влияния на формирование личности // Проблемы естественных, математических и технических наук в контексте современного образования : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Липецк, 25–26 ноября 2021 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 107–111.
9. Коченкова Ю. Е. О популяризации науки в школе // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 26 июля 2024 года. Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс"», 2024. С. 85–88.

10. Реймер М. В., Морозова Т. А. Проблема популяризации науки среди школьников // Вопросы педагогики. 2021. № 1-1. С. 222–226.
11. Тимофеева В. Г. Опыт взаимодействия школы и вуза в популяризации научных знаний для учащихся // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. С. 104–107.
12. Витвинчук В. В., Патуля А. В. Инструменты и формы популяризации науки в современных интернет-СМИ // Медиаисследования. 2021. № 8. С. 18–25.
13. Нагаева А. Э., Ахметьянова Н. А. Социальная сеть Инстаграм как способ популяризации науки среди молодежи // Spirit Time. 2021. № 1-1(37). С. 3–4.
14. Самсонова А. С. Систематизация и оценка цифровых информационных ресурсов популяризации науки: описание конкретных инструментов, используемых в практике // Буква и цифра: библиотеки на пути к цифровизации: Сборник докладов Пятой научно-практической конференции «Библио-Питер-2024», Санкт-Петербург, 09–11 апреля 2024 года. – Москва: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 2024. С. 173–178. DOI: 10.33186/978-5-85638-275-3-173-178.
15. Прокудин Д. Е. Развитие информационной среды научно-просветительской деятельности в цифровую эпоху // Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 326–331.
16. Прокудин Д. Е. Информационные каналы популяризации научно-технической информации в среде поколения Z // Информация–Коммуникация–Общество. 2024. Т. 1. С. 363–370.
17. Прокудин Д. Е. Формирование электронного пространства публичной научной коммуникации // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки, Москва, 27–29 сентября 2024 года. М.: Русское общество истории и философии науки, 2024. С. 687–691.
18. Информатика. Примерная рабочая программа основного общего образования. Базовый уровень (для 5–6 классов образовательных организаций). Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол 2/22 от 29.04.2022 г. Москва, 2022.
19. Информатика. Примерная рабочая программа основного общего образования. Базовый уровень (для 7–9 классов образовательных организаций). Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол 3/21 от 27.09.2021 г. Москва, 2021.
20. Информатика. Примерная рабочая программа основного общего образования. Углубленный уровень (для 7–9 классов образовательных организаций). Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол 2/22 от 29.04.2022 г. Москва, 2022.
21. Информатика. Примерная рабочая программа основного общего образования. Базовый уровень (для 10–11 классов образовательных организа-

ций). Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол 7/22 от 29.09.2022 г. Москва, 2022.

22. Информатика. Примерная рабочая программа основного общего образования. Углубленный уровень (для 10–11 классов образовательных организаций). Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол 7/22 от 29.09.2022 г. Москва, 2022.

23. Босова Л. Л., Босова А. Ю. Информатика: 7-й класс: базовый уровень: учебник. 5-е изд., переработанное. М.: Просвещение, 2023.

24. Босова Л. Л., Босова А. Ю. Информатика: 9-й класс: базовый уровень: учебник. 5-е изд., переработанное. М.: Просвещение, 2023.

25. Семакин И. Г. Информатика: учебник для 9 класса / И. Г. Семакин, Л. А. Залогова, С. В. Русаков, Л. В. Шестакова. 3-е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.

26. Угринович Н. Д. Информатика и информационные технологии. Учебник для 10–11 классов. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.

27. Угринович Н. Д. Информатика. 11 класс. Базовый уровень. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017.

28. Босова Л. Л., Босова А. Ю. Информатика: 11 класс. базовый уровень. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017.

D. E. Prokudin (Saint Petersburg state university)

CULTURAL ASPECTS OF POPULARIZATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL KNOWLEDGE IN THE EDUCATIONAL SPACE

One of the most important functions of public scientific communication is the popularization of scientific knowledge. The relevance of popularization of scientific and technological knowledge is determined by the need to form a worldview that adequately reflects the trends in the development of the modern information society and the role of Russian science in it. One of the important aspects is the cultural aspect, which is responsible for transferring the cultural code, historical and cultural memory to new generations. This study clarifies the role of digital information channels in these processes. Their limitations are revealed. Based on the analysis of student survey data, sample work programs for basic general education and textbooks for secondary schools in computer science, conclusions are drawn about the need to popularize scientific and technical knowledge through the educational process, taking into account the use of digital information channels familiar to young people.

Scientific and technical knowledge, popularization, education, public scientific communication, cultural code

УДК 009

З. И. Рожкова (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», e-mail: zinaidarozhkova@gmail.com)

НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научная коммуникация в социо-гуманитарной сфере играет ключевую роль в развитии современного общества, способствуя распространению знаний и стимулированию общественного понимания социальных и культурных процессов. Исследование рассматривает определение и значимость научной коммуникации, ее роль в социо-гуманитарных науках, текущие вызовы, связанные с доступностью, восприятием информации и ролью технологий. Также рассмотрены перспективы улучшения научной коммуникации через обмен опытом и образовательные программы.

Научная коммуникация, популяризация науки, академическая наука

Научная коммуникация представляет собой процесс обмена научными знаниями и идеями между исследователями и широкой общественностью. Она включает в себя как академические публикации и конференции, так и популяризацию науки через СМИ и другие каналы. Социо-гуманитарные науки играют важную роль в анализе и интерпретации социальных, культурных и политических процессов. Они помогают обществу осмыслить свои корни, понять текущие вызовы и спланировать будущее развитие. В социо-гуманитарных науках научная коммуникация имеет особое значение, так как она помогает объяснять сложные социальные явления и способствует формированию общественного мнения.

Существует множество подходов к пониманию научной коммуникации: модель дефицита Н. Рассела [1], модель континуума М. Клоэтра и Т. Шин [2], модель диалога, модель участия, «модель двойной спирали» М. Букки [3]. Автор считает, что научная коммуникация – это процесс обмена знаниями, который можно условно классифицировать на четыре уровня: «коммуникация внутри науки; коммуникация «наука & общество»; научная журналистика; популяризация науки» [4].

Внутринаучная коммуникация ориентирована на обмен информацией между учеными и специалистами из различных областей. Проведение конференций, семинаров, научных проектов и публикации в академических журналах способствуют тому, чтобы специалисты были в курсе последних открытий и тенденций. Аспект «Наука & общество» требует особых усилий по

адаптации сложных тем для понимания людьми без специального образования, что включает взаимодействие с ведомственными организациями и привлечение волонтеров к научным исследованиям. Научная журналистика является отдельной нишей, требующей глубоких знаний как в области науки, так и в коммуникации. Она акцентирует внимание на достоверности информации и ее привлекательности для широкой аудитории. Популяризация науки осуществляется через лекции, выставки, блоги и видеоконтент, что помогает привлечь внимание к важным проблемам, расширяет кругозор и формирует осознанное отношение к научным достижениям. Значение популяризации науки заключается не только в увеличении знаний или улучшении имиджа науки, но и в формировании критического мышления у широкой публики. Правильно поданная информация может изменить отношение людей к социально значимым вопросам. В настоящее время наблюдается активная волна популяризации науки благодаря успешной реализации государственных федеральных проектов, таких как Десятилетие науки и технологий, Национальный проект «Наука и университеты» и платформа «Россия – страна возможностей».

Существует ряд вызовов и определенных рисков, стоящих перед научной коммуникацией. Поговорим прежде всего о том, с чем мы боремся, то есть о проблемах внешнего уровня научной коммуникации. Здесь как социогуманитарии мы сталкиваемся с достаточно серьезными вызовами при попытках интеграции в общественную жизнь: «fake news» и подмена понятий, результатом которого может стать подмена детального изучения предмета скоропалительными выводами, опирающимися на первичные эмоции или предубеждения; редукционизм идей ведущий к их поверхностному потреблению, в результате которого общество теряет возможность для глубокого анализа текущих процессов и различных явлений; не высокий уровень текущего научного дискурса в СМИ; коммерциализация научного знания, которая выражается в стремлении сделать его товаром, легко усваиваемым широкой аудиторией, которая снижает стремление к истине через критические размышления и систематический анализ. Так, например, философские идеи подвергаются упрощению до уровня популярных цитат или «жизненных хаков», что отклоняет путь от осмысления к транзакции: покупке книги, посещении тренинга, подписке на видеокурс. Тем самым подрывается сама основа философского знания – стремление к истине через критические размышления и систематический анализ.

Что касается проблем внутреннего уровня научной коммуникации, то здесь можно отметить следующие тенденции. Во-первых, одним из основных вызовов научной коммуникации остается проблема доступности и восприятия информации. Многие научные работы продолжают оставаться недоступными для широкой аудитории из-за сложного языка или ограниченного доступа к академическим ресурсам. Это создает барьеры для понимания и использования научных данных в повседневной жизни. Во-вторых, научная

коммуникация сталкивается с вызовами междисциплинарного взаимодействия. Социо-гуманитарные науки часто пересекаются, что требует от ученых способности эффективно коммуницировать с представителями других областей знаний, однако на практике это не всегда легко из-за различий в методологиях и терминологии. В-третьих, проблема кадрового потенциала (научных коммуникаторов / популяризаторов науки / научных журналистов). В России к началу 2024 года существовало лишь пять научно-образовательных курсов в высших учебных заведениях о научной коммуникации (ИТМО, МГУ, ГАУГН).

Так, одним из ключевых условий развития современного интеллектуального сообщества является формирование навыков научной коммуникации у будущих специалистов. В частности, преподавание авторского курса «Основы научной коммуникации» сотрудниками Института философии РАН, ИМЭМО и МГУ им. М. В. Ломоносова для магистрантов Философского факультета открывает новые горизонты и позволяет интегрировать фундаментальные знания в практические исследовательские процессы. Курс направлен на освоение методов эффективного распространения и обмена знаниями в профессиональном сообществе. Его основная цель – не только предоставить информацию, но и научить магистрантов анализировать, критически оценивать и создавать научный контент. Программа курса включает изучение теоретических основ научной коммуникации, правил подготовки и публикации научно-популярных материалов, работы с научными базами данных, основ рецензирования и этики академического общения. Также важно освоение навыков работы с аудиторией: устное представление своих идей, публичные выступления и активное участие в дискуссиях.

В ходе лекции-дискуссии «Научная коммуникация: четыре уровня взаимодействия», которая состоялась в рамках IX Всероссийского молодежного форума наука будущего – наука молодых в 2024 году в г. Самаре был проведен опрос при помощи Google Формы среди молодых ученых, кандидатов наук. Опрос состоял из семи закрытых и открытых вопросов. Целью опроса стало выявление ориентиров аудитории относительно научной коммуникации: форм, проблем, поддержки.

Наиболее важным для данного исследования являются вопросы относительно знакомства в целом с концепцией научной коммуникации, а также о поддержке в организации участников. На основе проведенного опроса можно сделать следующие выводы:

Во-первых, респонденты продемонстрировали разнообразие в уровне знакомства с концепцией научной коммуникации. Лишь 13,6% участников заявили, что они очень хорошо знакомы и активно участвуют в научной коммуникации. Значительная часть (31,8%) имеет базовое понимание, в то время как 40,1% слышали о научной коммуникации, но не углублялись в эту тему. Это свидетельствует о необходимости повышения осведомленности о данной концепции и ее значимости.

Во-вторых, что касается необходимых элементов для улучшения научной коммуникации. В ответах на вопрос о поддержке в организации научной коммуникации участники выделили несколько ключевых направлений:

– Наиболее востребованными являются обучающие программы по научной коммуникации (36,4%), что указывает на потребность в образовательных инициативах.

– Поддержка со стороны медиа и журналистов также была отмечена как важная (27,3%).

– Стратегии по популяризации науки среди молодежи (22,7%) и платформы для взаимодействия с общественностью (13,6%) также требуют внимания.

В-третьих, мнения респондентов о поддержке со стороны организаций в вопросах научной коммуникации разделились: 27,2% оценили поддержку как высокую или очень высокую, 40,9% – как среднюю, и 32,2% – как низкую или очень низкую. Это говорит о том, что многие участники чувствуют недостаток поддержки в данной области и подчеркивает необходимость улучшения организационных инициатив.

В целом, результаты опроса указывают на необходимость активизации работы по повышению уровня знаний о научной коммуникации, разработке обучающих программ и созданию более эффективных платформ для взаимодействия с общественностью. Эти меры могут способствовать улучшению научной коммуникации и ее восприятия в обществе.

В заключение стоит отметить, что научная коммуникация в социогуманитарной сфере является важным инструментом для распространения знаний и укрепления связи между наукой и обществом. Решение текущих вызовов требует активного использования технологий, соблюдения норм и развития образовательных инициатив. Одной из задач академической среды становится поиск путей контроля коммерциализации знаний, а также разработки методик, способствующих глубокому и осознанному усвоению научных концепций и подготовке специалистов-научных коммуникаторов.

Источники:

1. Russell N. Science for the Public: What Science Do People Need and How Might They Get It? // *Communicating Science. Professional, Popular, Literary* / N. Russell (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010 P. 67–132.

2. Cloître M., Shinn T. Expository practice // *Expository science: Forms and functions of popularisation*. D. Springer. 1985. С. 31–60.

3. Пособие по общественным связям в науке и технологиях / Под ред. М. Букки и Б. Тренча; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Z. I. Rozhkova (*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «State Academic University for the Humanities»*)

**SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE SOCIO-HUMANITARIAN
SPHERE: CHALLENGES AND PERSPECTIVES**

Scientific communication in the socio-humanitarian field plays a key role in the development of modern society, contributing to the dissemination of knowledge and stimulating public understanding of social and cultural processes. The study examines the definition and importance of scientific communication, its role in socio-humanitarian sciences, current challenges related to accessibility, perception of information and the role of technology. The prospects for improving scientific communication through the exchange of experience and educational programs also considered.

Scientific communication, popularization of science, academic science

УДК 323.12

Е. А. Руденко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sincerocrane83@gmail.com)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УКРАИНСКОЙ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются украинские политические акторы, проводящие антироссийскую политику и ведущие деятельность, направленную на ухудшение отношений между Украиной и Россией с начала нового тысячелетия. Рассматриваются процесс создания проекта «анти-России», заключающийся в событиях «оранжевой революции», Евромайдана, АТО; легитимация и легализация Киевском неонационалистических формирований, а также продвижение украинскими политиками антироссийских нарративов.

«Анти-Россия», АТО, «оранжевая революция», национализм, антироссийская информационная кампания

В начале 2000-х годов обретшие независимость Украина и Россия стремились укрепить свои отношения на фоне экономических трудностей 1990-х годов. В то же время украинские националисты набирали силу и поддерживали формирование террористических центров на Северном Кавказе, чему потворствовала политика украинского правительства, направленная на поощрение тех, кто провоцирует беспорядки, действовать за рубежом.

Наряду с первым президентом Украины Л. Кравчуком, заметное влияние на распространение национализма в стране оказали президенты Л. Д. Кучма и В. А. Ющенко.

Во время президентства Л. Кучмы (1994–2004 гг.) был принят закон о языках, реализация которого сопровождалась ограничением прав на использование русского языка, являвшегося основным для значительной части населения Украины. В этот период были созданы националистические организации, деятельность которых, в том числе антисемитская и русофобская, нередко получала поддержку со стороны властей. Так, в 1999 году была основана организация «Тризуб имени Степана Бандеры» под руководством Дмитрия Яроша. Согласно идеологии «Тризуба», украинское национальное государство должно быть исключительно моноэтничным и монокультурным, исключая возможность сосуществования украинско-русской бикультурности. Активисты организации утверждали, что русскоязычное население Украины обязано либо пройти «украинизацию», отказавшись от родного языка и «имперского» наследия, либо покинуть страну. [1, С. 460]

Также начинаются переговоры о создании единого экономического пространства между Россией и Украиной, в которых последняя проявляет себя

позитивно. Однако же действующей власти в лице Леонида Кучмы становится все сложнее обосновывать перспективы подобной интеграции, ввиду вышедшей в ту пору книги «Украина – не Россия», где последний в очередной раз обрисовывает разграничительные линии между странами в историко-культурном контексте, местами вдаваясь в весьма сомнительные рассуждения этнопсихологического характера в попытке все четче обозначить различия между двумя народами.

Фактически информационная дискредитация России началась несколько ранее событий 2014 и 2022 годов, однако ввиду специфики технологизации и информатизации общества, заметный эффект возымела как раз в разгар гражданской войны между украинским правительством и регионами ЛНР и ДНР. До тех пор, выпады в сторону России, в основном, звучали в ключе вмешательства во внутренние дела Украины, как, например, в период «оранжевой революции».

Вспомним, что скандал 2004 года разгорелся вокруг победы на президентских выборах Виктора Януковича на основании, якобы, сфабрикованных 750 тыс. голосов. Члены оппозиции, представлявшие интересы Ющенко, были удивлены явкой избирателей на участки в Луганской области на уровне 89,5 процента, но в порядке вещей воспринимается ими 86,63 процента в Тернопольской и 83,83 процента в Волынской областях. Массу удивления у некоторых вызывает резкое увеличение как процента, так и абсолютного числа принявших участие в повторном голосовании. Но ведь, с подачи все той же оппозиции, территориальные избирательные комиссии устраняли недочеты в списках избирателей, для чего была проведена колоссальная работа по сверке списков с собственно наличествующими в округе избирателями. Российские СМИ в это же время подвергались массовой критике либо за «некорректное» освещение событий 2004–2005 гг., либо за их «неверное» истолкование, но без какой-либо внятной аргументации.

Новый этап развития украинского национализма берет начало с 2010 года, когда В. Ф. Янукович (2010–2014 гг.) стал президентом. В период его руководства партия «Свобода» впервые попала в Верховную Раду Украины, получив 10,44% голосов на парламентских выборах 2012 года. Таким образом, региональная ультраправая партия из Галичины сумела выйти на общукраинский уровень. Успех националистов на выборах не обошелся без поддержки центральной власти. Янукович рассчитывал создать подконтрольную националистическую структуру, чтобы ослабить позиции своих политических конкурентов – А. Яценюка и В. Кличко. План, в котором лидер «Свободы» О. Тягнибок рассматривался как удобный оппонент Януковича во втором туре президентских выборов 2015 года, казался политтехнологам идеальным. Передавая контроль над Западной Украиной «Свободе», Янукович стремился обеспечить себе главную цель – сохранить власть после 2015 года. [2, С. 5]

Ультраправые партии стали активными участниками Евромайдана (ноябрь 2013 г. – февраль 2014 г.) и свержения В. Януковича в феврале 2014 г.

В событиях на Майдане участвовала «Свобода» и более радикальные группы – мелкие ультранационалистические партии и организации, активисты которых объединились в конце 2013 – начале 2014 гг. в организацию «Правый сектор». В него вошли УНА-УНСО, «Тризуб имени С. Бандеры», «Социал-национальная ассамблея – Патриот Украины», «Самооборона Майдана» и др. Возглавил «Правый сектор» Д. Ярош.

После свержения Януковича «Правый сектор» поддержал антироссийских активистов на Донбассе, сформировав добровольческие батальоны для подавления сопротивления в ДНР и ЛНР. Были созданы батальоны «Азов», «Донбасс», «Айдар», «Шахтерск» и «Днепр», а также Добровольческий корпус Украины и батальон УНСО.

Следует обратить пристальное внимание на пронационалистические формирования, принимавшие активное участие в государственном перевороте на Украине, а точнее – на их дальнейшую легитимацию и легализацию на законодательном уровне. В период начала АТО, активно участвовавшие в Евромайдане добровольческие отряды, некогда находившиеся на слуху («Айдар», «Донбасс» и др.), были интегрированы в военные структуры. Однако на их общем фоне выделяется «Азов», трансформировавшийся в специальный батальон национальной гвардии. Батальон Андрея Билецкого, насчитывавший на момент штурма Мариуполя всего 150 бойцов, стремительно рос на глазах, и уже 17 сентября 2014 года стал полком, имевшим в своих рядах около 800 бойцов [3]. Это может свидетельствовать о попытках скрыть существование неонацистских группировок на территории Украины, одновременно указывая на фактор лояльности Киева в их отношении.

В 2015 году проект «анти-России» начинает приобретать видимые очертания. Из новостей, освещавших события Евромайдана, стало понятно, что новоиспеченное правительство Украины уже откровенно раскрывает свои планы по построению национальной идентичности на всем, «что не российское», а вектор внешней политики окончательно повернулся на Запад. В риторике Киевского режима начинает преобладать четкое разделение на «правых» и «виноватых», «коллораборационистов» и «патриотов»; референдум жителей Крыма о вхождении в состав РФ был назван аннексией, а жители регионов Донецка и Луганска, несогласные с политикой Киева – террористами. Подобный нарратив также активно продвигался и в Западных издательских агентствах, причем косовский сценарий (в некотором смысле близкий украинскому, но проведенный в одностороннем порядке с множественными нарушениями международного права без даже формальных референдумов) во внимание не берется, но признается половиной государств-членов ООН.

Говоря об информационном противостоянии, нельзя не упомянуть современные медиаплатформы, и здесь неспроста напрашивается небольшая ремарка, заключающаяся в ловком оперировании термином «пропаганда», применяемым исключительно в отношении российских СМИ. Данная точка зрения уже стала обыденностью для Западного читателя, и активно насажда-

ется отечественному. В качестве примера можно привести аккаунт канала Russia Today в Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) с пометкой «подконтрольное России СМИ», поскольку публикуемые материалы, якобы, обязательно подлежат редакции российским правительством. В то же время представители Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) заявили, что официальные СМИ, которые открыто финансируются государством, помечаться таким образом не будут. Однако, что подразумевает данное разграничение (которое, на самом деле, таковым не выглядит) они не уточнили.

В 2015 году третий закон Украины признал Украинскую повстанческую армию и аналогичные группировки «борцами за независимость». В 2018 году Украина приравняла боевиков ОУН-УПА (запрещенные в РФ) к ветеранам Великой Отечественной войны. С 2019 года Украина включает имена пособников нацистов, националистов и участников карательных операций в свой ежегодный календарь памятных дат и юбилеев. Также Украина с 2014 года вместе с США голосуют против резолюции ООН о борьбе с нацизмом, расизмом и нетерпимостью, выступая против участия России в подготовке резолюции.

Была начата кампания по устранению русских и советских упоминаний, в результате которой к 2022 году было переименовано более 7600 топонимов. Демонтированы памятники деятелям культуры и советским воинам-освободителям. Рекомендации по переименованию включают улицы, названные в честь Пушкина, Горького и других, которые были заменены на такие названия, как соратники Мазепы и Петлюры. Улицы в Киеве также были переименованы, например, улица Толстого – на улицу Героев Украины, а улица Тупикова – на улицу Андрея Мельника, лидера ОУН. С 2015 года в стране было переименовано более 900 населенных пунктов, 50 000 улиц и объектов. Демонтировано более 2000 памятников, связанных с Россией. В результате десоветизации правовых актов были устранены ссылки на СССР и РСФСР, заменив «Украинскую ССР» на «Украину». Уроки русского языка и советской литературы были исключены из школьных программ Украины. История страны в 20-м и 21-м веках была пересмотрена, чтобы представить СССР как «государство имперского типа». Тем временем набрала обороты петиция о переименовании России в «Московию».

В апреле 2022 года в парламент Украины был внесен законопроект, запрещающий присвоение географическим объектам названий, связанных с Россией. Рада приняла документ 21 марта 2023 года. Запрет распространяется на имена, которые превозносят, увековечивают или символизируют Россию, ее достопримечательности или деятелей, осуществивших агрессию против Украины.

Проблема поиска Украиной ответов на вопросы о собственной государственной и национальной идентичности изначально сопровождался дистанцированием от России. В дальнейшем эта риторика приобрела более агрессивный характер, подразумевающий отрицание исторических связей между

двумя народами, а процесс заложения фундамента новой украинской идентичности на фальсификации истории, антироссийских нарративах и слепом следовании в кильватере внешней политики США и ЕС привел Украину к крайне печальным событиям.

Источники:

1. Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: История и современность // Постсоветские исследования. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-formirovaniya-antirossiyskoj-politiki-na-ukraine-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 06.01.2025).

2. Рябинин Е. В. Динамика развития неонацизма на Украине // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-neonatsizma-na-ukraine> (дата обращения: 06.01.2025).

3. Террористическая организация «Украинское военизированное националистическое объединение "Азов"» внесена в «Единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с законодательством террористическими» // Национальный антитеррористический комитет. 2022 URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy/terroristicheskaya-organizaciya-ukrainskoe-voenizirovannoe.html> (дата обращения: 6.01.2025).

Y. A. Rudenko (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ON SOME ASPECTS OF THE UKRAINIAN ANTI-RUSSIAN POLICY

The article examines the Ukrainian political factors pursuing an anti-Russian policy and leading activities aimed at worsening relations between Ukraine and Russia since the beginning of the new millennium. The article examines the process of creating an “anti-Russia” project, which consists of the events of the Orange Revolution, Euromaidan, and the ATO; Kiev's legitimization and legalization of neo-nationalist formations, as well as the promotion of anti-Russian narratives by Ukrainian politicians.

“Anti-Russia”, anti-terrorist operation, “orange revolution”, nationalism, anti-Russian information campaign

УДК 94(47)+ 355.01

В. В. Семенов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: syrovodka@gmail.com)

ГЕНЕРАЛ Л. Г. КОРНИЛОВ КАК РЕ-РЕВОЛЮЦИОНЕР В РАМКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ Е. Э. МЕССНЕРА

В статье впервые рассматривается проблема допустимости определения одного из вождей Белого движения генерала Л. Г. Корнилова в качестве революционного реакционера или иначе ре-революционера, с опорой на творческое наследие русского военного мыслителя Е. Э. Месснера.

Месснер, Е. Э. Месснер, Корнилов, Л. Г. Корнилов, Белое движение, мятежевойна, ре-революция

В последние годы имя и наследие оригинального военного мыслителя минувшего столетия Е. Э. Месснера – офицера, белоэмигранта, писателя-публициста, профессора военных наук – обоснованно приобретают в России вящее признание. Полвека умственного созидания, отложившиеся в ряду многочисленных публикаций, обусловили этому заметному интеллектуалу превосходное реноме в образованной среде русского зарубежья. Прежде практически незнакомый российскому читателю, на наших глазах Месснер становится все более известен и цитируем главным образом на волне содержательного осмысления его первостепенного теоретического построения – концепции мятежевойны [1, Р. 69–70]. Феномен мятежевойны, утрированно понимаемой в качестве современной формы гибридных вооруженных конфликтов с ведущей ролью народных движений и психологических факторов, с течением времени не растрчивает своей актуальности, подвигая наблюдателей и исследователей рассматривать текущие мировые процессы через данную призму [2, С. 118].

Одним из примечательных понятий, введенных в оборот Е. Э. Месснером, явилось определение революционной реакции или ре-революции, как общественного процесса, представляющего собой реакцию на социальную революцию, направленную, однако, не на реставрацию прежнего, отжившего строя, а лишь на борьбу с крайними проявлениями предшествовавшего революционного периода. Революционная реакция, согласно Месснеру, «возвращает жизнь... на путь здравого смысла, утерянный в революционном порыве», она – «составная часть каждой революции, перешагнувшей через логику жизни», «продолжение революции, но лишь на иной

идейной базе» [3, С. 160–161]. В данном контексте ре-революционный процесс в отдельной стране может рассматриваться как разновидность второй стадии революции в рамках социологического учения П. А. Сорокина, который полагал, что политическая реакция «не есть явление, выходящее за пределы революции, а неизбежная часть самого революционного периода – его вторая половина», за которой следует возвращение в русло органического, эволюционного развития [4, С. 30].

Отметим, что контекст оказывается очень значим при обращении к творческому наследию Е. Э. Месснера: ему как писателю было присуще кипучее словотворчество, а одним и тем же термином в разных его публикациях могут конкретизироваться довольно разноречивые понятия. В частности, представляется, что лишь сознательно отстранившись от планетарной идеи «Всемирной ре-революции», активно развивавшейся в работах ученого, удастся полноценно акцентировать внимание на более узком аспекте отличительных примет ре-революционности. Равно как и П. А. Сорокин, Месснер допускал, что политическая реакция, направленная на восстановление расторможенных революцией сдерживающих рефлексов, может стать делом как условно «белых», так и условно «красных». По убеждению Месснера, именно «прозревшие, духом переродившиеся революционеры могут стать ценными ре-революционерами» [3, С. 172]. Думается, что среди таковых можно было бы назвать одного из зачинателей Белого дела в России генерала Л. Г. Корнилова.

Этот признанный современниками герой Первой мировой войны искренне и прочувствованно принял свершившуюся в стране революцию [5, С. 167], и был сполен за то вознагражден: после смены строя генералу потребовалось всего двадцать недель чтобы пройти путь от корпусного командира до Верховного Главнокомандующего. Именно революция подняла Корнилова на вершину, заведомо недостижимую для него и ему подобных в безмятежные времена: как бы продолжая ассоциативный ряд от него, «беспокойного» продолжателя, к предтечам, Месснер констатировал, что «без революции Бонапарт и Карно, вероятно, закончили бы полковниками» [3, С. 444]. Действительно, генерал Корнилов был исполнен той самой революционности духа, что отличала и Наполеона. Также, сродни Бонапарту, он – в известной мере баловень революции – со временем стал на пути дальнейшего ее углубления и нарастания революционных изменений в обществе. Это не соответствующее естественным ожиданиям явление не единожды повторялось в истории. Так подлинный революционер по духу и «красный», по распространенному мнению, генерал Корнилов стал во главе контрреволюционного Белого движения, вопреки обыденному порядку вещей, но сообразно падкому на крайности чрезвычайному времени.

Профессор Месснер полагал ре-революционеров «людьми идеалистического сознания, ответственности, долга; людьми, живущими по правде», то есть, по справедливости. Стержневые, опорные черты ре-революционного

кредо, выделявшиеся Месснером: упомянутый идеализм, религиозное чувство, самоограничение, апелляция к ценностям свободы и индивидуализма – все было созвучно внутреннему символу веры генерала Корнилова. Его последовательная ригористичность в категории национального ретроспективно может видаться едва ли не донкихотством, в особенности принимая в расчет, насколько стремительно это переставало быть предметом особого внимания в революционное время. Пожалуй, можно согласиться с современником генерала, не уличенным в особенной к нему приязни, что Корнилов, каким противоречивым бы он ни был, прежде всего «любил Россию и жертвовал для нее всем, включая свою жизнь» [6, С. 82], даже в то время, когда подобный порыв, казалось, в предельной степени утратил ценность и уважение у широких масс. Это тяготение самодовлеющего и обостренного патриотизма, а также общий склад личности Корнилова – человека, живущего войной, с проистекающей от данного свойства известной узостью кругозора и влечений, предопределяло в нем то, что позволительно именовать бытовым самоограничением, способным доходить и до самоотречения. Также и прочие из названных идей, очевидно, были ему не чужды, по крайней мере в прочтении Месснера. Наконец, если говорить о религиозности, отмечаемой Месснером в силу того, что ре-революция может являться «борьбой богопочитателей против богоборцев», то это чувство, исповедовавшееся Корниловым, представляется исследователям вполне искренним [7, С. 32]: и нет никаких сомнений в том, что генерал, случись его финальному жребию быть более успешным, сопроводил бы, подобно Наполеону, укоренение в хаотизировавшемся обществе морально-правовых сдержек религиозными скрепами.

Характеризуя идейную базу революционной реакции, профессор Месснер особо подчеркивал, что ре-революция должна ставить целью «среди руин дореволюционного здания и мишуры революционных декораций найти место и материал для сооружения того, что соответствует вечному стилю данного народа и отвечает его разумным потребностям» [3, С. 161]. Равным образом, идеологическая программа Корнилова никогда не имела монархически реставрационного содержания, а в своем последнем изводе и вовсе, по замечанию московского исследователя В. Ж. Цветкова, главным образом воспроизводила декларации Временного правительства [7, С. 77]. Ее неизменный принцип – непредрешение будущего политического устройства России – ясно демонстрировал, развивая оправданную догадку историка С. П. Мельгунова, что в то время «контрреволюция в смысле реставрации не имела под собой почвы» ни в стране, ни в душе самого Корнилова [8, С. 23]. Однако, обращает на себя внимание, что сам Месснер отказал историческому Белому движению, частью которого он являлся, в ре-революционности, утверждая, что его лозунги оказались всего лишь пассивно-консервативны. Причину этой пассивности он видел в том, что Белое дело в России овеществилось в момент, «когда маятник революции еще не мог начать обратного движения». Оттого белые вожди, с его точки зрения, готовы были

лишь призвать «умирать за честь России», тогда как «ре-революция борется не за право на смерть, но за право на жизнь» [3, С. 160].

Похожую оценку Белому движению дал в своих записках его участник князь Н. П. Ухтомский, считавший, что оно «не имело революционности, чтобы идти вперед, и видел, что идти назад безнадежно»; именно этот «недостаток жизненности его вдохновителей и руководителей» явился, в понимании Ухтомского, причиной морального крушения белых [9, С. 322]. Примечательно, что, по тому же суждению, революционная психология все же была неотъемлемо присуща первому вождю Добровольческой армии генералу Л. Г. Корнилову, но с его безвременной кончиной в руководящих кругах белого лагеря оказался утрачен и соответствующий психический склад. В данной связи важно отметить, что Месснер не имел личного знакомства с Корниловым и не служил под его непосредственным началом, несколько запоздало присоединившись к Добровольческой армии и обретя формальное право именоваться корниловцем лишь в сентябре 1920 г., спустя два с половиной года после гибели генерала [10, С. 18]. Оттого, отличая, пусть и несколько опосредованно, своеобычие «корниловского духа», он едва ли вкладывал в понимание этой особой сущности тот же подтекст, что обнаруживали некоторые участники движения, которые порой даже выделяли внутреннее, моральное состояние и образ мыслей ранних корниловцев из общего духа Белой борьбы. По убеждению Месснера, дух корниловцев, идущий от их вождя и шефа, был преемственен от суворовского [11, С. 11–12; 12, С. 18]; Суворов же сходит со страниц трудов этого военного теоретика предвестником эры мятежевойны и несомненным носителем ре-революционного сознания.

Учитывая ограниченные рамки публикуемого материала, приходится вынужденно оставить за скобками сказанного некоторые значимые аспекты затронутой проблемы. Тем не менее, подытоживая рассуждения, резонно будет заключить: несмотря на то, что Е. Э. Месснер напрямую не именует Л. Г. Корнилова ре-революционером, внутренние свойства, заложенные им в данное понятие, дают основания причислять этого заметного военного деятеля к ре-революционному кругу. Определение Корнилова как революционного реакционера, нарушающее шаблонную дихотомию революции и контрреволюции, способно, оттенив качества, составлявшие коренную часть его индивидуальности, заметно освежить взгляд на сопряженные с его фигурой драматические процессы русской истории.

Источники:

1. Fridman O. The Russian perspective on information warfare: conceptual roots and politicisation in Russian academic, political, and public discourse // *Defence Strategic Communications*. 2017. № 2. P. 61–86.
2. Александров М. В. Сетецентрические войны будущего и подготовка государства к их отражению. Взгляды русского военного теоретика Е. Э. Месснера // *Обозреватель-Observer*. 2016. № 11. С. 109–118.

3. Месснер Е. Э. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М.: Военный ун-т: Русский путь, 2005.
4. Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.
5. Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб.: Владимир Даль, 2021.
6. Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. СПб.: Интерполиграфцентр СПбФК, 1992.
7. Цветков В. Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Корнилов и корниловцы: сб. / сост. и научн. ред. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2025. С. 11–96.
8. Мельгунов С. П. Российская контрреволюция. Методы и выводы ген. Головина. Доклад в Академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж: Дом книги, 1938.
9. Ухтомский Н. П. История корниловцев Ударного полка // Корнилов и корниловцы: сб. / сост. и научн. ред. В. Ж. Цветков. М.: Посев, 2025. С. 306–405.
9. Евгений Эдуардович Месснер: судьба русского офицера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
10. Материалы для истории Корниловского ударного полка // сост. М. Н. Левитов. Париж: Societe d'imprimerie periodiques et d'edition, 1974.
11. Месснер Е. Э. Наш Шеф и наш Командир // Корниловцы. Юбилейная памятка. 1917 – 10 июня – 1967. Париж: Изд. Объединения чинов Корниловского ударного полка, 1967. С. 13–21.

V. V. Semenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

GENERAL L. G. KORNILOV AS A RE-REVOLUTIONARY WITHIN THE THEORETICAL CONSTRUCTIONS OF E. E. MESSNER

The article is first to consider the problem of the admissibility of defining one of the leaders of the White movement, General L. G. Kornilov, as a revolutionary reactionary or re-revolutionary, based on the creative heritage of the Russian military thinker E. E. Messner.

Messner, Kornilov, White movement, Subversion-war, myatezhevoyna, re-revolution

УДК 316.4

Ю. Л. Сироткин (Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России, syurij75@gmail.com)

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Социальная трансформация раскрывается в парадигме человекомерности. Констатируется необходимость качественного преобразования человека с целью адаптации с новой реальности. Обосновывается тезис о человеческом измерении как приоритетном критерии результатов социальной трансформации.

Человек, социальная трансформация, антропологическое измерение, модернизация.

Понятие трансформации универсально, метанаучно и многомерно. В нашем изложении оно употребляется в значении преобразований и изменений применительно к общественным процессам. Социальный контент трансформации поливариантен. Одним из исследовательских векторов трансформационных изменений является антропологическая мера ее результатов.

Социальная структура российского общества первой четверти XXI века пережила и продолжает переживать динамичные изменения. В частности, продолжается формирование различных по качественным характеристикам отношений между субъектами деятельности. Это путь к иной социальной реальности, характеризующейся глубокой перестройкой постмодернизационной структуры общества и изменяющей критерии оценки его эффективности. В числе принципиальных критериальных показателей нами видится антропологическое измерение результатов социальной трансформации. Достижение очевидных для оценок результатов трансформации не представляется возможным вне учета места и роли человека как субъекта трансформирующегося общества, обретающего вектор движения по пути неосоциального развития с присущими ему характеристиками. Важнейшей характеристикой посттрансформационного общества представляется безусловная ценность человека, увеличивающая потенциал его целенаправленных усилий и стимулирующая их продуктивность. Постмодернизационные концепции социальной трансформации предполагают усиление человеческого ресурса, мобилизацию и непрерывное накопления человеческого капитала при рациональном его использовании. Целью концепций является усиление человеческого фактора во всех сферах общественной жизни. Органичности трансформации российского общества будут способствовать: объединение потенциала позд-

неиндустриальной модернизации и анклавной постиндустриализации (В. А. Красильников); консолидация общественных сил вокруг идеи развития, солидарности и взаимозависимости социальных слоев и групп (Н. Н. Зарубина, Е. А. Лукашева и др.); максимальное использование ресурсов стратегии консенсализма (П. М. Козырев, Ю. Н. Козырев) и т. д. Человеческий фактор динамики социальной трансформации предполагает задействованность продуктивных ресурсов ИИ, что не представляется возможным вне учета актуальной необходимости активизации человека в процессах социальной трансформации российского общества. Для изучения процедур интенсивного включения человека в трансформационные процессы имеется достаточная исходная база. Например, с необходимой глубиной осуществлен анализ человеческой личности и ее типов в парадигме участия в модернизационных проектах XX века (Т. И. Заславская, И. С. Кон, Б. К. Лебедев, Б. Д. Парыгин, Х. Ф. Сабиров и др) и ее классической модели, интерпретируемой с позиций российской традиции (С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, П. Сорокин и др.). Как частный случай, представлена проблема учета национального менталитета народов России в региональных моделях трансформации (К. Касьянова, Э. Афанасьев, А. Ионова и др). Таким образом, вырисовываются контуры исходной модели антропологического измерения социальной трансформации российского общества, конструируемой на основе определения в ней места и роли человека.

Развитие личности и становление ее типов, с одной стороны осуществляется процессом трансформационных изменений и степенью ее вовлеченности в перестройку социальных отношений, ими вызванных, с другой – необходимостью изменения совокупности качеств и характеристик, обеспечивающих действия адаптационного механизма, позволяющего приспособиться к новой реальности, обусловленной процессуальными особенностями и результатами трансформационных усилий. Эффективность социальной трансформации определяется отсутствием деформационных изменений и динамикой качественной определенности человека. Последнее предполагает опережающий характер перестройки индивидуальной структуры и насыщение ее содержанием, соответствующим требованиям актуального момента. В целом вектор трансформации имеет универсальный характер и связан, как минимум, с двумя признаками. Во-первых, с углублением специализации людей, что предполагает смену образовательной парадигмы. Во-вторых, с заменой иерархической подчиненности и вертикальной зависимости на отношения равноправного партнерства, построенного на базе взаимной заинтересованности в достижении целей сотрудничества. В отношении трансформации культуры обратим внимание на дифференциацию ценностных систем, обусловленную постмодернистской реальностью, а так же многообразие направлений в науке и художественном творчестве. Представляется, что широкое использование нейросетей будет способствовать культурному разнообразию творческого продукта (при всей критичности отношений) и приобщению к

нему недостаточно широких слоев населения. Индивидуализация процедур усвоения научных и культуротворческих продуктов будет способствовать оформлению «богатой индивидуальности», что явится вызовом традиционным ценностям, базирующимся на коллективных установках, независимо от того являются ли они результатом «коллективного бессознательного» или многовековой конструкции целенаправленного формирования. При этом необходимо помнить, что, несмотря на кризис гуманизма с его непреходящей ценностью – человеком, антропологическая проблематика остается на приоритетных позициях в исследовательском пространстве гуманитарных знаний, целью которых является постижение феномена человеческой личности. Вне утверждения многоаспектности проблемы человека, разнообразию подходов к ее решению и практическому использованию полученных результатов не представляется возможной коррекция процесса социальной трансформации с учетом интересов и потребностей человека в утверждении собственной самоценности и самодостаточности как субъекта трансформационных усилий. Не представляется возможной и осуществимой коррекция содержательных и процессуальных компонентов трансформации, ущемляющие права человека на свободное волеизлияние и право выбора.

Праксиологическое значение результатов анализа человека для процесса социальной трансформации заключается в попытке придать согласованность ее процесса с процессом эволюции человека, отражающим общественные ожидания в обоснованной модели личности. В общей схеме развития такая модель наделяется знаками – символами социума, обозначающими доминирующие тенденции его трансформации и выражающимися в том качественном своеобразии, которое обеспечивает адекватное восприятие основных трендов, образующих основные конструкции социальной модернизации, задающих ее вектор и обеспечивающих желаемый темп преобразований. В соответствии с контурно намеченным подходом целью анализа эволюции человека и типов его личности является попытка интегрировать человека в трансформационные процессы в качестве их субъекта и задать критериальный вектор оценки результатов социальной трансформации. Практический результат теоретических изысканий позволит человеку оптимизировать процесс включения в преобразуемое общества и определиться с ролью и местом в складывающихся отношениях.

В определении критериев антропологической оценки трансформационных процессов целесообразно учитывать специфику социологических исследований личности. Она заключается в выделении в многообразии проявлений человека повторяющихся признаков и прежде всего тех, которыми наделены определенные социальные группы и общности. Речь идет о социальных типах личности и процедурах типологизации. В частности, о частичном и существенном абстрагировании, результаты которого воспроизводят как отдельные стороны, свойства, отношения личности в их совокупности, так и позволяют представить личность как целое, абстрагируясь от ряда периферийных свойств и признаков. Несмотря на возможное упрощение образа целого, обо-

значенные виды абстрагирования лежат в основе эмпирического и логического способов конструирования типов личности [1, С. 86–87]. Анализ подходов и результатов типологизации (Т. Адорно, В. Зомбарт, Г. Маркузе, Д. Рисмен и др.) помогает определиться с трансформацией российского общества и предполагает востребованность ее субъекта как человеческого типа. Характер трансформации позволяет констатировать необходимость использования и сохранения традиционных типов человека как субъекта социально-экономического развития. На региональном уровне этот вывод с достаточной полнотой и убедительностью подкреплён результатами исследования М. А. Нугаева и Р. М. Нугаева [2]. В дальнейшем исследовании роли и места личности в трансформационных проектах мы обосновали представления о человеке как субъекте модернизации на основе трактовки человеческой личности как неравновесного единства универсального, национального и индивидуального, что позволило конкретизировать роль и место субъекта в модернизационных проектах и раскрыть антропологическое измерение результатов социальной трансформации [3].

Источники:

1. Немировский В. Г. Социология личности. Теория и опыт исследования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.
2. Нугаев М. А., Нугаев Р. М. Коецелтуальные основы исследования татарстанской модели социально-экономического развития. Казань: ИСЭПН АНТ, 1997.
3. Сироткин Ю. Л. Личность как субъект социальной модернизации современного российского общества: Монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России. 2002.

Yu. L. Sirotkin (Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))

SOCIAL TRANSFORMATION IN THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Social transformation is revealed in the paradigm of humanitarianism. The necessity of qualitative transformation of a person in order to adapt to a new reality is stated. The thesis on the human dimension as a priority criterion for the results of social transformation is substantiated.

Human, social transformation, anthropological dimension, modernization

УДК 338.012

О. А. Скрынская (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: o.a.skrynskaya@ya.ru)

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ ОТРАСЛЕЙ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье обосновывается актуальность исследований в области истории экономики Российской империи в период с конца XIX века до революции 1917 года. Показано, что для выявления эволюции методов управления, оценки, страхования, бухгалтерского учета и составления отчетности, внутреннего контроля необходимо выбрать объект изучения – одну из ведущих компаний в наиболее развитой отрасли экономики. В статье приводятся результаты изучения и обработки данных, приведенных в монографии Л. Б. Кафенгауза, посвященной эволюции промышленного производства с 1887 года и содержащей большой объем статистических данных. Выявлено, что в экономике Российской империи с 1887 по 1913 годы преобладали: по количеству предприятий – пищевая, рудная (в которой наиболее значимыми были золотоплатиновая, железо-рудная и соляная промышленность) и текстильная отрасли; по численности рабочих – текстильная, металлическая (включающая черную и цветную металлургию, а также металлообработку) и пищевая отрасли; по валовой продукции – текстильная, пищевая и металлическая отрасли.

Статистика, Л. Б. Кафенгауз, история предпринимательства, объект исследования, метод, развитие

В настоящее время одним из актуальных направлений исторических исследований является изучение экономики Российской империи конца XIX – начала XX века. Этот период времени в России характеризовался активным экономическим ростом: созданием промышленных предприятий, акционерных обществ, кредитных учреждений, развитием сельского хозяйства, железных дорог и прочих отраслей. В 1990-х годах при переходе российской экономики от плановой системы к рыночной руководством страны и предпринимателями активно перенимался опыт зарубежных стран во многих сферах деятельности – стратегическом управлении, бухгалтерском учете, управлении персоналом, бюджетировании, внутреннем контроле и аудите и других. Однако сегодня мы находимся в поиске наших собственных традиций, в том числе в сфере ведения бизнеса. История России богата выдающимися именами предпринимателей, мировоззрение которых основывалось на традициях русского купечества. Оно существенно отличалось от западного, где существенное влияние оказала идеология кальвинизма, в которой богатство считалось доказательством божественного одобрения и причисления к людям, достойным спасения, а бедность стала признаком греховности и «объектом презрения к бедным со стороны бо-

гатых» [1, С. 37]. В России же исторически преобладал ценностно-рациональный тип хозяйственного поведения, при котором предпринимательство рассматривается как условие и средство для улучшения не только собственного существования, но и для достижения целей, заданных этическим сообществом – общего блага, повышения уровня жизни населения, обеспечения безопасности страны, ее экономической независимости [2, С. 110].

Актуальность проведения исследований исторического периода с конца XIX века до революции 1917 года обусловлена тем, что это время, особенно этап правления Николая II, до сих пор является дискуссионным: публикуются научные и научно-популярные статьи и монографии, как утверждающие рост и развитие Российской империи, так и преуменьшающие достижения того времени с целью оправдания произошедшей революции и отрицания того, что основы развития СССР были заложены еще в императорской России. Тем более этот период времени не мог объективно изучаться во времена СССР, когда исследователи были подчинены жестким требованиям марксистско-ленинской идеологии [3].

Исследования по истории экономики нуждаются в статистических данных изучаемого периода. Они необходимы для описания социального контекста изучаемых явлений, обоснования хронологических и географических границ исследования, а также выбора объекта исследования – конкретной компании, хозяйствующего субъекта. Проблема выбора компании для изучения особенно актуальна для развивающегося направления «история предпринимательства» («business history»), в рамках которого обязательно происходит изучение документов делопроизводства компаний [4].

Отдельным интересным направлением исследований в области истории экономики является выявление эволюции методов управления, оценки, страхования, бухгалтерского учета и составления отчетности, внутреннего контроля и других практических сфер деятельности. Для проведения такого исследования ученому также необходимо правильно выбрать объект изучения – компанию, ведущую свою деятельность на протяжении длительного периода и реализующую большой объем сделок, из-за которого руководство компании и ее сотрудники должны были выработать единую унифицированную методику для проведения однотипных операций. Можно предположить, что таким объектом могла бы стать одна из ведущих компаний в наиболее развитой отрасли экономики. Например, исследование показало, что методы анализа финансово-хозяйственной деятельности компаний для целей оценки их кредитоспособности развивались в России в Государственном банке [5], который взял на себя функцию коммерческого кредитования промышленности и сельского хозяйства и доля которого в кредитной операции на конец 1913 года составляла 23,7%. Таким образом, необходимы статистические данные, позволяющие выявить, какая из отраслей экономики была наиболее развита в определенный период времени и какие компании были ведущими в этой отрасли.

В настоящей статье приводятся результаты исследования, проведенного на базе анализа данных, изложенных в монографии Льва Борисовича Кафенгауза (1885–1940 гг.), ученого-экономиста, в 1920-х годах руководителя Центрального отдела статистики ВСНХ СССР [6]. Эта монография, посвященная эволюции промышленного производства с 1887 года, является выдающимся трудом в области статистики. В 1930-е годы Л.Б. Кафенгауз оказался в числе репрессированных, а статистические сведения, на которых он основывал свою монографию, стали засекреченными. В связи с этим его работа оказалась опубликована только в 1994 году и ждет дальнейшего изучения.

В монографии эволюция промышленности России описана в шести главах по выделенным автором периодам:

«1) 1885–1900 гг. – период широкой капиталистической реконструкции;

2) 1900–1908 гг. – период кризиса и замедленного роста;

3) 1909–1914 гг. – предвоенный промышленный подъем;

4) 1914–1917 гг. – военный период;

5) 1917–1920 гг. – разрушение капиталистической промышленности во время революции и положение ее в период «военного коммунизма»;

6) 1921–1927 гг. – восстановление промышленности на началах социалистической организации производства и первые моменты ее коренной реконструкции» [6, С. 21].

Территориально автор приводит данные «в границах бывшей Российской империи» (что актуально для исторических исследований по экономике России в дореволюционный период) и в границах современного ему СССР (для достижения сопоставимости данных за указанные выше периоды).

В качестве основных показателей, характеризующих уровень развития промышленности, автор выбрал следующие:

1) валовая продукция (производство в стоимостном измерении), тыс.р.;

2) число рабочих, чел.

Данные о промышленности рассматриваются в целом и с подразделением на две основные группы:

1) тяжелая промышленность – совокупность тех отраслей, которые в преобладающей части выпускают средства производства;

2) легкая промышленность – совокупность тех отраслей, которые в преобладающей части выпускают предметы непосредственного потребления.

Помимо этого, Л. Б. Кафенгауз приводит данные в разрезе следующих отраслей экономики:

1) топливная (включающая каменноугольную, нефтедобывающую и торфяную промышленность);

2) рудная (прочая горнодобывающая, в которой наиболее значимыми были золотоплатиновая, железо-рудная и соляная промышленность);

3) силикатная (производство цемента, стекла и керамики);

4) металлическая (включающая черную и цветную металлургию, а также металлообработку);

- 5) деревообрабатывающая, включая лесопильную промышленность;
- 6) химическая (включающая спичечную, нефтеперерабатывающую промышленность);
- 7) текстильная, включая производство одежды;
- 8) пищевая (или пищевкусовая; наибольшую долю в отрасли занимает винокуренно-дрожжевая промышленность);
- 9) бумажная;
- 10) кожевенно-меховая и обработка материалов животного происхождения.

В результате обработки обширных статистических данных, приведенных в монографии Л. Б. Кафенгауза по указанным выше отраслям в территориальных границах Российской империи, автором настоящей статьи были выявлены следующие крупнейшие отрасли экономики периода с 1887 по 1913 год:

1) по числу промышленных заведений, шт. – пищевая отрасль (удельный вес отрасли составляет от 30 до 42% от общего числа фабрично-заводских предприятий в различные годы), рудная (11 – 17%) и текстильная (11-13%);

2) по численности рабочих, занятых в отрасли – текстильная отрасль (удельный вес отрасли составляет от 32 до 36% от общего числа рабочих в различные годы), металлическая (17 – 21%) и пищевая (11 – 17%), при этом вес рудной отрасли составляет 6 – 12%;

3) по удельному весу отрасли в валовой продукции – текстильная отрасль (30-38%), пищевая (14 – 23%) и металлическая (16 – 24%).

Данные результаты могут быть использованы при обосновании выбора объектов в дальнейших исследованиях по изучению развития экономики и предпринимательства указанного периода.

Источники:

1. Трунов А. А. Реформатское учение Жана Кальвина – теологическая основа пуританизма // Актуальные вопросы современной науки. 2009. №7-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatskoe-uchenie-zhana-kalvina-teologicheskaya-osnova-puritanizma> (дата обращения: 09.01.2025).

2. Афанасенко И. Д. Россия в потоке времени. История предпринимательства. СПб: «Третье тысячелетие», 2003.

3. Скрынская О. А. История предпринимательства как современное направление междисциплинарных исследований // Информация–Коммуникация–Общество. 2024. Т. 1. С. 398-402. EDN OOUQGZ.

4. Поткина И.В. Современное состояние «business history» (истории предпринимательства) за рубежом / Экономическая история: обзор. 2001. Вып.6. С.142–155.

5. Скрынская, О. А. Развитие методов оценки кредитоспособности Государственным банком Российской империи // Финансы и бизнес. 2019. Т. 15, № 1. С. 150–161. DOI 10.31085/1814-4802-2019-15-1-150-161. EDN FIGPVO.

6. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994.

О. А. Skrynskaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF IDENTIFYING THE LEADING INDUSTRIES IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article substantiates the relevance of research in the field of economic history of the Russian Empire in the period from the end of the 19th century to the revolution of 1917. It is shown that identifying the evolution of methods of management, valuation, insurance, accounting and reporting, internal control, needs to choose an object of study – one of the leading companies in the most developed sector of the industry. The article presents the results of studying and processing the data presented in L. B. Kafenhau's monograph, dedicated to the evolution of industry since 1887 and containing a large statistical data. It is revealed that in the Russian Empire's economy from 1887 to 1913 prevailed: by the number of enterprises – food, mineral (first of all gold–platinum, iron and salt) and textile sectors; by the number of workers – textile, metal (ferrous and non-ferrous metallurgy, metalworking) and food sectors; by gross output – textile, food and metal sectors.

Statistics, L. B. Kafenhau, history of entrepreneurship, object of research, method, development

УДК 659.4

Д. Д. Степанова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: dstepy@yandex.ru)

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье исследуется применение нарративного подхода в позиционировании медицинской организации. Уделяется внимание нарративу «Путь героя» и нарративу выздоровления в контексте истории лица бренда как эффективным способам изложения и интерпретации пациентского опыта и влиянию данного подхода на вовлечение и формирование доверия к медицинской организации.

Нарративный подход, позиционирование, человек-бренд, путь героя, нарратив пациента

В эпоху коммерциализации медицины и становления новой консьюмеристской культуры бренд медицинской организации становится ключевым стратегическим активом бизнеса. Цифровая трансформация медицины, баннерная слепота и повсеместная медиатизация определяют необходимость поиске новых форм взаимодействия клиники с пациентами. Сегодня пациент при выборе медицинской организации или врача в большей степени полагается на свои эмоциональные впечатления и страхи, либо ищет авторитетную личность, чье мнение поможет сделать выбор [1, С. 234]. Клиника в коммуникациях должна транслировать значимые для потенциального потребителя ценности и аргументированные доказательства, подтверждающие результативность лечения. В данном контексте значение приобретает интеграция в систему коммуникаций новых тактик эффективного воздействия на аудиторию бренда и жанров дискурсивных практик. Одним из таких способов является нарратив.

По мнению исследователя коммуникаций Л.-Ф. Лапревота, общественное мнение реагирует больше не на имидж, а на рассказ, который строится и развивается вокруг компании, кандидата, бренда или продукта [2]. Нарративы в системе брендинга – истории, которые компания рассказывает потребителям о бренде, услуге или продукте, конструкты передачи образа, влияющего на восприятие базисного субъекта аудиторией.

Как мы отмечали ранее, мнение авторитетного лица играет важную роль при выборе врача или клиники. В этой связи значение приобретает личный бренд врача или руководителя медицинского бизнеса. В эпоху «нового поворота к человеку» и ВANI-мира, медицинские организации нуждаются в позитивной персонификации – «очеловечивании» бренда за счет авторитетного представителя. Лицо бренда является гарантом устойчивости компании и глашатаем ее ценностей, представляя собой образ в сознании людей, при-

званный вовлечь аудиторию в процесс деятельности организации [3, С. 34]. Биография человека-бренда, изложенная и интерпретированная в соответствующем контексте, заложена основу его образа. В медицинском брендинге эту роль может исполнять создатель бизнеса, руководитель клиники или врач, которому доверяет аудитория.

Воспроизведение индивидуального опыта человека-бренда может осуществляться путем репрезентации его жизненного пути как «пути героя», концепции, изложенной в работах В.Я. Проппа и Дж. Кэмпбелла. В данном случае героем будет являться сам человек, а его биография (или часть) представляется адресату в виде нарратива. «Путь героя» как нарративная структура используется брендами для создания эффективных стратегий повествования, резонирующего с целевой аудиторией. Классический фреймворк предполагает концепт, в котором главным героем истории является сам потребитель. [4, С. 283–285]. В данной статье с учетом ранее выявленной нами концепции мы развернем фокус на лицо бренда как героя. Показывая свой собственный путь трансформации (опыт лечения и восстановления), лицо, представляющее бренд, апеллирует к ценностям и эмоциям потребителей, которые могут соотнести свои ожидания от контакта с клиникой и эмоциональной историей преодоления болезни с опытом героя.

В этой связи следует также обратиться к медицинскому нарративу, а именно к нарративу пациента – историям, передающим опыт болезни и взаимодействия с клиникой или врачом, ранее изучавшимся в рамках медицинского подхода, но в связи с трансформацией коммуникативных процессов, вышедшим в публичное поле.

Изначально концепция была разработана А. Клейманом и другими исследователями для анализа историй пациентов с целью осмысления опыта болезни. Следующим открытием в этой области стала типология, выявленная социологом А. Франком, согласно которой большая часть историй о болезни делится на три категории: нарратив восстановления, нарратив хаоса и нарратив поиска. Нас в разрезе исследования интересует нарратив восстановления, поскольку он представляется наиболее актуальным для современной медицины. Как справедливо замечает А. Франк, эта нарративная модель на сегодняшний день активно используется в медицинской рекламе и информационных материалах, создавая определенный коммуникативный пласт и формируя ожидания от лечения и взаимодействия с врачом или медицинской организацией [5, С. 163–164].

Новую форму выражения нарратив болезни приобрел в автонарративе – рассказе о болезни от первого лица. Согласно А. Франку, в обществе ремиссии автонарративы неизбежны. В новом осмыслении они являются причиной историй в перформативном и экзистенциальном смысле, компенсируя смысловой и моральный подрыв, вызванный болезнью. Сегодня пациент отказывается от роли больного и становится участником формирования «новой ответственности пациентов» [6]. Посредством репрезентации личной истории

пациент превращает недуг в опыт, становясь свидетелем личных страданий и трансформируя их в источник «моральной силы». Это позволяет публично делиться историей, которая становится источником полезных знаний и рекомендаций, а также превращает выздоровление в товар. Автобиографический нарратив пациента отражает ключевые ценности современного общества, включая героизм пациента, преодолевающего болезнь. В этой связи можно предположить, что нарратив пациента в соответствующей форме изложения может находить свое отражение в концепции «Пути Героя».

Итак, публично воспроизведенный опыт пациента, выраженный в нарративном конструкте, может служить источником конструирования восприятия бренда медицинской организации аудиторией, его позиционирования и демонстрировать работу клиники и врачей.

На примере наркологической клиники «ПС-клиника» рассмотрим и проанализируем описанные выше нарративы, воспроизводимые в текстах бренда клиники от лица бренда. Выбор обусловлен особым коммуникативным пластом, сложившимся вокруг позиционирования и легенды создания клиники, созданных на основе истории наркотической зависимости артиста Стаса Пьехи. Отметим, что для наркологической клиники крайне важно транслировать положительный опыт пациентов, поскольку аудитория медорганизаций такого профиля восприимчива к переживаниям и чувственному опыту. Зачастую пациент или его окружение ощущают «безвыходность» положения и нуждаются в эмоциональном подкреплении собственных тревог поддерживающим и вселяющим надежду на выздоровление опытом восстановления. История зависимости главного лица бренда содержит ярко выраженную нарративную структуру, приобретая ценностное значение для аудитории, что будет отражено в дальнейшем анализе.

Полнота воплощения традиционного фрейма «пути героя» в каждом конкретном тексте может быть разной в зависимости от задач, которые преследует выпущенный клиникой материал. Выделив основные нарративы, универсально воспроизводимые в различном объеме, мы соотнесли их с конструкцией мономифа «Путь героя».

Фаза сепарации выражена в трагедийной завязке истории – начале зависимости. Следующие шаги включены в повествование. Отказ откликнуться на зов связан с этапами истории, в которых герой продолжает употребление и отказывается от лечения. Далее происходит «Сверхъестественное покровительство», где наставниками выступают родственники героя. Этап «Пересечения порога», плавно перетекающий в «Чрево кита», связан с изоляцией и попыткой реабилитации. С этой точки начинается ряд испытаний, которые мы можем соотнести с фазами инициации. К этому периоду относятся многочисленные попытки лечения и проблемы в профессиональной сфере. По Кэмпбеллу возможно истолкование встречи с «искусительницей» как встречи героя со своими скрытыми желаниями, препятствующими достижению финальной точки. Эта фаза соотносится со срывом в ремиссии и возвращении-

ем к зависимости. Этап «примирение с отцом» можно интерпретировать как моральное взросление и готовность обрести контроль над «самой страшной силой в жизни героя» – наркотической зависимостью. Стадия «Апофеоз» проходит через ключевое событие – инфаркт, ставший отправной точкой для перерождения и полноценной борьбы с зависимостью. Заключительные стадии связаны с ежедневной борьбой и желанием вернуться в состояние эйфории, восстановлением после сердечного приступа и вытекающими из многолетнего опыта употребления наркотических веществ проблемами. Итог – возвращение к здоровой жизни, обретение осознанности и создание клиники для помощи людям со схожими проблемами.

В результате анализа мы также выявили структурное соответствие ряда нарративов с формой выражения нарратива пациента. Опыт Стаса Пьехи как пациента онтологичен и выражается в рассказе о том, кем он был до, и кто есть сейчас, а состояние его тела и духа становится подтверждением пройденного пути. Герой, пройдя путь пациента, становится свидетелем, а впоследствии – рассказчиком, своей истории. Он избавляется от зависимости и посредством ее преодоления обретает «моральную силу», которую распространяет на сообщество: *«То, что я живой, здоровый и продолжаю активную жизнедеятельность, само по себе уже является доказательством того, что есть жизнь после наркотиков и она может быть хорошей»*. Это предположение подтверждает и тот факт, что в своих интервью Стас не раз отмечает, что для него важно поддерживать коллективный дух выздоровления и зажигать новые смыслы в жизни. В этой связи нарратив пациента как форма выражения опыта преодоления болезни является не только структурной основой построения позиционирования бренда клиники на основе личной истории ее основателя, но и выступает значимым социальным мотивом общественных изменений.

Мы можем сделать вывод о том, что нарративная структура, используемая при позиционировании «ПС-клиники» также соответствует нарративу «путь героя», где героем выступает ее основатель Стас Пьеха. Такой подход может обладать серьезным коммуникативным потенциалом, поскольку способствует вовлечению потенциальных и действующих пациентов, что оказывает положительное влияние на позиционирование и коммуникационное продвижение. Этот вывод является отправной точкой для наших дальнейших исследований, а выявленные соответствия могут в перспективе служить основой для формулировки новой нарративной модели.

Источники:

1. Шутова М.В. Голос бренда и бренд-коммуникации в продвижении медицинских учреждений // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 18–19. С. 225–240.
2. Энциклопедия публик рилейшнз. М.: IEERP-L'Harmattan; Имидж-Контакт, 2009.

3. Мурашко С. Ф., Богословская В. Р., Кротова А. Н. Понятие «Человек-бренд»: структура и развитие // Казачество. 2016. №7 (20). С. 32–38.

4. Сафронова Д. А. Моделирование ESG-стратегии брендов с помощью фреймворка «пути героя» // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО. 2023. №52 С. 283–285.

5. Лехциер В. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literaturos namai, 2018.

6. Frank A. W. The wounded storyteller: body, illness, and ethics. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

D. D. Stepanova (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

NARRATIVE APPROACH IN MEDICAL ORGANIZATION POSITIONING

The article explores the application of a narrative approach in positioning a medical organization. Attention is paid to the narrative «Hero's Way» and the recovery narrative in the context of the brand's face history as effective ways to present and interpret the patient experience and the impact of this approach on involvement and the formation of trust in the medical organization.

Narrative approach, positioning, person-brand, hero's way, patient narrative

УДК 811.111

Н. В. Степанова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»), e-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com)

**ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЕДУЩЕГО
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОК-ШОУ
(НА МАТЕРИАЛЕ «THE PROBLEM WITH JON STEWART»)**

Рассматриваются лингвоаксиологические и коммуникативно-прагматические параметры дискурсивной личности ведущего американского политического ток-шоу «The Problem with Jon Stewart». Исследуются ценности, транслируемые ведущим, коммуникативная тональность дискурса, стратегии и тактики, частные концепты, а также затрагиваемые в шоу социальные проблемы. По результатам исследования конструируется индивидуальный дискурсивный портрет ведущего

Дискурсивная личность, медиаполитический дискурс, общественно-политическое ток-шоу, лингвоаксиологический анализ, ценности, коммуникативная тональность, дискурсивный портрет, стратегии и тактики

Дискурсивная личность есть языковая личность во взаимодействии. Существуют два основных подхода к толкованию данного понятия. Согласно первому подходу, дискурсивная личность представляет собой имперсональный, обобщенный, коллективный речевой и психологический портрет актора дискурса, лингвокультурный типаж. При втором подходе дискурсивная личность считается индивидуальной, обладающей собственным «коммуникативным паспортом» и двумя уровнями актуализации – лингвистическим и когнитивным [1, С. 24]. В настоящей статье будет применяться второй из указанных подходов.

Материалом исследования послужили 8 выпусков первого сезона телевизионного шоу «The Problem with Jon Stewart» (2021–2023 гг.), автором и ведущим которого является Джон Стюарт – телеведущий, актер, политический комментатор, писатель. Анализ дискурсивной личности предполагает определение коммуникативно-прагматических характеристик дискурса, включая стратегии, тактики, а также коммуникативную тональность, установление ведущих ценностных установок актора дискурса и частных концептов, объективируемых им, а также выявление тематического содержания дискурса [2]. В настоящей статье в фокусе внимания находятся ценностные ориентиры ведущего ток-шоу, установленные в ходе лингвоаксиологического анализа, коммуникативная тональность, выявленная при помощи стилистического и дискурсивного анализа, а также социальная проблематика дискурса. По результатам исследования конструируется индивидуальный дискурсивный портрет ведущего.

Коммуникативная тональность. Информативная тональность реализу-

ется при использовании информативной стратегии и проявляется в цитировании, ссылках на авторитетные источники, приведении фактов, количественных данных, а также визуальной сопровождающей, когда на экране зритель видит отрывки из газет, инфографику. Так, в примере (1) используется нейтральная лексика, количественные показатели, а также экономическая терминология: (1) *When the **Federal Reserve** started analyzing **stock ownership** in 1989, it found that the top 10% of households owned 78% of the **stock market*** [3].

Информативная тональность сменяется агрессивной, что нередко обнаруживается в самом начале выпуска, при посвящении телезрителя в тему эпизода. В этих случаях можно говорить о репрезентации стратегии дискредитации. Рассмотрим проявление агрессивной коммуникативной тональности на примере выпуска № 7, в котором сначала приводится отрывок выступления Д. Трампа, который затем сопровождается насмешкой ведущего: (2) *Aren't cult leaders supposed to be charismatic? That's the weirdest delivery* [4]. В последующем монологе Джон Стюарта также использована тактика обвинения, реализованная при помощи единицы *bespoke*: (3) *So, in this new age of Biden, right-wing media had to work a little harder on their bespoke harm-to-table critical race theory nonsense* [4]. Затем монолог ведущего снова приобретает информативную тональность, когда на экран выводятся данные, а Джон Стюарт их комментирует. При этом в дискурсе появляется нейтральная и специальная лексика, а также простые повествовательные предложения. Информативная тональность также находит воплощение в интервью, когда собеседник отвечает на поставленные журналистом вопросы. Например, в интервью с секретарем по делам ветеранов Джон Стюарт задает вопросы открытого типа: (4) *Why do you think that hasn't occurred?* [5] и др. На панельных дискуссиях информативная тональность общения может вербализоваться в побудительных предложениях: *tell us a little bit about your story, let's discuss it a bit more* и т. д.

Автор рассматриваемого ток-шоу нередко апеллирует к эмоциям телезрителя, прибегая к шутливой коммуникативной тональности. Так, при обсуждении концепта СВОБОДА в политике, ведущий отмечает: (5) *Jon: Although to be fair, you did try and get people to sign a petition. Big crime. Guest: Big crime* [6]. В данном контексте ироничное *big crime* в отношении сбора петиций усиливается за счет эмпазы (*did try*), а также вводного маркера *to be fair*. В выпуске № 3 в стремлении разрядить обстановку ведущий в шутливой форме вводит в свою реплику междометия и сленг: (6) *Guest: Like, start paying attention to the Maslow's hierarchy of needs, right? Jon: Oh, s**t. Maslow's hierarchy. Wow, wow!* [7] В данной ситуации также имеет значение просодика: слова ведущего сказаны выразительно, на повышенной интонации. За кадром слышен смех гостей ток-шоу. Таким образом, несмотря на сложность обсуждаемой проблематики, в студии создается комфортная обстановка.

Фатическая тональность направлена на поддержание комфортного диалога. Так, например, Джон Стюарт делает комплимент приглашенным гостям: (7) *And*

I can't tell you how inspired I am by you guys [8]. Лексема с положительной коннотацией *inspired*, а также разговорная единица *guys* способствует сокращению дистанции между собеседниками. Благодарность в начале беседы (например, *thank you so much for joining us*) приводит к созданию дружелюбной атмосферы в студии. В выпуске № 4 при обсуждении с жертвами домашнего насилия проблемы оружия можно наблюдать выражение ведущим сопереживания при помощи суперлатива *the hardest* в сочетании с глаголом *to feel*: (8) *one of the things that feels the hardest when you're all discussing it is the concern ...* [8].

Ценностные ориентиры телеведущего. В первом сезоне шоу «The Problem with Jon Stewart» автор и ведущий обращается в целом ряде ценностных концепций, которые определяют его особый подход к анализу и решению актуальных социально-политических проблем. Джон Стюарт является сторонником активной гражданской позиции и гражданского участия в жизни общества. Шоу повышает осведомленность аудитории о насущных социальных проблемах и несправедливости.

Ценность «гражданская активность» (*civil activism*) эксплицируется при помощи следующих концептов: DEMOCRACY, PROTEST, ELECTION, JOURNALIST, POLITICAL RIGHTS, CIVIL LIBERTIES, POLITICAL PRISONER. Рассмотрим контекст из второго выпуска, демонстрирующий один из аспектов проявления гражданской активности. В начале выпуска ведущий заявляет: (9) *Individual freedom requires collective action* [6]. Так Джон Стюарт настаивает на том, что гражданская активность – это коллективная работа, требующая сотрудничества и взаимного уважения между гражданами.

Постоянной темой шоу является непоколебимая приверженность Стюарта социальной справедливости (*social justice*). Автор бескомпромиссно выступает против системного неравенства и несправедливости, освещая такие вопросы как помощь материально-уязвимым слоям населения, медицинская помощь ветеранам, притеснение по расовому признаку и др. Джон Стюарт призывает своих зрителей признать собственные предрасудки и предубеждения. В шоу данная ценность представлена лексикой, отражающей принципы и ценности, связанные со справедливостью, равенством и соблюдением прав в обществе: *fair, opportunities, bail out, equal, rights, inequality, struggle* и др.

Безопасность (*security*) является одной из базовых потребностей любой нации. В анализируемом шоу данная ценность актуализируется через проблему беспечного отношения к оружию посредством единиц *personal safety, self-defence, privacy, advocacy* и др., а также лексем, репрезентирующих антиценность «насилие» (*violence*): *crime, kill, guns, weapons, terrorists, massacre, domestic dispute, mass shooting* и т. д. Такие проблемы как домашнее насилие, полицейская реформа и случаи незаконного применения оружия свидетельствуют о необходимости безотлагательных действий с целью повышения уровня безопасности в стране. Безопасность в дискурсе ведущего представлена как ценность, находящаяся в уязвимом положении в американском обществе.

Одной из доминантных ценностей в сознании американцев является свобода (*freedom*). Данная ценность активно вербализуется в дискурсе ведущего посредством таких лексем, как *preserve (freedom), gift, free, choice, liberty, independence* и др., а также через лексемы с противоположной семантикой (например, *threat, stole (freedom), individual sacrifices*). Например, в выпуске № 2 ведущий утверждает: (10) *Freedom isn't just our greatest gift. Freedom is delicious. Cars and freedom. Freedom is America's best trait* [6].

Дискурсивная личность телеведущего. Комплексный анализ дискурсивной личности американского телеведущего позволил сформировать ее коммуникативный паспорт. Исследование показало, что интенциональной доминантой дискурса Джона Стюарта является информирование, соответственно ведущей коммуникативной тональностью служит информативная тональность. При этом информативная стратегия реализуется за счет использования тактик приведения примера и сообщения о существовании проблемы. Вспомогательной оказалась агрессивная тональность и стратегия дискредитации, в рамках которой автор ток-шоу стремится обличить несовершенство политической, экономической или социальной системы. При помощи стратегии дискредитации Стюарт демонстрирует негативные стороны ситуации, а также обращается к тактикам оскорбления и обвинения. Важно отметить, что интегральным подходом ведущего является использование юмора и сатиры, что определяет оригинальный способ подачи материала. В связи с этим весомым компонентом дискурса становится шутовская тональность, которая воплощается в различных стилистических и языковых средствах. Наконец, фатическая коммуникативная тональность позволяет автору ток-шоу установить контакт с гостями и создать в студии благоприятную обстановку. Интересно, что в рамках одного монолога или диалога нередко наблюдается смена тональности, например, с информативной на агрессивную.

Ведущий апеллирует к ценностям справедливости, гражданской активности, свободы, безопасности, а также к антиценностям насилия и равнодушия и призывает телезрителей критически осмысливать происходящее. Джон Стюарт обращается к таким остросоциальным темам, как здравоохранение, климатические изменения, незаконное хранение оружия и домашнее насилие, помощь рабочему классу и др. В дискурсе телеведущего объективируются концепты DEMOCRACY, EDUCATION, WORK, ARMY, HEALTH, ECOLOGY.

Речь Джона Стюарта является яркой и эмоциональной. Перед телезрителями ведущий программы предстает как честный, открытый к диалогу и неравнодушный к порокам общества человек, нацеленный на поиск истины, причины проблемы и возможных способов ее решения и не принимающий лицемерие политической элиты. Разговорная и порой инвективная лексика, а также юмор и сатира значительно сокращают дистанцию в диалоге между ведущим и телезрителем и способствуют созданию доверительной атмосферы в студии. При этом для своей аудитории автор ток-шоу выступает в роли друга или наставника.

Источники:

1. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика, 2021. №6 (90). С. 23–31.
2. Гунькова Д. Е. Дискурсивная личность американского политического комментатора-радиоведущего: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб, 2022.
3. The Problem with Jon Stewart. Episode 5. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.8141929> (дата обращения: 11.01.2025).
4. The Problem with Jon Stewart. Episode 7. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.8174473> (дата обращения: 10.01.2025).
5. The Problem with Jon Stewart. Episode 1. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.4821496> (дата обращения: 10.01.2025).
6. The Problem with Jon Stewart. Episode 2. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.4823464> (дата обращения: 11.01.2025).
7. The Problem with Jon Stewart. Episode 3. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.4825288> (дата обращения: 11.01.2025).
8. The Problem with Jon Stewart. Episode 4. URL: <https://moviesjoy.plus/watch-tv/watch-the-problem-with-jon-stewart-72613.4826965> (дата обращения: 11.01.2025).

N. V. Stepanova (Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”)

***DISCURSIVE PERSONALITY OF THE HOST
OF A SOCIO-POLITICAL TALK SHOW
(BASED ON “THE PROBLEM WITH JON STEWART”)***

The paper is devoted to the linguo-axiological and communicative-pragmatic study of the discursive personality of the host in the American political talk show “The Problem with Jon Stewart”. The values of the host, communicative tone of discourse, strategies and tactics, specific concepts, as well as social problems touched upon in the show are considered. Based on the results of the study, an individual discursive portrait of the host is constructed

Discursive personality, media-political discourse, socio-political talk show, linguo-axiological analysis, values, communicative tonality

УДК 94(47)

Д. И. Стогов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕДАГОГА В. Н. РУСОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируются недавно изданные ограниченным тиражом воспоминания известного педагога, преподавателя русского языка и литературы Ветлужского педагогического техникума Василия Никифоровича Русова. Делается вывод о том, что в воспоминаниях содержатся ценные сведения о реакции простых жителей города Ветлуги и Ветлужского уезда Костромской губернии (впоследствии Ветлужского района Горьковской области) на важнейшие исторические события (революция 1917 г., Гражданская и Великая Отечественная войны, коллективизация, репрессии 1930-х гг. и др.). Кроме того, этот источник содержит в себе информацию, связанную с некоторыми выдающимися деятелями Ветлужского края, а также с памятниками истории и архитектуры города Ветлуги, многие из которых к настоящему времени утрачены.

Российская империя, СССР, революция 1917 г., Гражданская война, В. Н. Русов, Ветлуга, коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война

Изучая историю России в целом, мы рассматриваем ее сквозь призму изучения истории различных регионов нашего государства. Из многочисленных событий, происходивших в тех или иных частях страны, складывается единая история России. В этой связи весьма важным представляется обращение к изучению воспоминаний свидетелей ушедшей советской эпохи как периода, непосредственно связанного с современной Россией. В 2023 г. ограниченным тиражом вышли в свет воспоминания советского педагога, преподавателя русского языка и литературы Василия Никифоровича Русова [1], написанные в 1960-е гг.

Родился В. Н. Русов в 1890 г. в деревне Спирино в бедной семье потомков крепостных крестьян и прожил 88 лет. Окончив сельскую школу, Поливановскую учительскую семинарию и Московский учительский институт, Василий Никифорович на протяжении трех десятилетий преподавал в педагогическом техникуме города Ветлуги (до 1922 г. город входил в состав Костромской губернии, затем – Нижегородской губернии (с 1929 г. – области), Нижегородского (впоследствии Горьковского) края, Горьковской (ныне Нижегородской) области). В 1938–1939 гг. В. Н. Русов подвергся репрессиям, около двух лет находился в заключении [2]. В мае 2024 г. в Ветлужском краеведческом музее состоялась презентация книги воспоминаний В. Н. Русова, изданная его внучкой Натальей Юрьевной [3].

За последние годы вышло большое количество исследований, посвященных истории города Ветлуги и Ветлужского края [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], публикуются источники, посвященные этому региону [5; 9; 11]. Воспоминания В. Н. Русова позволяют уточнить многие сведения, содержащиеся в других источниках по истории Поветлужья, а также содержат в себе ценные сведения об исторических событиях XX в. В частности, автор стал свидетелем революции 1917 г. и Гражданской войны.

О белогвардейском Уренском восстании, которое произошло в конце лета – начале осени 1918 г., весьма много писали и в советское время [12; 13], и в наши дни [14; 9, С. 230–243, 362–364]. Мемуары В. Н. Русова содержат в себе дополнительные сведения о событиях. Так, педагог сообщает имена некоторых расстрелянных чекистами после подавления мятежа представителей местной интеллигенции: инспектор городского училища Н. Н. Курочкин, учитель П. В. Силкин и др., которых он знал лично [1, С. 285]. Вскоре после подавления мятежа всем бывшим офицерам было предписано явиться на призывной пункт. Описывая посещение военно-врачебной комиссии, автор мемуаров поделился впечатлениями от общения с местным врачом и писателем Георгием Алексеевичем Яблочковым [5, С. 89–94], который в итоге признал Русова негодным к военной службе [1, С. 324].

В мемуарах В. Н. Русова содержится интересный рассказ о встрече с бывшими ветлужскими помещиками братьями Петерсонами, один из которых, Борис Леонидович, был членом III Государственной думы [15]. Встреча произошла в начале Гражданской войны в читальном зале местной библиотеки [1, С. 287]. Братья разговаривали между собой о событиях в стране, о гетмане П. П. Скоропадском, чье имение располагалось в селе Пышуг Ветлужского уезда [1, С. 288]. Б. Л. Петерсон сетовал на то, что местные крестьяне из деревни Жильчихи отобрали у него часть земли [1, С. 288].

Нашло отражение в мемуарах В. Н. Русова и такое значимое событие советской истории, как кончина В. И. Ленина 21 января 1924 г. В этот день в Ветлужском народном доме [6], который на тот момент именовался городским театром, состоялось собрание, посвященное памяти жертв 9 января 1905 г. [1, С. 376]. Собрание неожиданно закончилось: «многие встали, некоторые выходили и входили», «зал в недоумении молчал» [1, С. 376]. Через пять дней на одной из главных площадей города, Братской, состоялся траурный митинг [1, С. 377]. В. Н. Русов также сообщает, что сделал доклад в Народном доме на тему «Ленин и народное образование» [1, С. 377]. Там же в 1920-е гг. проходили конференции уездного отдела народного образования с участием множества учителей [1, С. 372].

На страницах мемуаров В. Н. Русова перед нами предстает повседневная жизнь местного населения со всеми ее невзгодами и трудностями. Революция 1917 г., Гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация, репрессии 1930-х гг., Великая Отечественная война, послевоенное вос-

становление народного хозяйства – эти и другие события отечественной истории нашли отражение в воспоминаниях педагога.

В. Н. Русов описал события, связанные с пожаром в здании Ветлужского уездного исполкома (ранее в нем располагалась земская управа) 20 марта 1924 г., возникшего после возгорания сарая с сельскохозяйственными машинами и еще ряд построек [1, С. 373]. После пожара орган советской власти переехал в большое каменное здание 3-й школы второй ступени (ранее в нем располагалась гимназия (судя по всему, речь идет о мужской гимназии, тогда как в мемуарах В. Н. Русова ошибочно говорится о женской гимназии [1, С. 374], которая располагалась в соседнем деревянном здании)). Школу перевели в каменное здание бывшей полицейской управы [1, С. 374], где она находится до сих пор.

В. Н. Русов оставил интересные воспоминания о своих коллегах, педагогах, в том числе о филологе, историке и краеведе Дмитрие Аркадьевиче Маркове (1879–1968), который до 1924 г. занимал должность заведующего Ветлужского педагогического техникума, однако затем был снят с должности во время болезни без объяснения причин [1, С. 382]. Д. А. Марков известен современному читателю, прежде всего, как автор книги «Ветлужский край» [16], которая была переиздана в наше время [5, С. 4–21]. Его деятельность исследовали советские и современные авторы [5, С. 21–23; 17; 18]. В. Н. Русов пишет, что Д. А. Марков, «выходец из бедной семьи без отца», «учился на пособия от разных лиц и с ранних лет научился подлаживаться к власть и деньги имущим», отмечая, что «это был человек упорной и неиссякаемой трудоспособности» [1, С. 383]. Автор воспоминаний отмечает, что Д. А. Марков безуспешно пытался защитить докторскую диссертацию по языку произведений П. И. Мельникова-Печерского [1, С. 383]. Тем не менее, защита все же состоялась, уже незадолго до кончины краеведа, в 1962 г., через несколько лет после его выхода на пенсию [18, С. 709]. В. Н. Русов отмечает, что Д. А. Марков практически всю жизнь отдал науке, в том числе историческому краеведению, оставшись на всю жизнь холостяком [1, С. 383]. Это был настоящий краевед-энтузиаст.

В воспоминаниях В. Н. Русова содержатся сведения о малоизвестной катастрофе на аэродроме г. Ветлуги 20 октября 1967 г. Самолет сгорел при попытке взлета, погибли 19 человек – пассажиры и члены экипажа [1, С. 506], в том числе женщина-врач [1, С. 505]. В. Н. Русов присутствовал на похоронах погибших [1, С. 505].

Подводя итоги, отметим, что мемуары В. Н. Русова, на страницах которых отразились важнейшие события советской истории, содержат ценные сведения о повседневной жизни населения Поветлужья в начале и середине XX в. В них упомянуты некоторые исторические памятники г. Ветлуги, ныне утраченные (Ветлужский народный дом, особняк Петерсонов и пр.). Мемуарист поделился воспоминаниями об известных личностях, с которыми ему удалось встречаться (Г. А. Яблочков, Д. А. Марков, Б. Л. Петерсон и др.).

Источники:

1. Русов В. Н. Записки о моей жизни. Нижний Новгород: ИП Якушов Ю. И., 2023.
2. Русов Василий Никифорович // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Русов_Василий_Никифорович_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/Русов_Василий_Никифорович_(1890)) (дата обращения 09.11.2024).
3. Всероссийская акция «Ночь музеев» // Ветлужский краеведческий музей. URL: <http://vmuseum.nnov.muzkult.ru/news/111846592> (дата обращения 09.11.2024).
4. Сизинцева Л. И. «Одно из лучших в Костромской губернии...»: Земское дело в Ветлужском уезде // Ветлужская сторона: Ист.-краев. сб. Кострома: б. и, 1995. С. 38–47.
5. История Ветлужского края. Историко-краеведческий сборник. Изд. 2-е, перераб. и доп. Урень: б. и., 2006.
6. Стогов Д. И. Ветлужский народный дом [2015]. URL: <http://rusnardom.ru/d-i-stogov-vetluzhskiy-narodnyiy-dom/> (дата обращения: 09.11.2024).
7. Стогов Д. И. Воспоминания О. Ф. Шафрановой как исторический источник по изучению истории Ветлужского края // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/03/02/vospominaniya_o_f_shafranovoj_kak_istoricheskiy_istochnik_po_izucheniyu_istorii_vetluzhskogo_kraya (дата обращения 09.11.2024).
8. Ветлужский район. Путеводитель. Н. Новгород: б. и., 2018.
9. Гражданская война и Нижегородский край. Исследования, воспоминания, дискуссии. Авт.-сост. С. А. Смирнов. Н. Новгород: Вертикаль. XXI век, 2018.
10. Чадаева А. Я. Зодчий Николай Львович Шевяков. М.: б. и., 2019.
11. Замыслов И. Л., Морохин Н. В. На ветлужских пароходах. Н. Новгород: Литера, 2021.
12. Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома: Истпартотд. Костром. губкома ВКП (б), 1927.
13. Тумаков Н. Г. Октябрь в Поветлужье. Памятные места октябрьских событий // Памятники и памятные места Великой Октябрьской социалистической революции в г. Горьком и области: тез. докл. науч.-метод. конф. Горький: б. и, 1977. С. 60–66.
14. Завьялова С. В. Восстание в Поветлужье как часть крестьянской войны 1918 года. Автореф. дис. ... к. ист. н. Нижний Новгород, 2012.
15. Стогов Д. И. Член Государственной думы Российской Империи второго созыва Борис Леонидович Петерсон: политический портрет // Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1. СПб.: Астерион, 2023. С. 169–173.

16. Марков Д. А. Ветлужский край. Непериодическое издание Ветлужского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. Ветлуга: Тип. Усовнархоза в г. Ветлуге Костромской губ., 1922.

17. Молодцов В. М. Ветлужский краевед Д. А. Марков // Ветлужская сторона: историко-краеведческий сборник. Кострома: ДиАр, 1995. Вып. 1. С. 95–97.

18. Шленов В. Л. От публикатора // Богословский вестник. 2010. № 11–12. С. 706–711.

D. I. Stogov (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

THE MEMOIRS OF THE SOVIET TEACHER V. N. RUSOV AS A HISTORICAL SOURCE

The article analyzes the recently published limited edition memoirs of the famous teacher, teacher of Russian language and literature of the Vetluzhsky Pedagogical College Vasily Nikiforovich Rusov. It is concluded that the memoirs contain valuable information about the reaction of ordinary residents of the city of Vetluga and the Vetluzhsky district of the Kostroma province (later the Vetluzhsky district of the Gorky region) to the most important historical events (the revolution of 1917, the Civil and Great Patriotic Wars, collectivization, repression of the 1930s, etc.). In addition, this source It contains information related to some prominent figures of the Vetluga region, as well as historical and architectural monuments of the city of Vetluga, many of which have been lost.

Russian Empire, USSR, the revolution of 1917, the Civil War, V. N. Rusov, Vetluga, collectivization, repression, the Great Patriotic War

УДК 659.1; 004.738.5

И. К. Струлев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: iv.strulev@gmail.com)

ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ БРЕНД-МЕДИА

В статье рассматривается роль цифровых коммуникационных технологий (ЦКТ) в работе редакций современных бренд-медиа. Анализируется синергия классических медиа и корпоративной журналистики, а также потенциал ЦКТ для глобального охвата аудитории и эффективного взаимодействия. Отдельно рассматривает вопрос важности мониторинга развития бренд-медиа и выбора ЦКТ для достижения максимальной эффективности коммуникационной стратегии.

Бренд-медиа, технологии, бренд-менеджмент, коммуникации

Одним из актуальных вопросов развития медиа в последние несколько лет стало появление их нового формата – бренд-медиа. Продукт медиаконвергенции, появившийся на стыке классических медиа и корпоративной журналистики, начинает формировать новые стандарты как медиапублицистики, так и использования технических средств для коммуникации с конечными читателями. В том числе, это касается использования ими цифровых коммуникационных технологий (далее ЦКТ).

В рамках концептуальной модели Борисовой В. Л., ЦКТ трактуются как интегрированная система инструментальных средств и методических подходов, ориентированных на оптимизацию коммуникативных взаимодействий с целевыми аудиториями посредством цифровых информационных сред. В соответствии с предложенной автором дефиницией, данная система предполагает многоаспектное использование сетевых ресурсов, включая, но не ограничиваясь, платформы социальных медиа, веб-порталы, системы электронной почты, мобильные приложения и другие цифровые инфраструктурные компоненты. Функционал ЦКТ охватывает полный цикл коммуникативного процесса: от генерирования и распространения информационных потоков до регуляции имиджевой парадигмы и организации диалоговых интеракций с представителями общественности, при этом обеспечивая достижение стратегических целей организации [1, С. 77].

В современном информационном ландшафте применение аналогичных технологических решений обеспечивает организациям инстантирование информационного распространения: достижение глобального охвата аудитории в режиме реального времени с минимальными временными и финансовыми затратами, обеспечивающее эффективное взаимодействие с международными

ми целевыми группами. Интеграция подобных технологий способствует повышению эффективности и результативности коммуникации за счет адаптации информационных материалов к специфике интересов и потребностей целевых аудиторий, а также обеспечивает возможность реального времени мониторинга и анализа эффективности коммуникативных стратегий, что позволяет проводить оперативную оптимизацию взаимодействия [2].

Кроме того, цифровые платформы и их встроенный функционал предоставляют широкий арсенал инструментальных средств для реализации стратегий управления сообществами (community management). Управление сообществами представляет собой комплексный процесс, направленный на культивацию и развитие социальных групп, ориентированный на укрепление взаимоотношений между организацией и ее стейкхолдерами (клиентами, партнерами, персоналом) [3, С. 96].

Можно считать, что цифровые коммуникационные технологии закономерно создали необходимую техническую платформу для появления бренд-медиа: именно под их влиянием значительно выросла скорость коммуникации, увеличились возможные охваты, наконец стала глубже интерактивность сообщений.

Специалисты контент-агентства «Палиндром» в своих исследованиях рынка подобных медиа предлагают следующее определение: Бренд-медиа – это самостоятельное тематическое медиа-издание, созданное компанией для укрепления бренда и построения долгосрочных отношений с целевой аудиторией, фокусируясь на создании ценности и формировании позитивного восприятия бренда посредством прагматичного, неформального контента, отличающегося от традиционной рекламы своей ориентацией на установление доверия, а не на прямые продажи [4].

Внедрение бренд-медиа компаниями необходимо для оптимизации маркетинговых коммуникаций. Это способствует формированию постоянной аудитории бренда, декомпозиции сложных продуктов и повышению лояльности потребителей. Также подобное решение усиливает конверсию маркетинговой воронки, формируя доверительные отношения у потенциальных клиентов.

Важно отметить, что бренд-медиа формируют глубинные потребности без географической привязки. Специализированный контент, адаптированный под специфику бренда и рынка, усиливает персонализированность коммуникации и эффективность маркетинговых стратегий. Соблюдение журналистских стандартов и неформальный тон, в то же время, способствуют оптимизации процесса коммуникации и достижению запланированных компанией целей.

Эффективность инструментария цифровых коммуникаций прямо пропорциональна степени его интеграции в рамках системного планирования. Определение долгосрочных целей и задач, а также разработка комплексного подхода к взаимодействию с целевой аудиторией являются необходимыми условиями для оптимизации ресурсного потенциала и фокусировки усилий на приоритетных направлениях. В качестве наиболее распространенных стратегических подходов следует выделить интегрированные коммуникаци-

онные кампании. С их помощью происходит синергетическое объединение цифровых инструментальных средств с традиционными PR-технологиями для создания когерентных коммуникативных программ, обеспечивающих резонанс на разнообразных информационных платформах.

На текущий момент, бренд-медиа производят более 50 компаний из разных сфер. Безусловными лидерами в этом направлении выступают «Яндекс» и «Сбер». В качестве цифровых коммуникационных технологий все определенные достоверно бренд-медиа чаще всего мультиканальны и используют для общения с аудиторией собственные сайты, соцсети и другие каналы. При разработке контента используется рубрикатор и формальная сетка, сами публикации пишутся и составляются с ориентиром на запросы аудитории – это помогает работать с привлекаемым трафиком читателей на рост их постоянного числа [5].

Параллельно с публицистической деятельностью бренд-медиа активно используют и другие инструменты. Так, популярность сохраняют электронные рассылки: ими активно пользуются журналы «Код» (Яндекс), «Бюро Горбунова», «Трудовая оборона» (Центр корпоративной медицины). С их помощью читателям предоставляются эксклюзивные материалы, не выходящие в формате публикаций.

Поскольку одной из обязательных целей бренд-медиа является рост постоянной аудитории вокруг бренда, редакциями активно используются платформы интернет-рекламы: Yandex Direct и VK Реклама. С их помощью достигается персонализированное продвижение среди отдельно взятых групп широкой аудитории. Активнее всего в этом ключе применяются баннерная и видео-реклама – эти форматы позволяют максимизировать эффективность платного привлечения. Среди постоянно использующих данное средство: «Активный возраст» (Сбер), «Т-Ж» (Т-Банк), «Ж-П» (Палиндром).

Поскольку важной функцией бренд-медиа остается персонализированность коммуникаций от лица компаний, выпускающими редакциями активно используются средства поисковой оптимизации (SEO) – для достижения большего количества читателей. Также, как на постоянной основе, так и в формате спецпроектов издания запускают специализированных чат-ботов – с их помощью осуществляется автоматизация общения с читателями и управление взаимоотношениями для улучшения качества коммуникации. Сейчас этот инструмент пользуется особой популярностью у тех компаний, чьи публикации существуют в тесной связке с предоставляемыми продуктами и услугами: Альфа Банк, Сбер, Т-Банк.

В процессе непосредственной работы редакции бренд-медиа и после завершения спецпроектов применяется комплексный инструментальный аналитики и мониторинга онлайн-активности, позволяющий осуществлять ретроспективный анализ эффективности и прогнозирование результативности на основе реального времени мониторинга онлайн-упоминаний, что, в свою

очередь, позволяет оптимизировать будущие публикации и оценивать, в том числе, их финансовую эффективность.

В завершение, хотелось бы отметить: бренд-медиа, как самостоятельное направление в массовых коммуникациях, – хотя и достаточно молодое явление, но, пожалуй, самое быстрорастущее за последние годы. Важно постоянно следить и наблюдать за его развитием, так как во многом подобные издания уже стали законодателями трендов не только в методах и форматах коммуникации с читателями, но и в вопросах выбора цифровых коммуникационных технологий для продвижения.

Источники:

1. Kingsnorth S. Digital marketing strategy: an integrated approach to online marketing. Kogan Page Publishers, 2022.

2. Patrutiu-Baltes L. Inbound Marketing-the most important digital marketing strategy //Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Series V: Economic Sciences. 2016. P. 61-68.

3. Борисова В. Л., Крамлих О. Ю. Развитие цифровых и коммуникационных технологий //Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. Труды II Международной научно-практической конференции. Брянск, 2019. С. 95-98.

4. Нигматуллина К.Р., Павлушкина Н.А. Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. No 6. С. 3–27.

5. Исследование рынка бренд-медиа агентства Палиндром [Электронный ресурс] URL: <https://media-research.palindrome.media/2023#rec671073371>

I. K. Strulev (Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

TOOLS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN BRAND-MEDIA

The article considers the role of digital communication technologies (DCT) in the work of editorial offices of modern brand-media. It analyses the synergy of classical media and corporate journalism, as well as the potential of DCT for global audience coverage and effective interaction. Separately considers the importance of monitoring the development of brand-media and the choice of TSC to maximise the effectiveness of communication strategy.

Brand media, technology, brand management, communications

УДК 316.422.44

Сян Хуайчэн (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st084103@student.spbu.ru)

АРХИТЕКТУРА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА УМНЫХ ГОРОДОВ: ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА УМНОГО ГОРОДА ИЗ КИТАЯ

Архитектура системы умного города представляет собой руководящую технологическую модель, поддерживающую создание умного города. Развитие умных городов опирается на широкий спектр технологий, включая 5G, искусственный интеллект (AI), Интернет вещей (IoT), облачные вычисления, большие данные, периферийные вычисления и блокчейн. Эти ключевые технологии и архитектура формируют основу для развития умных городов, объединяя инфраструктуру, платформы и приложения в единую экосистему.

Умные города, 5G, Интернет вещей (IoT), периферийные вычисления

Архитектура системы умного города. Архитектура системы умного города представляет собой руководящую технологическую модель, поддерживающую создание умного города. Она состоит из слоев: инфраструктуры, платформы, приложений, системы обеспечения сетевой/информационной безопасности, системы политик и стандартов, единой операционной системы, а также включенных в них систем, компонентов, инфраструктур и приложений [1, С. 61–62].

Слой инфраструктуры включает все базовые элементы, необходимые для создания умного города: устройства Интернета вещей (IoT), периферийные центры данных, сетевые соединения, облачные центры данных и другие виды инфраструктуры.

Устройства Интернета вещей (IoT): включают модули сенсоров, процессоров приложений и коммуникационные модули. Сенсоры предоставляют интеллектуальные возможности мониторинга окружающей среды и собирают информацию о состоянии инфраструктуры, экологии, зданий и безопасности в пределах города. Процессоры обрабатывают данные и управляют процессами. Коммуникационные модули создают связи для передачи данных и управляющих команд.

Периферийные центры данных: предоставляют площадки, вычислительные, сетевые и хранилищные ресурсы, ускоряя реакцию на запросы устройств и повышая эффективность обработки информации. Это критично для приложений с требованиями к реальному времени, интеллектуальной обработке данных, а также для защиты безопасности и конфиденциальности.

Сетевые соединения: включают правительственные, бизнесовые и специализированные сети, а также интернет. Основой служит высокоскоростная, надежная оптоволоконная сеть и беспроводная широкополосная связь.

Облачные центры данных: включают площадки, вычислительные ресурсы, хранилища данных и сети для централизованного хранения, управления и обмена данными, а также развертывания приложений.

Слой платформы обеспечивает поддержку через централизованные платформы приложений, данных, возможностей и бизнеса. Платформа приложений: предоставляет общие компоненты, интеграцию систем и унифицированный API для разработки и интеграции приложений. Бизнес-платформа: предоставляет повторно используемые бизнес-компоненты для разнообразных сценариев использования. Платформа данных: включает управление ресурсами, сбор, обмен и обработку данных, анализ, управление активами и их эксплуатацию. Платформа возможностей: поддерживает системы с использованием ИКТ, таких как управление IoT, интегрированная коммуникация, геоинформация, искусственный интеллект (AI) и блокчейн.

Слой приложений охватывает управление, администрирование и услуги в различных областях: управление городской жизнью, обслуживание населения, экономику и экологию.

Центр управления городом: объединяет данные, управление, услуги для граждан и координацию в чрезвычайных ситуациях.

Приложения для обслуживания населения: предоставляют унифицированный доступ к услугам, таким как социальное обеспечение, коммунальные услуги и электронные удостоверения.

Приложения для управления городом: включают интеллектуальное правоохранение, рыночный контроль, транспорт и чрезвычайные службы.

Экономические приложения: используют цифровые технологии для интеграции ресурсов и стимулирования инноваций.

Экологические приложения: обеспечивают мониторинг и контроль экологических рисков.

Технологическая поддержка умных городов. Развитие умных городов опирается на широкий спектр технологий, включая 5G, искусственный интеллект (AI), Интернет вещей (IoT), облачные вычисления, большие данные, периферийные вычисления и блокчейн [2, С. 25–27].

1. 5G – основа умных городов

Будучи новой движущей силой развития новых умных городов, 5G выведет города на новый интеллектуальный этап и будет способствовать популяризации различных высококачественных, высокоценных и высокотехнологичных новых приложений, позволяет городам стать высокоцифровыми, сетевыми и интеллектуальными, создавая цифровые города-близнецы и привнося новые впечатления в жизнь жителей и управление городом [3, С. 116–117].

Благодаря технологии 5G высокоскоростная передача данных и реальный может быть достигнуто взаимодействие в режиме реального времени, а также

быстрое реагирование на запросы пользователей, поступающие как сверху, так и снизу, что обеспечивает сверхнизкую задержку взаимодействия с пользователем. Массивные датчики IoT размещаются в городской общественной инфраструктуре, такой как дороги, интеллектуальные светофоры, мусорные баки, транспортные средства, городские здания, школы, больницы и т. д., оснащенные датчиками IoT, сверхчеткие сети камер и другие датчики передаются в города через 5G-сетки среза. Центр управления операциями может получить детальное представление о состоянии работы города, отслеживать активы и находить угнанные автомобили с высоким разрешением, координировать сотни сотрудников по отслеживанию в режиме реального времени, управлять перекрестками и анализировать тенденции дорожного движения.

Технология 5G делает сети связи более интеллектуальными, производительность – более высокой, спектр – более богатым, а приложения – более обширными. 5G в полной мере обеспечивает реализацию новых вертикальных приложений «умного города», таких как электросети, автономное вождение, интеллектуальное производство и интеллектуальный транспорт, за счет оптимизации сетевых услуг и предоставления дифференцированных услуг сегментации сети [3, С. 120].

Искусственный интеллект – супермозг умных городов. С развертыванием сетей 5G интеллектуальные технологии на периферии получили стремительное развитие. Искусственный интеллект в основном фокусируется на возможностях быстрого реагирования и координации интеллектуальных терминалов. Развертывание большого количества интеллектуальных терминалов, таких как интеллектуальные беспилотные системы в интеллектуальных городах, еще больше усилило их зависимость от интеллектуальных услуг в режиме реального времени [4, С. 10–13].

Искусственный интеллект фокусируется на таких областях, как сети, услуги, управление, безопасность и приложения, и постепенно проникает в промышленные, сельскохозяйственные, транспортные, медицинские, финансовые и другие сферы в больших масштабах, полностью поддерживая строительство умных городов. Например, технология V2X в сети 5G объединяет искусственный интеллект, предоставляя средства для удовлетворения потребностей в коммуникации между транспортными средствами, дорогами и сетями при автономном вождении, а также для достижения точного, надежного и безопасного автономного вождения. Это может повысить эффективность поездок городских жителей и удовлетворить их разнообразные потребности в путешествиях; сценарии применения искусственного интеллекта с массивными каналами передачи данных основаны на сверхширокой полосе пропускания и сверхнизкой задержке сетевых возможностей, предоставляемых 5G, что позволяет эффективно сократить расходы на ручные проверки в городах и реализовать научное, усовершенствованное и интеллектуальное управление городами.

Интернет вещей – сенсорные нервы умных городов. IoT действует как нервная сеть города, связывая все операционные системы умного города, что

позволяет в реальном времени отслеживать его состояние. Основные сценарии применения IoT включают дистанционное снятие показаний счетчиков, интеллектуальные люки, умную экологию, интеллектуальную противопожарную безопасность, умное парковочное пространство и интеллектуальное освещение.

С развитием технологий 5G формирование нового поколения умных городов, основанных на подключениях IoT, значительно ускоряется. Умные города используют 5G для планирования и строительства мобильного интернета вещей, сочетая сетевые и сенсорные технологии для предоставления различных IoT-услуг. Кроме того, они усиливают возможности полной цепочки специализированных сетей IoT, включая «облако, сеть, периферию и устройства». Это позволяет создать открытую IoT-платформу с более эффективной связью и восприятием, удовлетворяя индивидуальные и отраслевые потребности, повышая коммерческую ценность IoT и обеспечивая полную информатизацию взаимодействия «вещь-вещь» и «человек-вещь».

Облачные вычисления – центр обмена данными умного города. Облачные вычисления играют важную роль в функционировании умного города. С их помощью можно собирать и хранить огромные объемы информации, полученной из интернета вещей, обрабатывать данные за короткое время и оперативно реагировать на события, автоматизируя управление городом.

В сочетании с 5G облачные вычисления активно используются в управлении общественными делами, повышая взаимосвязь платформ для управления дорогами, трафиком, люками, освещением, экологией, электросетями, водоснабжением и газом. Это позволяет оперативно передавать данные о состоянии объектов, предлагать соответствующие управленческие стратегии и повышать эффективность работы города. Примеры включают улучшение работы госучреждений, оптимизацию финансовых платформ и быструю передачу медицинской информации.

Большие данные – кровеносная система умного города. Большие данные соединяют данные из разных отраслей, таких как госуправление, финансы, пожарная безопасность, транспорт и медицина, обеспечивая поддержку управленческих решений города. В умных городах ежедневно генерируются огромные объемы разнородных пространственно-временных данных, которые требуют обработки большими данными для создания приложений и предоставления информации для принятия решений. Технологии больших данных ускоряют передачу, обработку и интеграцию массивов данных, облегчая их анализ и кластеризацию. На основе данных операторов связи, сенсоров, госучреждений и сторонних интернет-источников можно анализировать социальные, экономические, демографические, культурные и транспортные аспекты города. Это позволяет строить платформы городских данных, обеспечивать мониторинг и прогнозирование событий, повышая возможности управления и общественного обслуживания [5, С. 83–84].

Граничные вычисления – распределенная структура умного города. Граничные вычисления применяются в промышленных автоматизированных

системах, видеосервисах и автономном вождении. Их суть – перенос вычислительных мощностей к периферии сети, интеграция с мобильными, интернет- и IoT-технологиями для снижения задержек при передаче данных. В автономном вождении граничные вычисления обеспечивают создание платформ для совместного управления дорогами и автомобилями.

Блокчейн – основа доверия умного города. Блокчейн обеспечивает безопасное, децентрализованное хранение и обмен данными, снижая риски утечки информации и повышая прозрачность операций в городской экосистеме.

В государственных структурах блокчейн способствует объединению данных разных уровней, их безопасному хранению, совместному использованию и резервному копированию, одновременно защищая информацию жителей.

Источники:

1. Сун Синь, Хао Дундун, Ян Лунпин. Исследования и изыскания по строительству нового умного города в Шанхае // Руководство по экономическим исследованиям. 2022. №. 9. С. 61–63.
2. Чу Тяньцзяо. Изучение международного опыта для построения ориентированного на будущее умного города – исследование целей и идей строительства умного города Шанхая в ходе «14-й пятилетки» // Научное развитие. 2019. №. 9. С. 25–31.
3. Чанг Динъи, Ши Цзюань, Чжэн Пэн. Новый умный город Китая с поддержкой 5G: смысл, проблемы и пути // Научные исследования в области управления. 2022. №. 2. С. 116–123.
4. Ван Цао, Ли Нонг. Анализ пути Шанхая к построению выдающегося глобального города – на основе опыта международных умных городов // City Observation. 2017. №. 4. С. 5–23.
5. Чжан Юй, Сюй Хундин. Достижения, опыт строительства нового умного города в Шэньчжэне и его просвещение в Чэнду // Журнал Института управления Чэнду. 2018. №. 6. С. 82–85.

Xiang Huaicheng (St Petersburg State University)

SMART CITY ARCHITECTURE AND TECHNOLOGY SUPPORT: SMART CITY CONSTRUCTION EXPERIENCE FROM CHINA

The smart city system architecture is a guiding technology model that supports the construction of a smart city. The development of smart cities relies on a wide range of technologies, including 5G, artificial intelligence (AI), the Internet of Things (IoT), cloud computing, big data, edge computing, and blockchain. These key technologies and architecture form the foundation for the development of smart cities, integrating infrastructure, platforms, and applications into a single ecosystem.

Smart cities, 5G, Internet of Things (IoT), Edge computing

УДК 94(470)

Е. А. Тарасова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tarasova_e_a@mail.ru)

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (ОКТАБРЬ 1993 Г.) И ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ

В статье рассматриваются основные направления экономической политики России в период прямого президентского правления (конец 1993 – начало 1994 гг.), изучаются ключевые решения в области экономической интеграции стран-участниц СНГ конца 1993 г. Анализируются факторы, препятствующие созданию единой рублевой зоны «нового типа» в начале 1990-х гг. и причины смены курса на интеграцию со стороны России в период прямого президентского правления в конце 1993 г.

Прямое президентское правление, единая рублевая зона, СНГ, Съезд народных депутатов РФ, Верховный Совет РФ, Межпарламентская Ассамблея СНГ, парламент, президент

Одним из итогов политического кризиса осени 1993 г. в России стало упразднение системы Советов на всех уровнях и установление режима прямого президентского правления. Точкой отсчета для утверждения нового политического режима можно считать обнародование Президентом РФ Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ» [1, С. 3–5]. Данный указ противоречил Конституции России [1, С. 17]. и вызвал закономерное неприятие как со стороны Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, Конституционного Суда РФ, так и значительной части региональных органов власти. Противостояние в высших эшелонах власти, продолжающееся до 4 октября 1993 г. и завершившееся расстрелом Дома Советов, не позволяет датировать начало прямого президентского правления ранее 5 октября 1993 г.

Этот режим продолжал действовать до января 1994 г. и ознаменовался целым рядом важнейших политических решений: указами от 9 октября «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. и от 26 октября «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» [3]. прекращались полномочия Советов всех уровней, были проведены выборы Государственной Думы и Совета Федерации РФ, завершилась подготовка проекта новой Конституции России.

Особого внимания заслуживает экономическая политика в период прямого президентского правления. Еще в августе 1993 г. была подготовлена программа Правительства РФ «Развитие реформ и стабилизация российской экономики», предусматривающая в том числе либерализацию внешней тор-

говли, зернового и энергетического рынков, сокращение круга неприватизируемых предприятий и ускорения приватизации государственной доли в крупных акционерных компаниях [4]. В связи с обострением политического кризиса, реализация программы началась только с ноября 1993 г. [5, С. 217]. 2 ноября В.С. Черномырдин подписал документ «О мерах по либерализации внешнеэкономической деятельности», в соответствии с которым уменьшалось число товаров, вывоз которых ограничен квотами [6].

Одним из важнейших составляющих экономического развития России в 1992-1993 гг. было сотрудничество с бывшими республиками СССР, прежде всего со странами-участницами СНГ. В период прямого президентского правления политика России в этой сфере претерпела значительные изменения.

В сентябре 1993 г. странами СНГ был подписан договор об Экономическом союзе [7]. Это решение было результатом длительного переговорного процесса и первой попыткой создания на постсоветском пространстве экономического межгосударственного объединения. Важнейшую роль в создании Экономического союза сыграла Межпарламентская Ассамблея СНГ. Распад СССР повлек за собой разрыв прежних хозяйственных связей между республиками, что еще больше усугубило тяжелое экономическое положение в государствах постсоветского пространства. Наряду с центробежными тенденциями наблюдалось и стремление к интеграции, прежде всего в экономической сфере. Важно отметить, что интеграционные процессы развивались прежде всего на уровне межпарламентского взаимодействия. Народные избранники целого ряда стран-участниц СНГ рассматривали экономическую интеграцию как один из важнейших способов преодоления экономического кризиса. Экономические связи предполагалось строить уже на новой, рыночной основе. Значимую роль для России в процессе экономической интеграции стран СНГ сыграл председатель Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатов. Так, выступая на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ он заявил: «Мы могли бы решить двудеятельную задачу: способствовать законодательному обеспечению коренной модернизации структуры национальных хозяйств и содействовать совершенствованию механизма взаимных связей, постепенному переходу к политике согласованного и совместного развития» [8, С. 112].

Договор о создании Экономического союза открыл новые перспективы интеграции: организацию многосторонней ассоциации свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, валютный союз [9].

Набирало обороты формирование единого рублевого пространства – рублевой зоны «нового типа», в которую должны были первоначально войти Россия, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия, Армения, Таджикистан. Предполагалась единая кредитно-денежная, бюджетная, налоговая и валютная политика, а также единый эмиссионный центр [10]. Еще летом 1993 года в России были выпущены новые рубли, которые должны были стать единой валютой для государств, вошедших в единую рублевую зону нового типа. Поскольку на части территории постсоветского пространства продолжалось хождение

«старых» рублей, это являлось также фактором, подталкивающим ряд бывших республик к интеграции.

Возможность оформления единой рублевой зоны «нового типа» вызвала серьезную обеспокоенность в Международном валютном фонде, основном кредиторе экономических преобразований российского правительства начала 1990-х гг. Как указывает исследователь А.С. Захов, процесс интеграции шести стран Содружества в финансовой сфере сильно различался с долгосрочной стратегией МВФ, основанной на стимулировании финансовой самостоятельности бывших республик СССР путем введения ими собственной национальной валюты. При этом стимулирование процесса введения национальных валют должно было осуществляться не только посредством обещаний о содействии экономическому развитию, но и путем предоставления валютных кредитов [11, С. 22]. Можно согласиться с автором, что в стратегии и действиях МВФ «просматривается стремление ослабить экономическое влияние России на бывшие республики СССР, активизировать дезинтеграционные процессы и, в итоге, установить контроль за финансами и промышленностью стран Содружества со стороны международных финансовых и промышленных групп» [11, С. 23].

Формированию единой рублевой зоны в 1992–1993 гг. препятствовали и другие факторы. Доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН А.Г. Наговицин констатирует слабость проводимого правительством РФ экономического курса, особо выделяя далекую от совершенства систему погашения внутренних долгов и кредитов, получаемых под гарантию самого правительства РФ. Также он отмечает еще один немаловажный фактор: «Российская Федерация с самого начала проведения своих экономических реформ волей-неволей оказалась вовлеченной в «долларовую» валютную зону. Начиная с 1 июля 1992 г. доллар, как представитель долларовой валютной зоны, по форме и по существу стал выполнять роль всех функций денег» [12, С. 162].

Эти факторы казались преодолимыми в ближайшей перспективе, пока на политической сцене России существовали Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ. Важную роль при этом играла политика Центробанка РФ, выступавшего за форсированное объединение денежных систем и не видящего при этом угроз российскому рублю. С установлением прямого президентского правления в России ситуация в корне изменилась. Российское правительство выступило против немедленного введения единой валюты, требуя сначала постепенного сближения экономик стран экономического союза. Выдвигались и иные требования, заведомо неприемлемые для партнеров [13].

В условиях, когда другие заинтересованные в единой рублевой зоне страны СНГ нуждались в срочной замене наличных рублей, это привело к вынужденному введению ими собственных национальных валют. Можно констатировать, что в период прямого президентского правления Россия сама не дала возможности сформироваться единой рублевой зоне «нового типа», несмотря на значительные усилия, затраченные ранее всеми участниками

процесса. Та же судьба постигла и Экономический союз: уже в 1994 г. половина государств-участников заявила об отказе от практической реализации этого проекта [7].

Анализируя причины такого резкого поворота в отношении экономической интеграции со стороны России, в первую очередь можно обратить внимание на позицию Международного валютного фонда. В ходе «шоковой терапии» действия российского правительства, берущего в долг значительные суммы на проведение реформ у этой организации, не были самостоятельны, тогда как создание единой рублевой зоны «нового типа» шло вразрез с планами Международного валютного фонда. Съезд народных депутатов РФ как высший орган государственной власти по Конституции был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации, что позволяло ему проводить в жизнь любые инициативы. Верховный Совет как постоянно действующий орган Съезда в свою очередь в рамках межпарламентского сотрудничества мог свободно взаимодействовать с органами власти как стран-участниц СНГ, так и всех бывших республик СССР. Инициативы парламента о необходимости интеграции государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, не ограничивались только экономическими вопросами. Это шло вразрез с выбранным Президентом РФ курсом и стало одной из причин силового разрешения политического кризиса осенью 1993 г. Неудивительно, что после ухода с политической сцены Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, многие парламентские инициативы были буквально заблокированы новым политическим режимом.

Источники:

1. Москва. Осень–93: Хроника противостояния. М.: Республика, 1995.
2. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 41. Ст. 3924.
3. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4700> (дата обращения: 27.12.2024).
4. Российские вести. 1993. 21.09. № 182.
5. Байдаков И.М. Разработка радикальной реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации // Исторический журнал: научные исследования. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-radikalnoy-reformy-eltsina-gaydara-v-programmah-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.01.2025).
6. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 45. ст. 4341
7. История экономической интеграции евразийских государств. Досье // ТАСС URL: <https://tass.ru/info/1222521> (дата обращения: 02.01.2025).

8. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 1993. № 3.
9. Договор «О создании Экономического союза» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900462?ysclid=m5u1k6oqw2294840405> (дата обращения: 09.01.2025).
10. Соглашение о практических мерах по созданию рублевой зоны нового типа // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900462?ysclid=m5u1k6oqw2294840405> (дата обращения: 09.01.2025).
11. Захов А.С. Распад рублевой зоны «нового типа» (по материалам периодической печати) // *Russian Colonial Studies*. 2019. № 4. С. 21-31.
12. Наговицин А. Формирование рублевой валютной зоны: миф или реальность // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2009. № 1. С. 159-171.
13. Независимая газета. 1993. 30 октября.

E. A. Tarasova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***ESTABLISHMENT OF DIRECT PRESIDENTIAL RULE IN RUSSIA
(OCTOBER 1993) AND THE PROBLEM OF ECONOMIC INTEGRATION
OF THE CIS MEMBER STATES***

The article examines the main directions of Russia's economic policy during the period of direct presidential rule (late 1993 – early 1994), examines key decisions in the field of economic integration of the CIS member states at the end of 1993. The factors preventing the creation of a single ruble zone of a "new type" in the early 1990s and the reasons for the change of course towards integration are analyzed from the Russian side during the period of direct presidential rule at the end of 1993.

Direct presidential government, United ruble zone, CIS, Congress of People's Deputies of the Russian Federation, Supreme Council of the Russian Federation, CIS Interparliamentary Assembly, Parliament, President

УДК 659; 378.141; 316.776.34

А. Г. Трубникова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: 9954370@mail.ru)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДХОДОВ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ВЫБОРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ И ВУЗА

Систематизированы результаты исследований Кафедры «Связей с общественностью» СПбГЭТУ 2021-24 годов. В качестве основной цели исследования ставилось выявление подходов, которые использовали абитуриенты при выборе программ высшего образования в области рекламы и связей с общественностью. В качестве эмпирической базы исследования использовались публикации на обозначенную тему и результаты онлайн опросов первокурсников. На основании проведенных исследований сформулированы основные выводы и области применения.

Исследование; абитуриенты; студенты; опросы; онлайн формат; реклама и связи с общественностью; высшее учебное заведение; специальность

Конкурентное преимущество получают те вузы и кафедры, которые ввели систему исследований мнения абитуриентов и студентов для повышения эффективности коммуникаций с самой важной для образовательных организаций целевой аудиторией. Вузам в лице принимающих кафедр необходимо знать, из каких источников абитуриенты получают информацию, что влияет на выбор будущей профессии. Это нужно, чтобы доносить до потенциальных студентов информацию, которая поможет им разобраться в специфике будущей профессии и не сделать ошибку при своем выборе, т.к. это негативно как для самого абитуриента, так и для вуза.

Последние годы образовательные организации стали менять подходы по работе с абитуриентами. Внутри вузов активно работают подразделения, специализирующиеся на работе с потенциальными студентами. В условиях конкуренции за перспективных студентов, высшие учебные заведения разрабатывают программы продвижения, используя различные коммуникационные инструменты. Многие вузы участвуют в специализированных выставках, проводят дни открытых дверей, размещают информацию на своих сайтах, проводят встречи в школах. Активно используются онлайн площадки для абитуриентов. Образовательные организации применяют и классические инструменты для продвижения, включая наружную, внутреннюю, телевизионную и радио рекламу.

Различными вузами и исследовательскими компаниями проводятся опросы абитуриентов и студентов первых курсов для выяснения, как студенты выбирают вуз. Благодаря наработанным практикам, собираемую для анализа информацию можно разделить на основные блоки: мотивы выбора конкретного вуза, кто явля-

ется лидером мнения при выборе вуза, перечень источников информации, использующихся при выборе вуза и факторы влияющие на принятия решения [1].

Но, проблема работы с абитуриентами через «одно окно» заключается в том, что у крупного вуза много образовательных направлений по различным профилям, а абитуриентам сложно самим разобраться в специфике всех программ. Поэтому возрастает необходимость включаться в этот процесс выпускающим кафедрам, в координации с профильным по работе с абитуриентами структурным подразделением вуза.

Кафедра «Связей с общественностью» СПбГЭТУ с 2021 года ежегодно проводит опросы своих студентов [2], что позволяет сравнивать результаты и видеть динамику изменений.

Цели исследования – выявление и анализ мотивов, подходов, источников информации и других факторов, влияющих на выбор вуза и кафедры абитуриентами.

Основные характеристики исследования 2024 года:

Сроки проведения опроса: 10 – 23 сентября 2024 года.

Вид опроса: обезличенное онлайн анкетирование.

Площадка: Гугл формы (Google Forms).

Респонденты: в опросе приняло участие 109 студента 1 курса 2024 года дневной формы обучения по профилю «Реклама и связи с общественностью в коммерческой сфере» Кафедры СО СПбГЭТУ (87% из генеральной совокупности). Опрашиваются первокурсники в первые дни обучения в вузе, т.к. собирается информация, которая была для них актуальна на этапе поступления.

Характеристики респондентов

Гендерные: 80% студенток и 20% студентов.

Географические: 47% из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 7% из СЗФО, остальные студенты из различных регионов Российской Федерации.

94% респондентов окончили школу/лицей/гимназию. 4% учились в других вузах или окончили колледж/техникум. Оставшиеся 2% до поступления в вуз работали или служили в армии. По сравнению с исследованиями предыдущих лет увеличилась доля студентов, поступивших в вуз сразу после школы.

Подходы при выборе специализации

На вопрос что повлияло на выбор кафедры, большинство ответов касались положительных рекомендаций, отзывов и рейтингов кафедр и вуза. 62% первокурсников ответили, что у вуза хороший рейтинг среди других учебных заведений. По сравнению с опросами предыдущих лет этот показатель вырос на 20% в значимости для абитуриентов. Это еще раз подтверждает как для вуза важно участвовать в системе рейтингования. 48% респондентов отметили значимость для них хороших отзывов о кафедре в интернете. Работа с отзывами как кафедры, так и самого вуза должна иметь системный характер. Необходимо не только отслеживать отзывы на популярных у абитуриентов ресурсах, но и отрабатывать возможный негатив. Сарафанное радио также имеет значение при выборе вуза, т.к. респонденты отметили (42%), что на их решение повлияли советы друзей, зна-

комых, родственников. Для 37% была важна история создания и репутация кафедры, что они поступают на самую первую кафедру по Связям с общественностью в России. Для анализа, что было для студентов важнее выбор кафедры СО или вуза, 63% абитуриентов на первое место поставили выбор самой кафедры. Это еще раз подтвердило гипотезу о том, что активно продвигаться должен не только вуз, а обязательно и выпускающая кафедра.

При сборе информации о причинах выбора абитуриентами специальности, традиционно на первых местах стояли ответы о том, что данное образование дает возможность получения интересной творческой работы (79%), что после окончания обучения появится возможность работать по широкому спектру профессий (72%) и продвинуться по карьерной лестнице (56%). 47% респондентов отметили, что это престижная специальность. Данный блок ответов позволяет кафедре анализировать динамику предпочтений абитуриентов и правильно позиционировать кафедру во внешней среде.

Источники информации, которые использовали респонденты при выборе программы обучения и вуза

При сборе информации о вузе и кафедре СО среди поисковых систем на первом месте для абитуриентов были отмечены Google (63%) и Yandex (47%).

Из социальных сетей наиболее популярным источником был ВКонтакте (42%). Телеграм повысился в значимости для 24% респондентов. При анализе специализированных порталов для абитуриентов большинством использовался ресурс vuzopedia.ru. Следует отметить, что его популярность с каждым годом растет – в 2024 году среди респондентов данного исследования показатель достиг 86%. Также студентами использовались такие сайты как: spb.postupi.online (30%) и tabiturient.ru (19%). При анализе использования сайтов «отзовиков» выяснилось, что только 37% респондентов пользуются ресурсом otzovik.com, а большинство абитуриентов (55%) не использует данные площадки для сбора информации о вузах. Схожая ситуация и с карьерными ресурсами, 81% не использует данные ресурсы, а самым популярным является hh.ru (17%). Так как ранее абитуриенты обозначили, что отзывы о кафедре важны для них, то данную информацию нужно генерировать как на популярных у потенциальных студентов площадках, так и на специализирующихся на отзывах.

Факторы влияющие на принятия решения о выборе вуза и кафедры

При принятии решения, для большинства первокурсников было важно, какие предметы они будут изучать, уровень компетенций преподавателей. Также респондентам были важны отзывы студентов и выпускников о процессе обучения и полученных знаниях.

Информация о нагрузке, системе и сложности обучения, как и условиях обучения и оснащения аудиторий не была первичной. Внеучебная студенческая жизнь, на этапе выбора вуза, также не была на первых позициях. Традиционно был не высокий интерес абитуриентов к материально-техническому оснащению вуза. Зато респонденты проявляли интерес к информации, где работают выпуск-

ники кафедры, какие есть партнерские программы с потенциальными работодателями.

Кроме странички кафедры на официальном сайте вуза проанализированы и другие кафедральные онлайн ресурсы. На первое место по популярности вышел Телеграм канал кафедры с новостями (45%). Страничка кафедры ВКонтакте на втором месте (37%). Данные этой части исследования служат ориентиром для оптимизации системы размещения материалов на площадках кафедры, а также содержания информационных материалов.

Информация о влиянии рекламы и офлайн мероприятий вуза на решения абитуриентов

По мнению абитуриентов в 2024 году из всех рекламных инструментов, использующихся вузом для продвижения, у части респондентов был контакт с рекламой в интернете, наружной рекламой и рекламой на радио. Рекламу в интернете увидело большее количество респондентов.

Что касается офлайн мероприятий вуза, то наибольшим спросом пользовались экскурсии по ЛЭТИ (40%). 24% респондентов посещали дни открытых дверей, абитуриентскую практику посещало 12%. Эти показатели говорят о том, что есть необходимость повышать информированность о них у абитуриентов.

В качестве пожеланий о дополнительных мероприятиях респонденты традиционно хотели бы иметь возможность получать информацию на интересующие их вопросы о профессии и системы обучения в онлайн формате: консультации, лекции, встречи, конкурсы.

Проводимые кафедрой СО СПбГЭТУ ежегодные исследования предпочтений абитуриентов позволяют анализировать эффективность коммуникационных инструментов, которые применяет кафедра и вуз при продвижении своих образовательных проектов. Информация, полученная в ходе опроса, используется для корректировки контента, размещенного на внешних ресурсах. Анализируются поведенческие и психографические характеристики будущих студентов, уровень их знаний о профессии коммуникатора.

Результаты исследования, проводимые кафедрой СО, направляются в структурные подразделения вуза, специализирующиеся на разработке программ продвижения для абитуриентов. Это позволяет координировать усилия вуза и кафедры и повышать эффективность взаимодействия с потенциальными студентами. Дополнительным преимуществом исследования является то, что опрос является первым погружением новых студентов в профессию, показывает заинтересованность вуза в выстраивании со студентами системной работы, получении от них обратной связи. Формировать положительное мнение о кафедре и вузе необходимо не только у абитуриентов на стадии поступления. Важно выстраивать эффективные коммуникации со студентами на всем их пути от поступления в вуз до устройства на работу после его окончания [3]. Ведь мнение студентов и выпускников, также влияет на выбор абитуриентов. Важно привлекать заинтересованных в обучении молодых людей, которые понимают для чего они идут учиться в высшее учебное заведение, какую профессию они получают после его

окончания. Чтобы это был их осознанный выбор на базе доступной для них информации, а выпускник, оглядываясь назад, говорил бы, что он сделал правильный выбор и вуз помогал ему в этом.

Наиболее успешными организациями на рынке образовательных услуг становятся те вузы, которые смогли выстроить со своими студентами эффективные коммуникации, смогли удовлетворить запросы студентов. Находясь в постоянном контакте со своими студентами, вуз может получать полезную информацию, способствующую корректировке не только коммуникационных стратегий, а также всех образовательных программ с учетом спроса и рыночных тенденций. А, проведение исследований помогает собрать информацию, необходимую для построения эффективных коммуникаций со студентами на всех этапах их пути взаимодействия с вузом.

Источники:

1. Социологическое исследование: как абитуриенты выбирают вуз для поступления // ООО «Паравеб», 2023 г. URL: <https://unidigital.paraweb.me/articles/glavnoe/sotsiologicheskoe-issledovanie-kak-abiturienty-vybirayut-vuz-dlya-postupleniya/> (дата обращения 10.01.25).

2. Трубникова А. Г., Чугунова А. А. Внутриуниверситетские исследования для разработки коммуникационных стратегий // Сборник конференции: Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 309–314.

3. Шарахина Л. В., Трубникова А. Г. Карта пути студента (SJM) как инструмент повышения эффективности коммуникации университета. // Сборник: PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 2023. С. 13–18.

A. G. Trubnikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

RESEARCH OF APPLICANTS' APPROACHES WHEN CHOOSING A SPECIALTY AND UNIVERSITY

The results of the research of the Department of Public Relations of SPbGETU for 2021–24 are systematized. The main goal of the study was to identify the approaches that applicants used when choosing higher education programs in the field of advertising and public relations. Publications on the designated topic and the results of online surveys of first-year students were used as the empirical basis for the study. Based on the conducted research, the main conclusions and areas of application were formulated.

Research; applicants; students; surveys; online format; advertising and public relations; higher educational institution; specialty

УДК: 141.7

В. В. Тузов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tuzov_1950@mail.ru)

ТОМАС ГОББС О ФАКТОРАХ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ЛЕВИАФАН»

Рассматриваются аспекты мировоззрения и поведения, которые по мнению Т. Гоббса обеспечат устойчивость государства и соблюдение условий договора между людьми о его создании.

Гоббс, устойчивость, государство, человек, закон

Проблема устойчивости социальной системы не решена до сих пор. Различные катаклизмы потрясают государства. Особым индикатором неустойчивости или устойчивости социума сегодня являются «цветные» революции. Факторов, которые влияют на устойчивость социума много. Их делят на две группы: материальные и идеальные. Материальные связаны с уровнем жизни населения государства. Но даже при вполне сносном уровне жизни возникают бунты и революции. Это на арену политической жизни выходят духовные, идеальные факторы, место пребывания которых находится в сознании людей. Человек не живет в мире реальности полностью. И. Кант писал когда-то, что реальность недоступна познанию человека, она «вещь в себе». Поэтому человек придумывает свою реальность на основе ощущений, получаемых от взаимодействия с вещами реального мира. Об этом же пишет и Гоббс: «И хотя на определенном расстоянии представляется, будто произведенный нашей фантазией образ заключается в реальном и действительном объекте, который порождает его в нас, тем не менее объект есть одно, а воображаемый образ, или призрак, – нечто другое» [1, С. 3].

В силу этой особенности мировосприятия человек живет в мире знания о реальности, а не в самой реальности. Идеальный фактор особенно в современном, так называемом информационном обществе, крайне важен для обеспечения устойчивости государства. Устойчивость социума в значительной степени связана с представлениями человека о том, какой должна быть его жизнь, отношения в сообществе, форма взаимодействия человека с властью и т.д. Но представление формируется не только от взаимодействия с реальностью, но в значительной степени под воздействием информации, сообщаемой другими людьми, которые признаются авторитетами или слухами.

Проблема устойчивости социума волновала мыслящие умы на протяжении всей истории существования человечества. Рассмотрим, как она представлена в произведении Т. Гоббса «Левиафан». В самом начале работы автор сравнивает государственный организм с организмом человеческим, толь-

ко большим «... который называется Республикой, или Государством..., и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан» [1, С. 1].

Гоббс в деталях описывает множество факторов, которые влияют на обеспечение устойчивости государства.

Автор пытается показать людям благотворность или губительность того или иного поведения через анализ своих желаний и мыслей. «Кто будет смотреть внутрь себя и соображать, что он делает, когда он мыслит, предполагает, рассуждает, надеется, боится и т. д., и по каким мотивам он это делает, будет при этом читать и знать, каковы бывают при подобных условиях мысли и страсти всех других людей» [1, С. 2].

Он надеется на то, что если объяснить человеку, что его желания могут вступать в противоречие с желаниями других людей, так как они совпадают, то поведение человека изменится.

В короткой статье нет возможности рассмотреть всю работу с точки зрения того, как Т. Гоббс понимает устойчивость, поэтому ограничимся некоторыми его рассуждениями.

Своей работой Гоббс хочет показать читателю как следует перейти от одной формы поведения людей, которая основана на природном законе и страстях к другой, которая основана на разуме. В естественном состоянии все люди равны и свободны. Но это приводит к войне всех против всех, так как каждый делает все что захочет.

Однако такое поведение людей приносит им массу неудобств. «В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как ,никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [1, С. 48].

«При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [1, С. 48].

Учитывая неудобства естественного состояния, люди вынуждены были перейти к новым отношениям. Гоббс пишет: «Естественный закон, *lex naturalis*, есть предписание, или найденное разумом (*reason*) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению» [1, С. 49–50].

Далее автор Левиафана формулирует законы, которые, по его мнению, обеспечат сохранение государства.

«Первый и основной естественный закон, гласящий, что следует искать мира и следовать ему. Вторая часть есть содержание естественного права, сводящегося к праву защищать себя всеми возможными средствами.

Второй закон гласит, что в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе» [1, С. 50].

«... третий естественный закон, именно тот, что люди должны, выполнять заключенные ими соглашения» [1, С. 55].

«Четвертый естественный закон – благодарность. Человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказывает это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте» [1, С. 59].

Пятый естественный закон есть закон любезности, а именно что каждый человек должен приноравливаться ко всем остальным. Гоббс пишет, что человек должен быть выброшен из общества как негодный, если стремится удержать за собой то, что для него является чем-то излишним, а для других – предметом необходимости и который в силу непреклонности своих страстей не может быть исправлен [1, С. 59].

«Шестой естественный закон гласит: при наличии гарантии в отношении будущего человек должен прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого. Ибо прощение есть дарование мира.

«Седьмой закон гласит, что при отмщении люди должны сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением» [1, С. 60].

«Восьмой закон – против оскорбления. Так как всякое проявление ненависти или презрения вызывает борьбу, поскольку большинство людей в таких случаях предпочитают скорее рискнуть своей жизнью, чем оставаться неотмщенными, то мы можем на восьмом месте установить в качестве естественного закона правило, что ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать ненависть или презрение другому. Нарушение этого закона обычно именуется нанесением оскорбления.

Девятый закон – против гордости. Вопрос о том, кто является лучшим человеком, не имеет места в естественном состоянии, где (как это было показано ранее) все люди равны. Существующее в настоящее время неравенство было введено гражданскими законами.

Вот почему я в качестве девятого естественного закона устанавливаю здесь, что каждый человек должен признать других равными себе от природы. Нарушение этого правила есть гордость».

Десятый закон – против надменности. Из этого закона вытекает другой, а именно что при вступлении в мирный договор ни один человек не должен

требовать предоставления себе какого-нибудь права, предоставить которое любому другому человеку он не согласился бы» [1, С. 60].

«Одиннадцатый закон – беспристрастие. Точно так же если человек уполномочен быть судьей в споре между двумя людьми, то естественный закон предписывает, чтобы он беспристрастно их рассудил. Ибо в противном случае споры между людьми могут быть разрешены лишь войной» [1, С. 61].

Двенадцатый закон – равное использование общих вещей. Отсюда следует другой закон, а именно что неделимые вещи должны быть, если это возможно, использованы сообща, причем, если количество вещей позволяет, без ограничения, в противном же случае – пропорционально числу тех, кто имеет право, ибо иначе распределение неравномерно и небеспристрастно.

В тринадцатом и четырнадцатом законах Гоббс рассуждает о справедливости при разрешении сложных вопросов владения чем-либо. Здесь автор предлагает использовать жребий или присудить право на них первому владельцу, а в некоторых случаях первоначальному как приобретенные по жребию.

Пятнадцатый закон – о посредниках. То, что всем людям, которые являются посредниками мира, должна быть дана гарантия неприкосновенности. Ибо закон, предписывающий мир как цель, предписывает посредничество как средство, а средством для посредничества является гарантия неприкосновенности.

Шестнадцатый закон – о подчинении арбитражу. И так как даже при самой большой склонности людей к соблюдению законов могут тем не менее возникнуть вопросы в отношении действий человека: во-первых, было ли оно завершено или нет, а во-вторых (если было), совершено ли действие против закона или нет,

И отсюда естественный закон, гласящий, что в случае спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра.

Семнадцатый закон – никто не может быть судьей самого себя. Так как имеется, как мы видим, предположение, что всякий человек делает все для своей выгоды, то никто не может быть справедливым арбитром в своем собственном деле.

Восемнадцатый закон – никто не должен быть судьей в деле, в котором он в силу естественных причин имеет пристрастие. На том же основании не следует ставить арбитром того, кто явно извлекает больше пользы, чести или удовольствия от победы одной из сторон, ибо это означало бы, что судья получил (хотя и помимо своей воли) взятку, и никто не обязан был бы доверять ему.

Девятнадцатый закон – о свидетелях. А так как в спорах о факте судья не должен доверять одной стороне больше, чем другой (если нет других аргументов), то он должен доверять третьему лицу, или третьему и четвертому, или большему числу лиц, ибо иначе вопрос остался бы нерешенным и его решение было бы предоставлено силе, что было бы против естественного закона» [1, С. 61]. «Таковы естественные законы, -пишет Т. Гоббс, – предписывающие мир как средство сохранения людей в массе и относящиеся лишь к учению о гражданском обществе» [1, С. 62].

Сегодня многие вопросы, о которых пишет Т. Гоббс вошли в юридические документы, но их актуальность для обеспечения гражданского мира не потеряла актуальности.

Источники:

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль; 2001. URL: <http://religions.am/wp-content/uploads/2017/05/Leviathan-or-Matter.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).

V. V. Tuzov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THOMAS HOBBS ON THE FACTORS OF STABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE WORK "LEVIATHAN"

The aspects of the worldview and behavior that, according to T. Hobbes, will ensure the stability of the state and compliance with the terms of the agreement between people on its creation are considered.

T. Hobbes, sustainability, state, man, law

УДК 811.135.2

Л. А. Ульяницкая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru);

А. А. Бурчанова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: anastasia.burchanova@yandex.ru)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МОЛДАВСКОЙ ДИАСПОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В статье дается краткий обзор современных социолингвистических характеристик молдавской диаспоры, проживающей в Республике Крым, а также описываются основные исторические этапы ее формирования на Крымском полуострове. Анализируются данные, полученные путем анкетирования информантов, касательно уровня владения молдавским вариантом румынского языка, степени межпоколенческой передачи родного языка, культурообразующих элементов внутри диаспоры. Перечисляются подходы к определению отношения молдавского к румынскому языку. Приводятся фонетические и лексические примеры, отличающие молдавский идиом от стандартного румынского языка. В отечественной лингвистике до сих пор не предпринималось комплексного анализа молдавской диаспоры в Крыму, не велась работа с информантами, что объясняет актуальность и научную новизну этого исследования.

Молдавский вариант румынского языка, романские языки, социолингвистика, языковая ситуация в Республике Крым, национальная идентичность, полевые исследования

История молдаван в Крыму восходит еще к XV веку. В 1475 году состоялась османская осада крымского княжества Феодоро. Для защиты крепости Мангуп господарь Молдавии Штефан Великий направил в Крым отряд из трехсот молдавских воинов. Однако спустя полгода Мангуп был завоеван Османской империей [1, С. 362–363]. С XVI века Московское государство стало размещать молдавских кавалеристов в своих войсках. За особые заслуги молдавские воины могли получить во владение поместье, и некоторые из них, прослужив достаточное количество лет, оставались жить в стране [2, С. 15].

В эпоху Петра I молдаван, как носителей христианской веры, призывали в русские воинские части с целью борьбы с турками. Прутский поход Петра против Османской империи на город Яссы (на тот момент молдавский) привел к тому, что русская армия пополнилась значительным количеством молдавских воинов, которые затем остались в России [2, С. 19]. В рамках гражданской колонизации переселялись пленные или беженцы из Крымского хан-

ства, а также из Валахии и Молдавского княжества, находившихся тогда под властью Османской империи. В Крыму выходцы из Молдавского княжества проживали в основном в Бахчисарае и Гезлеве (Евпатории) и занимались в ханстве разведением скота [2, С. 72].

В ряде документов Государственного архива Республики Крым в городе Симферополе содержатся сведения о переселении выходцев из Молдавии в Таврию в конце 18 века [3]. В XIX веке были изданы указы губернского управления и императора Российской империи в связи с причислением в мещане выходцев из Молдавии и предоставление им открытых мест [4]. В 1863-1864 годах было издано поручение об отводе молдавским выходцам городских пустопорожних мест под постройку домов в Евпатории [5].

В конце XVIII века молдавские семьи поселились в селе Мангуш (сейчас село Прохладное Бахчисарайского района). На рубеже XIX и XX веков молдавские пастухи часто были на службе у крымских помещиков [6, С. 351]. В 1950-е и 1960-е годы молдаване были переселены в Крым вместе с русскими, украинцами и белорусами в результате политики переселения советского государства [6]. Осевшие в Крыму молдаване занимались земледелием (выращивание пшеницы, ячменя, кукурузы), виноградарством, виноделием, садоводством и животноводством. Традиционными домашними ремеслами являлись обработка кожи, камня и дерева, ткачество, вышивка, изготовление одежды и обуви. Сейчас на полуострове действует региональная национально-культурная автономия молдаван Республики Крым «Плай» (города Евпатория, Симферополь) [6]. В ноябре 2024 года был открыт Культурно-образовательный центр Молдовы в городе Ялта.

В экспозиции Крымского этнографического музея представлены данные переписи населения, раскрывающие национальный состав полуострова с 1897 г. по 2014 г. [7]. Так, со временем количество молдаван в Крыму постепенно возрастало: в 1897 г. их насчитывалось 272 человека, в 1926 г. – 556, в 1939 г. – 1 483, в 1989 г. – 6 604, в 2001 г. – 4 562, а в 2014 г. численность сократилась до 3 147 человек.

Однако во время видеомоста «Молдавская диаспора в Крыму» Кишинев-Симферополь, проведенного 15 октября 2020 г., Илиона Сорочинская, заместитель председателя региональной национально-культурной автономии молдаван РК «Плай» отметила, что «...На данный момент на полуострове проживают около 12 тысяч молдаван. Это одна из крупнейших диаспор на полуострове...» [8].

Молдаване входят в 10 крупнейших диаспор, проживающих в Крыму. Количественно их превосходят русские, украинцы, крымские татары, татары, белорусы, армяне, азербайджанцы и узбеки. А количественно уступают евреям, корейцы, греки, поляки, цыгане, чуваша, болгары, немцы, мордва, грузины, турки, караимы, крымчаки и другие [7]. Национальное разнообразие Крыма является его настоящим богатством, а культура и языковые традиции каждого народа заслуживают отдельного внимания и изучения.

Для сбора эмпирических данных были организованы две экспедиции в Республику Крым (октябрь 2024 г. и январь 2025 г.). В ходе поездок были проанализированы соответствующая литература и периодические издания, представленные в центральной городской библиотеке имени А. С. Пушкина в Евпатории, а также изучены архивные документы по истории молдавской диаспоры в Крыму в Государственном архиве Республики Крым в Симферополе. При подготовке к экспедициям была составлена социолингвистическая анкета. Интервьюирование информантов было проведено в Ялте, Алуште и Симферополе, и предполагало спонтанные ответы.

Беседы с информантами позволили сделать ряд выводов о современном состоянии молдавской диаспоры с точки зрения ее сплоченности и сохранения традиций. С одной стороны, несмотря на значительное количество представителей диаспоры, проживающих в Республике Крым, создалось впечатление о недостаточном уровне консолидации данного сообщества. Однако Культурно-образовательный центр Молдовы прикладывает все усилия для объединения крымских молдаван посредством организации различных мероприятий. С другой стороны, немаловажную роль в объединении членов диаспоры и утверждения идентичности крымского молдавского сообщества играет родной язык, освоение которого проходило в естественной языковой среде в Молдове до переезда в Крым. Некоторые информанты, заявив о том, что уже давно проживают на территории Крыма, тем не менее, продемонстрировали высокий уровень владения родным языком, которое является основополагающим критерием принадлежности к данной диаспоре. Отмечается также практически полное отсутствие ассимиляции молдавского и русского языков в речи билингов: в речи на молдавском языке не было обнаружено примеров смешения и переключения кодов. Относительно межпоколенческой передачи информанты выражали противоречивые оценки: одни информанты утверждали, что дети, родившиеся в Крыму, усваивают молдавский язык от родителей, и свободно говорят на нем, тогда как другие отмечали, что молодое поколение проявляет слабый интерес к родному языку и практически не говорит на нем.

В научном лингвистическом сообществе ведутся дискуссии по поводу статуса молдавского языка относительно румынского языка. Так, некоторые ученые считают, что это два равноправных названия для одного языка (Damian 2015) [9], (Kamusella 2017) [10]. Другие определяют молдавский язык как диалект румынского языка (Saratini 1992) [11]. Но также существует подход, в рамках которого эти два языка различают принципиально (Бернштейн 1950) [12], (Михальчи 1953) [13]. Интересно отметить тот факт, что только в 2023 г. Республика Молдова официально закрепила в Конституции статус румынского языка как государственного, несмотря на то, что ранее на протяжении многих десятилетий использовался термин «молдавский язык» [14].

Авторы настоящей статьи склонны называть данный идиом молдавским вариантом румынского языка, основываясь на наличии фонетических, грамматических и лексических отличий между этими двумя языками. Так, на фо-

нетическом уровне в речи информантов отмечается тенденция к палатализации согласных звуков перед буквой *e*: например, в лексемах *despre* 'о' (предлог), *greu* 'тяжелый' смягчаются звуки [d] и [r]. Кроме того, молдавская речь, в отличие от румынской, характеризуется менее ярко выраженной артикуляцией, а также переходом звука [tʃ] (*faci* 'делаешь', *cruce* 'крест' и др.) в звук [ʃtʃ], отсутствующий в нормативной румынской фонетике. На уровне лексики выявлены расхождения, связанные с употреблением лексем *basm* и *poveste*. В толковом словаре румынского языка представлены следующие значения соответствующих лексем: *basm* 'сказка', *poveste* 'повествование, рассказ о реальных или фантастических событиях' [15]. Однако информанты утверждают, что в молдавском варианте румынского языка лексема *basm* используется для обозначения понятия 'басня', а лексема *poveste* имеет единственное значение 'сказка'. Кроме того, молдавский вариант румынского языка отличается присутствием большого количества региональных лексем. Для передачи значения 'одеяло' (рум. *cuvertură*, *pătură*) используется целый ряд молдавских форм, к которым относятся *plapumă*, *iorgan* (встречается преимущественно на севере Республики Молдова) и *ogheal* (от ст.-слав. *odějalo*).

Один из информантов настоял на том, что норме молдавского варианта румынского языка соответствует употребление форм 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа (*sînt*), 1-го лица множественного числа (*sîntem*) и 2-го лица множественного числа (*sînteți*) глагола *a fi* 'быть'. Отметим, что в 1993 г. была проведена реформа румынской орфографии, и формы глагола *a fi*: *sînt*, *sîntem* и *sînteți* были изменены на *sunt*, *suntem* и *sunteți*. Соответственно, упомянутые информантом формы являются архаичными для грамматики современного румынского языка.

Также было отмечено резкое нежелание представителей молдавской диаспоры в Крыму использовать термин «румынский язык» применительно к своему родному языку. Возможно, такой выбор носителей косвенно демонстрирует их политическую позицию. Схожего мнения придерживается швейцарский лингвист П. Серио в статье «Что стоит за названием молдавского языка?» [16]. Ученый высказывает мысль о том, что сторонники присоединения Республики Молдова к Румынии или ее сближения с Европейским союзом склонны называть родной язык *румынским*, в то время как жители страны, настаивающие на ее полной независимости, либо на сближении Молдовы с Российской Федерацией, называют язык *молдавским*.

Наблюдаются различные тенденции к использованию языковой графики: люди старшего поколения предпочитают использовать кириллицу, а более молодые представители диаспоры – латиницу. Это может быть объяснено тем, что в Республике Молдова до 1989 г. преимущественно использовалась кириллица, а с 1989 г. для молдавского языка было закреплено использование латинского алфавита с румынскими диакритическими знаками.

Несмотря на то, что молдаване проживают на территории Крымского полуострова уже несколько столетий, молдавская диаспора окончательно

оформилась лишь в XXI веке. Она объединяет выходцев из Республики Молдова разных возрастов, их детей, родившихся уже в России, людей, не имеющих молдавского происхождения, но, например, выросших в Республике Молдова. Вопреки доминирующему русскоязычному окружению представителям диаспоры удается сохранять свои языковые и культурные традиции, которые являются первостепенными факторами в определении их национального самосознания.

Источники:

1. Герцен А. Г. Княжество Феодоро: от «альфы до омеги» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. №22. С. 348–363.
2. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975.
3. Дело о переселении украинцев, жителей пустошей – Молчанской и Сафроновской и молдаван, из Молдавии, в Западный Каир, Таврической области // ГКУ РК Государственный архив Республики Крым. Ф. 799. Оп. 1. Д. 30. 18 л.
4. О взятии показаний от турецких и молдавских выходцев, к какому городу или селению они принадлежали. На 4 л // ГКУ РК Государственный архив Республики Крым. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2887. 4 л.
5. Об отводе молдавским выходцам евпаторийских городских пустопорожных мест // ГКУ РК Государственный архив Республики Крым. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2173. Л. 2–3.
6. Лаптев Ю. Н., Прокопенков В. Н. Народы Крыма. Фотоальбом. Симферополь: Фирма Салга ЛТД, 2016.
7. Выставка «Этническая радуга Крыма» ко Дню России. URL: <https://ethnocrimea.ru/ru/publish/7654432543.html> (дата обращения: 10.01.2025)
8. РИА Новости Крым. Видеомост «Молдавская диаспора в Крыму» 15.10.2020. URL: <https://crimea.ria.ru/20201015/Videomost-Moldavskaya-diaspora-v-Krymu-1118784106.html> (дата обращения: 10.01.2025)
9. Damian A. Qui sommes-nous ? De l'identité collective à la construction nationale // Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin et Irina Gridan. Paris: L'Harmattan, 2017.
10. Kamusella T. Creating Languages in Central Europe during the Last Millennium. New York: Palgrave Macmillan, 2015.
11. Caratini R. Dictionnaire des nationalités et des minorités de l'ex-URSS. Paris: Larousse, 1992.
12. Бернштейн С. Б. Грамматика румынского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.
13. Михальчи Д. Е. Задачи молдавского языкознания // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Ф. Шишмарев [и др.]. М.: ФН СССР, 1953. С. 53–72.

14. Конституция Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=145723&lang=ru (дата обращения: 11.01.2025)
15. Dex.ro | Dicționarul explicativ al limbii române. URL: <https://www.dex.ro/> (дата обращения: 12.01.2025)
16. Серио П. Что стоит за названием молдавского языка? // Политическая лингвистика. 2021. №2 (86). С. 33–56.

L. A. Ulianitckaia (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
A. A. Burchanova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE MOLDOVAN DIASPORA IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

The article deals with a brief description of the modern sociolinguistic features of the Moldovan diaspora living in the Republic of Crimea, and also describes the main historical stages of its formation on the Crimean peninsula. The article examines the data collected through informant interviews regarding the level of proficiency in the Moldovan variant of the Romanian language, the degree of intergenerational transmission of the native language, and culture-forming aspects within the diaspora. The approaches to defining the relation between the Moldovan and Romanian languages are listed. Phonetic and lexical examples that distinguish the Moldovan variant from the Standard Romanian are given. In national linguistics, the complete analysis of the Moldovan diaspora in the Republic of Crimea has not been undertaken to date, and the informant interviews have not yet been conducted, which explains the relevance and scientific novelty of this study.

Moldovan variant of the Romanian language, Romance languages, sociolinguistics, language situation in the Republic of Crimea, national identity, field research

---

УДК 21/29

Ю. И. Ухатюк (студент-бакалавр 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ukhatuk1995@gmail.com)

«НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ» ЭРНСТА БЕРГМАННА

В статье рассматривается проект нацистского философа Эрнста Бергманна (1881–1945). по реформированию духовной жизни немецкого народа. Проект реформ призван полностью упразднить христианство на территории Германии, преодолеть всякую «негерманскую» форму религиозности. В трудах Бергманна, посвященных изложению «немецкой веры» наблюдается сочетание мотивов возвращения к древнегерманским воззрениям с мыслью о духовной зрелости человечества для отказа от христианства и перехода к всеобъемлющему реформированию мирового порядка, которое должен возглавить немецкий народ. Воззрения Бергманна возвращают читателя к проблеме осмысления природы нацизма, осмысления соотношения в нем устремлений по «модернизации» и реакционных корней этой идеологии.

Национал-социализм, немецкая религия, христианство, протестантизм, Третий Рейх, фелькише

При исследовании развития теологической мысли в начале 20 века, большой интерес всегда представляют наиболее прогрессивные и «революционные» направления либерального протестантского богословия. Вместе с тем, помимо традиционно наиболее изучаемого направления, имеющего гуманистическую направленность, наличествует также вектор развития протестантской теологической мысли, развитие этических идей которого можно обозначить «дегуманизирующим». Сочетание критического подхода к истории христианских догматов и к изучению библейских текстов вело многих теологов не к либерально-экуменическим идеям, но к осмыслению своего народа, нации, расы в качестве наиболее достойных объектов религиозного служения и поклонения, нежели к реализации своего служения через размытые после критического анализа рамки библейских заповедей и традиционных христианских добродетелей. Это направление обрело свое распространение в Германии начала XX века в виде идей «фелькише» и «немецкого христианства», а достигло своего апогея по степени интеллектуального влияния на общества после прихода НСДАП к власти в 1933 году. Как отмечает Бровко Л. Н., многие протестантские теологи после поражения Германии в Первой мировой войне были охвачены националистическими настроениями и ожиданием «национальной революции духа» [1, С. 63]. Эти идеи сочета-

лись с горячим желанием провозгласить немецкий народ в качестве новой церкви, единого духовного сообщества, являющегося «идеей Бога». Раса и кровь провозглашались ими «божественной субстанцией», что вело к далеко идущим планам по реформированию церковных структур Германии, направленному на преодоление конфессиональных различий и утверждение обновленной «германской веры» и «немецкой церкви» [1, С. 64]. Одним из очень примечательных деятелей этого направления, завершившим в своей теологической мысли переход от христианства к новой форме «германской религии» был Эрнст Бергманн (1881–1945).

Эрнст Бергманн был немецким философом, увлекавшимся также мистикой и теологией. Уже в 1920-е у него явно проявились националистические воззрения, и он стал симпатизировать партии национал-социалистов, затем присоединившись к движению. В 1932 году он пишет работу “Die deutsche Nationalkirche”, где излагает свой проект реформирования религиозной жизни немецкого народа. В этом же году он покидает Евангелическую церковь Германии, а в конце 1933 года становится одним из основателей «Движения Немецкой веры». Приветствуя приход национал-социалистической партии к власти, Бергманн пишет в 1934 году работу-манифест своей веры, «25 тезисов немецкой веры», которую сам именует «катехизисом» [2, С. 2]. Впоследствии, Бергманн выпускает еще ряд публикаций, посвященных «нордическому мировоззрению» и философии национал-социализма [3, С. 176]. Завершил свою жизнь Эрнст Бергманн весьма закономерно, покончив с собой 16 апреля 1945 года после того, как войска Союзников взяли его родной город Лейпциг. Теперь же обратимся к рассмотрению его работ, посвященных реформе религиозной жизни Германии.

Труд “Die deutsche Nationalkirche” представляет собой обширное сочинение, состоящее из трех частей. Первая часть сочинения посвящена истории т.н. «старой церкви», а конкретнее описанию истории протестантизма и католицизма на территории Германии, а также описанию сущности христианства и его противопоставлению германскому мировоззрению, которое автор объявляет «подлинной» религией. Обращаясь к истории христианства, Эрнст Бергманн считает Реформацию великим историческим актом возрождения «немецкой религии», а Лютера первым выразителем чаяний германского народа. Наблюдая довольно ясную связь Реформации и секуляризации, Бергманн видит заслугу Лютера в том, что он: «...закрыв церкви на всю неделю, открывая только в воскресенье...». [4, С. 10] Вынося суждение о современном состоянии христианских конфессий, Эрнст Бергманн считает, что они остаются не более чем «культурным институтом». Не сумев преодолеть вызовы научной революции и технического прогресса, они не смогли найти твердых оснований в обществе после крушения монархии в Германии. [4, С. 12] Бергманн расценивает секуляризационные процессы и развитие европейской цивилизации с XVI века в качестве «расцвета человека», отмечая, что церковная религия, при этом, никак не изменилась в лучшую сторону, оставшись связанной со средневековым мирозерцанием [4, С. 14]. Автор утверждает, что для современной стадии развития немецкого народа христиан-

ский Бог «устарел». Автор вопрошает, выражая ропот душ немецкого народа: «Почему наша церковь служит с помощью новейших порождений культуры старой идее Бога? Разве этот Бог предотвратил Мировую войну? Или Версаль? Так имеются ли основания для него возводить церковь? Поможет ли он нам немцам, как народу, созидающему новое человечество?..» [4, С. 15]. В конце введения перед первой частью повествования Эрнст Бергманн пишет поразительную фразу: «Потому мы предпочтем, чтобы Бог покинул нашу церковь. Но сами мы не желаем покинуть нашей церкви. Не [покинем]нашей церкви. Не [покинем] Немецкой Национальной церкви» [4, С. 15]. Начиная изложение первой главы и посвящая его лютеранской церкви, автор отмечает высокую степень упадка этой церкви и пустоту церковей [4, С. 16]. Бергманн утверждает, что ригоризм деятелей Реформации и «депоэтизация» ими христианства был лучшим орудием для «расцерковления», а крайний рационализм эпохи Просвещения уничтожил «крепость церковного романтизма» [4, С. 17]. Обращаясь к лютеровскому пониманию Бога, он считает, что в нем «прорастает идея немецкой национальной религии» [4, С. 22]. Лютера автор оценивает, как человека с «нордическим крестьянским духом», выступившим против средневекового аскетизма, подавлявшего «нордический органический порядок» [4, С. 27]. Бергманн считает большим недостатком протестантизма его «андрокрatism», который проявился в отвержении Лютером почитания Девы Марии, что нарушило баланс в религии, который требует мужского и женского божеств [4, С. 33]. Католицизм также «андрократичен», однако сохранил при этом «женское божество» в виде Девы Марии [4, С. 34]. Вновь обращаясь к современному состоянию протестантизма, Эрнст Бергманн пишет: «Почему проповедники удивляются пустоте церковей в воскресенье, если рабочий человек после трудовой недели скорее предпочтет посещение природы в воскресный день и почтить там Бога Природы, нежели пойти в церковь...» [4, С. 36]. Завершая раздел о протестантской церкви, Бергманн пишет: «Трезвая строгость лютеран, их достижения в формировании идеи личной моральной ответственности в XVI, XVII и XVIII веках стали основанием для несомненно великих завоеваний немецкого и европейского духа, многое значили для очищения немецкой культуры от заблуждений и злоупотреблений Средневековья, сослужив как для немецкого народа, так и для человечества незаменимую службу» [4, С. 38]. Начиная описание католического мировоззрения, он считает его: «бегством от волеизъявления и автономии мыслей» [4, С. 39]. Каждый убежденный католик должен «принести в жертву» собственную мысль, «склонившись» перед авторитетом Католической церкви [4, С. 41]. В отличие от протестантизма, католицизм оценивается Бергманном крайне негативно, так как он считает РКЦ организацией, которая существует для самой себя, а не для проповеди нравственности. Также он видит в католицизме сочетание «аморализма или морального пессимизма» с «прагматизмом» [4, С. 43]. Отмечается также «эмоциональное могущество» католицизма, обретающее свое выражение в церковном искусстве и архитектуре [4, С. 44]. Рассматривая вопросы сакраментологии и догматики католицизма, Бергманн считает их неприемлемыми для немецкой этики и культуры, что

заметил еще Лютер [4, С. 48]. Антикатолическая риторика встречалась в кругах национал-социалистов довольно часто. В особенности, против католицизма выступали представители СС. Как отмечает историк Ян Кершоу, противоположность этого мировоззрения признавалась даже во время принудительной мобилизации в СС молодежи весной 1945 года, что проявлялось в возможности уклониться от нее по причине католического мировоззрения [5, С. 604]. В разделе, посвященном сущности христианства Бергманн считает возможным сохранение в христианстве только тех догматов, которые «соответствуют природным и жизненным процессам» [4, С. 56]. Характеризуя христианскую этику, он утверждает невозможность воспитания порядочности в человеке на основе христианского представления о природной порочности человека от Адама [4, С. 62].

Вторая и третья часть посвящены непосредственно описанию «Немецкой религии» и проекта «Немецкой Национальной церкви». Во втором разделе описывает «немецкую этику», которая выражена в борьбе и «нордической этике воли» [4, С. 180]. Автор утверждает три императива «немецкой этики»: 1) императив действия (вся жизнь как борьба и труд на благо народа); 2) императив социальной справедливости; 3) императив воли к вере в Народ. Бергманн призывает не поклоняться «богу Израиля», а ожидать прихода «своих пророков» и поклоняться «германскому богу» [4, С. 213]. В третьей части, посвященном описанию будущей «национальной церкви», Бергманн предлагает закрепить за служителями этой религии статус государственных чиновников и утвердить ее в качестве единственной религии в Германии, запретив гражданину Германии покидать эту церковь [4, С. 275]. Эта идея имеет крайнее сходство с идеями гражданской религии Руссо и «культу Верховного Существа», установленном во Франции в эпоху Якобинской диктатуры. Отдельным пунктом Бергманн желал утвердить упразднение действия канонического права в Германии, утверждая единое регулирование всех государственных институтов и в т.ч церкви. [4, С. 275] Немало Эрнст Бергманн рассуждает о введении «женского священства», в чем он видит немалую важность для преодоления как «паулианской феминифобии», так и «дисгармонии» в церкви из-за ее «отрицания роли женского начала». [4, С. 345] Автор призывает отринуть «иудейский женоненавистнический» образ Евы, взяв в качестве сакральных образов для новой религии германских воительниц и богинь [4, С. 355]. Для полного преобразования жизни церкви, Бергманн также предложил перейти на богослужебный календарь, ориентирующийся на природные циклы [4, С. 383].

Таким образом, Эрнст Бергманн предстает перед нами одним из идеологов церковных реформ, которые начали свое осуществление во времена национал-социализма. В его трудах можно увидеть сочетание прогрессивных и «модернизирующих» идей с открытой поддержкой расизма, антисемитизма и других идей, лежащих в основе нацистской идеологии. Присутствие подобных взглядов в национал-социалистическом дискурсе на реформирование духовной сферы общества может вновь дать исследователям новую возмож-

ность осмысления феномена этой идеологии и определения степени ее «прогрессивизма» или «реакционности».

Источники:

1. Бровко Л. Н. Церковь и Третий рейх. СПб.: Алетейя, 2009.
2. Bergmann. E Die 25 Thesen der Deutschreligion. Breslau: Ferdinand Hirt Verlag, 1934
3. Poliakov L. Wulf L. Das Dritte Reich und seine Denker: Dokumente / Leon Poliakov; Josef Wulf. — Berecht. Nachdr. — München, New York, London, Paris: Saur; BerlinGrunewald: arani-Verlags-GmbH, 1978
4. Bergmann. E. Die deutsche Nationalkirche. Breslau: Ferdinand Hirt Verlag, 1932
5. Кершоу Й. Конец Германии Гитлера. Агония и гибель / Йан Кершоу; пер. с англ. О.Ю. Семиной. Москва: АСТ, 2014.

Y. I. Ukhatuk (Saint Petersburg State University)

ERNST BERGMANN'S GERMAN NATIONAL CHURCH

The article examines the project of the Nazi philosopher Ernst Bergmann (1881–1945). to reform the spiritual life of the German people. The reform project is designed to completely abolish Christianity in Germany and overcome any "non-German" form of religiosity. In Bergmann's writings devoted to the presentation of the "German faith", there is a combination of motives for returning to ancient Germanic views with the idea of the spiritual maturity of mankind to abandon Christianity and move towards a comprehensive reform of the world order, which should be led by the German people. Bergmann's views bring the reader back to the problem of understanding the nature of Nazism, understanding the relationship between its aspirations for "modernization" and the reactionary roots of this ideology.

National Socialism, German religion, Christianity, Protestantism, the Third Reich, Völkism

УДК 316.356.2

В. В. Фасахудинов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: fas.vlad.spb@ya.ru)

РОЛЬ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается трансформация казачьей семьи, как социального института и влияние казачьих семей на социальное развитие современного общества, освещая как сохранение идентичности, так и адаптацию к новым социальным условиям.

Социальное развитие, социальная трансформация, современное общество, казачья семья, идентичность, урбанизация, информационные технологии

В современном обществе, постоянно подвергающемся изменениям и трансформациям, казачья семья занимает особое место. Сохраняя традиции и культурные ценности, казачество на протяжении веков продолжает демонстрировать уникальный образ жизни, воплощающий в себе историческую память и национальную идентичность. Важно понимать роль казачьих семей не только как хранителей культурного наследия, но и как активных участников социальных процессов в современном мире.

Социальные трансформации, происходящие в обществе, предъявляют новые вызовы казачьему сообществу, заставляя его адаптироваться к меняющимся реалиям жизни. Это касается образования, экономики, социальной интеграции и многих других аспектов. В то же время, казачьи семьи играют ключевую роль в социальном развитии, продвигая идеи солидарности, ответственности и уважения к традициям [1, С. 139].

Особенности структуры казачьей семьи в современном обществе

В современном обществе казачья семья сохраняет уникальные черты, отражающие долгую историю, культурные традиции и специфику образа жизни казаков, однако она также неизбежно подвержена влиянию социальных трансформаций и вызовам, определяющим развитие всех социальных групп в настоящее время. Структура казачьей семьи, несмотря на эти процессы, сохранила некоторые особенности, которые отличают ее от типичной семьи в российском или международном контексте, но вместе с тем претерпевает изменения под воздействием современных социально-экономических реалий.

Первостепенное влияние на структуру казачьей семьи оказывает принцип родоплеменного устройства, который традиционно был определяющим в казачьем обществе. Этот принцип подразумевает тесные связи между разными

ми поколениями и семьями внутри казачьего общества, поддержку и солидарность между его членами. В современной казачьей семье это выражается в многочисленности поколений и живом участии родственников в жизни друг друга, особенно в воспитании детей, сохранении традиций и передаче культурного наследия.

Однако современные социальные изменения влияют на размер и состав казачьих семей. Урбанизация, образовательная и профессиональная мобильность молодежи приводят к тому, что традиционно большие семьи становятся меньше, а также к тому, что семейные связи, несмотря на поддержку общих ценностей и обычаев, ослабевают из-за географической дисперсии членов семьи [2, С. 67].

Другой особенностью структуры казачьей семьи является высокий уровень доминирования мужчин, отражающий патриархальные начала казачьего общества. Мужчина в казачьей семье традиционно считается главой семьи, ответственным за обеспечение и защиту своих близких, в то время как женщине отводится роль хранительницы домашнего очага и воспитателя детей. Хотя эта модель постепенно претерпевает изменения под воздействием глобальных тенденций равенства полов, идеалы и нормы, унаследованные от предков, по-прежнему сильны в казачьих семьях.

Особое внимание в структуре казачьей семьи уделяется воспитанию детей. Воспитание традиционно призвано вбивать в молодых казаков уважение к старшим, любовь к родине, навыки военного дела и труда, а также глубокое понимание своих корней и культуры. Широко распространено включение юношей и девушек в различные виды казачьей общественной жизни, включая участие в культурных мероприятиях, спорте и военно-патриотическом воспитании.

Под воздействием современных вызовов, таких как глобализация и цифровизация общества, казачья семья ищет способы сохранения своей идентичности, при этом адаптируясь к новым условиям. Это включает использование современных технологий для поддержки связей между членами семьи, распространенных на большие расстояния, а также сохранение и преобразование традиционных ценностей в новых социальных и культурных контекстах [3, С. 154].

Структура казачьей семьи в современном обществе представляет собой уникальное сочетание традиционных ценностей и современных социальных трансформаций. Она олицетворяет способность казачьего сообщества сохранять свою идентичность, одновременно адаптируясь к изменениям и вызовам современности.

Социальные трансформации: изменения в роли и функциях казачьей семьи

С течением времени казачья семья, являясь одним из ключевых элементов социальной структуры и традиционного общественного устройства, испытала значительные социальные и культурные трансформации. Эти изменения касаются не только внутренней динамики и функционирования казачьих семей, но также их роли в широком контексте современного общества, охватывающем как социальные, так и экономические аспекты.

Изменение экономической ситуации и переход от аграрного общества к более промышленно и информационно ориентированному типу экономики неминуемо повлияло на казачьи семьи. Если традиционно они выступали в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов, чья жизнь была нераздельно связана с землей и природными циклами, то сейчас наблюдается значительное усиление городского и промышленного влияния. Это привело к уменьшению сельскохозяйственной деятельности среди казачества и, как следствие, к изменению социального статуса казачьих семей в обществе.

Также немаловажным аспектом являются изменения в структуре и функциях казачьей семьи. В современном мире роль женщин в казачестве значительно выросла, что отражается не только в профессиональной сфере, но и в участии в управлении общинными и социальными процессами. Это касается и вопросов воспитания детей, где традиционные подходы сосуществуют с современными взглядами на образование и развитие ребенка, предоставляя более широкие возможности для их индивидуального и социального роста [1, С. 141].

Кроме того, экспансия информационных технологий и доступ к глобальному информационному пространству повлияла на казачью культуру и традиции, предоставив новые возможности для коммуникации и образования, но в то же время вызвав опасения по поводу сохранения уникального культурного наследия.

Молодое поколение казаков сталкивается с вызовами глобализации, которые требуют от них баланса между уважением и сохранением традиционных ценностей и необходимостью адаптации к меняющемуся миру.

Изменения в социальном составе казачьих общин, включая урбанизацию и миграцию, дополнительно усложнили вопросы самоидентификации и передачи традиционных ценностей. Это накладывает дополнительные обязанности на казачьи семьи в воспитании следующих поколений в духе уважения к своей истории и культуре, в то же время стимулируя их к активной адаптации и участию в современном общественном и экономическом процессах.

Современные социальные трансформации оказали весомое влияние на роль и функции казачьей семьи, ставя перед ней новые вызовы и задачи. С одной стороны, это адаптация к быстро меняющемуся миру, с другой – сохранение уникального культурного и социального наследия [4].

Эффективное преодоление этих вызовов требует гибкости, открытости к переменам и активного диалога как внутри казачества, так и с обществом в целом.

Вызовы социального развития для казачьих семей

Казачьи семьи, несмотря на свой традиционный уклад и значимую роль в истории России, сегодня сталкиваются с рядом серьезных вызовов, тесно связанных с процессами социальной трансформации. Эти вызовы касаются изменений в социальной структуре, экономических условиях, образовании, а также в области культурных процессов.

Одним из главных вызовов является интеграция в современное глобальное общество без потери своей уникальной культуры и традиций. Казачество самобытно, и его традиции насчитывают столетия, однако современный мир требует гибкости, адаптивности и иногда компромиссов, которые могут казаться неприемлемыми с точки зрения сохранения чистоты обычаев. Важно найти баланс между усвоением новых социальных ролей и сохранением идентичности.

Экономические изменения также затрагивают казачьи семьи. В условиях перехода к рыночной экономике и развития технологий казачьему населению приходится адаптироваться к новым трудовым отношениям, искать новые источники дохода, что иногда конфликтует с традиционными занятиями казаков, такими как скотоводство, земледелие, служба. Это может вызвать деградацию традиционных профессиональных навыков и, как следствие, утрату чувства ценности и самоуважения.

Сфера образования также представляет собой серьезный вызов. С одной стороны, необходимость в современном высококвалифицированном образовании очевидна для успешной социальной интеграции казачьего населения. С другой стороны, сохранение традиционной образовательной системы, включающей историю казачества, уход за конями, физическую подготовку и выживание в экстремальных условиях, становится все более трудной задачей в условиях стандартизации образовательных процессов.

Культурные проблемы и проблемы идентичности являются еще одним важным аспектом. В условиях глобализации происходит стирание границ, что ведет к диффузии культур и, как следствие, к риску потери уникальных культурных особенностей казачества. Казакам необходимо находить способы эффективного взаимодействия с иными культурами, сохраняя при этом свою идентичность и культурное наследие [2, С. 88].

Социальные трансформации и вызовы, стоящие перед казачьими семьями, многогранны и требуют не только внутренних усилий по адаптации и сохранению своей уникальности, но и поддержки на государственном уровне. Решение этих задач предполагает сложный компромисс между модернизацией и традиционностью, который будет способствовать устойчивому социальному развитию казачьих общин.

Перспективы развития казачьей семьи в современном обществе

В контексте социальных трансформаций, которые охватывают современное российское общество, казачьи семьи сталкиваются с рядом специфических вызовов и возможностей, определяющих их перспективы развития. Особенностью казачьего сообщества является его тесная связь с традициями и культурой, что делает адаптацию к меняющимся условиям особенно важным аспектом его эволюции. В этой связи, перспективы развития казачьей семьи в современном обществе тесно переплетены с возможностями сохранения своей уникальности, при этом вписываясь в общегосударственный контекст социальных изменений.

Одним из ключевых факторов, определяющих будущее казачьих семей, является образование. В последние годы наблюдается тенденция к интеграции особенностей казачьего воспитания в образовательные программы, что способствует сохранению идентичности, при этом обеспечивая высокий уровень адаптации казачьей молодежи в современном обществе. Развитие специализированных образовательных учреждений, а также курсов и программ, направленных на изучение истории, культуры и традиций казачества, позволит подготовить молодое поколение казачьих семей к успешной интеграции в экономическую и социальную жизнь страны, сохранив при этом свою уникальность и самобытность [5, С. 359].

Вторым важным аспектом является участие казачества в экономической жизни страны. Развитие собственного малого и среднего бизнеса, основанного на традиционных для казачества видах деятельности, таких как сельское хозяйство, коневодство, туризм и ремесленное производство, может стать одним из направлений экономического укрепления казачьих семей. Кроме того, возвышение социального статуса казаков, включая их участие в государственной и общественной жизни, будет способствовать укреплению позиций казачьих семей как активных и ценных членов общества.

Поддержка со стороны государства и местных общин остается неотъемлемым фактором в развитии казачьих семей. Государственные программы поддержки казачества могут оказать существенное влияние на улучшение условий жизни казачьих семей, способствовать развитию их культурной, образовательной и экономической активности. Важным аспектом является также развитие инфраструктуры в районах компактного проживания казаков, что облегчит доступ к социальным, медицинским и образовательным услугам, а также создаст условия для дальнейшего развития и процветания казачьих сообществ [3, С. 155].

Акцентируя внимание на таких аспектах, как образование, экономическая самостоятельность, государственная поддержка и укрепление социального статуса, можно сформировать благоприятные условия для развития казачьих семей в современном обществе. Ключ к успеху в этом процессе заключается в сбалансированном сочетании уважения к традициям и активного участия в жизни современного общества, что позволит казачьим семьям эффективно адаптироваться к изменениям, сохраняя при этом свою уникальную культурную идентичность.

Источники:

1. Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144.
2. Водолацкий В. П. Российское казачество: пути и перспективы развития. Ростов-н/Д.: Антей, 2011.

3. Бугай Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 148–163.

4. Фердинанд Теннис; Пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002.

5. Попов В. Г. О развитии семьи в современных условиях // Материалы Межд. науч.-практ. конф. «Семья на рубеже веков». (Пермь, 5–6 декабря. 2000). Пермь: Перм. ун-т, 2000. С. 11–13.

V. V. Fasakhudinov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF THE COSSACK FAMILY IN MODERN SOCIETY: SOCIAL TRANSFORMATIONS AND CHALLENGES OF SOCIAL DEVELOPMENT

The article examines the transformation of the Cossack family as a social institution and the impact of Cossack families on the social development of modern society, highlighting both the preservation of identity and adaptation to new social conditions.

Social development, social transformation, modern society, Cossack family, identity, urbanization, information technology

УДК 327.5; 327.8

Р. В. Федоров (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: eltech@ro.ru)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

В представленной статье рассматриваются мировоззренческие обоснования стратегии Запада, направленной на установление и поддержания глобального доминирования. Дан анализ теоретической концепции З. Бжезинского, которая является основанием для выработки американской внешнеполитической доктрины, стратегического подхода США в условиях глобального конфликта. Среди важных выводов – несогласие Запада с тем, что Россия считает себя великой цивилизацией, а не частью просто одного из фрагментов западной культуры. Конфликт между Западом и Россией выходит за рамки политического режима и фокусируется на различии базовых ценностей. Формы этого конфликта в 21 веке трансформировались, однако фундаментальные противоречия остаются. Статья показывает, как анализ интеллектуальной политической мысли позволяет понять глубинные причины и долгосрочные стратегии в геополитическом противостоянии.

Геополитическое доминирование, цивилизационный конфликт, базовые ценности

Понимание исторического процесса, когда исследователю постфактум доступна необходимая информация, связанная с раскладом взаимодействия социальных компонентов, с учетом как внутривнутриполитических, так и геополитических факторов влияющих на выбор пути развития социальной системы, как правило связано не только с объяснением необходимости и закономерности свершившихся событий, но и с диапазоном возможных сценариев, отличающихся от реально зафиксированного состояния последней в исследуемом временном диапазоне.

Для достижения стратегических целей в ситуации цивилизационного конфликта методы их достижения будут зависеть, прежде всего, от таких факторов как военный и экономический потенциал и наличия политической воли к осуществлению этих целей. Но, в любом случае, они будут определяться в контексте принятой идеологической парадигмы. Анализ интеллектуальной американской политической мысли позволяет понять концептуальные основы сверхдолгосрочных планов, реализация которых позволяла бы закрепить окончательное доминирование мировой глобалистской элиты.

Типичным представителем американской политической науки является Збигнев Бжезинский. Работы Бжезинского имели огромное влияние не толь-

ко на западную академическую политологическую мысль, но и на политическую элиту США. Бжезинский имел возможность проверить свои теоретические концепции в качестве высшего должностного чиновника администрации президента США. Начиная с 60-х годов он как советник работает с администрациями Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. В 1966–1968 годах является членом Совета по политическому планированию при Государственном департаменте США. В 1973-1976 году возглавляет Трехстороннюю комиссию, которая объединяла и координировала действия представителей элит Западной Европы, Японии и США. В 1976 году становится Советником по национальной безопасности при Президенте США. В 1987–88 гг. входил в комиссию министерства обороны США по формированию долгосрочной стратегии, в 1987–89 гг. был членом совета по внешней разведке при президенте США.

Анализ политических позиций и стратегий Бжезинского позволяет понять основные принципы, на которых строится американская внешнеполитическая доктрина, а его концептуальные идеи продолжают влиять на принятие решений в цивилизационном противостоянии России и Запада.

Книга «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники» стала идеологическим обоснованием перехода мира в новое состояние. Бжезинский обосновывал необходимость «Сообществу развитых стран» (Западная Европа, Северная Америка и Япония) идти путем координации и интеграции с целью формирования «нового мирового порядка», основанного на идеях глобального управления под руководством транснациональных элит. Сотрудничество с Советским Союзом маловероятно. Причем, различие в идеологии и политике не является определяющим, так как главное отличие в системе ценностей. Бжезинский обосновывает этот вывод парадоксальным допущением гипотетической ситуации, при которой если США были бы коммунистической страной, то и в этом варианте они остались бы соперником СССР. А при своем размахе и силе, «демократический СССР» был бы еще более опасен как конкурент современным Соединенным Штатам. «Такое соперничество вряд ли будет прекращено, если только не изменится характер отношений между нациями – а значит, и границы самого характера национального суверенитета» [1, Р. 107]. Предлагались несколько сценариев будущего СССР на ближайшие десятилетия (70-е – 80-е годы). Наиболее вероятной моделью для 1980-х годов будет сдвиг в сторону плюралистической эволюции или технологической адаптации, то есть «ограниченный экономический и политический плюрализм с повышенным акцентом на технологическую компетентность в условиях существования все еще авторитарного правительства» [1, Р. 69]. В случае плюралистической эволюции КПСС станет менее монолитной организацией, так как перестанет рассматривать свои идеологические программы как истину в последней инстанции. При технологической адаптации КПСС станет партией технократов – основной акцент будет сделан на дисциплину в сочетании с научными достижениями.

После распада СССР отношение к России как к возможному партнеру в мировой политике по факту не претерпело существенных изменений. «Поэтому, несмотря на то, что укрепление отношений сотрудничества с Россией желательно, Америке важно четко обозначить свои глобальные приоритеты. Если необходимо сделать выбор между расширением европейско-атлантической системы и улучшением отношений с Россией, то первое должно быть важнее» [2]. Запад должен последовательно отстаивать свои цели, сотрудничество с Россией возможно лишь в случае совпадения обоюдных интересов. В то же время он «должен пресекать любые попытки восстановления имперского характера России» [3].

Основная претензия к России состоит не в том, что она не входит в систему Западной цивилизации, а в том, что Россия считает себя великой цивилизацией. Следовательно, речь идет не о политическом режиме, а о структуре базовых ценностей, которые Бжезинский определяет как «квазимистический шовинизм». «По сути, Россия защищает целостность определенных основополагающих верований, которые характеризуют христианство, но, с точки зрения России, христианство теперь предаёт свои основы» [4].

Возобновление конфликта между Западом и Россией, который ранее поспешили объявить как анахронизм прошлого столетия, базируется на жестких ценностных парадигмах, фиксирующих понимание национальных интересов политическими элитами. Ценностные установки не подвергаются кардинальному пересмотру (хотя часть политического истеблишмента была готова их пересмотреть) несмотря на трансформации в динамически изменяющихся международных отношениях. Эта конфронтация того же порядка по своему содержанию, как и в 60- начало 80 годов XX века. Форма проявления конфликта в начале 21 века была другой. Она отличалась от классической холодной войны. Попытка «встроиться» в систему Запада не отменяли принцип безусловного лидерства США в мире. Фундаментальный характер противоречий не является результатом каких-то случайных ошибок в процессе взаимодействия России и Запада. Лучший мир будущего автоматически не наступил после исчезновения СССР.

Источники:

1. Zbigniew Brzezinski BETWEEN TWO AGES America's Role In The Technetronic Era. – NEW YORK: THE VIKING PRESS. Copyright. Printed in U.S. Aby H. Wolff Book Mfg. Co. Prepared under the auspices of the Research Institute on Communist Affairs, Columbia University, 1970.
2. Zbigniew Brzezinski A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76, No. 5 (Sep. – Oct). Pp. 50-64.
3. Seven Questions: A Conversation with Zbigniew Brzezinski // Foreign Policy No. 162, Sep. – Oct., 2007 URL: <https://foreignpolicy.com/2007/10/24/seven-questions-a-conversation-with-zbigniew-brzezinski/> (дата обращения: 12.01.2025).

---

4. Zbigniew Brzezinski Confronting Russian Chauvinism // The American Interest June 27, 2014 URL: <https://www.the-american-interest.com/2014/06/27/confronting-russian-chauvinism/> (дата обращения: 12.01.2025).

R. V. Fedorov (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

CONCEPTUAL JUSTIFICATION OF THE STRATEGY OF GEOPOLITICAL DOMINANCE

This article examines the ideological and worldview justification of the West's strategy aimed at establishing and maintaining global domination. It analyzes the theoretical concepts of Z. Brzezinski, which formed the basis for the development of American foreign policy doctrine in the context of global conflict. The main conclusion of the article is the disagreement of the West with the perception of Russia as a great civilization different from Western culture. The disagreement between the West and Russia goes beyond the political regime and is based on fundamental differences in values. In the 21st century, the forms of this discord have changed, but the underlying contradictions remain. This article shows how analyzing intellectual and political thought contributes to understanding the underlying causes and long-term strategies of geopolitical confrontation.

Geopolitical dominance, civilizational conflict, basic values

УДК 347

А. А. Фоменков (Нижегородский государственный университет им.

Н. И. Лобачевского, e-mail: artjom2310@inbox.ru);

В. М. Капацинская (Нижегородский институт Международного инновационного университета, e-mail: nnurio@mail.ru);

М. А. Быбин (Нижегородский институт Международного инновационного университета, e-mail: zoqmnf@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ: НАИБОЛЕЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В настоящих тезисах рассматриваются отдельные значимые аспекты применения искусственного интеллекта в правовой сфере. Выявлены некоторые направления, касающиеся как уголовного, так и гражданского права, где применение искусственного интеллекта может быть эффективным. Особо указано на большие возможности искусственного интеллекта в плане обработки огромных массивов информации и составлении типовых текстов.

Искусственный интеллект, правосудие, возможности, шаблонность, исковые заявления

Искусственный интеллект за последние несколько лет прочно вошел в жизнь миллионов людей и, не в последнюю очередь, россиян. ИИ получил распространение в самых разных сферах жизнедеятельности [1, С. 55]. Не обошла означенная тенденция и правовую сферу.

Прежде всего упомянем, что в настоящее время мировая практика знает примеры применения искусственного интеллекта в рамках борьбы с уголовной преступностью. Прежде всего возможности искусственного интеллекта в прогнозировании преступной деятельности. Такого рода способы прогнозирования могут стать более эффективными, рациональными и рентабельными (особенно с точки зрения затрат и распределения дефицитных ресурсов правоохранительных органов) [2, Р. 281–282].

В предиктивной полицейской деятельности правоохранительные органы некоторых государств используют искусственный интеллект для выявления закономерностей для принятия статистических прогнозов о потенциальной преступной деятельности.

Кроме того, активно используются полицейскими всего мира и социальные сети. В результате активнее выявляются преступления, точнее определяется местонахождение преступников, выявляются свидетели, а также распространяется информации о совершаемых преступлениях и преступниках [3, Р. 67]. То есть, соцсети помогают и в профилактике правонарушений, и в по-

иске преступников. Искусственный интеллект как раз и задействован в обработке данных из соцсетей для эффективной обработки на предмет прогнозирования преступной активности.

Важно указать, что новые технологии поднимают перед социумом и новые проблемы. Прежде всего это касается персональных данных и возможности утечки последних. Как показала практика, доступными нередко становились огромные массивы сведений. Так, в России в 2022 году были обнародованы данные Яндекс-еды, домашнего Интернет от Билайна и некоторых других компаний. Сведения могли позволить установить место жительства сотен тысяч россиян, равно как и места их работы. Станут ли такие утечки при использовании искусственного интеллекта невозможными, пока доподлинно не известно. Учитывая же, с каким объемом информации имеет дело искусственный интеллект, задействованный в сфере противодействия преступности, становится понятным, каковы могут быть последствия утечки данных. Относительно крайне важных вопросов, связанных с возможной утечкой информации, мы отсылаем к работе С. А. Воронцова и А. Г. Михайлова [4].

Другая проблема – насколько искусственный интеллект будет содействовать равному отношению к лицам из разных социальных групп или же он будет скорее играть на руку разжигающим рознь. Иначе говоря, насколько хорошо будет в случае появления рекомендаций для полиции от искусственного интеллекта, в которых будут содержаться призывы по принципу «активнее патрулировать участки улиц № и М, от домов Х до У, в которых компактно обитают представители ... этнической группы». Подчеркнем: вполне возможно, что в означенном отрезки количество правонарушений и впрямь больше, нежели даже по соседству.

Наличествуя возможности также и для применения возможностей искусственного интеллекта в судебной системе. Итак, что касается уголовного судопроизводства, искусственный интеллект может быть весьма эффективен и беспристрастен при оценке возможных рисков. В первую очередь это касается таких параметров, как размер залога или возможность/невозможность для смягчения наказания (в данном случае имеются в виду условно-досрочное освобождение, перевод на исправительные работы и т. п.).

Основные оценки риска связаны с прошлым опытом лица (наличие/отсутствие судимости, административные наказания), а также с социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, род занятий, место проживания и др.). Сам по себе отбор такого рода характеристик в целом можно признать если уж не правильными, то, как минимум, имеющими право на существование.

Интересный факт использования искусственного интеллекта в американской юстиции связан с алгоритмом, который призван прогнозировать продолжение преступной деятельности в случае, если обвиняемый в преступлении не взят под стражу. В данном случае имеются в виду в том числе и

возможности скрыться от правосудия. Эксперты определили, что данный алгоритм может обоснованно снижать число лиц, находящихся под стражей.

В МВД Российской Федерации также активно внедряют искусственный интеллект. Начальник Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России генерал-майор внутренней службы Юрий Войнов, в частности, заявлял, что «Основной целью проводимой в настоящее время цифровой трансформации является оптимизация процессов ведомственного и межведомственного взаимодействия, снижение административных барьеров, уход от необходимости посещения подразделений органов внутренних дел, сокращение расходов и снижение нагрузки на личный состав. Только ведомственная программа цифровой трансформации на 2022–2024 годы насчитывает более 500 показателей результативности в этой области» [5]. Кроме того, в отечественных реалиях имеются и весьма успешные примеры использования новых возможностей искусственного интеллекта, превосходящие иностранные образцы [6, С. 129].

Наличествуя также немалые возможности для применения искусственного интеллекта для прогнозирования исхода судебных слушаний. Для полицейского ведомства, понятное дело, важнейшим является то, насколько велики шансы осуждения лиц(а), находящихся(гося) под следствием. В ЕвроСоюзе, в частности, уже используется алгоритм, позволяющий определять с высокой точностью исход дел. Исследователи из Университетского колледжа Лондона и университетов Шеффилда и разработали алгоритм, который предсказывает с точностью около 80% результаты слушаний в Европейском суде по правам человека.

Отметим также, что рамках гражданского судопроизводства возможности применения искусственного интеллекта еще выше (во всяком случае, на текущий момент). Такое положение дел отчасти объяснимо тем обстоятельством, что многие гражданские иски носят сугубо типовой характер. Как следствие, искусственный интеллект с легкостью заменяет человека, не делая к тому же грамматических ошибок. В этом плане «слабость» искусственного интеллекта становится его «силой». В самом деле, для нас очевидно, что ИИ не способен писать качественные художественные произведения. Вместо них он будет выдавать «на гора» своего рода бортовые журналы, в которых содержание в целом сохранится, в то время как красота стиля, юмор и красочность описания (как персонажей, так и обстоятельств) будут напрочь утрачены. В типовых же правовых документах яркость повествования излишни, а попытки же украсить исковые заявления etc. идут документам во вред. Применение ИИ позволит избежать «красочности» в пользу сухости и следованию юридическим канонам. Итак, признаем: на сегодняшний день художественное произведение, подобное, например, «12 стульев» – яркое, красочное, расходящееся на цитаты – ИИ не напишет (и в этом его «минус» или, если угодно, слабость), но вот сухой иск составит. Как раз именно в этом и будет заключаться его «плюс».

Еще один очевидный плюс ИИ в правовой сфере в российских реалиях: он может эффективно анализировать огромные массивы данных. Прежде все-

го имеются в виду такие значимые для правовой системы, как судакт.ру [7, С. 130] и «Гарант». Их мгновенная обработка позволит не в последнюю очередь делать прогнозы относительно успешности судебных процессов и т. п.

Итак признаем: возможности искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, а равно как и в судопроизводстве (как гражданском, так и уголовном) пока отнюдь не безграничны. Тем не менее, большие возможности ИИ по обработке огромных массивов данных и составлению типовых по своей природе документов могут быть весьма востребованными сегодня в юридической сфере.

Источники:

1. Шацков А. А. Практика внедрения и распространения продуктов с искусственным интеллектом // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2021. № 9. С. 54–57
2. Horgan J. Against prediction: Profiling, policing, and punishing in an actuarial age – by Bernard E. Harcourt // Review of Policy Research. 2008. Vol. 25/3. pp. 281–282
3. Artificial Intelligence in Society. Paris: OECD Publishing, 2019.
4. Воронцов С. А., Михайлов А. Г. О проблемах, порождаемых использованием искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Ростовский научный журнал. 2019. № 3. С. 189–195.
5. Искусственный интеллект на службе в полиции [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/internet/48715031/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (дата обращения: 24.12.2024).
6. Пакляченко М. Ю. Направления использования технологий искусственного интеллекта для оптимизации деятельности правоохранительных органов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8–2. С. 127–131
7. Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Цифровизация как инструмент сближения судебной власти и народа // Судебная власть в России (к 100-летию Верховного Суда РФ). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 128–132

A. A. Fomenkov (Lobachevsky State University);

V. M. Kapatsinskaya (Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University);

M. A. Bybin (Nizhny Novgorod Institute of International Innovation University)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUSTICE SYSTEM: THE MOST PREFERRED APPLICATIONS

The present theses consider some significant aspects of the use of artificial intelligence in the legal field. Some areas of both criminal and civil law have been identified where the use of artificial intelligence can be effective. It is emphasized that artificial intelligence has great capabilities in terms of processing huge amounts of information and compiling standard texts.

Artificial intelligence, justice, opportunities, patterns, lawsuits

УДК 124.5 + 32.019.51

С. А. Хлыновская (СИУ РАНХиГС, e-mail: s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru)

РОЛЬ ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ

В статье рассматривается механизм контроля за знанием в структуре современной миросистемы. На основании миросистемного подхода И. Валлерстайна и его последователей раскрывается сущность способов монополизации знания в геокультуре и причина подавления альтернативных эпистемических систем.

Миросистемный анализ, неравный обмен, производство знания, геокультура

Расхожее выражение «кто владеет информацией – владеет миром» в бытовом использовании почти не вызывает сомнений. На самом деле, от первобытного состояния до современной эпохи цифровизации владение знанием является необходимым условием как выживания, так и более сложных критериев типа «успешности» и «престижа». И если раньше мудрость выживших предков давала основания считать их знание верным, то чем более становится доступной любая информация в мире широкополосного интернета и глобализации, тем острее встает вопрос о том, как она формируется и по какому принципу какое-то знание определяется как «правильное», а какое-то нет. Почему какая-то повестка проникает в самые распространенные фреймы, а какая-то признается маргинальной? И есть ли основания перевернуть выражение, увидев обратную связь – «кто владеет миром – владеет информацией»?

В фокусе исследования стоит место и роль знания в политической структуре миросистемы.

Методологическим основанием исследования выступает миросистемный подход И. Валлерстайна, при котором единицей анализа выступает миросистема – зональное деление «ядро – полупериферия – периферия» в мировой экономике на основании положения зоны в цепях неравного обмена [1, 17]. Однако экономический неравный обмен предполагает наличие инструментов, поддерживающих его существование. Они выражаются, прежде всего, в понятии геокультуры – набора идей, ценностей и норм, которые стали общепринятыми во всей этой системе и в дальнейшем ограничивали социальное действие [2, С. XVII]. Влияние геокультуры рассматривается через интеграцию теории форм капитала П. Бурдьё в миросистемный подход Ю. Корхоненом [3; 4] и М. Деметром [5; 6], а также дополняется способами конструирования авторитетного знания Р. Э. Ли [7; 8] и И. Валлерстайна [9].

Авторы школы миросистемного анализа разрабатывают конкретные проблемы исследования трех составляющих геокультуры – либеральное государ-

ство [4], гражданственность как институт [10; 11], социально-гуманитарные науки и их роль [5; 7]. Авторы сходятся на выделении «борьбы за знание» как одной из важнейших частей поддержания существования современной мир-системы наравне с экономическим и политическим контролем [4, Р. 50; 3, Р. 42]. Исследователи рассматривают этот процесс через расовую идеологию ассимиляции [11, Р. 72], доступ к резиденству в той или иной части мир-системы [10, Р. 469], трехмерную структуру мир-системы социальных наук [5, Р. 132] и контроль за секуляризацией авторитетного знания [9, Р. 227]. Последнее по глубине своего онтологического основания является базовой структурой для всех остальных. Контроль за секуляризацией авторитетного знания, начавшийся в конце средневекового периода истории (то есть на рубеже начала капиталистической мир-системы) вывел ориентир жизненного пути человека из области сакрального, трансцендентного, и подчинил его «вполне себе земным интеллектуальным и институциональным структурам» [9, Р. 227–228], которые создаются, управляются и распространяются такими же земными людьми. Такие структуры становятся основой современной мир-системы, наряду с привычными экономической (цепи неравного обмена и осевое разделение труда) и политической (система межгосударственных отношений) структурами. Они составляют полноту социально-культурного поля мир-системы, то есть области создания и распространения знания, которое, в свою очередь, определяет ценности [9, Р. 227–228].

Если экономическая цель мир-системы – бесконечное саморасширение, прибыль, выразимая через увеличение нормы прибыли, то целью политической структуры мир-системы является монополизирование коллективного принятия решений и легитимное принуждение [9, Р. 227–228]. Механизмом воплощения этой цели служит производство универсализированного знания, которое, таким образом, не отделено от общей динамики мир-системы, а скорее является существенной частью ее функционирования. Опираясь на предшествующие исследования М. Деметр указывает, что такие средства производства знаний, как популярная культура и образование, также служат для поддержания гегемонии центра, распространяя его ценности и идеологию [5, Р. 115–116]. Исследователь цитирует выражение Б. С. Сантоса «эпистемический цид», говоря о том, что гегемоны глобальной науки систематически игнорируют и уничтожают конкурирующие или альтернативные исследовательские традиции, что приводит к эпистемической монокультуре, в которой Запад сохраняет контроль над структурой знания [5, Р. 117]. В процессе становления эпистемической монокультуры с XVII века происходило систематическое отделение «объективного» знания от смысла и ценностей [7, Р. 7]. Такое отделение способствует спекулятивному восприятию математических и статистических дисциплин, таких как экономика, давая возможность рассматривать некое «объективное» знание, существующее само по себе, имеющее, на этом основании, почти священную способность к управлению человеческими делами (например, «невидимая рука рынка»). Более того, западная монокульту-

ра приводит к положению, в котором с одной стороны, социальное научное знание рассматривается как недостаточно национальное (в силу его следованию «объективным» западным стандартам), а с другой – национальные традиции рассматриваются как отсталые, в то время как западные знания и концепции считаются отличительной чертой [4, Р. 57]. Универсализация знания определяет альтернативные парадигмы как невозможные или неполноценные, и, согласно Ю. Корхонену, исторические общественные науки следуют их примеру, подтверждая модель Запада как оригинальную модель. В конечном итоге геокультура ядра принимает форму «производства и контроля знаний, которые монополизировали определения того, как могут выглядеть политические стратегии, способы описания мира и пути дальнейших изменений» [3, Р. 43–44].

Рассматривая исторические примеры Российской и Османской империй, Ю. Корхонен заключает, что «предельная сила конкретной геокультуры мир-системы заключалась не в ее отличии и отделении от неосновных империй, не в ее опоре на ядро против остальных, а в ее встроенности в неядерные» [3, Р. 52]. Таким образом, сила геокультуры заключается в том, насколько она сможет быть воспринята встраиваемыми в миросистему государствами, насколько монополизированное универсальное знание ядра сможет распространиться на этих территориях. В свою очередь, ее распространение подразумевает исключение выпадающего из подтверждения «истинности» западного знания. Этот процесс происходит за счет внедрения в институциональные контролирующие структуры встраиваемых государств регулирующих принципов, от рейтингов ВУЗов и индексов цитирования научных статей до распространяемой повестки инфлюэнсерами в социальных сетях.

Ввиду планомерного уничтожения альтернативы, Р. Э. Ли утверждает, что моменты перехода «когда система может выбирать между или между более чем одним возможным будущим, исторически редки и возникают только тогда, когда динамические системы, включая социальные, становятся неустойчивыми, потому что они были выведены из равновесия своим собственным внутренним развитием» и предполагает, что мир современности переживает начало такого перехода [9, Р. 234–235]. Перспективой дальнейших исследований является не только детализация существующего механизма контроля знания, но и поиск способов противостояния ему.

Тот, кто владеет информацией – владеет миром, равно как и тот, кто владеет миром – владеет информацией. Современная миросистема, основанная на планомерном мировом разделении труда и цепях неравного обмена в пользу стран ядра, контролирует воспроизведение разделения и цепей с помощью монополизации универсального знания. Сепарация «объективного» знания от ценностей социальных сообществ приводит к широким возможностям спекуляции этим знанием в пользу цели саморасширения современной миросистемы и поддержания существующего порядка. Противостояние монополизации

знания и разработка альтернативных эпистемических систем являются актуальной задачей социально-гуманитарных исследований.

Источники:

1. Hopkins T. K., Wallerstein I. *Commodity Chains: construct and research // Commodity chains and global capitalism*. Eds. Gereffi G., M. Korzeniewicz. Greenwood Press imprint of Greenwood Publishing Group, 1994. P. 17–20.
2. Валлерстайн И. *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2016.
3. Korhonen J. *Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives // World-Systems Analysis at a Critical Juncture* Eds. Payne C.R., Korzeniewicz R.P., Silver B. J. Routledge Taylor & Francis Group, NY, London. 2023. P. 42–54.
4. Korhonen J. T. *Statehood at the End of the Rainbow? Agonistics of Potentiality in the World-System// Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations // Eds. by M. Boatcă, A. Komlosy, and H.-H. Nolte, Political Economy of the World-System Annuals, Vol. XXXIX. 2018. P. 49–62.*
5. Demetr M. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences // Journal of World-System Research. 2019. Vol. 25(1). P. 111–144. DOI: 10.5195/JWSR.2019.887*
6. Demetr M. *Power relations in global knowledge production. A cultural/critical approach // Journal of Multicultural Discourses. 2019. Vol.15(1). P. 1–17. DOI: 10.1080/17447143.2019.1657124*
7. Lee R. E. *Life and Times of Cultural Studies: The Politics and Transformation Structures of Knowledge*. Durham and London, Duke University Press, 2003.
8. Lee R. E. *The Structures of Knowledge and the Future of the Social Sciences: Two Postulates, Two Propositions and a Closing Remark // Journal of World-System Research. 2000. Vol. 6(3). P. 786–796.*
9. Lee R. E., Wallerstein I. *Structures of Knowledge / The Blackwell Companion to Sociology / eds. by Blau J. R., Oxford, Blackwell Publishing, 2001. P. 227–236.*
10. Boatca M. *The Centrality of Race to Inequality Across the World-System // Journal of World-System Research. 2017. Vol. 23(2). P. 465–473.*
11. Treitler V. B. *Migration as a response to global inequality // Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations // Eds. by M. Boatcă, A. Komlosy, and H.-H. Nolte, Political Economy of the World-System Annuals, Vol. XXXIX. 2018. P. 63–78.*

S. A. Khlynovskaia (SIM RANEPА)

***THE ROLE OF KNOWLEDGE IN THE STRUCTURE OF THE MODERN
WORLD SYSTEM***

The article considers the mechanism of knowledge control in the structure of the modern world-system. Based on the world-system approach of I. Wallerstein and his followers, the essence of the ways of knowledge monopolization in geoculture and the reason for the suppression of alternative epistemic systems are revealed.

World-system analysis, unequal exchange, production of knowledge, geoculture

УДК 316.74

Ю. И. Хохлова (Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), e-mail: st900328@spbu.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Статья анализирует влияние цифровых технологий и новых социальных сетей на формирование религиозности в постиндустриальном обществе, акцентируя внимание на том, как современные информационные платформы ведут к трансформации как традиционных, так и неконвенциональных религий. Основная мысль текста заключается в том, что в условиях цифровой эпохи и постсекулярного мира новая религиозность не только не ослабевает, но, наоборот, активно развивается благодаря социальным сетям. Ключевым моментом статьи является анализ эволюции социальных сетей и их влияния на религиозные процессы.

Новые религиозные движения, социальные сети, цифровая эпоха, TikTok, культ идентичности, промышленные революции, Интернет

Начиная с эпохи Просвещения большое влияние обрела идея о том, что человеческий разум нуждается в освобождении от «религиозного тумана», власти религиозных предрассудков и суеверий. С течением времени идея эта воплотилась в концепции, согласно которой модернизации сопутствует неизбежная секуляризация, «рассакрализация» мира, уменьшение влияния религии в социуме. Однако современная ситуация в мире, в частности – обширный рост новых религиозных и пара-религиозных движений, продемонстрировала, что реальные социальные процессы строятся по более сложной схеме, чем прямая модель секуляризма.

Говоря о феномене новой религиозности в контексте цифровой эпохи, прежде всего следует обратиться к понятию промышленных революций, являющихся своего рода вехами, опорными историческими точками в развитии человечества. Цифровая эпоха не является первым фактором, в исторической перспективе кардинально повлиявшим на развитие человечества, как в общем социальном, так и в религиозном плане. Для определения контура явления новой религиозности в пост-индустриальном обществе необходимо отметить, что четвертая промышленная революция представляла собой лишь один этап в истории.

Не останавливаясь, однако, подробно на первых трех этапах, отметим, что четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0) основывается на внедрении нового способа производства, подразумевающего массовое использование цифровых технологий во всех сферах промышленности, глобальную автоматизацию

бизнес-процессов и широкое распространение искусственного интеллекта. Концепция Четвертой Промышленной революции описана в одноименной книге президента Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваба [1].

Массовая цифровизация и повсеместное использование технологий Индустрии 4.0 становятся ключевыми факторами при формировании нового религиозного сознания. Для новых религиозных культов, возникающих в это время, сам факт их существование определяется распространением цифровых технологий и в особенности – социальных сетей, что позволяет говорить об объединении новых религиозных течений в отдельный, самобытный по отношению ко всем ранее практикуемым, корпус культов.

Очевидным фактором, сопутствующим формированию новой религиозности в этот период, можно считать эффективность распространения актуальной повестки, доступность информации и потенциальная массовость каждого отдельного культа. Однако развитие самих социальных сетей приводит и к другим качественным последствиям. В постсекулярном мире они стали значительным фактором формирования актуальной новой религиозности и, в частности, одной из наиболее важных ее форм – так называемого культа идентичности.

В истории развития современных социальных сетей можно выделить три основных последовательных этапа, каждый из которых характеризовался собственным механизмом формирования социальных связей и типом распространения информации [2]. Сервисы «первой волны» (1997–2001 гг.), социальные сети первого поколения эпохи «Web 2.0» имели следующие функциональные особенности:

Установление социальных связей являлось односторонним – пользователи самостоятельно искали возможные контакты, обычно среди уже знакомых людей.

Распространение информации – «вирусное», не таргетированное, осуществлялось в виде публичных сообщений, поиск ее производился пользователем самостоятельно.

18 марта 1999 года американским студентом-программистом Б. Фицпатриком был создан Livejournal (Живой Журнал) – один из наиболее известных сервисов для ведения личных блогов, и именно на этой платформе пользователи впервые получили возможность создавать сообщества по интересам и вести общение в узкоспециализированных группах.

Платформы «второй волны», появившиеся в период с 2001 по 2004, отличались значительно большей избирательностью при распространении информации и формировании социальных связей. В 2003 году начинает работу сайт LinkedIn – социальная сеть для поиска бизнес-контактов (на декабрь 2023 года на данной платформе зарегистрировано более 1 млрд. пользователей [3]). В том же году появляется социальная сеть MySpace, предоставившая пользователям возможность формирования личных профилей, сообществ по интересам, а также – ведения собственных блогов.

Важнейшей вехой в истории развития социальных сетей, началом «третьей волны» их становления, однако, остается создание в 2004 году М. Цукербергом социальной сети, направленной на непосредственное общение и обмен «опытом», на основе механизмов работы которой впоследствии был запущен российский сайт «ВКонтакте». Социальные сети подобного типа – оснащенные так называемой «лентой новостей», четко таргетированные и имеющие глобальный охват – а также появившиеся соответственно в 2005 и 2006 годах сервисы YouTube, направленный исключительно на распространение видео-материалов, и Twitter (Социальная сеть, заблокированная на территории РФ по решению Роскомнадзора), отличающийся от обычной на тот момент модели краткостью (до 140 символов) и емкостью сообщений, значительно повлияли как на актуальный облик средств массовой информации, так и на развитие различных социальных групп и формирование современной новой религиозности. Центральное место в этом процессе занимает видеохостинг ТикТок, запущенный в 2017 году.

Социальные сети «второй волны» отличались ориентированностью на текст. Сообщества по интересам включали в себя обычно обширные дискуссии и подробные разборы материалов. Социальные сети постепенно обретали большое концептуальное значение. Преодолевая формат исключительно личного дневника, блоги и каналы на сайтах видео-хостингов получали статус, сходный с официальными СМИ и даже научной литературы. Однако с появлением ТикТока ситуация значительно изменилась. Основной особенностью данной сети является, конечно, предельная лаконичность и наглядность.

ТикТок представляет собой наиболее применимый и удобный путь формирования идеологии [4]. Это прежде всего обусловлено самим форматом подачи информации. ТикТок подразумевает четкость изложения, ясность и прямолинейность подачи, яркость и наглядность образов. Для формирования социально-религиозных культов сервис становится площадкой для проповеди. Высказанная за минуту идея не нуждается в обосновании и доказательствах – зритель получает обращающий на себя внимание и легко запоминающийся образ, не требующий времени и усилий для восприятия. Существовавшие ранее платформы для распространения фотографий не обладали такой силой – через статичный образ практически невозможно донести нужную мысль, изображения, смысл которых выходил за границы визуальности, сопровождалось текстовыми пояснениями, зачастую достаточно длинными. Краткие видео же доносили идею мгновенно. Важно отметить, что следом за ТикТоком и другие социальные сети, какие, как YouTube и ВКонтакте, запустили собственные сервисы для трансляции коротких роликов, как признав в этом формате наиболее эффективный способ распространения информации.

Важным условием, значительно повлиявшим на развитие новой религиозности в цифровую эпоху, стала пандемия вируса COVID-19 и сопровождавший ее «локдаун». Возникновение общечеловеческой угрозы такого мас-

штаба привело к необходимости борьбы с «ужасом бытия», апокалиптическими настроениями, обычно приводящими к всплеску религиозности.

Вынужденная самоизоляция, введение режима «локдауна» обособили людей друг от друга, лишили их реального общения и стали основой для всплеска популярности социальных сетей, ставших единственным средством взаимодействия с внешним миром и формирования общности на расстоянии. Наибольшую популярность в этот период обрел именно сервис ТикТок. Согласно отчету аналитической компании Sensor Tower, резкий рост скачивания приложения был зафиксирован в первом квартале 2020 года [5].

В отличие от других социальных сетей, создание контента в которых требовало значительных усилий, формат ТикТока больше всего подходил для того, чтобы стать «суррогатом общения». Короткие емкие видео-сообщения не нуждались в подробном сценарии (как, например, на YouTube) или серьезном редактировании. Кроме того, запертые в своих домах люди нуждались не только в непосредственной коммуникации, но и в иллюзии открытого мира, ощущении нормальности, подтверждении, что они не только не одиноки, но и существуют вне рамок собственного обычного окружения, что за стенами их домов, за границами их городов и стран мир все еще продолжает жить. Алгоритмы ТикТока предоставляли пользователям этот самый симулякр обычной жизни, позволяя получать и транслировать контент далеко за пределы их замкнутого персонального пространства.

Эффект ТикТока не ограничивался при том только возможностью развлечься и скрасить одиночество – социальная сеть обрела экзистенциальное значение для огромного количества пользователей, и, когда необходимость непосредственного замещения реального общения исчезла – локдаун был отменен – площадка заслужила огромный кредит доверия и статус, схожий с положением традиционных религиозных институтов, целью которых в тяжелые времена до тех пор так же была помощь в преодолении тревоги и страха [6].

Подводя итог, важно отметить, что появление и глобальное распространение социальных сетей явилось важным фактором формирования современного религиозного контекста, что стало чрезвычайно актуально в эпоху пост-секуляризма. Стремление человечества к рационализации и в то же время «разрационализации» собственного бытия остается тенденцией на все времена. Формирование новых семиотических культов, концептуализация неконвенциональных верований становится особенно актуальной в эпоху массового распространения и бесспорного влияния социальных сетей, которые становятся не просто платформой для создания и потребления контента, средством коммуникации и инструментом для распространения информации, но и своего рода трибуной, с которой любой желающий может обратиться к огромной аудитории с «проповедью», приглашая тех, кто готов слушать, в свой собственный информационный пузырь.

Источники:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016.
2. Бойд Данах М., Эллисон Николь Б. Сайты социальных сетей: определение, история и исследования // Журнал компьютерных коммуникаций. 2007. № 13 (1). С. 210–230;
3. Stephen Nellis LinkedIn hits 1 billion members, adds AI features for job seekers / Stephen Nellis [Электронный ресурс] // Reuters: [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/technology/linkedin-hits-1-billion-members-adds-ai-features-job-seekers-2023-11-01/> (дата обращения: 19.04.2024).
4. Подосокорский Н. Н. Мягкая сила ТикТока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 2: С. 117–146.
5. TikTok Was the Best-Rated of 2020's Top iOS Apps / [Электронный ресурс] // Sensor Tower: [сайт]. URL: <https://sensortower.com/blog/top-rated-apps-2020> (дата обращения: 21.04.2024).
6. Samira Rajabi. A TikTok Pandemic Story / Samira Rajabi. [Электронный ресурс] // History Colorado: [сайт]. URL: <https://www.historycolorado.org/story/hindsight-2020/2020/12/21/tiktok-pandemic-story> (дата обращения: 21.04.2024).

Yu. I. Khokhlova (St. Petersburg State University)

SOCIAL NETWORKS AS A DETERMINING FACTOR IN THE FORMATION OF THE CONTEXT OF MODERN NEW RELIGIOSITY

The article analyzes the impact of digital technologies and new social networks on the formation of religiosity in a post-industrial society, focusing on how modern information platforms lead to the transformation of both traditional and unconventional religions. The main idea of the text is that in the conditions of the digital age and the post-secular world, the new religiosity is not only not weakening, but, on the contrary, is actively developing thanks to social networks. The key point of the article is the analysis of the evolution of social networks and their influence on religious processes.

New religious movements, social networks, the digital age, TikTok, the cult of identity, industrial revolutions, the Internet

УДК 300.68

Ху Сянюй (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: huxiangyu12138@gmail.com)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОБЩЕСТВО

В данной статье описывается и контекстуализируется развитие цифровой социологии, обрисовываются основные контуры этой богатой и разнообразной области, а также подчеркивается, как технологические инновации проникают в политическую, культурную и социальную сферы. В то же время осознайте ключевые изменения, которые приносит цифровая жизнь.

Алгоритм, большие данные, оцифровка, цифровой разрыв, цифровая современность, этика, Интернет вещей, социальные сети, технологические изменения

Цифровая социология – это развивающаяся отрасль социологии, которая изучает глубокое влияние цифровых технологий на общество, особенно на то, как такие технологии, как интернет, большие данные, искусственный интеллект и другие, проникают в различные сферы социальной жизни и вызывают преобразования в этих областях. Эти технологии не только изменяют способы социального взаимодействия, социальные структуры, политическое участие и экономическую деятельность, но и, в определенной степени, ставят под вопрос традиционные социологические теории и методы, выдвигая новые исследовательские вопросы и социальные проблемы.

Прежде всего, развитие цифровой социологии связано с быстрым прогрессом цифровых технологий. С развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), особенно интернет-технологий, социальных медиа и мобильных устройств, цифровизация стала важной характеристикой современного общества. В начальный период исследования часто отделяли «киберпространство» от «реальной жизни», считая эти два пространства совершенно разными. Однако с распространением технологий границы между онлайн и оффлайн все больше размываются, и теперь признано, что цифровые технологии прочно вошли в повседневную жизнь и затрагивают все сферы общества, включая семью, образование, работу, политику, развлечение и так далее. Таким образом, одной из центральных тем цифровой социологии является изучение того, как цифровые технологии влияют на общественные взаимодействия и социальные структуры.

Цифровая социология исследует «предоставляемые возможности» (affordances) технологий, то есть те функции и потенциал, которые эти технологии открывают для различных социальных практик. Анализируя такие возможности, социологи пытаются понять, как цифровые технологии изменяют различные сферы социальной жизни, такие как взаимодействие между людьми, идентичность, культура, трудовые отношения, политическая мобилизация

и социальные связи. Цифровые технологии делают обмен информацией быстрее и удобнее, упрощают создание социальных сетей и обеспечивают новые формы участия в социальной жизни, но они также порождают новые неравенства и социальные угрозы.

Цифровые технологии изменили способы социального взаимодействия, особенно в семьях и личных отношениях. Современные коммуникационные технологии позволяют людям поддерживать длительные отношения и укреплять близкие связи через социальные медиа, мессенджеры, видеозвонки и другие средства общения, что влияет на процесс формирования и поддержания интимных отношений. Например, онлайн-платформы для знакомств или использование социальных медиа для эмоционального общения стали обычным явлением в современном обществе. Однако цифровые технологии также вызывают и негативные последствия, такие как слежка через социальные сети, кибербуллинг или даже предательство в отношениях.

Еще одним важным аспектом воздействия цифровых технологий является изменение трудовых отношений. Развитие цифровизации и автоматизации привело к трансформации традиционных моделей труда, особенно с ростом так называемой «экономики подработок» (gig economy), когда множество людей работают по краткосрочным контрактам, фрилансерами или в гибком трудовом режиме. Это также изменяет традиционные формы работы, включая удаленную работу, виртуальное сотрудничество и использование цифровых инструментов в офисах, стирая границы рабочего времени и рабочего пространства. Эти изменения открывают новые возможности, но одновременно вызывают вопросы о защите прав работников, социальной поддержке и рабочем напряжении.

Цифровые технологии также оказали серьезное влияние на политику. Цифровизация предоставила новые формы политического участия и платформы для общественной активности. Социальные медиа, например, стали важными инструментами для политических активистов, социальных движений и партий для распространения информации и организации мобилизации. Однако такая удобная политическая активность вызывает новые проблемы, такие как распространение фальшивых новостей, кибератаки и политическая поляризация. В частности, индивидуализированная реклама и «микроцелевые» политические сообщения, основанные на алгоритмах, могут влиять на выборы и изменять правила демократии. Эта практика широко использовалась на выборах 2016 года, в частности на Brexit и выборах Трампа, но она имеет долгую историю и используется во всех политических спектрах.

Цифровые технологии также усиливают социальное неравенство, особенно в контексте цифрового разрыва, когда разные группы людей имеют различный доступ к цифровым технологиям и возможностям их использования. Хотя многие люди могут наслаждаться преимуществами цифровых технологий, другие, например, представители бедных слоев населения, пожилые люди и жители отдаленных регионов, не имеют возможности воспользоваться этими преимуще-

ствами. Цифровой разрыв касается не только доступа к оборудованию, но и навыков работы с технологиями, возможности получения информации и участия в социальных процессах. Кроме того, новые технологии, такие как искусственный интеллект и алгоритмическое принятие решений, могут усиливать социальное неравенство, например, из-за алгоритмических предвзятостей, которые могут привести к дискриминации по признаку пола, расы и других факторов.

Вместе с тем цифровая социология также рассматривает, как цифровые технологии влияют на идентичность и культурное самовыражение. В условиях цифровизации идентичность человека больше не определяется только традиционными социальными ролями, такими как семья и работа, и теперь она может строиться через цифровые технологии, такие как социальные медиа и потребительские привычки. Люди создают и выражают свою идентичность в цифровом мире, что открывает новые возможности, но также подвержено влиянию потребительской культуры и цифровых платформ, которые могут манипулировать личными предпочтениями и брендами. В результате этого цифровизация превращает процесс формирования идентичности в динамичный и сложный процесс, в котором потребительское поведение и цифровая жизнь переплетаются.

В целом, цифровая социология изучает, как цифровые технологии формируют общественные структуры, социальные практики и взаимодействия, а также проблемы, такие как неравенство, этика и политические вызовы. Эта дисциплина объединяет традиционные социологические вопросы с современными цифровыми реалиями и пытается ответить на вопросы, возникающие в цифровую эпоху. С развитием технологий исследования в области цифровой социологии будут продолжать углубляться, помогая понять изменения в социальной жизни и создавая новые теоретические и методологические подходы для изучения цифрового общества.

Источники:

1. Kupriyanova M., Dronov V., Gordova T. Digital divide of rural territories in Russia // *Agris on-line Papers in Economics and Informatics*. 2019. Т. 11. №. 3. С. 85–90.
2. Ярина Е. В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // *Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 5 (61). С. 160–162.
3. Кузнецова Е. Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // *Вестн. Оренб. гос. ун-та*. 2010. № 10 (116). С. 20–65. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-43-65> 7.
4. Van Dijk J A G M. Digital divide: Impact of access // *The international encyclopedia of media effects*. 2017. P. 1–11.
5. Korovkin V. The digital life of Russian regions 2020: what defines the digital divide? // *SKOLKOVO Institute for Emerging Market Studies*. 2020.

6. Hargittai E. Beyond logs and surveys: In - depth measures of people's web use skills // Journal of the American Society for Information Science and technology. 2002. Vol. 53. N 14. P. 1239–1244.

7. Van Dijk. J. A. G. M. From digital divide to social opportunities // Paper-presented at 2005 International Conference for Bridging the Digital Divide. organized by the Korean Ministry of Information and Communication. Seoul. 2005.

8. Van Dijk J A G M. Digital divide research. achievements and shortcomings // Poetics. 2006. Vol. 34. N 4–5. P. 221–235.

Hu Xiangyu (Saint Petersburg State University)

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON SOCIETY

This article describes and contextualizes the development of digital sociology, outlines the main contours of this rich and diverse field, and highlights how technological innovations penetrate the political, cultural, and social spheres. At the same time, it recognizes the key changes brought about by digital life.

Algorithm, big data, digitization, digital divide, digital modernity, ethics, Internet of Things, social media, technological changes.

УДК 327

Д. Г. Черкасов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mitya-cher2801@yandex.ru)

ОТКАЗ ШВЕЦИИ ОТ ДВУХВЕКОВОЙ ПОЛИТИКИ НЕЙТРАЛИТЕТА

Длительное поддержание нейтрального статуса Швецией позволило стране получить особое положение в Балтийском регионе. Формальный нейтральный статус также способствовал развитию международного положения Швеции как великой гуманитарной страны, на достижение которого ушли многие десятилетия. Однако, спустя более чем 200 лет с момента имплементации политики нейтралитета, Швеция отказалась от своего особого статуса в пользу гарантий безопасности со стороны военно-политического блока НАТО. Данная статья посвящена изучению феномена шведского нейтралитета и анализу причин его упразднения.

Нейтралитет, Балтийский регион, НАТО, Шведские Демократы, Социал-демократическая партия Швеции, Умеренная коалиционная партия Швеции, региональная безопасность, военное сотрудничество

Внешиполитический нейтралитет и принцип неприсоединения к крупным военным блокам в мирное время долго являлся основополагающим элементом политики Шведского королевства. К 2024 году шведская политика формального нейтралитета преодолела отметку в 210 лет своего существования, однако этот год стал последним в длительной истории шведского изменяющегося нейтралитета.

Окончание наполеоновских войн и отделение Норвегии от Швеции в 1814 году стали отправной точкой для шведской нейтральной политики. В 1830-х годах король Карл XIV Юхан публично заявляет о том, что Швеция будет отныне придерживаться нейтральной политики. Можно утверждать, что этому поспособствовала сложившаяся международная и геополитическая обстановка [1, С. 166]. В дальнейшем внешнеполитический нейтралитет поможет Швеции избежать разрушительных последствий Первой мировой войны. Во время Второй мировой войны гибкий подход шведского коалиционного правительства к торговле с воюющими сторонами позволил хоть немного стабилизировать сложную экономическую ситуацию внутри страны. К 60-ым годам идея шведского нейтралитета постепенно становится частью шведской идентичности, а подобная внешнеполитическая линия стала прочно ассоциироваться с политикой Социал-демократической рабочей партии Швеции. Однако всеобщая поддержка принципа нейтралитета, как населением Швеции, так и правящими партиями не означала полное отсутствие предложений по изменению нейтрального статуса королевства.

В межвоенный период существовал шведский проект Северного оборонительного союза. Согласно ему, упрочнение и углубление военной кооперации государств региона рассматривались как лучшая гарантия сохранения нейтралитета. Однако эта идея не была реализована из-за прохладной реакции лидеров Норвегии и Дании, а также подозрительного отношения ведущих мировых игроков.

После окончания Второй мировой войны обсуждалась идея создания военного союза между Швецией, Норвегией, Финляндией и Данией. Предлагаемый союз обсуждался объединенным скандинавским комитетом зимой 1948–1949 годов, но напряженность времен холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом и подготовка к созданию западного альянса, результатом которого должен был стать Североатлантический договор, доказали, что усилия напрасны. Когда стало известно, что западный альянс не сможет поставлять скандинавским странам вооружения до удовлетворения их собственных насущных потребностей, Норвегия отказалась от переговоров. Дания по-прежнему была готова вступить в союз со Швецией, но шведы увидели в этом мало преимуществ, и предложение провалилось [2, С. 47]. Впоследствии Норвегия и Дания стали участниками Североатлантического договора и членами НАТО.

Завершение противостояния между СССР и США привело к значительным изменениям, как во внешней политике, так и в восприятии сферы безопасности Швеции. Страна перестала быть нейтральной территорией, расположенной между двумя сверхдержавами и военными блоками, и получила возможность более активно действовать на международной арене. В связи с этим в Швеции развернулась дискуссия о том, как страна должна вести себя в случае возникновения военного конфликта в ее регионе. Представители Левой партии, Партии «Зеленых» и Партии «Центра» высказали свои взгляды на этот вопрос. Они считают, что в случае войны Швеция должна придерживаться политики нейтралитета [1, С. 170]. Даже в условиях нарастающего кризиса безопасности в балтийском регионе Швеция не должна вступать в военные блоки, поскольку именно они и будут вовлечены в будущую военную конфронтацию. Схожую, однако, более гибкую позицию заняла и Социал-демократическая партия Швеции. При этом Умеренная коалиционная партия совместно с либеральной народной партией всегда придерживались другой, более проатлантической позиции, рассчитывая на всестороннюю поддержку Соединенных Штатов Америки и Североатлантического альянса.

Наличие внутренней дискуссии в Риксдаге был первым шагом к поступательному отказу от политики нейтралитета. Формально Швеция стала нарушать свои постулаты нейтралитета еще в 1995 году, когда Швеция присоединилась к Европейскому союзу (но отказалась от членства в еврозоне) и с середины 1990-х годов продолжала сокращать свои вооруженные силы. Швеция все чаще участвовала в международных миссиях в таких странах, как Босния и Афганистан. Продолжающееся сокращение собственной национальной обороны и вопрос о

том, действительно ли страна может защитить себя от агрессора, вызвали некоторую критику со стороны нарастающей оппозиции [3, С. 26].

В 2009 году Швеция согласилась заключить договоры о взаимной самообороне с ЕС и другими северными странами, положив тем самым конец почти 200-летнему периоду официального военного нейтралитета. В результате утечки дипломатических телеграмм США в 2010 году стало известно, что правительство Соединенных Штатов охарактеризовало «официальную политику Швеции в области безопасности» как «неучастие в военных союзах в мирное время и нейтралитет в военное время». Однако Швеция вносит свой вклад в различные боевые группы НАТО и ЕС и участвует в международных организациях. С марта по октябрь 2011 года Швеция участвовала в войне в Ливии в составе международного контингента под руководством НАТО. В 2014 году опрос впервые показал, что больше шведов выступают за членство в НАТО, чем против него (однако подобный результат стал возможен из-за большого числа не определившихся) [1, С. 172].

В 2014 году, на фоне введения антироссийских санкций, во внутренней политической дискуссии в Швеции наметились первые предпосылки к окончательному отказу от традиционной, хотя уже и формальной политики нейтралитета. Год спустя, после предупреждения НАТО о возможном обострении противоречий в Балтийском регионе, шведские парламентарии серьезно заговорили о возможном расширении альянса. В 2016 году представители Умеренной коалиционной партии (УКП) направили множество ходатайств и запросов о потенциальном членстве в НАТО. Эти инициативы нашли отражение в одобренной Риксдагом дорожной карте вступления в Североатлантический Альянс. Однако стоит отметить, что эти дорожные карты имели скорее символическое значение, так как многие из предложенных пунктов уже были реализованы в рамках различных программ партнерства с НАТО и его членами.

Начиная с 2014 года, участились опросы населения по поводу потенциального расширения НАТО за счет Швеции. Регулярные опросы Ipsos зафиксировали снижение числа шведов, выступающих против членства, с 56% в апреле 2015 года до 35% в декабре 2020 года. Примерно в это же время по результатам опросов произошел трехсторонний раскол: 33% высказались за членство, а 32% не определились [4]. Подобное снижение в значительной степени соответствовало росту числа неопределившихся, поскольку доля сторонников членства в НАТО оставалась в основном неизменной с 2014 года. Опрос, проведенный Sifo в июне 2016 года, показал, что больше шведов против вступления в НАТО, чем за, в то время как опрос, проведенный Rew в мае 2017 года, показал поддержку 48 процентов. В ноябре 2020 года опросы показали, что 65% шведов положительно относятся к НАТО, что является самым высоким показателем среди всех опрошенных жителей стран, не являющихся членами НАТО [4].

Хотя Швеция уже фактически являлась частью военной инфраструктуры НАТО, окончательное решение о ее вступлении не обсуждалось внутри стра-

ны до конца 2010-х годов. Это изменение взглядов шведских политических деятелей на важнейший внешнеполитический вопрос представляет особый интерес для исследователей. Устойчивость позиции Швеции по вопросу вступления в НАТО во многом обеспечивалась лидером Социал-демократической партии Швеции (СДПШ) и премьер-министром страны Стефаном Левеном (2014–2021). Он неоднократно публично заявлял, что Швеция будет сохранять свой нейтральный статус, пока он остается лидером страны. Учитывая позицию Левена, его традиционные оппоненты из Умеренной коалиционной партии Швеции (УКП) начали активно продвигать идею вступления в Североатлантический Альянс.

Смена руководства Социал-демократической партии Швеции, а также ухудшение внутривнутриполитической ситуации в стране и дальнейшая напряженность в Балтийском регионе привели к серьезным изменениям в политике нейтралитета Швеции. Особенно примечательно заявление лидера СДПГ Магдалены Андерссон, сделанное ею во время пребывания на посту премьер-министра Швеции с 2021 по 2022 год: «Европа, Швеция и шведский народ живут в новой и опасной реальности. В этой реальности Швеция нуждается в официальных гарантиях безопасности, которые дает членство в НАТО. Это решение мы приняли нелегко, после очень тщательного рассмотрения. Мы отходим от политики нейтралитета, которой Швеция придерживалась более 200 лет» [5, С. 36].

Однако не стоит рассматривать процесс отступления Швеции от политики нейтралитета и неприсоединения к военным блокам как поступательный и беспрепятственный процесс. Помимо наличия существенных разногласий среди парламентских партий по вопросу вступления Швеции в военно-политический блок НАТО и устойчивой нейтральной установки СДПШ до 2021 года, отступлению от формального нейтралитета также мешала позиция растущей политической силы крайне правых Шведских Демократов. За относительно небольшой срок в 12 лет с момента вхождения в Риксдаг в 2010 году Шведские Демократы стали ведущей политической силой и второй по численности партией в стране [6].

Даже не смотря на политическую изоляцию, с которой ШД столкнулись после преодоления четырех процентного барьера попадания в шведский парламент, правая партия со своими пользующимися успехом среди шведов популистскими предложениями оказывала существенное влияние на формирование программ остальных парламентских партий. Также Шведские Демократы в период роста популярности партии активно спекулировали на внешнеполитической зависимости Швеции от внешних акторов, в частности Европейского союза и НАТО, которое предоставляло стандарты вооружения и тренировало контингент. Лидер Шведских Демократов Йимми Окессон в 2019 году заявил: «Я не вижу перспективы выхода Швеции из ЕС. Даже если я выступаю за это, в обозримом будущем этого не произойдет, и тогда надо будет спросить себя, как наилучшим образом достичь тех целей, которые мы перед собой ставим, а именно вернуть Швеции и другим членам ЕС столько

суверенитета, сколько можно» [7]. В этом заявлении прослеживается постепенная смена ориентиров ШД в сторону более общепринятого консенсуса крупнейших партий о будущем блоковом статусе Швеции. В дальнейшем на фоне мировой эскалации 2022 года Шведские Демократы отказались от своих прежних позиций по поводу вступления Швеции в НАТО.

Немаловажным фактором активизации процесса отказа Швеции от своего формально нейтрального статуса стала инициатива Финляндии по присоединению к военному блоку НАТО. Подобное решение близкого соседа и партнера Швеции в значительной степени повлияло на позиции крупнейших политических акторов внутри Риксадага. Ярким примером этого является заявление лидера Шведских Демократов Йимми Окессона, сделанное им 9 апреля 2022 года: «Если Финляндия будет двигаться (в сторону НАТО) очень быстро, говорят об июне, тогда вопрос действительно встанет с ног на голову. Тогда мы должны, на мой взгляд, также начать этот процесс как можно быстрее... Тогда моя цель – обратиться в правление партии с просьбой изменить наше мнение (по поводу членства Швеции в НАТО)» [8]. Тот факт, что Финляндия смогла завершить процесс вступления в Североатлантический Альянс, в значительной ускорило усилия Швеции по нейтрализации противоречий с Турцией и Венгрией, которые блокировали вступление Швеции в НАТО.

На фоне роста антироссийских настроений в европейской политике, смены ориентиров Социал-демократической партии Швеции и партии Шведских Демократов и прихода к власти либерально-консервативной коалиции во главе с Умеренной коалиционной партией Швеции, среди крупнейших шведских партий сложился консенсус по вопросу вступления в НАТО. Только Партия Зеленых выступила против членства Швеции в Североатлантическом Альянсе, в то время как Левая партия заявила, что они предпочли бы проведение референдума по этому вопросу. Однако несмотря на то, что по результатам опросов общественного мнения большинство шведов на момент принятия политического решения в 2023 году большинство жителей Швеции проголосовало бы за вступление в Североатлантический Альянс, новое шведское правительство решило не выносить этот вопрос на референдум.

22 марта 2023 года члены Риксадага проголосовали за вступление в Североатлантический Альянс. Парламентское заседание открыл председатель партии Шведских Демократов по вопросам внешней политики Арон Эмильссон словами: «Современные вызовы предъявляют высокие требования к национальной обороне Швеции, и это (вступление в НАТО) необходимо сделать как можно скорее. Мы берем на себя ответственность за нашу собственную безопасность и оборону. В то же время мы также должны признать, что ничто не укрепит национальную оборону Швеции так быстро, как присоединение к военному союзу, который также поддерживается европейскими демократическими державами мира и включает в себя самую сильную военную державу в мире» [9].

Подобное высказывание отражает позицию не только Шведских Демократов, но и многих других политических партий современной Швеции. Если

Умеренная коалиционная партия и Либеральная партия традиционно выступали за вступление в НАТО и отказ от нейтрального статуса, остальные же партии признают неотвратимость принимаемого решения навязанного международной напряженностью. Они видят в НАТО удобного партнера способного обеспечить безопасность Швеции, обновить вооружение и сократить значительные расходы на оборону (на которую Швеция тратит значительно больше, чем прочие скандинавские и прибалтийские страны-члены НАТО).

Таким образом, отступление от политики нейтралитета и не вступления в военные альянсы в мирное и военное время является следствием множества внешних и внутренних факторов. С одной стороны, постоянно нарастающая угроза глобального конфликта, который может распространиться в частности и на Балтийский регион заставляла Швецию искать союзников среди соседей, а в дальнейшем и среди крупных блоков. С другой стороны, сложная внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся внутри шведского парламента, способствовала формированию консенсуса о будущем членстве Швеции в военном блоке НАТО. Отказ от нейтралитета, хоть и формального, не только обеспечивает Швецию некоторыми гарантиями безопасности, но и изменяет геополитическую ситуацию в Балтийском регионе, что в свою очередь может привести к еще большему нарастанию конфронтации и спровоцировать крупный конфликт.

Источники:

1. Рудинский А. В. Проблема нейтралитета и шведские политические партии // TerraLinguistica. 2010. №111. С. 165–170.
2. Гулякин С. С. Двойной нейтралитет Швеции в 1940–1970 годах // Terra Linguistica. 2018. №1. С.45–53.
3. Плевако Н. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. №2. С.24–31.
4. Pew Research Center's Global Attitudes Project, NATO seen in a positive light by many across 10 member states [Электронный ресурс] URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2020/11/30/nato-seen-in-a-positive-light-by-many-across-10-member-states/> (дата обращения: 06.01.2025)
5. Трухачев В. В., Россия – Швеция: тупик отношений? // Перспективы. Электронный журнал. 2023. №1 (32), С. 35–41.
6. Valmyndigheten, Valresultat 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://www.val.se/val2022> (дата обращения: 07.01.2025).
7. «Шведские демократы» отказались от требования выхода страны из ЕС, ТАСС, [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6078027> (дата обращения: 07.01.2025)
8. Åkessons besked om Nato: ”Har svängt”, Svenska dagbladet [Электронный ресурс] URL: <https://www.svd.se/a/PoG8v5/jimmie-akesson-svanger-om-nato-nar-finland-gor-det> (дата обращения 07.01.2025)

9. Sveriges medlemskap i NATO, Sveriges Riksdag. [Электронный ресурс]
URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/sveriges-medlemskap-i-nato_ha01uu16/ (дата обращения: 07.01.2025)

D. G. Cherkasov (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

SWEDEN'S REJECTION OF THE TWO-CENTURY POLICY OF NEUTRALITY

The long-term maintenance of Sweden's neutral status has allowed the country to gain a special position in the Baltic region. The formal neutral status also contributed to the development of Sweden's international standing as a great humanitarian country, which took many decades to achieve. However, after more than 200 years, Sweden abandoned its special status in favor of security guarantees from the NATO military-political bloc. This article is devoted to the study of the phenomenon of Swedish neutrality and the analysis of the reasons for its abolition.

Neutrality, Baltic region, NATO, Swedish Democrats, Social Democratic Party of Sweden, Moderate Coalition Party of Sweden, regional security, military cooperation

УДК 800.92:519.682

Чжэн Сяокэ (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: zhkscavenger@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИИ (НА НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Китайские студенты, обучающиеся в российских университетах, не только привнесли свой собственный культурный опыт и ценности, но и прошли через глубокий процесс культурной адаптации в процессе взаимодействия с российским обществом. С точки зрения theory of social mutual-construction, это явление можно понимать как процесс «мутуализма и совместной трансформации», то есть взаимодействия и взаимоформирующих отношений между индивидами и обществом.

Адаптация, ценность, социальное взаимное строительство, китайские студенты

В связи со все более тесными обменов между Китаем и Россией все больше китайских студентов предпочитают ехать в Россию для получения высшего образования. Согласно официальной статистике, в российских вузах обучается около 50 тыс. китайских студентов [1]. Сейчас основная группа иностранных студентов в России – китайские студенты, поэтому изучение их социальной адаптации имеет важное значение для развития российского образования. Являясь важным достижением китаизации социологии, the theory of social mutual-construction [2, P. 21] подчеркивает, что отношения между индивидами и обществом являются интерактивными и взаимно конструируемыми. Он открыл новую перспективу для изучения социальной адаптации китайских студентов, обучающихся в России. Согласно the theory of social mutual-construction, индивиды и их социальное окружение – это отношения, которые влияют и конструируют друг на друга [2, P.23]. Для студентов, которые выросли в Китае и учились в России, это означает, что они должны заново понять и определить свою идентичность в новой среде. Большинство исследований, посвященных китайским студентам, обучающимся в российских университетах, показывают, что языковой барьер является основным препятствием адаптации китайских студентов к русской культуре [3, С. 158]. Согласно опросу, более 40% китайских студентов заявили, что испытывают трудности с изучением русского языка [1]. Общаясь с преподавателями и одноклассниками, они не могут правильно выражать свои мысли, что часто приводит к недоразумениям. Другие исследователи указывали на различные методы коммуникации между Китаем и Россией. В процессе коммуникации китайцы обычно занимают относительно пассивную позицию. Китайская культура, как правило, утонченна и вежлива, и люди могут быть более так-

тичными при выражении своего мнения и избегать прямых конфликтов [4]; напротив, русская культура может быть более прямолинейной, особенно при обсуждении вопросов или критике. Поэтому в процессе общения китайские студенты могут казаться более консервативными или менее активными в выражении своих взглядов, в то время как российские студенты будут прямо указывать на проблему. Это явление заставляет китайских студентов испытывать большой дискомфорт в процессе общения с русскими студентами, что приводит к коммуникативным трудностям. Поэтому, чтобы избежать этих рисков, китайцы обычно предпочитают проводить время со своими спутниками. Во-вторых, это различия моделей образования между Китаем и Россией [3, С. 158]. Модель образования в России уделяет больше внимания самообучению и развитию студентов, но способность китайских студентов к самоограничению оставляет желать лучшего, и им трудно адаптироваться к модели обучения в российских университетах. Культурный шок, вызванный этими различиями, серьезно влияет на поведение китайских студентов при взаимодействии с российским обществом. Но китайские студенты стремятся адаптироваться к российским социальным структурам и правилам и переосмыслить свои отношения с окружающим миром. Исследования, посвященные адаптации китайских студентов к российской университетской среде, показывают, что степень адаптации китайских студентов возрастает с увеличением срока их пребывания в России [5, С. 60]. Эти студенты часто переживают процесс постепенной интеграции в местное сообщество из первоначальной изоляции, и у них постепенно формируется чувство принадлежности к университету организация. В течение этого периода они смягчали культурный шок, участвуя в общественных мероприятиях и налаживая межличностные отношения. В ходе этого процесса индивиды не только пассивно принимают новые культурные элементы, но и активно участвуют в построении новых социальных реалий и постепенно формируют гибридное самосознание, которое сохраняет первоначальные культурные особенности и принимает новую культуру.

Традиционные ценности китайских студентов, как часть их самобытной социальной культуры, продолжают играть важную роль в их учебе и жизни. Коллективизм, как наиболее важное сходство между китайскими и российскими ценностями, имеет разные специфические проявления. Коллективистская культура Китая основана на сплоченности, единстве и способности выживать сообща в обществе, «Мировоззрение китайского народа основано не на личных приоритетах, а на определенной социальной общности, основанной на коллективном единстве, которое понимается как высшая ценность» [6, С. 104], в то время как коллективистская философия России в большей степени основана на том, чтобы не отделяться от семьи и общества в процессе преодоления трудностей [6, С. 105]. Более того, русская коллективистская философия также придает большое значение тому, как отдельные люди могут максимально повысить свою эффективность в коллективе. В то же время гар-

мония также является основным содержанием традиционных китайских ценностей. Китайская концепция гармонии находит отражение в том, как лучше интегрироваться в общество и сосуществовать с ним [7]. Китайская концепция гармонии и коллективистская культура также являются причинами, по которым китайцы более охотно идут на контакт с людьми своей национальности: чтобы в максимально возможной степени избежать неопределенности и рисков, вызванных культурными различиями, и стараться не вступать в конфликт с окружающей средой. Дух коллективизма также может быть по-новому истолкован и развит при общении со студентами из разных культурных слоев. Например, в рамках командных проектов китайские студенты учатся достигать консенсуса, уважая при этом личное мнение. В то же время российские студенты также могут осознать важность командного духа. Самым важным является то, что, сохраняя сущность традиционной культуры, китайские студенты активно принимают и усваивают некоторые ценности общечеловеческого значения – в первую очередь, они придают большое значение личностному развитию и самообучению. Столкнувшись с требованиями к самостоятельному обучению, предъявляемыми российской системой образования, многие китайские студенты начали развивать в себе более сильные навыки самоуправления и критического мышления. Эта трансформация не только помогает им лучше справляться с академическими задачами, но и закладывает прочную основу для их будущей карьеры. Познакомившись с российскими образовательными концепциями, некоторые китайские студенты могут рассматривать непрерывное обучение как образ жизни, постоянное стремление к обновлению знаний и личностному росту.

Адаптация китайских студентов в российских университетах – сложный и динамичный процесс, это не только простая адаптация к новой среде, но и результат взаимодействия личности и общества. С точки зрения *theory of social mutual-construction*, этот процесс отражает двустороннее влияние между личным поведением и социальной структурой. Традиционные ценности китайских студентов не только влияют на их поведение в России и построение социальных отношений, в свою очередь, этот опыт также в определенной степени изменил их первоначальную систему ценностей, сформировав новую модель адаптации. Что еще более важно, благодаря своему глубокому взаимодействию с российским обществом они способствовали взаимопониманию и развитию двух культур. В ходе этого процесса они не только стали мостом, соединяющим культуры Китая и России, но и предоставили ценные тематические исследования для межкультурных обменов в контексте глобализации. Верим, что с дальнейшим углублением отношений между Китаем и Россией все больше китайских студентов найдут свое собственное пространство для развития в России и максимально повысят свою самооценку в условиях глобализации.

Источники:

1. Исследование контингента российских и китайских студентов в кросс-культурном контексте – состояние адаптации, существующие проблемы, анализ данных и возможные предложения. [Электронный ресурс]. URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=314923> (дата обращения: 10.01.2025)
2. Zheng Hang-sheng, Yang Min. How the Theory of Social Mutual-Construction Came into Being – An Examination about the Academic Tradition of Sociology and a Reflection on Empirical Reality during China's Accelerating Social Transformation // Journal of Renmin University of China, 2003. N. 4. P. 21–32.
3. Кузнецова О. В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема / О. В. Кузнецова, П. П. Дерюгин, Е. В. Кремнев // Научный результат. Сер. Социология и управление. 2024. Т.10, №3. С. 150–167.
4. Ли Я Нань. О культурных обменах и сотрудничестве в процессе развития китайско-российских отношений // Форум Северо-Восточной Азии, 2011, Т. 20. №.6. С. 113–119.
5. Константинов В. В, Максимова Н. А. Адаптация китайских студентов на различных этапах обучения в российском вузе // Национальное здоровье, 2024. №3. С. 59–64.
6. Беляева, Е. А., Грунт Е. В. Взаимодействие российских и китайских вузов в общемировом образовательном пространстве. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2020.
7. Китайско-российские культурные ценности и их воплощение во внешней политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.sciencenet.cn/sbhtmlnews/2012/8/262445.shtml> (дата обращения: 10.01.2025)

Zheng Xiaoke (Saint Petersburg State University)

***PECULIARITIES OF CHINESE STUDENTS STUDYING IN RUSSIA
(BASED ON SCIENTIFIC LITERATURE)***

Chinese students studying at Russian universities have not only brought their own cultural experiences and values, but have also gone through a deep process of cultural adaptation in the process of interacting with Russian society. From the point of view of the theory of social mutual-construction, this phenomenon can be understood as a process of “mutualism and joint transformation”, that is, interaction and mutually formative relations between individuals and society.

Adaptation, value, social mutual-construction, Chinese students

УДК 366.14; 304.444; 004.912

Л. А. Шалупов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vadhechuvachestvo@gmail.com)

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ИНДИКАТОР ЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕМЕН

Развитие и распространение молодежного сленга тесно связано с языковыми и общественными изменениями, преимущественно вызванными цифровизацией и глобализацией. Появление множества новых лексических единиц молодежного сленга, их трансформация и дальнейшее переосмысление зачастую осложняет взаимодействие между коммуникантами и становится катализатором масштабных языковых перемен.

Сленг, молодежный сленг, язык, цифровизация

Сленг молодежи представляет собой специфический пласт лексики, который используется преимущественно молодым поколением в рамках неформальной коммуникации. В научной литературе его обычно определяют как динамичный, эмоционально окрашенный и стилистически сниженный языковой компонент, отражающий социальные и культурные реалии определенного времени. Как утверждает Л. С. Халафян, молодежный сленг отличается экспрессивностью, краткостью и высоким уровнем приспособляемости к новым коммуникационным условиям [1]. Особое внимание уделяется позиции англицизмов, которые являются доминирующим элементом сленга в эпоху цифровизации. Это объясняется тем, что англицизмы удовлетворяют потребность в языковой экономии и выполняют функцию социального маркера, выделяя идентичность молодежных групп. М. А. Кронгауз рассматривает молодежный сленг как важный элемент языковых изменений, которые обусловлены трансформацией в обществе. Автор акцентирует внимание на том, что сленг выполняет как коммуникативную, так и эстетическую функцию, тем самым способствуя языковому творчеству. При этом М. А. Кронгауз отмечает, что сленг молодежи часто воспринимается обществом амбивалентно: как источник языкового обогащения и как фактор, который способствует его дестабилизации [2].

М. А. Кронгауз также выделяет несколько крупных периодов изменения языка, каждый из которых отражает определенные социальные этапы. Например, в 1970–90 годах доминировал «бандитский» сленг, отражающий эпоху криминальных структур и рыночных преобразований [2, С. 19]. Данную точку зрения подкрепляет Р. Н. Гараев, который, комментируя сцены сериала «Слово пацана», обращается к таким обозначениям, как «скорлупа», «автор» и т. п., сосредотачивая внимание на широком распространении кри-

минальной лексики в молодежной среде [3]. В начале 2000–х язык пополнился терминами, связанными с профессиональной сферой и развитием корпоративной культуры. Как отмечает М. А. Кронгауз, наступила «гламурная» волна, сопровождаемая словами, характеризующими потребительский стиль жизни и моду [2, С. 74]. Молодежный сленг органично вписывался в данные этапы, заимствуя лексические элементы из различных языковых слоев.

Особое распространение молодежный сленг получил в процессе цифровизации, что привело к возникновению новых стилей общения, обусловленных наличием интернета и развитием новых форм коммуникации. По мере распространения молодежного сленга через социальные сети и массовую культуру происходит динамичное обновление лексики и стилей коммуникации, что в свою очередь меняет традиционные каноны общения и языковые нормы. К примеру, использование интернет-сленга выходит за пределы молодежных групп и начинает использоваться более старшими поколениями, а также в профессиональных кругах и в сфере медиа. Одним из ярких примеров данного процесса является слово «хайп», которое первоначально возникло в молодежной среде США, затем проникло в сленг русскоязычной молодежи и впоследствии интегрировалось в языковую практику старших поколений [4; 5].

Стоит подчеркнуть, что молодежный сленг представляет собой языковой феномен, который характеризуется определенными возрастными и социальными рамками, которые, в свою очередь, определяют специфику его употребления. Основываясь на позициях Л. В. Милешиной и других исследователей, можно выделить три основных аспекта классификации носителей молодежного сленга: Возраст, социальные группы и динамику границ. Согласно Л. В. Милешиной, референтная группа носителей молодежного сленга включает в себя представителей возрастной категории от 12 до 30 лет с особым акцентированием внимания на школьниках (12–17 лет) и студентах (18–30 лет). Целесообразно отметить, что лексика школьников характерна для подростков, в среде которых особое место занимает игровой сленг или «сленг геймеров», на что указывают многие исследователи [6; 7]. Что касается молодежного сленга студентов, то здесь наблюдается более сложное тематическое направление, а также наличие профессионального и интернет-сленга, что также отражает ценности данной возрастной категории.

Исследователи также отмечают пересечение нескольких слоев общества, в которых активно используется сленг, а именно группу пользователей интернета, в которую в том числе входят геймеры, а также профессиональные сообщества, которые включают в себя представителей технических, творческих и иных сфер, в которых сленг служит средством упрощения коммуникации. Как отмечает Л. С. Халафян, границы использования молодежного сленга динамичны, и некоторые элементы школьного сленга со временем теряют актуальность или переходят в пассивный лексикон, в то время как новые термины активно пополняют общий молодежный сленг [1]. Социальные сети ускоряют данный процесс, способствуя обновлению границ молодежно-

го сленга, включая более старшие возрастные категории. Примечательно, что в пределах одного и того же сленга, в частности молодежного, наблюдается интенсивный процесс обновления лексического состава, что подтверждается выводами ряда исследователей. Так, Л. В. Милешина отмечает, что лексемы, такие как «шнурки» (родители) или «мочалка» (девушка), широко распространенные в молодежном сленге 1990-х годов, утратили свою актуальность и не используются современными представителями молодежной среды [6, С. 366].

Ставя во внимание тот факт, что сленг молодежи представляет собой одну из наиболее изменчивых систем современного языка, стоит обратить внимание на его лексические особенности, которые связаны с эмоционально-экспрессивной насыщенностью, краткостью и тематическим разнообразием. Как отмечает Л. В. Милешина «Молодежный сленг имеет ряд особенностей. Он отличается краткостью, эмоционально-экспрессивной окраской, изменчивостью» [6, С. 366]. Лексико-тематические группы молодежного сленга включают компьютерную игровую лексику (например, такие лексемы как «агриться» – проявлять агрессию или «гг» – от англ. “gg”, «хорошая игра»), термины из социальных реалий («хата» – дом, «няшка» – милый) и слова, связанные с медийным пространством и интернетом («флудить» – писать множество бессмысленных сообщений для отвлечения внимания или заполнения чата бессодержательным текстом, «затроллить» – вывести человека из себя или спровоцировать его с целью подшутить) [6, С. 366; 7, С. 42]. Основным источником пополнения сленга выступают заимствования, калькирование, а также словообразовательные процессы. Как упоминалось ранее, значительное влияние на лексику оказывает английский язык, откуда заимствуются слова и фразы, адаптируемые к особенностям русского языка. Примерами таких лексем могут послужить такие обозначения, как «чекнуть» (проверить), «краш» (объект симпатии) и др.

Исследование лексического состава молодежного сленга позволяет углубиться в анализ словообразовательных процессов, которые способствуют его постоянному обновлению и адаптации к современным условиям общения. В молодежном сленге широко используется аффиксация, как в случае с такими лексемами, как «зашкварный» (неприемлемый) или «зафакапить» (испортить). Существенную роль играет усечение слов, например, «видик» (видеокарта) или «препод» (преподаватель), что упрощает коммуникацию. Аббревиации, такие как «имхо» (in my humble opinion) или «акк» (аккаунт), также демонстрируют стремление к лаконичности. Метафоризация и ирония, как в словах «ламповый» (уютный) или «зашквар» (стыдная ситуация), придают речи юмористический и стилистически маркированный характер. Нередко встречаются случаи фонетической и графической игры, что способствует созданию уникального стиля общения внутри молодежных групп.

Подводя итоги, становится очевидно, что молодежный сленг представляет собой уникальное языковое явление, которое функционирует на пересечении социальных и технологических изменений. Как динамичный и эмоци-

онально насыщенный пласт языка, он быстро реагирует на изменения в обществе, отражая современные реалии и ценности молодого поколения. Обновление молодежного сленга происходит значительно быстрее, чем в других слоях языка. Он первым адаптируется к новым условиям коммуникации, в том числе к цифровым технологиям, вводя в обиход заимствования, кальки и неологизмы. Данные изменения проникают в повседневную речь более широких групп населения, способствуя трансформации языка в целом.

Кроме того, молодежный сленг служит площадкой для языкового эксперимента, создавая новые языковые формы, которые могут стать частью стандартного языка. Он отражает изменения в мышлении и способах взаимодействия, указывая на языковую эволюцию. Его изучение позволяет глубже понять механизмы языковой адаптации к изменяющемуся миру, выявить направления развития лексического запаса и оценить влияние социальных процессов на язык. Таким образом, молодежный сленг не только фиксирует текущие изменения, но и предвосхищает их, делая язык более многообразным и приспособленным к обновлению.

Источники:

1. Халафян Л. С. Англицизм – как маркер современного молодежного сленга (на основе русского языка) // *The Scientific Heritage*, № 52, 2020. С. 49–51. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizm-kak-marker-sovremennogo-molodezhnogo-slenga-na-osnove-russkogo-yazyka> (дата обращения 23.12.2024).
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва: Знак; Языки славянских культур; М.: Знак, 2007.
3. Кубрик, Автор книги «Слово пацана» комментирует сцены из сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте», YouTube. [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/10VAkDoIK4s?t=46> (дата обращения 14.12.2024).
4. Druzhko Show, Дружко Шоу #1. [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/kbQ4AN3X0NY?t=34> (дата обращения 14.12.2024).
5. Карасева Л. Что такое хайп и зачем он нужен людям и брендам // РБК. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/-61a72cee9a7947533ad23cf3> (дата обращения 19.12.2024).
6. Милешина Л. В. Особенности молодежного сленга в речи современного школьника // *Балтийский гуманитарный журнал*, № 1 (34), 2021. С. 365–368. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-molodezhnogo-slenga-v-rechi-sovremennogo-shkolnika/viewer> (дата обращения 23.12.2024).
7. Шалупов Л. А., Перлова Ю. В. Особенности функционирования игрового сленга в онлайн-коммуникации // *Материалы XIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»*, г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2024 года. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 41–45. [Электронный ресурс] URL:

https://cil.etu.ru/assets/files/2024/apya_sbornik_2024_web.pdf#page=9 (дата обращения 23.12.2024).

L. A. Shalupov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

YOUTH SLANG AS AN INDICATOR OF LANGUAGE CHANGE

The development and spread of youth slang are closely tied to technological progress, which significantly impacts the state of the modern language. The emergence of numerous new lexical units in youth slang and their reinterpretation often complicate mutual understanding between communicants and serve as a catalyst for large-scale linguistic transformations.

Slang, youth slang, language, digitalization

УДК 001.2, 32.019.5

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru);

Н. В. Шашкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nv.shashkova@gmail.com)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДИЗАЙН ГЕРМЕНЕВТИКИ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

В статье рассматриваются методологический потенциал герменевтики в области коммуникативных исследований. Диалог, интерпретация и понимание оказываются включены в концептуальное пространство коммуникативистики, расширяя ее научно-методический арсенал.

Коммуникация, взаимосвязь наук, герменевтика, коммуникативистика, воздействие на общественное мнение

Одной из самых обсуждаемых в профессиональном научном сообществе проблем коммуникативистики за последних несколько лет – ее методологический статус. Эта проблема получает различные фокусы своего осмысления: места и роли коммуникативной науки в системе современного знания; универсальности или прикладного характера научных изысканий коммуникативистики; исключительности собственного или вынужденного заимствования методологического инструментария и другие.

Подобные обсуждения проявляют себя и в научном, и в образовательном, и в профессионально-практическом дискурсах. Естественным образом они не могли не отразиться и в программах учебных дисциплин, реализующих подготовку специалистов в сфере профессиональной коммуникации, к которой традиционно относят, прежде всего, выпускников по направлению связей с общественностью и рекламы. Наибольшую актуальность эта проблема приобретает на уровне магистратуры и, конечно, аспирантуры. Ведь названные уровни подготовки напрямую сопряжены с развитием методологической культуры обучающегося, поскольку соотносятся с научно-практической и научно-теоретической деятельностью.

Разделяя мнение большинства исследователей о том, что и коммуникативистика сегодня представляет собой формирующуюся сферу научного знания, нам представляется справедливой точка зрения тех ученых, которые находятся на позиции методологической открытости, своеобразной междисциплинарности коммуникационных исследований. Она «предполагает анализ коммуникационной среды с помощью методов, приемов, инструментов, сложившихся в менеджменте, маркетинге, социологическом, политологическом и др. знаниях. Первые шаги в этом направлении сделаны, однако развитие

коммуникативистики потребует от профессионального сообщества более активного и одновременного более глубокого осмысления результатов применения новых исследовательских средств» [1].

Подчеркнем, что подобная методологическая открытость коммуникативистики совершенно не означает потери предмета ее исследования и не размывает ее границ. Сам предмет исследования представляет собой столь сложный феномен, что его познавательная сущность предопределяет принципы мультипарадигмальности и междисциплинарности.

Все вышеперечисленное позволяет нам обратиться к традиции герменевтического анализа в научно-исследовательской парадигме коммуникативного опыта.

Важнейшей категорией для коммуникативистики является введенное в герменевтическую теорию Г. Гадамером понятие диалога. При этом для профессионального коммуникатора герменевтическое понимание диалога важно именно с точки зрения генерации нового смысла, который возникает в процессе взаимодействия между коммуникатором и реципиентом. Именно это задает коммуникативное видение сообщения, которому соответствует трехчастная композиция: коммуникатор – реципиент – смысл. Таким образом, диалог выступает фундаментальным условием коммуникации как процесса смыслопостижения.

Восприятие диалога именно как нового смыслообразующего элемента позволяет определить интенциональную ценность коммуникатора. Это означает, что в сообщении всегда отражены смысловое намерение/установка отправителя. Понимание интенциональности сообщения является важнейшим для профессионального коммуникатора, поскольку именно *целевое* социальное взаимодействие определяет специфику коммуникации. Интенциональность сообщения напрямую связана с интерпретацией смысла, передаваемого в нем. Интерпретация в герменевтике рассматривается как необходимое условие диалога. Причем диалога, не имеющего своего принципиального завершения, поскольку обретение смысла представляется герменевту как онтологическая категория. С помощью языка «обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [2, С. 270]. Универсальный статус процесса интерпретации в герменевтике методологически обогащает профессионального коммуникатора.

Это связано прежде всего с тем, что формируется установка на множественность точек зрения, мнений и позиций. Речь здесь не идет о поверхностном уровне, реализующемся в прагматике поведения (по типу «каждый участник диалога имеет право на собственное мнение» и т. п.). Принцип герменевтической интерпретации подразумевает проживание чужого опыта или, как остроумно и очень точно замечает Р. Крейг, опыт непохожего. Не обязательно согласие с этим опытом, но его принятие необходимо для осуществления эффективной коммуникации. Благодаря интерпретации «я напрямую ощущаю наше сходство и наше различие, не только другого как другого для меня, но и себя самого как другого для него» [3]. Герменевтическая интерпре-

тация для профессионального коммуникатора – это средство развития гибкости мышления, способ непосредственного контакта с Другим, в результате которого формируется опыт ментальной пластичности в социальном взаимодействии.

Принцип герменевтической интерпретации подразумевает множественность интенций. Когда сообщение содержит не только смысл, обусловленный интенцией коммуникатора, но и заложенный на интенцию реципиента. По сути то, что в герменевтике называется «имплицитным читателем» в коммуникативном моделировании можно соотнести с таким идеальным построением, как целевая аудитория. Имплицитный реципиент – это идеальный адресат сообщения, который адекватно понимает все его стратегии и «считывает» все его интенции.

Это позволяет несколько иначе взглянуть на коммуникативный потенциал самого сообщения. При подобном подходе сообщение – это не застывшая, закрытая, точечная, готовая к «применению» конструкция, а живое и изменчивое, отражающее опыт осмысления самим реципиентом образование. Понимание в герменевтике – это синтез опыта «чужого» прошлого (переданного через интенции отправителей сообщения и через само сообщение) и собственного опыта реципиента. При этом важно подчеркнуть, что герменевтика акцентирует наше внимание не только и не столько на постижении смысла, сколько на его генерации и формировании. В таком случае и коммуникатор, и реципиент всегда становятся деятельными участниками коммуникативного акта. Понимание как рождение нового смысла и есть тот «третий элемент», который возникает в процессе интерпретации в диалоге.

Герменевтическое понимание, таким образом, актуализирует фигуру реципиента, адресата сообщения. Неслучайно, что именно рецептивная эстетика, рецептивная теория (Х. Р. Ясусс, Р. Ингарден, В. Изер), направленная на изучение смысловых процессов воспринимающего сознания, стала следующим шагом в развитии герменевтического подхода. Рецептивная теория, по сути, сделала равнозначными автора и читателя, отправителя сообщения и его адресата. Для профессионального коммуникатора это дает возможность посмотреть на сообщение как на постоянно генерирующую смысловую структуру, содержащую набор возможных сигналов/кодов, благодаря которым идеальный реципиент (ЦА) может самостоятельно конструировать смысл, понятный и близкий именно для него. А в условиях набирающего силу коммуникационного тренда к персонализации, индивидуализации подобный подход становится чрезвычайно востребованным.

Если рассматривать сообщение как определенный набор схем или сигналов, с помощью которых обнаруживается смысл у реципиента, то ключевое для любого коммуникативного процесса понятие кода приобретает дополнительный оттенок, связанный именно с герменевтическим его толкованием. Коммуникативный потенциал герменевтического кода заключается в вопросно-ответном принципе, функция которого определяется привлечением и удержанием внимания адресата. Его основу составляют единицы, которые

позволяют в сообщении «сконцентрировать, загадать, сформулировать, ретардировать и, наконец, разгадать загадку» [4, С. 64]. Эффективность герменевтического кода в сообщении определяется заданным им вопросом, что вынуждает участников коммуникации находиться в ожидании ответа на него. Понимание и использование герменевтического коммуникативного кода позволяет успешно осуществлять профессиональную деятельность, особенно в тех случаях, когда речь идет о сложных, полисемантических коммуникациях (например, когда в сообщении встречается несколько интенций). Но и в случае с более простыми типами коммуникации герменевтическое кодирование может быть использовано в качестве технологии коммуникационного продвижения в самых различных сферах жизни общества. Как один из примеров реализованного в отечественной коммуникационной практике герменевтического подхода, можно рассматривать рекламный ролик кандидата в президенты РФ Бориса Титова. Этот ролик признан по версии Sostav.ru самой необычной и эффективной рекламой в отечественной предвыборной кампании 2018-го года. Видео длиной 7 секунд, в котором вместо политических лозунгов и предвыборных обещаний на белом фоне возникает слоган в виде вопросительной фразы «...а что Титов?» привлекло к себе достаточное внимание (1,2 млн просмотров), вызвав различные отклики у широкой аудитории от «самого гениального видео», «офигенно, аж за душу взяло... проголосую за него», до «если цель была выбесить, то они ее полностью достигли, перевыполнили» [5]. Этот ролик политической рекламы создан по всем канонам герменевтического кода, когда в сообщении закладывается понятный отправителю смысл, пробуждающий интерес его самой широкой целевой аудитории, но при этом реципиенту поступает только часть информации, цепляя внимание и побуждая последнего на самостоятельные поиски заинтересовавшей его информации или ожидание от отправителя дополнительной («Заинтересовали! Что дальше? Ждем...»). Более того, по всем законам действия герменевтического кода завершающий ролик удовлетворяет любопытство целевой аудитории, и в нем добавляется информация, содержащая ответ, но побуждающая целевую аудиторию к познавательной активности: «Узнай ответ совсем скоро на «стратегии ростарф.рф», исключая тем самым эффект обманутых ожиданий.

Таким образом, обратившись к герменевтике как к одному из гуманитарных научных направлений, мы можем обнаружить в ней глубокую и плодотворную методологическую платформу для анализа в области коммуникативистики, значительно обогатив арсенал научных методов, способов и приемов исследовательской деятельности.

Источники:

1. Ачкасова В. А. Новые исследовательские подходы в коммуникативистике. Ответ на вызовы глобальных кризисов // URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/novye-issledovatel'skie-podhody-v-kommunikativistike-otvet-na-vyzovy-globalnyh-krizisov (дата обращения 09.01.2025)

2. Гадамер Х.-Г Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

3. Крейг Р. Теория коммуникации как область знания. Цит. по Андриянова Т. В. Коммуникационная теория Р. Крэйга: дискурсивные практики и тенденции взаимодействия в управлении субъектом // URL: <https://www.communicology.ru/jour/article/view/15/15> (дата обращения 03.01.2025).

4. Барт Ролан. S/Z / пер. с фр.; под ред. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

5. А что Титов? Самая необычная рекламы предвыборной гонки. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DIQHICoXLSI> (дата обращения 03.01.2025).

L.V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

N.V. Shashkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

RESEARCH DESIGN OF HERMENEUTICS IN THE METHODOLOGICAL PARADIGM OF COMMUNICATION SCIENCE

The methodological potential of hermeneutics in the field of communicative studies is reviewed in the article. Dialogue, interpretation and understanding are included in the conceptual space of communication science, expanding its scientific and methodological toolkit.

Communication, interrelationship of sciences, hermeneutics, communication science, influence on public opinion

УДК 070.4:004.89

Н. М. Шаталова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st079072@student.spbu.ru);

К. С. Зикий (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st089854@student.spbu.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В НОВОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДОВЕРИЕ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ АУДИТОРИИ В МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Сравнительно рассматривается восприятие аудиторией новостного контента, созданного искусственным интеллектом и человеком. Основное внимание уделяется различиям в оценке достоверности, объективности и качества текстов в зависимости от информации об их авторстве. Исследование показывает, что тексты, созданные ИИ, могут восприниматься наравне с материалами журналистов при отсутствии информации о происхождении контента.

Генеративный искусственный интеллект, новостной контент, доверие аудитории, медиа, автоматизация новостей, восприятие информации, предвзятость

Широкая автоматизация производства новостей – тренд трансформации медиа систем 21 века [1, С. 270]. Методы машинного обучения, такие как персонализированные системы рекомендаций, обработка естественного языка и генеративный искусственный интеллект играют центральную роль в том, как создается, распространяется и потребляется информация, что поднимает критические вопросы об изменении процессов коммуникации между СМИ и аудиторией. Этот процесс в частности обусловлен появлением продвинутых больших языковых моделей (LLM). Открытый доступ к таким моделям как OpenAI, ChatGPT, Яндекс GPT предоставил для медиатизированного общества новые пути развития. Так, результат работы генеративных систем ИИ может быть интерпретирован людьми, далекими от знаний тонкостей работы ИИ, как оригинальный контент медиа [2].

ИИ генерирует текстовый контент для новостных статей с помощью двух основных способов: во-первых, автоматизации написания новостей на основе структурирования больших данных, таких как спортивные результаты, финансовые отчеты, прогноз погоды или результаты выборов; во-вторых, автоматизации написания новостей, при которой используются технологии, позволяющие ИИ понимать и генерировать человеческий язык, заниматься имитацией человеческого стиля [3].

С расширением использования искусственного интеллекта все большую популярность приобретала дискуссия, построенная вокруг напряженности между контентом, созданным человеком и ИИ. Автоматизация и искусствен-

ный интеллект – это не просто инструменты, они бросают вызов традиционным журналистским практикам. Исследователи высказывают опасения по поводу потенциального ослабления достоверности контента, распространению дезинформации [4].

Ситуация осложняется тем, что доверие к новостям по всему миру ниже средних показателей, что подтверждает доклад центра Reuters Institute for the Study of Journalism (RISJ): за 2023 год доверие к новостям снизилось на 2 процентных пункта (до 40%) [5]. При таком раскладе остается неизвестно, как общество будет реагировать на новости, созданные с помощью автоматизированных методов. Сегодня опубликование таких материалов в СМИ не обязательно должно сопровождаться маркировкой. На данный момент в Госдуме в процессе разработки закон о маркировке контента, созданного с помощью искусственного интеллекта.

Многие зарубежные исследования направлены на определения восприятия аудиторией контента, созданного ИИ. Например, в Соединенных Штатах, где доверие особенно поляризовано по партийному признаку, новости, помеченные как созданные искусственным интеллектом, в среднем аудиторией воспринимаются как менее достоверные, даже если сами статьи не оцениваются как менее точные или несправедливые [6].

Немецкие исследователи отмечают важность направленности материалов, в которых используется ИИ. Например, пользователи, которые искали информационные и развлекательные новости более открыты к присутствию ИИ в генерации материалов, чем пользователи, которых интересовали социальные темы, общественное мнение [7].

В испанском исследовании использовался тест Тьюринга для сравнения качества новостных статей, написанных профессиональными журналистами с новостными статьями, созданными с помощью программного обеспечения для генерации естественного языка. В ходе эксперимента были намеренно изменены реальные и заявленные авторы. В результате была выявлена предвзятость, которая приводит к тому, что тексты, написанные ИИ, оцениваются более позитивно с точки зрения достоверности текста и беспристрастности авторства, чем тексты, написанные журналистами. При этом раскрытие информации об авторстве ИИ значительно **снижало доверие** к контенту, особенно среди аудитории с более высокой медиаграмотностью или ранее существовавшим доверием к человеческой журналистике [8].

Предположительно **контент, созданный человеком, превосходит** по эмоциональной вовлеченности, читабельности и глубине повествования, что имеет решающее значение для доверия и лояльности, но не говорит об объективности. Согласно опросу, ВЦИОМ в целом российское общество склоняется к тому, чтобы доверять технологиям ИИ, 52% опрошенных высказывают подобное мнение [9]. Однако эти показатели не говорят о том, что аудитория готова доверять контенту, созданному при помощи ИИ.

В данной работе для эмпирического исследования восприятия новостного контента, созданного искусственным интеллектом и профессиональными журналистами, применялась методика фокус-группового опроса с использованием шкалирования. Основной целью исследования было выявить различия в восприятии в зависимости от представленной аудитории информации о происхождении новостей. Респондентам было предложено оценить новостные статьи по пяти критериям: достоверность, объективность, читабельность, эмоциональная вовлеченность и глубина повествования. Для каждого критерия применялась пятибалльная шкала Лайкерта, позволяющая зафиксировать субъективные оценки участников опроса и провести последующий количественный и качественный анализ данных.

В исследовании приняли участие три фокус-группы, каждая из которых состояла из 10 участников. Формирование групп осуществлялось с учетом их медиапотребительских привычек и уровня медиаграмотности. Все участники регулярно читают новостные статьи и активно используют цифровые СМИ.

Все группы получили одинаковый контент, чтобы минимизировать влияние различий в содержании материалов: шесть новостных материалов (три написанные журналистами и три сгенерированные ИИ) [10]. Основное различие заключалось в том, как аудитории подавалась информация об авторстве текстов.

1. Первая группа получила на оценку без информации о происхождении материалов.

2. Вторая группа была заранее проинформирована, что все статьи в выборке созданы ИИ.

3. Третья группа получила информацию о том, что все представленные статьи написаны профессиональными журналистами.

Все новостные материалы были адаптированы для обеспечения схожести структуры и стиля, чтобы минимизировать влияние внешних факторов. Достоверность оценивалась с точки зрения правдивости и фактической обоснованности представленных материалов. Шкала предусматривала диапазон от 1 до 5, где 1 означало, что новость воспринимается как полностью недостоверная, а 5 – как абсолютно достоверная и заслуживающая полного доверия. Этот критерий позволял выявить степень уверенности аудитории в том, что информация основана на проверенных фактах и не содержит ложных утверждений.

Объективность текста оценивалась по степени беспристрастности и нейтральности изложения. Читабельность определяла легкость восприятия текста. Оценка по этому критерию отражала, насколько текст был структурирован, логичен и понятен для респондентов. Эмоциональная вовлеченность измеряла интерес респондентов к материалу и их желание дочитать текст до конца. Этот критерий позволяет понять, насколько тексты, созданные ИИ, способны удерживать внимание читателя по сравнению с материалами, подготовленными журналистами. Глубина повествования оценивалась по степени раскрытия темы и ар-

гументированности текста. Значение 1 по шкале соответствовало поверхностному и недостаточно аргументированному изложению, тогда как 5 означало, что текст содержал глубокий анализ и всестороннее освещение темы.

Опрос выявил различия в восприятии новостного контента в зависимости от информации об его авторстве. Первая группа, не знавшая, какие тексты созданы ИИ, а какие – журналистами, объективно оценила материалы, присвоив статьи ИИ практически такие же высокие баллы, как и журналистским текстам. Статьи профессиональных журналистов получили оценку 4,2 балла, а материалы ИИ – 4,0 балла. Это свидетельствует о том, что аудитория воспринимает тексты ИИ как достоверные при отсутствии предвзятости. Основные различия наблюдались в оценках глубины.

Вторая группа, которой сообщили, что все статьи были сгенерированы ИИ, оценила достоверность ниже – 3,1 балла, что указывает на влияние предвзятости. Третья группа, уверенная в том, что все тексты написаны профессиональными журналистами, дала наивысшую оценку – 4,4 балла.

Результаты исследования показали, что восприятие новостного контента зависит от информации об авторстве материалов. Первая группа, которая оценивала статьи без информации о происхождении текстов, высоко оценила и журналистские материалы, и статьи, созданные ИИ. Это говорит о том, что при объективной оценке тексты ИИ воспринимаются как качественные и достоверные.

Однако в группах, которым сообщалось о происхождении текстов, наблюдалась предвзятость: статьи ИИ получали более низкие оценки. Это подтверждает необходимость работы с общественным восприятием новостного контента, созданного алгоритмами, для повышения доверия к таким материалам.

Таким образом, тексты ИИ могут восприниматься аудиторией наравне с материалами журналистов, если их авторство не раскрывается. Это открывает перспективы для использования генеративных технологий в журналистике, но требует работы по устранению предвзятости и повышения доверия к алгоритмическому контенту.

Источники:

1. Замков А. В. Новостной медиаробот: теоретические аспекты интеллектуальной системы генерации контента // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. №. 2. С. 260–273.

2. Toff B., Simon F. M. “Or they could just not use it?”: The Paradox of AI Disclosure for Audience Trust in News // The International Journal of Press/Politics. 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/19401612241308697> (дата обращения: 29.12.2024).

3. Wasdahl A. Machine Credibility: How News Readers Evaluate Ai-generated Content // InterActions UCLA Journal of Education and Information Studies 19(1). 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/384184084_Machine_Credibility_How_News_Readers_Evaluate_Ai-generated_Content (дата обращения: 2.02.2024).

4. Latar N. L. Robot journalism: Can human journalism survive? *World Scientific*. 2018. URL: https://www.academia.edu/77507591/Robot_Journalism_Can_Human_Journalism_Survive (дата обращения: 25.12.2024).
5. Reuters Institute Digital News Report 2023. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf (дата обращения: 27.12.2024).
6. Helberger N., Diakopoulos, N. ChatGPT and the AI Act // *Internet Policy Review*, 12(1). 2023. URL: <https://doi.org/10.14763/2023.1.1682> (дата обращения: 20.12.2024).
7. Heim S., Chan-Olmsted S. Consumer Trust in AI–Human News Collaborative Continuum: Preferences and Influencing Factors by News Production Phases // *Journalism and Media*. 2023. 4(3). P. 946–965. URL: https://www.researchgate.net/publication/373860512_Consumer_Trust_in_AI_Human_News_Collaborative_Continuum_Preferences_and_Influencing_Factors_by_News_Production_Phases (дата обращения: 25.12.2024).
8. La-Rosa Barrolleta L.A., Sandoval-Martín T. “Artificial intelligence versus journalists: The quality of automated news and bias by authors-hip using a Turing test” // *Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura*. 2024. P. 15–36. URL: <https://doi.org/10.5565/rev/analisi.3681> (дата обращения: 20.12.2024).
9. ВЦИОМ: Доверие к ИИ. 14.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii?ysclid=m5timflp9d145537791> (дата обращения: 21.12.2024).
10. Новостные материалы, используемые для анкетирования URL: https://docs.google.com/document/d/10sfsLaT_4n0h2ELb0HMKrFcI8IP7Bx5v5AdVAnFHSjQ/edit.

N. M. Shatalova (Saint Petersburg State University);

K. S. Zikii (Saint Petersburg State University)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN NEWS COMMUNICATION: AUDIENCE TRUST AND BIAS IN A MEDIATIZED ENVIRONMENT

The article provides a comparative analysis of the audience's perception of news content created by artificial intelligence and human journalists. The main focus is on differences in the evaluation of credibility, objectivity, and quality of texts depending on the information about their authorship. The study shows that AI-generated texts can be perceived on par with human-produced journalistic materials when the origin of the content is not disclosed.

Generative artificial intelligence, news content, audience trust, media, news automation, information perception, bias

УДК 81'42

Н. Ф. Щербак (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: alpha-12@yandex.ru)

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН, ЖИЛЬ ДЕЛЕЗ, ЖАК ЛАКАН: РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И СЕМИОТИКЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматриваются основные тенденции развития теории знака, в связи с работами Людвига Витгенштейна и Жюль Делеза. Обсуждается проблематика возникновения понятия «языковых игр» Л. Витгенштейна, которые привнесли новые положения в лингвистику, касающиеся понятия теории знака. Работы Жюль Делеза, сходным образом, принципиально изменили взгляд на функционирование семиотических систем, включая идею «статистического повторения», «различия и повторения», как производных «аккумуляцию», «генетическую трансформацию», все те концепты, которые определяют современную лингвистическую теорию и вектор развития современной герменевтики.

Теория знака, Делез, Витгенштейн, различие и повторение, аккумуляция, генетическая трансформация

Разработка идей Витгенштейна в «Философских исследованиях» – важная веха развития современной лингвистики. Сложно говорить об однозначности идей, которые постулируются великим философом, однако, одной из важнейших становится введение понятия «языковой игры», которая во многом рушит конвенциональные представления о языке, как отражении объективного мира, как о языке, передающем что-то, как истинное и ложное, столь популярное в научной мысли XIX века и описываемое в ранних работах Витгенштейна («Логико-философский трактат»).

Важной идеей Витгенштейна становится идея в отношении мыслительной деятельности. Выводом для современной лингвистики, станет, во-первых, идея о том, что нет объективной реальности (то есть традиционная денотативно-референциальная теория, треугольник Фреге, в котором участвует «денотат», – «знак» и понятие будут изменены и наличие «денотата» будет поставлено под большое сомнение). Во-вторых, Витгенштейн затрагивает в своих работах идею о свойствах мысли, активно развивает идею о том, что мысль продуцирует то, что не обязательно имеет место быть. «Мысль должна быть чем-то уникальным». Когда мы говорим и подразумеваем, что то то и то то имеет место, мы – с нашим разумением – не останавливаемся перед фактом, но имеем в виду: это – есть так. Но данный парадокс (имеющий форму трюизма) можно выразить и таким образом: мыслимо и то, что не имеет места [1, С. 76–77].

Производной идеей становятся рассуждения в отношении того, чем является языком по отношению к мысли. Идея о «внутренней речи» (заимствованная нами у Выготского) говорит о том, что язык не всегда вербален, как принято считать лингвистами. Многие писатели (такие как Набоков, например) и художники настаивали на том, что они мыслят образами, а не словами. Исследователь Жинкин сходным образом вводит понятие «предметного кода», утверждая, что язык мысли отличен от языка речи.

Центральный тезис теории Л. С. Выготского состоит в том, что отношение мысли к слову есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли. Это явление Л. С. Выготский определяет, как «речь, в которой отсутствуют материальные признаки слов, и которая состоит, в основном, из смыслов, которые являются динамическими и текучими образованиями и имеют тенденцию отделяться от слов и объединяться по своим собственным законам» [2, С. 292–334]. Н. И. Жинкин модифицирует понятие «внутренняя речь», полагая, что существует некий универсальный предметно-схемный код, в котором «отсутствуют признаки слов естественного языка, а есть изображения, схемы или образы, которые могут образовывать какую-либо цепь или группировку» [3, С. 158].

Среди многочисленных идей Людвиг Витгенштейна идея о том, что такое есть опыт. К примеру, в параграфе 172, Витгенштейн пишет, подключая огромное количество различных вариантов объяснения этого опыта: «Рассмотрим опыт состояния «быть ведомым» и спросим себя: в чем состоит этот опыт, когда, например, определяют направление нашего движения? – Представим следующие случаи. Ты на игровой площадке, у тебя завязаны глаза, и некто ведет тебя за руку то влево, то вправо; ты постоянно готов к движениям его руки и сам переступаешь осторожно, чтобы не споткнуться при неожиданном рывке. Или так: кто-то ведет тебя за руку против твоего желания, насильно. Или: партнер ведет тебя в танце; ты стараешься подстроиться, насколько возможно, чтобы предугадывать его намерения и подчиняться легчайшему нажатию. Или: кто-то ведет тебя на прогулку; вы беседуете и идете туда, куда идет он. Или: ты идешь вдоль дороги через поле, просто следуя ей. Все эти ситуации схожи между собой; но что общего для всякого связанного с ними опыта? [1, С. 113–114].

Важнейшим выводом из этого рассуждения будут теории лингвистики, которые постулировали кардинально новый взгляд на проблематику опыта, например при введении понятия интегрального и дифференциальной категории в новых теориях значения [4]. Вослед поздним работам Витгенштейна («Философские исследования», труд, в котором, среди прочих идей, обосновывается понятие «языковой игры») при рассмотрении соотношения между знаком, референтом (денотатом) и означаемым (смыслом) следует придерживаться идей тех современных исследователей, которые отмечают феномен «исчезающего денотата», а попытку обосновать автономное значение слова как отражения чего-то обладающего атомарной природой во внешней среде называют «не дурной бесконечностью, а порочным кругом» [4, С.10].

Продолжая идею в отношении современных теорий, важно сказать о том, что французский философ Жиль Делез традиционно не ставится в один ряд с Витгенштейном, тем не менее, именно с его именем связаны инноваций в области семиотических систем. Вклад Делеза значителен для анализа современных произведений кино, литературы, музыки, изобразительного искусства, именно в силу того, что философ меняет коренным образом взгляд на репрезентацию.

Одной из важнейших теорий Делеза становится положение о концептах, таких как различие и повторение, шизоанализ, машина желания. Эти концепты во многом определяют парадигму интерпретации современного художественного произведения. Так, идеи Делеза в отношении различия и повторения – это идеи, которые ломают принцип репрезентации, как в кино, так и в художественных произведениях [5]. Идея в отношении философии Делеза были хорошо изучены в применении к современному искусству [6]. Принцип «различия и повторения», изложенный в работе «Различие и повторение», [5] как нельзя лучше иллюстрирует идею «статического повторения» в музыке и кинематографе. Эта идея говорит нам о том, что вместо традиционного внедрения различных паттернов, предоставляется возможность в художественном произведении или кино-нарративе повторять определенные мотивы, имена, схемы.

В своих рассуждениях и мыслях о пути кинематографа, Жиль Делез, инноватор кино и экспериментатор постмодернизма, вводит свои понятия, объясняющие функционирование кадра, плана, монтажа. Все эти концепты и понятия он противопоставляет современной кино-теории.

Делез вводит свои собственные концепты, такие как образ-движения, образ-перцепции (пространство в становлении), образ-переживания (выраженный крупными планами лица), и, наконец, образ-время, который передает максимально точно момент настоящего и, самое главное, переносит воздействие в сферу реципиента или зрителя. Книга Делеза «Кино», таким образом, становится яркой иллюстрацией этой новой теории кино, с привлечением примеров из известных произведений кинематографа.

В некотором смысле, конструкт образа-времени – совершенно новый этап в развитии кинематографа. По сравнению с ним, образ-движения становится более традиционным, и как средство репрезентации и выражения принадлежит предыдущим эпохам. В свою очередь, образ-движения может рассматриваться как новый этап в развитии кино, как становление образа-движения. В некотором смысле, теория Делеза – реминисценция «отсутствия репрезентации», так точно обозначенная в работе Делеза «Различие и повторение».

Рассуждая об образе-движения, Делез пишет о том, что «экран» кинопроектора выполняет своего рода роль рамки. Взаимодействие сил кадрирования и декадрирования, панорамирования и соединения планов, т. е. всего того, что отсылает наш язык к некоей азбуке кино, все это позволяет найти место, откуда становится возможна речь об образе-движении и его составных частях.

Для неореализма, по Делезу, характерно уже отмеченное увеличение числа чисто оптических ситуаций, которые существенно отличаются от сенсомоторных ситуаций образа-действия, характерных для старого реализма, или импрессионизма – покорения чисто оптического пространства в живописи. Нам возразят что зритель всегда имеет дело с «описаниями», с оптическими и звуковыми образами, и ничем более. Делез разрушает стерео-типичность традиционного восприятия кино, с акцентами на репрезентации [7].

Делез делает акцент на образе-переживания, в котором движение становится абсолютно виртуализованным, наподобие крупного плана лица, который всегда есть нечто большее. «Виртуальность» Делеза (которая противопоставляется актуальности в его теории) сравнивается с теорией памяти Бергсона, для которой важной составляющей является соотношение прошлого и будущего через мгновение и сиюминутный временные отрезки (точки/вспышки) настоящего.

Точка «здесь и сейчас», момент настоящего рассматривается многими философами в XX века. Важно осознавать, что виртуальное по Делезу, всегда важнее актуального, а событие важнее сущности, в этом отношении Делез продолжает идею понимания знака, как постоянно обретающего значение, способного к повторению.

Сопрягая идеи Делеза с идеями Лакана, можно сделать ряд важнейших выводов. Лакан вводит понятия символического, воображаемого и реального, для обсуждения особенностей психики. Одним из важнейших положений Лакана становится идея о реферировании знаков друг к другу, и о травматических областях, которые стоят за конкретными знаками, при их интерпретации слушающим [8], [9].

Важным становится также пост-лакановский этап развития учения Делеза, который в работе «Анти-Эдип» все же отказывается от психоанализа, и, таким образом, говорит о том, что есть только «мир интенсивностей».

В середине 1970х Делез пытается разрушить весь психоанализ, как садистский аппарат, который душит производство всякого подлинного желания. Когда он и Гваттари публикуют «Тысячу плато» (1980) от их союза с Лаканом ничего не остается [10]. Всякое обращение к психоанализу в этом втором томе «Капитализма и шизофрении» становится поводом для общего осуждения, включая Лакана вместе с его последователями. Тот Лакан, который был замечен в «Анти-Эдипе», практически отсутствует в «Тысяче плато». Оба, и Делез и Лакан, делают акцент на приоритете дифференциации и смещения, и они разделяют решимость на демонтаж традиционного, молярного или эгоцентричного субъекта.

Они разделяют презрение к сознательному, хорошо адаптировавшемуся субъекту популярной психологии. Они разделяют отвращение к «американскому образу жизни» и услужению собственности во всех возможных ассоциациях. В их деятельности, отмеченной изъятием, реализуется проект размыкания, разъединения, удаления, разрыва, отчуждения или де-территориализации – опустошения всех форм воображаемой устойчивости и глубины в пользу суровой интенсивности желания или драйва.

Как следствие этой теории в теории знака и музык будут появляться такие производные концепты как «аккумуляция», «генетическая трансформация», все те концепты, которые определяют современную лингвистическую теорию и вектор развития современной герменевтики, анти-нарративные практики, отход от линейного повествования.

Источники:

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Изд-во АСТ, 2018.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Изд-во «Лабиринт», 2007.
3. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998.
4. Лукьянова Е. А., Толочин И. В., Сорокина М. В., Коновалова М. Н. Учебник лексикологии. СПб.: Антология, 2014.
5. Делез, Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998.
6. Лаврова С. В. Логика смысла Новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Х. Лахенманна и С.Шаррино. СПб: СПбГУ, 2013.
7. Deleuze, G. Cinema 2, L'Image-temps, Les Editions de Minuit, Paris. 1985.
8. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис, 1999.
9. The Purloined Letter. Lacan, Derrida, and Psychoanalytic Reading. Ed. by John Muller and William Richardson. London: The John Hopkins University Press, 1988.
10. Холлворд, П. Делез vs Лакан. [Электронный ресурс] URL: <https://s357a.blogspot.com/2012/02/vs.html>. (дата обращения: 22.02.2012)

N. F. Shcherbak (Saint Petersburg State University)

**LUDWIG WITTGENTSCHEIN, GILLES DELEUZE, JACQUES LACAN:
THE REVOLUTION IN LINGUISTICS AND SEMIOTICS AND ITS
CONSEQUENCES**

The main trends in the development of the theory of the sign are considered, in connection with the works of Ludwig Wittgenstein and Gilles Deleuze. The problems of the emergence of the concept of "language games" by L. Wittgenstein, which introduced new provisions in linguistics concerning the concept of the theory of sign, are discussed. The works of Gilles Deleuze, similarly, fundamentally changed the view of the functioning of semiotic systems, including the idea of "statistical repetition", "differences and repetition", as derivatives of "accumulation", "genetic transformation", all those concepts that define modern linguistic theory and the vector of development of modern hermeneutics.

Theory of the sign, Deleuze, Wittgenstein, difference and repetition, accumulation, genetic transformation

УДК 355

А. В. Щербина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ashcherbina@list.ru)

МОБИЛИЗОВАННЫЕ ОБЩЕСТВА: УСЛОВИЯ, ЗАДАЧИ, МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

В контексте дискуссий об актуальности мобилизации рассматриваются условия формирования мобилизационных государственных стратегий завоевания мира на основе классовой или национальной солидарности и появления мобилизованных обществ в 19-20 вв. Выделяются сферы эффективного использования мобилизационных механизмов в современных условиях: научно-технологические разработки в ВПК и финансово-кредитные государственные программы создания конкурентных преимуществ в международном разделении труда.

Мобилизация, мобилизационные стратегии, мобилизованное общество, государство, идеология, власть, мобилизационные механизмы

Дискуссии о мобилизации, мобилизационной модели экономики и/или управления, мобилизационном типе развития идут в РФ более двух десятилетий. С начала СВО размышления сторонников и критиков необходимости мобилизационных сценариев для нашей страны активизировались.

А. Г. Фонотов различает «две разные категории мобилизации: мобилизационный тип развития (МТР) и мобилизационная модель управления (ММ). Первая из этих категорий характеризует цивилизационные рамки, в которых может рассматриваться историческое движение отдельных стран. Что же касается ММ, то это одна из моделей управления, применимая к достаточно обширному классу управляемых систем» [1, С. 895].

Признавая уместность такого различения, отметим, что ММ связаны с национально-историческим опытом мобилизации, который ограничивает или расширяет возможности применения мобилизационных механизмов, в т. ч. и потому, что воплощен в самосознании элит и шире – в разделяемых социальных представлениях общества.

Исторически мобилизационные стратегии разрабатывались, осуществлялись и корректировались с конца 19 до вт. пол 20-го вв. в России, Германии, Японии, Великобритании и США. Смысловым ядром этой исторической эпохи выступили мировые войны. Мобилизация охватила их подготовку, ведение, послевоенное восстановление и развитие хозяйственных комплексов и общественно-политических систем.

Согласно наиболее распространенному представлению мобилизационные процессы, их источники, условия, средства и целеполагание раскрыва-

ются в деятельности правительства и его ведомств, т. е. государства. И опираются на состояние общества, определяемое как война, военный режим, законы военного времени. Принимаемые решения и организационно-контрольная деятельность правительств предполагает **призыв** крестьянского и рабочего населения страны на действительную военную службу, **отрыв** на необходимый период определенных возрастных групп сельского и городского населения от привычного, естественного образа жизни. Разворачивание армии в военное время требует исполнения государственного военного заказа в промышленности и с/х. Опирается мобилизация на создаваемые в мирное время запасы вооружений, боеприпасов, продовольствия и осуществляется по уже имеющимся **мобилизационным планам** [2].

Мобилизованное общество – необычное, немирное, непривычное состояние всех сословий, классов, всего гражданского общества, консолидированного на решение главной задачи – выживания. Идеология «нового государства» является организующей и мобилизующей силой для граждан трудового происхождения, связанных революционной или гражданской солидарностью в борьбе за лидерство в новом мире.

В СССР мобилизационная доктрина пронизывала собой весь цикл жизни страны в периоды исполнения пятилетних планов по решению задач индустриализации, коллективизации, форсированного создания военного комплекса и армии, научно-технологического развития и науки воспитания человека. Носителем мобилизационной доктрины выступала коммунистическая партия. Источниками ее реализации – раскрестьянивание, ресурсы (золото, лес, зерно), внутреннее долгосрочное безналичное кредитование. Результатом – создание около тысячи крупных и средних промышленных предприятий в металлургии, энергетике и машиностроении, в т.ч. с помощью Германии и США на фоне мировой экономической депрессии.

В СССР, Германии, Японии мобилизационные стратегии были заявлены в качестве национально-государственных доктрин. Национальная солидарность на основе воли правящих классов, т. е. мобилизационный призыв в Германии и Японии (носители мобилизационной доктрины в Германии – национал-социалистическая партия, в Японии – божественная по генезису императорская власть) и в СССР исходил из замыслов завоевания мирового господства на основе 1. расовой теории и сакральной личности (вождя или императора), 2. построения нового справедливого общественного устройства, т. е. победы в образе жизни и в отражении внешней агрессии в войне (также на основе ведущей воли лидера). Можно говорить об этих странах, как о примерах воплощения развернутых всеохватывающих мобилизационных стратегий, различающихся по условиям и ресурсам.

Для Германии, обремененной огромными выплатами по итогам ПВМ, руководители Англии и США скорректировали условия репараций и предоставили целевые кредиты на 1, 5 и 2 млрд. дол. соответственно для стабилизации курса немецкой марки и начала восстановления немецкой экономики.

В дальнейшем Германию продолжали кредитовать через частные корпорации. В начале 30-ых доля Германии в мировом производстве выросла до 12%. С 1927 по 1937 гг. в Германии удалось восстановить и развить машиностроение, судостроение и химическую промышленность для создания вооружений и боеприпасов. Новыми мобилизационными инструментами стали государственный заказ на с/х продукцию, строительство автомобильных дорог и др., а с 1937 г. – военный захват более 80-ти процентов сырьевого и промышленного потенциала европейских стран.

В Японии государственные военно-промышленные программы по созданию флота и авиации обеспечивались закупкой сырья и топлива у США. Дефицит ресурсов предполагал создание собственной производственной базы путем захвата чужих территорий (английских, французских, голландских колоний), что выразилось в создании подконтрольного государства Маньчжурия, колонизации восточного Китая, формировании военно-политического протектората в ЮВА.

«Завоевание жизненного пространства», «справедливый передел мира», – эти притязания подразумевали и основывались на идее «империя – метрополия». В качестве образца подражания выступала Великая Британия с ее многочисленными колониями и протекторатами в Африке, Индии, Австралии и Канаде.

В США инструментами мобилизации всей промышленности и перевода ее на военные рельсы явились государственный оборонный заказ по выпуску вооружений на мощностях Дженерал моторс и Форда, организация лагерей интернирования по этническому принципу и огромный сектор общественных работ. В Великобритании, как и в США, также были задействованы многочисленные мобилизационные механизмы, но чрезвычайные режимы жизни и управления включались с сохранением привычной национальной доктрины и буржуазно-демократических институтов выборности и подотчетности (за исключением 40–45 гг.). Полномочия и авторитет лидеров в этих странах также носили исключительный характер, т.к. обе страны находились в состоянии войны без компромиссов, войны до победы везде – на суше, в морях и океанах, в воздухе.

В восстановлении промышленности и мирной жизни после 1945 г. в Европе, Китае, Японии, США и СССР использовались мобилизационные инструменты. Новым стало появление **долгосрочных международных программ** восстановления и развития рынков. Реализация двух национально ориентированных планов восстановления и развития народно-хозяйственных комплексов (план Маршалла для Западной Европы и план долгосрочных реформ в Японии) закрепляла итоги ВМВ. Размещение постоянно действующих военных баз США в этих странах сопровождало выделение финансово-кредитных и материальных ресурсов.

В условиях перехода от горячей фазы ВМВ к глобальной конкуренции между общественно-политическими системами (холодная война) в качестве исключительных продуктов этих мировых мобилизационных циклов, – подготовки, участия и последствий войны (40–50-ые гг.) мы имеем появление

ракетно-космических технологий, ядерного оружия и комплексов атомных станций. С одной стороны – это результат глобального научно-технологического сотрудничества ученых, с другой – глобального противостояния лабораторий и штабов, ученых и заводов. Обе эти программы (ракеты и атомное оружие) были результатом беспрецедентных мобилизационных мероприятий в обоих блоках и потребовали для своего обеспечения гигантского количества материальных, кадровых и финансовых ресурсов.

XX век, война и послевоенное время явили разнообразие мобилизованных обществ. Опыт мобилизации разных стран в 20 веке контрастирует с ее генезисом в 19 -ом. Второй (по времени – первый) тип мобилизационных процессов, исторически наблюдаемый с 19 в., – это формирование общественно-политических партий и профсоюзов в их борьбе за власть сначала в ее парламентских, представительских формах, и, наконец, в прямом или даже исключительном формировании кабинетов министров на основе национальных демократических выборных процедур. И здесь присутствует включение и прямое участие представителей мещанства, рабочих и обедневшего дворянства в общественно-политические движения, которые выводят за пределы привычного уклада, службы, образа жизни. В первом случае действующая власть в лице правительства принуждает стать не крестьянином, не рабочим, а солдатом или офицером на определенный период подавляющую часть мужского населения страны. Во втором – статусы и роли получают, помимо своего социально-экономического наполнения, еще и политическое. Борьба профсоюзов за условия труда и заработную плату, особенно в Англии и Голландии, длительное время была основной формой участия рабочих масс в общественно-политической жизни. Важно отметить не всеобщий, а особенный характер подобного рода мобилизации, основанной на отраслевой и шире –классовой солидарности, где партии и профсоюзы являлись легальными структурами, заявляющими свои интересы в общенациональной повестке.

Условием расцвета мобилизованных обществ в конце 19 в. явились железные дороги, океанический флот, телеграф и телефон, – транспортная инфраструктура и связь. Мобилизационные стратегии обеспечили ускоренное создание самодостаточных промышленно-технологических и научно-образовательных комплексов на базе стран и блоков.

В 21 веке в условиях информационных технологий и сетевых трансграничных коммуникаций ММ используется избирательно. Мобилизационный механизм всегда сопровождается государственным заказом (частично заказом ТНК). В качестве примера можно привести программы создания ИИ, особенно в военном аспекте, что рассматривается как появление третьей военной эпохи (после пороха и атомного оружия). Здесь упор делается на сосредоточении финансовых, технологических и кадровых ресурсов, как за счет прямого государственного финансирования, так и за счет использования косвенного, огромного по масштабу финансового источника, привлекаемого за счет роста фондового рынка на технологических биржах.

Холодная война и дуга напряженности малых горячих войн показывают, что управленческие элиты США и крупные ТНК используют мобилизационные механизмы постоянно: они задействованы в поддержании монополии на международную валюту, воплощены в виде 700 военных баз по всему миру, реализуются в обеспечении своего доминирования в европейских элитах. Старый механизм мобилизации как призыв «под ружье» и отрыв от привычного образа жизни сохраняется в случаях техногенных и биогенных катастроф. Он используется и для мобилизации повстанческих групп в борьбе за перераспределение властных полномочий в этнических, религиозных и общественно-политических конфликтах в условиях неустойчивости государственных институтов на Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Латинской Америке.

Без учета изменившихся условий заявления об оптимальности и универсальности мобилизационных механизмов, моделей, режимов, типов развития и о возможности их успешного применения носят декларативно-идеологический характер в смысле «ложного сознания» по К. Марксу.

Источники:

1. Фонов А. Г. Критический взгляд на мобилизационную модель управления // AlterEconomics. 2023. № 20(4). Р. 894–918. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.8>
2. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-ых – середина 1930-ых гг.). М.: ОГИ, 2008.

A. V. Shcherbina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MOBILIZED SOCIETIES: CONDITIONS, TASKS, MOBILIZATION MECHANISMS

In the context of discussions on the relevance of mobilization, the conditions for the formation of mobilization state strategies for the conquest of the world on the basis of class or national solidarity and the emergence of mobilized societies in the 19th and 20th centuries are considered. The spheres of effective use of mobilization mechanisms in modern conditions are highlighted: scientific and technological developments in the military-industrial complex and financial and credit state programs for creating competitive advantages in the international division of labor.

Mobilization, mobilization strategies, mobilized society, state, ideology, government, mobilization mechanisms

УДК 316.454.3

Э. А. Эсселевич (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ernest.esselevitch@yandex.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта (ИИ) на социально-профессиональную идентичность в условиях цифрового неравенства. Анализируется, как развитие ИИ трансформирует восприятие профессиональной роли, статус специалистов и динамику труда. Особое внимание уделяется изменению самовосприятия работников, угрозам профессиональному статусу и адаптационным стратегиям в новых условиях.

Социально-профессиональная идентичность, цифровое неравенство, искусственный интеллект, трансформация, адаптация

В социологии встречаются различные трактовки термина «идентичность». По П. Бурдье идентичность выражается в отождествлении индивидом себя с той или иной «позицией в социальном пространстве», то есть с ролью и статусом [1, С. 67]. С позиций символического интеракционизма идентичность складывается из трех компонентов: самоощущения человеком своей позиции по отношению к другим людям, оценки других позиции этого человека в обществе, а также представления человека о том, какова его оценка другими [2, С. 344–345]. Обобщая, можно сказать, что идентичность – это то, как человек характеризует себя относительно окружающего мира. При этом, в случае, когда индивид определяет себя, основываясь на том, частью какой социальной группы или общности он является и какое место он занимает в ней по отношению к другим ее участникам, уместно говорить о социальной идентичности [3, С. 10]. Профессиональная же идентичность в рамках некоторых подходов считается частью социальной идентичности и может включать в себя такие характеристики как профессия, специальность, положение в социальной структуре, которое они позволяют индивиду занимать, функции и обязанности, связанные с ними и позволяющие их выполнять навыки и знания [4, С. 116].

При этом социально-профессиональная идентичность является крайне динамичной конструкцией, которая подвержена изменениям под воздействием масштабных перемен в общественной структуре. Трансформация идентичностей может происходить из-за изменений в системе ценностей социума или в его ролевой системе. В современных реалиях причиной этих изменений выступает развитие и распространение технологий искусственного интеллек-

та (далее ИИ), а также вызванный этими процессами рост уровня цифрового неравенства.

Цифровое неравенство представляет собой дифференциации и иерархии возникающие в доступе, навыках и целях использования цифровых технологий. ИИ в этом смысле способствует развитию цифрового неравенства в трех формах: неравенство между человеком и ИИ (замена человеческого труда машинным, угроза исчезновения профессий), неравенство между людьми, освоившими и не освоившими ИИ (первые с помощью данной технологии работают эффективнее и становятся более востребованными специалистами), глобальное неравенство между обществами, владеющими и не владеющими ИИ.

Согласно последним исследованиям взаимосвязи ИИ и социально-профессиональной идентичности, данная технология не только меняет рабочие задачи людей, но и влияет на самовосприятие работников, их чувство идентичности и социальную динамику на рабочем месте. Selenko E. и коллеги отмечают три стороны воздействия ИИ на работу: видоизменение существующих задач, замена задач и создание новых задач [5, С. 275–276]. Можно заметить, что новые технологии с одной стороны положительно социально-профессиональную идентичность, позволяя эффективнее выполнять работу, а с другой стороны, становятся угрозой для нее, потому что могут лишить человека возможности выполнять тот труд, который ему нравится. Авторы утверждают, что важную роль в процессе внедрения ИИ и адаптации работников к нему играют социальный контекст, включающих в себя отношения с коллегами и руководством, а также культура и нарративы, связанные с ним. Применительно к этому Parker S.K. и Grote G. предлагают адаптировать дизайн работы и самих технологий к человеческим возможностям и потребностям, что включает в себя создание систем, которые являются прозрачными, предсказуемыми и предоставляют работникам возможность влиять на технические процессы. Так, например, при внедрении новой технологии необходимо продумывать и разрабатывать роли сотрудников, а не просто оставлять их приспособляться к новым условиям [6, С. 1197].

Результаты работы Jussupow E. показали, что часть специалистов-медиков видит в распространении ИИ угрозу своей социально-профессиональной идентичности. Существование подобной технологии, по их мнению, негативно сказывается на их профессиональном статусе эксперта и его общественном признании, ведь правильно запрограммированная компьютерная программа, по сути, способна также давать медицинские консультации на основе вводных данных [7, С. 14]. Интересно, что подобные мнения в большей степени распространены среди начинающих специалистов и студентов, что в будущем может привести к снижению количества кадров не только в области медицины, но и в других критически важных для функционирования общества областях. В своем исследовании Kurzhals H.D. пришел на примере сферы консалтинга к выводу, что в условиях распространения ИИ, специалистов больше пугает нехватка навыков работы с новой техноло-

гией, а не возможность того, что она лишит их рабочих мест [8], что позволяет говорить о тенденции к становлению навыков работы с ИИ постоянно частью социально-профессиональной идентичности представителей многих современных профессий.

Таким образом, социально-профессиональная идентичность является динамичной конструкцией, которая подвергается значительным изменениям под влиянием технологий ИИ и вызванного ими цифрового неравенства. Эти изменения затрагивают не только характер выполняемой работы, но и самовосприятие специалистов, их статус и роль в профессиональном сообществе. Внедрение ИИ создает как возможности для профессионального роста, так и угрозы для идентичности работников, что требует адаптации технологий и рабочих процессов к человеческим потребностям. Социальный контекст, культура организации и дизайн технологий играют ключевую роль в смягчении этих вызовов и формировании устойчивой профессиональной идентичности в эпоху ИИ.

Источники:

1. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Осипов Г. В. История социологии в Западной Европе и США. М.: Издательская группа НОРМА, 1999.
3. Мухортова В. Н. Особенности социологического подхода к понятию «Профессиональная идентичность» // Социум и власть. 2015. №3(53). С. 9–13
4. Рочева Я. С. Методология исследования социально-профессиональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 1. С. 115–119
5. Selenko E., Bankins S., Shoss M., Warburton J. Artificial Intelligence and the Future of Work: A Functional-Identity perspective // Current Directions in Psychological Science. 2022. № 31(3). P. 272–279
6. Parker S., Grote G. Automation, Algorithms, and Beyond: Why Work Design Matters More Than Ever in A Digital World // Applied Psychology. 2019. № 71(1). P. 1171–1204
7. Jussupow E., Spohrer K., Heinzl A. Identity Threats as a Reason for Resistance to Artificial Intelligence: Survey Study with Medical Students and Professionals // JMIR Formative Research. 2022. № 6(3). P. 1–15
8. Kurzhals H. D. Exploring the influence of Artificial Intelligence on Consultant's professional identity: A Qualitative Study. 2023. [электронный доступ] URL: <https://essay.utwente.nl/96832/> (дата обращения: 10.01.2025)

E. A. Esselevich (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***TRANSFORMATION OF SOCIO-PROFESSIONAL IDENTITY IN THE
CONTEXT OF DIGITAL INEQUALITY***

The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on socio-professional identity in the context of digital inequality. It analyzes how AI development transforms the perception of professional roles, the status of specialists, and labor dynamics. Special attention is given to changes in workers' self-perception, threats to professional status, and adaptation strategies in the new environment.

Socio-professional identity, digital inequality, artificial intelligence, transformation, adaptation

УДК 316.45

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com);

Лю Тяньси (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: liuti anxil9@gmail.com)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОДХОДА ДЛЯ АНАЛИЗА ЦЕННОСТЕЙ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В КИТАЕ И РОССИИ

Грант Российского научного фонда «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае» (грант РНФ № 24-28-01448)

Исследование посвящено анализу ценностей ИТ-специалистов в Китае и России с применением интеграционного подхода, разработанного профессором СПбГУ Ивановым Дмитрием Владиславовичем. Статья исследует, как данный подход позволяет объединить индивидуальные и коллективные аспекты в рамках профессиональной деятельности, способствуя глубокому пониманию социальных и культурных динамик, формирующих профессиональные ценности в разных культурных контекстах.

Ценности, интеграция, институт, интеракция, сети, сетевой подход, студенты, акцентуация

В рамках гранта Российского научного фонда «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае» (грант РНФ № 24-28-01448) проводится исследование диагностики ценностей ИТ-специалистов России и Китая. Общий замысел исследования включает ряд важных элементов.

Социальность – это субъективный подход к процессу социализации. Его можно понять и разделить на 4 части: институт, сеть, интеракция и поток. Здесь институт как тотальная социальность, сеть – это относительная социальность, а интеракция – это частная социальность, поток – это альтерсоциальность или антисоциальность.

Тотальная социальность: Тотальная социальность отражает глобальные, всеобъемлющие аспекты социальной структуры, которые охватывают целое общество или культуру. Это включает в себя крупные институциональные системы, такие как правительство, правовая система, экономические структуры, и религиозные организации. Тотальная социальность формирует общие нормы, ценности и ожидания, которые регулируют поведение индивидов в обществе.

Относительная социальность связана с социальными сетями, которые состоят из более специфичных, но менее формальных связей, чем те, которые предусмотрены в рамках тотальной социальности. Это может включать профессиональные ассоциации, дружеские круги, семейные связи и другие межличностные отношения, которые оказывают влияние на поведение и взаимодействия

людей внутри этих групп.

Частная социальность фокусируется на непосредственных, личных взаимодействиях между индивидами. Это включает в себя диалоги, малые групповые встречи и другие формы прямого общения, где взаимодействие имеет более спонтанный и эфемерный характер. Частная социальность отражает микроуровень социальных динамик, который значительно влияет на социальные восприятия и отношения на уровне отдельных лиц или небольших групп.

Антисоциальность описывает поведение или социальные динамики, которые идут вразрез с установленными нормами и ожиданиями общества. Это может включать в себя девиантное поведение, социальное отчуждение или активное противостояние социальным структурам. Антисоциальность часто ассоциируется с отрицательным влиянием на социальную гармонию и порядок.

Сетевые модели акцентуации ценностей для российских студентов-ИТ-специалистов и китайских ИТ-специалистов. Анализ показывает различия в структуре и силе связей между ключевыми аспектами профессиональных ценностей в обеих культурах. Результаты исследования показывают существенные различия в ценностных ориентациях между российскими ИТ-студентами и китайскими ИТ-специалистами. Основываясь на полученных данных, можно предположить, что различные компоненты интеграционного подхода (институт, поток, сеть и интерактивность) проявляются по-разному в каждой из групп, что может быть связано с различиями в уровне профессионального опыта и социально-культурными особенностями каждой страны.

Для российских ИТ-студентов заметны отрицательные корреляции между ключевыми ценностными категориями. Это может свидетельствовать о том, что в среде студентов-ИТ специалистов институциональные и сетевые компоненты могут восприниматься как независимые друг от друга или даже как противопоставленные. Студенты, находясь на этапе формирования своих профессиональных и личностных ценностей, могут рассматривать эти категории как несовместимые или слабо связанные. Например, отрицательная корреляция между сетью и интеракцией может указывать на то, что студенты еще не видят значительной интеграции между социальными сетями и межличностными взаимодействиями в своей профессиональной жизни.

Для китайских ИТ-специалистов можно заметить как отрицательные, так и положительную связь между компонентами ценностей. Например, положительная корреляция между интеграцией и институтом может указывать на более сильную связь между индивидуальной профессиональной интеграцией и восприятием институциональных структур в Китае. Это может свидетельствовать о более четко оформленных ценностных ориентациях, где профессиональные сети и институты играют значимую роль в поддержке профессиональной деятельности. При этом отрицательные корреляции между институтом и потоком указывают на то, что китайские специалисты могут отделять формальные институты от более гибких потоков информации и неформальных сетей.

Важно отметить, что различия между российскими студентами и китайскими

ми специалистами могут быть обусловлены не только культурными различиями, но и уровнем профессиональной зрелости. Студенты, еще только находящиеся на этапе обучения, могут демонстрировать более разрозненные ценностные ориентиры по сравнению с уже состоявшимися специалистами, которые находятся в более структурированной профессиональной среде.

Источники:

1. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 49–68. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5.
3. Дерюгин П. П., Юй Ян Ценности как объект социологического исследования: Перспективы сетевого подхода // Труды XIX Всерос. научной конференции Информация–Коммуникация–Общество. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022, С. 365–368.
4. Юй Ян; Дерюгин, П. П. Адаптация и социализация китайских студентов в условиях обучения в российских университетах // Городской социологический семинар: Материалы заседаний 2023 г. Научный и технологический суверенитет современных обществ. СПб: Медиапапир, 2024. С. 37–39.
5. Юй Я. Интеграция китайских студентов в образовательную среду российских университетов (первые итоги пилотажного исследования) // Труды XXI Всерос. научной конференции Информация–Коммуникация–Общество. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 498–501.
6. Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya> (дата обращения: 08.10.2024).

Yu Yang (Saint Petersburg State University);

Liu Tianxi (Saint Petersburg State University)

APPLICATION OF INTEGRATION APPROACH TO ANALYZE THE VALUES OF IT SPECIALISTS IN CHINA AND RUSSIA

The research is devoted to analyzing the values of IT specialists in China and Russia using the integration approach developed by Professor Dmitry Vladislavovich Ivanov of St. Petersburg State University. The article explores how this approach allows to integrate individual and collective aspects within professional activities, contributing to a deep understanding of the social and cultural dynamics that shape professional values in different cultural contexts.

Values, integration, institution, interaction, networks, network approach, students, accentuation

УДК 174.4:174.8:141.201:167.2:331.554

С. В. Якупова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sveta_yakupova13@mail.ru)

НАВЫКИ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

В статье проанализированы экономические, социальные, технологические и цивилизационные факторы, которые обуславливают востребованность ключевых надпрофессиональных / «мягких» навыков, актуальных в ближайшем обозримом будущем.

Деловая культура, мягкие навыки, навыки будущего, искусственный интеллект, цифровизация, рост неопределенности, рынок труда, профессии будущего, медиатизация, электронное общество

Современная деловая культура – это сложный многофакторный социокультурный феномен, включающий в себя традиционные и экономически обусловленные ценности реальной деловой культуры социума, а также ценности цифровой деловой культуры и, как следствие, – нормы, методы, техники и практики коммуникативного цифрового и нецифрового взаимодействия акторов деловых отношений.

На сегодняшний день в рамках новой деловой культуры существует тренд на развитие «мягких навыков», которые в условиях экономических трансформаций способствуют персональному и, как следствие, корпоративному успеху. Согласно тренду, вступая в деловое взаимодействие, будь то трудоустройство, рабочий процесс, профессиональное развитие и карьера, установление и поддержание деловых отношений как на локальном, так и на глобальном уровнях, межотраслевое взаимодействие и т. д. каждый представитель современной деловой среды должен обладать не только профессиональными/hard skills, но и надпрофессиональными/soft skills навыками и компетенциями. По оценкам специалистов, на востребованность «мягких навыков» и их значение в будущем влияет совокупность определенных факторов, анализу которых посвящена данная статья.

Впервые термин «мягкие навыки» возник в армии США в конце 1960-х годов и означал любые навыки, которые не связаны со взаимодействием с боевыми машинами. В 1970-х годах понятие вошло в учебные пособия армии США, в дальнейшем распространилось на все профессиональное образование и в итоге перешло в бизнес-среду [1, С. 41–42]. В настоящее время выделяют четыре основные группы теорий к исследованию экономически ориентированных «мягких навыков»: организационные теории, теории научения, теории лидерства и теории капитала [2, С. 986–988].

Исследованием проблем «твердых» и «мягких» навыков в разное время занимались и зарубежные, и отечественные авторы. Среди зарубежных авторов можно выделить вклад таких ученых как Л. Липпман, Р. Райберг, Р. Карни, К. Мур, Х. Валь, К. Кауфманн и др.; среди отечественных – О. Абашкиной, О. Бариновой, Н. Жадько, Д. Иванова, Ю. Портланд и др.

Прогнозированию роли и значения ключевых «мягких» навыков будущего посвящены доклад 2024 года МШУ СКОЛКОВО «Навыки будущего» [3], отчет «Будущее рабочих мест 2023» Всемирного экономического форума (ВЭФ) [4], проект «Атлас новых профессий» [5], разработанный и запущенный в 2021 году Агентством стратегических инициатив совместно со Школой СКОЛКОВО.

Исходя из анализа вышеперечисленных докладов, можно выделить группы навыков, которые будут востребованы в будущем:

- когнитивные навыки: креативное, аналитическое, системное, критическое и контекстное мышление;
- навыки саморазвития и самоэффективности: способность к (само)обучению на протяжении всей жизни, умение работать в условиях высокой неопределенности и в быстром режиме смены условий задач;
- кросс-культурные компетенции: навык межпоколенческого диалога, мультиязычность и мультикультурность;
- навыки бережного отношения к окружающей среде и ресурсам: экологическое мышление, навыки бережливого производства;
- коммуникативные навыки: клиентоориентированность, навыки межотраслевой коммуникации, умение работать с людьми и в команде;
- технологическая грамотность: программирование IT-решений, управление сложными автоматизированными комплексами, работа с искусственным интеллектом;
- эмоциональная грамотность: эмпатия, активное слушание, психологическая устойчивость, гибкость;
- цифровая грамотность: компьютерная, вычислительная, медийная, информационная и коммуникативная грамотность.

Согласно прогнозам, актуальность и востребованность перечисленных «мягких навыков» обусловлена экономическими, технологическими и социальными факторами. Обратимся к специфике каждого из этих факторов отдельно.

Структурные изменения в экономике. В новых реалиях движущей силой структурных сдвигов в мировой экономике является глобализация, которая как напрямую, так и опосредованно детерминируют спад и рост отраслей национальных экономик. К примеру, в российской действительности в настоящее время, с одной стороны, наблюдается спад угольной промышленности, с другой – IT-сфера показывает наибольший рост среди крупных отраслей, что, в целом, обусловлено переходом от энерго-сырьевой ориентации российской экономики на инновационную.

Изменения на рынке труда: ликвидация невостребованных и возникновение новых профессий вследствие внедрения автоматизированных систем, систем цифрового управления, роботов, информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта. Согласно отчету ВЭФ «Будущее рабочих мест 2023» большинство самых перспективных рабочих мест связано с технологиями. В свою очередь, большинство наиболее быстро сокращающихся должностей относится к административным [4]. В то же время авторы «Атласа новых профессий» выделяют *профессии-пенсионеры*, как рабочие, так и интеллектуальные, то есть те профессии, которые уходят с рынка труда, в частности, смотритель зала в музеях, вахтер, оператор call-центра; библиотекарь, лектор, юрисконсульт, нотариус и др. [5, С. 141, 421].

Развитие искусственного интеллекта (ИИ). Новации современного ИИ, в частности генеративного, приводят к фундаментальным изменениям рынка труда и функционирования компаний. Согласно прогнозам Министерства экономического развития России, к 2030 году ИИ будет внедрен в 95% отраслей с целью роста и улучшения показателей, экономии ресурсов, стимулирования инноваций, ускорения темпов обработки больших массивов данных в организациях, также повышения удовлетворенности клиентов. В связи с этим, с одной стороны, будут востребованы специалисты, которые могут создавать, управлять и обучать ИИ, с другой – привычные профессии также претерпят изменения, так как владение навыком работы с ИИ станет одним из базовых [6].

Медиатизация экономики и общества. Новые медиа прочно входят в жизнь общества, оказывая сильнейшее влияние на характер социальной коммуникации. В 1962 году канадский ученый Маршалл Маклюэн в своей работе «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего» ввел понятие «электронное общество» [7], являющееся стадией развития современного социума, в котором электронные средства коммуникации занимают главенствующую роль. Коммуникационные технологии по Маклюэну обуславливают возникновение социально-экономических систем. Субъекты экономических отношений, к которым относятся государство, коммерческие и некоммерческие организации, потребители, перемещаются в новые медиа и вступают во взаимодействия, характеризующиеся связанностью и равноправием участников, вследствие чего цифровая экономика определяется как «экономика через коммуникации» [8, С. 262, 266].

Рост неопределенности и усложнение мира. В работе «Текущая современность» (2000) британский социолог Зигмунд Бауман выделил главные характеристики постсовременного социума – *неопределенность, мобильность, гибкость, текучесть*. В 2016 году американский антрополог и футуролог Жаме Кашио описал современную эпоху через концепцию BANI, согласно которой, мир хрупкий (brittle), вызывает тревогу и страх (anxious), нелинейный (nonlinear) и непостижимый (incomprehensible). Для того, чтобы

человек мог существовать в мире BANI, ему необходимо вырабатывать стойкость, эмпатию, внимательность и гибкость [9].

Поколенческие изменения. Австралийский социолог и футуролог, автор концепции «поколение Альфа» – Марк МакКриндл, – отметил, что 2025 год знаменует собой появление *поколения Бета*. Бета будут жить в мире, в котором технологии повсеместно интегрированы в повседневность, настолько, что их восприятие цифровой и нецифровой реальности будет практически неразделимым [10]. Между тем, и поколение Z, и поколение Альфа, которые формировались и формируются под воздействием развития новых технологий и современного ИИ, уже сейчас демонстрируют эту неразделимость, выраженную, с одной стороны, технологической грамотностью, с другой – проблемами коммуникативного взаимодействия.

Что касается поколения Z, в настоящее время его представители выступают не только как субъекты обучения, но и как участники современной деловой среды. Однако, важно отметить, что в последние годы в России и мире набирает обороты движение «ни-ни» (NEET: Not in Employment, Education, or Training), которое характеризуется отказом молодых людей от учебы и работы. Рост популярности движения, по прогнозам аналитиков, может иметь весьма серьезные экономические и социокультурные последствия для страны, так как кадровый дефицит ведет к замедлению технологического прогресса, снижению производительности труда и росту социальной напряженности.

Геополитический фактор. Например, укрепление позиций неформального межгосударственного объединения БРИКС, изначально создававшегося с целью углубления экономического сотрудничества стран-участников, но постепенно эволюционирующего в незападный цивилизационный политический проект, в связи с этим выход на политическую арену стран Глобального Юга, с которыми у Российской Федерации расширяются и углубляются деловые контакты в рамках экономического, культурного, политического сотрудничества.

Каждый из этих факторов как в отдельности, так и в целом определяет специфику современной деловой культуры и ее тенденции развития. В частности, что в условиях усложнения мира, а также серьезнейших экономических, поколенческих, социальных, технологических и цивилизационных сдвигов ключевыми надпрофессиональными навыками, по прогнозам аналитиков, станут эмоциональная, цифровая и технологическая грамотность, коммуникативные и кросс-культурные компетенции, гибкость и высокая адаптивность к изменениям.

Источники:

1. Уварина Н. В., Корнеева Н. Ю, Микрюков Ю. В. Soft skills: актуальность, история, перспективы развития // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2021. №4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-aktualnost-istoriya-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 06.01.2025).

2. Marin-Zapata S. I., Román-Calderón J. P., Robledo-Ardila C., Jaramillo-Serna M. A. Soft skills, do we know what we are talking about? // Review of Managerial Science, Vol. 16, p. 969-1000, 2022.

3. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего: что надо знать и уметь в новом сложном мире. URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2017/10/navyki-budushhego-chto-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

4. Infographics // The Future of Jobs Report 2023, 30.04.2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023/infographics-2128e451e0/> (дата обращения: 03.01.2025).

5. Варламова Д., Судаков Д. Атлас новых профессий 3.0. М.: Альпина ПРО, 2021. URL: https://atlas100.ru/upload/pdf_files/atlas_30.pdf (дата обращения: 03.01.2025).

6. Кабышева Е. Это работа для нейросети: как искусственный интеллект меняет рынок труда // РБК тренды, 27.08.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66cc81d89a794728cbe259ac> (дата обращения: 04.01.2025).

7. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / Пер. А. Юдин. Киев: Издательство «Ника-Центр» серия «Сдвиг парадигмы», 2004.

8. Демина И. Н. Медиатизация экономики: аспекты оптимизации экономических медиакоммуникаций в цифровой среде // Вопросы теории и практики журналистики, 2021. №2. С. 253–269.

9. Podcast: Is BANI the new VUCA? with Jamais Cascio // Impact, 26.07.2024. URL: <https://www.impactinternational.com/us/podcasts/podcast-bani-new-vuca-jamais-cascio> (дата обращения: 04.01.2025).

10. Simmons L. A New Human Generation Officially Starts In 2025: All rise for the new age of Generation Beta // IFLScience, 03.01.2025. URL: <https://www.iflscience.com/a-new-human-generation-officially-starts-in-2025-77467> (дата обращения: 03.01.2025).

S. V. Yakupova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SKILLS OF THE FUTURE IN THE CONTEXT OF THE BUSINESS CULTURE OF MODERN SOCIETY

The article analyzes the economic, social, technological and civilizational factors that determine the demand for key soft skills that are relevant in the near and foreseeable future.

Business culture, soft skills, skills of the future, artificial intelligence, digitalization, growth of uncertainty, labor market, professions of the future, mediatization, digital society

---

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета	3
Абабкова М. Ю. Айттрекинг в PR-образовании: расширяя границы профессиональной деятельности	4
Абдаллах Л. Н. Политический PR в условиях кризиса: медиаинструменты легитимации власти	9
Азарова Л. В., Шарахина Л. В. Современные тренды коммуникационной деятельности и развитие PR-образования в условиях медиатизации общества	14
Ананьева Е. М. Герменевтика как политическая антропология	20
Андреева П. Г. Перевод советских реалий в повести С. Довлатова «Заповедник» на английский язык	25
Астахова А. В. Влияние русского космизма на архитектурное будущее	31
Атаманова О. В. Дискурс «сарафанного радио»: основные преимущества и неочевидные проблемы коммуникативного процесса	38
Бабаева А. В. Химера трансгуманизма	43
Баженов С. С. Искусственный и естественный интеллект: сравнение фундаментальных оснований	49
Бакулин А. В., Бакулин Д. В. Цифровой разрыв и его влияние на социальное неравенство: выявление новых барьеров	53
Бакулин Д. В., Бакулин А. В. Профессиональная адаптация выпускников вузов в условиях социальных трансформаций: социологический анализ современных вызовов	58
Бугазов А. Х. Евразийская интеграция как форма политического бытия	63
Быков И. А. Системный подход в исследованиях эффективности политической пропаганды	68
Веллер А. О. Коммуникации винных брендов в медиатизированном обществе: анализ актуальных мировых трендов	72
Волынцев М. С. Петроградская печать о речи А. Ф. Керенского на открытии государственного совещания в Москве	78
Гаркуша В. Н. Современная коммуникация и нейросети	84
Глухих В. А., Кирсанова Н. П. Роль цифровых технологий в трансформации социальной структуры общества	89
Гончаров К. Э. Использование меморативных объектов для конфигурации идентичности пользователями социальных медиа	94

Гулиев А. Я. Роль когнитивных исследований в моделировании будущего	99
Дивненко Ю. В. Лингвостилистические характеристики англоязычного жанра лауреата Нобелевской премии	103
Емельянов С. М. Коммуникационный аудит: понятие, цель, задачи, методы и методологические принципы	108
Жулина Ю. О. Технические умы и цифровое искусство (результаты пилотажного исследования)	113
Журавлева О. М. Образ президента США и культурный код на материале романа Д. Брауна «Точка обмана»	117
Забавина А. О. Цифровое жертвоприношение: кэнселинг	123
Замотин М. П. Механизмы регулирования социальных вызовов в современной России	128
Иванов А. Ф. Аксиологические горизонты науки: новые измерения	133
Ивашковская Т. В., Павлов В. А. Ценностно-мировоззренческие аспекты формирования личности студента в образовательном процессе	137
Игнатъев В. И. Коммуникация «человек-машина» в гибридном социуме: новая социальная реальность	141
Ильина А. В. Многовариантность будущего для искусственного интеллекта: проблемы прогнозирования	147
Исайчиков В. Ф. Многовариантность будущего: социально-биологический взгляд	151
Казаринова Н. В. Субъектность времени	156
Каминский С. И. Видеоигры как инструмент политических коммуникаций в современных гибридных конфликтах	159
Камышина Е. А. Современный руководитель корпорации в цифровой среде: значимость soft skills	164
Ким М. Ш. Историзм в исследованиях цифрового чтения	168
Клягин С. В., Сачкова Е. В., Куренкова А. И. О «мозаичности» философских предпосылок в коммуникативных науках	173
Коленько С. Г., Коленько Г. С. Суверенитет и язык	179
Колобов Н. С. Память без останков: ликвидация субстрата	185
Колянов А. Ю. Техносемиотические ресурсы в социальных науках	189
Корчажкина О. М. Философские аспекты расширения научного знания	193
Кравченко К. А. Историзм в кинематографе: проблема памяти	200

Кринцюс К. В. Прогностическое значение методов классификации и типологии в науках о религии	205
Крутько Д. Ю. Прогностическая функция социальных экспериментов	210
Кудрявцева М. Е. К вопросу о методологии образования профессиональных коммуникаторов в современную эпоху	216
Курапова А. С., Курапов С. В. «Герой» и «антигерой» в образе мышления студентов-казаков (по результатам эмпирического социологического исследования)	221
Куртов С. Ю. Метод ретроспективного прогнозирования устойчивого развития социальной системы	226
Лебединцев Д. А. Историко-теоретические аспекты изучения туризма как социальной мобильности	231
Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Чжан Хайлунь. Социологическое измерение урбанизации в Китае	236
Лисанюк Е. Н. Аргументы от экспертного мнения: обнаружение, анализ и оценка	241
Ломакин А. В. Ленинград встречает Олимпиаду-80. Справка Отдела массовых праздников о мероприятиях Олимпиады, проводимых в Ленинграде (к 45-летию XXII Летних Олимпийских игр)	246
Лю Тяньси, Юй Ян Эволюция социальной структуры в процессе рыночных преобразований: анализ китайского опыта	253
Максимова К. С. Будущее парадоксов электродинамики через призму философско-логического осмысления	258
Максина С. В., Новикова И. Ф. Новации семейного законодательства Российской Федерации	263
Мамина Р. И., Почебут С. Н. Рынок труда в цифровую эпоху: тенденции, проблемы, перспективы развития	269
Маркова Т. Б. Роль книги и новых медиа в сохранении и передаче знаний	275
Матвеев М. С. «Цифровые следы»: интеграция понятия в современную эмпирическую социологию	281
Милецкий В. П., Емелин Я. А. Актуальные аспекты изучения средств массовой информации как гражданского-политического института современного общества	287
Мокеева М. А. Герменевтический подход в формировании целевой аудитории театра (на примере «Где театр»)	292

Московчук Л. С. Этика прошлого, настоящего и будущего в концепции Сеннидда Боулза	296
Наумова Е. И. Просвещение XXI века	300
Нужнов И. Н. Развитие системы военно-морского образования в России в 1906 – 1917 гг.	305
Осипова Ю. С. Предпосылки и историческое развитие глобально-эволюционного подхода	312
Павлов А. В. Перспективы социальной диагностики методом сетевого анализа интеграции проектных IT-групп в организациях, в условиях кризиса рынка труда в России	317
Павлов В. В. О ценностно-мировоззренческом факторе интеграции российского общества в современных условиях	322
Пастухова Е. В., Пастухова Т. М. Нарратив небольших городов и поселков (на примере поселка Большеречье): ретроспективный и перспективный взгляд на историю и современность	327
Пашковский Е. А. Влияние музыкальных произведений на формирование образа Дня Победы	332
Передня А. В. Аксиоматика программного и социального в сетевом общении: реорганизация социального опыта в режиме «онлайн»	337
Перов В. Ю. «Мягкое» управление в сфере этики искусственного интеллекта: моральные аспекты добровольности и обязательности	342
Пирайнен Е. В. Кросс-культурные стратегии налаживания деловых коммуникаций с китайскими партнерами	347
Погожина Н. Н. Коммуникативные и эпистемологические условия производства и распространения научного знания в современности	352
Подорожная Е. А. Герменевтический код рекламных коммуникаций (на примере бьюти текстов)	356
Прокудин Д. Е. Культурологические аспекты популяризации научно-технического знания в образовательном пространстве	361
Рожкова З. И. Научная коммуникация в социо-гуманитарной сфере: вызовы и перспективы	370
Руденко Е. А. О некоторых аспектах украинской антироссийской политики	375
Семенов В. В. Генерал Л. Г. Корнилов как ре-революционер в рамках теоретических построений Е. Э. Месснера	380
Сироткин Ю. Л. Социальная трансформация в антропологическом измерении	385

Скрынская О. А. Проблема выявления ведущих отраслей в экономике Российской империи	389
Степанова Д. Д. Нарративный подход в позиционировании медицинской организации	394
Степанова Н. В. Дискурсивная личность ведущего общественно-политического ток-шоу (на материале «The problem with Jon Stewart»)	399
Стогов Д. И. Воспоминания советского педагога В. Н. Русова как исторический источник	404
Струлев И. К. Инструменты цифровых технологий в современных бренд-медиа	409
Сян Хуайчен архитектура и технологическая поддержка умных городов: опыт строительства умного города из Китая	413
Тарасова Е. А. Установление прямого президентского правления в России (октябрь 1993 г.) и проблема экономической интеграции стран-участниц СНГ	418
Трубникова А. Г. Исследования подходов абитуриентов при выборе специальности и вуза	423
Тузов В. В. Томас Гоббс о факторах устойчивости социальной системы в произведении «Левиафан»	428
Ульяницкая Л. А., Бурчанова А. А. Социолингвистический обзор молдавской диаспоры в Республике Крым	433
Ухатюк Ю. И. «Немецкая национальная церковь» Эрнста Бергманна	439
Фасахудинов В. В. Роль казачьей семьи в современном обществе: социальные трансформации и вызовы социального развития	444
Федоров Р. В. Концептуальное обоснование стратегии геополитического доминирования	450
Фоменков А. А., Капацинская В. М., Быбин М. А. Искусственный интеллект в рамках системы правосудия: наиболее предпочтительные варианты применения	454
Хлыновская С. А. Роль знания в структуре современной миросистемы	459
Хохлова Ю. И. Социальные сети, как определяющий фактор формирования контекста современной новой религиозности	464
Ху Сянюй. Влияние цифровизации на общество	469
Черкасов Д. Г. Отказ Швеции от двухвековой политики нейтралитета	473
Чжэн Сяокэ. Особенности адаптации китайских студентов обучающихся в России (на научной литературе)	480

Шалупов Л. А. Молодежный сленг как индикатор языковых перемен	484
Шарахина Л. В., Шашкова Н. В. Исследовательский дизайн герменевтики в методологической парадигме коммуникативистики	489
Шаталова Н. М., Зикий К. С. Искусственный интеллект в новостной коммуникации: доверие и предвзятость аудитории в медиатизированной среде	494
Щербак Н. Ф. Людвиг Витгентштейн, Жиль Делез, Жак Лакан: революция в лингвистике и семиотике и ее последствия	499
Щербина А. В. Мобилизованные общества: условия, задачи, мобилизационные механизмы	504
Эсселевич Э. А. Трансформация социально-профессиональной идентичности в условиях цифрового неравенства	509
Юй Ян, Лю Тяньси. Применение интеграционного подхода для анализа ценностей ИТ-специалистов в Китае и России	513
Якупова С. В. Навыки будущего в контексте деловой культуры современного социума	516

Труды
XXII Всероссийской научной конференции
с международным участием
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2025)

Санкт-Петербург, 23 – 24 января 2025 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Учебно-научном центре социальных исследований
Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Материалы представлены в авторской редакции

www.ics.ru

